

ИВАН ПЕРЕВЕРЗИН

Я ПРИШЁЛ, ЧТОБ ТЫ МЕНЯ ПРОСТИЛА...

* * *

Не буду помнить ни о чём,
чтоб не жалеть, однако,
жизнь, пролетевшую с огнём
по закоулкам мрака.

Всё было: и печаль, и боль,
но для того, чтоб, выжив,
я твоё имя через боль
на сердце кровью выжег.

Я стал героем вечных слов,
и мне, поверь, не страшно
ни умирать среди снегов,
ни воскресать на пашне.

Люби меня! Люби, люби!
Но в гневе очумелом
так бесшабашно не руби
сук, на котором села!

ПЕРЕВЕРЗИН Иван Иванович — выдающийся русский поэт, чьи стихи были впервые напечатаны в нашем журнале с благословения Юрия Кузнецова в 1993 году и творчество которого за истекшее время было высоко оценено Львом Аннинским, Феликсом Кузнецовым, Владимиром Бондаренко, Ильёй Глазуновым и многими другими писателями и деятелями культуры. Лауреат многих литературных премий.

Сорвёшься, рухнешь — пропадёшь!
Но и любовь с собою
во тьму глухую унесёшь,
а я ведь счастья стою!

Вовек не вспомню даже дня
из прошлого — и ладно...
Ведь ты надежда для меня —
так будь ей безоглядно!

* * *

Ну, вот и всё... Я вроде жив,
по крайней мере, сердце цело,
хотя как будто страшный взрыв
разворотил до крови тело...

Тошнит, трещит башка, в глазах
темным-темно, как тяжкой ночью.
Но это не рождает страх
и не бросает в дрожь сорочью...

Пусть лишь по голосу, но я
тебя узнал всю — до морщинки.
Да не дрожи так, боль тая,
и с глаз утри скорей слезинки.

Теперь, когда со мною ты,
быстрее пойдёт выздоровленье,
ведь для меня нет красоты
прекрасней, чем твоё прощенье...

* * *

О, как мне сумасшедше больно,
ну, словно по кострам иду.
И сердцу хочется невольно
забыться в золотом бреду.

Но кто же так меня обидел?
Да сам я, сам, что глупо вновь,
решил, покой возненавидев,
всю жизнь поставить на любовь!..

* * *

Продолжаешь играть в унижение,
обижаясь сильней и сильней...
Бог с тобой... Только этим прощенье —
вряд ли сыщешь у песни моей.

Всё снесу, даже злую разлуку,
что уже притаилась в тиши...
Только сколько меня ни аукай,
не вернусь я по воле души...

Не храбрюсь, не блефую — подавно...
Смысла нет в ступе воду толочь.
Без тебя вдохновенно и славно
дышит светом и нежностью ночь...

ЗОВ КРОВИ

Твои глаза в мои глаза
проникли да последней сути,
когда молчать уже нельзя,
иначе нас Господь осудит...

И говорим друг другу вновь
мы о любви в ночи бессветной,
и слышим крови жаркий зов,
и на него спешим заветно...

И забываем смертный страх,
в друг друга прорастая плотью,
и в наших искренних словах
мы волю чувствуем Господню.

* * *

Давным-давно не знаю счастья,
поскольку в горе лишь люблю
с невыразимо светлой страстью
ответность девичью твою...

Об этом думай иль не думай,
но сам собой встаёт вопрос:
“Неужто жизнь и впрямь угрюма,
как будто небеса без звёзд?”

Отвечу искренне, спокойно,
ну, словно в церкви, на духу:
“Порой я так живу греховно,
что в сердце места нет греху...”

* * *

Откуда ты взялась? Зачем, зачем явилась?
А может, просто лишь нечаянно приснилась?
Неважно, ибо я невиданно люблю,
да сильно так, что о тебе одной пою
на страстном выдохе пылающей души
и в громе яростном, и в заревой тиши.

А я ведь не свободен: как канатом,
повязан напрочь заклинаньем святым —
жить с женщиной другой до крайних дней.
Его нарушить — значит, жизнью всей
как будто опуститься в мрак кромешный,
и навсегда остаться в бездне грешной...

Вот и попал я в сети, словно роком
расставленные, то есть счастье боком
мне вышло... А за что? Когда бы знал...

Но пусть в глазах проклятых злопыхал
я буду подлецом в сей жизни сумасшедшей,
но не посмею жить в любви, навек сгоревшей...

* * *

Мы молоды, но духом, а не телом,
и это, — что ни говори, — печаль.
Как будто речка напрочь обмелела —
и про неё навек забыла даль...

И осень сердце хлещет листобоем,
и время быстрым соколом летит...
Но всё же нас, родная, нынче двое,
и наш закат вдвойне сильнее горит!

* * *

И опять я, как будто в бреду —
ни себя, ни тебя не найду
в этой жизни, чугунно гудящей.
Только время летит и летит —
наплевать ему, чем так болит
моё сердце угрюмо-садняще.

Не за то ли, что я в самом деле
мог любить вдохновенно и смело,
суждено мне платить маевой?
Ну, и что? Заплачу — не подохну!
Лишь бы знать, что не зря снова сохну
по красавице, пусть и чужой...

Вот и выдал тебе, словно спьяну,
свою чисто сердечную тайну...
Не дурак ли? Нет, просто поэт,
что с открытой душой нараспашку
воспевает и смерть, и ромашки —
вдохновенно, как темень и свет.

Сожалею об этом? Нисколько,
ибо, как расставаться ни горько,
вера в новую встречу тверда!
А случится она, или просто
я душой от любви взмою к звёздам —
всё равно не пройдёт без следа!..

* * *

Я пришёл, чтоб ты не уходила,
не на час пришёл, а навсегда.
В небе, словно чёрные чернила,
темень непроглядна и густа.

Ветром потянуло из долины,
заклубился над рекой туман.
Снова ты заговорила длинно —
про измену, грубость и обман...

Слушай, если б все свои ошибки
до конца душой не осознал,
разве бы вернулся, мучась шибко,
разве бы любви твоей желал?

Понимаю: давят грудь обиды...
Только ведь и душу жжёт тоска,
если ты хоть день меня не видишь,
если ты от дома далека...

Успокой гордыню в гордом сердце,
улыбнись мне лучезарно вновь.
Всё проходит, только не бессмертье —
без него бессмысленна любовь!

В небе, словно чёрные чернила,
темень непроглядна и густа.
Я пришёл, чтоб ты меня простила,
не на час пришёл, а навсегда!

* * *

За то, что смог тебя обидеть,
я тыщу раз уже, поверь,
себя нещадно ненавидел, —
и ненавижу, будто зверь.

Но знай без всякого сомненья,
что в наступающем пути
мне важно не твоё прощенье,
а твёрдое моё: “Прости!”

ТАТЬЯНА ГРИБАНОВА

МАЛЬВА

РАССКАЗ

I

Вторые сутки без передыху гуляла у Потаповых свадьба. Степан Семёныч с размахом женил старшего. По всему было видно, невестка пришлась ко двору: пятистенка набита до отказа сватами, кумовьями да сродниками. И для пришедших взглянуть на молодую, а то и подруливших просто ради даровой вышивки хозяин расстарался, собственноручно выкатил из-под сарайки флягу своейской — угощайся, хуторские, знай наших!

Под грушенку, на сбитые на скорую руку, покрытые нарядными клеёнками тесины-столешницы под командой жениховой тётки Галины беспрерывно металась тарелки и миски с закусью. Никто не остался без угощения, никто не почувал себя обнесённым на этом широком застолье.

Даже дышащие на ладан бабки Кузьминична с Егоровной не сдержались, порывшись в сундуках, вытащили из-подо дна дышащие нафталином наряды: “престоловские” шерстяные подшалки, штанельные в тёмный огурчик юбки, обористые занавески.

Пригубив по рюмашке красненькой, попробовали-оценили потаповские щедрые разносолы и, уступив место подтянувшимся, уселись в ожидании на лавку под сиренями — время от времени свадьба выплёскивалась на подворье, гомонился потерявший всякую стройность корогод. Гармонисты, сменяя друг дружку, уже путали “Барыню” с “Цыганочкой”, и их рядком укладывали в саду на свежескошенную отаву.

ГРИБАНОВА Татьяна Ивановна родилась в деревне Игино на Орловщине. Окончила Орловский пединститут. Автор нескольких книг стихов и прозы. Лауреат Губернаторской премии (Орёл), премии им. Е. И. Носова, премии им. А. Платонова “Умное сердце” и др. Живёт в Орле.

Припозднившаяся бабка Мальва угостилась наливочкой и, прихватив кусок яблочного пирога, отошла к товаркам на лавочку.

В это самое время толпящийся на крыльце люд расступился, и из душевой хаты протиснулись молодые. Невеста — девчоночка девчоночкой, лет семнадцать. Сашке, жениху, — под четвертак, пора уж, пора-а!

— Микитична, сказывают, так и не смирилася, темней тучи! — поспешила сообщить новость подружкам Егоровна, — на порог, говорит, Людку не пушшу, а уж Сашка́ тем боле!

— И чтой-то она на его узъелася? Вроде не мозгляк худой... малай как малай. И Людки ейной не хужей. Всё при ём, — поддержала разговор Кузьминична.

— Да как же не осерчать! Вить и взаправду, спозорила девка Микитичну, ой, спозорила-а-а! Брюхо-то — выше носу! Ишь, в белое обрядилася! Какое там белое-то? Стыдоба-а-а! И Микитишне — не запить, не заесть!

— Загундосила! Ну, и что с тово? Что теперя, ай в моток девке сить? — с обезоруживающей простотой, не дав отвести сплетнице душу, встряла бабка Мальва. — Всё чин чином... Потаповы от своо дитя не отказалися. И Сашка в ей души не чаёт, ай не видно? Сказывают, смертным боем с зареченскими ребятами за неё бился. А ты, девка, — Мальва покачала головой, взглянула на Егоровну, — язык-то поприкуси, чужим грехам счёт не веди... Впору бы свои не забыть... да успеть отмолить. Нечево девку ханить! Разу́й глаза-то: с головы до ног счастливая, вишь как сияет... ажни слезой меня, старуху, прошибло... Прямо из себя выводись! Запаятовала, стопроцентова́я девушка, как со своим Прошкой стакалась, во скоко годиков ворота ему отворила? Кажись, нам с тобой, подруга, не боле, чем Людмилке, было, кода я коло вашего сенника в сторожах сидела, а ты с Прошкой миловалася... када он тебе Серёжку-то скоростелил!

— И-и-и! Нашла об чём вспоминать-то! — отбоярилася с ухмылкой, замахала руками Егоровна. — То в какие годики было?!

— А и правду, что теребить-то теперя, бабоньки? У меня и самой, может, рыльцо в пушку, — Мальва встала, не оглянувшись на опалевших товарок, оправила юбку и пошагала к крыльцу, дав понять, мол, не о чём тут и говорить боле.

Протиснулася сквозь свадебных, поклонилась молодым за угощение, нажелала им три короба добра и потопала к воротам.

...А вот уснуть бабке Мальве так до самого свету и не удалось. Нахлынуло-о!

II

Род Силиных испокон веку жил на хуторе Степном, в двух верстах от Козловки. Прапрадед Лёхи, мужичок оборотистый, выкупив вольную у барина Казюлеева, поселился на заброшенном суглинке, заложил недалеко от деревни хутор.

Сколько годков минуло с тех пор! Сколько вёсен тальми снегами шумнуло в Кромю-реку! Сколько трав полегло под литовками Силиных на пойменном лугу, сколько журавлиных косяков откурлькала над разросшимся в дожину дворов приречным хутором, в котором все — Силины. Все — родня!

Лёхин отец, Павел Семёныч, осенью сорок первого, не успев допахать под озимые, прямо с поля ушёл на фронт. В составе первой гвардейской танковой Катукова вошёл в Берлин. Не раз со своей машиной горел, но Бог милвал, вернулся — грудь в орденах! — с осколком в лёгких, но живой.

А в сорок шестом, под зимнего Николю, за ситцевой занавеской бабка Авдотья приняла на руки его первенца, названного в честь пращура, хозяина хутора, Алексеем. Через пару лет Господь послал и дочку Светланку.

В послевоенные годы, устроившись в МТС, Павел Семёныч перепыхал холмы и взгорья на сотни вёрст в округе. Светланка при мамке, а Алёшка, перекинув в сумке учебники, мчался к отцу на пахоту. Тот и рад — сын к делу тянется. “Тракторист из тебя, Лёха, — что надо, — подбадривал Семё-

ныч мальчишку, — машину чуешь, это — главное! А сноровка, — она с годами проявится”.

Пришли и сноровка, и хватка. Лёха с завязанными глазами мог разделять под орех, в пушинку, любое самое заковыристое поле. Да и служба в армии (в танкисты, по батиным стопам, напросился) дала немало мужицкой закалки.

Хуторские Силины извечно приводили жён из окрестных деревень.

Пришёл срок, заженившись и Алексей: с вечера начистится, нагладится, чуб зачесет, и — в Козловку, в клуб.

— Ты уж гляди там, сначала головой думай, опосля другим местом! — поучала вослед мать, Александра Тихоновна.

— Ну, ты и даёшь! — отмахивался Лёха.

— Чего даёшь, чего даёшь? — не отступала напористая Тихоновна. — Знаем мы вашего брата!

Как в воду матушка глядела...

Служить уходил, Машка Спиридонова — малявка малявкой, он и внимания её не устаивал. А вернувшись, появился первый раз на танцах и сразу на девочку глаз положил. Очень уж приметная: норовом бойкая и с виду — что надо. Статная! Платьице в оборочку, косынка по плечам розовая.

Котыка, дружок закадычный, подтрунивал: “Зря не пялься! Малолетка, только из школы. Да и в техникум собралась. Такую вожжами не удержишь. Кобылка не объезженная, норовистая!”

Но так уж, видно, стало Богу угодно: приглянулся девке армеец (Лёха всё ещё в форме расхаживал: старшиной не каждый домой возвращается). Сама подошла... А как к такому не прикипеть? Сажень косая в плечах, на турнике за клубом такие фортеля выкидывал — никому не под стать.

Как-то сговорилась проказница с гармонистом, дедом Степаном, только Лёха на порог, а она — в круг. И пошла! Да с выходкой, да с дробями. Косыночку за спиной, что касатка крылышки, раскинула, натянула, вот-вот взлетит! Плясала-порхала по пяточку, а потом остановилась против Лёхи да давай частушками заковыристыми сыпать, паренька подшкеливать. Как, мол, перебеёшь мои дробиночки?

*Как за речкой за Кромою,
Где черёмуха цвела,
Начались у нас с тобою,
Друг, сердешные дела.*

Лёху голыми руками не возьмёшь! Вихрем с места сорвался, руки за голову, и вокруг танцорки гоголем, да вприсядку, только сапоги вперебой с девчоночьими каблучками спорят, поскрипывают. И язычок — не обрежься:

*Взял бы я тебя на ручки,
Посадил тебя на печь —
Таких девушек красивых
Лучше дома приберечь!*

Напирает Лёха на Машутку, кружит, передыху не даёт.

А та — носик кверху, головку чуть в сторону, струна струной, аж звенит! Даже росточком повыше стала. Воссияла — маков цвет. Руками повела, раздвинула.

— А ну, шире круг, мы тут надолго разошлись.

— Держись, забияка, поглядим, кто кого!

— Гляди, да глазки не поломай! Допляшешься! — послышался голос из толпы. — Присушит девка — век под её дудку плясать станешь!

А Маша не смолкала:

*На Святой неделюшке
Повесили качелюшки.
Сначала покачаешься,
Потом и повенчаешься!*

— Ну, это мы ещё посмотрим! Ишь, чего захотела!

Не плясали, а разговаривали, не разговаривали, а договаривались. И не было сомнения у глазевших: пара! Ещё какая пара! Смотреть — не оторваться.

И танец не закончился, а уж Маша с Алексеем понимали: запыхаются эти перегонки, выйдут они за порог клуба и никогда не разойдутся их стёжки. В тугой узел связала их эта пляска, оттанцовывают последние холостяцкие деньки.

Июньская ночь — неспелая, нежная. Густо пропахшая доцветающей сиренью, ароматами молодой, ещё не пропылённой листвы, духом входящих в сенокосную пору луговых трав. Светло даже в такую глухую пору. Машутка с Лёхой, обойдя не раз закоулки деревушки, наконец-то добираются до крайней хаты. Вдали, сквозь тончайшую кисею тумана, проглядывают заросли черёмух, скрывающих Лёхин хутор.

— Пора, а то, глядишь, и до дома тебя допровожаюсь, — замечает Маша и поворачивает обратно.

— Ну, ещё чуть-чуть, — принимается уговаривать девчонку Лёха и усаживает на лавочку у Котькиного палисадника.

С Котькой Смирновым они не разлей вода. И под кручу за пескарями вместе; и в школе за одной партой; и поглазеть из лозняков на девчат, что плещутся нагишом после покосов на омутке, и повсхлипывать друг у друга на плече от лозинки Силлина-старшего, не спускавшего эдаких проделок ни своему отпрыску, ни сынку друга Михаила, погибшего в далёкой Польше, на подступах к Кракову.

Но сейчас Лёха помнит, что шалопаистый товарищ его в одиночку отправился на Чунаиху, в другой конец деревни, до самой зорюшки промиляется с какой-нибудь очередной любовью.

Оттого ли, что Лёха знает: вокруг — ни одной живой души, а может, оттого, что Маша, доверившись ему, забрела чёрт те знает куда, сердце парня выпархивает из-под гимнастёрки — не удержать.

— А как Архиповна выглянет? — косясь на окна, настораживается девчонка.

— Не бойсь, куда ей! Обезножела тётка Марья. Неделю, как у дочери обретаётся. Котька один свирелствует. Архиповна полезла в сараюшку на сеновал — гнёзда куриные обобрать, а верхняя ступенька у лесенки возьми да и обломись. Яйца, что в фартуке придерживала, — вдрызг, и тётка помялась — нога в гипсе. Котьке, конечно, за недогляд выпала: лесенку-то ещё дядька Михайло сработал, подгнили перекладины.

— Котьке твоему, что плимутроку племенному, не до хозяйства. Кто ж заместо него девчат по углам тискать станет? Без такого ухаля с тоски поумирают.

В росном палисаднике гремит соловей. Золотые жуки-светляки фланируют в зарослях мальв. Их безудержное цветение всегда совпадает с самыми пугливыми, самыми короткими ночами, когда на прозрачном, едва при-тхшем небе до мельчайших подробностей просматриваются горные вершины облаков.

— Небеса-то какие улыбочивые, — Маша кивает на бирюзовую, так и не соскользнувшую с горизонта зарю.

— За нас радуется, не тает... Переживает: ночь промелькнёт... А я тебя и не поцеловал, — Алексей пытается обнять девчонку.

— Вот ещё! — фыркает девушка. Вскокивает, отбегает в заросли палисадника.

Мальва, как есть — мальва! И впрямь приворожила. А стан! Крепкий, тугой, того гляди — платье по швам разойдётся. Не смотрит, а брызжет влажным огнём насмешливых глазниц.

- Почему тебя Мальвой не назвали? Такая же стройная, такая же...
- Какая такая?
- Настоящая, — смущается Лёха.

Лунная дорожка, сходящая в палисадник, тянется к реке, вдогонку за выскользнувшей Машей. Над кустами ивняка мелькает газовая косынка, а парню чудится: невидимый ветерок расхулиганился, оборвал, подхватил перламутровые мальвовые лепестки и закружил над поймой крошечным ярким пламенем.

Убегает Машутка от Алексея и не ведает, что стремится ему навстречу... навстречу своей судьбе.

III

От неожиданности она резко останавливается. Котькина баня так обросла ивняком, что мало кто и помнит о её существовании. Сбегающая к реке стёжка вдруг упирается в её замшелую стену. Откуда может девчонка с дальнего урынка знать об этой ветхой баньке?... Ноги сами привели.

Лёха, спускающийся вслед за Машей, загодя готовя для себя оправдание, шепчет: “Видать, судьба... от неё не увернёшься”. Знала бы ступившая на эту тропку Маша, сколько девчоночьих и Котькиных тайн покрывают брёвна допотопной баньки. Лёха догадывался, но никогда не расспрашивал своего друга о сердечных похождениях.

Смекнув, наконец, что забрела невесть куда, да и вообще зашла для первого вечера с этим армейцем слишком далеко, Маша, зная, что следом спускается Алексей, сворачивает напрямки, через краснотал, но спасительную лазейку, предвидя девичью хитрость, перегораживает предусмотрительный Алексей.

— Ну, что ж забоялась? Такая смелая, а тут струхнула? — Лёха понимает: не будет напористым — навсегда упустит шанс, который предоставил, может быть, сам Господь, — упорхнёт девчонка в город, там ребята шустрые, не прозевают, миг окружат, мимо такой попробуй пройди.

— Ничего не струхнула, — щёки девушки охватывает нарастающий пожар.

Лёха подступает совсем близко и сгребает девчонку в охапку.

— Дурочка, ты моя, успокойся. Не обижу.

Маша пытается вырваться, но где ей справиться с такой силищей!

— Не дёргайся, сказал же — не обижу... Нравишься ты мне... очень... Скажешь: не люб — сам отпущу и ни в жисть не подойду.

Алексей склоняется и первый раз за вечер целует Машу в губы.

От дерзкой девчонки, смело подковыривавшей его пару часов назад при всём честном народе, можно ожидать чего угодно: такая и драться кинется — не моргнёт, а уж оплеухой одарить — плёвое дело, в конце концов, может и раскричаться — голосище-то вон какой звонкий!

Но то, что девушка протянет и нежно положит дрожащие руки на его плечи, сначала робко, а потом с нарастающей страстью станет отвечать на его ласки, Алексей наверняка не мог предвидеть.

Уже зародившееся, но тщательно скрываемое чувство этой совсем ещё юной девушки вдруг прорывается, выплёскивается, устремляется навстречу ошеломлённому парню, окрыляет его, и он, оторвав Машу от земли, не переставая целовать, кружит вместе с нею на тесной лужайке.

— Я и сам струхнул, прямо земля с-под ног уходила, весь вечер не знал, как подступиться... Уж больно озорна, — признаётся, смущаясь, Лёха.

Маша ничего не отвечает, молча обнимает его, и теперь уже сама жадно целует. Долго, ненасытно, словно измучилась, дожидаясь этой ночи.

Так и стоят, крепко прижавшись друг к другу, час, а может, два. Кто считал? И целуются, целуются...

Наконец, Лёха чувствует, что руки его, блуждая в шелках девичьего платья, перестают встречать препятствие, и мягкие, податливые девичьи губы, раскрывшиеся лепестки мальвь, распухают от поцелуев. А груди — эти ещё никем не тронутые, наполненные ароматами молодости и свежести цве-

точные бутоны, — напрягаются и замирают. Алексей на мгновение, всего лишь на мгновение отстраняет Машу, чтобы только взглянуть в её горящие глаза, увидеть подтверждение, не ошибается ли он в своих догадках, и тут же тонет в их омутах на веки вечные.

— Идём, — уверенным движением Алексей берёт девушку за руку.

Она не отдёргивает её, не капризничает, а уверенно ступает в отворённую парнем дверь.

С детских лет банька эта — потаённое место двух закадычных друзей. Лёха знает: протяни руку на полочку у правой притолоки — тут же нащупаешь спички да парочку свечных огарков. Но к удивлению, Котька обустроился за время Алексеевой службы основательно. В полумраке рядом со спичечным коробком парень обнаруживает керосиновую лампу. Удивляется: “Запасливый, чёрт!”

Маша проходит к полкам, присаживается. В полумраке лица не разглядеть, свет керосинки, проникающий сквозь приоткрытую дверь предбанника, ластится на её высокой груди, перебирает перламутровыми пуговичками. “Попробуй, доберись! Что кнопок на гармонии”, — дивится Лёха.

— Фитилёк — то притаи, — шепчет Маша пододвинувшемуся парню.

— Что ж это я! Погоди минутку, щас! — спохватывается тот и кидается к двери. На боку баньки, на скобке, — литовка, Лёха не раз помогал другу смахивать приречный лужок.

Через пару минут он уже возвращается с увесистой охалкой полусонных одуванчиков. Керосинка еле тлеет, войдя с широкого лунного света, парень наощупь проходит к полкам, раскидывает траву. Обвыкаясь глазами, тянется к Маше, и вдруг настороженный слух отчётливо улавливает, словно сыпанул кто на прожаренные банные половицы пригоршню каляных переспелых горошин — щёлкают, подскакивают под ноги, не удержавшиеся от девичьего порыва пуговицы...

— Погаси, погаси лампу-то! Ну её к лешему! — шепчет девушка.

Луна переваливает за крону высоченного осокоря, приотившего забытую всем миром баньку. Бледный незабудковый свет просачивается сквозь отзынутую дверь.

— Ишь... подсматривает! — то ли шутит, то ли обижается Машутка.

Прикидывает наготу измятой их жаркими телами травой, словно прчется в сатин матушкиного лоскутного одеяла.

Тянет молоком свежескошенной луговины. Но к знакомому с малых лет духу июньских трав примешивается новый, неведомый ранее томно-сладостный, горьковато-солёный аромат любви. Пропитывающий насквозь, проникающий в каждую клеточку, дающий право с этой ночи ощущать себя не только женщиной, но ещё и счастливейшей из счастливейших. А самое главное — мамыны упреждения и разговоры “об этом” с глазу на глаз остаются где-то далеко-далеко, в отлетевшем девичьем девичестве.

И ненасытные губы, и всё ещё по-детски нежные, незагрубевшие, покрытые мелкими прозрачными солоноватыми бисеринками сосцы, и изласканные до хруста в косточках, до последней мочушки плечи, и наконец-то расслабившиеся крутые, с чуть приметными ямочками бедра девушки, перепачканные, забрызганные терпким и горьковатым соком измятой зелени, не дают покоя неугомонному Алексею.

Есть среди густых ароматов этой чудной ночи тончайший, едва уловимый, до головокружения заманчивый — запах мальвы, запах юного девчоночьего тела, впервые познавшего мгновения плотской любви. Он будоражит и влечёт, неотвязно манит и зачаровывает, вспенивает и взметает в Лёхе безудержные волны желания обладать этой потрясающей девушкой вновь и вновь, пока не обмелеют все реки, пока не иссушатся все родники его страсти.

— Это когда ж такие отрастить успела, между алгеброй и физкультурой что ли? — подшучивает Лёха, выразительно посматривая на раннеспелые, не по-девичьи броские Машутины груди, наливными яблоками закатившиеся в сомлевшую зелень.

— Всё просвирик-секретник, мальва твоя разлюбозная...

Как собралась Валюшка Тимонина замуж, так скорей — к бабке Куделихе. Та и давай взвары плоскогрудой Валентине стряпать. Валюшка-то по секрету сказывала: зальёт старая ложки три сухих корешков просвирика тремя стаканами ключевой водицы и кипятит в саду на каменке минут пятнадцать. Процедит. Пошепчет, конечно, не без этого. И пей, милая, по полстакана три раза в день до еды. А коль на ночь из того же взвара компрессы на грудь не позабудешь — так откуда что возьмётся. Валентина уж третьего выкармливает. А всё мальвочка-просвиричка, спасительница бабья.

Мы, малкосня, не ведая, отчего красота девичья зреет, днями просиживали в зарослях мальвы, в куколки играли, “пуговки царские” собирали. Приладишь к распущенному венчику-юбочке бутончик-головку — и пупсик готов. Наиграемся, крошечных пышечек-просвирик, — помнишь, калачики такие в пазухах листьев запрятаны, — наедемся и домой не торопимся, просвириками сыты. А то надерём их в подол, и ну проставляться, во что-нибудь на них играть. Победителю — общая куча калачиков.

Я заводная, везучая, ловкая. К вечеру, бывало, набью карманы сладковатыми пуговками — и домой. Мама только подтрунивает: “Самая девчоночья еда! Щёлкай, девонька, проскурки-лапышки на здоровьице! И конфет не надо!” Ириски, да и только — клейкие, склизкие, сладковатые. Вот и нащёлкалась, налакомилась на свою голову, — стесняется Маша, косясь на свои достопримечательности.

— Да что ты! Красотища-то какая! Такое достояние беречь-лежать надобно!

И Лёха в который раз склоняется к любимой, играет тут же откликнувшимися, вздрогнувшими сосцами, губами собирает и откидывает былинки — грех скрывать за ними такое великолешие!

Одним небесам ведомо, как и откуда возникает настоящая любовь и что приносит с собой...

Рядом же с этой девушкой Алексей вдруг почувствовал: что-то в нём напроць изменилось, исчезла вольная бесшабашность, и он уже никогда не сможет быть с другими. Лёха словно разом определился: вот она, единственная и незаменимая, и не надо больше никого искать, всё в ней одной слилось. И чувство это поглотило парня настолько, что уже и не сомневался: Маша предписана ему судьбой. С нею хотелось быть единым и в жизни, и в желаниях, и в молитвах. Всё: и этот задиристый, чуть опалённый июньскими покосами носик, и распадающаяся надвое непокорная чёлка, и крепкие икры длинных ног, и исцарапанные колочками неселого крыжовника, спешно прибирающие раскидистую косу руки — вся она, весь вид её будоражит и будит в нём живой отклик. Собирает и подтягивает его, окрыляет и призывает цвести. Алексею повезло — любовь его освятил сам Господь, своею искрой воспламенил желание служить этой женщине, жить только ею.

А Маша настолько счастлива, что пока ещё и не может осознать широту захлестнувшей её любви к Алёшке Силину.

IV

Прибравшись, наспех отыскав раскатившиеся пуговицы, притворив двери баньки, оставив на её памяти тайну промелькнувшей ночи, Лёха с Машуткой сбегает в пойму.

Оросившийся рассветными туманами шелковисто-лёгкий лик неба постепенно перетусшёвывается в бледно-лиловый, с едва лазоревым бахромчатым краем над восточным окоёмом, над правобережными заливными лугами.

На душе у Алексея легко и просторно. Невесомы и широки, безбрежны небеса.

Маша, прикрывая пустые петельки платья, завязывает на груди широким бантом прихваченную (теперь уже из девичества) косынку.

— Пора, Лёшенька, мамка теперь задаст!

— Какая мамка? Ни на минуту не отпущу!

Когда влюблённые выбирают на просёлке, над округой зацветает заря. В ранней лазоревой вышине расплзаются тончайшие белёсые линии. А когда Силин хутор, выглянув из-за Черёмухова овражка, оказывается как на ладони, молочные линии на знойном небе, словно на ясном морозном окне, принимаются играть — обрастать перьями и коготками, всевозможными былинками и муравками. Ближе к горизонту выстраиваются в башенки и хребты, перепутываются и снова выстраиваются в звенья. В отсвете выкатившегося жемчужного шара порхающие перистые облака отбрасывают на землю серебристый блеск. И Алексею чудится, что Маша, его Мальва, в своём шёлковом, отливающим неземным блеском платье сошла с этих великодушных небес.

Тихоновна, спровадив Красавку в росы, ещё издали заприметила своего Алёшку. Только с кем это он?.. Ай Петра Спиридонова Машутка? Так и есть. “Ах, ты Боже мой, ить девчужка совсем, — всё поняло, заволновалось материнское сердце. — А может, оно и к лучшему... вроде, не слышать об ней ничего хульного, не разбалованная... да и ладненькая... внучонков так же принесёт!”

— Здравствуй, мама... Красавку свела? — захорохорился Алексей.

— Здравствуйте, тётя Саша, — зарумянилась Машенька.

— Да как какая уж теперь “тётя”? — досмотрев пустые пуговичные петельки, покачала головой Александра Тихоновна. Разом отрезала: — Дочкой, небось, пришла? Мамкой и зови... Отоспитесь, — кивнула Алексею на сеновал, где он всегда ночевал летней порой, — опосля и потолкуем.

Только часа через три, когда сквозь щёлки тесовых стен сараюшки просочился запах пирогов, Маша с Алёшкой опомнились: есть страсть как хотелось!

— Ну, в сарайке не отсидишься! Родные мои хоть и праву крутого, но отходчивые, — успокаивал любимую Алексей, — да и меня знают: коли привёл, значит, не отступлюсь, лучше миром поладить.

А Тихоновна и не думала фордыбачиться. Пока молодёжь досыпала, умаслила расшумевшегося было мужа, приняв на себя первые громы.

Наспех обрядившись в чистое, сбегала на Козловку, мол, к Валентине Сорокиной, товарке своей, поспрошать, как это та настрогалась без опары такое пышное тесто заводить, а заодно через забор потолковать и с Катериной Спиридоновой, Машуткиной матерью. Хватилась, небось, девки-то!

— Как, Катюш, поживаешь? — зашла обходным путём Тихоновна. — Картохи-то у вас, гляжу, дружно цветут. Огурчики ранние не пошли?

— Да что ты, Шура! Только плети раскинули, недельки через две, не ране.

— Как сама?.. Как детки? — приближалась к причине своего визита Лёхина матушка.

— Поясницу было разломило, да к Куделихе Машутку спровадила. Та какой-то мази злощей... чай, на тараканах да пиявках насурошила — отлегло... А ребятишки... что им поделается? Дрыхнут в светлице... Пока под мамкиным крылом, отсыпаются.

— Все ли под крылом-то? — улыбнулась Тихоновна. — Может, кого не доглядела, наседка?

Катерина насторожилась, резко двинулась к хате. Откинула занавеску распахнутого окна. Заглянула внутрь и в недоумении оглянулась.

— Ты, Шура, не ходи колесом, давай напрямки.

— А я уж битый час пытаюсь намекнуть, да всё не получается: сватов на Петров день встречайте, у нас дочка-то ваша. Так-то вот: была ваша, стала наша, — хихикнула Тихоновна, но, сжалившись над остолбеневшей матерью, с сердцем добавила: — Да не кручинься ты, Кать, Алёшка у меня сговорчивый, жить станут ладно, да и добрый он, комара не пришлёт, а уж дочку твою, коли сам привёл, пальцем не тронет... Да и мы с Пашей супротив их счастья не станем... Ну, так готовь к воскресенью-то, — с тем и отбыла.

А Катерина ещё долго не могла сдвинуться с места. Опомнившись, рванула в Лисий ложок — огорошить мужа, отправившегося спозаранку на

косовицу. За неблизкий путь успела и погрозиться, — пускай, мол, только явится гулёна! — и напричиталась вдоволь, а уж когда до своей делянки добралась, весь пыл сошёл.

— Радость-то какая, Вася! Машенька с Лексеем Силиным поладили. Шура намекнула, на Петровки сватов, мол, дожидайтесь, — и, не давая опомниться Василию, заключила: — Ну, и ладно... ну, и хорошо... парень-то он знатный. Дай-то Бог!

А Тихоновна в это время потчевала будущую невестку пирогами со щавелем. Алёшка понимал: коли мамка пироги затеяла, значит, в духе (к тестю без настроения не притрагивается), а значит, всё у них с Машей будет хорошо: и отец перестанет сердчать “за скороспелость решений”, и предстоящее сватовство как по маслу пройдёт, и если подсуется, глядишь, до Успенского поста со свадьбой управятся. И заживут они с Мальвой!..

И зажили б... если бы аккурат после уборочной на вспашке зяби в Кривой балке не напоролся бы Алёшка Силин на столько лет ожидавшийся своего часу противотанковый снаряд...

Но Господь не оставил молодую вдову без милости, обласкал, и на Алексея Вешнего Мальва благополучно разрешилась сынком Лёшенькой — кровинка к кровинке в папку.

...Светало. Бабка Мальва, так и не сомкнувшая за ночь глаз, раздёрнула кухонные занавески. Вдоль улицы, со стороны Потаповского двора шли припозднившиеся пары. Свадьба только-только начала затихать.

АНАТОЛИЙ ГРЕБНЕВ

БЕРЁЗА, ИВОЛГА, ЗВЕЗДА

И был я, радуясь находке, // счастливым самым из людей, // в пропахшей сбруей конюховке // читаю клички лошадей. // Сияли в сумраке прогорклом // слова, как детские года: // Соловушка, Ромашка, Зорька, // Берёза, Иволга, Звезда... // Ах, конюх, Фёдор — свет Иваныч, // меня, бездомного, пригрей. // И четвертинку, глядя на ночь, // за наше сретенье разлей. // Я закурю твоей махорки, // и поплывут, сменив места, // Соловушка, Ромашка, Зорька, // Берёза, Иволга, Звезда... И не пойму, какая сила // меня взяла и вознесла. // И душу вечную России // в слезах почувствовать дала. // Россия, радостно и горько // мне этим чувством жить всегда: // Соловушка, Ромашка, Зорька, // Берёза, Иволга, Звезда”.

До чего же нравились эти стихи Василию Ивановичу Белову! И вообще все стихи Анатолия Гребнева он очень ценил. А Гребнев, любя Василия Ивановича, робел подарить ему книгу, и подписал её, приятно вспомнить, только под моим нажимом.

И вот результат: Василий Иванович, сам поэт, вскоре передаёт мне листочек, озаглавленный “Рецензия на стихи Гребнева”:

От Степанова до Крылатского,
То с улыбкой, то с тихой болью,
Соловел я от слова вятского,
Послухмянного Анатолию.
Прочитал наизусть, что было.
Жаль, до Вологды не хватило.

И многие ли поэты, спрошу, заслужили такого отзыва от великого Белова? Мало того, добавлю, что Анатолий Гребнев умудрился появиться на свет Божий, на служение России, во Всемирный день поэзии 21 марта, да ещё и в весеннее равноденствие, когда день равен ночи, но уже решительно начинает идти к увеличению тепла и света.

Поэзия Гребнева талантлива, молода, чиста, целомудренна и очень необходима нашему времени для сохранения души человеческой. А сам он уже не очень юный, но! Но далеко-далеко ещё не старый. Знающие Анатолия Григорьевича при этих словах встрепенутся и припомнят встречи с ним. Встречи с ним — это радость общения, это искромётная декламация шедевров поэзии, это вспышки экспромтов. И неиссякаемый оптимизм, основанный на вере в Россию.

Да и что такое 75? А Гомер? А Гёте? А Лев Ошанин? Так что догоняй, друг, брат во Христе, классиков!

Ещё выскажу вот какое соображение. У нас всё литературные столицы, после Москвы и Питера — и Орёл, и Вологда, и Иркутск. Вятка моя куда-то задвинута, но на одну из столиц русской поэзии она вполне может претендовать. Тем более уже как-то высказывался в этом смысле и авторитетный Николай Дорошенко. И как иначе: в Вятке Ермил Костров, друг античности и Александра Суворова, великий Николай Заболоцкий, который на десять голов выше всех пастернаков, не говоря уж о бродских. Не обижайтесь на меня, их поклонники, я своё мнение говорю. А Светлана Сырнева? Есть ещё Николай Пересторонин, Валерий Фокин, Павел Маракулин, Алексей Смоленцев, Владимир Соколов. Есть и очень много, в чём особенность вятского направления в русской поэзии, женщины: Маргарита Чебышева, Елена Наумова, Надежда Перминова, Тамара Николаева, Маргарита Котомцева, Галина Кустенко, Ольга Юрлова, Наталья Козволина, Оксана Чупракова, Наталья Панишева, Маргарита Чекалина и, резко догнавшая их, Надежда Мохова, и десятки, десятки (!) других. Равняющихся на кого? На правофлангового Анатолия Гребнева.

Есть ещё и вятские духовные окормители, прекрасные поэты, священники Андрей Логвинов и Леонид Сафронов.

Но Гребнев — это особая статья. “Анатолий Гребнев — это наше вятское всё”, — пошутил однажды Пересторонин. И это так: Гребнев самый вятский из вятских. Его подборку мы представляем. И с юбилеем поздравляем.

Чего ещё желать, не знаем. Всё у него есть: и талант, и читатели, и большое будущее.

В чём и подписуюсь: вятчич Владимир Крупин

БЕССОННОЙ ПАМЯТИ ПРИУТ...

* * *

Душа не ведаёт остуды
К тому, чем издавна жива.
Из-под сознания, из-под спуда
Всплывают матери слова.

Слетают с детского крылечка —
И снова, будто наяву,
Я слышу бабушки наречье,
Её былинную молву.

Века седые с тихим гулом —
Бессонной памяти приют —
До Святогора и Микулы
Так осязаемо встают!

Былую быль приносит Слово,
Как по натянутой струне.
И снова, жизнь живая снова
Вся до озноба вятна мне!

НОВЫЙ ХРАМ

Валентину Распутину

Люди добрые, вы подивитесь:
Нам на радость,
На горе врагу
Новый храм появился, как витязь,
На ангарском крутом берегу!
В стане строен,
Оплечьями ровен,
Он поднялся в немалый свой рост.
Крепко связана плоть его брёвен
В чашу, в лапу и в ласточкин хвост.
И над куполом-шлемом с рассветом,
Во все стороны зримый окрест,
Засиял он спасительным светом —
Православный немеркнувший крест.
Верь, мой друг!
Сатанинские силы
Завывают в бессилье пустом:
Не поставить им крест на России,
Если будет Россия с крестом!

ТРОЕ В ТРОИЦКОМ

В. Кручину, А. Заболоцкому

Нет кручины без причины —
Это истинно, браток.
Но осилит все кручины
Нашей родины исток,

Для души необходимый
До могильного креста —
Наш, Владимир, край родимый,
Наши кровные места!

Вот поэтому, дружище,
Мы с тобою не грустим.
Мы чужбинушки не ищем,
Мы на родине гостим.

Отрешён от жизни плотской,
Здесь, где свет и тишина,
Вместе с нами Заболоцкий,
Друг-сподвижник Шукшина.

И, конечно, не напрасно —
Вот спасибо, удружил! —
Сам я кисть калины красной
На божницу положил.

Сговорились — “понурились”
В славном Троицком втроём...
Это просто Божья милость —
Чуть от счастья не поём!

Хоть на время позабудем,
Что такое грусть-тоска.

Аль нельзя крещёным людям
Порасслабиться слегка?

И взамен Москвы и Вятки
Молодецкое житьё —
Задружная двухрядка
И неслабое питьё.
Постоим над крутояром —
Что тут, братцы, за места!..

Только втуне, только даром
Пропадает красота.
Будто чёрный вихорь вымел
Деревеньки все окрест.
От села осталось имя
Да ещё поклонный крест.

Как сказал Белов Василий
(вражьей своре — в горле кость!):
“Продолжается в России
Всекрестьянский холокост”.

Но не пусто свято место —
Оживляя дивный вид,
Там, где храм стоял известный,
Свет-часовенка стоит.

Свет её — души опора!
Люди вновь сюда придут,
Вновь поселятся — и скоро
Благодать здесь обретут.

Это батюшки раденье!
Я заздравный подниму.
Мы споём благодаренье —
Лета многая ему.

Дни и ночи пролетели —
Счастьем на душу легли.
Зарядились, как Антеи,
Мы от матушки-земли.

Я глаза свои закрою,
Улечу за окоём:
Снова в Троицком мы трое
Лета многая поём!

* * *

Такая беда накатила —
Душа леденеет без слов.
Да нет, это братцы, бухтина,
Что умер Василий Белов.

Да нет же, он где-нибудь бродит
На родине тихой своей,
В своём затерялся народе,
В тумане родимых полей.

И, жизни пристрастный свидетель,
Он родине горестно рад —
Её и певец, и радатель,
Лобастый крестьянский Сократ.

Звезда воссияет над полем,
Над сумраком древним лесным...
Рубцова окликнет он Колю
И снова обнимется с ним.

А следом друзья и собратья,
Покинув небесный приют,
Могучей несломленной ратью,
Незримой дружиной встают.

АНДРЕЙ ВОРОНЦОВ

РУССКАЯ ДОРОГА

РАССКАЗЫ

В детстве я бредил железной дорогой. Мой дед, который годами никуда не ездил, жил на Железнодорожной улице. Ночью его домик содрогался от грохота колёс. Жёлтые окна поезда трассирующей очередью летели в ночь. Я принимал лицом к холодному стеклу.

Вот хриплый гудок умер вдали... Я дышал на стекло, оно запотевало, и дальние фонарики за линией светили как бы из-за густой пелены тумана. Сладко сжималось сердце, колола под ложечкой неясная печаль.

Кромешной ночью, когда на станцию опускается невыносимая тишина, когда взрослые спят, всхрапывая и чмокая губами, а дети бессонно всматриваются в ночь, какие надежды сулит им пронзительный гудок? Какие картины рисует в их воображении? Что вообще значит для русского человека слово “поезд”?

— Папаша! Кто строил эту дорогу?

— Эту дорогу, душенька, строил граф Пётр Андреич Клейнмихель, и по бокам её — всё косточки русские”, но не только — ещё и тысячи страниц прекрасных русских стихов и прозы. В неверном свете свечи, вставленной в четырёхгранный фонарь, сидят друг против друга в вагоне Мышкин и Рогожин, и всё длится их бесконечный разговор... “Тень набежала на стёкла морозные... Что там? Толпа мертвецов!”

ВОРОНЦОВ Андрей Венедиктович родился в 1961 году в Подмосковье. Автор романов “Огонь в степи” (“Шолохов”), “Тайный коридор”, “Необъяснимые правила смерти”, “Называйте меня пророком” (“Будущее не продаётся”) и многих других произведений, напечатанных в “Нашем современнике”. Доцент кафедры литературного мастерства Литературного института им. М. Горького. Секретарь Правления Союза писателей России. Сопредседатель Крымской региональной организации СПР.

Я ещё застал паровые машины во всей их силе и мощи. В конце шестидесятых годов электровозы ходили по Великому сибирскому пути только до Иркутска, а дальше пассажирские поезда прицепляли к паровозам. Однажды утром, проснувшись в вагоне поезда Москва—Чита, я раздвинул дверь купе и увидел за окошком клубы дыма. “Что это?” — спросил я у отца. “По старинке идём, с паровозом”. Вот это да! Прежде мне доводилось видеть паровоз лишь стоящим на запасном пути станции депо Савёловской железной дороги. Повиснув на ручке оконной рамы, я опустил её и высунул голову навстречу хлестнувшему по глазам ветру и дыму. Мы шибко шли по какой-то каменистой местности. Грохочущий состав круто изогнулся на излучине пути, и как на ладони видна была великолепная машина в голове поезда — чёрная, крутобокая, вся в клубках желтовато-грязного дыма, остро пахнущего печной сажей. Резво ходящие вверх-вниз блестящие локти шатунов придавали паровозу удивительное сходство с живым существом.

Когда, власть насмотревшись, я вернулся в купе, то услышал дружный хохот. “Что такое? — А ты в зеркало на себя посмотри!” Я задвинул дверь и увидел в зеркале вместо себя негритёнка с блестящими белками и красными губами. Вот тебе и паровоз! Я до Иркутска горя не знал, целыми днями невынимая голову из окошка, а здесь через десять минут оказался весь в саже.

Это был новый этап в моей жизни. Из пензенской коммуналки, из пыльных дворов позади корпусов Артиллерийской инженерной академии постройки прошлого века, где мы охотились на офицеров Немецкой народной армии, выносящих в форме и начищенных сапогах мусор, я выбрался на захватывающий дух простор с такими кручами, что поезд вползал на них со скоростью улитки, порой откатываясь назад, с корабельными соснами, так тесно подошедшими к путям, что, казалось, они образовывали над ними свод, с гулками железными мостами, вознесёнными столь высоко над горными реками, что вниз было страшно смотреть, с туннелями, с грохотом отсекавшими свет, с четырёхгранной стелой, обозначающей границу между Европой и Азией.

Я увидел лежащий в каменном ложе пронзительно-синий необозримый Байкал, блестящий соблазнительно в знойный августовский день. На станции Слюдянка отец и молодой проводник пошли купаться. Время стоянки было указано пятнадцать минут, но стоило им уйти, как по внутренней трансляции объявили, что поезд задержится всего на три. Тщётно мы с матерью пытались разглядеть с площадки, где же отец и проводник. Состав тронулся, правда, медленно, поскольку пути были забиты поездами. Мы с мамой и пожилым проводником стояли в тамбуре, высунув головы наружу. Состав понемногу набирал ход. Остались бы наши купальщики на станции Слюдянка в тренировочных костюмах, без денег и документов, если бы один из них не был проводником. Его пожилой напарник, всё более мрачней по мере того, как поезд набирал скорость, вдруг решился и сорвал стоп-кран. Нас бросило к противоположной стене тамбура, завизжали бандажи колёс, снимавшие стружку с рельсов. И тут же, как из-под земли, вскопчил в тамбур разъярённый багровый начальник станции и, схватив за грудки проводника, разразился страшными непечатными ругательствами. Это был первый встреченный мной сибиряк, матерящийся в присутствии женщины и ребёнка, а таких мужчин за Уральским хребтом девяносто пять процентов. Среди прочих угроз в адрес проводника прозвучало обещание отдать под суд и расстрелять тех, кто его нажимает? Лишь под конец захватывающего дух монолога начальника станции, когда он сообщил, что у него каждая секунда простоя стоит государству тыщи рублей — е. в. м.! — я начал кое-что понимать. Этот пунцовый чёртик с путевскими петлицами исчез из вагона так же внезапно, как и появился, но спустя ещё несколько минут казалось, что его красный контур дрожит в воздухе. Поезд сразу тронулся. Опустив головы, мы вернулись в купе. Вдруг дверь с грохотом раздвинулась, и на пороге появился босой отец в купальных трусах и майке, прилипших к мокрому телу. Одежду и тапочки он держал в руках. Ноги его были сбиты до крови.

Он ещё в студёной байкальской воде заметил неладное и сказал своему отфыркивающемуся напарнику, что вагон-ресторан их поезда почему-то пе-

переместился в другое место. Проводник, знакомый, видимо, с открытиями Эйнштейна, глубокомысленно предположил, что переместился не вагон-ресторан, а они относительно вагона-ресторана. Папа, недавно закончивший академию, не стал спорить с грамотным проводником. Купальщики продолжали плескаться и, когда в следующий раз взглянули в сторону станции, никакого вагона-ресторана вообще не было. Тут они начали кое-что понимать и отчаянными саженками поплыли к берегу. Вскочив на насыпь, пловцы увидели лишь хвост уходящего поезда. Недолго думая, они пустились его догонять, скача, как зайцы, но шпалам. Финал вам известен: выручил пожилой проводник, да и начальник станции подсобил, потратив драгоценные государственные секунды на свои удивительные словесные обороты.

Разве я пережил бы без неё это, ощутил бы физически, что Россия — действительно шестая часть мировой суши, если бы мы летели на самолёте? Самолёт — это всего лишь средство передвижения, а поезд — часть жизни.

В Забайкалье увидел я настоящие дачные поезда образца начала века, прицепляемые к паровозу, с открытыми площадками, узкими окошками и грибками-вентиляторами на покатых крышах вагонов. Полагаю, создателям фильма “Даурия” не пришлось сильно тратиться на железнодорожные сцены: исправные паровозы и старые вагоны они могли найти практически на каждой станции.

Вообще, прошлое как-то придвинулось ближе, когда мы уехали за тысячи километров от Москвы. В России (сибиряки свой край Россией не называют) слова “война”, “маоизм”, “Китай” значили для нас примерно то же самое, что выражение “космический полёт”. А в Чите, где мы какое-то время снимали квартиру неподалёку от железной дороги, всю зиму и начало весны 1969 года я видел идущие к китайской границе составы с танками, пушками и “катышами” на открытых платформах, а рядом — одетых в овчинные дохи до пят часовых с суровыми озябшими лицами. Таким передо мной предстал первый раз в жизни образ настоящей войны.

Помню первых железнодорожных “челночников”. Это были вьетнамцы. Дисциплинированные и исполнительные коллективисты, они сразу внесли в дело организационную основу и придали ему всесоюзный размах. Добыватели дефицита никогда не перевозили его по железным дорогам, а транспортировщики им не торговали. Существовало полное разделение труда. Конечно, и у них случались осечки. Однажды в поезде Москва—Архангельск ехал маленький, как обезьянка, смуглый и подвижный вьетнамец. Чего он только не вёз — и в нашем, и в соседнем, и в багажном вагонах! В Вологде он вынес на своих плечах часть этого великолепия из поезда. Холодильник, стиральная машина, телевизоры, пылесосы и с полсотни популярных почему-то в Юго-Восточной Азии цинковых ванн, смахивающих на древнеегипетские гробы, и так же, как они, составленных одна в другую.

Вьетнамец стоял на перроне у своих штабелей с бесстрастным восточным лицом. Но никто не приходил. Шло время, курьер стал озираться, проявлять признаки беспокойства. Когда до отхода поезда оставалась одна минута, он спешно бросился выгружать из вагонов ещё несколько ящиков и штабелей ванн. Видимо, их следовало довести до Архангельска. Поезд тронулся. Вечерние лучи солнца освещали цинковое великолепие, кубы и параллелепипеды электроприборов в скучной упаковочной таре и тщедушную фигурку часового. Он не бросил свой пост, ибо его, вероятно, удавили бы за это тонким шёлковым шнурком и похоронили бы в детской цинковой ванне.

Незадолго до “бархатной революции” в Праге мне сказал в поезде Москва—Мурманск молодой чех, едущий с товарищем стажироваться на Кольской АЭС: “Зачем это всё: Горбачёв, перестройка? У нас ничего этого нет”. Зарекалась кума! Мне и сегодня не очень понятно, зачем большинству простых чехов и словаков нужна была эта “бархатная революция”. Молодой чех-инженер жил в деревне в 70 километрах от Праги, где в магазинчике мог свободно купить все те деликатесы, по которым у нас тогда с ума сходили, имел автомобиль, колхоз ему строил дом в рассрочку по льготной цене. Понятное дело, что всё это не заменит свободы, но я не заметил на лицах моих собеседников следов идеологического угнетения или мало-мальского

интереса к политике. Они любили пиво, можжевелевую водку “Боровичку”, предвкушали встречи с северянками. “Бархатная революция”? “Пражская весна”? Эти “вёсны” тужны, главным образом, графоманствующим политикам, которым очень трудно прозябать в безвестности. Лавры Герострата стремятся заполучить те, кому недостаёт таланта, чтобы прославиться.

Но что, собственно, потеряли чехи и словаки в результате перемен, кроме единого государства? А у нас, если вернуться к железным дорогам, которые есть символ порядка во всяком государстве, в 90-х годах остановились целые маршруты: например, участок Закавказской железной дороги от реки Псоу до реки Ингури в Абхазии. Заросли травой шпалы, заржавели рельсы красивейшего пути, в сотне метров от которого набегают волны на песок, заворачиваясь с краю, как исписанный лист, а с другой стороны стеной стоят серые морщинистые скалы. Лишь дребезжание старенькой электрички, проходящей раз и сутки туда и обратно, нарушало одышливое дыхание моря. Этот путь починили наши железнодорожные войска аккурат перед войной в Южной Осетии. Вторжение в Абхазию Саакашвили тоже наметил, но помешал генерал Шаманов, который быстро перебросил к границе Грузии по новому пути дивизию ВДВ. А после “пятидневной войны” по сухумской ветке пустили пассажирские поезда.

Северо-Кавказская железная дорога! Названия станций её звучат, как ожившая история гражданской войны: Таганрог, Батайск, Тихорецкая, Туннельная, Горячий Ключ... Меловые обрывы над серо-голубым Азовским морем, коричневая пыль, реки, текущие по плоской зелёной степи, оживляемой лишь ивами и тополями, ветвящиеся, как дерево, глубокие балки-овраги, эпический тихий Дон в шеренгах камыша, расцветающий мазутной радугой при приближении к разноязычному, душному, раскалённому летнему Ростову... Силуэты Кавказского хребта при движении по Кубани и ощущаемое одновременно дыхание ещё невидимого Чёрного моря... Нарядные, чинные, обрамлённые пальмами и благоухающие магнолиями станции на перегоне Туапсе—Адлер... Это тоже Россия, хоть нет в ней ни суглинков, ни ёлок, ни берёзок, ни нашего голубого низкого неба.

Здесь следуют на юг фирменные курортные поезда со степенными северными людьми, а на север направляются архаические ободранные южные составы. Помню, в Тихорецкую, где стоял наш чистенький, с промытыми стёклами и пропылесосенными ковровыми дорожками скорый поезд Москва—Сухуми, прибыл пассажирский Баку—Ленинград, вынырнувший точно из горнила гражданской войны (из будущей гражданской войны): донельзя грязный, пыльный, с выбитыми окнами и облупленной краской. Из дверей и окон гроздьями торчали синещёкие носатые головы в анекдотических кепках—”аэродромах”. Состав ещё не остановился, а уже из него стали прыгать мужчины и подростки в синтетических лыжных костюмах, пузырями висящих на коленях. Перрон в мгновение ока наполнился гортанным гомоном, голозадыми чумазами ребятишками, сгорбленными в три погибели усатыми старухами в чёрном и толстыми грудастыми женщинами в тапочках на босу ногу. Безо всякого смущения рассматривали они нас, северян. Я не знаю, были ли в бакинском поезде проводники, но никто не предупреждал пассажиров, что поезд отправляется. Он вдруг непривычно резко дернулся, как товарняк, и пошёл себе, в то время как большая часть пассажиров оставалась на перроне. Они загорланили ещё оглушительней, хотя совершенно беззлобно, и стали мячиками прыгать в двери и виснуть на поручнях. Детей передавали в лишённые стёкол окна. Состав тем временем, как ни в чём не бывало, набирал ход. Когда последний нагон с меланхолически покуривающим в проёме задней двери волосатым мужчиной в майке исчез за поворотом, ни одного беспечного южанина на перроне не оказалось, только чей-то “аэродром” с лоснящейся изнанкой катился в вихре поднятой поездом пыли.

Азиатский Восток был другой, нежели кавказский. Пассажиры здесь столь же беспечны, но куда безмятежней и спокойней. Прыгать на ходу их не заставишь под угрозой расстрела. Они любят часами смотреть в окно и, не вытирая пот с лица, пить чай, или долго и аккуратно есть дыню маленьким ножичком, оставляя от неё не корки, а тонкие шкурки, будто от сала.

На столике в каждом купе — железный пузатый запарной чайник и пиалы. Чай и сахар можно брать самим в купе проводников. Деньги за это в пути с вас спрашивать не будут, возьмут по приезде. Если вы забудете заплатить, никто вам не напомнит. Зачем? Чай пить — хорошо, а деньги — они или есть, или их нет.

Поезд Бишкек—Москва шёл по однообразной голой казахской степи. Казалось, вам показывают в окно одну и ту же увеличенную фотографию. В сумерках состав остановился на станции Кызыл-Орда. Я задремал, но меня тут же разбудили громкие переговоры по радио открытой трансляцией, далеко разносящиеся по безмолвной пустыне. Говорили характерной казахской скороговоркой, напирая на звук “р”. Находясь между сном и явью, слушая и ничего не понимая, я вдруг всем сердцем ощутил тысячи километров Великой степи вокруг. Времени не существовало. Гикая, летели в пыли по плоским холмам на взмысленных приземистых лошадках орды Чингисхана и Тимура. Среди немислимых, почти космических пространств стоял наш маленький жалкий поезд. Кто мы? Откуда мы? Почему столь одиноки и незащищены?

*Где я? Так темно и так тревожно
Сердце моё стучит в ответ:
Видишь вокзал, на котором можно
В Индию Духа купить билет.*

Я лежал за тонкой железной стеной вагона, отделяющей меня от залитых луной бесконечных великих просторов, в Кызыл-Орде, в сердце Казахстана, но это тоже была Россия, русский путь на Восток. Ибо Россия — вовсе не территория. Россия — это состояние.

НОЧЬ, ПАРОМ, КРЫМ

Уж сколько раз бывал в Крыму и жил там подолгу, а никогда не забуду, как плыл паромом в НАШ Крым майской ночью 2014 года. Я волновался, наверное, словно перед первым свиданием, и всё думал: вот я сойду по трапу землю и не увижу ни украинского пограничника, ни постылого жовто-блакитного флага, у меня никто даже не проверит документы. Ни одна сволочь не потребует от меня заполнить “имиграційну картку”. Никто не попробует заглянуть в мой чемодан. Потому что я снова в России: всё равно, как с правого берега Волги на левый переплыл. Я — в России. Я — в России. Я даже не повторял это — так стучало сердце. Вероятно, это были смешные и детские эмоции, но ведь примерно такие же испытывали те, кто впервые плыл в Крым после присоединения его к России свыше двухсот лет назад.

Как только наш старенький паром отошёл от стенки, все перебрались на верхнюю палубу: смотреть на размытые керченские огни впереди. Плескала волна за бортом, туман стоял над водой и крупные южные звёзды — над головами. Ветер, дующий нам навстречу, принёс из Керчи непередаваемый, сладковато-хвойный крымский запах.

Какая-то предприимчивая тётенька тут же, на палубе, продавала горячие пирожки из закутанной в одеяло кастрюли и наливала в пластиковые стаканчики кофе и крымский коньяк. Как тут было не выпить? Чудесная, незабываемая ночь! Вероятно, не я один испытывал волнение, потому что наши спутницы, девушки из мурманского фольклорного ансамбля, запели, может быть, не очень подходящую по месту и смыслу, но так отвечающую нашему настроению песню:

*Прощайте, скалистые горы,
На подвиг Отчизна зовёт!*

А стоявший неподалёку со своей девушкой парень вдруг подхватил глуповатым и сильным, явно профессиональным баритоном:

*Мы вышли в открытое море,
В суровый и дальний поход.*

Когда допели песню, выяснилось, что парень был солистом из Мариинки. Я понял, что он испытывает то же самое, что и я, что и все мы. Мы были на этом пароме одним народом, нас всех из недавнего атомарного состояния объединило возвращение Крыма. Это было более глубокое ощущение, чем то, что я переживал ранее, представляя, как ступлю на землю НАШЕГО Крыма. Моё сердце тогда стучало: “Я — в России”, а теперь оно говорило: “Мы — Россия”.

ПОСРАМЛЕНИЕ БОГА ЖРАТВЫ

В сентябре 2015 года меня пригласили выступить в Ялтинском театре имени Чехова на вечерах-спектаклях, посвящённых Шолохову и Грибоедову. Честно говоря, поначалу я испытывал некоторые сомнения, что мероприятия будут иметь успех. Современные крымчане казались мне достаточно индифферентными к литературе людьми. Дело в том, что властители Украины, начиная с Кравчука, не будучи в состоянии дать народу идеалы, привили ему культ жратвы. Здесь я имею в виду даже не крымчан, а их гостей из “жовто-блакитной родины человечества”. Понятие отдыха у них неотделимо от процесса интенсивного и непрерывного приёма пищи. Даже выпивка, пожалуй, на втором месте, хотя выпить они тоже не дураки. Православные называют этот грех гортанобесием. Малороссы в Крыму, где бы они ни находились, всё время чем-то набивали желудки, особенно на пляжах, куда с утра приходили с картошкой, салом, колбасой, огурцами, консервами (привезёнными, между прочим, с материка) и сидели за своими скатертями-самобранками до вечера, время от времени тяжело, как бегемоты, погружаясь в море, что ещё больше разжигало их аппетит. Крымчанам это совершенно не свойственно, они и на пляжи не ходят в дневное время и не любят есть в жару, но эти украинские гости-обжоры не могли не повлиять на их психологию — отчасти в смысле возможности заработать на чревоугодии гостей, потому что другой такой возможности, не считая традиционной сдачи отдыхающим жилья внаём, в общем-то, и не было. Вот вам летний пейзаж в Крыму времён “незалежной”: одни жрут “на бреже синему морю”, свесив на колени объёмистые животы, а другие, обливаясь потом, подносят “снаряды”. Между ними, диковато озираясь, ходят с пивом и минералкой российские туристы, порой неуверенно присоединяясь к жратве (может быть, здесь так надо, коли нет “всё включено”?). Перелом произошёл лишь в прошлом году (в 2014-м украинцев в Крыму было ещё достаточно). Массовое преобладание отдыхающих из России, не имеющих скверной привычки есть картошку и консервы в общественных местах, быстро свело украинскую жратку в Крыму на нет, к великому сожалению торговцев харчами на вынос (вот они — патриоты Украины в Крыму, если кто их ищет!), и стало в разы меньше мусора — это при том, что в крымском ЖКХ произошли значительные сокращения по причине необходимости повышения работникам зарплат. Но психология-то осталась! 22 года миллионы гостей здесь лопали, как акулы: вы думаете, такое проходит бесследно? Ведь смысл жизни в жратве видят не только “пользователи”, но и — невольно — те, кто их обслуживает. Прибавьте сюда тот факт, что с 1992 года ни одна крымская библиотека, не считая республиканской и некоторых севастопольских, не получала ни одной книги и ни одного журнала из России. “Крымская весна” была делом чувства, да ещё генетической, народной памяти, а не знания. Она совершалась в большей степени русским сердцем, нежели умом. Кто-то, может быть, и читал в Крыму Грибоедова и Шолохова в минувшее двадцатилетие, однако я подозреваю, что таких людей было немного.

Но я ещё за несколько часов до первого нашего спектакля понял, что мои опасения, слава Богу, напрасны. В этот день в Ялте отмечали местный День благотворительности и милосердия, и на набережной имени Ленина,

недалеко от его же статуи в обрамлении пальм, играл духовой оркестр Черноморского флота. Он предпочитал джазовые и блюзовые композиции, воспринимавшиеся ялтинцами весьма тепло, но надо было видеть, что с ними стало, когда оркестр заиграл попури из русских народных песен! В пляс пустилась даже работница метлы и совка в оранжевом жилете, совершенно, отмечу, трезвая, но особенно поразила девочка лет четырёх-пяти, которая умело пошла по круту в русской плясовой. Глядя на расцветшие улыбками лица людей, я думал, что их слишком долго заставляли забыть, что они русские, и теперь, после избавления от службы украинскому богу жратвы, они очень отзывчиво — куда более отзывчиво, чем в Москве, — откликаются на всё русское. Не было ничего похожего в их глазах, когда, помню, в один из Дней Ялты при украинской власти слушали они на набережной “Вопли Видоплясова”. Пиво, сигаретный дым, мусор, матерщина, те же чебуреки и шаурма, пустые глаза, а что горело — так это только зажигалки и подсветка мобильных молодёжи... Потом и на майдане такое световое шоу устроили инспектирующему Украину Маккейну...

И даже если ялтинцы давно не открывали Грибоедова и Шолохова, то всё равно знают, что это тоже нечто очень русское. И на шолоховском, и на грибоедовском представлении театр имени Чехова был полон, причём на последнем люди даже стояли в проходах. Но главное, конечно, было в не количестве зрителей. По бесплатным пригласительным билетам мало людей в такой прекрасный театр, да ещё на московских гостей, в любом случае не пришло бы. Важны были глаза ялтинцев, в которых не увидел я ни тени скуки и праздности (а большую часть шолоховского спектакля я специально просидел в зале), зато увидел тот же русский огонь, что и в глазах тех, кто аплодировал музыкантам-морьякам на набережной. С той лишь разницей, что у зрителей в театре было чёткое, на мой взгляд, понимание, что они не просто вернулись в Россию, они снова вернулись в великую русскую культуру.

“МОЩИ” ИОАННА ПАВЛА II

Следов этого загадочного события я не нашёл ни на сайте Вселенского патриархата, ни на других православных и неправославных ресурсах. Его словно никогда не происходило. Похоже, знают о нём только те, кто был в храме Святого Георгия в Константинополе воскресным утром 25 января 2015 года.

В этот день мы с женой приехали из “Ипподром-отеля”, расположенного близ Святой Софии, в Патриаршую церковь на Фанаре. У входа в Патриархат размещался солидный пост полиции под турецким флагом со звездой и полумесяцем. Крестов, между тем, не было видно — разве что едва различимый на фронте храма-базилики да на решётке перед навсегда закрытыми воротами, на которых турки в 1821 году повесили патриарха Григория V. Было около одиннадцати часов по местному времени, но мы попали к началу литургии. Её возглавлял Вселенский патриарх Варфоломей I — круглолицый, краснощёкий, с окладистой седой бородой, в очёчках. Пребывал он не в алтаре, а восседал справа у амвона, на высоком патриаршем троне самого святителя Иоанна Златоуста, сделанном из дерева грецкого ореха, периодически поднимаясь и благословляя собравшихся. Первые ряды стульев (а прихожане Константинопольской и Элладской Православных Церквей большую часть литургии сидят, на манер католиков) занимала иностранная делегация — итальянская, как потом выяснилось.

Сама служба, конечно, в целом походила на нашу, но имела и отличия. Например, Символ Веры читался только на клиросе, без мирян. А ведь в Святой Софии, по преданию, когда тысячи людей читали “Верую!..”, престол в алтаре сотрясаяся. Царские врата не закрывались на протяжении всей литургии, — оттого, наверно, что глава Церкви находился в храме. На малый и великий входы священство, диаконы и иподиаконы со свечами выходили не на солею, а сразу в храм, огибали его с обеих сторон, по гullyбшам, и соединялись в центре, у старинной кафедры-амвона с винтовой лесенкой.

Священник поднимался наверх и оттуда читал Евангелие. На Причастии Кровь и Тело Христовы давались верующим раздельно, насколько я понял.

После отпуста итальянцы собрались в центре храма, а Варфоломей I спустился с трона, диакон развернул перед ним сафьяновую папку с каким-то текстом, и Патриарх стал читать его по-английски. Я ничего не понял, но догадался, что Варфоломей награждает стоящего перед ним итальянца — крупного, холёного, лобастого, с залысинами человека в цивильном костюме, шея которого росла из сутулых плеч чуть ли не под прямым углом. Завершив чтение, Патриарх благословил итальянца и повесил ему на грудь золотой орден или медаль, а на плечи с помощью диаконов накинул какую-то зеленоватую мантию (но точно не стихарь).

Потом все целовали крест и получали благословение от Патриарха и иконочку Пресвятой Богородицы Явленной в подарок. Когда же мы шли на выход к гульбищу мимо алтаря и левого амвона, там скромно стояла плексигласовая рака, полная человеческих костей. К ней не прикладывались: она находилась в некотором отдалении, ближе к солею. Табличка на раке сообщала, вероятно, чьи это останки, но она опять-таки была на английском, и я её читать не стал. Только потом Ирина, моя жена, знающая английский, сказала мне: там написано, что это часть мощей... римского папы Иоанна Павла II.

Обсуждать этот удивительный факт мы тогда не стали, потому что очень хотели побывать в единственной действующей с византийских времён православной церкви Марии Монгольской (Богоматери Панагитиссы), находившейся в этом районе, на холме, и пожилой стамбульский грек из прихожан любезно взялся довести нас туда. Спасибо ему, сами бы мы полдня плутали в узких улочках Фанара, где когда-то жили греки, а теперь поселились сирийские беженцы. И лишь потом, посетив ещё Влахернскую церковь, знаменитую чудом Покрова, мы по возвращении в отель задумались: а чему мы стали свидетелями в храме Святого Георгия? Судя по присутствию итальянской делегации и награждению её руководителя, это именно они привезли раку с останками из Ватикана. Как известно, тело Иоанна Павла II было экзгумировано в 2011 году, перед его так называемой беатификацией (причислением к лику блаженных у католиков), так что теоретически нельзя исключать, что тогда же изъяли часть его “мощей” для почитания вне стен собора Святого Петра. Но было ли возможно привезти их в дар православной патриархии без предсмертной воли самого Папы? Ведь в раке — едва ли не полскелета! Следовательно, такая воля имелась, и она нашла отражение в тайной части завещания Иоанна Павла II. Понятно, почему приняла этот странный “дар” Константинопольская патриархия с её ставшим притчей во языцех экуменизмом. Но почему ныне покойный Папа захотел, чтобы часть его останков находилась под сводами Фанара и, возможно, почиталась, как почитаются мощи православных святых? Ответ один: он не верил (или не совсем верил), что собор Святого Петра в Риме — достойное место для упокоения и молитвы о его душе. Не верил, очевидно, что таковым является и любой другой католический храм.

Оттого, наверное, я нигде не мог найти ни строчки о том, что же произошло 25 января 2015 года в Патриаршем храме на Фанаре.

ПОЭТА МОЖНО ВСТРЕТИТЬ ВЕЗДЕ

На улице Мехмет-аги в Константинополе, напротив нашего отеля, был ресторан “Cozy garden” (“Уютный сад”) — действительно уютный, но без всяких признаков сада. Мы там иногда обедали или ужинали. У входа, рядом с выносным меню, расхаживал обычно высокий худой зазывала — молодой человек в чёрном пальто, с вогнутым серповидным лицом. Он говорил немного по-английски и однажды спросил у нас, чем мы занимаемся. Жена сказала, что мы “райтеры” — писатели. Тогда молодой человек заявил, что он тоже “райтер”: пишет стихи и даже печатает их в каком-то местном альманахе.

Великое, всепроникающее дело литература! Назовите мне какую-нибудь другую профессию, представитель которой может запросто встретить “коллегу” под личиной ресторанныго зазывалы или дворника, — хоть в Турции.

АЛКАШИ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Каждый день в 10 часов утра мимо нашего отеля маршруровали в ресторан “Уютный сад” два немолодых австрийских немца — красноносые, со слезящимися глазами. Они устраивались на веранде под электрическими обогревателями, которые в Константинополе вешают над головами посетители, и похмелялись. Ближе к обеду к ним присоединялись две украинские проститутки. Мужики их кормили и поили, причём довольно дорогими блюдами и коктейлями. “Подсадили хлопцев на консумацию”, — с иронией констатировал один наш соотечественник, как-то обедавший с нами. Австрийско-украинское застолье сопровождалось специфической беседой, когда “мальчики” говорили только между собой, а “девочки” — между собой (отчего я и знаю, что они с Украины). Вероятно, девочки не понимали немецкого, а мальчики — русского, точнее, суржика подруг. Австрияки, главным образом, жаловались друг другу, что жизнь — тяжёлая вещь, дерьмо: “Дас лебен ист ди шве-эре, швере захе, ди ша-айзе!” (хотя, видно, не такая уж тяжёлая, коли у них имелись денежки хлестать в четыре горла дорогущее в стамбульских заведениях спиртное), а шалашовки тараторили о шмотках и блюдах, которые они любят “кушать”.

“Долго они вообще так сидят?” — спросили мы у поэта-зазывалы, кивнув на компанию. “С десяти утра до десяти вечера!” — не без зависти сообщил он. И точно: около 22.00, когда мы вышли из “Ишподром-отеля” прогулять с пекинесом Шанелькой, австрийки “косвенными” шагами, уже не в ногу, возвращались к себе в отель в сопровождении подруг. Не знаю, что им удавалось делать с ними в таком подпитии. Крепко повезло дамочкам! Глядя вслед этим туристам aus Еигора, я усомнился, что они побывали в Константинополе где бы то ни было, кроме аэропорта, отеля, ресторана “Уютный сад” и соседнего кафе “Биюк”.

И почему это о русских говорят, что они алкоголики?

АРАРАТ И “ГЛУБОКАЯ ЯМА”

Монастырь Хор Вирап на самой границе Армении с Турцией. Судя по фотографиям, сделанным в ясную погоду, Большой Арарат отсюда не просто виден, — его заснеженная громада буквально нависает над монастырём, перекрывая весь горизонт в юго-западном направлении. Ведь до него отсюда всего километров 35—40. Но Арарат не случайно имеет мистическую славу. Я видел лишь подножия Большой и Малой горы, хотя светило солнце и облаков было немного. Какая-то лёгкая, неуловимая, но абсолютно непроницаемая дымка завесила оба пика, словно шёлковая занавеска в полнеба, и только предгорья торчали из-под неё, как ботинки спрятавшегося за шторой гиганта.

Христианство пришло в Армению из Хор Вирапа в 301 году. Здесь язычники подвергли неслыханным истязаниям святого Григория Просветителя, почитаемого и нашей Церковью как священномученика, а потом бросили в каменный мешок, где он томился целых 14 лет. Так царь Трдат III, поставленный римлянами, мстил Григорию за то, что он не хотел приносить жертвы языческим богам. За годы, проведённые святителем в яме, ненависть царя к христианам только усиливалась, гонения становились всё более лютыми, но однажды Трдат повредился умом, а потом лицо его превратилось в свиное рыло. Тогда он велел вытащить Григория из ямы, призвал к себе и попросил исцелить Христа ради. Святитель вернул ему человеческий облик, но сначала добился от него покаяния за кровавые грехи. После этого Трдат III крестился и провозгласил христианство государственной религией — первым в мире.

С тех пор вот уже 1714 лет Хор Вирап, что в переводе с древнеармянского означает “глубокая яма”, является местом поклонения верующих армян. Здесь, на склоне небольшой горы, поместилось всего два храма — Богжией Матери и Святого Геворга. Окружающие их стены, слишком мощные для маленького монастыря, с круглыми башнями по углам, что не удивительно, если учесть, что в дохристианские времена здесь была тюрьма.

Церковь Святого Геворга, возведённая над “вирапом” Григория Просветителя, совершенно не похожа на армянские церкви, как мы их себе представляем — крестообразные по форме, с острыми, словно ровно заточенный карандаш, куполами. Нет, это, говоря просто, каменный домик с двускатной крышей, а говоря учёным языком — небольшая базилика. Но именно такими были древние армянские храмы, включая главный, эчмиадзинский, до его перестройки в купольный. По типу базилик, кстати, строили и европейские церкви в раннем Средневековье, включая знаменитый собор Парижской Богоматери в его первоначальном виде (так называемый романский стиль). А вот храм Святого Геворга, возведённый в 642 году, перестраивать в 1661 году под крестово-купольный не стали и, расширив его, сохранили прежнюю форму.

Я ожидал увидеть Глубокую Яму в некоем торжественном архитектурном или иконописном обрамлении, как обычно украшены православные и особенно католические святыни. Но храм над Ямой был аскетичен до предела — с почти голыми каменными стенами и алтарём, высоко, точно сцена, вознесённым над полом церкви, со ступеньками по обеим сторонам (это особенность всех армянских храмов). Малиновая завеса с вышитым на ней белым крестом, закрывающая алтарь, придавала ему ещё большее сходство с театральной сценой. Никакой Ямы я поначалу не увидел, да это было и сложновато: церковные своды ничто, кроме нескольких свечей, не освещало. Лишь потом, когда глаза привыкли к полумраку, я обнаружил в закулке справа от входа небольшой квадратный люк в полу с уходящей почти вертикально вниз железной лестницей. Над ней не было ни икон, ни каких-либо украшений, ни даже просто таблички с надписью, что же там внизу находится, — только выщербленные плиты. С трудом втиснулся я в этот закуток со своим планшетом и начал спускаться в узкий колодец. Метра через три пролёт закончился, и пришлось, согнувшись в три погребели, поверачиваться на 180 градусов, чтобы нащупать ногой ступени второго пролёта, идущего вниз уже под некоторым углом. Не захочешь, а будешь кланяться, как и при спуске к пещерному Благовещенскому монастырю на склоне горы Мангуп в Крыму! Там горную тропу завалил обрушившийся сверху кусок скалы, и нужно на четырёх точках пролезть под ним, чтобы попасть в обитель.

Достигнув дна темницы, я ощутил только пробирающую до костей сырость, потому что в каменном мешке была полная мгла. Если бы парень с видеокамерой, который здесь уже находился и откуда-то дышал из темноты, не включил подсветку своего “Бетакама”, то я ничего бы и не увидел. Мы стояли в круглом подземелье диаметром метра два с половиной и высотой метров в шесть. Я понял, что это одна из крепостных башен, которая соседствовала с возвышавшимся над ней храмом. Таким образом, Яма располагалась не строго под церковью, а в стороне, и ход к ней был прорублен в скале. Подземелье украшал только вырезанный на плите хачкар (крест) да аналойчик сбоку под малиновым покровцем. И всё. Я опустился на шесть метров вниз, а оказался на 1714 лет назад. Таким смешным здесь выглядел планшет в моих руках! Я перевёл его в режим видеосъёмки и поглядел вверх, на лаз в скале, по которому кто-то ещё спускался. Никакой лестницы здесь во времена заключения Григория Просветителя, естественно, не было, и тюремщики просто сбросили истерзанного мученика в колодец. И пола из каменных плит тоже не было; внизу, как писал святитель Дмитрий Ростовский в житии священномученика Григория, чавкало смрадное болото, в котором водились змеи и прочие гады. Ни разу за все 14 лет он не вышел отсюда на поверхность даже по нужде: все нужды приходилось справлять здесь же, а потом дышать этим. 14 лет среди змей и нечистот, в болотной жиже! Что там Эдмон Дантес и узник замка Иф аббат Фариа! У них, надо

думать, выносная параша была, и спали они на кроватях! Кроме того, их кормили, а святителю Григорию лишь одна милосердная женщина раз в день бросала в колодец лепёшку и спускала в кувшине на верёвке воды. Могучей силы духа был этот человек, не только выживший с Божьей помощью в этой каменной могиле, но и заставивший своего мучителя креститься и окрестить потом всю Армению! Кажется, чем дольше его прятали в Глубокой Яме, тем выше возрастал он духом, словно Арарат над грешной землёй.

...Когда мы возвращались в Ереван, вдруг справа обозначилась на вечернем небе громада весь день прятавшегося от нас Арарата. Я схватил планшет, стал снимать. Но потом, просматривая видео, контура священной горы я на нём не обнаружил — видно, маловато сидел в Глубокой Яме.

РИМ, 9 МАЯ

Итальянцы не отмечают ни 9 Мая, ни даже 8-е, как остальное “прогрессивное человечество”: они празднуют 25 апреля день освобождения Италии, причём считают, что сами её и освободили. 9 мая 2015 года я был в Риме, поэтому привёз из дому большую георгиевскую ленточку и орден Сталина (так называемый “общественный”). Я не сталинист, но орден этот принял. Как ни относишься к Сталину, а без него Гитлера не победили бы. Утром 9-го жена увидела, как я нацепил на грудь ленту и орден, нахмурилась: “Встретится какой-нибудь украинский националист, драка начнётся, в полицию заберут”, — но потом тоже привязала георгиевскую ленточку к сумке. Забегая вперёд, скажу, что украинских националистов мы за весь день не встретили ни одного, либо они никак не проявились.

Ленточка и Сталин были испытаны буквально через несколько минут, и с немалым успехом. Я спустился к портье, чтобы вызвать такси. В холле галдели и гоготали похмельные немцы, ожидающие вместе со своими чемоданами автобуса. Когда я шёл мимо них, они все, как по команде, смолкли, уставившись с открытыми ртами на мою украшенную грудь. В этом гробовом молчании, в котором, кажется, слышался скрип провожающих меня глазных яблок, я проследовал к ресепшену, договорился о такси и пошёл на улицу курить. Я ликовал: наконец-то найдено средство заставить этих гансов заткнуться! Такого в Риме они точно не ожидали увидеть!

Два вечера подряд соседи-немцы доставали нас своим громким шпреханьем и ржаньем. Пойдешь в кафе напротив отеля — они там сидят, целая дюжина, угощаются пивом, вином и коктейлями и гогочут, как гуси, на каждое слово бойкой девицы с крепкими германскими икрами, выполнявшей у них роль заводилы. “...Ихь загэ ир: “Ду бист айне фрау-идиот!” — “Га-га-га!” — “Унд зи мир антвортет: “Ду зельбет айне фрау-идиот!”” — “Га-га-га!”. Мы сидим, ждём со злыми лицами, когда, наконец, официантка, она же повар и хозяйка кафе, покончит с их заказами и займётся нами... Хорошо, они хоть на закуске сэкономили: вчера взяли всего две пиццы на двенадцать рыл, а то бы нам до закрытия ждать. Можно было, конечно, уйти, но хозяйка хорошо готовила, брала недорого и не запрещала приносить своё спиртное. Мы всё же дождались своего ужина, а там и немцы, хвала Создателю, напились, наорались и свалили, гогоча, восвояси, и мы немного отдохнули от них. Но — немного. Вернувшись в номер, мы через некоторое время захотели чаю и пошли в бар на открытой веранде отеля. Входим — опять тот же гогот и те же рожки, только в “узком” составе, человек шесть (“свои”, видимо), и сидят уже по-взрослому — с вискарём, джином, водярой. В кафе они на нас особого внимания не обращали, а тут уставились. И мы в их глазах, и они, наверное, в наших прочитали: “Преследуете вы нас, что ли?” Потом они отвернулись и начали ещё громче галдеть и ржать — уже с некоторым вызовом, вроде. Эх, раззудись, плечо, размахнись, рука: немец гуляет!

И вот — о чудо! — георгиевская ленточка и дедушка Сталин враз сделали их тихими. Нечто подобное я потом видел в парижском метро. Ехали две молоденькие немки со своими чемоданами по монмартрской ветке, шпре-

хали на весь вагон без остановки, не замечая косых взглядов парижан (у них так громко не принято), и повторяли зачем-то за диктором названия станций: “Бельвиль!”, “Колонель Фабьен!”, “Жорес!” И тут сверху, как с небес, грянуло суровое: “Сталинград!” Надо было видеть физиономии фройляйн! Они вздрогнули, повторили тихо и полувопросительно: “Сталинград?..”, посмотрели друг на друга и — замолкли, словно пережили мистическое потрясение. Мистики же никакой не было: в Париже есть и такая станция (как, впрочем, и бульвар Ленина).

На итальянцев ленточка и орден произвели меньшее впечатление, но один раз они нам здорово помогли. У нас на этот день имелись комбинированные билеты: Форум — Палатинский холм — Колизей. Но наша экскурсоводша после посещения Форума изменила порядок: пойдёмте, сказала, теперь в Колизей, а по Палатинскому холму вы будете потом в индивидуальном порядке ходить, он слишком большой. Когда же мы, распрощавшись с этой хитрой дамой у Колизея, направились на Палатин, молодые контролёры у турникетов заявили нам, что, согласно билету, положено посещать Холм после Форума, и только потом идти в Колизей. Дескать, хотите теперь на Холм, покупайте снова билеты. Мы стали говорить, что это — “бюрократизм” и “волонтаризм” и что мы, “руссо туристо”, безусловно обладая “обликом морале”, уже раз заплатили за их достопримечательности. И тут я поймал уважительный взгляд начальника этих контролёров, полноватого человека средних лет, на моей груди. Он был, наверное, левых убеждений: успокоил жестом помощников и пропустил нас, любезно отомкнув турникет своей карточкой.

Так что Палатинский холм увидел всё же ленточку и Сталина. Завершилась их презентация на другом конце Рима — в Термах Каракаллы, грандиозных, потрясающих самое смелое воображение развалинах бань. Здесь-то я понял тот источник ненависти, что испытывали к Риму варвары. В Термах этих даже библиотека была, в отдельно стоящем здании (оно, кстати, сохранилось лучше других строений). Хочешь — иди в парилку, хочешь — в бассейн с холодной или тёплой водой, хочешь — к ласковым гетерам, а можно и в огромный сортир, где на мраморных седалищах, под меланхоличное журчание канализации часами обсуждаются политические и театральные новости, хочешь шопинга после бани — к твоим услугам многочисленные “бутики” в нижней галерее. Между этажами снуют лифты, исправно работающие с помощью надёжных устройств — рабов и верёвки. Если же ты нуждаешься не только в омовении тела, но и в оздоровлении духа, то заворачивайся в тогу и садись в портшез, и слуги отнесут тебя через дорогу в библиотеку, а там — “г’аботать, г’аботать и г’аботать!” — как говаривал Ленин.

А чтобы иметь полное представление о масштабе досуга и отдыха римских патрициев, следует прибавить, что Термы Каракаллы — лишь малая часть той спортивно-оздоровительной структуры, исполинские развалины которой поднимаются над плоскими кронами пиний в районе метро “Чирко Массимо” — взять тот же Цирк Максимиан вместимостью в 250 тысяч зрителей. Полагаю, разрушить эти каменные колоссы было не менее трудно, чем построить. Взрывчатки-то ещё не придумали. Кто же это сделал? Точно не сменившие римских императоров Одоакр и Теодорих, как принято считать (они и сами были не прочь попользоваться). Их разрушили бывшие рабы, которые никогда больше не хотели вкалывать на римских галерах “культуры и отдыха”.

Вечером в нашем кафе, свободном от немецкой оккупации, выпили за Победу, а потом пошли в номер смотреть по интернету Парад на Красной площади. И когда двинулись по ней, ровно колышась в строю, наши полки, я понял, что Третий Рим всё ещё существует, а Четвёртому точно не бывать. Дорога, по которой шли когда-то через Форум римские легионы, давно заросла травой и едва угадывалась среди древних имперских развалин, а русские полки печатали шаг по целёхонькой брусчатке Красной площади, окружённой крепко стоящими имперскими постройками. Мы были по-прежнему империей реальной, несмотря на все катастрофы XX века, а Рим — импе-

рией потусторонней. Что же до древности, в которой мы соревноваться с Римом не могли, то, право же, лучше быть живым молодым человеком, чем старым и мёртвым памятником.

РИМСКИЙ ЦЕЗАРЬ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Чаадаев, критикуя наш национальный характер, написал в “Философических письмах”, что в Кремле стоит самая большая в мире пушка, которая никогда не стреляла, и самый большой в мире колокол, который никогда не звонил. И по сей день наши недруги эти примеры дружно повторяют.

А вот в парижском Доме инвалидов стоит мраморная статуя человека в римской тоге, в золотом лавровом венке на голове, со скипетром и державой в руках и орденом Почётного легиона на груди. Надпись на надгробье гласит, что это Наполеон II, король Рима (1811–1832).

Я некоторое время смотрел на статую в недоумении. Это кто же — пресловутый “Орлёнок”, единственный законный сын Наполеона I, герой сентиментальных романов? Но если он родился в 1811 году, то ему было всего четыре года, когда отец его во второй раз отрёкся от престола. Да и находился мальчик в это время вместе с матерью в Австрии. Ну, да, Наполеон I “назначил” маленького отпрыска и королём Рима, и даже императором Франции, коим он числился ровно две недели. Но ведь наш Орлёнок в июле 1815 года, когда перестал быть и тем, и другим, ещё в штанишки писал! Он бы и поднять не сумел эти тяжёлые скипетр и державу! А когда и за что сей младенец заслужил орден Почётного легиона?

Несостоявшийся Наполеон II дожил до 21 года и умер от туберкулёза в австрийском Шёнбрунне под именем Франца Йозефа Карла, герцога Рейхштадтского, майора австрийской армии (поскольку, как и Петруша Гринёв, был зачислен в полк едва ли не с младенчества). Имел он даже и орден — Королевский Венгерский Святого Стефана. Так вы его и изваяйте австрийским майором с венгерским орденом! Чего вы нам “римского цезаря” с орденом Почётного легиона подсовываете?

А кто, кстати, это сделал? Ведь могила и статуя Наполеона II появились здесь сравнительно недавно, в 1940 году. Вообще-то Орлёнок был захоронен в Вене, а сюда, в парижский Дом инвалидов, его прах велел перенести... Гитлер (какая приятная деталь для французов!). Вероятно, он исходил из тех соображений, что Наполеон II был наполовину австрийским немцем (по матери, австрийской принцессе Марии-Луизе). Таким образом, Гитлер символически связывал свой Третий рейх с рейхом Первым, Священной Римской империей германской нации, обязанной возникновением германцу Карлу Великому. А то, что “король Рима” Наполеон II никогда, по сути, не царствовал — это детали, главное — преемственность.

Французы после освобождения Парижа оставили всё, как при Гитлере, и не перенесли прах виртуального Наполеона II и его римскую статую из Дома инвалидов куда-нибудь на кладбище Пер-Лашез. Хотя нелепость почитания Наполеона II на государственном уровне очевидна, особенно, если учесть, что реально правивший 22 года Наполеон III похоронен даже не во Франции.

А Чаадаев критикует нас за Царь-пушку и Царь-колокол!

ПУТИН-ВОЙНА

В парижском квартале Бельвиль, рядом с отелем, зашёл в супермаркет купить минеральной воды. Хотел сдать сумку с бутылкой вина и кое-какой провизией в камеру хранения, а её нет. Что ж мне, разворачивать свои пакеты, показывать негритянке на кассе? Тут вижу знакомых девчат у турникета: они всегда здесь какие-то рекламные листовки раздают. Говорю им: “Добрый вечер, поддержите, пожалуйста, мою сумку”, — что звучит на варварском французском языке человека, безуспешно изучавшего в институте

немецкий, примерно так: “Бонсуар, силь ву плэ, тенэ мон сак”. Если кто-то знает правильную транскрипцию и произношение, не возражаю, чтобы меня поправили. Одна из девушек удивилась, но пакет взяла. В Париже вообще много мазуриков, никто никому сумок добровольно не отдаёт. Но этим-то девицам ещё не раз приходится сюда с листовками, убежать с какой-то невзрачной сумкой им явно не с руки.

Выбирал воду долго, подлеповато пытаюсь найти на этикетках слово “la gazeuse”, “газированная”, потом взял наудачу “Перье” — она вроде всегда газированная. Девушка же всё стояла с моим пакетом. Поблагодарил её, сказал обeim комплимент. Они заулыбались, а вторая, толстенная, спросила, откуда я. “Же сюи де ля Рюси”. “О! — оживилась толстушка: — Ля Рюси! Москву! — и лукаво прибавила: — Путин-гер!” Путин-война, стало быть. Они его уже на манер Пуанкаре величают. Это того звали Пуанкаре-война. Вот вам антироссийская пропаганда в действии. Тогда я сказал им одну из тех пяти французских фраз, которые знал: “На войне, как на войне!” (“А ля гер ком а ля гер!”). Они засмеялись, закивали. Дескать: мы понимаем, но это не наша война. Однако ровно через месяц, 13 ноября 2015 года, выяснилось, что ваша, причём принёс её вам не Путин-гер.

ОПЛОШНОСТЬ

На улице Ла Юшетт в Латинском квартале много всяких греческих ресторанчиков. Остановившись возле одного из них, мы увидели на веранде подвешенные к потолку электрические обогреватели — как в Константинополе. Значит, здесь тепло плюс хороший вид. Французы так клиентов не балуют: хочешь курить и глазеть по сторонам, садись за крохотный столик под открытым небом, прямо на тротуаре, среди прохожих. Зашли. Гарсон-засывала, чернявый плотный экспансивный парижский грек, сделался очень любезен, когда узнал, что мы русские, я же допустил оплошность, указав на обогреватель:

— Как в Стамбуле!

Грек даже подпрыгнул и вскричал негодующе:

— Но! Но Стамбул! Кон-стан-ти-но-поль! — и вытянул из-под накрахмаленной сорочки здоровенный золотой православный крест на золотой же цепочке.

— Конечно, Константинополь, — согласился я, а сам подумал: поздно вы об этом вспомнили.

ВРЕМЯ БЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА

В студенческие годы у нас был “прикол”: едем компанией в метро, и вдруг кто-то вскакивает и орёт: “Бежим, контролёры!”, — а за ним вскакивают и другие, только потом вспоминая под смех всего вагона, что в метро нет контролёров. Но это в московском метро, а в парижском они есть. И в вагонах, и на выходе из метро. Ты должен предъявить им узкий билетик из плотной бумаги, и они проверяют его на портативном сканере, когда и на какой станции ты вошёл в подземку. Потому что войти в неё можно, и перепрыгнув через турникет (как до недавнего времени делали и у нас, пока не приварили к боковинам устрашающие “яйцерезы”), и через выходы на некоторых станциях, не оборудованные турникетами. Не зная этой особенности, в один из таких выходов (sortie) мы с женой машинально зашли вслед за местной девушкой, основательно изучившей, видимо, халявные возможности проезда. Как-то непривычно быстро для парижской подземки мы оказались на платформе, причём бесплатно. Что ж, спасибо! Парижское метро — дешёвое удовольствие: евро восемьдесят за поездку. Но на выходе из станции Елисейские поля—Клемансо нас ждали контролёры — мужик и две бабы. Мужик представился на американский лад — “маршалом”. Маршал мытарей подземки! Категорически не принимая никаких объяснений

и ежесекундно угрожая вызвать полицию, они ободрали нас на 33 евро каждого. Попасть в участок ближе к ночи, да ещё в чужой стране, нам совсем не улыбалось, и мы скрепя сердце заплатили.

Через пару дней мы видели, как эти же мытари пытались оштрафовать в поезде на станции Шатле негритянку. Она подняла такой крик, что “маршалы” выскочили из вагона, как ошпаренные. Полиции, видимо, не вызывали, да и она, подозреваю, с той громогласной дамой связываться тоже не стала бы. Это только у нынешнего белого человека такое бремя — молчать и платить.

МЫ С ВАМИ ЭТО НЕ БУДЕМ ЕСТЬ

Елисейские поля в Париже — не самое лучшее место, чтобы перекусить русскому человеку: пища там либо дорогая и нам неизвестная, либо поднадоевшая итальянско-пиццерийная. Ну, ещё вариант — “Макдональдс”. Ходили мы с женой от ресторанчика к ресторанчику, читали меню у входа. Одно из блюд нас заинтересовало — “настоящая говядина по-татарски” (real beef of tartar). Ну, что ж: у татар вроде плохих блюд из говядины не бывает.

Зашли, заказали. Народ вокруг жрёт моллюсков типа устриц или крымских рапанов прямо из дымящихся кастрюль. Весёлый подвижный негр-официант быстро принёс наш заказ. Мы увидели... сочащийся кровью фарш с сырым яйцом и гарнир из картошки-фри и капустного салата. Очевидно, в Париже полагают, что татары — поклонники сыроядения. Могли бы и картошки сырой дать, раз такое дело. А может быть, of tartar означает “по-адски”: от Тартара — адской бездны, а не от одноимённого европейского названия Татарии? Или — “по-вампирски”?

Пару минут, утратив дар речи, мы пилились на real beef of tartar, а потом позвали весёлого негра и спросили, кто это может есть. Уразумев, в чём дело, тот осклабился и ответил:

— Мы с вами не будем, а французы с американцами едят.

Я всегда считал вслед за Робинзоном Крузо, что одно из отличий цивилизованных людей от дикарей в том, что они не употребляют в пищу сырого мяса. Стало быть, русские и негры, по версии гарсона, — цивилизованные люди. А французы с американцами кто же тогда?

БЕЗ КОРМЧЕГО

Поезд тронулся, и я вдруг увидел перед собой туннель подземки, как никогда его в жизни не видел — без всяких преград, напрямую. Словно я машинист поезда. Тут только я понял, что и сижу на месте машиниста, поскольку на этой линии парижского метро составы управлялись бортовым компьютером или компьютером за бортом. Ну, может быть, предполагался где-то и оператор. Я оглянулся: никто из пассажиров даже не смотрел вперёд — привыкли. А молодой человек по соседству не терял даром времени в пути: достал книжечку папиросной бумаги, кiset с табаком и необыкновенно ловко, не просыпав ни крошки табаку, за пять секунд свернул идеально круглую сигаретку, не забыв вставить в неё фильтр из отдельного пакетика. Да, люди почитают свои маленькие заботы более важными, нежели мысли о том, кто ими управляет — хоть в государстве, хоть в поезде метро. Вот, скажем, молодой человек выйдет из подземки — и сразу задымит. А то на улице возиться с самокрутками неудобно: я знаю, сам их вертел в начале ельцинских 90-х, не имея денег на сигареты. Наблюдение за мастерской работой француза, неподвластной вагонной тряске, подействовало успокаивающе, но всё равно было как-то не по себе, хотя, не исключено, я и в Москве на таких поездах ездил, только не знал этого. К реальности из фантастических романов привыкать трудновато. “Значит, без руля и без ветрил”, — подумал я, но тут же поправил себя: без кормчего. Если бы такое случилось с мчащимся в море катером, то кое-кто бы уже выпрыгнул в воду, — напри-

мер, моя жена, которая сидела в центре вагона и не знала, к её счастью, в каком поезде она едет. Шутка сказать: состав, завывая, набирает скорость в чёрной дыре, а вместо машиниста я — такой же пассажир, как и все другие, причём даже не знающий, где у них здесь, лягушатников, стоп-кран. Может быть, мне не надо было садиться сюда, вперёд? Стоял бы рядом с женой в середине вагона, глядел сомнамбулически на своё отражение в окне. А кто там ведёт поезд — какая разница? Ведь кто-то же управляет всем этим грандиозным подземным хаосом под названием парижское метро, по сравнению с которым метро московское — образец гармонии и порядка? Линии сплелись, как нити частой паутины, поезда летают по ним туда-сюда, а персонала на станциях не видно, только бомжи по-хозяйски устраиваются на ночлег, с наслаждением шевелят пальцами разутых ног, покуривая сигареты, что вроде бы категорически запрещено в общественных местах Евросоюза. Всё как-то происходит волею компьютера — без кормчего, без веры в присутствие начальника над кормчими. А разве наверху, в надземной части Парижа, иначе происходит? А во всей Франции? А в остальном мире? Я глядел на чёрную извилистую дыру, в которой мы с грохотом исчезали, на безразличных пассажиров, и испытывал нечто сродни ощущению пути человечества без Бога.

---

*С радостью и большим дружеским чувством поздравляем
члена редколлегии журнала, нашего постоянного автора,
замечательного русского писателя
Андрея Венедиктовича Воронцова с 55-летием
и желаем ему дальнейших успехов в литературном творчестве!*

**Коллектив редакции журнала
“Наш современник”**

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ

МОЯ ДУША СКВОЗЬ ОБЛАКО ЛЕТЕЛА...

* * *

Он медленно спускался в летний сад
И погружался в кресло под сиренью.
На нём лежала солнца полоса.
Лицо покрылось лёгкой светлой тенью.
Он был тяжёл, в нём иссякали силы.
В нём стыла кровь, не согреваясь летом.
Ему родня накидку приносила
И накрывала ноги тёплым пледом.
И он сидел, дремотный и недвижимый,
Лишь иногда приподнимая веки,
Чтобы увидеть, как желтеют пижмы,
Сияют флоксы, синие, как реки.
В его дремотной памяти усталой
Текла видений странных вереница,
Гладь океана призрачно блистала,
Мерцали артиллерии зарницы.
То шелестели джунгли Кампучии,
И пехотинцы в бой бросались снова,
То мчались тепловозы, и лучи их
Метались в зеркалах купе ночного.

ПРОХАНОВ Александр Андреевич родился в 1938 году в Тбилиси. Окончил Московский авиационный институт. Автор многих книг прозы и публицистики, романов "Чеченский блюз", "Красно-коричневый", "Идущие в ночи", "Господин Гексоген", "Крейсерова соната", "Человек звезды", "Время золотое", "Убийство городов", "Губернатор". Живет в Москве.

Он видел руки женщины любимой,
Его любовью дивной одарившей.
И над Кабулом — тучу злого дыма,
Где на камнях лежал убитый рикша.
Порой являлось мамино лицо,
Её любимая фарфоровая ваза,
А он, ребёнком, вышел на крыльцо,
Трава сверкала россыпью алмазов.
Так жизнь, что на своей заре далёкой
Ему любовь и счастье предвещала,
Теперь, перед его последним сроком,
Ему свои виденья возвращала.
Поодаль шумно детвора резвилась.
В саду висел гамак, дыряв и клетчат.
К нему на руку бабочка садилась,
И жёлтый лист слетал ему на плечи.
Так он сидел в дни осени багряной,
Так он сидел среди дождей тяжёлых,
Когда с берёз холодные бураны
Смели наряд последних листьев жёлтых.
Пошли снега, а он сидел в метели.
Был, как сугроб, насыпанный в морозе.
Вдруг снегири к сугробу прилетели,
Как будто принесли живые розы.
Его усыпали на праздник огоньками
Два уголька и красная морковка.
Он — снеговик. Вокруг, звеня коньками,
Кружился рой, танцующий и ловкий.
Весной, когда лазурь затрепетала,
Когда от солнца засверкали дали,
Он стал, как вешний лёд, — прозрачный, талый,
И в нём бесшумно радуги играли.
Он весь растаял и истёк ручьями.
В них серебром расплёскивался ветер.
Вдруг на земле под тёплыми лучами
Открылись взору дивные соцветья,
И в каждом его голос раздавался.
Прильни к цветку, и ты его услышишь.
В том синем — океана вал плескался.
В том жёлтом — пагод золотые крыши.
В том алом — бой горячий и смертельный,
В котором пал его любимый сверстник.
Его несли в гробу с крестом нательным
В страну, где он воспрянет и воскреснет.
А в том цветке, в том дивном семицветье —
Его любимых женщин обаянье.
И целовал цветы весенний ветер,
И плавилась лазурь в день отпеванья.
Из той лазури в сад спустилась птица,
Она была невиданной расцветки.
Её увидел мальчик светлолицый
В пустом саду на одинокой ветке...

* * *

Погаснет мир, стогласый и стоцветный,
И я уйду, в углу оставив трость,
К Тому, кому палач ветхозаветный
Вогнал в ладонь гранёный ржавый гвоздь.

Истёк мой век, окончено сказанье.
Всё совершил, что начертал мне рок.
Оставлю по себе воспоминанье,
Как в янтаре прозрачный пузырёк.

Вы без меня танцуйте и пируйте.
Друзья ушли, остался я один,
И некому поведать, как в Бейруте
Кричал на площади унылый муэдзин.

* * *

Ель смолистая поклонится,
Ветер тихий набежит
Там, где бабушка покоится,
Там, где матушка лежит.

* * *

Та дивная рука, что целовал в забвеньё...
То был счастливец, то опять страдальцем.
Рука, нырявшая в волшебный куст сирени,
Из-под земли грозит костлявым пальцем.
Берёзу распахнул, в неё вошёл,
Одел себя березовой корою.
Мне голову накрыл небесный шёлк,
Я корнем ключ нащупал под горою.
Пень свежеспиленной берёзы
Сочился соком на поляне вешней.
Он был, как чаша, из которой слёзы
Через края катились безутешно.
Оно придёт, я знал наверняка.
Я ждал его вседенно и всюнощно.
Раздался стук. Костлявая рука
Передала письмо с пометкой “Срочно”.
Она пришла вся в чёрном, вся в бриллиантах.
Вокруг толпились преданные слуги —
Все мои раны, боли и недуги.
Сказал: “Иду. Не надо музыкантов”.
Мой путь был ослепительным и длинным.
Я мчался средь вершин, равнин и вод.
Теперь один я шествую в долине,
Где тени смерти водят хоровод.
Я сыну дал фамильную икону,
Коробку бабочек возьмёт себе другой...
И в тишине осиротелых комнат
Они услышат голос дорогой.
Когда на сердце мне ложился камень,
Казалась жизнь невыносимо тяжкой,
Я вспоминал платок лучистый мамин
И голубую бабушкину чашку.

* * *

Положите меня под высокою чистою елью,
Там, где мама и бабушка ждут меня в тихой могиле.
И весенняя птица своей незатейливой трелью
Вам расскажет о том, как мы счастливы были.

На кладбище зимой не свистнет птаха.
Бумажные цветы с железными листьями...
Так белая холщовая рубаха
Расшита красными и чёрными крестами.
Зачем мне ваш роскошный пышный гроб?
Молебны, речи — ничего не надо.
Пусть наметёт метель серебряный сугроб
И ночь зажжёт волшебных звёзд лампы.
Слепой старик кипел в смоле кромешной.
Кричал: “Спаси!” — из адской темноты.
Спрошу у Господа: “Скажи, кто этот грешник?”
И мне Господь ответит: “Это ты”.

ДАМА В ЧЁРНОМ

Когда-то смерть в меня стреляла метко,
Её несли мне грозные враги.
Теперь она тиха и незаметна.
Я слышу её близкие шаги.
Белесый череп на земле пылится.
Поднял с земли, поднёс его к лицу.
Увидел мир сияющий в глазницах...
Вернул глаза умершему отцу.
Ладья плыла без вёсел, без гребцов,
За ней сверкала солнца полоса.
Мне померещилось любимое лицо,
Моих друзей умерших голоса.
При мысли о тебе — гнетёт тоска,
Не помыслы, увы, о жизни вечной.
Ты спряталась у левого соска...
Ты смертушка моя, мой тромб сердечный.
Как в блеске стали, в грохоте несносном
Несётся поезд к станции метро,
Так в темноте, в сосуде кровеносном
Стремится к сердцу смертоносный тромб.
Я сочинял стихи прекрасной даме,
А вороньё чертило небеса.
Я помню череп с ямами-глазами,
В руках костлявых — острая коса.
Мы были в Аркаиме прошлым летом.
Пылала степь, нещадно жар палил.
Лежали в погребениях скелеты,
У них в глазах сверкали хрустали.
Не помню я отцовского лица,
Его лицо туманится и тает...
Но пуля, застрелившая отца,
Ко мне летит и вот уж подлетает.
Я покидал измученное тело,
Я пролетал сквозь белый потолок...
Потом душа сквозь облако летела,
Был путь её прекрасен и далёк.

ВАЛЬС

Прекрасен праздник в Северной столице:
Сияют зеркала, сверкают люстры.
Кругом мужчин восторженные лица
И женщин обольстительные бюсты.

В седой Неве соборы отражались.
Смеялся рядом тучный иностранец.
Вдруг волны вальса дивно разбежались,
И в зале объявили “белый танец”.
В нарядах белых, золотых и алых,
Все женщины, как бабочки, взлетели.
Передо мной вдруг женщина предстала,
Вся в чёрном, и брильянт на белой шее.
“Вы — мой избранник”, — протянула руку.
Я был пленён её волшебным взором.
Нас подхватили сладостные звуки,
Мы закружились на полу узорном.
Её духов осенние дурманы,
Пожатье слабое трепещущей ладони...
Её шелков прозрачные туманы...
Не видел глаз прекрасней и бездонней.
К балкону увлекло движенье вальса.
Нева струилась, купола блестели.
Кружась, она мне слабо сжала пальцы:
“Ну, что ж, избранник мой, мы полетели!”
Дворцы сияли, шумно ветры дули.
У сфинксов, на гранитных пьедесталах
Я вдруг увидел маму, молодую...
Давно в ней сердце биться перестало.
Потом в седой степи, людьми забытой,
Мы увидали жёлтый холм печальный.
В холме лежал отец, в бою убитый.
Он мне послал свой поцелуй прощальный.
Кавказский лёд сверкнул под облаками.
На склонах гор — багряные тюльпаны.
Там жили мои предки — молокане,
Я видел их цветные сарафаны.
“Куда мы мчимся в высоте небесной?
Вон, видишь, стог? Пускай нам ложем будет.
Я там сниму с тебя брильянт чудесный
И поцелую шёлковые груди”.
Она коснулась губ моих рукою.
“Не торопи, всё будет, мой избранник!”
Мы пронеслись над синею рекою,
Где дом стоял, где жил я в детстве раннем.
И вот я снова мальчик непослушный,
И бабушка бежит за мною к речке.
Сначала сердится, а после кормит грушей.
Мы с ней сидим на солнечном крылечке.
Но вот внизу Уссури лёд зелёный.
На острове — кровавые дорожки.
Подбитый танк, снарядом опалённый,
И я лежу в снегу, в кровавой “лёжке”.
Сижу среди весёлых празднословов.
Моя щека испачкана помадой.
И над Москвой горит закат лиловый.
Высотных зданий тёмные громады.
Я заключил её в мои объятия.
Я умолял прервать полёт наш быстрый.
Пусть сбросит своё шёлковое платье,
Пусть зашуршат таинственные искры.
Но молча погрозила мне мизинцем.
Летели над волнами цвета мёда.
И я стоял на палубе эсминца,

Матросы заряжали бомбомёты.
Мы облетали города и страны.
Горел Кабул, стреляла Кампучия.
Все те места, где получал я раны,
И лазареты, где меня лечили.
Убитый слон в пустыне Калахари.
Любовница в отеле Мозамбика.
Коричневые груди колыхались,
И рот не закрывался в страстном крике.
Вот облетели мы Дворец горящий.
Не мог смотреть. Сжимал кулак до боли —
Ведь это я тащил зарядный ящик,
И красный флаг мой трепетал на воле.
Я вопрошал её: “Кто ты такая?
Кому ты служишь, женщина, отныне?”
Внизу струилась осень золотая,
И храмы Пскова плыли в луговине.
Мы посещали города, селенья,
Где жили те, кого я спас от пули.
То место, где содеял преступленье,
Поднял винтовку, взгляда не потупив.
И вот мы опустились у отеля.
Крутилась дверь, сверкали лимузины.
В просторном люксе окна запотели.
За стёклами — какой-то город зимний.
Она к моим ногам шелка сложила.
Она плечо устало обнажила
И протянула мне бокал хрустальный:
— Налей же мне вина, мой друг печальный!
Так не был прежде счастлив я с другими.
Любовь и нежность разум мой затмили.
“Откройся, наконец, скажи мне имя!”
И был ответ: “Я смерть твоя, мой милый!”
Брильянт надела, подвела к порогу.
Как самому родному, дорогому:
“Люблю тебя, — сказала на дороге, —
Прощай, мой милый, я ушла к другому”.
И волны вальса слабо зазвучали.
Вослед неслись слова несвязной речи.
И я ушёл. Меня уже встречали,
И мама мне несла букет навстречу.

* * *

Еще душа устремлена в лазурь,
Еще леса не сбросили покровы,
Но голос твой спокойный и суровый
Мне предвещает время зимних бурь.
Еще на клумбах поздние цветы,
Еще в саду благоухают розы,
Но очень скоро, это знаешь ты,
Сойдут на землю первые морозы.
Не удержать осенних птиц полет.
И как слова прощального привета,
Тебе на стол, родная, упадет
Последний лист исчезнувшего лета.

* * *

Наше время с тобой истекло.
И в туманной дали голубой,
Там, где мы целовались с тобой,
Остывает цветное стекло.

* * *

Станет боль нестерпима к апрелю,
И утихнет она к январю.
Я исчезну с последней метелью
И на память тебе подарю
Чистоту белоснежных волокон,
Тишину не промолвленных слов,
Синеву затуманенных окон,
Глубину не проявленных снов.

* * *

Я уйду без обид и претензий.
Дверь закрою и вновь не войду.
Оставляю вам клумбу гортензий,
Что сажал в бирюзовом саду.
Не ищите и слезы не лейте.
Я лишь ветра летучая зыбь.
В темноте прорывает на флейте
Птица вещая с именем выпь.

БЕЛЫЙ ПАРОХОД

Милый мой, свиданье было долгим.
Ни друзей вокруг и ни врагов.
Белый пароход плывет по Волге,
А у Волги нету берегов.
Как светлы и кратки были ночки.
Как свистел за речкой соловей.
Посажу лазоревый цветочек
На могилу любушки моей.
Как цвело и пламенело лето,
Как сверкала моря бирюза.
Мне осина круглые монеты
Осенью положит на глаза.
Век мой вскрикнул, вспыхнул и умчался,
И растаял где-то вдалеке.
Я в саду сиреневом качался
В клетчатом дырявом гамаке.

НАТАЛЬЯ РОМАНОВА-СЕГЕНЬ

НАУКА КРАСОТЫ

РАССКАЗЫ

МОЁР

Психологи утверждают, что полное представление о человеке складывается в течение первых тридцати секунд знакомства с ним. Однако в момент знакомства Ксении со своим будущим отчимом девушке в первую секунду стало ясно, что никаких оставшихся двадцати девяти секунд не потребуется, чтобы понять, как он ей не нравится. Звали будущего маминго мужа Владимир Владимирович. Он, хехехнув, так и представился, добавив:

— Почти Маяковский.

“Почти, да не почти”, — подумала Ксюша, окидывая скептическим взглядом нового члена семьи. И что мать в нём нашла? Усатый, носатый, смеётся противно. Сыплет какими-то дурацкими шутками, приводя Ксенину сорокалетнюю маму в полный восторг. Впрочем, поначалу семнадцатилетней Ксении дел особо до отчима не было. “Делайте, что хотите”, — решила она, тем более что её никто и не подумал спросить, жениться им или нет. У отчима с матерью была своя жизнь, у Ксюши — своя. Она даже первое время старалась скрывать свою неприязнь к Вовану (так она окрестила “почти

РОМАНОВА-СЕГЕНЬ Наталья Владимировна родилась в Тюменской области, окончила Уральский педагогический университет по специальности “социальный работник”. Член Союза писателей России. Публиковалась в журналах “Смена”, “Юность”, “Литературная учеба”, “Наш современник”, “Простор”, “Север” и многих других. Лауреат премий “Русский позитив” Российского Фонда мира, “Патриот России” Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, имени Л. М. Леонова журнала “Наш современник”. Автор книг “Гефсиманский сад” и “Рецепт хорошего настроения” (издательство Московского Сретенского монастыря).

Маяковского”), но в дальнейшем ничего поделаться не могла с тем, что с каждым днём он всё больше и больше раздражал её.

На проверку Вован оказался лихим товарищем, любителем приключений и авантюр. Маму, до мозга костей интеллигентную женщину, это только умиляло. Парочка представляла собой тандем “барышня и хулиган”, только великовозрастный. А ещё больше всего раздражала Ксюшу в нём полная безграмотность. Например, только в одном слове “майор” Вован делал кучу ошибок и писал “моёр”, видимо, думая, что оно произошло от слова “моё”. К слову сказать, сам Владимир Владимирович был майор в отставке. И Ксюша однажды, попросив у него военный билет, прямо тыкнула этими корочками отчиму в лицо, сказав сквозь зубы:

— Посмотрите, пожалуйста, как правильно пишется слово “майор”.

И о чём может говорить с ним женщина, владеющая в совершенстве несколькими языками, недоумевала Ксения, поглядывая на мать. Вован же, как ни старался понравиться, ничего у него не получалось. Он только больше отталкивал Ксюшу от себя. Но сильнее всего молодую особу раздражало то, что Вован был не дурак выпить. И если мама, на дух не выносившая алкоголь, разошлась с отцом Ксении по этой самой причине, то Вовану почему-то позволялось заливать за воротник. И выходы Вована в алкогольном состоянии доводили Ксению до белого каления. Вован очень хорошо дрался и слыл большим авторитетом во дворе. Всё потому, что часто мог угостить выпивкой и в случае чего заступиться за любого из своих друзей-собутельников.

Как-то утром в дверь квартиры постучали. Ксения открыла. На пороге стояли два дворовых хлюпка Коляй и Димитрич, друзья Вована.

— Вовку позови, — чуть не плача, сказал Коляй, размазывая кровь из носа по лицу.

Димитрич тоже был в слегка ударенном состоянии и грустен до невозможности. Без сомнения, они пришли просить у Вована защиты.

— Дядя Вова, к вам, — недовольно выкрикнула из коридора Ксения.

Вован в это утро пребывал с тяжелого пахмура и вообще-то никого не желал принимать.

— Скажи, я занят! — крикнул он Ксении.

— Вовка, выйди, очень надо, — заканючил Коляй.

— Будь человеком! — вторил Димитрич.

— Дядя Вова! Да встаньте вы уже с постели! — рассвирепела Ксюша.

Вован нехотя вышел из комнаты, зевая и почесывая живот.

— Ну? — спросил он, оглядывая мутным взором пришедших.

Ксюша даже не стала слушать, с чем пожаловал этот побитый дуэт. Вован, по всей видимости, в тот момент тоже был не особо внимателен к посетителям и слушал их вполуха, думая, как бы сейчас улизнуть из дома и опохмелиться. А случилось вот что. Коляй, выпивая, чего-то не поделил с Генкой, Димитрич было заступился, но как-то неудачно. Поэтому они и пришли к Вовану с просьбой наказать Генку. Но Генок было во дворе двое. Один — по кличке Гендос, а второго Генку прозвали Гудносом. Он страшно гундосил. Но когда его переспрашивали, потому что порой его речь была непонятной, он, перед тем как повторить сказанное, вежливо произносил:

— Простите, пожалуйста, я гудношу с младенчества.

Гуднос, в отличие от Гендоса, задиристостью не отличался, но в этот раз побил Коляя и Димитрича именно он, Гуднос. И приходили они к Вовану за помощью по его, Гудносову, душу. Но Вован по своей невнимательности накостьлял не ему, а Гендосу. Причём врезал основательно: Гендос лишился пары передних зубов. И когда выяснилось, что пострадал не тот, Вовану пришлось повиниться и оплатить Гендосу счёт из стоматологической поликлиники. Правда, деньги на то, чтобы вставить зубы Гендосу, давала Ксюшина мама, так как Вован сидел тогда без работы.

Зубы у Гендоса были нукудышные. Но под осуждение всей дворовой братии Гендос заказал себе самые лучшие, металлокерамические. Потерпевший каждый раз пояснял, что, конечно, он бы и вставными железными был доволен, если бы их выбили в честной драке, а это, мол, компенсация морального ущерба. И улыбался, сверкая новыми зубами цвета белого начи-

шенного унитаза. Зато после той истории Гуднос долго не появлялся во дворе, боясь того, что просьбу Коля и Димитрича Вован так и не выполнил.

Ксюшу сей случай просто допёк. И без того плохие отношения падчерицы с отчимом ухудшились в разы. Ксении было жаль маму, которая постоянно вытаскивала своего муженька из подобных историй, и — чего скрывать! — жалко и денег, отложенных на покупку навороченного компьютера и улетевших Гендосу в рот. После этой истории Ксюша перестала разговаривать как с матерью, так и с отчимом.

— Надо что-то делать, — сокрушённо сказала Елена Васильевна за ужином. — Только что, ума не приложу. Ребёнок трети сутки отказывается есть с нами.

— Да, — согласился Владимир Владимирович и усмехнулся: — Может, мне китайский выучить?

— Сиди уж, — покачала головой Елена Васильевна, зная, что никакой китайский её муж не осилит. Терпения не хватит.

— Да, тут и китайский не поможет, корячься тут, учи, а потом всё это — коту под хвост. Вот ты мне скажи, чего ей сейчас хочется больше всего? О чём она мечтает?

— О чём мечтает? — Елена Васильевна задумалась. — О ремонте в своей комнате, о новом, хорошем компьютере мечтала... — Она многозначительно посмотрела на мужа.

— Ленусик, ну, хватит уже! Сколько можно! — вспыхнул тот. — Знаешь ведь, что во вторник в десять собеседование. Все шансы, что меня возьмут на ту работу.

— Вообще-то Ксюша всегда мечтала съездить в Москву и побывать в Третьяковской галерее, — припомнила Елена Васильевна.

— Так давай устроим ей эту поездку! К тому же у меня там родственники живут, будет где остановиться. И даже лучшая подруга моей тётушки — старый музейный работник, — Владимир Владимирович с гордостью произнёс это, словно сам был музейным работником, а не подруга тётушки. — А работает она именно в Третьяковской галерее.

— Ух ты! — восхитилась жена.

— Так что, Ленулька, всё будет по высшему разряду.

— Прекрасно! Но только преподнести Ксене это надо как бы между прочим, не потому что мы задабриваем её, а то будем потом каждый раз заискивать. Скажем, поездка в Москву — подарок на окончание школы. Пусть съездит, развеется, а то скоро поступать в институт. Но вам придётся ехать вдвоём. Мне никак. Не отпустят с работы.

Билеты из Новосибирска в Москву были только на воскресный ночной рейс. Обрато из Москвы они вылетали в понедельник вечером, так как во вторник у Владимира Владимировича было назначено собеседование по приёму на работу. То, что они всего один день проведут в Москве, Ксюшу не огорчало. Во-первых, она была несказанно рада, что впервые поедет в столицу нашей Родины. А Третьяковская галерея, как думала Ксюша, — предел мечтаний любого человека. Во-вторых, ей вовсе не хотелось долго находиться в компании отчима, которого она презирала всей душой. Но не отказываться же от поездки!

Елена Васильевна перед посадкой дала наставления обоим отправляющимся, сказала дочери, чтобы та ни на шаг не отходила от дяди Вовы и не грубила ему. Дядю Вову просили же об одном — не пить. И Ксюша, и Владимир Владимирович уверили, что будут вести себя прилично.

С самого начала поездки Ксюша вела себя довольно сухо, в ней стойко держалось мнение о никчёмности Вована. Дядя Вова же, как ни в чём не бывало, шутил, балагурил и вновь рассыпал свои idiotские шуточки. Но теперь Ксюша уже терпимее относилась к его солдафонскому юмору. Всё-таки Москва и Третьяковка...

— Вот обрадуется-то Агния Венедиктовна при виде нас! И Борис Андреевич тоже.

— А Борис Андреевич — это кто?

— Борис Андреевич Полицеймако — муж моей тётки. Интересный человек. Профессор!

У Ксюши при слове “профессор” округлились глаза от удивления.

— А Мишаня-то как от радости зайдётся! — щебетал дядя Вова. — Мишанька — мой брат. Увидишь, какие это воспитанные, интеллигентные люди. Они в Москве своей каждый день по театрам ходят. И в библиотеки тоже. Каждый день.

— Так уж каждый, — усмехнулась Ксения.

— Вот тебе крест, — дядя Вова перекрестился, — они такие начитанные! Я свою тётку и братца двоюродного без книги и не видел.

— Посмотрим, — важно произнесла Ксюша, но в голосе мелькнуло уважение.

— Приедем — сразу к ним двинем, — распорядился Владимир Владимирович, — позавтракаем. Знаешь, какими они изысканными блюдами будут нас потчевать. Они эти, как их, гурманы. И эстеты тоже. Отдохнём у них малость, потом в Третьяковскую галерею сходим, ещё куда-нибудь зайдём. В Москве много интересного. Куда тебе захочется, туда и пойдём.

— А вам куда хочется?

— Мне, — дядя Вова чуть не поперхнулся, — мне куда и тебе.

— Понятно...

Ксения почему-то думала, что их будут непременно встречать родственники дяди Вовы, но в Домодедово их никто не ждал.

— Неприлично им так рано звонить, — сказал дядя Вова.

— Конечно, неприлично, — согласилась, пожалуй, впервые с отчимом Ксюша, — в пять утра профессора будить.

Они зашли в кафе аэропорта, перекусили.

— Ну и цены тут! — ужаснулась Ксения.

— Что ты хочешь, Москва, — с уважением произнёс дядя Вова. — Тебе что-нибудь ещё взять?

Ксюша замотала головой, мол, дорого тут всё.

— А я, пожалуй, возьму себе бутылочку пивка. В горле пересохло.

— Дядя Вова! — укорила его падчерица.

— Так пить же хочется!

— Возьмите минералки.

— Да ты что, — теперь пришла очередь ужасаться дяде Вова, — она сто пятьдесят рублей пол-литровая бутылочка.

— А банка пива — двести! — Ксюша была неумолима.

— Тоже мне, нашла, что сравнивать! Минералка — это вода водой, а пиво...

— Как же вы выпивши в гости-то пойдёте?

Дядя Вова задумался.

— Ладно, — махнул рукой он, — там выпьем за встречу.

— Надо бы им какие-нибудь подарки купить, а то с пустыми руками неудобно, — предложила Ксюша. — И почему это вы с мамой не подумали об этом?

— Почему не подумали? Мы с Леной обговаривали этот вопрос. Я ей пообещал, что куплю родственникам презенты, как только прилетим в Москву. А чего таскаться-то с лишними сумками? Вот сейчас пойдём и купим.

Ксюша с отчимом направились в аэропортовые лавки, которые ломились от изобилия товаров. Накушив милых вещичек под руководством Ксюши, дядя Вова почувствовал непреодолимую тягу освоить винный отдел. Что он и сделал. Его глаза явно повеселели.

— Водовка, — наглаживал дядя Вова литровую бутылку. Ксюша презрительно фыркала.

Следующие два часа они, скучая в аэропорту, выжидали время. В восемь дядя Вова позвонил на домашний номер своей тётки Агнии Венедиктовны Полицеймако. В мобильном телефоне слышались заунывные гудки.

— Они что, не ждут нас? — спросила Ксюша.

— Нет!

— Как нет?

— Сюрприз!
— Ну, вы и придур, дядя Вова, — вырвалось у Ксюши.
— Но-но, — приобиделся Вован.
— Что но-но? — начинала свирепеть Ксения. — Не могли позвонить им заранее, предупредить? Мы из такой дали приперлись! Из самой Сибири!
— Так мы же не с ночевой к ним, предупреждать-то? К тому же мы не к ним вообще-то ехали, а в Третьяковку.

— Понятно...
— Да не горюй ты! Сейчас дозвонимся. Спят ещё они, потому что работают по ночам. Богема, едрить их.

Дядя Вова вновь стал набирать заветный номер, включив громкую связь. Наконец-то, после семитысячной попытки в телефоне вместо гудков раздалось человеческое “алло”.

— Агния Венедиктовна, — браво сказал дядя Вова, — доброе утро!

На той стороне, услышав это, казалось, не хотели выдавать своё присутствие.

— Тётя Агния, — повторил дядя Вова, подмигивая Ксении, — это я, ваш любимый племянник.

На том конце провода упорно молчали, человеческая речь не возобновилась.

— Тётя Агния, вы меня слышите? Это Володя. Я в Москве. Скоро буду у вас.

— Нет! — почему-то взвизгнула Агния Венедиктовна.

Дядя Вова поначалу немного опешил, но потом повторил:

— Тётя Агния, это же я, ваш любимый племянник, вы слышите меня? Я в Москве, скоро буду у вас.

— Нет! — вновь громко заверещало в телефонной трубке. — Ещё раз говорю, нет!

— Ничего не понимаю, — пожал плечами отчим Ксении, — не узнала она меня, что ли?

— Она, кажется, вас оч-чень хорошо узнала, — позлорадствовала Ксения.

— Сейчас разберёмся. Тётя Агния, это я ваш племянник, Володя, сын сестры Людмилы. В гости к вам сейчас приеду. Не узнали меня?

— Узнала, Вовочка, узнала.

— Ну вот! А что я говорил. — Вован чуть вскинул голову, мол, смотри, Ксюша, с какими людьми сейчас будем иметь дело.

— Вовочка, но я тебя сейчас не могу принять.

— Как это? — искренне удивился Вован.

— А вот так, Вовочка, — запричитала Агния Венедиктовна, — лежу, болею.

— Что с вами?

— Сердце, милый мой, сердце.

— Да что случилось, тётя Агния? — всполошился Владимир.

— Так ты ничего не знаешь? От нас Борис Андреевич ушёл. Бросил нас на произвол судьбы. Нашёл себе девку какую-то молодую, а нас с Мишенькой бросил. — Агния Венедиктовна не в силах была сдержать слёз.

— И как Мишаня? — спросил дядя Вова.

— Держится, мой мальчик бедный. Он молодец у меня. А отец его козёл. Дальше последовал бурный мат, и Ксюша невольно отшатнулась от телефона.

— А сколько Мишане лет? — шёпотом спросила она.

— На четыре года меня младше, — также шёпотом ответил ей дядя Вова. Значит, тридцать четыре, сосчитала Ксюша.

— Тётя Агния, мы приедем вас попроведать, — настаивал дядя Вова.

— В следующий раз, милый, в следующий раз. Не до гостей мне.

Агния Венедиктовна ещё чего-то говорила, жаловалась на здоровье, на своего загулявшего мужа, а потом и вовсе прекратила разговор.

— Надо же, — сказал Владимир Владимирович, — а такая крепкая семья была, интеллигентная. Хотя, по правде сказать, Агния стерва ещё та!

Бедный Борис Андреевич! Почти сорок лет терпел эту дуру. Я бы от неё в первый же день сбежал. Запилит кого угодно.

— А Борис Андреевич сам-то что из себя представляет? — спросила Ксения, нервно зевая. — Может, зануда редкая.

— Да ты что! Борис Андреевич во какой! — Вован поднял к потолку два больших пальца. — Сейчас мы ему позвоним, он обрадуется. Знаешь, как меня любит! Это Агния нас, свою родню, сторонилась, мол, мы напоминаем ей её происхождение. Рабоче-, блин, крестьянское. Она вечно такую фифу из себя корчила. Из грязи да в князи.

— Звоните уже этому полицейскому. Какая у него смешная фамилия!

Владимир Владимирович быстро нашёл в своём телефоне мобильный Бориса Андреевича Полицеймако.

— Слушаю вас, — бодро ответил профессор.

— Борис Андреевич! Дорогой! Приветствую вас!

— Володя, ты?

— Он самый.

Отчим посмотрел на Ксению важно, показывая всем своим видом, что с первых аккордов узнаваем таким значительным человеком.

— Как поживаешь, старина?

— Все хорошо, Борис Андреевич. А как вы?

— О, я в раю, старина.

— Понимаю вас, Борис Андреевич, всем сердцем, — захихикал дядя Вова, — я только что с Агнией созванивался.

— Так значит, ты обо всём знаешь. Как я счастлив, старина, как счастлив, уж и не думал, что на старости лет такое счастье доведётся испытать.

— Рад за вас, Борис Андреевич, искренне рад.

— Да? — растрогался Борис Андреевич. — А ведь меня многие осуждают, говорят: тебе-то, в твоём-то возрасте. А я, может, только сейчас жить начал.

— Понимаю вас, профессор, понимаю. Как всё случилось-то?

— Ну, Володь, это с кондачка не расскажешь. Надо бы встретиться, посидеть, поговорить за рюмочкой хорошего коньячка. Родственники мы, в конце концов, или нет? Годами не видимся! Поразъехались, понимаешь, по всей России. Хорошо хоть вспомнил, позвонил, меня, старика, уважил, а то ни слуху ни духу. Давай выбирайся из своей Сибири хоть на денёк.

Дядя Вова после такой тирады профессора аж засиял, как натёртый до блеска самовар, и подмигнул Ксюше.

— Так что давай приезжай, племянник, поговорить по душам. Не затягивай!

— Еду, — засмеялся дядя Вова, — ждите!

— Только ты, старина, заранее скажи, когда тебя ждать.

— А вот прямо сейчас и ждите. Я в Домодедово.

— Где? — неприятно удивились в трубке.

— В Москве! Сейчас приеду, вернее, приедем. Я не один, с молодой девушкой, это дочь моей жены. Москву приехал ей показать.

— Ну... это... ну, ты даешь, старина... — Борис Андреевич почему-то после такого известия стал заикаться.

— Так мы едем? Куда? Какой адрес?

В ответ разразилось молчание.

— Понимаешь, тут такое дело, старина, — наконец, ожил Полицеймако, — дело в том, что я ведь с недавних пор живу с молодой красивой женщиной.

— Я уже это понял, здорово!

— Ты не обижайся, старина, но пока, — подчеркнул слово “пока” Борис Андреевич, — пока я не готов принимать бывших родственников. Моя Милочка очень хрупкая, ранимая, у неё может быть нервный срыв. Ты ведь не знаешь, сколько нам пришлось всего пережить за последний месяц. Милочка так страдает от всех нападков.

“Что за чушь? — пронеслось в голове у Ксюши. — Мы-то здесь при чём?”

— Я не собирался ни на кого нападать, — пожал плечами Вован.

— Давай, старина, когда всё уляжется, приезжай, посидим где-нибудь в кафешке, выпьем, пооткровенничаем. А сейчас не могу. Не обижайся, старина. Бывай.

Вован даже не успел попрощаться со своим родственником, как в трубке послышались гудки. Видно было, что он опешил, но тут же собрался и, словно ничего не произошло, молвил:

— Никакой он, кажется, не профессор. Это так его мы называли. Ну, чего нам к нему ехать? Чего он нам может рассказать такого, что бы мы не знали?

Ксюша молчала. Дядя Вова на сей раз упал в её глазах ниже плинтуса. Самый настоящий Придур, с большой буквы.

— И куда мы теперь?

— Мишане позвоню. К нему поедem. А родители его совсем под старость сдурели. Своего же родственника на порог пускать не хотят. Родную кровиночку!

— Неспроста, наверное, — съязвила Ксения.

Брат Мишаня тоже далеко не с первого раза взял трубку.

— В гости? — истерично закричал он. — Да пошёл ты в ж...! Чего? Родственник? Да я знать такого родственника не желаю! Ты в прошлый раз что натворил? Не помнишь? Так я тебе сейчас напому! — двоюродный брат принялся перечислять “боевые подвиги” дяди Вовы, однако тот поспешил отключить телефон.

— Съездили в гости, называется! Приём нам оказан великий. Как псов бродячих гонят прочь, — начинала распалаться Ксения. — Я вот сейчас маме позвоню и всё ей расскажу, как нас тут привечают. Обцеловали, скажу, со всех сторон, уворачиваться сил нету.

— Да будет тебе, Ксюша! Честно сказать, это наше счастье, что мы к ним не попали. Так бы утомились, поверь мне! У них же скукота.

— Да неужели? — взметнула Ксения бровь. — А недавно вы мне совсем другое гнали.

Дядя Вова стоял с виноватым видом, опустив голову. Ксюше даже стало немного жаль его.

— Ну, бей меня! Я-то в чём виноват? Хотел, как лучше.

— По ходу, визит в гости отменяется, — подытожила девушка, — а в Третьяковку?

— Да ты что? Третьяковка — святое. Как нас туда могут не пустить? Там таких дурней нет, как эти Полицеймако. Слушай! — вспомнил дядя Вова. — У Агнии подруга в Третьяковке. Какой-то страшный сотрудник... Тьфу ты, старший. Давай позвоним тётке, пусть она договорится...

— Ну, уж нет! Звонить Агнии я больше не позволю! Хватит унижаться. Гордости у вас, дядя Вова, кот наплакал.

— Ну, ни в чём тебе не угодись...

— Сами съездим в Третьяковскую галерею, без старших научных сотрудников. Только багаж нужно сдать в камеру хранения. Мало того, что закупили подарков втридорога, ещё и таскайся с ними по всей Москве, — ворчала Ксения. — Поедем гулять по столице налегке.

Они сложили в свою походную сумку презенты. Однако один пакет дядя Вова не торопился поместить со всеми вещами.

— Непременно пригодится.

— Кладите, — сухо приказала Ксения.

— Она не тяжёлая, — возразил отчим.

— Кладите, кому говорят! — взбеленилась падчерица.

— Мать вылитая! — засмеялся дядя Вова.

— Смотрите, вам ведь хуже будет, если не положите. Я всё маме расскажу.

Для Вована это был не довод. Его Ленусик там, за сотни километров, а пакет вот он, рядышком.

— Не командуй мной! — зыркнул глазами Вован. — Мала ещё.

Ксюша надула губы.

— Только попробуйте нажраться, — сквозь зубы сказала она, — я вас в милицию сдам.

— Ах ты, наш Павлик Морозов, — незлобно рассмеялся дядя Вова.

Всю дорогу Ксюша была в напряжении. Она то и дело поглядывала на отчима и дорогой его сердцу пакет. Ей непременно хотелось схватить отчима за руку в тот момент, когда он тайком соберётся глотнуть, и пристыдить его. Дядя Вова тоже поглядывал на падчерицу в надежде на то, что она ослабит бдительность. Ксюша кидала колючие взгляды и не разговаривала с ним.

— Ксюха, ну ты и злыдня, — дядя Вова покачал головой.

— Выкиньте эту бутылку.

— Ещё чего!

— Тогда давайте её мне, спокойнее будет.

— А ты обещаешь, что она никуда не денется?

— Ага, обещаю, что не выпью её.

— Ксюша, я серьёзно.

— Да, обещаю, обещаю!

Вован нехотя расстался с пакетом. Ксюша брезгливо поморщилась:

— Пакет-то не могли лучше купить? Ходить с таким стыдно.

“Тяжёлый предстоит денёк”, — с тоскою подумал Владимир Владимирович.

Вот она, долгожданная Третьяковская галерея. Ксюша аж по-кошачьи зажмурилась при виде известного всему миру здания в Лаврушинском переулке. Давно она мечтала побывать в этом доме со знаменитым васнецовским фасадом. Кованый забор, за которым памятник основателю галереи Павлу Михайловичу Третьякову непосредственно перед входом в само здание. Ксюшу с детства окружали рассказы о Третьяковской галерее. Во время войны в семнадцати вагонах коллекцию из Москвы доставили в далёкий Новосибирск, и всю войну она пребывала там. Бабушка Ксюши была одной из тех, кто следил за сохранностью картин вплоть до 1945 года. И девочка, слушая интересные бабушкины повествования, мечтала прикоснуться взглядом к шедеврам мирового искусства.

— Ворота закрыты, — растерянно сказала Ксюша.

— Так вход-то не здесь, — уверенно произнёс дядя Вова.

— А где?

— Сейчас найдём. Да не паникуй ты раньше времени!

Вокруг не было ни души. Ксюша с Владимиром Владимировичем дошли до угла. Из-за угла показался старичок в пенсне и с тростью.

— Подскажите, где вход в Третьяковскую галерею? — обратилась к нему Ксения.

Старичок хихикнул.

— Вы метров двадцать как отошли от входа. Вон он. Как это вы мимо прошли? Удивляюсь!

— Так там закрыто.

— И немудрено, — вновь хихикнул старичок, — сегодня понедельник, а в понедельник что?

— Что??? — разом спросили падчерица с отчимом.

— Вы-ход-ной, — по слогам произнёс старичок.

— Вы-ход-ной? — тоже по слогам, как эхо, повторила Ксения, не мигая уставившись на старичка.

— Вы-ход-ной, — подтвердил старичок и зашагал дальше.

Ксюша перевела свой немигающий взгляд на отчима. Дядя Вова, стараясь не встречаться с ней взглядом, обречённо моргал.

— Вы слышали? — с ненавистью произнесла падчерица. — Выходной!

— Не переживай, Ксюша...

— Что? — взревела девушка. — Не переживай? Да вы идиот, что ли?

— Тише, Ксюша, тише. Люди ведь смотрят. Чего ты разошлась? Ну, выходной. Им ведь тоже нужно отдыхать. Картинам-то. От посетителей, — понес какую-то нелепицу дядя Вова.

— Нет, вы не идиот. Вы, — задыхнулась она, — вы придур! Самый настоящий придур. Вот вы кто.

— Ну, заладила! И словцо-то какое обидное подобрала... Ладно бы придурок, а то придур... Не кипятись, сейчас попробуем договориться.

Но Ксения, махнув рукой, зашагала прочь. Отчим догнал её и развернул в сторону входа в Третьяковскую галерею.

— Сейчас я всё устрою, — пообещал он, — где наша не пропадала?

Они подошли всё к тому же заборчику, возле которого толклись пять минут назад.

— Ну? — спросила Ксюша и, поставив пакет возле ног, встала в горделивую позу, скрестив руки на груди, как Третьяков на памятнике.

— Сейчас всё будет в ажуре!

Для начала дядя Вова подёргал ворота.

— Бесплезно, — протянула Ксения.

Вован сделал приободряющий жест ладонью, мол, не бойсь, шас всё устроим, и начал взбираться по кованым завиткам забора. Но стоило ему сделать только пару движений, как показался охранник, причём с автоматом.

— В чём дело? — грозно спросил он.

— Нам бы картины посмотреть.

— Слезьте! — рыкнул охранник. — Вы что, обезьяны? Ну, живо, кому я сказал!

Дядя Вова сполз с ограды.

— Так как бы нам картины посмотреть?

— Завтра приходите. Выходной сегодня.

— Завтра мы не можем, — стал пояснять дядя Вова, но охранник его даже не стал слушать. — А с кем можно переговорить на эту тему? — вопрошал несчастный, глядя в спину удаляющемуся блюстителю спокойствия.

Дядя Вова с досады стукнул кулаком по кирпичному столбику.

— Но-но, поосторожней! — взъелась на него падчерица. — Нашли где руки чесать.

“По башке своей постучи, дурень!” — так и хотелось сказать Ксюше, но она сдержалась.

— Куда мы теперь?

— Не знаю, — вяло произнесла девушка.

— А давай в зоопарк, — оживился дядя Вова.

— Чего я там не видела, — зевнула Ксюша, — к тому же у меня личная обезьяна имеется, — ухмыльнулась она. — Нет, в зоопарк мы не пойдём. Давайте лучше сходим в театр.

— Куда? В театр? Ещё чего! Чтобы мужики меня обсмеяли? Смешнее ничего не могла выдумать?

— Ну, если вам по театрам ходить смешно, то я не знаю...

— Пойдём в Кремль, — предложил дядя Вова, на что Ксюша благосклонно кивнула.

Они направились в сторону метро. Но и сходить в Кремль им не удалось, так как пошёл дождь, и пришлось спасаться от него банальным способом — юркнуть в кинотеатр.

Несмотря на утро понедельника, в фойе кинотеатра были посетители. После того как дядя Вова купил две порции попкорна, они с Ксенией прошагали в зрительный зал. Фильм, который им предстояло смотреть, назывался “Поп”. Ксюша была достаточно наслышана про этот фильм и даже подумала, что как-то некрасиво есть попкорн при просмотре такого серьёзного кино, поэтому стала спешно поглощать содержимое стаканчика. Дядя Вова же почему-то думал, что фильм будет развлекательным.

— Почему развлекательным? — удивилась Ксюша.

— Название смешное — “Поп”... гы-гы... — засмеялся Вован.

— Дядя Вова! Вы в своём уме? Это же про войну фильм! Серьёзный!

— Серьёзный, говоришь, — дядя Вова задумался, — а ну, дай пакет.

— Это ещё зачем?

— Дай, говорят!

В этот момент в зале погас свет. На экране сначала появилась реклама новых фильмов, после чего настал черед и самого “Попа”.

— Куда стаканчик дела? — услышала Ксюша над ухом шёпот отчима.

Ксения с недоумением протянула дяде Вове пустой бумажный стакан из-под попкорна. Дядя Вова деловито налил в него водки.

— Ну, за серьёзное кино!

Ксюша даже не успела моргнуть, как дядя Вова опрокинул стаканчик.

— Вы обалдели, что ли? Это же кинотеатр, а не ваша стекляшка-забегаловка, — гневно прошептала Ксения.

— Тсс, — поднёс палец к губам дядя Вова, после чего закинул в рот горсть попкорна.

— В Москве, в кинотеатре, это ж надо такое вытворять!

— Смотри, не отвлекайся! Кино хорошее.

Фильм и впрямь захватил Ксюшину внимание, что было явно на руку дяде Вове. Он время от времени прикладывался к бутылочке, закусывая воздушной кукурузой.

— Какая Усатова органичная.

Эта фраза, произнесённая Вованом, сильно удивила Ксюшу. Она перевела свой взгляд с экрана на отчима.

— Э... Да вы нарядный! — воскликнула Ксения, с укоризной посмотрев на бутылку, в которой водки было до половины.

— Хороший фильм. Не мешай смотреть!

Дядя Вова деланно уставился на экран. Время от времени он смеялся невпопад, а потом и вовсе принялся комментировать фильм:

— Вот куда она, дура, в снега попёрлася?

— Тише вы! Кому сказано тише! — шипела Ксения, но от этого дядя Вова ещё больше распался.

— Не горюй, дочка! Выживёт она. Это у них ход такой. Трюк. Напугать зрителя. Все хорошо кончится, вот увидишь! Это тебе я говорю. Знаток человеческих душ.

— Угрозило же этого знатока мне на голову свалиться! — злилась Ксюша. — Молчите, прошу вас!

А голос дяди Вовы всё громче и воинственнее звучал в зрительном зале. Вскоре с соседних мест посыпались замечания.

— Это ты кому, барбос, сказал “потихе”? Мне что ли? Нет, это ты мне сказал? — Дядя Вова выбрасывал слова в соседний ряд солидному мужчине в очках.

— За-мол-чи-те! — Ксюша была вне себя от ярости.

— А чего он?

— Дядя Вова, не бесите меня! Я сейчас убью вас!

— Да чего я такого делаю?

— Да вы всем смотреть фильм мешаете. Нажрались, так сидите смирно!

— Нажрались? — Вован посмотрел на бутылку. — Выпил совсем чуть-чуть, а ты — нажрались! И ва-ще, как ты разговариваешь с майором?

— С майором! Да вы в этом слове четыре ошибки делаете!

Дядя Вова тем временем снова отвинчивал крышку. Ксюша пришла в ужас.

— Дайте сюда! — Она схватилась за бутылку. — Совсем уже ничего не соображает! Вы в общественном месте. В столице, понимаете! В сто-ли-це.

— А мне до звезды, — выругался дядя Вова.

— Я сейчас вас точно приблю! — Ксюша тянула на себя бутылку с водкой, которую Вован тоже тянул на себя.

— Отдайте немедленно, — шипела Ксюша.

— Как бы не так, — ухмылялся Вован.

— Я вам сейчас бутылкой по пьяной морде!

В перетягивании, разумеется, победил Вован. Он резко выхватил бутылку из рук Ксении и стал жадно пить водку из горлышка, боясь, как бы не отняли. Ксюша смотрела на дядю Вову, как на дикое существо. Стыдобища-то какая...

Когда они вышли из кинотеатра, дождь уже закончился. Дядя Вова окосел окончательно. Глаза его мутнились, и в этой мутноте не прослеживалось ни малейшего узнавания жизненных реалий. Ксюше оставалось только взвыть, глядя на бесчинства дяди Вовы. То он задирался к прохожим, явно

ища повод почесать кулаки, то он был с ними до крайности любезен, и от его слащавой вежливости начинало тошнить самого разлюбезнейшего человека. То вдруг дяде Вове приспичило узнать о жизни московских таксистов, и они, поймав такси, битых пару часов ездили по столице, вернее, стояли в пробках, где дядя Вова учил водителя ездить правильно. Покупая пиво, нагрубил киоскерше, пнул урну, так что весь мусор вверх тормашками вывалился наружу. В одном из парков пытался догнать бегущих спортсменов легкоатлетической эстафеты, да так расстарался, что прибежал чуть ли не в первых рядах к финишу. В метро совершил попытку прокатиться на перилах эскалатора и кричал:

— Слалом! Слалом!..

— Хватит неандертальничать, — взмолилась Ксюша.

В конце концов, намотав несколько кругов ада, Ксения с огромными трудностями доставила дядю Вову в Домодедово, где он, растянувшись на сиденье, храпел сильнее, чем ревели взлетающие самолёты.

Владимир Владимирович очухался только в самолёте, да и то к концу полёта.

— Где мы?

Ксения молчала. Она думала только о том, когда же закончится этот кошмар, считая минуты до приземления.

— Матери не говори, а? — жалобно попросил отчим, понемногу приходя в себя. — Попить ничего нет?

Даже если Ксюша ничего бы не стала рассказывать маме, не составляло труда определить по дяде Вове, что по музеям он точно весь день не хаживал. Взъерошенный, в облитой пивом рубашке, с ссадинами на лице и руках, потому что периодически падал, и самое главное — с полным отсутствием присутствия во взгляде.

— Не говори, прошу, — ещё раз попросил отчим.

В аэропорту Толмачёво Елена Васильевна, увидев прилетевших из Москвы дочь и мужа, не сразу поняла, что случилось. Дочка, в которой росту было кот наплакал, за что и прозвали её с детства Кнопочкой, шла со стальным лицом закалённого боями воина. Муж, мало походивший на человека, ковьялял чуть поодаль Ксении. На вопрос Елены Васильевны, что случилось, он стал судорожно рыться в сумке, доставать подарки, которые предназначались его родне, и всучивать их супруге. Ксюша злоуще молчала.

— Что произошло? Отвечайте немедленно! Где вы были?

— В зоопарке, цирке, балагане, — стала перечислять Ксения, загибая пальцы, — хорошо, что до борделя не дошли. А! И до родственников тоже.

Глаза Елены Васильевны стали такими же круглыми, как солнце в ясный день, и такими же горящими. Дядя Вова, как побитая собачонка, жался к сумке. И вдруг Ксюше стало его жаль. Он ведь действительно хотел, как лучше. А родственники? Ну, не паразиты ли? Взять и так отфутболить человека и её, Ксюшу, заодно...

На следующее утро у Владимира Владимировича было собеседование о приёме на работу. Чуть позже стало известно, что его берут, хотя и не на ту должность, на которую он рассчитывал. Это дело решили в семье отметить праздничным ужином. Ксюша, конечно же, не отошла ещё от поездочки в Москву, но кошмар понемногу стал уходить в небытие, поэтому она даже изредка перекидывалась с отчимом словами. Маме она ничего не рассказала, чтобы не расстраивать, да и вспоминать о случившемся лишний раз было неприятно. В самый разгар праздничного ужина раздался телефонный звонок. Звонили дяде Вове по мобильному.

— Володя, здравствуй! — послышался голос двоюродного брата Мишани.

— Пошёл в ж...у, — спокойно сказал дядя Вова и нажал отбой. Лицо Елены Васильевны вытянулось.

Через пару минут история повторилась. Дядя Вова вновь использовал слово на букву “ж”.

— Да выслушай! — кричал в трубке Мишаня, на что дядя Вова не только сбросил звонок, но и незамедлительно поместил номер московского брата в “чёрный список”.

Через несколько дней по возвращении Владимира Владимировича с работы его дома ожидал сюрприз. На кухне Ксения поила чаем с черничным вареньем брата из далёкой Москвы.

— Пошёл вон! — рявкнул дядя Вова на брата. — Во-он! Припёрся! Расселся!

Дядя Вова был вне себя от гнева.

— Сними проклятие! — кинулся гость в ноги Вовану.

— Чего-о?

— Сними, умоляю!

— Чего ты мелешь? В своём уме? Какое проклятие?

— Сними, прошу, сними, Христом Богом прошу!

Дядя Вова недоумевал. Тогда Ксения принялась объяснять, в чём дело. Оказывается, после того как они побывали в Москве, где их не пустили родственники, у Агнии Венедиктовны на следующий же день дотла выгорела квартира. По счастливой случайности она в тот момент оказалась в поликлинике. А через день у Бориса Андреевича произошёл несчастный случай, он упал с высокой ступени и сломал себе обе шейки бедра. А возлюбленная сбегала... И у Мишани начались неприятности на работе, в личной жизни и даже со здоровьем.

— Сними проклятие, брат! Сними, — твердил родственник.

Дядя Вова хитро посмотрел на Ксению, а она даже ему подмигнула.

— Встань на середину кухни, — приказал Владимир Владимирович брату.

Мишаня растерянно встал.

— Дочка, возьми мел и очерти-ка дядю Мишу кругом.

Ксюша повиновалась. Она рисовала круг, еле сдерживаясь от смеха. Дядя Вова закрыл глаза, сосредоточился и неожиданно устремил руку с растопыренными пальцами в сторону брата:

— Снимаю!

НАУКА КРАСОТЫ

— Тебе надо поменять шампунь, — за неделю до Нового года сказала Валя после завтрака, выходя из кухни, и чуть дотронулась до головы мужа.

— Это почему? — опешил Сметанников и осторожно взялся за волосы.

— Шампунь, наверное, приелся твоей шевелюре, жиже стала.

Это что, шутка такая? Костя недоуменно посмотрел на спину жены в цветастом халатике. И, не допив чай, прошёл к зеркалу в коридоре. Включил светильник. Посмотрел на волосы. С одной стороны, с другой. Так и есть... Поредели...

Валентина, уже одетая в тёплое синее платье, вышла в коридор.

— Ты думаешь, это из-за шампуня? — спросил Костя, подавая ей пальто.

— Думаю, да. Бальзамом никаким не пользовался?

— Скажешь тоже! — фыркнул Сметанников. — Бальзамом... Я их отродясь не признавал! Только если внутрь, — усмехнулся он.

Валя пожалала плечами и, поцеловав мужа, ушла на работу. Костя, оставшись в одиночестве, вновь припал к зеркалу. Только теперь к большому, в спальне. Он и так, и сяк поворачивал голову, наблюдая за изображением напротив. Признаться, Сметанников не отличался завидной густотой волос. У него никогда не было того залихватского чуба, как у Толика Рыбокона, или могучей рыжей гривы, как у Саньки Шалого, но всё же... Теперь же количество плоских волосёнок значительно уменьшилось. Посему и вердикт после осмотра был вынесен однозначный: облысение не за горами. И как же он проморгал тот момент, когда всё только началось? Почему ему его умная голова не дала знак: так, мол, и так, лысею?..

Он в отчаянии отошёл от зеркала и лег на кровать, закрыл глаза. Вот и началось то, чего Костя так сильно боялся. Его отец уже в тридцать хо-

дил с приличными залысынами, а потом и вовсе от волос остались одни воспоминания.

Он дотронулся до головы. Вот скоро здесь или, может, здесь, или вот тут засияет... Он похлопал себя по макушке. А по бокам беспомощно будут ожидать своей участи жалкие остатки волос. Сметанников аж схватился за сердце. Дети на улице будут дразнить: “Лысая башка, дай пирожка”. Валька найдёт себе другого. Ведь она как-то обмолвилась, что терпеть не может лысых, хотя, правда, тут же уточнила, что, мол, если по болезни, то ещё куда ни шло, а если нарочно обриваются, чтобы выглядеть такими брутальными, то ничего в том прекрасного нет. Ходят всякие Гоши Куценко, сверкают своей лысиной, вместо того чтобы умом блистать или талантом. “Вот и меня не взлюбят, — горестно думал Сметанников, — потерпит-потерпит немного, а потом скажет: “Ну, все, лысый, жалость свою я к тебе исчерпала”.

Маша, дочка, останется без отца. Её будет воспитывать отчим, а его, Константина лысого, и на порог не пустят, чтобы не травмировать детскую психику, ведь Маша другого дядю будет называть папой.

Ситуация тушиковая. Да, медицина не стоит на месте, и много предлагается различных методик по уходу за здоровьем, в том числе и за волосами. Пересадки всякие и прочее. Но на это нужны деньги, и немалые! А у Сметанниковых их попросту нет! В начале года оформили ипотеку, и ежемесячно кругленькая сумма, минуя кошелек, отправляется на погашение долга.

Сколько раз он говорил себе: лысые не всегда плохо живут, и любят их, и прочее. И вообще это не самое плохое, что может случиться с человеком. Но тут же себя раздраженно одёргивал. Ещё чего не хватало: воспевать лысого!

“Чего-то не хватает у меня в организме, — подозревал Сметанников. — Но чего???”

— Толик, отчего лысеют, не знаешь? — обратился он на работе к приятелю.

— Мужчина лысеет с макушек от чужих подушек, — весело отозвался Толик.

Сметанников полез в интернет, нашёл нужный сайт: “Готовим целебное снадобье против облысения. Возьмём жир льва, бегемота и...” Издеваются, что ли?... Найдя другие сайты и начитавшись советов, Сметанников зашёл в зоомагазин и купил шампунь для конской гривы. Оставил его в своей сумке, но Валя, ища какую-то квитанцию, заглянула и туда.

— Это что такое?

Хоть на носу и Новый год, но ведь не скажешь: “Это тебе, дорогая, на праздник!” Пришлось соврать, что купил для начальницы. Из всех знакомых только у неё имелась лошадь в загородном доме.

— Она сама как лошадь! Эта ваша Глафира. И выглядеть она что-то стала ужасно в последнее время. Денег куры не клюют, а страшилище редкое стала.

— Это ещё что! — поддакнул в ответ Костя. — Я недавно Верку Мочалину встретил, в подъезде на одной площадке жили, ровесница моя. Так я обомлел! Симпатичная девчонка была. А тут гляжу: морщина на морщине. Особенно под глазами. Я не рискнул спросить, что у неё за жизнь такая, если она в тридцать с небольшим в полустаруху превратилась.

Валентина ушла принимать душ. Нарочно включила воду, а сама принялась рассматривать своё лицо.

Морщины... Особенно под глазами...

Сметанников работал в фирме по ремонту компьютеров. За три дня до Нового года к ним зашла молодая обаятельная девушка.

— Я представляю косметическую фирму “Наука красоты”. И перед Новым годом у нас специальное предложение. Мы хотим подарить каждой женщине бесплатное посещение косметолога. Это в рамках рекламной акции. Во-первых, так о нас больше людей узнает. А во-вторых, если понравится наше обслуживание, советы специалиста, человек заинтересуется и придёт к нам вновь. Мы на первом посещении, которое бесплатное, делаем диагно-

стику, выявляем недостатки и предлагаем в дальнейшем помощь в их устранении. Согласитесь, что каждая женщина хочет потрясающе выглядеть. Да и не только женщина. У нас очень много клиентов-мужчин.

— А мужики-то чего к вам прутся? — оторвался от монитора Андрей Баринов.

— В последнее время мужчины едва ли не больше женщин стали следить за своим внешним видом. Ухаживают за лицом, за волосами.

— И помогает? — хрипло спросил Сметанников. Ему показалось, что при слове “волосы” эта миловидная девушка пристально посмотрела именно на него.

— А вы лучше придите и удостоверьтесь.

— Ну уж нет! — замахал руками Баринов. — А вот жёнам мы обязательно скажем.

— Да, да, пусть побалуют себя перед праздничком, — поддержал его Сметанников.

— Тогда мне нужны телефончики ваших жен, чтобы мы могли позвонить им и договориться на время, удобное им. Вот запишите номера их телефонов на этот листочек. — И она достала из сумки блокнотик с ручкой. — И имена укажите.

Когда до Сметанникова дошёл блокнот, он записал в нём номер телефона не Валентины, а свой, при этом указав имя жены.

Позвонили ему часа через три, он как раз вышел на улицу, закончив работу.

— Валентина? Здравствуйте! — Голос звонившей был радостным, даже восторженным. — Вас беспокоят из центра “Наука красоты”. Вам удобно разговаривать?

— Да, удобно, — ответил Сметанников, — только я не Валентина.

— Простите. А можно услышать Валентину?

— Дело в том... — замялся Костя. — Вы говорили, что к вам и мужчины ходят...

— О, сколько угодно! У нас много мужчин-клиентов.

— Мне бы хотелось стать одним из них.

— Мы будем только счастливы! Представьтесь, пожалуйста.

— Константин.

— Какое редкое и красивое имя! Очень приятно. К сожалению, до Нового года у нас всё уже расписано. Есть только утро 31 декабря.

К Новому году Сметанников заранее купил подарки. Жене — серебряный кулон в виде сердца, дочке — пушистую мягкую игрушку-кошку. Кошка пела что-то непонятное и забавно шевелила лапами. Утром 31 декабря он сказал жене, что идёт покупать к празднику торт, а сам отправился в “Науку красоты”. За стойкой в приёмной сидела симпатичная улыбчивая девушка с бейджигом “Ангелина”.

— Как мы рады вас видеть! — прощбетала она.

Сметанников невольно оглянулся. Никого в салоне, кроме них двоих, не было.

— Вы у нас кто? — спросила девушка.

— Константин Сметанников, — ответил он неуверенно, словно сомневался в правильности своего имени.

— Прекрасно! Константин Сметанников. Да, вижу. Вы на десять? Будьте добры, ваш паспорт.

Пока девушка заполняла анкету, Костя рассматривал приёмную. Безукоризненная чистота, сертификаты на стенах, стеклянные стоечки с банками, много растений, правда, искусственных, но с первого взгляда и не отличишь. Довольно уютно.

Его попросили подождать в следующем зале. Он прошёл в соседнюю комнату, предварительно натянув на ботинки бахилы.

Интерьер следующего помещения выглядел гораздо роскошнее предыдущего и был оформлен с большим вкусом. Огромный диван. Сметанников, сняв куртку, осторожно сел на него. Мягкий. Напротив висел большой плазменный телевизор, по которому острили “Уральские пельмени”. Юмор пар-

ней немного раскрепостил зажатого Сметанникова. Он поудобнее расположился на широченном диване.

Вошла девушка из приёмной, Сметанников тотчас же выпрямился.

— Кофе, чай? — заботливо предложила она.

Ему ничего не хотелось, но отказаться было неудобно. Он заказал кофе.

На столе стояла большая ваза из зелёного стекла, доверху наполненная малюсенькими сосательными конфетами. Надо съесть одну, чтобы изо рта не пахло. Костя осторожно взял конфетку и, оголив её, отправил в рот. Что делать с фантиком, он не знал, смял его и сунул в карман.

Ему принесли кофе, он выпил, а его всё не приглашали и не приглашали на сам приём. Наконец, появилась девушка в белом халате. На вид лет двадцати пяти, невысокая.

— Здравствуйте! Я мастер-консультант по волосам.

Извинений за столь долгое ожидание не последовало, зато на лице мастера яркой лампочкой светилась счастливейшая улыбка, будто она встретила родного брата, без вести пропавшего лет десять назад.

— Меня зовут Татьяна. Я за вами, Константин Львович!

Константин Львович смущённо кивнул и, захватив одежду, прошагал за лампочкой. Они зашли в небольшой зал, рассчитанный не на одного посетителя. Однако, вероятно, по причине праздника, больше никого в зале не было. Устроившись в кресле напротив зеркала, Костя украдкой глянул на своё отражение. На него выжидательно смотрел испуганный уродец.

— Рассказывайте! — чуть наклонилась к нему Татьяна.

— Чего? — пролепетал он.

— Как вы докатились до жизни такой, — усмехнулась она.

— До к... какой? — слотнул Костя.

— Вы разве не видите, в каком ужасном состоянии ваши волосы?

— Вижу, — словно нашкодивший первоклассник, сказал Костя.

— Константин Львович! Я не хочу вас пугать, но... — Татьяна замялась, — но... В общем, у вас начальная степень облысения.

— Начальная? — обрадовался Сметанников.

— Да. Но ведь вы не хотите, чтобы это усугубилось?

Сметанников отчаянно замотал головой.

— И никто не хочет, — вздохнула Татьяна. — Всё-таки лысина не красит... Сколько отчаявшихся в борьбе за хорошие волосы, и сколько проигравших!

Сметанников вздрогнул.

— Но вам повезло, что по счастливому стечению обстоятельств вы попали к нам. Прекрасно, что вы откликнулись на наши предложения, а не отмахнулись. А ведь многие мужчины редко на себя тратят деньги. Стесняются быть ухоженными, иметь здоровый вид. Согласитесь, что это глупость. Скажите, Константин, а как вы ухаживаете за волосами?

— Я?... Я мою их. Расчёсываю.

— Ясно... Каменный век. Вы хотите, чтобы ваши волосы стали цветущими, красивыми, бодрыми?

Как волосы могут быть бодрыми, Сметанникову представлялось с трудом. Больше всего ему хотелось, чтобы страшное слово “облысение” никогда не переступало порог его мозга.

— Наверное, вы хотите спросить, каким образом? — загадочно улыбнулась Татьяна и тряхнула своими распущенными волосами, как кобылица гривой. — Развернитесь!

Сметанников повернулся вместе с креслом. Перед его взором на изящной этажерке предстали тюбики, баночки, флаконы.

— Израильская космецевтика! — гордо произнесла мастер-консультант. — В её состав входит экстракт чёрной икры. Да, да! Не удивляйтесь! Экстракт самой чёрной икры. — Татьяна плавными движениями открыла одну из баночек и поднесла Константину. — Видите?

Сметанников наклонился над баночкой и действительно увидел маковые зёрнышки.

— Икринки — зародыши новой жизни, они несут огромный энергетический и питательный запас для будущего потомства: натрий, калий, магний,

фосфор... — Она перевела дыхание. — ...железо, витамины D, A, E, F, микроэлементы. Да! Ещё и кальций!

Константин со знанием дела многозначительно кивнул.

— Поэтому экстракт икры оказывает живительное действие на кожу, прекрасно усваивается и не вызывает никаких аллергических реакций.

— А икра чья?

— Израильская, — уверенно ответила консультант.

— Я в смысле рыб...

— Осетровых.

— А откуда в Израиле столько осетров? — робко поинтересовался Сметанников.

— Ну, что вы! — Татьяна бросила высокомерный взгляд на клиента, но тут же улыбнулась. — В Израиле всё есть!

— Как в Греции? — пытался пошутить Константин.

— Ещё и больше. Хотите испробовать на себе действие лечебной косметики?

— Да, разумеется!

— Прекрасно! При этом вы следите за своими ощущениями. А по окончании процедуры вы увидите, какой будет результат. Уверяю вас, с первого раза почувствуете, насколько ощутима разница между тем, что было и что стало. Ну что, готовы? Начнем!

Татьяна намочила ему волосы.

— Спа-уход для волос состоит из нескольких подходов. — Она взяла в руки флакон с этажерки. — Во-первых, очистка. Как вы думаете, чем мы будем очищать волосы?

— Очистителем, — улыбнулся Сметанников.

— А вот и нет! Мы будем очищать волосы шампунем. Да, да! Шампунем. Но необычным. Этот шампунь уникален. В его составе нет соли. Поэтому он, в отличие от других, эффективно нормализует “пи-эйч” волос и даёт им жизненную силу. Обратите внимание, какой минимальный расход. — Она выдала на ладонь гелеобразную кроху и нанесла её на волосы Константину.

Запах, шедший от этой капли, сразу очаровал Сметанникова.

— Хороший запах, — сказал он.

— Да, все эти чудодейственные препараты обладают невероятным запахом и успокаивают нервную систему.

Костя расслабился. Приятно скользили руки Татьяны по его нашампуненным волосам. А вдруг и вправду помогут эти процедуры? И эта, как её... косметика израильская.

— Следующий этап, — продолжила Татьяна, после того как смыла шампунь и чуть подсушила ему волосы феном, — нанесение на волосы целебной маски.

— Тоже на основе чёрной икры?

— Да. Но ещё она содержит облепиховое и оливковое масла, комплекс уникальных силиконов, пчелиное молочко и растительные экстракты граната и зелёного чая. И даже жир льва.

— И бегемота?

— Ну нет, бегемота нет, — улыбнулась девушка.

Татьяна взяла в руки баночку и заострила на ней внимание Константина.

— Заметьте! Всё продумано, и даже то, что баночка с матовой поверхностью.

— Для чего?

— Из мокрых рук не выскальзывает.

Она тщательными массирующими движениями нанесла маску на волосы Сметанникова, втирая её в кожу головы.

— Это мы проделали третий этап — массаж головы по маске, направленный на стимулирование роста волос. Теперь же оставим маску на десять минут, а потом смоем её. Применять маску следует два раза в неделю. Справитесь, Константин?

— Конечно, справлюсь.

— Чтобы вы не скучали, позвольте угостить вас чаем или кофе. Что вы предпочитаете?

— Кофе я уже пил. Давайте чай.

Татьяна мило улыбнулась и вышла. Вернулась, держа в руке блюдце с чашкой, из которой шёл пар.

— Осторожно, горячий! Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно!

— Ничего не беспокоит? Нет неприятных ощущений?

— Нет, нет, всё хорошо! Наоборот, только приятные ощущения.

— Прекрасно! Я тогда, с вашего позволения, отлучусь на пару минут, а как вернусь, масочку смою.

Сметанников остался один в зале. Он отхлёбывал из кружки ароматный чаёк, растекающийся блаженством по всему его телу, и непрерывно смотрел на себя в большое зеркало. Вдруг он почувствовал такую лёгкость, что захотелось встать и кружиться по этому большому зеркальному кабинету, как на балу Ростовых в фильме “Война и мир”. Константин взглянул на этажерку с баночками. Вот оно, то самое спасение, решение всех проблем. Он не будет лысым, от него не уйдёт жена, дети не будут кричать: “Лысый, иди пописай!” Вот она, панацея! Протяни руку, и все твои печали и горести исчезнут. Вот оно, твоё счастье, протяни руку! Надо брать, сколько бы это ни стоило.

Вошла Татьяна.

— Не скучали? — И вновь лампочкой засияла улыбка.

Константин улыбнулся в ответ. Хорошая девчонка! Приветливая, доброжелательная, всё так подробно объясняет ему, профану.

— Не уверена, что так делали мужчины. — Татьяна смывала маску с головы клиента. — Но многие из женщин пробовали делать маски дома самостоятельно. Любят смешивать мёд с маслами, коньяком, яичными желтками или чёрный хлеб с кефиром.

Константин усмехнулся: как это всё ему знакомо! В последнее время чего он только не пробовал смешивать тайком от всех.

— Но смею вас уверить, Константин, ничто не сравнится с маской на основе чёрной икры. Даже разовое её использование равносильно двухмесячной подпитке домашними травами.

— Вот так да!

— Маска для ваших волос должна быть не деликатесом, а постоянным питанием. Представьте себе, Константин, как будут выглядеть ваши волосы, предположим, через месяц. Упругие, увлажнённые, у корней дадут объём. Маска питает кожу и корни, лечит кожу головы и уменьшает выпадение волос. Константин, внимательно прислушайтесь к себе и скажите, какие у вас ощущения в области головы. Может, конечно, с первого раза это будет сложно почувствовать.

— Нет, нет, — уверил её Сметанников, — я как раз хотел сказать, что ощущаю тепло, сильное тепло.

— Что и требовалось доказать. Ваша голова и волосы откликнулись на процедуры. Поэтому ни в коем случае нельзя, чтобы это было разовой акцией. А теперь я вам высушу волосы, и мы посмотрим на результат. Я уже вижу, что он очевиден. Скоро увидите его и вы.

Сметанников хотел ещё говорить о своих ощущениях, но не успел, поскольку вой фена заглушил его намерения.

— Ну вот, — сказала Татьяна, откладывая фен, — мы у финишной прямой. Во все глаза смотрите теперь на себя, да повнимательнее.

Она сняла накидку с клиента.

Константин приблизился к зеркалу и... не поверил своим глазам.

— Это чудо, — только и мог вымолвить он.

— А что я вам говорила! Посмотрите, какой объём, какой блеск! Как вы сами сияете! Это вид не того жалкого мужчины, который переступил порог нашей “Науки красоты”. Я права, Константин?

— Ещё как...

— Константин, а теперь о самом главном. Да оторвитесь вы от себя любимого! — засмеялась Татьяна.

Константин сел на прежнее место.

— Вы поняли, исходя из своего опыта, не понаслышке, что преимущество профессиональных препаратов заключается в их эффективности. Они

не просто очищают загрязнения, но и лечат волосы, причём быстро и качественно. Вы чувствуете разницу? Вам нравятся свои волосы? Вы хотите, чтобы они у вас были такими и ещё улучшались? Вы хотите пользоваться космецевтикой на основе чёрной икры?

На каждый вопрос следовало утвердительное “да” клиента Константина Сметанникова.

— Теперь о цене. Стоимость всей серии по уходу за волосами составляет девяносто девять тысяч. Но! Поскольку вы попали к нам в период акции, вы можете приобрести чемоданчик с космецевтикой за небольшую плату, а это шампунь для волос, восстанавливающая ампула на чёрной икре, средство для укрепления волос. — Татьяна перечисляла, что входит в набор, и тут же демонстрировала это Сметанникову. — Итого девять компонентов стоимостью сорок девять тысяч девятьсот рублей. Согласитесь, недорого по сравнению с тем, что получается и ещё получится в итоге. К тому же, вы видели, какой минимальный расход каждого продукта. Этого чемоданчика вам хватит на год, а то и больше. Единственное условие — набор нужно покупать весь целиком. Но там бесполезных вещей нет, уверяю вас.

— Так сколько вы сказали конечная стоимость? — переспросил Константин.

— Покупая сегодня, вы вместо ста тысяч платите сорок девять девятьсот. Кстати, вы можете на набор оформить кредит.

— А мне дадут?

— Почему нет? Сколько работаю, не помню случая отказа нашим клиентам в кредите на косметику.

— Не факт, что дадут, висит ипотека. Вылетает больше половины зарплаты. Недавно хотел холодильник взять в кредит, так ведь не дали. И здесь не дадут.

Сметанникова вдруг охватила паника. Он жалобно взглянул на своё отражение в зеркале. Что же это получается? Прощай волосы, прощай счастье? Из-за каких-то сорока девяти тысяч? Нет! Выход есть.

— Скажите, а за наличные можно приобрести это? — Он окинул взглядом баночки, флакончики и тюбики.

— Разумеется. Это ещё и лучше, просто кредит мы предлагаем как вариант. Честно говоря... — Она склонилась над Сметанниковым. — Не очень то и выгоден этот кредит, переплата за год одиннадцать с лишним тысяч. Банки ведь не будут работать на добровольной основе.

— Тем более!

— Вы хотите сразу наличными расплатиться?

— Да, — уверенно сказал Константин. У него в портмоне лежала карточка, на которую на днях перечислили зарплату за декабрь и премиальные к Новому году. В итоге ровно пятьдесят тысяч.

— Составляем договор?

— Составляем! — выдохнул Сметанников и подмигнул своим волосам в зеркале.

Покидал “Науку красоты” Константин Сметанников в благоприятном расположении духа, с увеличенным объёмом волос и уменьшенным — кошелек. Зато у него в руках был спасительный чёрный чемоданчик с девятью компонентами из обязательной серии и десятым — подарком от фирмы.

К тому же его как vip-клиента доставили до дома на такси. По пути Сметанников попросил водителя остановиться у цветочного киоска. Оставшихся ста рублей хватило на два тюльпанчика — по цветку жене и дочери.

Вернувшись домой, Костя застал жену в раздумьях.

— С наступающим! — Он протянул ей белый тюльпан.

Не сказать, что Валентина была слишком обрадована этому чудесному нежному цветку.

— Где ты был?

— Как где? За цветами ходил.

— Полдня?

— Знаешь, какие очереди...

— Сметанников! Перестань мне врать! Я знаю, где ты был! Ты не за цветами ходил.

— А куда? — упавшим голосом спросил Константин.
— Ты был у любовницы!
— У кого?
— У любовницы!!! Ты думаешь, я дура? Муж ходит замкнутый, на жену не обращает внимания, косвенно намекает ей на морщины...

— На морщины? Валя, да ты чего?

— А ничего! Стал постоянно уделять себе внимание, от зеркала не оторвёшь, масочки какие-то себе делать стал, чего отродясь не бывало.

Сметаников виновато смотрел на напольную плитку, выискивая какой-нибудь рисунок в её разводах.

— Думаешь, я ничего не вижу, ничего не замечаю? Серебряное сердечко кому? Не успел захватить, забыл?

— Валя, тебе!

— И шампунь лошадиный мне?

— Нет. Я никому его...

— Муж уходит перед Новым годом с самого ранья, приходит для отвода глаз с цветочком, а от самого кремами разит! Словно весь косметический салон на себя измазал. И ты говоришь, у тебя нет другой женщины?

— Валя, ну, нет у меня никого! Нет!

— А почему тогда пахнет за версту духами или ещё чем там?

— Валя, это я был в салоне.

— Где? — Жена оторвала голову от стола.

— В салоне.

— В каком ещё салоне?

— Помнишь, ты сказала, что у меня стало меньше волос на голове.

— Я не говорила такого.

— Нет, говорила.

Валентина нахмурилась, припоминая.

— Я говорила, что шампунь надо сменить.

— В общем, уже не важно. Мне грозило облысение.

— А с чего это ты взял? Трихолог сказал?

— При чём тут трихолог? Я тебе не изменял! — взвизгнул Сметаников. — И не надо меня...

— Трихолог — это специалист по волосам, — устало пояснила жена.

— Значит, может, и трихолог. Специалист, одним словом.

На кухню зашла Маша в нарядном платье.

— Машенька! Вот тебе цветочек! — Сметаников протянул дочери тюльпанчик. — С наступающим Новым годом, милая.

— На большее у папы не хватило. На тётю всё потратил, — зло глядя на мужа, процедила Валя.

— Ну, что ты такое говоришь! Я ей ещё кота купил. То есть кошку. Она песни поёт и руками шевелит. Смешно очень!

— Ага, обхохочешься! Маша, иди поиграй, дай папе доврять спокойно.

— Валя, я не обманываю. Я правда был на лечении волос, сейчас докажу, если не веришь.

Константин вышел из кухни и вернулся с чемоданчиком.

— Вот!

— Что это?

— Это космо... косме... фармацевтика. На основе чёрной икры. Видишь, какие у меня волосы стали? Теперь я не буду лысеть.

Валя взяла в руки чемоданчик, повернула его в одну сторону, в другую, открыла, заглянула в него и достала одну из баночек. А потом, бросив её обратно, залилась истошным смехом.

— Ы, ы, ы, — гоготала она. — “Наука красоты”, что ли?

— Ну да, — замылся Сметаников, — а чего смешного?

— И ты купил?

— Да! — с вызовом ответил Константин.

— В кредит?

— Зачем мне переплаты? Наличными.

— Где взял?

— С карточки зарплата. Пятьдесят тысяч на днях перечислили.
— Ты дурак, что ли? — накинулась на него жена, сменив смех на гнев. — А ипотеку в январе ты чем платить будешь?

— Подумаем. — Сметанников почесал затылок.
— Так ты весь полтан и вбухал на этот чемодан?

— Сорок девять девятьсот. Сто рублей на цветы оставалось.

— Ну почему так? Ну почему? Ну почему у меня муж такой балбес?! — Валентина то причитала, то неожиданно начинала смеяться.

— Валя, почему сразу балбес? Выкрутимся как-нибудь. Зато лысым не буду. И ты не уйдёшь от меня.

— Знаешь, Костя, а ведь многие попадают на удочку этих мошенников.

— Почему мошенников? — искренне удивился Сметанников.

— Да потому что цены у них в десятки раз завышены! Да садись ты, чего возле двери мнешься. Когда ты стал холодно ко мне относиться да про морщины заговорил...

— Валя, не было этого!

— Значит, мне показалось. И я тоже решила начать с внешности. С морщин этих. На одном из сайтов попало объявление о бесплатном посещении косметического центра. Я было уже записалась, и в день приёма на работе стала отпрашиваться на процедуры, тут-то мне и рассказали, что это развод чистой воды. Что зовут на бесплатные сеансы, а сами заставляют подписывать кредит.

— Ну, как это человек подпишет бумаги, если не захочет?

— Как, как, кверху каком! Убеждают всячески. Говорят, в чай, кофе чего-то подливают, что человек становится согласным. Тебя там чайком, кофейком случайно не потчевали?

— Было дело. И чайком, и кофейком. А волосы? Лучше ведь стали, согласись!

— По-моему, какие были.

Сметанников пошёл к зеркалу. Странно, ему казалось, что волосы стали гораздо лучше после “Науки красоты”. Теперь же они выглядели, как обычно.

— Да я тебе феном высушу их, да так приподниму, что на вавилонскую башню будешь похож, — сказала Валентина, едва растерянный муж переступил порог кухни.

— А почему тогда народные средства мне не помогали?

— Во-первых, ты их наскоком делал, не систематически. Метался от одной маски к другой. А во-вторых, сам убедил себя, что это не помогает. Проблемы — они-то ведь не на голове, а в голове. И с чего вообще ты взял, что вот-вот готов облысеть? У тебя волосы как волосы. Нормальные, даже хорошие, я бы сказала.

— Скажешь тоже, хорошие! — Сметанников с укором посмотрел на жену. — У меня генетически они плохие! Вон и отец облысел совсем.

— Знаешь, как специально для сегодняшнего разговора, мне на днях попала статья. Немецкие учёные установили связь между лысыми мужчинами и их матерями. Да-да, не отцами, а матерями. И связь прослеживается не с лысеющим отцом, а с дедушкой по материнской линии! А материн отец, твой дед, насколько мне помнится, казак был лихой, голова к земле клонилась от тяжести кудрей.

Сметанников ошарашенно смотрел на жену.

— А что ты ещё узнала?

— Да много чего. Не одна дурочка с работы у нас там побывала. Намажут, говорит, пол-лица каким-то кремом, а вторую нет. Видите, говорят, как за три минуты намазанные пол-лица посвежели, все морщины разгладились, всё подтянулось. Приборчиком ещё каким-то поводят, а потом тащат в другую комнату на диагностику компьютером. Внушают: там, где намазано, как у ребенка кожа стала, а та, что ещё не испытала влияния крема, — увядшая. Причём, — что у двадцатилетней, что у старухи. А самое смешное Лидка рассказывала. Ей намазали левую щеку, а правую оставили, как есть, и потащили к компьютеру на диагностику. “О, как дела плохи у вас, — го-

ворит ей девица, и по правой, по не намазанной, скользит прибором. У самой, кстати, тональный крем в семь сантиметров. — У вас то-то и то-то”. И кучу проблем называет. А вот здесь, где использована маска, — превосходно. А Лидка ей: “Вы перепутали, где всё превосходно — моё, без вашего вмешательства, а где всё хреново — так мне там обработали”. — Валентина рассмеялась. — В общем, дураят народ, как могут. Я потом ещё отзывы в интернете почитала. Скольких обманули! Многие даже судились и причём выигрывали суды. Ещё пишут, что страшная аллергия появлялась. А специалисты там никакие не специалисты по косметике, а так называемые менеджеры по продажам.

Костя вздохнул. Ему всё ещё не верилось, что он попался на удочку “Науки красоты”.

— Валя, а плюсы-то есть, — сказал он, — год не будем покупать шампуни, расход-то у них минимальный. Да, и ещё! Когда мы позволим себе на голову икру намазывать? Может, только когда с ипотекой расплатимся.

— Уж лучше за такие деньги купить банок пять настоящей икры, да ложками её, ложками... Эх!.. Сметанников, где там сердечко твоё серебряное? Дари уже, а то скоро Путин по телеку поздравлять будет. И кошку, которая дирижирует, Марье отдай. Пусть повеселится.

Новый год семейство Сметанниковых отпраздновало весело, подпевали кошке, которая дирижировала ими, распевали песни, съели ведро салата оливье, выходили на улицу запускать салют и лишь в пять часов утра в хорошем настроении легли спать.

Часиков в девять Костя, проснувшись, увидел, что жены нет рядом. Зато из кухни доносились всхлипывания. Он сразу туда. За небрунным после пиршества столом сидела Валя в ночной рубашке, а перед ней — чемоданчик из “Науки красоты”. Жена, склонившись над ним, тихонечко плакала.

— Валя, ты чего? Ну, чего ты? Да не расстраивайся так. — Сметанников погладил жену по голове. — Я дурак, осёл, но мы придумаем что-нибудь, обещаю тебе. Вчера же обо всем договорились. Не плачь. Валя, ну, успокойся же! Дался же тебе этот мой чемоданчик... Нашла из-за чего расстраиваться!

— Это не твой чемоданчик, — сквозь плач еле-еле выговорила жена, — это мой.

— То есть?

— А вот то и есть. Я тоже была в этой “Науке красоты”. Также купила вот это... — И Валя опять зашлась слезами.

— Как была? Как купила? Ты же говорила, что тебя на работе отговорили. Лидка твоя. — Константин только сейчас заметил, что второй такой же чемоданчик красуется на стуле возле холодильника.

— Да сама я Лидка! Не Лидка ходила туда, а я, дура. Мне уже потом про надувательство рассказали. И в интернете прочла.

— Да как же так?... Ты же не поверила... Про щёку рассказывала...

— Да сама не знаю, как! Вроде бы сначала не соглашалась, а потом как они меня убедили, сама не пойму? Может, чай, а?

— Чай, блин... Кофе, блин... В кредит? — упавшим голосом спросил Сметанников. — С переплатой?

— А как ещё? Денег у меня несколько не было, да и они говорили, что бесплатно. Думала, схожу, посмотрю, может, что путное скажут. Бесплатно ведь на первый раз. Всё из-за морщин этих проклятых... Спасения во всём искала. Я ведь думала, у тебя баба какая появилась.

— Что-то много всего у меня появилось за последнее время — и баба, и лысина, — улыбнулся Костя.

— А баночки-то одинаковые. Я их разглядела, и твои, и мои.

— Как одинаковые? У меня для волос, у тебя для кожи.

— А ты попробуй различи, что тут для волос, что для кожи. На коробочках всё не по-русски и даже не по-английски, одни только эти козявочки — иврит.

Сметанников прошёлся по кухне и, серьёзно посмотрев на жену, сказал:

— В таком случае оба набора мне.

— Почему?
— А вдруг у тебя на лице волосы начнут расти? На щеках, на лбу, на подбородке.
— Ужас какой!
— Нет уж, Валюшенька, — с приливом небывалой нежности обнимая жену в это первое утро наступившего нового года, хохотнул Костя, — эпиляцию мы с тобой не потянем!

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ ИЮНЯ

Незнакомич с грохотом ввалился в коммуналку.

— Чо грохочешь! — Бабка Таня выглянула из своей комнаты. — Каждая козявка шумит.

— Сидите у себя и не высовывайтесь понапрасну! — Злой Незнакомич толкнул соседкину дверь.

Это, конечно, он сделал зря. Казалось, бабка Таня только и ждала, чтобы с кем-нибудь пособачиться. Она широко распахнула дверь своей комнаты и завопила:

— Люди добрые! Вы только посмотрите на него! Три дня в начальниках, а уже важнее самого товарища Молотова!

Незнакомич молча прошагал по длинному коридору в свои двухкомнатно-смежные покои. На пороге его уже ждала встревоженная жена. Бабка Таня всё ещё что-то кричала вслед соседу.

— Что опять ей надо? — Луиза посмотрела на мужа.

— Да ну её!

— Я вот найду на неё управу! Не посмотрю, что старая! — крикнула в пространство коридора жена, закрывая дверь. — Ведьма!

— Ты-то хоть не будь душой, не связывайся с ней. — Незнакомич, не раздеваясь, прошёл к окну и распахнул его. Уличный шум нарушил тихое и складное состояние комнаты.

— А чего она? — Луиза скорчила гримасу и вмиг сделалась обидчивой, дескать, я за тебя заступаюсь, а ты мне ещё и выговариваешь.

Незнакомич чуть ли не с разбега рухнул на чёрный диван с высокой спинкой и закинул ноги в сапогах на подлокотник, аккурат на бельё кружева.

— Незнакомич! — Луиза в ужасе подскочила к мужу. — Ты в своём уме!

“Заткнись!” — так и хотелось сказать Незнакомичу, но он, положив руку на лоб, закрыл глаза. Луиза вытащила из-под сапог белоснежную салфетку и прижала её к груди.

— Это память о маме, а ты сапогами! — прошептала жена, невольно срифмовав.

— Кого? Маму сапогами? — переспросил Незнакомич рассеянно.

— Память! Память сапогами! — И в голосе Луизы звякнули слёзы обиды.

Незнакомич нервно соскочил с дивана, выхватил из рук жены салфетку, кривясь, поцеловал её, положил на подлокотник и бережно разгладил, а затем пулей вылетел из комнаты. Он был страшно раздражён, но срывать злость на почти плачущей жене не хотелось, поэтому Незнакомич без стука, ворвавшись в комнату бабки Тани, с порога процедил сквозь зубы:

— Ещё раз обидишь Луизу или косо помотришь в мою сторону, ни тебе, ни внуку твоему не поздоровится! Уж я постараюсь. Поняла?

Соседка растерянно глядела на взбешённого Незнакомича.

— Поняла? — заорал он. — Ни тебе, ни внуку твоему, раздолбаю!

— Поняла, батюшка, поняла. — Бабка Таня вжала голову в плечи. За себя она не переживала, а вот за внука... Тот и вправду был непутёвый, но Бог пока миловал с наказаниями.

— Вот то-то же! — сказал Незнакомич уже более миролюбивым тоном. — Гляди у меня! С этого дня жизнь меняется.

Тем временем Луиза, сменив гнев на милость, накрывала на стол.

— Руки! — грозно сказала она, когда муж вернулся.

Тот вытянул руки вперёд и впервые за вечер шутливо посмотрел на жену.

— Мыть! Мы-ы-ыть! — она завернула мужа обратно в коридор.

За время его отсутствия на столе, покрытом светлой скатертью, помимо еды, красовались гранёные стопки.

— А это уже совсем другой разговор. — Незнакомич потёр крепкие ладони.

За ужином Луиза весело щебетала, забыв сапоги на кружевах. Незнакомич сосредоточенно молчал. Его широкое загорелое лицо оставалось бесстрастным.

— Вкусно? — спросила Луиза.

Незнакомич откинулся на спинку стула.

— Не обижайся. У меня сегодня день не из лёгких.

— На работе что-то стряслось?

— Завтра мне предстоит участвовать... В общем, будем храм разрушать.

— И что?

— Храм разрушать, — повторил Незнакомич.

— И что такого?

— Что-что... Непокойно у меня на душе, вот что.

— Из-за храма?

— Ты, Луиза, дура, что ли? — Незнакомич в сердцах кинул ложку на стол. — А из-за чего ещё? Конечно, из-за храма.

Он вскочил и стал, выбрасывая ноги, вышагивать по комнате от двери к окну и обратно.

— Какой храм? — как можно более участливо спросила Луиза.

— В Путинках. Рождества Богородицы.

— На Малой Дмитровке? Так он давно уже мёртвым грузом стоит. Место только занимает. Роскошный, правда, зараза. Узорочье русское. — Луиза за тряхнула кудряшками. — Только это не повод, чтобы жалеть ту церковь. Пусть даже она и последний шатровый храм.

Незнакомич остановился и в раздумье почесал щёку.

— А почему последний? А потом какие?

— Патриарх Никон прекратил после неё строительство шатровых храмов на Руси. Потом строились только крестово-купольные.

— А Патриарх Никон — это у нас век...

— Семнадцатый! — Луиза укоризненно посмотрела на мужа. — А указ был по поводу шатровых храмов в 1653-м.

— Не зазнавалась бы ты, историк Луиза Незнакомич!

— В чём-то она последняя, а в чём-то первая, — с гордостью делилась своими профессиональными знаниями Луиза. — Её придел был освящён впервые на Руси в честь Неопалимой Купины, то есть в честь иконы Божией Матери “Неопалимая Купина”, — поправила она.

— Которая от пожаров спасает? — уточнил Незнакомич.

— Естественно!

— Стало быть, церковь старая...

— Почти триста лет в обед. Кстати, мои родители там венчались. Ещё до революции. Недалёкие люди, — вздохнула Луиза.

При упоминании о родителях Незнакомич вздрогнул и снова заходил по комнате. Взгляд его невольно упал на кружевные диванные салфетки тещи. “И храм будто свит из белоснежного кружева”, — пронеслось у него в голове.

— А мы вот не такие, как они были, — продолжала жена. — Что за пошлость — венчаться? Фу... Хорошо, что они потом одумались и поняли, что религия — опиум.

Незнакомича бросило в пот.

— Луиза, это и волнует меня больше всего. Отец ведь твой храм Христа Спасителя разрушал.

— Принимал участие.

— А ведь на следующий день того... помер.

— Да, — кивнула жена.

— Ни с того, ни с сего. Лёг вот на него, — Незнакомич покосился на диван, — заснул и не проснулся.

— Лёгкая смерть!

— Так после того, как храм Христа Спасителя взорвали! На следующий день! Тебя это не удивляет столько лет?

— Нет, — спокойно ответила жена и встала из-за стола в желании убрать посуду. Незнакомич остановил её, снова усадив на венский стул.

— Луиза, — шептал он, — я не хочу завтра участвовать в этом деле. Я ещё пожить хочу. Как бы отказаться?

— Отказаться? — Жена тоже перешла на шёпот. — Что значит “отказаться”? Ты в своём уме? Тебя же арестуют! А потом и меня.

— Может, обойдётся? Заболею, ну, не знаю ещё, что. Придумаем.

— Нет! Ты пойдёшь! Я и не знала, что у меня муж — трус! — Она решительно встала и принялась за уборку.

Незнакомич сел на подоконник у раскрытого окна. Вывалиться, что ли? Тут не высоко, несильно пострадаешь. Жив-то уж точно останешься. Скажу, что сердце прихватило, вот и упал, пока жена посуду мыла. Он посмотрел на тротуарную часть под окнами и ясно представил, как свалится на весёлых, по-летнему разодетых прохожих. Симпатичная краля! — Незнакомич взглядом проводил молодую стройную девушку в цветастом платице, которого игрун-ветер чуть приподнял подол. — На неё бы упасть! Он засмеялся, довольный своей шуткой, но тут же осёкся. Да, не до шуток.

В комнату вошла Луиза. Муж опустил глаза, стыдясь своей недавней мысли о девушке.

— Чего ты так далеко выставился? Упадешь ещё! А ну, слезай с подоконника. — Луиза потянула его за рукав. — Кому говорят?

Незнакомич нехотя повиновался.

— Бабка Таня — сама любезность. — Жена вытирала посуду и составляла её в буфет. — Говорит, смотрит на нас с тобой и налюбоваться не может. И какая муха её укусила, ведьму эту?

— А давай тебе купим платье в цветочек, — неожиданно предложил муж, — а то у тебя то горох, то однотонное.

— Здравствуйте! — Луиза оторвалась от своего занятия. — У меня три цветастых платья!

— Да? — смутился Незнакомич. — Тогда давай ещё одно купим, новое. Лето-то только началось.

— Завтра можно было бы. Воскресенье, выходной. Но ты, наверное, весь день занят будешь.

Незнакомич, вспомнив о предстоящем деле, тихонько чертыхнулся. Достал из кармана пачку папирос, закурил. Из головы не выходил тесть, умерший почти десять лет назад, в декабре 1931 — на следующий день после умерщвления храма Христа Спасителя. Может, совпадение? Ведь накануне тесть крепко выпил.

— Каюк Христу Спасителю! — с гордостью говорил тесть. — Взорвали, не отвертелся. Жаль, что не с первого раза. Крепкий, однако! А народу набежало! Со всей Москвы. Кидались свою богомольно отстаивать. Запомнился мне один с бородкой. Наверное, поп какой. Всё время пел протяжно: “Да простоит сей храм многие века...” И ещё один, в смушковой шапке. Тот, правда, не пел, а проклинал нас. Окаянными антихристами обзывал. Злобный, собака! Да и не только он. Дивлюсь я, сколько ненависти в людях...

Тесть в этот вечер был в центре внимания. Тёща подкалывала ему в тарелку мясного, сама наполняла из рифлёного графинчика стопочку, то и дело ласково глядя мужа по голове. Для неё, как и для Луизы, глава семейства виделся героем, они непрестанно засыпали его вопросами. Новоспечённый зять молча внимал рассказу уважаемого тестя. В какой-то миг Луиза с долей негодования сверкнула на мужа. Мол, спроси чего-нибудь у отца, чего молчишь, как истукан.

— Неожиданно, — только и пришло на ум Незнакомичу.

— Что неожиданно? — вскинул бровь тесть. — Ещё в июльском номере “Правды” официально заявили о строительстве Дворца Союза Советских Социалистических Республик.

— И в “Известиях”, — поддакнула ему жена.

— Не по сердцу, что на месте храма такой дворец будет? — Тесть-большевик испытующе посмотрел на зятя.

Незнакомич не ответил. Ему очень нравился храм Христа Спасителя, и его мнение об этом соборе шло вразрез с мнениями специалистов. И совсем не похож он ни на самовар, ни на кулич. А бездушной архитектурой тут и не пахнет. Придумают тоже.

Как-то попалась ему на глаза брошюрка Кандидова “За Дворец Советов”. Незнакомич сперва пробежал глазами названия глав: “Ложно-историческая ценность Храма Христа Спасителя”, “Сказка о художественной ценности Храма Христа Спасителя”, “Храм Христа Спасителя на службе контрреволюции” - и других, подобных по смыслу. Забросил брошюру, не став её читать.

— А со взрывами тоже интересно получилось! — Тесть хвалился новостью дня. — Самый сильный был третий. И надо же такому случиться, что этот взрыв сделал простой рабочий-сезонник. Эээ... Фамилия — как ягода... А! Морошкин! Имя чудное, не вспомнить пока. Он всего-навсего охранял вход в помещение подрывного пункта.

— Как так? — теща Незнакомича деланно всплеснула руками. — Специалисты, что ль, не нашлось?

— Как не нашлось? Там самые опытные подрывники собрались! Только когда и второй взрыв не взорвал храм, что началось! Видели бы. Богомольцы ликуют! Насмежаются над нами. У начальства пена изо рта. Орут благим матом. Неразбериха полная. Оконфузились, получается. Беготня началась. А как дали команду на третий взрыв, из техников никого у взрывной машины и не оказалось. Ну, и Морошкин тут как тут.

— Перед начальством выслужиться хотел этот ягодный, — теща подобо-страстно взглянула на мужа. — А иначе куда лез малограмотный?

— Вот к таким выскочкам порой и приходит слава, — вздохнул тесть. — В общем, храм не устоял, а остальные взрывы доделали дело. Сейчас ещё разбирать руины предстоит, да и фундамент.

— Представляю, какой там ор стоял среди этих богомольцев, — теща вновь наполнила тарелку мужа едой.

— И не говори, мать! Рыдали, как по покойнику, вот глупые-то.

На следующий день рыдали по самому тестю...

“Как бы по мне не пришлось рыдать в понедельник! — Незнакомич с тоской посмотрел на Луизу. — Сколько, интересно, она вдовой проходит? Год? Два? А потом замуж выйдет. И... — Незнакомича словно обдало холодной волной. — На нашей постели... Ну, уж нет!”

Храм в Путинках он уничтожать не пойдёт. Не пойдёт... Так тогда его самого уничтожат. И снова Луиза с другим в постели представилась ему. Что делать-то? Замкнутый круг какой-то...

— Скоро спать, а ты надымил так! — жена со всей силы размахивала полотенцем.

За десять с небольшим лет, что Незнакомич жил с ней, Луиза стала намного ворчливее, да и красоты в ней поубавилось. Только соломенные кудряшки по-прежнему вызывали в нем воспоминания о той юной особе, в которую он когда-то страстно влюбился. Мысль о том, что кто-то другой, а не он сам, может любить его жену, была ему папиросой в сердце.

Луиза продолжала бухтеть из-за дыма, и Незнакомич отправился на кухню попить водички. Там он застал бабку Таню. Виновато посмотрев на него, она вдруг протянула ему письмо.

— Прочитать некому. Сегодня утром получила. От племянницы. А внук мой, шалапут, куда подевался? Ума не приложу. Прочти, милоч, не откажи. Не терпится узнать, как они там, в деревне.

Незнакомич хотел было послать бабку Таню куда подальше, но вдруг взял письмо, пробежал мельком по мясистым буквам и неожиданно наткнулся: “Выкорчевывают из нас имя Христово...” Он крикнул и посмотрел на соседку, стал молча читать дальше: “Диву даёшься, что стало с людьми. Сердце кровью обливается. Хорошо, что ты, тётка Таня, уехала с этих мест и не видишь все бесчинства, творящиеся здесь. Думали, уж закончено со всем беззаконием, так ведь нет же! Церковь каменную порушили! Горе-то какое...”

— Чего там? Неладное что-то? — встревожилась бабка Таня.

— Церковь у них там порушили, — сказал Незнакомич и дальше стал читать вслух: — “Какая красивая была, помнишь ведь, к нам в село ты не раз приходила”.

— Как не помнить? — горько усмехнулась бабка Таня.

— “Резная и иконостас резной. Иконы, как говорили знающие люди, ещё жидкой техникой выполнены. Старинные. И стояла-то она на пригорочке, никому не мешала. Пригнали сначала один трактор, потом второй вызвали. Мы все стали кольцом, окружили, значит, её, родимую. Но разве ж бабы да старухи сила? Зацепили эти супостаты колокольню за макушку тросом, мы в плач, крик, кто был не в круте, кинулись на сломщиков. Что началось! В общем, милицией дело закончилось. А церковь-то разрушили всё же... И иконы многие пожгли. Эх, входят люди в историю геростратами”. Ишь ты, грамотная племянница твоя! — Незнакомич оторвался от письма.

— Какими стратами? — слабым голосом спросила бабка Таня, но Незнакомич не ответил, продолжая чтение.

Дальше Валентина радовалась факту, что те, кто принимал участие в поругании церквей в соседних селах, уже наказаны Богом. Кто повесился, кого убили, кто сторел вместе с семьёй и домом...

Незнакомич скомкал письмо, поднёс к нему спичку и, горящее, кинул в раковину. Встретившись глазами с бабкой, прислонил к губам указательный палец. Соседка понимающе молча кивнула и поклонилась.

Вернувшись в свои апартаменты, Незнакомич застал Луизу перед зеркалом. Она забавлялась с волосами, придумывая себе разные причёски.

— Чего такой испуганный?

— Я? Я нет. С чего мне быть испуганным? — Незнакомич внимательно посмотрел на себя в зеркало. В глазах и впрямь тревога. — Я насчёт за-втрашнего всё думаю. Не стоит мне этого делать.

— Опять? Сколько можно об одном и том же! Незнакомич, ты милиционер! Милиционер! — проговорила она по слогам. — Ты не будешь разрушать церковь, ты будешь стоять в оцеплении, карауле или как у вас там. Людей не пускать, чтобы они не покалечили себя, дурни. Объяснять им, что они заблуждаются. И всё такое.

Ночью от мыслей и духоты разболелась голова. Луиза спала беспробудно, отвернувшись к стене.

В ту ночь впервые Незнакомич обратился к Господу. “Сделай так, — горячо шептал он, — чтобы мне не пришлось завтра участвовать в этом. Ведь накажешь, как пить, накажешь. А я и не пожил ещё. Не нажился. И детей нет. Двое родились, да и умерли сразу. Тридцать лет всего-навсего. Сам по-суди, разве умирают в таком возрасте? Пусть эту церковь не тронут! Сделай чудо, ну, что тебе стоит?” Он засыпал, но снова просыпался и шептал. Под утро дошёл до полного бреда: “Пусть что угодно случится, лишь бы отменили церковь эту разрушать. Не хочу я!”

А на следующий день началась война. Ведь уничтожение церкви Рождества Богородицы в Путинках было назначено на воскресенье 22 июня 1941 года. Та страшная дата явилась спасительным днём для храма.

В кровавые военные годы Незнакомич уцелел, хотя с 1943 года был на фронте, и даже пару раз на передовой. Только одна лёгкая контузия. Луиза ушла на фронт одновременно с ним санитаркой и подорвалась на mine, спеша к раненому. Хоть и не христианка, а погибла “за други своя”.

Каждый раз — и готовясь к сражению, да и просто на привале, — Незнакомич размышлял о храме в Путинках. “Из-за тебя началась война!” — гневно думал он. Однажды даже стал писать письмо в ЦК партии с просьбой немедленно взорвать храм, чтобы война кончилась, но вовремя спохватился. Скажут, контузило мужика, что тут удивительного!

После войны раз в год, 22 июня, он приходил на улицу Чехова, бывшую Малую Дмитровку, и разговаривал с храмом:

— Вот ты стоишь тут во всём великолепии, а из-за тебя столько народу погибло. И Луиза моя...

Храм молча смотрел на человека, ни в чём не чувствуя своей вины.

— Ну, дождётся у меня! — грозил Незнакомич. — Я тебе покажу!

Однажды спяну он вновь стал писать письмо куда следует: “Я, узнав о том, что церкви будут сносить, смалодушничал, — выводил Незнакомич на бумаге, — всю ночь умолял Бога, чтобы он оставил храм. Преступно возошил: “Пусть что угодно произойдёт, лишь бы храм не стали рушить”. И Бог услышал. Оставил храм в покое. Оставить-то оставил, но началась война. А вот если бы не оставил, то и ничего бы и не было. Прошу принять меры по ликвидации храма”. Прочитав наутро письмо, разорвал его в клочья. Прямая дорога в психушку!

Время от времени в голову приходили совсем шальные мысли... Раз я тебя вымолил, мне тебя и казнить! Сам взорву, и дело с концом.

Но как ты взорвёшь? Да ещё в одиночку.

Наступало очередное 22 июня, и Незнакомич снова приходил к храму укорять его за то, что он стоит, а столько народу погибло. Подолгу стоял, внимательно вглядываясь в воздушный архитектурный ансамбль церкви.

— До чего ж наряден! — останавливались прохожие. — Шедевр московского зодчества!

— На фасадах и не отыскать ровной поверхности. Все в резьбе и каменном кружеве!

В послевоенные годы в церкви Рождества Богородицы в Путинках располагалась репетиционная база цирка, там дрессировали собак и обезьян, клоуны отработывали свои смешные номера. Несколько раз 22 июня Незнакомич видел, как в храм входил известный ему клоун.

В девяностые храм стал действующим. Вот тогда-то впервые и переступил Незнакомич порог церкви Рождества Богородицы. Ему уже было за семьдесят.

Без робости, уверенно, словно хозяин, вошёл он в храм. И обмер. Совсем другим ему представлялись и само пространство, и интерьер.

— Крохотно как! — вслух сказал Незнакомич. И долго, прислонившись к ступенькам, ведущим в придел в честь иконы Божьей Матери “Неопалимая Кушина”, стоял, рассматривая внутреннее убранство.

И он стал чаще приходить сюда, не только 22 июня. Как-то раз видел актёра Александра Абдулова. Говорили, что Абдулов вместе с другими артистами расположенного рядом театра “Ленком” помогал возрождать церковь. А ещё он видел того самого клоуна, но постаревшего и смиренного. Клоун долго и старательно исповедовался священнику. “Небось, кается, горемыка, за все свои ужимки и прыжки”, — усмехнувшись, подумал Незнакомич. Сам он и не думал ни исповедоваться, ни причащаться.

В 1994 году Незнакомич попал в храм как раз, когда там отпевали хорошего артиста Евгения Леонова. С возрастом он, располневший, внешне стал походить на этого добродушного актёра. К тому же Незнакомич впервые побывал на отпевании и очень проникся происходящим, а потому стал задумываться о чём-то глубоком и важном.

Наступил новый век, а Незнакомич всё жил да жил на белом свете, и уже подумывал грешным делом, что не только храму суждено стоять вечно, но и ему, одинокому старику, время которого уже подтекало к столетию. И вот уже совсем не старого Абдулова, умершего от рака, отпевали в том же храме в Путинках, только уже не на улице Чехова, а как раньше — на Малой Дмитровке.

— Молодые мрут, а мы с тобой, старые, не умираем, — сказал Незнакомич храму после того отпевания.

В том же году он и помер, не дожив до ста лет. Как ветерана войны, его навещала медсестра.

— Пусть отпоют меня. В том храме, — простонал он.

— В каком? — спросила медсестра.

— В моём, — глухо ответил Незнакомич. Это были его последние слова.

МАРИЯ ЗНОБИЩЕВА

НА СТАНЦИИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ

ОТПУСКАТЬ

Мало просто любить и беречь. Есть другая тоска:
В первый раз, когда травы подёрнутся инеем белым,
Свейся в узел и губы сожми — научись отпускать —
В два крыла, на любые дела, за любые пределы.

Помнишь тёплые гнёзда в руках молчаливых берёз,
Под вечерней звездой затихающий в шорохе посвист?..
Сколько звёзд — столько птиц, но сочти: сколько птиц,
сколькo звёзд

Под крылом засыпало — и сколько останется после?

Как ты это выносишь, земля золотая моя?
Полотняное небо разодрано криком и плеском.
“Там теплее”, — ты скажешь. Но я ненавижу края,
Что откроются им за последним твоим перелеском.

О, как ты отпускаешь! Скрывая последнюю дрожь,
Всеми рощами плещешь и радуги ладишь в полсвета.

ЗНОБИЩЕВА Мария Игоревна родилась в Тамбове в 1987 году. Окончила Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина. Автор многих поэтических сборников, в т.ч. “Зелёная волна”, “Майский снег”, “День радости”. Неоднократно участвовала в Форуме молодых писателей России (семинар А. Казинцева и С. Куняева). Лауреат литературных премий. Член Союза писателей России. Живёт в Тамбове.

Улетают — жива, улетят — и ты сразу умрёшь,
Но премудра зима, и они не узнают об этом.

Пусть им будет тепло, они взяли здесь всё, что могли...
Затворить воротá да на семь бы замков запереться,
Чтоб не слышать, как третьи сутки кричат журавли,
Улетающим клином вонзаются в сердце.

НА КРЫЛЕЧКЕ

Посидеть на крылечке, как будто мне десять лет,
Посидеть на крылечке, как будто не умер дед
И в глазах его карих древний огонь горит:
“Ох, и жалко тебя...” — А дальше — не говорит.

“Вот дострою забор, а потом ещё пять годков
От ворот буду палкой гнать твоих женихов.
Ну, а если какой и глянется, станет мил,
Ты смотри на одно: чтоб он работающий был”.

Всё-таки дедушка знает. А вечер нетороплив,
И луна над домом сочней, чем белый налив,
Часовая стрелка плоским гребёт веслом,
Пока мы на крыльце, под крылышком, под крылом...

ЧЕРЁМУХА

Памяти бабушки

И эту весну называя последней весной,
Ты ласковым цветом черёмух попрощалась со мной —
Светло разлучилась,

отчаянно, странно лучась.

И голуби реяли в скорби серебряных глаз.

Мы шли мимо дач, опрокинутых в дым и весну.
Ты тронула ветку, шепнула: “Сорви мне одну”.
И куст наклоняя пониже (коснуться бы щёк!),
Я ветки черёмух ломала ещё и ещё.

Пусть солнце целует сегодня тебя, а не всех,
Летит лепестками к губам ослепительный снег.
Как много в руках моих силы, а в сердце — любви.
Возьми, сколько хочешь, — всю землю, весь мир — но живи...

Мы только до озера, где расступались кусты,
Был тёплым песок, и купаться водила нас ты.
Но к зелени ряски и кольцам скользящих ужей
В погожие, Божие дни не приходят уже.

...Сколь, боль, ты светла!.. Притворюсь, что и я не грущу,
Но, кажется, шаг — и навеки тебя отпускаю.
Тот берег так близко, но ты мне посмотришь в глаза
И скажешь, как в детстве: “Останься. Со мною — нельзя”.

С тобою нельзя. Наш уход и приход одинок.
И чувствует крылья лишь тот, кто не чувствует ног.
И всё, что ещё для тебя на земле я могу, —
Находится здесь, на убогом моём берегу.

Но я не расплачусь, как рыба с распяленным ртом.
“Не надо рыданий, — так батюшка скажет потом. —
Им наша печаль, как сырая земля, тяжела.
Порадуйся лучше: черёмуха вновь расцвела...”

* * *

Поговори с деревьями. Они
Попятились, слегка ослеплены
Неласковым голубоватым блеском
Ещё вчера уступчивой реки,
А нынче лёд сверлили рыбаки,
Последний луч натягивая леской.

Поговори. Их шум шероховат.
Зелёной лести листьев, говорят,
Не пить реке до самого июня.
Но чуткий смысл, что каждой веткой гол,
Тугой, узлами скрученный глагол,
Того луча неистовой и струнной.

Я рядом, дерево. Едва дышу.
Но дышишь ты, а всё другое — шум,
И я цепляюсь за тебя корнями.
Я выживу и тоже прорасту,
Вонзая ветки в злую мерзлоту —
За облако, парящее над нами.

* * *

На станции провинциальной
Одни и те же поезда,
Свет фонарей, всегда прощальный,
Всегда печальная звезда.

И ночь в иголочках бессонных,
И стук сердец, и стук колёс,
И запах пепельно-перронный
Черёмухи и папирос.

И от пространственных простраций
Легко до звона задрожать.
Здесь любят долго собираться,
Но не умеют уезжать.

Вздыхнут: “Присядем на дорожку”,
Да и застынут на века,
Когда вагонная подножка
Так далека и так близка.

* * *

...А в маленьком городе некуда деться
От тополя, светом одевшего детство,
От тёплого тока ручья,
От школьных подруг и обид обоюдных,
От улиц, которыми бегала юность,
Когда ты — как воздух — ничья.

От первой любви, что казалась последней,
А стала бездарной, безжалостной сплетней,
Не нужной теперь никому,
От ветра, несущего гулы вокзала,
От слова, которое тихо сказала
В беззвёздную зимнюю тьму.

Здесь всё повторяется, пахнет сиренью,
Дробится — и радуется повторенью,
И лучшей не знает игры.
И все твои бегства — ребяческий топот.
К тем улицам, в те же дворы.

АЛЕКСАНДР ЛАПИН

ВРЕМЯ ЖИТЬ

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

Александр Лапин — писатель и публицист, лауреат премии Правительства РФ в области средств массовой информации, национальной премии “Лучшие книги и издательства — 2014”, Международной премии имени Валентина Пикуля, член Союза писателей России. Литературным творчеством занимается с конца 1970-х годов, ряд его книг переведён и издан за рубежом. Живёт в селе Сенное Воронежской области.

Наиболее известное произведение Александра Лапина — роман “Русский крест”. В нём охватывается история нашей страны на протяжении трёх десятилетий. Главных героев романа — четвёрку школьных друзей, читатель впервые встречает совсем юными, недавними выпускниками. У каждого из них непростая судьба. Вчерашние однокашники, романтики, они проходят от книги к книге нелёгкий путь поиска своего предназначения в рушащемся вокруг них привычном мире. Влюбляются, расстаются, ошибаются, идут вперёд, отстаивая свою правду, меняясь вместе со страной. Через всё то, что принесло это непростое время: развал государства и смену общественного строя, войны и новые рыночные отношения, первые буржуазные удовольствия и бандитские разборки...

Весной 2016 года увидит свет заключительная, шестая книга этой масштабной саги о поколении, в которой события происходят уже в недавние 2000-е годы. В отличие от пяти предыдущих (“Утерянный рай”, “Непуганое поколение”, “Благие пожелания”, “Вихри перемен”, “Волчьи песни”), заглавие финальной части романа — “Время жить” — звучит оптимистично. Пусть и нельзя сказать, что в судьбе главных героев всё входит в привычную колею и долгожданный покой близок. Ведь никому не дано избежать борьбы с постоянно возникающими вызовами окружающей нас жизни, со своими внутренними сомнениями, противоречиями. Но повод для оптимизма автор видит в чётком осознании своего пути и жизненных

целей, в готовности взять ответственность на себя “за тех, кого приручил”, в глубоких корнях, связывающих с родной землёй. Именно это, по мнению писателя, и является основой полноценной жизни здесь и сейчас.

Журнал “Наш современник” публикует журнальную версию книги “Время жить”, в которой прослеживается судьба главного героя “Русского креста” — Александра Дубравина.

1

“Дорога, дорога, ты знаешь так много о жизни моей непростой!” — навязчивая мелодия стучала в висках уже целых полчаса. И он никак не мог избавиться от неё. Тем более что она абсолютно точно выражала его мысли.

Дорога — это его жизнь. Семьдесят дней в году проводит он за рулем. Стремительно перемещается в пространстве, на котором раскиданы его предприятия. Зимой и летом. В любую погоду мчится его трехлитровый турбированный “Ауди” по трассам Черноземья и Юга России.

Что же, “назвался груздем — полезай в кузов”. Захотел стать свободным издателем — соответствуй во всём. Живи на колёсах.

Вот и сейчас, в январскую стужу, когда хороший хозяин и собаку не выгонит из дому, он ехал в город “Ч”. Туда, где сегодня в крупном областном центре находился его главный офис.

Полноприводная машина на шипованной резине хорошо держала дорогу. И Дубравин, чуть расслабившись, оглядывался по сторонам.

Вокруг зимние пейзажи. Насколько хватает глаз — покрытые снегом поля. Вдоль дороги — узорчатые, обледеневшие деревья лесных полос. По-видимому, вчера, в оттепель они были облиты дождём, а теперь, когда ударил мороз, покрылись белым, невообразимой красоты узором. Ледяным кружевом.

Не вчера началась эта дорога в новую жизнь. Тогда, после всего, что случилось с ними, он долго раздумывал. О том, что же ему делать дальше. Внутренне, в своём сознании он уже оторвался от “Молодёжной газеты”, от столицы. И дальнейшее продолжение того бытия казалось ему скучным и бесполезным хождением по кругу: “Надо уходить! Делать то, что задумал. Но без неё. Без Галины”.

На очередном ежегодном осеннем семинаре “Молодёжной газеты” он вышел на трибуну. Долго молча смотрел в зал. Туда, где сидели его соратники по борьбе.

Как же они изменились за эти годы! Образно говоря, закалились. Выделились из серой человеческой массы. Превратились под чудовищным давлением из “мягкого графита” в настоящие “человеческие алмазы”. Чудо-богатырей.

Очень многое ему хотелось сказать этим людям. И о том, что все они, как герои романов Фенимора Купера, являются “следопытами”, идущими “в леса новой жизни”. И о том, что пришло его время начать самостоятельное дело. А также о том, что он их любит, прикипел к ним сердцем.

Но вымолвил он совсем другое:

— Я ухожу!

Зал охнул. И притих. Видно, никто не ожидал такого поворота. Что бы там ни говорили в кулуарах, о чём бы ни шептались враги, они всё равно оставались “отцами-основателями”. И его неожиданный уход поселил в сердцах людей тревогу и беспокойство.

“А как же мы?” — увидел он вопрос в их глазах...

Дубравин отбросил воспоминания, когда его “Ауди” уткнулся в хвост длинной, самодвижущейся пробки на колёсах.

Полный привод вдохновляет его на обгон. Но сейчас зима, чёрт бы её побрал! А впереди него — десятки ползущих полегоньку, потихоньку по заснеженной, нечищенной трассе изделий отечественного автопрома. И тут не до шуток. Случись что — пробка встанет, растянувшись на десяток-другой километров.

Началась пурга. Ветер срывал с полей снежинки, бросал их на лобовое

и боковое стекла. Снежными щупальцами шарил по асфальту, зацепившись за неровности, начинал наметать заносы и пережёты.

Ехать становилось труднее, так как из-под колёс идущих перед ним фур поднимались в воздух белые вихри.

Впереди древний русский автомобиль “Волга” сделал рывок и отчаянно попытался начать обгон. Но, увы! И ах! Левым передним колесом он попал в пушистый снег. Потерял курсовую устойчивость и с разворотом влетел в сугроб на обочине.

Никто не остановился. Колонна продолжала движение.

Проезжая мимо, Дубравин краем глаза увидел, как из погрузившегося в снег кузова вылезли водитель, а следом и пассажир.

Но решимость его велика. Надо срочно обходить колонну. Иначе до темноты ему до места не добраться.

Тут и пригодилась дополнительная мощность двигателя. И полный привод. Дубравин начал обгон и играючи обошёл один, второй, третий грузовик...

Впереди уже маячил оперативный простор.

Он хорошо обошёл предпоследнюю, окутанную летящей из-под колёс снежной пылью фуру и уткнулся в “небесный тихоход”. Это был тяжело нагруженный стальной арматурой длинномер — победитель всех на свете марфонов. Отечественный “КамАЗ”.

Некоторое время Александр двигался за вылезшим из кузова метра на полтора гремящим стальным частоколом. Висматривал через несшийся впереди снежный вихрь дорогу. Готовился сделать очередной обгон.

“Вроде чисто! Ну, милая, не выдай!”

Вылез на встречку. И осторожно продвинулся вперёд. Ещё чуть-чуть — и он уже сравнялся с кабиной длинномера. В этот миг он заметил, как впереди, откуда-то из белой мглы, вылетели, вырисовываясь на дороге, светлые “Жигули”. С погашенными фарами, без габаритов эта машина была похожа на серый призрак.

Он каким-то шестым чувством ощущал, как быстро двигался навстречу этот “старинный русский автомобиль”, вынырнувший из пурги.

“Вперёд не успеть!”

Инстинктивно ударил по тормозам. Сработала система курсовой устойчивости. Педаль начала прыгать под подошвой. Иномарка, как остановленная на полном скаку лошадь, упёрлась всеми четырьмя шипованными колёсами в заснеженный, с настом асфальт.

А “Жигули” неумолимо летели навстречу. Через секунду он понял, что уходить от лобового удара ему некуда: справа — кузов длинномера, слева — металлическое ограждение трассы.

Странное дело: в эти мгновения его не покидало какое-то отстранённое, ледяное хладнокровие. Как будто это не он, а кто-то другой в нём считал и решал: “Только бы задние колёса дальнера успели пройти! А там — рывком вправо. Хоть под кузов. Обдери весь капот. Но уцелею!”

И про себя просил: “Ну, давай, давай же, обходи меня!”

Оставалось буквально метров двадцать до мчащихся вперёд “Жигулей”. Краем глаза он видел, как справа проплывал длинный, гружённый арматурой кузов.

И уже буквально в пяти метрах от несущейся навстречу смерти рывком бросил свою машину вправо. Капот “Аудиохи” оказался под нависшими из кузова арматуринами с повязанной на них красной тряпкой.

Мимо снарядом пролетели “Жигули” с затемнёнными стёклами...

Липкий страх и ужас прошли в ту секунду, когда Александр, наконец, осознал: “Пронесло, Господи!” Через минуту им овладел приступ такой ярости, что он несколько раз ударил кулаком по рулю:

— Гад! Сволочь! Подонок! Надо развернуться, догнать мерзавца! Остановить и набить морду! В такую погоду, в пургу не удосужился даже включить габариты и свет! Что ж это за люди такие! Что ж за ублюдки! Ну, ладно, свою жизнь ты ни в грош не ставишь. Но другие-то в чём виноваты, что из-за твоего разгильдяйства должны рисковать жизнью!

Потом успокоился. Вряд ли тут, на узкой полосе, в снегу удастся развер-

нутья. Да и где его искать? Без примет, без номеров. Скорее всего, он просто шары залил! И несётся!

Гул мотора успокаивал. И Дубравин, борясь с усталостью, сильно сожалел, что не послушал жену и выехал так рано. “Надо было доспать. Всё равно день пропадёт в дороге! Хотя и приедешь на пару часов раньше”.

Мысли его перескочили на дела семейные, личные. А они были вовсе не такие радужные. После разрыва с Галиной всё как-то само собою пошло наперекосяк. Жена отнеслась к его самостоятельности весьма прохладно. Ни помощницей, ни душевной опорой стать не смогла. Не захотела. Первые неизбежные неудачи на самостоятельном поприще вызвали у неё панику. И Дубравин горько жалел о том, что рассказал ей о них. Какое бы новое дело он ни начинал, Татьяна каждый раз вспоминала неудачу со строительством “фаст-фуда” и заводила одну и ту же песню: “Не ходил бы ты, Ванёк, во солдаты... А помнишь, как тебя обманули компаньоны?” Дубравин злился, терял весь свой энтузиазм. И, в конце концов, решил больше ей ничего не рассказывать. Ну, а так как дома он бывал редко, то наметившаяся трещина всё росла и росла...

Галину он давно понял. Ну, а кто понял, тот простил. Более того, христианский, нынешний его взгляд на мир всё перевернул, переворочил в его видении ситуации. Теперь он считал виноватым себя. “Я стопроцентный эгоист, который только и думал, что о своих планах, надеждах, жизни. Не понимал её. И считал, что “баба, она должна за мужиком идти, как нитка за иголкой”. Не дорос, видно, ещё до понимания того, что мир изменился и у деловой женщины могут быть свои виды на будущее. Для неё всегда так важен был статус. А что я ей предлагал? Главное — уехать. А там разберёмся. Кем она бы стала? Из мужних, законных жён да в любовницы, в подружки? Опять же материальная сторона. Это по пословице “с милым рай и в шалаше”. А сегодня уже с добавочкой: “...если милый атташе”.

Ну, и столичная жизнь её очень увлекла. Она ведь только выбралась из провинции. Только обжилась, работу престижную получила. А тут я предлагаю: всё бросай! Поехали! Начнём новую жизнь! А получится ли она, эта новая история? Об этом я и не думал в своём мужском эгоизме.

Хотя, с другой стороны, не это мне душу жжёт. Не это. А то, что мне тогда сказала: “Я и тебя люблю. И его люблю!” Значит, никого по-настоящему не любит”.

И, обогнав очередную фуру, дополнил: “Впрочем, чужая душа — потёмки. А уж женская — вдвойне. Но с этим, как говорится, ничего не поделаешь. С этим просто придётся жить. Стараясь не обижаться самому. И никого не обижать”.

2

Одна из главных артерий страны находилась в плачевном состоянии. Всего две полосы. И те идут через бесчисленное количество деревень, городков и посёлков. И вот её, как “корку хлеба тараканы”, оседали ненасытные гаишники.

Народ богател. Поток машин становился всё больше. У Дубравина даже сложилась собственная теория по этому поводу. “Сначала, на первом этапе, люди просто наедаются. Потому и набивают в супермаркетах полные тележки еды. Тащат всё, что им было недоступно в прошлые времена. Наелись — принялись одеваться. Покупать барахло. Сапоги. Сумочки. Куртки. Шубы”.

Он видел по собственной жене, с какой страстью и азартом бывшие советские, а ныне российские женщины тащили из магазинов всё, что раньше было им недоступно. Тащили, даже не задумываясь о том, нужно ли им это. Разбуженный потребительский инстинкт, зачастую не сдерживаемый ни воспитанием, ни образованием, давал такие причудливые плоды, что оставалось только разводиться руками. И периодически философски обобщать результаты: “Мужчина испытывает восторг и полёт души, когда творит, женщина — когда потребляет”.

Впрочем, он никого не осуждал. Ведь сколько времени народ получал материальные блага по граммულке — лишь бы не помер с голоду.

Вот пружина и распрямилась в годы относительного благополучия. Когда пришло время жить.

Он даже знал, что происходило сейчас. Третья стадия. Те, кто наелся и оделся, покупали машины. Поэтому на дорогах было уже не протолкнуться.

Ну, а дальше? Дальше люди начнут строить дома. Он сам уже прошёл и эту стадию. За десять месяцев шведская фирма поставила ему в ближнем Подмоскowie по своим технологиям хороший коттедж. С сауной, маленьким спортзалом и камином.

“А после, построив дома, люди захотят, чтобы их уважали. И тогда у нас в стране начнётся самое интересное. Появится то, что на Западе называют гражданским обществом. Или средним классом. Человек с домом — это совсем...” — он не успел додумать эту важную мысль. Из-за остановки выскочило то, что называется сотрудником ДПС. В руках у него была волшебная полосатая палочка, именуемая почему-то жезлом.

Пришлось тормозить. И съезжать на обочину. Из машины он не выходил. Ждал, немного опустил стекло. Подошёл вразвалочку одетый в тёплый синий комбинезон со светоотражающими вставками молодой, длинный парень. Представился неразборчиво:

— Бу-бу-бу! Лейтенант бу-бу-бу! Ваши документы!

Дубравин посмотрел на его счастливое лицо и понял, что, призадумавшись, обошёл фуру под знаком “Обгон запрещён”. Поэтому не стал спорить, а молча выбрался из тёплого чрева машины на мороз. Также неторопливо достал с заднего сиденья дублёрку. Надел. Теперь можно и разговаривать. Он миролюбив. И договороспособен. Потому что за годы странствий у него выработалась формула: нарушил — плачу. Разводят — иду на конфликт.

Подал водительские права и техпаспорт:

— Ну, и что я нарушил?

— Вы, Александр Алексеевич, нарушили правила обгона! — было видно, что розовощёкий молодой страж порядка чрезвычайно доволен этим обстоятельством.

— И сколько это в рублях по нынешнему курсу?

“Сейчас он должен предложить сесть в машину. Там и будем договариваться”.

И точно:

— Да вы пройдите в автомобиль к моему напарнику!

Дубравин сел в раскрашенную патрульную машину. И продолжил диалог с новым визави. Этот был, судя по всему, уже более тёртый, выдавший виды белобрысый, кучерявый капитан.

Он задумчиво разглядывал его водительское удостоверение и техпаспорт на “Ауди”.

— Ну что, капитан, я вообще-то сильно тороплюсь! — бросил Дубравин свой пробный шар, начиная этот привычный, как он про себя называл его, “обряд дома Месгрейвов”.

Но капитан, видно, не торопился. Его что-то интересовало в автомобиле:

— Хочу купить такую же вот полноприводную “Ауди”, — наконец, сказал он, доставая ручку. — Сколько она стоит?

— Ну, тысяча пятьдесят в долларах! — ответил польщённый интересом Дубравин. — Новая!

— Дорого! И как люди ухитряются столько зарабатывать?

Дубравин за словом в карман не полез:

— А всё очень просто, — усмехнувшись, ответил он. — Надо было году в девяносто втором бросить свою непильную работёнку. И как в воду, с головой кинуться в бизнес. И лет десять упираться, не спать ночами, пахать. Сегодня у вас была бы точно такая “Ауди”... Или даже “Мерин”...

Говорил он это без зла или какого-либо желания поддеть гаишника. Говорил с вежливой улыбкой, стараясь не обидеть человека. Его позиция в данной ситуации проста и понятна каждому. Это как в игре в “казаки-разбойники”: мы едем — вы ловите.

У каждого в этой жизни своя роль. Да и парни эти — простые русские парни. Не хамят, не наезжают... Что ж конфликтовать? Все хотят жить...

Но обострённое чувство справедливости заставляло его частенько спорить и ругаться. Последний раз он поцапался с “хозяевами дороги” на “голодном посту”, который находился на границе Тульской и Калужской областей. Тамошние гаишники взяли себе за правило останавливать его машину просто так. “Для проверки документов”. Из принципа. Едет дорогая иномарка с московскими номерами. Как же не попытаться обобратить проезжего человека?

Остановят. И начинают: “Покажи то, покажи это! А где у вас огнетушитель? А что у вас в багажнике?” Дубравин терпел-терпел. А потом — как сорвался, как попёр на них матом. И с такой яростью, что “аж чертям тошно стало”.

Пришлось им тогда срочно вернуть документы. И убраться в свою нору.

Но сегодня он миролюбив и договороспособен:

— Я по этой трассе два раза в месяц езжу. Вроде знаю все места, где вы стоите. А здесь никогда не видел.

Капитан потряс кудрями, шмыгнул носом. И обиженно так ответил:

— Да мы тут вообще первый раз стоим. Наш взвод только на авариях работает. Оформляет. А здесь на трассе создали отдельное подразделение. Собрали в него всех блатных, родственников, сынков районных начальников. Вот они тут стоят, зарабатывают. А мы — чёрная кость. Только аварии разбираем. Это нам сегодня подвезло. Рейд объявили. А так нас к трассе и не подпускают.

— Да! — сочувственно заметил Александр. — Такие времена. Братья, сватья, сыновья. Одно слово — кланы. К кормушке только своих.

Они расстались по-доброму. Без того тяжёлого чувства озлобления и ненависти, которое чаще всего испытывают люди после таких встреч.

“А дорога серою лентою вьётся”. Образно сказано. Но точно. Обледенела она. Зимняя дорога. Снежок укатало. И Дубравин, наученный горьким опытом, несмотря на полный привод, начал тормозить. Побоялся, что будет, как в прошлом году. Полетал он тогда знатно. Под седлом у него было произведение шведских автомобилестроителей. Зелёный, переднеприводный “Сааб”. Хорошая машина, похожая на маленький самолёт, с мощным турбированным двигателем. Ехал из Смоленска. Особо не гнал. Так, шёл километров сто тридцать.

Дорога ровно ложилась под колёса. Гудели шины. И ничто не предвещало беды.

И вдруг! Ох уж это вдруг... Он почувствовал, как машина полностью потеряла сцепление с трассой. И её выносит на встречную, при этом разворачивая поперёк полосы боком.

И было такое ощущение, будто кто-то невидимый и могучий как бы ладонью взял и смахнул его “Сааб” с асфальта.

— Всё, крапты! — прошептал он, понимая, что сейчас слетит с полотна вниз, в кювет и начнёт кувыркаться по полю.

Но что откуда взялось! Первый его рефлекторный порыв был прост. Начать тормозить. Но что-то, наверное, опыт, удержало его ногу на педали газа. И вместо того, чтобы гасить скорость, он начал потихоньку прибавлять обороты.

Зелёный “Сааб” нёсся боком по встречной, срезая и поднимая задними колёсами, как входящий в вираж сноуборд, тучу снега, летящего фонтаном выше крыши. Но бешено крутившиеся передние колёса вгрызались в ледяную корку и чудом, по чуть-чуть выталкивали автомобиль из заноса. Ещё несколько секунд такого свободного полёта — и “Сааб” выровнялся на трассе.

Дубравин подрул к обочине. Остановился. Открыл дверь. Вышел из салона.

Руки и ноги дрожали. Он сел рядом с машиной на корточки. Сидел несколько минут. Дышал. Затем огляделся: “А если бы навстречу шёл грузовик?” Но додумывать эту мысль ему совсем не хотелось.

Он осмотрелся. И увидел, что по обе стороны от трассы лежали, кто на боку, кто на крыше, машины. Посчитал — пять штук. А возле них копоши-

лись люди. Тогда он прошёл назад и обнаружил, что асфальт был покрыт тончайшей ледяной коркой, которую на ходу и не заметишь...

Так что тот опыт не прошёл даром. Он сменил машину на полноприводную, стал очень внимательно разглядывать асфальт. И зимою тщательно следить за скоростью.

“Машин всё больше. Идёт первичная автомобилизация России. Всё, как я писал в статье много лет назад. А вот с дорогами беда. Как говорится — в России две беды. Дураки и дороги”. А теперь, вспомнив летевшие навстречу сумасшедшие “Жигули”, он додумал: “Нарождается и третья. Дураки на дорогах”.

Обед — как всегда. По расписанию. На середине трассы. В кафе под саkraментальным названием “Рябинушка”.

История его появления интересна и поучительна с точки зрения развития бизнеса в российской глубинке. Несколько лет назад Дубравин ехал по этой трассе. И всю дорогу почём зря ругал свой народ:

— Двести с гаком километров и ни одного питательного пункта не встретили. Что ж за народ наш такой бестолковый! А ведь рядом деревни. Открыли бы кафешку. И им хорошо, и нам...

И вот ровно посередине трассы он заметил у обочины — даже не кафе — просто киоск, на котором было написано на бумажке: “Чай! Кофе! Сосиска!” Обрадовался Дубравин и сказал своему спутнику Юрке Бесконвойному:

— Вот, Юрец. Зря я грешил на наш народ. Пробуждается в нём предпринимательская жилка.

И твёрдой поступью направился к этому самому павильону, чтобы, наконец, вкусить плоды цивилизации. Постучал в закрытый ставень.

Там, внутри кто-то очень долго возился. Наконец, ставень поднялся. И что же он увидел? Усатую, небритую азербайджанскую физиономию.

Так он познакомился с Али...

С тех самых пор и повелось. На середине трассы он обедал “У Али”. Вместе с водителями большегрузных фур.

Постепенно азербайджанский бизнес развернулся в придорожное кафе с пристроенным сбоку платным сортиром, пунктом шиномонтажа, магазином.

Место простое. Затёртые стулья. На столах — клеёнки. Жирный хаш, салат из помидоров и огурцов, люля-кебаб, шашлык... Всё не слишком изысканное, но сытное, рассчитанное на железные желудки дальнобойщиков.

И каждый раз, отобедав этих яств, Дубравин с обидой думал о своем народе: “Что ж так! В середине России. Почему же мы не можем? Сами!”

Так продолжалось долго. Пока однажды на другой стороне трассы, на вычищенной и вновь заасфальтированной площадке кто-то не построил с нуля новенькое кафе под названием “Рябинушка”. Светлый, просторный зал. Лёгкая — металл с пластиком — мебель. На стене — плазма. Играет музыка. За стойкой, где лежит меню, миловидная русская женщина с приятным круглым лицом и в чистом переднике. Она приветлива и улыбчива...

“Вот и появились у Али конкуренты. Зря я так окрысился на русских. Значит, можем! Только мы долго запрягаем!” — думал он, перекусывая куриной лапшой и домашней котлетой вполне приемлемого качества.

С тех пор он обедал только у своих. У русских. Из принципа. Даже не смотря на то, что частенько заставлял у “Рябинушки” вереницу автобусов. И толпу пассажиров.

Понимал. Надо поддерживать своих, таких же, как и он, предприимчивых и упорных...

3

Дело, которому он посвятил себя, постепенно ширилось и росло. И коллектив подобрался хороший. Журналисты и дизайнеры, рекламщики и распространители — все сплошь молодые, живые, энергичные люди. Одна про-

блема — теснота в офисе, который расположился в районе частных домов. Собственно, это и не настоящий офис, а просто двухэтажный жилой дом, в котором людей, как в бочке сельдей.

Но это всё временно. У него в сейфе уже лежит “зелёнка” — свидетельство о государственной регистрации на недвижимость — на отличное четырёхэтажное административное здание, приобретённое издательским домом “Слово” у авторемонтного завода. И Дубравин, разглядывая план нового офиса, прикидывал, как бы ему разместиться со своей свитой.

За этим занятием его и застал директор “Слова” Сергей Чернозёмов. Он зашёл в закуток, где пристроился “хозяин”, и сразу в этой малюсенькой комнате под крышей им двоим стало тесно. Сергей, здоровенный, под два метра, атлетически сложенный черноволосый и черноглазый тридцатилетний мужик, присел на краешек стула напротив шефа и стал торопливо говорить:

— Александр Алексеевич! Понимаете, какое дело! Я вчера ходил в наш новый офис к арендатору, который сидит в нашем здании, чтобы договориться с ним о выезде. Ну, сказал ему, что мы, мол, купили здание у завода...

— А кто там сидит? — уточнил Дубравин.

— Там размещается начальник областной гражданской обороны генерал Кутрияков со своим штабом.

Дубравин присвистнул:

— Ну, и что?!

— А он мне выдал в ответ: “Никуда мы выезжать не будем!”

— Это как?

— Я ему показал документы. Купчую, бумагу о регистрации сделки, копию “зелёнки”.

— А он? — Дубравин уже начал терять терпение и злиться на мнущегося директора.

— А он заявил: “Мы здесь власть! Законы писаны для вас. А мы что хотим, то и делаем!”

— Они что, совсем охренели?! — Дубравин даже слегка очумел от такого разговора. — Мы же это здание купили. Деньги заплатили заводу. И немалые деньги.

Вечером он сидел у себя на квартирке и размышлял над услышанным. И никак, ну никак это не укладывалось у него в голове. Какой-то штатский генерал от гражданской обороны, тыловая, разжиревшая на казённых харчах крыса ставит себя выше закона, порядка и вообще здравого смысла. Ему, человеку, прибывшему из центра, прошедшему непростой путь, невдомёк, что российская провинция отстала от Москвы навсегда. Менталитет, порядки здесь сохранились ещё те, советско-феодалные. И “красный пояс” — это не красивая лингвистическая метафора, а реальность, в которой живут миллионы людей. А власть, которая якобы должна продвигать в жизнь реформы, сама нуждается в реформировании и смене поколений.

“Что ж здесь за нравы такие?” — думал он, разглядывая по телевизору местные новости, в которых новый, недавно избранный губернатор вещал о своей программе подъёма сельского хозяйства области.

Дубравин знал, что область эта была славна ещё недавно своими заводами. Теперь ничего этого нет и в помине. Когда искал офис, посетил несколько таких знаменитых в прошлом производств. Был он на бывшем станкостроительном заводе, который поставлял уникальные механизмы в сорок стран мира. На погибшем экскаваторном был. Шинном. Телевизионном. Везде его встречали разруха и запустение. Особенно поразили руины молочного комбината.

“Как же так, — думал он. — Ладно, может, экскаваторы или самолёты наши неконкурентоспособны, не того качества, не той цены. Но ведь кефир и молоко нужны всегда и всем. Каждый день. Так почему же стоят в рядок эти ржавые автомобили-молоковозы со спущенными шинами?! Как они-то могли не вписаться в рыночную экономику?”

Много таких вопросов задавал он себе по ходу поисков. И никак не мог понять: почему, кто, каким образом, без войны и стихийных бедствий довёл страну до такой вот разрухи? Вроде все старались во благо. И говорили

о хорошем: свободе, развитии, инновациях. А результат налицо. И теперь на руинах поднялись вот такие вот князьки, которым ни закон, ни порядок не писаны.

Дубравин впервые столкнулся с такой невероятной наглостью и хамством. Поэтому в первую очередь решил заручиться поддержкой и советом бывшего хозяина, продавшего им здание, — директора авторемонтного завода. Может, он чем-то сможет помочь в борьбе со своим арендатором.

Старинный серый, квадратный “Вольво”, давно утративший свой лоск, остановился у зелёных обшарпанных металлических ворот авторемонтного завода. Они зашли на проходную за пропуском. И очутились в помещении с неизменными атрибутами такого рода предприятий: железными вертушками, калитками, окошками, где выписываются бумажки-пропуска. И строгими бабусями-вахтершами в зелёной униформе.

Через пару минут, судя по всему, потраченных на звонки с проходной, они проникли на территорию завода. И надо сказать, на довольно обширную территорию.

“Это надо же иметь такой огромный кусок земли прямо в городе, — оценил наметанным глазом Дубравин. — В столице уже давным-давно его бы застроили торговыми центрами и жилыми домами. А тут ещё, как говорится, и конь не валялся. Всё сохранилось в первозданном виде: зелёные дорожки, питьевые фонтанчики, беседки для перекуров, бюст Владимира Ильича посреди заводского сквера...”

Дубравин привык, что у него в приёмной всегда есть люди. И очень удивился тому, что, кроме пожилой некрасивой секретарши, одетой в длинную помятую юбку, здесь никого не было. Она позвонила шефу. А затем провела их в директорский кабинет, обставленный в советском стиле. Просто, дешёво и сердито. Столы, стулья, кресла, портреты президента и премьер-министра, пыльные бумаги. Ни ковров, ни красивой мебели, ни дорогостоящей электронной техники.

Директор встретил их радушно. Это был высокий седеющий мужчина с нездоровым цветом лица и набрякшими “мешками” под глазами.

“Явные проблемы с почками”, — подумал Дубравин. Директор рассадил своих гостей в неудобные кресла. Достал откуда-то из сейфа три пузатеньких наперстка и грушевидную бутылку коньяка. Капнул в рюмки коричневую жидкость.

В кабинете сразу пахло терпким напитком.

Дубравин взял рюмочку. А Чернозёмов, сославшись на “за рулём”, отказался. Обошёлся минералкой.

Чокнулись. Выпили за знакомство. И Дубравин рассказал Ивану Петровичу Савостьянову случившуюся историю.

Старый “боец за собственность” внимательно оглядел своих молодых партнёров и начал рассказывать историю того, в какой борьбе ему довелось поучаствовать, когда происходила приватизация этого и других предприятий. Сколько наездов он пережил, в каких передрыгах побывал.

Дубравину рассказывали, что Савостьянов в своё время, когда фабрики и заводы начали загибаться, был назначен внешним управляющим нескольких таких предприятий — банкротов. Он собрал, скупил акции дышащего на ладан производства. И запустил в работу, став, таким образом, владельцем крупного актива. Но Александр не представлял себе, насколько ожесточенной, беспощадной была борьба.

— Последний раз они пытались сбить мою машину с дороги “КамАЗом”! — вдохновенно рассказывал директор. — А у вас всё проще. Все друг друга здесь знают. Позвонил Иван Петрович Петру Ивановичу: “Милай, тут заезжие москвичи меня обижают. Помогите. Ты — мне. Я — тебе”. Вот так всё и решается.

Так что из рассказа директора как бы опосредованно вытекало: “Боритесь, бейтесь! За своё”.

Наконец, после третьего наперстка они услышали то, зачем сюда, собственно говоря, и пришли.

— Я вас, ребята, поддержку против этого козла. Тем более что этот деятель уже три года не платит ни за аренду, ни за коммунальные услуги, ни за свет.

Ободрённые его обещанием, отправились восвояси. По дороге Дубравин заметил Чернозёмову:

— А Савостьянов крепкий мужик. И не боится.

— Да, у него мощная поддержка есть. Брат в соседней области начальник. Генерал.

“Видно, здесь все так. Все повязаны. Все друг про друга всё знают. Кто к какому клану принадлежит. Кто с кем дружит. Кто кого любит. Какие счёты. Это надо учитывать. Провинция. Впрочем, будем двигаться. Нам отступать некуда. Нужен сильный ход. А силу чувствуют по наглости. Подаём иск в суд. О принудительном выселении генерала”.

При наезде в Москву Дубравин, по совету старого юриста Розенцвейга, направил свои стопы в знаменитую адвокатскую контору имени Генриха Бадвы. Располагалась она в центре столицы, в полуподвале красивого старинного бело-розового здания.

Он покрутился вокруг несколько минут, пока нашёл вход. Спустился на несколько ступенек вниз. Позвонил в домофон, прикрепленный к красивой дубовой двери с бронзовой начищенной ручкой.

Ему открыли. И он оказался в хорошо отделанном небольшом холле. С красивой мебелью, кожаными чёрными диванами, удобными полулежачими креслами и цветами. Ему навстречу из боковой двери выплыла красивая и пышнотелая черноволосая девушка с округлым овалом лица и небольшой симпатичной горбинкой на носу. Взгляд её чёрных глаз с поволокою остановился на мощной фигуре Дубравина. И прекрасная дочь Израилева спросила:

— Вы к кому?

— Я вам вчера звонил! Мне нужен господин Бадва! — в простоте душевной заявил он, думая, что если контора носит знаменитое имя, то соответственно сам хозяин и занимается с клиентами. Конечно, он ошибался. Старенький Бадва уже давным-давно служил лицом, брендом. А работали с клиентами совсем другие люди.

— Генриха Константиновича нет. Вашим делом он поручил заняться мне. Меня зовут Ирина Хмельницкая, — и она протянула ему свою надушенную пряными духами визитку.

Пришлось излагать своё дело ей. Оказалось, женщина она толковая. Во всё вникла. И через неделю вчинила генералу такой шикарный иск, что прямо пальчики оближешь. Всего за две тысячи долларов гонорара.

И вот час икс. Областной арбитраж начал рассматривать иск “Слова” к областному управлению по чрезвычайным ситуациям.

Дубравин, уверенный в правоте своего дела, спокойно сидел у себя на месте, когда к нему залетел взъерошенный и возбуждённый юрист издательского дома. Закипая, как самовар, юрист — такой упёртый, верящий в первенство закона товарищ, — доложил начальству обстановку на фронте:

— Блин, судья даже не стала вникать в наш иск. Зря вы такие деньги потратили.

Дубравин опешил.

— По ходу заседания сразу стало видно, что судью вообще не интересуют никакие доводы. У неё такой вид, как у того кота из мультфильма. Помните, он всё говорил попугаю: “Что ты нам всё рассказываешь — Таити, Таити... Нас и здесь неплохо кормят!” В общем, зря она так старалась, рылась в статьях, искала прецеденты, приводила доводы. Нашим судьям это неинтересно. Видно, им уже дали указания.

Прошла неделя, другая... И каково же было потрясение всех участников концессии, когда они получили решение суда. В иске им было отказано. На основании того, что ещё до того, как они купили это здание, его “хотела приобрести областная администрация”. И не только хотела. Но и якобы приобрела. Только договор, по которому она это сделала, потерялся на поч-

те. Это было настолько нелепо, нагло и бессовестно, что Дубравин даже на некоторое время потерял дар речи.

Эта гнусная бумажка, подписанная некоей судьёй А. Н. Лакиной, показывала ещё одно обстоятельство. За мерзавца в генеральском мундире вступилась областная администрация. И если раньше в России царил бандитский беспредел, то теперь они столкнулись с беспределом чиновничьим, который был намного круче.

Через пару дней суровый человек с густым ёжиком волос и скрипучим вьедливым голосом — юрист издательского дома — принёс ещё одну весть:

— Областная администрация подала иск в суд. О признании нашей сделки о купле-продаже здания недействительной.

Это означало, что их решили ещё и ограбить, обобрать до нитки.

“Дас ист фантастиш! — думал Дубравин, разглядывая очередное решение суда. — Куда я попал? Где мои вещи?!”

Но унывать и рыдать, выдирая волосы на голове, ему было некогда! Надо что-то делать!

После короткого совещания со своими сподвижниками Дубравин решил отправиться в областную администрацию к человеку, занимающемуся возникшей проблемой.

Алексей Хитроев, заместитель губернатора, ведающий вопросами областного имущества, оказался, к удивлению Дубравина, молодым длинным парнем с круглым и курносым лицом, на котором застыло выражение некоторой наивности и интеллигентности. Они встретились. Но почему-то не в здании администрации, а на нейтральной территории. Разговор получился какой-то странный. Естественно, Дубравина интересовало, собирается ли областная власть выполнять законы и отдавать “Слову” его имущество.

Но Хитроев сразу заявил, что он не уполномочен решать этот вопрос.

“Тогда какого хрена мы встречаемся здесь?” — подумал Александр.

Но длинный Лёша развеял его сомнения самым простым и эффективным образом:

— У меня есть время на телевидении. Я делаю местную новостную вставку. Как бы нам слить вместе ваш издательский дом и мою медийную команду? Чтобы совместно вести дела.

Дубравин, который уже достаточно давно работал в медиаиндустрии, прекрасно понял этот тонкий намёк на толстые обстоятельства: “У него в аренде есть время на телеканале, то есть практически ничего, а у меня производство десятков газет. Получается, он, обнаружив наше трудное положение, хочет воспользоваться им и получить долю в издательстве “Слово”. Просто так. За красивые глаза. Интересно”. И в ответ спросил:

— Ну, при таком слиянии мне придётся уступить какие-то проценты. И на сколько вы рассчитываете?

— Может быть, на пятнадцать-двадцать, — не моргнув глазом, ответил длинный Лёша.

“Однако, аппетиты у этих ребят! Им палец в рот не клади!” — подумал Дубравин и ответил просто:

— Это вряд ли возможно. Мы занимаемся газетами и телевидение нам, по большому счёту, ни к чему.

На том и расстались.

Ну, а судебное дело тем временем шло своим порядком. И как ни странно это выглядело, вышестоящая инстанция, не моргнув глазом, подтвердила решение нижестоящей.

4

Ночью ему приснился сон. Будто он вернулся домой. Открыл дверь. И обнаружил, что в доме полно каких-то странных и одновременно страшных существ. То ли упырей, то ли вурдалаков. Но больше всего там ушастых отвратительномордых гоблинов. Начал он их бить, выгонять. Но никак не мог с ними справиться. Только одних разметает, тут же появляются другие.

В конце концов, Дубравин проснулся. И долго лежал в ночи с открытыми глазами. Вспоминал сон. А потом начал молиться. Просить Господа Бога помочь в его непростом деле. Он мысленно говорил: “Люди привыкли, что здесь упыри и вурдалаки и есть власть. И они всё решают. Но так быть не должно. Так мы ничего не построим”.

Под утро пришла решимость.

Приехав на работу, он собрал свой штаб и произнёс короткую речь:

— Вы видите, что законными, нормальными способами с местным правительством мы договориться не можем. Здесь признают только силу. Но даже люди, которые ничего не боятся, хотят, чтобы их уважали и любили. Поэтому им не нравится, когда их делишки выставляют на свет Божий. Гласно рассказывают о них всем. Запомните. В любой борьбе побеждает не самый сильный, а тот, кто бьётся до конца. Нам теперь терять нечего. Будем выносить нашу историю на страницы “Молодёжки”. С Протасовым я договорюсь. Здесь затронуты и их интересы. И пустим заметку через Москву. На всю Россию. Пусть народ любитесь на этот беспредел. Мы не такие беззубые, как они думают. Знаете, давайте уподобимся скунсам. Зверьки маленькие, но вонючие. Их все боятся — и волки, и шакалы.

На слабые возражения оробевших штабистов ответил:

— Вы просто ещё молодые. И не понимаете, что такое сила слова.

Писать убойную заметку Дубравин поручил юристу, человеку по-хорошему упёртому и въедливому.

Но когда он её получил, понял, что, судя по всему, ему самому придётся садиться за письменный стол и вспоминать профессию, из которой он вышел.

Пришлось покорпеть. Но зато в конце вышел хороший, жёсткий текст под динамичным названием: “Жалует царь...”:

“Представьте себе. Решили вы улучшить свои жилищные условия. Скопили деньжонок непосильным трудом. Вышли на рынок. Купили квартиру. Оформили. И радостно едете вселяться.

Ан нет. В купленной вами квартире жилец. Нет, не хозяин. Жилец, который у него арендовал квартиру в прошлом году и денег не заплатил. Выезжать не хочет. “Мне, — говорит, — тут нравится. Я на унитаза потратился. Буду здесь жить всегда...”

Ну, вы, естественно, в суд. Суд должен приговорить жильца, который ни договора не имеет, ни денег не платит, выселить, а хозяина, то есть вас, вселить.

Но тут в дело вступает друг жильца. И говорит: “Вообще-то я тоже когда-то хотел эту квартиру купить. Поэтому отдайте её мне. Без денег”.

И тоже в суд подаёт...

И суд приговаривает: отобрать у вас квартиру и отдать её другу жильца. Потому, что он тоже хотел...

Вы считаете, так не бывает. И ошибаетесь. Бывает. Смотря кто жилец и кто его друг. Более того, эта история происходит сегодня на глазах у всей губернии. Только жилец здесь — Главное управление в лице генерала Кутриенко П. С., друг жильца — областная администрация в лице вице-губернатора Хитроева А. В., покупатель — издательский дом “Слово”.

Ну, и суд, естественно, наш, советский... Прошу прощения, теперь российский, в лице судьи Лакиной.

...Помню ситуацию начала девяностых годов. Сокращение чиновничьего аппарата, смурные лица столоничников, страх за свою судьбу: “А вдруг придётся идти работать?!” И вот прошло десять лет. Как согнанные с деревьев вороны, они, беспокойно каркая, полетали, полетали по стране и снова расселись по местам. Теперь уж в новой России. И если раньше они хоть чуть-чуть да боялись парткомов и райкомов партии, то теперь бояться стало нечего — грабь, бери взятки, воруй...

И пошло, и поехало. Один бизнесмен рассказал, как к нему “делать крышу” приходили. Нет, не бандиты. Функции бандитов взяла на себя родная милиция. Они теперь его за деньги будут “охранять”. Другой — как он с помощью ФСБ конкурентов укрощает. Третий — как его друг-гаишник “Мерседес” купил. Это при зарплате две тысячи рублей...

С революцией начала девяностых годов у нас изменился общественный строй. Но вот беда: люди у власти остались те же самые”.

Первый снаряд улетел. Дубравин с интересом разглядывал вышедший номер со своей заметкой. Сколько лет он не писал? Много. Но получилось вроде неплохо. Будем ждать реакции. Администрация никуда не денется. Она обязана дать ответ. По закону — обязана. Но какой бы ответ они ни дали, в любом случае, газета будет в выигрыше. Многие местные начальники даже не подозревали, в какие проблемы они влезают, начиная спорить с прессой.

В принципе, наиболее точна здесь народная мудрость “Всё равно, что плевать против ветра!”

А пока, не дожидаясь манны небесной, он подготовил второй “снаряд”. Съездил в Москву, отвёз туда судебное решение. И попросил знакомых юристов, связанных с администрацией президента, прокомментировать этот опус. В результате доктор юридических наук изумлённо давал оценку решениям местных “шабашкиных”:

— Я, конечно, не участвовал в судебном процессе, а просто изучил представленные документы. Судя по ним, мы столкнулись с фактом вопиющего произвола, когда арбитражный суд выполняет чей-то заказ. Вопреки очевидным фактам, которые никем не могут быть оспорены, судья выносит фактически противоправное решение...

И далее по тексту. Со словами о привлечении судьи к ответственности. Дубравин прицепил к заметке звучный заголовок “Закон, что дышло?” И отправил её в печать.

Совершив эти действия, он задумался. Впереди вышестоящий, окружной суд. Интересно, дотянутся ли лапы местных судейских туда?

От размышлений его оторвал телефонный звонок. Вбежала изумлённая полнотелая, но статная и твёрдонамеренная секретарша:

— Александр Алексеевич! Вам звонят из приёмной... губернатора!

— Да? Как хорошо! — радостно, но с ноткой тревоги ответил Дубравин. Вот, кажется, первый отклик и пришёл.

Приёмная у губернатора, в общем и целом, ничего. Выглядит прилично. На полу — зелёный ковер, скрадывающий шаги. Мебель такая солидная, подходящая для любого учреждения. Часы с длинным маятником в углу. Плотные шторы. А вот само здание областной администрации давно не ремонтировали. Паркет кое-где покоробился, батареи отопления старинно-чугунные. Лифты скрипучие. Видно, от коммунистов досталось генерал-губернатору не слишком завидное наследство. Ведь область входит в так называемый “красный пояс”, где у власти прочно обосновалась старая гвардия. За пару десятилетий со времён “контрреволюционной революции” здесь менялись только поколения коммунистов. На смену одному приходило другое. А всё хозяйство тем временем постепенно приходило в упадок под аккомпанемент разговоров о рынке, подъёме, инвестициях. Народ с заводов разбрелся кто куда. И занимался, в основном, выживанием.

Но настроение постепенно менялось. Если первые годы коммунистам удавалось переводить стрелки на “москвичей” и центральную власть, то теперь делать это становилось всё труднее. Тем более что люди видели — соседние области рванули вперёд. Там жизнь лучше и веселее. И вот это недовольство постепенно вылилось в некое движение, некую “фронду” со стороны деловых людей. Но выдвинуть по-настоящему своего, от предпринимателей, кандидата они не смогли. Не нашли. Не рискнули. И пошли проторенным путём. В это время возникла то ли мода, то ли вера в генералов. Они, мол, наведут порядок. Как варяги, прибывшие на Русь. В Красноярске — Лебедь, в Курске — Руцкой, в Ульяновске — Шаманов, в Смоленске — Иванов... В общем, местные элиты подумали и решили обзавестись своим генерал-губернатором.

Послужной список его не изобиловал какими-то прорывами. Так, ровненько, шаг за шагом двигался он по служебной лестнице, пока не вошёл в лета и чины.

Ну, а в Москве, где уже отчаялись, не зная, как разделаться с “красным поясом”, даже обрадовались. Дали зелёный свет. Пусть выбирают между коммунистом и “государевым человеком”.

Так вот, бывшего губернатора-коммуниста прокатили на всенародных выборах. И победил Кулик. Не совсем тот кулик, что “своё болото хвалит”, а однако ж свой. Удобный. И, в общем-то, неглупый человек.

За ним подтянулись на хлебные места все его заместители. Но так как новый хозяин области слабо разбирался в хозяйственных делах, на экономический и имущественный блок вышли люди из так называемого “бизнеса”.

Надо заметить, что Дубравин чётко различал тех, кто занимается бизнесом, и предпринимателей.

Себя он относил к последним.

Предприниматели — это те, кто с нуля, своим трудом строят дело. А бизнесмен — это человек, который зарабатывает деньги. Неважно, на чём. Так вот, теперь в администрации заправляли как раз бизнесмены — люди, поднявшиеся на “палёной” водке, разделе государственного имущества, ограблении казны, спекуляции и прочих сомнительных операциях.

Приблизительно с таким пониманием расклада Дубравин и пришёл сюда по щекотливому делу, в котором “бизнесмены” из администрации заняли тупую и неперспективную позицию.

Дубравина пригласили. И он вошёл в просторный, ухоженный кабинет с такой весьма удобной мебелью. Всё тут стандартно. Флаги, портреты, большой стол для совещаний. Ковровые дорожки. Всё хорошего качества. Из хорошего дерева. Но какое-то светлое, бесцветное. Никаких ярко выраженных тонов. И, что самое главное, округлое. Без острых углов.

Навстречу Дубравину из-за стола поднялся приличный на вид, явно воспитанный и даже в чём-то интеллигентный седовласый мужчина. Хорошо, спортивно сложенный, но ничем особенным, как и у всех представителей его профессии, не выделяющийся. Впечатление дополнял серый, отлично сшитый костюм.

Поручались. Сели. Кулик спросил:

— Чай? Кофе?

— Лучше чай! — Дубравин так и не научился пить горький кофе.

Как оказалось, Дмитрий Геннадьевич был в курсе всего того, о чём ему начал рассказывать московский гость. Но слушал внимательно. Видимо, оценивал ситуацию.

— Вот, вынудили ваши подчинённые, Дмитрий Геннадьевич, меня вернуться к основной профессии. Взяться за перо, — закончил своё недолгое повествование Александр. — Мы купили это здание. Заплатили деньги. Оформили документы. Всё сделали по закону. А теперь вынуждены бегать по судам. Строчить заметки в газете...

— Всё, в общем, понятно. Но переселение чрезвычайщиков — дело мурторное...

— Да там только сам генерал сидит. А ни служб, ни оборудования нет.

— А может, вам подыскать другое помещение?

Дубравин только представил себе весь ужас прохождения ещё по одному кругу. И активно замотал головой:

— Понимаете, мы отказаться от этого здания уже не можем. Завод наши деньги давно истратил. И нам он их не вернёт! — И уже не зная, какой чёрт его дёргает за язык, добавил:

— Нам никакая война не нужна. Мы хотим мирно жить и работать. И, кстати говоря, когда вы шли на выборы, я своим сказал: “Вот человек, который может навести здесь порядок”. Мы надеемся на вас...

— Я поручил разобраться в вашей ситуации своему заместителю Хитрову. И что он вам предложил?

— Мы с ним встречались. Он сказал, что решить вопрос по зданию не в его компетенции. И предложил мне... Чтобы я уступил ему долю в своём издательстве.

— Что?!

— Да, вот так. Сказал, что у него, мол, есть время на телевидении, а у меня — издание газет. Давайте мы сольёмся в экстазе. Можно сказать, предложил скрестить ужа с ежом. С соответствующей долей ему. Я отказался...

И вообще, ситуация эта сегодня никому, по большому счёту, не выгодна, — продолжил говорить о своём больном Дубравин. — Ну, будем мы судиться до посинения. Ну, предположим, в очередной инстанции проиграем. Но я вас уверяю, после каждого судебного заседания в “Молодёжной газете” будет появляться очередная заметка. И что бы мне ни говорили — в конечном итоге я буду писать, что суд продажный, что администрация творит беззаконие, нарушает все нормы права. И скандал этот будет тянуться вечно.

Седовласый генерал-губернатор задумался на минуту, внимательно посмотрел на Дубравина. Потом взял трубку. Куда-то позвонил по внутреннему телефону. И сказал:

— Пусть Хитроев зайдёт ко мне!

Через пару минут в кабинете нарисовался длинный Лёша. На личике у него было написано тревожно-вопросительное выражение.

— Садитесь! — предложил ему губернатор тоном, каким следователь разговаривает с подозреваемым. И продолжил без введения. Сразу в лоб. Как на очной ставке:

— Вот товарищ Дубравин говорит, что ты испрашивал у него долю в бизнесе? Было такое? Или нет?

— Нет! Нет! Ни о чём подобном у нас разговора не было, — с нотками отчаяния в голосе заверещал Хитроев.

— Так было или нет? — теперь губернатор обратил свой строгий взор уже на Дубравина.

Александр этот взгляд выдержал. И твёрдо ответил:

— Было! Я уже сказал. Могу повторить здесь. При нём...

— Иди! — строго заявил шеф своему заместителю. — Потом поговорим. — И обратился к Дубравину:

— Я думаю, мы найдём решение к нашему общему взаимному удовольствию.

— Хорошо! — ответил Дубравин. И поняв, что аудиенция закончена, стал подниматься из кресла...

Он возвращался обратно. В старый офис. И думал о полученном уроке.

“Какие из всей этой истории мне надо сделать выводы? Ясное дело. Сегодня и страна в целом, и наши губернии управляются кланами.

И разгромленная в начале девяностых номенклатура берёт реванш. Собирается с силами. Возвращается к власти. И горе одиночкам. Кто ни к одной команде или банде не принадлежит. Горе простым предпринимателям. Им хода не дадут.

Я здесь чужак. И мне надо как-то врататься в местное сообщество. Иначе будем спотыкаться на каждом шагу. Такие уж времена наступают. Надо, так сказать, учитывать местную специфику”.

Через несколько дней из администрации области поступило письмо с предложением о заключении мирового соглашения в споре за здание. Ещё через месяц, после улаживания формальностей генералу подыскали новое место. А издательский дом начал процесс переезда в собственный дом.

5

У него день отдыха. И, как положено “настоящему мужчине”, он лежал у себя в комнате на диване. Так теперь устроена его жизнь. Разделена на две половинки.

Одна — большая, беспокойная её часть — это дороги, города и веси, дела большие и маленькие.

Другая — московский дом. Точнее, подмосковный дом, лужайка перед ним, маленькая сауна. И много-много книг.

История появления этого дома одновременно смешна и поучительна. Несколько лет назад, когда топ-менеджеры “Молодёжной газеты” стали зарабатывать приличные деньги, всеми овладела страсть к переездам. И люди стали перебираться с окраин и спальных районов столицы в центр. Обозначая тем самым в глазах окружающих свой жизненный успех. Через полгода переселенцы соображали, что полноценно жить в центре невозможно. И начинали выбираться за город.

Первым этот скорбный путь проделал Протасов. Следом — остальные.

Дубравин посмотрел на процесс. Проанализировал ситуацию. И решил сократить цикл. Сразу из своей “хрущобы” перебраться в загородный посёлок. Строиться.

За рекомендациями он, естественно, обратился к самому Владимиру. Как, мол, дорогой товарищ, построиться без особых хлопот и напряжений? Протасов, который как раз в это время завершал мучительный процесс общения с нашими, родными строителями, дал ему бесплатный, но дельный совет. Пояснив в очень эмоциональных выражениях, с кем Дубравину придётся иметь дело:

— Наши строители никогда, ничего вовремя и как следует не сдают. Постоянно пьяные. И толку от них не добьёшься. Только выгонись одних халтурщиков, как появятся другие. Каждый вновь появившийся прораб заявляет, что тот, кто работал здесь до него, ничего не соображает в строительстве. И вообще... козёл. А вот он сам — крупный специалист. И сейчас всё переделает, как надо. Короче, дурдом какой-то! И вот что — учти, Сания, так как в нашей раздолбайской стране последние семьдесят лет эта отрасль, строительство индивидуальных домов, не развивалась, то надо просто найти какую-нибудь иностранную компанию. Их сейчас на рынке пруд пруди. И они тебе сделают современный коттедж. Под ключ...

Обогащённый полезным советом, Дубравин отправился в представительство шведской фирмы. И, в конечном итоге, ровно через девять месяцев, прямо в канун российского дефолта, они дом поставили. Привезли на трейлерах и собрали. Казалось бы, живи и радуйся.

Но тут всплыла маленькая проблема. Татьяна, русская душой, отказывалась переезжать за город. Якобы она никогда не сможет туда добраться из Москвы. Нет общественного транспорта. А учиться управлять машиной она не будет. Так как на это не способна. Боится очень. Дубравин несколько месяцев уговаривал её попытаться счастья за рулём. На что она категорично-истерично отвечала отказом. И тогда он решился на отчаянное заявление:

— Ну, вот что, дорогая. Давай сделаем так. Ты живи здесь, в Новокозино. А я буду жить за городом.

Для неё, воспитанной в твёрдых патриархальных традициях, такая ситуация была неприемлема. И, как это ни странно, права она получила. Причём без взяток и блата.

Началась новая, загородная жизнь. И жизнь эта разительно отличалась от городской. Но ему нравилось. И сейчас он приезжал сюда с простым и ясным желанием — “залечь в берлогу”. Тишина и покой царили в этом, как теперь любят выражаться, “элитном посёлке”. И здесь он с огромным удовольствием читал в основном религиозную литературу. То великое потрясение — открытие правды Божией — не прошло бесследно. Дух его пробудился к поиску красоты и истины. И выражалось это в жадном, непреходящем интересе к чтению. В первую очередь, Библии и Евангелия. Он впитывал в себя каждое откровение, каждый слог этих вечных книг, начиная с самых первых:

“В начале было слово! И слово было у Бога! И слово было Богом!”

Иногда, читая Священное Писание христиан, он думал: “Господи! Как же я жил, не зная, не понимая всего этого? Ведь это новый мир. Другой мир. Другая жизнь! Жизнь вечная!”

Несколько раз он пытался поделиться своими радостями и открытиями с женой. Но она понять их не могла. И, судя по всему, изменения в его мировоззрении только пугали её. И отдаляли их всё больше и больше.

Так что он постепенно замкнулся в себе, ушёл в новый, только ему понятный Божественный мир.

Этот духовный перелом сказался на характере Александра, на его отношении к людям. Он помягчел. Дух его качнулся в сторону добра и милосердия. Он, как и многие неофиты, дошёл уже до того, что готов был отдать первому встречному последнюю свою денежку. И эта готовность не осталась незамеченной людьми корыстными, жадными, алчными. Многие из них хотели попользоваться и пользовались этим.

Дубравину ещё только предстояло освоить ту часть правды Христовой, что выражена в притче: “Не мечите бисер перед свиньями!” А пока он, как губка, впитывал всё, что было написано, наслаждался открывшимися ему радостями веры.

Сегодня он с утра читал книгу священника Меня “Сын человеческий”. И поражался тому, что такой вот удивительный священник убит неизвестно кем и неизвестно за что. Зарублен топором. Александру казалось, что все верующие люди особенные, благостные, добрые, всепрощающие. И их не касаются тяготы и злоба мира сего.

Потом Дубравин отложил книгу в сторону и стал просматривать свежую почту. Письма, служебные записки. Тут, по ходу дела, к нему в руки попал статистический справочник с итогами недавно состоявшейся переписи населения России.

Дубравин заинтересовался. Когда-то в университете он писал дипломную работу под названием: “Демографическая проблема в печати”. И поэтому тема не была ему чуждой. Вот и сейчас он углубился в таблицы и графики с очень даже большим интересом.

— Боже ж Ты мой милостивый! — воскликнул он, когда, продравшись сквозь кривые и столбцы цифр, начал понимать скрытые за ними смыслы. — Да мы же вымираем! Вымираем с огромной скоростью. Приблизительно по миллиону в год!

Это что же такое получается? Если другие народы, наши братья — чеченцы, ингуши, кабардинцы, дагестанцы — плодятся и размножаются, то мы, коренная нация этой страны, идём, образно говоря, “на дно червей кормить” со скоростью “Титаника” в Атлантическом океане!

Он завертелся на диване. Ворохнулась тревога под сердцем: “Русский народ вымирает. Вот они, плоды перестройки и революции. Та-ак! И отчего же это происходит? Низкая рождаемость. Один ребёнок в семье. Высокая смертность. Алкоголизм. Наркомания. Сердечко болит от такой разрухи. Но если так дальше пойдёт, то нам кранты. И народу нашему, и государству.

И никто по этому поводу не горюет, не кричит, не бьёт в колокола. Не гудит, не бьёт в набат наша самая свободная в мире пресса. Не трещит телевизор. Почему? Да потому, что власть имущим эта правда не нужна, не выгодна. А народ, как всегда, безмолвствует. Да и не знает он этой ужасающей статистики.

Ну, а я? Если понял раньше других. Чего молчать? Я ведь журналист, как-никак, хоть и бывший. И у меня целая куча газет, в которых кто-то может рассказать о том, что происходит с нашим русским народом.

Впрочем, а нужно ли это самому народу? Он живёт, как во сне. Национального самосознания никакого нет. Вытравлено оно коммунистами, а то и вовсе запрещено. Нет теперь русских. Есть, по Ельцину, “россияне”. Вроде и русские, но какие-то они ненастоящие, недоделанные до конца. А сам я какой? Ну, я-то русский. Я после Казахстана быстро стал русским.

Вообще, интересный вопрос. Кто такие русские? Как их определять? Может, по крови? Вон сколько наших доморощенных патриотов в своих книгах требуют отделения зёрен от плевел. Вроде учёные люди, академики, доктора наук, а плетут Бог весть что. Даже в нашей деревне, Жемчужном, и то все нации перемешались, переженились друг на дружке. А уж в городах — там вообще, небось, сущая ересь получится. И как тут быть? Кто это будет определять человека на русскость? Комиссия? Как немцы арийцев определяли? По черепам?

Огромная страна. И везде люди живут. И говорят по-разному. И одеваются. На Севере свои закавыки. На Кавказе — свои. А все считают себя русскими.

И понятное дело, нет человека вне нации. Спроси любого — кто он. Каждый ответит. А тут всех одним чохом определили в “россиян”. Не-е, так не будет.

Надо хотя бы для себя разобраться в этом вопросе.

Для начала, наверное, это те, кто считает себя русским.

Правильно!

Если человек считает себя русским, это уже факт, что он хочет им быть.

Ну, а если африканец считает себя таковым? Он что, тоже наш? А по-русски ни бельмеса...

Значит, русский должен быть воспитан в нашей культуре. Знать язык, обычаи. Ну, иметь тот самый культурный код... А ещё что?

Наверное, важно, чтобы он любил Россию. И что-то делал для неё. Эка я загнул. Ведь полно таких, которые свою страну ненавидят и называют презрительно “рашка”, “эта страна”.

Ну, а религия играет роль? Вот иудей своих считают, признают по религии. Даже из Африки привозят своих единоверцев.

Да, наверное, для полной русскости надо быть православным. Ещё Достоевский говорил о том, что русский человек без православия... как же он там выразился? Сильно так... По-моему, “дрянь”!

Ну, и что же получается? Соответствует ли этим критериям то народонаселение, которое я вижу вокруг себя? Как-то не очень! Они не русские. Они, скорее всего, какие-то позднесоветские. Не до конца созревшие”.

И Дубравин даже рассмеялся такому вот своему странному открытию.

“И когда же они окончательно поймут, что они русские? Когда им кто-то об этом расскажет? Как бы это не получилось по Шекспиру: “Пока травка подрастёт, лошадка с голоду помрёт”.

А что я могу сделать? Сегодня тех, кто отстаивает права русских, власти и либералы числят фашистами и маргиналами. Даже патриотов клеймят разными кличками. Хотя... Волков бояться — в лес не ходить!

Но я могу, в конце концов, хотя бы объяснить народу. Своему народу, что с ним происходит. Ведь они даже не понимают, не знают вот эту правду”.

6

Обстановка располагала. Кафе находилось на бывшей Большой Дворянской улице, в жилом доме. Предприимчивый хозяин, кстати говоря, знакомый Чернозёмова, отремонтировал полуподвальчик, обставил его простенькой мебелью и запустил производство стандартных блюдов. Вот сюда, к русской кухне, и приладилась ходить обедать их дружный коллектив. Дубравин — потому, что живёт в городе один. А остальные — с шефом за компанию.

Сегодня они втроем. Медлительный, осторожный Чернозёмов и напористый, “лихой рубака” Тимашов. На столе, как всегда, одно и то же. Лапша домашняя, салатик и какой-нибудь кусок мяса с гречкой. И вроде всё благостно и тихо. Разговор о делах:

— Вы нам задолжали за прошлый месяц триста тысяч рублей. Просрочили уже две недели, — напомнил Алексею Тимашову Чернозёмов.

Тимашов сразу перестал есть и, не раздумывая ни одной минуты, ушёл в несознанку:

— Да ничего мы вам не должны.

— Как не должны?! Поставка дополнительная была! Забыл?

— Та поставка нами оплачена прямо сразу, в тот же день! — начал повышать тон Алексей. — Всё до копейки отдали. И вообще, нам с посторонними работать проще. Там у нас наценка шестьдесят процентов. А с вами хрен чего зарабатешь!

— Да вы на нас наживаетесь! И отсрочку платежей получили аж на два месяца, и платите нерегулярно! — тоже перешёл на повышенные тона Чернозёмов.

“Ну, пошла писать губерния!” — подумал Дубравин, сидя между рьяными спорщиками, которые уже почти перешли на крик.

“И так каждый раз. Как только сойдется, давай давить друг друга. Вроде все свои, а такая нетерпимость. То ли это по молодости. То ли это в крови. У всех русских людей”.

Через пару минут, когда обстановка за столом накалилась до точки кипения, он попытался остановить эту схватку:

— Да кончайте вы орать! — грозно возвысил он начальственный голос.

Ребята замолкли. Сидят оба красные, как из бани. Но видно, не до конца выпустили пар. И через минуту-другую Чернозёмов сквозь зубы процедил:

— Я в суд подам на вас за долги...

Незамедлительно последовала ответная реплика. И... всё началось сначала. По второму кругу.

“Странный мы народ, — думал Шурка. — Какой-то прямо нетерпимый, недружный. Посмотришь на других, тех же казахов, уйгуров, армян — все как-то держатся друг за друга. Одни мы такие равнодушные. С чем это связано? История у нас, что ли, такая, полная междоусобиц. Князья-то наши дрались между собою, ходили походами друг на друга, почитай, каждый год. Даже татар приводили. А смуты какие были, восстания. Гражданская война. Но, видно, наша разрозненность чем-то компенсировалась. Может, числом. Всех готовы шапками закидать. Ну, и нашим индивидуализмом. Мы уже вышли из родоплеменных отношений. Усвоили западные ценности. А там тоже каждый сам по себе. Один Бог за всех!

А может, мы просто привыкли надеяться на государство? В случае чего оно спасёт, поможет. Только сегодня никакого русского государства у нас нет. Наша недружность позволила изгонять и вытеснять русских отовсюду. Вон у нас на факультете. Пока был деканом Дмитроцкий Василий Иванович — все преподаватели грызлись между собой. Подсиживали друг друга. А потом пришёл Конжакаев и выпер их всех. Вот и довыясняли отношения.

И так везде. Пока мы грызёмся, они теснят нашего брата!” — с горечью додумал он свою мысль. А потом рывкнул:

— Да замолчите вы! Достали! Совсем с ума сошли!

Потом, поняв, что переборщил, добавил:

— Давайте о деле лучше поговорим. Есть у меня одно предложение. Попробуем его обсудить.

— Какое? — изобразил на лице стопроцентную готовность Чернозёмов.

— Думаю я, что мне надо идти на выборы. В Государственную думу.

Директора переглянулись. И сделали внимательные лица.

Дубравин уже давно размышлял о сложившемся положении. Вспоминал историю с покупкой здания: “Это всё потому, что я здесь чужой. И меня никто не знает. Со своими они всё же считаются. Значит, надо вращать в местную жизнь. Надо заявить о себе. Но как?”

Второй проблемой, беспокоившей его, была обстановка для занятий бизнесом в стране. Она стремительно менялась. Если в девяностые чиновники, деморализованные крахом системы, ещё не очухались, и можно было смело браться за любой проект, то теперь они консолидировались и дружно выстраивали коррупционные схемы для отъёма денег и бизнеса.

— В девяностые, — шевеля усами, рассказывал ему как-то Алексей Тимашов, — можно было получить разрешение на установку киоска за коробку конфет. А сейчас уже требуют долю в бизнесе.

Да, Дубравин и сам видел, что хорошо дела идут только у тех предпринимателей, кто трётся у власти. Независимые либо загибались, либо еле дышали. На всех навалился чиновничий беспредел.

Государство Александру, как и каждому русскому человеку, кажется тёмной враждебной силой, которая непредсказуема и страшна в своей жажде подчинить себе всё и вся. Поэтому каждый русский в глубине души боится власти. И одновременно ненавидит её. Никто в нашей стране не знает, что может выкинуть эта власть. Какой фортель, какой закон. Куда повернёт.

И выходов тут немного. Либо бежать, удаляться от власти, от государства, как делали многие наши предки испокон веков. Либо постараться по-

нять механизм действий этой слепой, бездушной машины и попробовать оседлать её.

Размышляя обо всём этом, Дубравин постепенно шёл к своему решению.

Ну, и главное. Как журналист, хоть и бывший, он понимал, что надо бить в набат. Народ вымирает. И “русский крест”, образованный пересечением линий смертности и рождаемости на демографическом графике, рискует превратиться в большой деревянный.

Выборы как раз дают повод для того, чтобы начать писать и говорить об этой страшной проблеме, которая нависла над страной.

А по опыту он знал, что надо бросить в пространство, в массы идею. И если идея здравая, то она не исчезнет. Её подхватят и донесут до самых верхов. И, может быть, власть хоть что-то сделает для людей.

Но говорить обо всём этом сейчас не стоило. Не время. Да и неважно это. Решение принято. Надо действовать. Так что он спросил просто:

— Ну, и какие на сей счёт имеются предложения?

— Надо собирать штаб! — ответил Чернозёмов.

— Будем готовиться, — поддержал его Тимашов.

7

Наконец-то у него появился свой кабинет на работе. Те, кто привык к стабильному существованию в рамках госструктур, скажут: “Эка невидаль! Подумаешь, достижение! Собственный кабинет”. И только те, кто, как Дубравин, сами делают себя и свою жизнь, знают, что это значит. Собственный, заработанный своими руками, вырванный буквально из глотки у чинуш офис.

Хорошее здание. Неказистое снаружи, внутри после ремонта оно преобразилось.

На втором этаже он и разместился. В приёмной сидит секретарь (один на двоих с Чернозёмовым).

Рабочее место — оно очень многое говорит о человеке. У Дубравина всё строго. И аскетично. Мебель светлая, белорусская. Два окна. На столе только то, что нужно. Никаких лишних бумаг. В шкафах — толстые книги. Только иконка с ликом Сергия Радонежского и портрет Путина в майке “Молодёжки” хоть что-то говорили о хозяине.

И вот в этот самый кабинет с утра залетела миловидная, слегка заполошная заместительница директора издательского дома “Свободное слово” и по совместительству депутат городского собрания Марина Сорокаумова. И начала быстро-быстро говорить:

— Ксан Ксеич! Такая новость! Такая новость! Я сейчас была на заседании в Думе и там встретила Ивана Петровича. Он мне сказал, что у нас в области московский олигарх Хоторковский открыл отделение своего “Открытого мира”. Они готовятся к выборам. Будут создавать партию. Туда уже все побежали. С такими деньгами он точно купит весь наш парламент. Надо и нам срочно к ним ехать...

— Марин! Подожди. Не тараторь так сразу. Сядь! Выпей чайку. И по порядку мне всё расскажи. До выборов ещё далеко. Больше года. И торопиться не надо.

После недолгого, но обстоятельного разговора с девушкой выяснилось, что один из новоявленных хозяев жизни, так называемых олигархов, решил приступить к приватизации государства. И для этого будет собирать свой собственный парламент.

Дубравин сказал:

— Ну, что ж, давай посмотрим! Повстречаемся с представителем этого новоявленного российского Буонапарте!

Представитель олигархических структур в славном городе “С” был молод, обаятелен, модно одет и чрезвычайно самонадеян. Дубравин определил его для себя как менеджера нового, недавно выросшего поколения. Шустрые ребята с дипломами об иностранном образовании и начисто лишённые индивидуальности. При встрече с такими Дубравин всегда задавался вопросом: “Их что, по одной форме отливают? Как пластмассовых кукол?”

Молодец поправил аккуратный галстучек и поведал прибывшим, что господин Хоторковский очень даже продвинутый бизнесмен и жертвует весьма крупные суммы на образование через “Открытый мир”. А теперь он регистрирует партию, которая возьмётся переустраивать Россию на основе принципов свободы, равенства и братства по западноевропейскому образцу.

Дубравину, кстати говоря, очень даже импонировали эти принципы. Однако его смущали люди, которые взялись за такое отчаянное дело. Поэтому он слушал эффективного менеджера в некоей задумчивости: “Может, и получится у него. Ведь московские мои кореша рассказывают, что Хотор уже купил “Союз мощных сил”, надкусил “Грушу” и выкладывает немаленькие деньги, приманивая неподкупных лидеров коммунистов. Мало того, он подбегается с мешками денег и к “Главной партии России”. А теперь решил поработать с одномандатниками. И для этого при “Нукосе” создано политическое управление, которое и формирует в регионах “мобильные группы”.

Технология продвижения людей уже отработана. Суть её проста, как колумбово яйцо. Голоса избирателей покупаются. Для этого с ними заключаются индивидуальные договора “на оказание помощи” с выплатой вознаграждения прямо на участке. И с точки зрения юридической тут комар носа не подточит. Абсолютно законная схема.

Пока юный посланец бога Меркурия разливался соловьём, он решил: “Такие люди как я, независимые и самодостаточные, для них, в общем-то, подходящий контингент. Но хочу ли я сам участвовать в такой игре?”

Олигархи будут сами управлять страной. Им не нужны надстройки и промежуточные звенья в виде администрации президента. И его самого. С помощью купленных депутатов они перейдут от президентской к парламентской форме правления и, таким образом, “приватизируют” и государство.

Но весьма сомнительно, что в Кремле будут молча наблюдать за этим процессом. Так что прежде, чем соглашаться на эту авантюру, надо хорошенько подумать, а нужно ли оно мне?”

После визита он рассказал о своих сомнениях миловидной депутатке. И добавил:

— Похоже, нам с этими ребятами не по пути. Разной мы с ними крови. А нам нужны единомышленники.

Прошло какое-то время. И вот как-то с утра снова залетела к нему в кабинет Марина Сорокаумова. И быстро-быстро заговорила:

— Ксан Ксеич! Включайте телевизор! Такая новость! Такая новость!

— Какая, Марин?

— Хоторковского арестовали. Прямо в самолёте взяли. В аэропорту...

— Угу, — заметил Дубравин.

8

Вдруг откуда ни возьмись появился... новый бренд.

Дубравин ехал в своём автомобиле с загородной дачи и, не торопясь, прокручивал в голове предстоящий рабочий день. Неожиданно для себя он заметил, что сегодня весь длинный главный проспект заклеен большими синими баннерами с патриотическими лозунгами и новым партийным брендом.

“Русь” поднимет дух нации!” — прочитал он лозунг на очередном плакате. И отметил про себя: “Надо присмотреться к этой партии. Вдруг это те самые люди, которые мне нужны?”

Поиски были долгими. Никто из бомонда не мог понять, откуда растут ноги у внезапно появившейся “Руси”. Но, в конце концов, Дубравин получил заветный телефончик, по которому ему сообщили некий московский адрес, где и базировалась великая и независимая партия.

И вот как-то осенью, оказавшись по делам в столице нашей Родины — городе-герое Москве, — он решил посетить штаб “Руси”, дабы лично убедиться в её намерениях и, может быть, даже обрести единомышленников.

Долго ходил он по запутанным переулкам Китай-города. Тыкался в разнообразные двери офисов, пока, наконец, не набрёл на небольшой особня-

чок, на двери которого висела табличка с соответствующей надписью. Открыв эту дверь, Дубравин зашёл внутрь длинного коридора. У столика сидел пожилой хмурый дядя в чёрной робе. Привратник. Дубравин спросил его:

— Скажи-ка, дядя! Не здесь ли находится штаб знаменитой на всю Россию партии “Русь”?

На что дядя ему и ответил прямым текстом:

— А Бог его знает, что здесь находится. Какое-то рекламное агентство. Это точно. А насчёт партии я сильно сомневаюсь. Находится ли в наличии — не могу сказать.

В эту минуту двери осторожно открылись, и на пороге помещения появился старый знакомец Дубравина ещё по “Молодёжной газете” — тонкий, звонкий и прозрачный Сашка Киселёв. Оба обрадовано вскинули глаза друг на друга. Счастливо обнялись, похлопывая ладонями по спинам. И разговорились:

— Санёк, здорово! Какими судьбами? Ты всё такой же юный и счастливый!

— Здравствуй, Александр Алексеевич! Это вы какими судьбами в наши края?

— Помнишь фермера Онегина?

— Конечно, помню брата Петю.

— А ты как здесь? Ты же в Африке был, галоши и шляпы туземским вождам продавал. И когда мы с тобой последний раз разговаривали, ты был страшно доволен африканской жизнью. И африканскими женщинами...

— Да, было времечко золотое, — ясный взор голубых глаз Сашки слегка затуманился. — Но там мода переменилась. Я потом торговал ещё серпами, косами, тяпками. Капиталец сколотил. И решил вернуться на Родину. К родным берёзкам. Понимаешь, домой потянуло.

— Ну, понятно. Может, ты мне объяснишь, где здесь имеется в наличии такая великая и знаменитая партия?

Засмеялся, показывая сахарные зубы, Киселёв. И открыл великую тайну:

— Здесь вообще-то находится пиар-агентство, которому поручено продвигать этот бренд. И я в нём работаю. Мы всем занимаемся. В любой стране СНГ готовы обеспечить и организовать выборную или пиар-кампанию. Вот попутно трудимся и на этом направлении.

— Кто ж вам такие деньги отваливает?

— Меня особо в эти игры не посвящают. Но, как я понимаю, просто Кремль решил таким образом оторвать на предстоящих выборах голоса патриотически настроенных сограждан у коммунистов. И для этого финансируют создание такой вот национально ориентированной партии. Ну, что ж, как говорится, дело мастера боится!

— То есть, как я понимаю, партия создаётся только в сознании людей? А на самом деле её не существует?

— Ну, почему? Есть номинальный лидер партии. Господин Котов. А сама она зарегистрирована в Минюсте.

— А он откуда появился на горизонте? Среди наших записных патриотов я что-то его не замечал. И интереса к русской тематике до последнего времени у него, как я понимаю, не было.

Сашка даже не замаялся:

— Раньше он был во фракции “Россия — наш общий дом”. Участвовал в выборах.

— То есть, партия сказала: “Надо!” — Комсомол ответил: — “Есть!”

— Угу!

— Ловко!

— Ну, люди работают. Думают. Чувствуют, откуда ветер дует.

— Ладно. Веди меня к своим шефам. Поговорим.

В заваленном планами, графиками, выборными плакатами кабинете его принял небольшой лысый человечек с бородкой. Быстрый, вёрткий, он посадил Дубравина в шаткое, одноногое креслице, а сам, стремительно двигаясь перед ним по комнате туда-сюда, как маятник, принялся объяснять ему грандиозность замысла:

— Я сам в Кремле не бываю! Но думаю, что это их идея. Тем более что в платформе “Руси” имеются цитаты из книги ВВП. И шефы частенько говорят, что “его мысли совпадают с нашими целями”. А основной общественно-политической миссией партии названо “возрождение духа нации для построения в России справедливого и безопасного общества”.

— Аккуратно сказано, — усмехнулся Дубравин. — Не Россия для русских, а возрождение духа нации.

— Да! Да! Вы быстро схватываете, товарищ!

— Ну, а в экономике что получается?

— Тут, как я понимаю, нет духа коммунизма. Призрака коммунизма, как его представлял Карл Маркс. Помните Манифест: “Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма”? Здесь никаких призраков нет. Есть только здравый смысл. И программа называется “Русский экономический прорыв”. В ней отмена налогов. Снижение подоходного. Короче, экономический либерализм с примесью популизма.

И так этот маленький картавый человечек в костюме-тройке заворачивал, что через полчаса Дубравин уже думал: “А почему бы и нет? Пусть они идут своим путём. Сначала раскручивают структуру партии, а уж потом направляют, наполняют её кадрами. Почему бы не и “Русь”? У меня одиннадцать предприятий по всем регионам. В каждом регионе имеются свои собственные газеты.

Может, мне взять на себя эту партию? Развернуть её до настоящей партии и двигаться дальше? Вперёд и вперёд. К новым высотам”.

В общем, выехал Дубравин из столицы нашей Родины города-героя Москвы уже с удостоверением в красной бордовой обложке, что он, Дубравин А. А., является уполномоченным по субъектам ЦФО объединённой российской партии “Русь”.

Радовался Дубравин такому своему приобретению. Носился с ним. Оказалось, как дурак с писаной торбой. Прошло три месяца. Позвонил он как-то в штаб партии, чтобы доложить о сделанном. А голос знакомого привратника ему ответил:

— Съехали они все отсюда.

— Куда?

— Они всем агентством полетели в Казахстан. Организовывать выборы президента этой страны.

— А когда будут?

— Ну, месяцев через восемь вернутся. Денег заработают. И вернутся. Так что ждите.

И гудки, гудки, гудки...

9

На ловца и зверь бежит. Пока Дубравин безуспешно пытался разобраться в хитросплетениях российской политики и искал идейных соратников по борьбе за благо русского народа, за ним, оказывается, тоже пристально наблюдали местные функционеры. И вот однажды, прямо после очередной встречи с казачьими активистами к нему подошёл не старый ещё, но очень худой человек с явно офицерской выправкой. Поношенный штатский костюм и хорошо поставленный командирский голос окончательно убедили Дубравина в его догадке. Подполковник в отставке Андрей Петрович Певунов сразу взял быка за рога:

— Я читал ваши статьи по русскому вопросу. Полностью согласен во всём! — глядя прямо в глаза своему визави, чеканил он фразу за фразой. — Вам надо идти вместе с нами.

Дубравину понравился такой подход:

— А с кем это — с вами?

— С партией “Патриоты всей Руси”!

— Это которая откололась от КПСС?

— От КПрФ! — поправил его отставник.

— Интересно! — задумчиво произнёс Александр. — И какова ваша платформа?

— Я давно наблюдаю за вами. И вижу, что, по большому счёту, вы наш человек. Вы под нашу программу так и стелете! — И Певунов, не давая Дубравину вставить ни слова, принялся рекламировать свой товар. Пока его собеседник вспоминал то ли скандал, то ли историю, которая не так давно случилась с российскими наследниками коммунистов, Андрей Петрович обрисовывал грандиозные перспективы:

— Это такая могучая партия! А каким человеком она возглавляется!

И дальше у него выходило, что Сипягин прямо ух! Как Чапаев! И смелый, и сильный, настоящий вождь партийный!

А главное, у этого батьки есть “золотой запас”.

Тут, наконец, Дубравин вспомнил историю с так называемым “кошельком коммунистов”. И то, как, громко хлопнув дверью, ушёл от “папы Зю” этот его верный адепт.

Андрей Петрович, пропев свой дифирамб очередному вождю, продолжал искусно вязать узлы и петли:

— У нас через две недели будет съезд. И пройдёт это мероприятие где-нибудь, а на самой Поклонной горе. В здании музея, рассказывающего о подвиге защитников столицы. Я вас настойчиво приглашаю на этот съезд в качестве гостя. Чтобы вы лично убедились в нашей мощи и правильности идеи. Поняли дух партии. И там я вас постараюсь познакомить с великим человеком.

Ну, и как такому откажешь?

Строго в назначенное время прибыл товарищ Дубравин к месту съезда. Машину пришлось оставить далеко-далеко, а самому пешочком прогуляться через парк к величественному, типично советскому зданию мемориала. Путь его пролегал по длинной аллее среди цветов и зелени, мимо притаившейся в парке синагоги. Наконец, он вышел на огромную площадь, из центра которой вырастал гигантский штык.

У подножия монумента происходило какое-то действие. Судя по всему, возложение цветов и венков. Там стучали барабаны пионеров, кучка важных пиджачных людей стояла по стойке смирно.

Церемония закончилась. И съезд — а это и был он — устремился в сторону музея Великой Отечественной войны. Дубравин, увидев в последних рядах Певунова, немедленно присоединился к нему.

Все прошли в небольшой зал. В президиуме по-хозяйски разместился Сипягин. Вокруг него — соратники. Участники, как куры на насесте, расселись в амфитеатре.

Действо началось. Сначала выступал “вождь”. За ним на трибуну один за другим поднимались академики, доктора исторических наук, профессора, функционеры. В ходе съезда выяснилось, что фирменной фишкой партии является так называемое “народное правительство”. Видно, кто-то шибко умный по части пиара придумал такой технологичный ход. Создать, как это делают на Западе, этакое теневое правительство. И как бы в засаде ждать смены власти. Случись что, а у нас уже есть готовые министры.

Сидевший на самой верхотуре Дубравин слушал пояснения своего чичероне Андрея Петровича, кто есть кто в этом народном правительстве.

— Вот этот, с краешку сидит, это наш министр культуры, — говорил он, указывая на знакомое по телевизионным боевикам лицо актёра. — А вот тот, рядом с товарищем председателем, — премьер-министр.

Глядя на черноволосого, гладкого, с блестящими глазами, ухоженного “вождя”, Дубравин без объяснений понял, что перед ним — сам президент.

Народ что-то бубнил в микрофон. И Дубравин по мертвящему духу съезда понял, что здесь собрались в основном “бывшие”. Те, кто был элитой при советской власти, а теперь, потерпев вместе с нею фиаско, пытается взять реванш.

Речи функционеров невнятные, вялые, народ больше тусклый, скучный. Как побитый молью. Весь регламент съезда, похоже, был скопирован с о-

ветского. Отсюда выбор места и состав участников. В зале былой славы. Среди бронзовых бюстов полководцев.

Съезд чуть-чуть оживился, когда в президиуме появились почётные гости. Среди них Дубравин с радостью увидел знакомое ещё по советскому времени лицо редактора “Молодёжной газеты”. Теперь, под конец своей блестящей карьеры на высших государственных постах, он тоже завёл себе мини-партию. И, как её глава, торжественно и важно поприветствовал коллег.

Из его речи Дубравин понял, что басня Крылова “Кукушка и Петух” до сих пор весьма актуальна.

Гости покинули зал. И съезд продолжился в том же режиме. Из полных мёда речей становилось окончательно ясно, кто в доме хозяин. И на чьи деньги содержится эта тёплая компания.

Слушая идущее по накатанной колее пустословие, разглядывая построенный “демократом” Лужковым мемориальный комплекс, Александр думал: “Что я здесь потерял, в этом советском прошлом? Какие тут жаркие дебаты? Какие прения? Всем и так всё ясно. Как хозяин скажет, так и будет. А мне надо сваливать отсюда подобру-поздорову”.

Андрей Петрович, видимо, тоже пришибленный атмосферой партийного праздника, приуныл и приуmoilк.

Не дождавшись окончания заседания, не удостоившись встречи с “великим человеком”, Дубравин отправился восвояси. “Пришёл я на съезд — кто больше съест! — саркастически думал он про себя. — А ухажу несолоно хлебавши”.

Проходя к автомобилю тем же путём, мимо синагоги, он машинально отметил: “Как похоже! Стоит большой памятник победе всего народа в великой войне, но хочется иметь хоть и маленький, но свой. Так и здесь. Есть одна большая партия коммунистов, но хочется иметь свою. Карманную!”

10

Один знакомый отставной генерал, работающий в администрации страшно сказать кого, прослышал о хождениях по партиям нашего героя и решил ему помочь. Через Марину Сорокаумову он предложил познакомиться Дубравина с серьёзными людьми из “Главной партии России”.

И вот в назначенный день и час Дубравин появился в прихожей Государственной думы, где стоят на входе рамки металлоискателей и строгие прапорщики в красивой форме.

Он протянул паспорт с полученным в окошке разовым пропуском и поставил на транспортёр сканера свой чёрный кожаный портфель. Цепкий, профессиональный взгляд фсошника сличил фотографию с оригиналом. И Дубравин прошёл в огромное фойе первого этажа. Здесь он оказался в окружении разноцветных картин какого-то приличного художника, разместившего свою выставку в этом политическом муравейнике. Вокруг стояли магазинчики, торгующие сувенирами с государственной символикой, книжками и портретами.

Но ему надо было выше. И Дубравин по широкой лестнице, устланной красными ковровыми дорожками, поднялся к лифтам.

“Вот я и в Думе!” — с лёгкой иронией и некоторым страхом подумал он, шагая по коврам длинных коридоров с дубовыми дверями и панелями. Попутно приглядываясь к табличкам и местным нравам. Судя по всему, жили здесь строго по ранжиру. Рядовые депутаты ютились вместе с помощниками в небольших кабинетах. Заместители председателей комитетов уже имели предбанники для секретарей и помощников. Ну, а председатели — те полноценные начальники со всеми необходимыми атрибутами власти.

“Всё, как в советское время, — сообразил Александр, вчитываясь в таблички. — Номенклатурные привычки неискоренимы. Они въелись в плоть и кровь людей руководящего слоя. Небось, здесь и в столовых идёт деление на категории. Залы для технического народа, для рядовых депутатов и для начальства. А главным бонзам подают еду прямо в кабинеты. Всё, как было и при коммунистах”.

Наконец, он добрался до входа в отсек, где расположилась “Главная партия”. Тут он увидел большой холл, завешанный портретами вождей. И широкую дверь в приёмную очередного великого человека — заместителя председателя фракции.

В приёмной сидела уже достаточно пожилая, много чего повидавшая на своём веку добродушная полная тётя. С её слов оказалось, что начальника на месте нет. Он на заседании.

Пришлось Дубравину приземлиться на стул рядом с ещё двумя посетителями. Одна из них — женщина с угнетённым лицом и заплаканными красными глазами. А вот второй интереснее. Это был отправленный в отставку боевой генерал, прославившийся во время второй чеченской войны. Он был в штатском костюме, мешковато сидящем на нём. Лицо нервное, хмурое, опухшее. Генерал пытался читать какой-то промышленный журнал, неизвестно как попавший сюда. Это ему плохо удавалось. Он бросил его на столик. И через несколько минут вышел в фойе покурить.

“Наверное, он злится оттого, что ему приходится ждать. Чувствует себя униженным!” — догадался Дубравин, принимая чашку душистого чая из рук секретарши. Он попил чай и читал брошенный генералом-десантником журнал “Металлообработка”.

Продолжалось это достаточно долго, пока, наконец, в холле не послышался оживлённый разговор и не появился сам хозяин вместе с генералом.

Александр Адамович Короткевич был тоже из военных. Этаким расплывшимся атлет-физкультурник. У него было круглое лунообразное лицо со вторым подбородком и пингвинья фигура. Она чаще всего появляется у людей, которые долго занимались спортом с большими физическими нагрузками, а потом одновременно бросили это дело.

Короткевич оглядел присутствующих быстрым взглядом, видимо, определяя важность посетителей, и проводил генерала-десантника к себе в кабинет.

В полураскрытую дверь Дубравин услышал их разговор:

— Меня тут поставили председателем комиссии, которая занимается делами ветеранов боевых действий и пенсионеров. Давай я тебя введу в состав этой комиссии. Будем работать... А, Володя?

“Видно, война для десантника была звёздным часом. А теперь вот он, чтобы не помереть от тоски и скуки в отставке, ищет себе хоть какое-то занятие”, — решил Дубравин.

Дверь в кабинет закрылась, и оставшуюся часть беседы двух отставников он уже не слышал.

Провожая на выход своего товарища, Короткевич сказал, словно продолжая разговор:

— Приняли сырой закон о льготах. Народ недоволен страшно. Будем на комиссии обсуждать.

Возвращаясь от двери, он приостановил уже нацелившегося Дубравина:

— Минуту подожди! Мы с тобой подробно всё обсудим. А я по-быстро-му человека отпущу.

И кивнул заплаканной просительнице:

— Заходите!

Быстро растянулось на полчаса. Но, в конце концов, Дубравин всё-таки добрался до кабинета.

Дальше действие происходило по обычному сценарию.

Судя по тому, как заблестели глаза под белёсыми ресницами общественника, рассказ Дубравина очень даже заинтересовал его. Он, видимо, понял, что пришедший посетитель — человек не только с амбициями, но и большими медиа-ресурсами. И упускать такой вариант не собирался.

— Всё понятно! — выслушав рассказ Александра, сказал Короткевич. — Беру тебя на заметку. И в работу...

Поговорили, как родниковой воды напились. Окрылённый такой перспективой Дубравин уже собирался уходить, но Короткевич добавил и кое-что от себя:

— Сейчас в партии большие перемены. Но они закончатся. И тогда твой ресурс будет востребован по полной. А пока я тебя включу в состав комиссии

по работе с ветеранами и пенсионерами. Приезжай. Первое заседание скоро. “Видно, он туда всех своих знакомых и друзей собирает. Ну, что ж, это хорошо!” — думал Александр, покидая величественное здание на Охотном ряду.

Однако, как говорится, и здесь недолго музыка играла. Прошло несколько недель, а Короткевич на связь не выходил... Дубравин звонил по заветному номеру сам. Но представитель главной политической силы был то на вечном совещании, которое плавно перетекало в вызов к вышестоящему руководству, то в бессрочной командировке на краю света.

А потом по телевизору сообщили, что его перевели с должности. И теперь он, как простой депутат, сам изо всех сил бьётся за то, чтобы попасть в заветный список на новых выборах.

Так ничем завершился для Дубравина и этот поход в столицу “за зипунами”.

Но он не унывал. И судьба в лице знакомого генерала подбросила ему ещё одну встречу. С олигархом.

— На самом деле, — объяснил ему диспозицию генерал из администрации страшно сказать кого, — не партийные функционеры определяют политику. А те, кто ими руководит. Давай я познакомлю тебя с Иваном Петровичем Дубовским, миллиардером, олигархом, бывшей большой советской шишкой. Он и рулит политикой в славном городе “Ч”.

Московский офис олигарха располагался в красивом уютном сине-белом особняке с башенками как раз напротив храма Христа Спасителя. Дубравин приехал заранее. И несколько минут они с генералом перетирали повестку дня.

— Ты прямо говори ему: “Я готов завалить на выборах этого вредного коммуниста! Делайте ставку на меня!”

И товарищ повёл его длинными переходами. В личную столовую Дубовского.

Невысокого роста, седой, краснолицый, в хорошо сшитом синем костюме и ослепительно белой рубашке, он встретил гостя тепло и добродушно.

Пригласил пообедать. Стол застелен такой же ослепительно белой скатертью. На столе — вазы с цветами и краснобокими яблоками. Обед вегетарианский. Но с коньячком. Пропустили пару рюмок. И Дубравин, как ни странно, почувствовавший в этом энергичном дедушке родственную душу, с юмором рассказал о походе в Думу. И о том, как Короткевич быстро и эффективно исчез с политического горизонта.

— Да, это народ такой, скользкий, — заметил Иван Петрович, — с ними трудно работать. Но приходится. Вот и сейчас выборы приближаются, а подходящего кандидата на один из участков у них нет.

Он поглядел задумчиво на купола храма Христа Спасителя, видимые из окна столовой. И продолжил:

— В деревнях у нас проблемы решены. Там всё схвачено. А вот в самом городе вряд ли удастся победить. Народ у нас своенравный. И очень даже может прокатить нашего кандидата. Боюсь, что нам этого коммуниста не победить. И не знаю, кто это сможет сделать!

На что Дубравин ему самонадеянно заявил:

— Я смогу! Сто пудов! Команда у меня имеется. Опыт у ребят какой-никакой есть. Да и сам я — вполне, — он ввёртывает модное словечко, — креативный человек!

Старому олигарху такая его речь пришлась по нраву. Видно, он сам вспомнил горячую комсомольская молодость. И растались они вполне довольные друг другом.

II

Вот неделя-другая прошла. И из губернской администрации раздался звонок:

— Здравствуйте! С вами говорит заместитель губернатора Максим Артурович Кучинов. Александр Алексеевич, не могли бы вы заехать ко мне?

— Конечно! В какое время?

— Да хоть сейчас! Я буду вас ждать. Выпишу вам пропуск.

Дубравин взял ноги в руки и через городские пробки и заторы помчался в центр.

Кабинет у этого заместителя большой и красивый. Мебель новая. Блестящая. И сам он весь благообразный, гладкий. Бывший заместитель по кадрам, переехавший из областного ФСБ в областную администрацию. Человек команды.

“Умеют же люди жить”, — подумал Дубравин при виде этого великолепия.

— Мы хотим пригласить вас в качестве кандидата от партии власти на выборы в Государственную думу, — объявил ему Кучинов волю олигарха. — И надеемся на плодотворную работу.

“Ну, наконец-то, — сообразил Дубравин, — дело двинулось. Вот оно — счастье!”

— Что надо делать? — с готовностью спросил он.

— Скоро начинаются внутрипартийные праймериз. И мы бы хотели, чтобы вы в них поучаствовали.

— Ну, что ж, я готов!

Как когда-то слова из старой советской песенки о любви, где парня звали “по-грузински Айванес, а по-русски Ваня”, вошли в быт, так и сейчас английское слово “праймериз”, а по-русски — “пробы” — быстро вошло в политический обиход.

Собрали в обеденный перерыв народ в зале для конференций большого родильного дома. В креслах — сплошь женщины в белых халатах. Рассадил по местам. И пустили на трибуну будущих кандидатов. Дубравин выступал вторым. И, судя по реакции зала, выступал здорово. Своим рассказом, что называется, “зацепил” врачей, акушеров, медсестёр, нянечек:

— Все вы прекрасно знаете, что у нас в стране именно женщины решают, сколько детей будет в семье. Это их выбор. И сейчас у нас на семью в среднем приходится одна целая две десятых ребёнка. Почему? А потому, что наши женщины решили: зачем плодить нищету? И ограничиваются чаще всего одним ребёнком. А должно быть хотя бы двое. Так вот, моя программа как раз и нацелена на то, чтобы у нас в молодых семьях, где только начинают жить совместно, поменялась установка.

В общем, чрезвычайно довольный собой, он с интересом выслушал вялое бормотание остальных кандидатов. И думал, что победил.

Каково же было его удивление, когда на следующий день появились результаты. Чёрным по белому в сводке было написано, что он занял последнее место.

Он возмутился. И, вместе с тем, ему стало интересно. Поехал в Москву к пиар-менеджеру и старому товарищу Сашке Киселёву. Бывший африканский торговец шляпами и блестящими галошами уделил, несмотря на занятость, время своему товарищу. И популярно объяснил законы политической борьбы нового периода.

Разговор получился откровенный:

— Здравствуй, Александр! Хочу у тебя проконсультироваться. Тут такое дело. Ввязался я в выборную кампанию. Пошёл на праймериз. И в результате пролетел. Открой тайну. Разъясни мне, тупому, что я делаю не так?

Сашка смеялся так долго, что в конце даже закашлялся.

— А деньги где?

— Какие деньги?

— Наивный вы человек, Александр Алексеевич! На каждом этапе нужно платить.

— Но я же договорился с олигархом!

— Ха! “Жалует царь, да не жалует псарь!” Знаете такую поговорку? Надо было миллиона два отстегнуть организатору этой комедии под названием “праймериз”. И всё бы прошло без сучка и задоринки.

— Так, ты давай мне, Саня, всё расскажи по порядку. Что? Как? Кому? А то я, как слепой, бьюсь. Хорошо?

— Помните, Александр Алексеевич, товарищ Сталин когда-то говорил: “Неважно, как голосуют. Важно, как посчитают”. Так вот и сегодня на наших выборах это — аксиома.

Наши чиновники из всего хотят извлекать выгоду. Вот и ввели праймериз. Как на Западе. Вроде хорошее дело. Но во что оно превратилось у нас? В средство сбора денег. И отсеивание негодных власти кандидатов. Поэтому для вашего олигарха вы, может, и хороши. Но исполнителям, организаторам этих самых выборов вы чем полезны? Ничем! Вот они вас и бортуют. Им не до высокой политики. Их интерес прост. На выборах все хотят заработать. Так что надо внести. И всё пойдёт как по маслу.

— Ну, ты даёшь стране угля!

Сашка засмеялся и ответил приказкой:

— Хоть и мелкого, но много!

— Ну, а вообще, как это организуется? Давай выкладывай! Как списки возникают?

— Есть три составляющих. Главная — деньги. Парламентские партии — те, которые могут обеспечить стопроцентное прохождение в Думу, продают места за несколько миллионов долларов.

Кроме того, они бесплатно приглашают медийных персон, которые должны обеспечивать интерес электората. Отсюда в списке появляются также разного рода спортсмены, артисты, ведущие телеканалов.

Кроме того, партии должны показать свою демократичность и народность. Для этого в список вводится несколько учителей, врачей, рабочих. Впрочем, рабочих давно нет. Был один у коммунистов. Да и того попёрли.

Есть ещё и квота от Москвы. Кремль спускает разнарядку для всей России на регионы. Чтобы, значит, продвинуть своих людей.

Ну, вот так и формируется партийный список. Да, совсем забыл! В нём обязательно должны быть те, кто организовал партию. Они, конечно, в начале списка. Идут так называемыми паровозами.

— Да, сложненько!

— Чего тут сложного? Плати — и получишь депутатский мандат. Это такой беспроектный партийный бизнес. Хотя иногда бывает и так: заплатят и всё равно пролетают. Это когда партия вдруг недобирает голоса. Редко. Но бывает.

— Ну, а деньги-то куда идут? На выборы? — углубился в вопрос Дубравин.

— Не-ет! Не совсем так. Платные кандидаты — богатые буратины — должны обеспечить всё. Оплатить весь банкет. И за себя. И за того парня. Если есть очень большие деньги, можно купить партию целиком. Вот Хоторковский пытался купить всех оптом. Кремль не дал. А так — пожалуйста. За ваши деньги — любую прихоть.

— Ну, ладно. Я понял расклад. В партиях, похоже, мне делать нечего. У меня таких денег нет.

— Если нет денег, можно оплатить взнос медиа-ресурсом.

— Ну, это как-то не совсем честно. Журналисты будут ворчать.

— Тогда платите. По моим прикидкам, собранные с “буратины” деньги распределяются так. Процентом пятьдесят здесь же, не отходя от кассы, откатывают себе на нужды лидеры и создатели партий. Сколько из этого они заносят на самый верх, я не знаю. От оставшейся половины отпиливают непосредственные исполнители. Организаторы и руководители выборной кампании. Разного рода маркетологи, креативщики, пиарщики. Ну, и процентов двадцать—двадцать пять от собранных денег идут собственно на выборы: печатание листовок, буклетов, закупку площадей в газетах, времени на телевидении. И, естественно, на подкуп избирателей с использованием так называемых “грязных технологий”.

— Понятно! — заметил Дубравин. — Это те партии, которые имеют твёрдую уверенность, что их список пройдёт. А остальные? Мелочевка эта как?

— Маленькие партии, не имеющие возможности торговать местами, существуют на средства владельцев этих партий. Или ищут спонсоров. Возможны также варианты с популярными людьми. За ними охотятся. Приглашают в список бесплатно. А вдруг они выведут партию на Олимп?

— Ну, спасибо, Саня, что просветил.

— Не за что! Хочешь, я тебе сделаю свеженькую, зарегистрированную партию. Под ключ! А? Или занесём, кому надо? — перешёл на “ты” Киселёв.

— Спасибо. Я подумаю.

Дубравин вернулся в город “Ч”. И стал думать.

Надумал только одно: “Ни одному слову наших политиков верить нельзя!”

12

Штаб собрался. Вопрос всего один — что делать? Действительно, Дубравин обошёл все возможные на данный момент партии и властные коридоры. Побывал на приёме у бывшего редактора “Молодёжки”, ныне трудящегося спикером. И везде облом. Потому что нет у него главного — “золотого запаса”. А без него будь ты хоть семи пядей во лбу или хоть лоб расшиби, а в список любой стоящей партии не попадёшь. Понял он и то, что политика — дело хитрое. И очень специфическое. Люди тут скользкие. Лживые. И двуличные.

Долго слушал Дубравин предложения трудящихся: пойти туда — не знаю, куда, встретиться с тем — не знаю, с кем. А потом выразил свою волю:

— Пойду на выборы независимым одномандатником!

Все приободрились. Наполнились лёгким энтузиазмом.

А почему бы и нет? Они молоды. Шишек не набили. Почему бы не попробовать?

Особенно рвался в бой Серега Чернозёмов:

— А что, небольшой опыт у нас есть. Люди есть. Газеты тоже. Да мы их шапками закидаем!

Но более продвинутая Марина Сорокаумова всё-таки предложила подстелить соломки:

— В наше время без поддержки верховной власти никуда идти нельзя. Отношения с Дмитрием Геннадьевичем у нас неплохие. Нас уважают. Надо идти к нему. Договариваться!

Что ж, все согласились с тем, что такой визит лишним не будет.

Сорокаумова пошла договариваться. А народ принялся работать над планом выборной кампании.

Знакомую дорогой явились они на приём. Ждать пришлось недолго. Генерал-губернатор встретил Дубравина ласково, как старого знакомого. И то дело. После той истории с отвоёванным зданием он с треском выгнал из администрации длинного Лёшу Хитроева. А Дубравин человек порядочный и благодарный.

— Здравствуйте, Александр Алексеевич!

— Здравствуйте, Дмитрий Геннадьевич!

— С чем пожаловали к нам?

— Да вот, решил я попробовать пойти на будущие выборы.

— Ну, что ж, дело хорошее!

Дальше всё пошло, как у Ильфа и Петрова в “Двенадцати стульях”: Дубравин сидел, “как отец русской демократии и особа, приближённая к императору”, а Сорокаумова, словно “великий комбинатор”, всё плела и плела словесные кружева.

— Дмитрий Геннадьевич! Александр Алексеевич — наш человек. Будет вам помогать в Москве. Там у него большие связи во всех средствах массовой информации. Так что наша губерния в высших кругах может быть очень даже хорошо представлена. Он может стать там крупным лоббистом...

И так она ловко всё поворачивала, дуя губернатору в уши, что Дубравин прямо-таки одним местом чувствовал, как повышается настроение хозяина кабинета.

“Видно, ему приятно, что московский гость почтил. Пришёл, подтвердил свою лояльность, — думал Александр. — С другой стороны, для него хорошо, что я не примкнул к коммунистам. Ведь он как губернатор якобы “разорвал” этот самый “красный пояс”. Но выборы покажут, так ли это. А то может оказаться, что это бабка надвое сказала”.

— Я вас поддержу! — провожая посетителей, обнадёжил их седой человек со спортивной выправкой и в хорошо сидящем сером костюме.

— Ну, теперь вперёд! — усаживаясь в машину, возбуждённо сказала Сорокаумова. — Можно не бояться, что административный ресурс кинут против нас. И не дадут работать.

“Да! — подумал Дубравин. — Слово — не воробей. Сам губернатор обещал...”

13

Из прокуратуры областного города “К”, что расположен в двухстах километрах от города “Ч”, пришло письмо. Суть его была проста и понятна. В письме сообщалось, что на него поступил донос из областной администрации. “Однако, рассмотрев заявление, прокуратура проверила публикации в прессе и не обнаружила в них никакого экстремизма”. Но на всякий случай она, то есть прокуратура, предупредила, что писать о проблемах русского народа следует взвешенно и осторожно. И лучше всего, “во избежание негативных последствий”, заменить слово “русский” на “россиянин”.

“Что ж они, гады, уже и национальности нас решили лишить?! Чтоб в нашей же стране русскими и не пахло? — подумал Дубравин, дочитывая сей опус, сочинённый неким помощником прокурора. — Отправлю я это письмо в печать. Пусть народ ознакомится с мнением защитников его прав”.

Никто не знает, как слово наше отзовется. Вот и Дубравин не представлял, какой отклик вызовет его “Русский вопрос”. Он просто решил для себя так: делай, что должен, и будь, что будет.

Но, увидев отзывы, он понял, что статьи его попали в самую точку, в самый нерв, в душу, настроение этого особенного, ни на кого не похожего народа. Да и как не попасть, если он чувствовал, переживал то же, что и миллионы его соотечественников! Сам являлся неотделимой частичкой русского мира.

Так что кроме трусливых чинуш откликнулись и люди.

В один осенний прохладный денёк прибыл местный писатель.

Лицо его, грубо сработанное, было красно и нахмуренно. Давно нечёсанные чёрные волосы длинны и спутаны. От него несло табаком и водкой. И сам он был весь на нервах. Горяч и порывист.

Он крепко пожал руку Дубравина. Огненным взглядом окинул его кабинет. И начал нервно, порывисто говорить. Из речи его, сумбурной и путаной, вытекали следующие выводы. Что он, так же как и Дубравин, радует за русский народ. И всё отделение Союза писателей тоже его поддерживает. Всё это звучало хорошо... Но по некоторым выражениям и тону Дубравин ощутил, что писатели ревнуют к тому, что он, чужак и пришелец, ступил на заповедную поляну!

Дубравин успокоил его, предложив работать совместно. И в паре двигаться вперёд, по непаханым просторам русской темы.

Обнадёженный писатель покинул кабинет, оставив Александру несколько своих книг.

Вечером после работы наш герой расположился с его книгой на диване. И обнаружил, что парень действительно чертовски талантлив. И такой человек, искренний, живой, горячий, да ещё владеющий словом, действительно будет полезен.

Ещё через несколько дней раздался звонок из далёкой северной области. В трубке послышался хорошо знакомый, но давно забытый голос Володьки Панцырева, представителя славной плеяды собственных корреспондентов “Молодёжной газеты”.

— Саня, здорово!
— Володька! Ты, что ли? Какими ветрами? Здорово! Чем занимаешься?
— Да тем, что только и умею делать в этой жизни. Делаю, как всегда, газеты.

— И какую?

— Городскую!

— А я тебе зачем понадобился? — почему-то Дубравин догадался, что Панцырев просто так звонить не будет. — Колись!

— Да я тут обнаружил в одном месте твою заметку на тему “Почему мы такие недружные?” Ну, и понравилась она мне.

— Понравилась, так понравилась, — заметил польщённый Дубравин. И не преминул похвастаться:

— У меня их много!

— Я хочу её поставить у себя! В газете! Разрешешь?

— Бога ради. Я буду только рад. Можешь и другие ставить. Бери, брат. Пользуйся!

— А как с гонораром?

— Оставь себе!

Поговорили. Душевно так. Как-никак, им было что вспомнить.

И, видно, действительно панцыревское старание увенчалось успехом. Через некоторое время получил Дубравин письмо в аккуратно запечатанном конвертике со штемпелем. И письмо это было не от абы кого, а от самого Василия Белова. Того самого — из когорты великих русских писателей, представителя так называемой деревенской прозы. Открыл его Дубравин и не просто обрадовался — можно сказать, возликовал. Потому что Василий Иванович его искренне поддержал:

“Здравствуйте, Александр Алексеевич!

Пишет, быть может, известный Вам прозаик Белов В. И.

Не знаю, имею ли я право обращаться к Вам напрямую, без всяких посредников. Мне кажется, имею. Но кто знает. В любом случае сообщаю, что Ваш адрес я получил через моего друга Александра Цыганова у известного Вам В. Панцырева. Они же снабдили меня газетой с Вашей статьёй “Почему мы такие недружные?”

Я весьма был обрадован этой статьёй и буду рад познакомиться с Вами поближе.

Дело в том, что я готов подписаться под каждой строкой Вашего материала...”

Дубравин читал письмо, и волна радости постепенно поднималась в его душе: “Значит, прав я. Значит, веду правильную линию, если такой человек нашёл меня, не поленился. Написал ободряющее письмо”.

“...Александр Алексеевич, я, как бывший депутат, целиком на Вашей стороне и готов дать Вам любой совет, поскольку вы хотите прыгнуть в космическую бездну, которая называется политикой! Позвольте дать только один совет: не спешите, не раскрывайте свои карты до тех пор, пока не получите пропуск в Думу. Игра опасна, будьте бдительны. В этой игре жизнь подвергается опасности. Я знаю это по своему опыту. Да и сами Вы знаете, сколько так называемых народных избранников отправлены на тот свет.

В этой игре присутствует всё: обман, подкуп, угрозы, как говорит поэт, “кинжал и яд”.

Дубравин прочитал письмо до конца, особенно задумавшись над последней частью, в которой Василий Иванович спрашивал, чем бы он мог ему помочь.

“Эх, Василий Иванович, товарищ Белов, кабы я знал, что ждёт впереди, тогда бы и попросил помощи. А тут один туман. И никакого просвета. Но надо отписать ему, рассказать о своих делах. О русском вопросе”.

Дубравин отложил письмо прозаика в отдельную стопку с надписью: “В работу”. И принялся читать другие вести.

Вечером в самом большом кабинете издательского дома собрался выборный штаб. Дубравин окинул взглядом своих соратников.

Начальник штаба — надёжный, как кремень, Серега Чернозёмов. Сидит, возвышается незыблемой скалой.

За ним — консультант штаба, специалист по взаимодействию с органами власти Юрий Зарубский. По образованию он психолог. Его взгляд из-под очков сосредоточен, а интеллигентская борода аккуратно подстрижена. В руках папочка. Серая.

Рядом — упёртый знаток наших зыбких и одновременно незыблемых законов юрист Уриварт. Он, несмотря ни на что, верит в то, во что абсолютно не верит сам Дубравин. Считает, что с помощью закона или суда можно чего-то добиться от власти имущих.

Строго по центру расположился главный бухгалтер — “финансовый гений” товарищ Петков — небольшой человек с морщинистым и простым лицом. В поношенном костюме, но совсем не бедный.

Напротив него восседает огромная улыбочивая женщина с настоящими русскими формами — мадам Булкина. Она занимается планированием пиар-акций, созданием сетевых графиков.

Почётное место на другом конце стола занимает начальник службы безопасности, крепкий молодой человек по имени Александр. Его псевдоним “Бес” — сокращение от фамилии.

В конце стола расположилась группа борзописцев.

В уголке, чтобы особо не светиться, пристроилась миловидная и слегка запыленная Марина Сорокаумова. Она, как все действующие депутаты, сидит тихо.

Вёл заседание Чернозёмов. Вопросов много. А времени, как всегда, мало.

— Первый вопрос, — сказал он. — Противники нашего кандидата. Сильные и слабые стороны. Докладчик Юрий Зарубский.

Консультант достал из папочки стопочку разноцветных листочков и разложил их на столе.

— Ну, что можно сказать о ваших противниках на этих выборах? Их пока шестеро. Наиболее сильный из них — Людмила Ивановна Бойкова. Она политик известный. Её роль — такой народный заступник, трибун. Два срока является депутатом городской Думы. Один из руководителей оппозиции нынешнему главе города. Выиграла суд у мэрии по возврату населению средств с коммунальных платежей, увеличенных в марте месяце. Вообще, она человек конфликтный. Сильные стороны: публичность, крепкий характер. Слабые: скандалистка, склочный человек.

Второй претендент — фермер-специзовец, Некто Степан Бубликов. Такой связанный с властями фермер. В одной руке винтовка, в другой плуг... Он имеет хорошие связи в верхах. Легендарная личность.

— Пожалуйста, огласите весь список! — попросил Чернозёмов.

Кабинет оживился. Все засмеялись.

— Пожалуйста! — ответил крупный специалист. И зачитал список, стараясь коротко охарактеризовать людей. — Женщина-вамп, хозяйка большого магазина сантехники, претенциозно названного “Империя дома” или что-то в этом роде. Герой России. Ещё один специзовец. Главный врач одной больницы. Преподаватель мединститута — судя по всему, технический кандидат.

Он взял паузу. Поднял ещё один листочек:

— Но есть и серьёзный человек. Коммунист старой закалки. Некто Сипунин. Этот из “бывших”. Они у нас ещё не вывелись до конца.

В разговор влетела Сорокаумова:

— Даже сами коммунисты долго сомневались, стоит ли его выдвигать. Он два срока отсидел. И ничего не делал.

— Я думаю, в ближайшее время мы получим ещё немало желающих влиться в ряды депутатов, — заметил Зарубский. — Список пока не закрыт. Готовятся “грушовцы”, “Союз мощных сил”. Может вылезти на сцену и кое-кто из бывшей администрации.

— Переходим ко второму вопросу повестки дня, — поторопил всех начальник штаба. — Газеты — это, конечно, прекрасно. Но сегодняшние вы-

боры без телевизора не проходят. Нужно, чтобы наш кандидат светился на экране.

— А как это сделать? — заметила начальник службы медиапланирования госпожа Булкина. — У нас ведь нет никаких специалистов в области телевидения. Ни операторов, ни режиссёров.

— Будем делать сами! — самонадеянно ответил Дубравин.

— У меня есть ещё одно интересное предложение, — вступил в диалог Бес. — Тут нашему кандидату надо бы, как и другим, стать покровителем и спонсором какого-либо спортивного общества и учредить боевой турнир, на котором, собственно говоря, и выступить.

Я знаю такую организацию. У нас тут образовалось общество традиционного каратэ “Фудокай”, что значит “прямой путь”. И оно очень даже неплохо себя проявляет. Хотелось бы, чтобы наш кандидат его поддержал.

— Рассмотрим этот вопрос! — смело заметил Чернозёмов. И добавил:

— Хотелось бы перейти к следующей теме нашего совещания. Это анализ исследований и опросов, проведённых независимой фирмой относительно предпочтений и известности нашего кандидата.

— Подожди! — заспорил юрист. — Есть тут ещё один очень острый вопрос, и по нему надо тоже посоветоваться. Он касается доверенных лиц нашего кандидата...

— А у меня вот отчёт по цветовому тесту. Мы провели опрос среди населения. И сделали анализ того, с какими цветами ассоциируются разные кандидаты в депутаты! — вклинилась Булкина.

— Ну, и с какими цветами ассоциируюсь я? — поинтересовался Дубравин.

— Вы — с синим! Это цвет надёжности, — заметила она. — А вот Бойкова — с красным.

Тут в кабинете поднялся гвалт.

— У меня важный вопрос! — завопил Петков. — Вот письмо от администрации Семипольского района.

— В чём проблема? — спросил Чернозёмов.

— Они просят.

— Что просят?

— Зачитываю: “В ночь с шестого на седьмое ноября в районном Доме культуры произошла крупная кража. Утрачена часть звуковоспроизводящей аппаратуры. И весь банк музыкальных записей...”

— Короче, Склифосовский!

— Просят десять тысяч материальной помощи.

— Так бы сразу и сказал, — заметил Дубравин. — Дадим!

— Так, что ещё?

— Нам надо утвердить список доверенных лиц кандидата.

— И смету надо утвердить! — заметил главный финансист штаба Петков. — Я не могу просто выдавать деньги на разные мероприятия. Вы же потом с меня спросите. Почему, мол, давал. Смета — это очень важное дело.

— Стойте! Я зачитаю вам письмо от Союза писателей России, они тоже поддерживают Александра Алексеевича. Вот оно, — влезла Сорокаумова.

...Решая все эти вопросы, штабисты просидели до глубокой ночи.

На следующий день Чернозёмов пришел к Дубравину с хитрой улыбкой на лице.

— Вот, Александр Алексеевич, я привёл к вам известного знатока русского языка профессора Ершова.

Дубравин, естественно, удивился. Косноязычием вроде не страдает. А тут ему предлагают научиться говорить. Что ж, пусть будет так.

И старый профессор не замедлил явиться. Галстучек селёдкой. Седой ёжик волос. Палочка. Хромает. Но человек юркий, пронырливый и свою работу, судя по всему, знающий:

— Нам надо научиться трём вещам, — сказал он, поставив костылик в угол и присев на стул. — Первое: говорить короткие речи, занимающие не более одной минуты.

Второе: доступно и ясно излагать свою программу. Причём излагать её надо ровно за двадцать минут. На большее время вы не рассчитывайте.

И третье важное дело. У вас будут встречи с народом, на которых придётся отвечать на вопросы. Причём вопросы могут быть самые разные. В том числе и провокационные. Отвечать надо будет быстро. Поэтому, я думаю, мы проведём с вами несколько занятий по разной тематике...

Дубравин был весьма заинтересован и заинтригован. Он вспомнил своих университетских преподавателей русского языка. Оба были личностями. Фамилия одного была Нелисов, другого — Барчунов.

“Спасибо вам”, — подумал он об этих абсолютно разных людях, попивших, честно говоря, немало его кровушки. Теперь их уроки пригодились. В таком вот неожиданном деле.

Глядя на задумавшегося Дубравина, профессор Ершов заметил:

— Вы не бойтесь, я учил говорить даже такого тупого парня, как Андрей Серов. Правда, повозиться с ним пришлось немало. Ох, как немало! — и старый профессор с редкой бородёнкой тяжело вздохнул.

— Кроме того, я оставляю вам свою книгу. Вы её на досуге почитайте, — он протянул Дубравину книгу под названием “Русское общественное поведение”.

Александр пролистал её. Она была посвящена общению русских людей.

— Ну, давайте попробуем! — начал Ершов. — Формулировать надо в короткой — именно в короткой, как выстрел, — форме некоторые основные мысли из вашей программы. Кстати говоря, у многих так и остался синдром красных и белых. И многие продолжают делить на них сограждан. Вот вы за кого? За красных или за белых? Отвечайте!

— Я не за белых и не за красных. Я за русских! — отчеканил Дубравин.

— Отлично! — удивлённо поднял седые брови профессор. — А кто такие русские?

— Русский — тот, кто считает себя русским! Воспитан в нашей культуре. Работает для России. И, желательно, православный.

— Ну, может быть. Хотя бывает, что русских начинают делить с другими народами по крови, — поморщился профессор.

— У нас столько всего намешано! — вступил в полемику Александр. — Сам чёрт ногу сломаёт, если начать разбираться. Поэтому я русских отличаю не по крови, а по духу...

— Это, наверно, правильно! — согласился Ершов. — Так, теперь вам надо чётко представить, чем вы лучше других кандидатов.

— Ну, я грамотнее, образованнее...

— Нет, так не пойдёт. Вы должны бить не в бровь, а в глаз. Вот, например, вас спрашивают о них. А вы должны им резко и чётко дать характеристику. И такую, которая бы сразу прилипла. Давайте попробуем. Как, например, можно охарактеризовать Сушкова?

— Ну, не очень порядочный предприниматель. Его инвестиционная компания многим не платит. Деньги собрала, а отдачи нет...

— Нет, нет, нет! — энергично запротестовал преподаватель. — Длинно и не запоминается. Надо так: “Сушков — это Чувайс и его люди”! Такая ассоциация его сразу убьёт.

— А та женщина с её магазином?

— Торговка унитазами!

— Ну, вы даёте! — восхитился Александр. — А коммунист?

— Просидел в Думе пятнадцать лет. Ничего для области не сделал, — поставил точку над “i” профессор. И добавил:

— Теперь попробуйте вы. Как бы вы охарактеризовали кандидата от партии власти? Бывшего главу правительства.

— Не знаю! — развёл руками Дубравин.

— Ладно, вы его действительно не знаете. Но я вам бесплатно дарю его характеристику. При нём область перестала платить детские пособия. Долг — пятьсот шестьдесят миллионов рублей.

— А вот что делать с героем России, который вместе со мною идёт?

— Контуженный человек. Одно дело — стрелять. И совсем другое — законы формулировать! — отчеканил профессор. И добавил:

— Ну, ладно, на сегодня хватит. Встретимся завтра. И попробуем тезисно изложить вашу программу. Вам надо себя позиционировать, как личность независимую, самодостаточную, самостоятельную. Что-то вроде человека, который сам себя создал. Сильного, надёжного, уверенного в правоте своего дела.

На следующий день профессор предъявил ему огромный список возможных вопросов к кандидату. Судя по всему, он их готовил не один, а подключил к работе целую команду. Когда Дубравин на них глянул, у него прямо-таки засосало под ложечкой. Тут было всё, что изощрённый ум способен выдумать, дабы посадить в лужу человека:

“1. Как вы относитесь к Ельцину? 2. Считаете ли вы Россию демократическим государством? 3. Последнее время все бизнесмены стремятся стать депутатами. На самом деле они просто хотят проворачивать через органы власти свои бизнес-планы. Вы тоже собираетесь в Думу, чтобы добиться привилегий для своего бизнеса? 4. За кого вы голосовали на выборах президента? 5. Почему у нас зимой в домах всегда холодно? Часто нет света, воды. А платим за всё исправно. Как решить проблему ЖКХ? 6. Считаете ли вы Россию цивилизованным государством? 7. Почему у нас так много аварий самолётов, вертолётов, подводных лодок? 8. Вы считаете, что богатые россияне должны вкладывать деньги в российскую промышленность. Почему же вы тогда ездите на иномарке, а не на отечественном автомобиле? 9. Вы были в больнице и делали богатые подарки врачам. Разве этим вы не способствуете коррупции? 10. Почему летом в городе всегда нет горячей воды? В других странах мира такого нет. 11. Как вы относитесь к Чувайсу? 12. Надо ли сегодня пересматривать результаты приватизации? 13. Можно ли искоренить в России пьянство? Как это сделать? 14. Сколько вы зарабатываете? 15. Могут ли все в стране жить богато?”

И так до бесконечности.

Апофеозом деятельности Ершова стало неожиданное предложение:

— Вам надо сменить внешность. На более интеллигентную, что ли.

Действительно, Дубравин — русский богатырь, по мнению Ершова, и выглядит несколько грубовато. Он продолжил:

— Я думаю, вам обязательно надо носить на выступлениях перед народом очки. И отпустить бородку.

И он тут же с ловкостью фокусника продемонстрировал портреты Александра с разными подрисованными типами бород.

Дубравин глянул на себя. И не узнал. На него смотрело широкое лицо этакого среднерусского интеллигента в изгнании.

“Господи! — подумал он. — Так ради выборов они превратят меня чёрт знает во что! А ведь я — это я. Зачем себя уродовать? Рядиться клоуном. И только для того, чтобы понравиться электорату?!”

Поэтому он сходу отверг это предложение профессора. И решил обойтись без бороды. А вот идею с очками поприветствовал, посчитав, что они придадут его грубому мужскому, начавшему уже округляться лицу некую долю интеллигентности и шарма.

...Очки подбирали долго. Его консультанты сразу отвергли оправы хороших зарубежных марок с тоненькой позолоченной дужкой. Посчитали, что наше бедноватое население они будут только раздражать. Выбрали в простой роговой коричневой оправе. Такие, как носят рядовые учителя, бухгалтеры, менеджеры...

14

На сцену маленького захудалого сельского клуба поднялся глава поселения Николай Болгов. Он был одет в тёплую куртку и войлочные ботинки. Только лысина голая. В помещении, где стоят рядами несколько десятков старых, потёртых рыжих кресел, давно не топят. И народ, собравшийся на

встречу с “депутатом”, тоже хорошо утеплён. Сидят бабушки, дедушки, молодухи и прочие селяне в пальто и полушубках, валенках и сапогах.

Поздняя осень. Урожай убран. Заготовки сделаны. Так почему же не пойти в клуб, не послушать заезжих агитаторов? Тем более что потом обещали концерт.

— Дорогие товарищи! — начал свою речь хороший мужик Николай Болгов. — Скоро выборы в Государственную думу. И мы должны выбрать туда самых достойных. Тех, кто сможет представлять наши интересы. Сегодня к нам приехал главный редактор нашего самого популярного издания — газеты “Наше” — товарищ Дубравин!

При этих словах Дубравин приподнялся из своего кресла в первом ряду и показался народу. Попутно оглядел зал. Простые русские лица. Сельские труженики. Такие же, как его родители, брат, оставшиеся в Жемчужном одноклассники. Как и он сам.

— Родился он в Казахстане, закончил университет в Алма-Ате. Потом работал в газетах, журналах... Теперь переехал жить в наш регион...

Дубравин как-то отстранённо, как будто говорили не о нём, слушал свою биографию в пересказе главы и постепенно “разгорался”, набирал обороты. Как ни странно, ему нравилось выступать перед людьми. И он чувствовал то самое волнение перед выходом на сцену, которое ощущают артисты. То, что называется теперь современным словом “драйв”. А раньше было вдохновением, полётом, порывом...

Наконец, объявили и его.

Александр энергично — “соколом” — взлетел на сцену.

И начал говорить. Речь его давно готова. Опробована. И отрепетирована. Он только по ходу дела адаптировал её к аудитории. Одновременно он искал взглядом в зале подходящего человека. Человека, который активно реагирует на его слова. Нашёл. Это пожилая круглолицая женщина в меховой шапке — по виду учительница. Теперь его задача — убедить её. Заставить поверить. Поверит один — поверят все.

— Что нужно молодой семье для того, чтобы в соответствии с Божественной волей “плодиться и размножаться”? — спросил он зал. Посмотрел на реакцию. И бросил:

— Жильё! Крыша над головой! В первую очередь, свой угол. Но кто сегодня может вам его гарантировать? Никто! Его можно только купить. Но как купить? Как накопить при нынешних ценах и зарплатах? Не знаете? А я знаю! Есть такое слово — “ипотека”. Это когда можно взять кредит в банке и купить квартиру сегодня, а деньги отдавать десять-двадцать лет. Потом! На Западе так делают много лет.

И, судя по тому, как заинтересованно люди начали смотреть на него, а потом и одобрительно кивать в такт его словам, Дубравин понял, что попал в точку. Туда, где лежат их чаяния и нужды.

Он продолжал всё смелее и увереннее говорить о наболевшем. И его понимали. Потому, что все пять пунктов его программы направлены на одно. На выживание этого близкого ему, родного по крови и духу простого народа.

Проводили его бурными аплодисментами.

Он вернулся на своё место. А на сцене уже появился приглашённый ансамбль казачьей песни. Женщины в цветастых кофтах, длинных юбках, лентах, монистах. Мужчины — в фуражках, зелёных гимнастёрках, шароварах с альмами лампасами, в сапогах. С баянами, бубнами, балалайками в руках. Всего шесть человек. А зажгли на славу. И, судя по тому, как оживился, задвигался народ в зале, тоже заделали за живое.

*Встретила хозяйка молодая,
Как встречает родного жена,
В горницу любезно приглашала,
Ласково смотрела на меня.
В горницу любезно приглашала,
Наливала терпкого вина...*

*...Так и не доехал я до дому,
Затерялся где-то вдалеке.
Что же делать парню молодому,
Коль прилась девчонка по душе?
Что же делать парню молодому,
Коль прилась девчонка по душе?*

Пора уезжать. Он своё дело сделал. Но отъезд — это тоже ритуал.

На выходе его обычно встречали несколько человек. С “челобитными” и жалобами. Так как в России достучаться до властей в обычное время почти невозможно, люди пытаются прорваться именно в дни выборной кампании. Рассуждают так: “Теперь-то мы им нужны. Голоса наши. Пусть помогают”.

Вот и сейчас люди подходили, благодарили и, конечно, изливали свои проблемы, беды и несчастья. Он ручкался, согласно кивал, выслушивал, кого-то сразу отправлял к помощникам, что крутились здесь же.

Но вера наших людей в заезжего барина так велика и несокрушима, что иногда попадались и клинические случаи.

Вот какая-то тётка в вязаной кофте и с высоченной причёской прорвалась к нему.

— Я вот о чём вас хотела попросить, — проговорив льстивое предисловие о том, какой он хороший, с ходу взяла быка за рога просительница. — Моя дочка, Светочка, взяла в банке кредит на сорок тысяч рублей. Дитя неразумное. А теперь надо его отдавать. Может, вы нам поможете?

— В чём? — недоумённо спросил Дубравин. — Я не банкир, повлиять на ситуацию не могу...

— Ну, отдать кредит!

— Как? — продолжал удивляться он.

Она посмотрела на него, как на слегка ненормального.

— Дайте нам денег. А мы его заплатим!

Дубравин опешил. Главное правило, которому его обучали специалисты-консультанты — никогда не говорить “нет” и всегда всё всем обещать. Но здесь он его нарушил.

— Знаете, я не имею такой возможности! — заявил он.

Уже через минуту его старая “Волга” снова отправилась в плавание по просёлочным дорогам. Поскрипывая на ходу металлических косточками, этот рыдван, специально реанимированный умельцами для выборов, успешно преодолевал ямы и гигантские лужи.

По дороге к следующей точке Дубравин изучал график встреч в этом районе.

Сегодня у него их пять.

“Так! — начал он. — Детский сад № 162, руководитель — Валентина Александровна. Примечание в скобках: “Знает вас по статьям, лояльна”. Средняя школа в Урловке. В скобках: “Село в 1078 дворов”. Медицинский пункт...”

Едва они повернули в сторону крупного населённого пункта, в котором, согласно графику, значилось 623 двора, как у него в кармане раздалась трель сотового. Из него послышался испуганный голос Марины Сорокаумовой:

— Ксан Ксеич! Тут такое дело! Ну, прямо никудышное дело. Всё пропало.

— Какое дело? Ты меня, Марина, не пугай! У меня сейчас тяжёлое время. Встречи...

— Какой тут пугать! Губернатор Кулик вчера на встрече со школой милиции объявил, что “независимым кандидатом” от партии власти теперь пойдёт господин Сосук.

— Как Сосук? Он же обещал поддержку нам!

— Да, вот так!

— Он же офицер! И своё слово не держит! И этот Сосук, он же из бывших. Не из его команды, а из врагов...

Дубравин в своё время не раз общался с советскими функционерами. Те если говорили и обещали, то выполняли. “Видно, измелывал совсем народ!”

— Да, не держит. Но туда огромные деньги вложены! За спиной Сосука стоит наш самый главный олигарх. Миллиардер.

- Тот, с которым мы тогда встречались? Обедали?
- Ну, да.
- Так он, значит, всё-таки решил двигать своего человека?
- Да, видно так. Теперь у нас будет море проблем. Против нас бросят весь административный ресурс.

Дубравин вспомнил профессора Ершова, который говорил ему, чем прославился этот бывший. Вспомнил и самого соперника. Маленького кругленького человечка с розовым пухлым личиком. Подумал: “Да, этот всем удобен. И на всё готов. “Чего изволите-сь?” Трудно нам придётся!”

Он и не представлял, насколько трудно. Уже на следующий день в селе, куда Дубравин приехал со своей командой, его ждал большой и неприятный облом. Местный дом культуры встретил его ржавым замком на двери. Сам глава этого поселения, ещё вчера обещавший всемерную поддержку, спрятался с глаз долой. Телефон его не отвечал.

Они поехали дальше. Ведь несмотря на поступившие свыше указания не допускать его до общения с народом, закрыть школы, детские сады, поликлиники, предприятия, нашлись люди, посмеявшие его поддержать.

Тот же председатель Николай Болгов, когда его спрашивали, почему он не отступился от этого чужака, приезжего, отвечал: “Этот парень — не то, что наши вахлаки, которые два слова связать не могут. Он знает, что говорит. И говорит по делу!”

Но, как известно, сила солому ломит.

Они не сдавались. Теперь приходилось выходить прямо на улицу. Агитировать во дворах.

Вообще, выборная кампания, так же как и войсковая операция, имеет свои правила. На войне позиции противника сначала утюжит авиация, потом артиллерия. И лишь после этого на них идут танки и пехота. На выборах первым должно отработать телевидение, затем газеты и наглядная агитация. И только потом выдвигаются вперёд агитаторы, идёт на встречи сам кандидат. Те же, кто не имеет поддержки властей, не могут рассчитывать на помощь со стороны телевидения и газет, принадлежащих администрации.

И сейчас, образно говоря, они идут в атаку сразу. С голыми руками. Вот и Дубравину теперь надо “бросаться на амбразуру”.

Дубравин и его команда подъехали во двор. Вышли из машины. Кандидат остановил какую-то женщину с коляской. И произнёс:

— Я, Александр Дубравин, кандидат в депутаты. Хочу рассказать вам о своей программе.

Кто-то по-быстрому ушёл. Кто-то отмахнулся от него, как от назойливой мухи.

Но главное — не бояться! Говорить. Сначала подошёл один. Потом другой. И образовалась маленькая толпа. Как и всякая толпа, она подвержена сиюминутным настроениям. И обычно агрессивна.

Через пару минут её недоверие сменилось всевозрастающим интересом, и она начала слушать этого чудака, рассказывающего такие удивительные и загадочные вещи:

— А теперь я расскажу вам, как реформу ЖКХ проводят умные люди. В частности, как над ними работали в Казахстане, при премьерке Кажегельдине. Там были такие же проблемы, что и у нас. Они начали с того, что решили — реформы должны быть выгодны людям. И установили счётчики на воду, на отопление. И если по нормативам выходило, что надо платить за пятьдесят кубов воды, то по счётчику оказывалось в три раза меньше...

Сегодня всё, кажется, идёт нормально. Люди слушают.

Пока в толпу не влезла тощая, с явными признаками потасканности и пьянства на лице истеричка. Дубравин знает, что есть и такие типажи, которым неважно, что ты говоришь и кто ты. Им нужно выплеснуть агрессию. Покричать. Самоутвердиться. Подтверждая его опасения, косматая фигура вылетела вперёд и начала орать:

— Вот он, гад, депутат-кровопийца! Пришёл, когда ему понадобились наши голоса! Чтобы, значит, голосовали за него. А у нас уже много лет течёт крыша! Куда я только не обращалась... И к нему тоже...

Главное сейчас — не дать перебить себя. И он, не останавливаясь ни на секунду, продолжал гнуть своё:

— Реформы проводить надо. Но проводить с умом. То же касается и крыш. Они текут потому, что когда-то, ещё во времена коммунистов и Никиты Хрущёва, в целях экономии денежных средств вместо нормальных покатых крыш стали делать плоские. И заклеивать их битумом. Вот теперь половина вашего посёлка и страдает от этого. Надо не только чинить крыши, но и принять закон о том, чтобы строить нормальные дома...

Он никак не мог закончить свою речь, рассказать до конца программу, потому что безумная тётка с перекошенным ртом продолжала орать что-то своё, не давая народу сосредоточиться на его словах.

В этот момент сбоку из толпы вышел такой представительный, крепенький, импозантный старичок, судя по выправке — военный пенсионер.

Дубравин подумал: “Ну все, кранты. Вдвоём они уже точно сорвут мне выступление, не дадут договорить. Придётся уходить несолоно хлебавши”.

Но старичок-боровичок нахмурил брови, а потом командирским голосом цыкнул на фурию:

— А ну молчать! Что вы вызверились на парня?! Он ещё даже никакой не депутат, а только кандидат. И за дела нынешней власти не отвечает... К тому же дело говорит. Его надо послушать! А вы тут устроили базар!

Женщина осеклась. И тихо-тихо, что-то бормоча себе под нос, растворилась в толпе.

Дубравин внимательно посмотрел на впереди стоящих и, наконец, увидел знакомые лица молодых людей. Сегодня их было трое — два парня и девушка. Они якобы внимательно слушали его речь. Но он знал, что это подоспела его охрана. Ребята из секции каратэ. Так что если снова появятся желающие сорвать его встречу, то они вмешаются. Успокоят.

А по окончании встречи, когда народ начнёт напирать, выкладывать свои проблемы и жалобы, помогут ему растащить толпу. Примут на себя, замкнут весь негатив.

Он знал, что позади него есть резерв на непредвиденный случай. Личный телохранитель.

В общем, если работать командой, то можно справиться и с этой митинговой, уличной стихией.

И так несколько раз в день. К вечеру, когда психологическая нагрузка на грани нервного срыва спадает и “гастроли” заканчиваются, он, чтобы сбить напряжение, выпивал бутылку красного вина и заедал стресс целой варёной курицей.

Чем дальше продвигалась кампания, тем яснее становилось, что административная машина не даст им победить. Но он не останавливался. Понимал, что биться всегда надо до конца. Каким бы он не был.

В какой-то момент власть не выдержала. Сорвалась. Чтобы запугать его агитаторов, менты схватили двоих. Вывезли их ночью в зимний лес. Отобрали шапки, рукавицы, тёплые вещи. И оставили там. На морозе.

В ответ Дубравин написал и опубликовал в газетах заметку под сакральным названием: “Звериный оскал власти!”

15

Зима в России всегда приходит неожиданной. Вот и в этом году уже в начале декабря “почему-то” выпал снег. А к Рождеству замело и поля, и леса, и деревню, которую Александр Дубравин выбрал на жительство.

Окончательно поселиться в ней ему пока не удалось. Дела в городе не позволяли. Но приехать на выходные он сюда уже мог.

Процесс укоренения он начал со строительства бани. Точнее, гостевого двухэтажного домика, в который органично вписалась и русская баня с бассейном.

Получилось хорошо. Топится баня исключительно дровами. Изнутри обшита хорошим липовым лесом. И от этого пар в ней лёгкий, а климат — мягкий.

Отдыхает в такой бане человек и душой, и телом.

Вот и Дубравин, попарившись вчера с дубовым веничком, сегодня отправился на деревенский праздник, который сам же и предложил устроить.

Народ решили собрать в колхозной конторе. Колхоза, правда, давно уже не было. А вот здание правления осталось. К нему-то по заснеженной улице и подтягивался здешний немногочисленный люд. Шли бабульки и дедульки, а также женщины среднего возраста, одетые в тяжёлые ватные пальто и шубы, замотанные в шали, обутые в валенки и бурки.

Одежда, от которой давно ушла городская мода, но никогда не откажется русская деревня.

Все они собирались в жарко натопленном по такому случаю одноэтажном здании. Снимали с себя ватные и меховые доспехи. Переговаривались, присаживались в уголках.

В большой комнате, где, судя по всему, когда-то заседало правление колхоза, накрыли вдоль стены длинный стол. За ним могло уместиться десятка три человек. А на столе было всё то, что заготовлено на длинную русскую зиму. Картоха толчёная, огурчики солёные, помидоры, квашеная капуста, мочёные яблоки. Копчёное и солёное бело-розовое сало... Да мало ли что ещё хранится в закромах родины! Не в каких-то мифических, выдуманных штатными пропагандистами закромах, а в настоящих, деревенских.

Заправляла хозяйством Сорокаумова. Она хоть и депутат, а селянам люба за готовность посидеть и выпить с народом.

Местные для этого действия доставили припасы. А городские — “огненную воду”.

Ящик стоял в уголке, дожидался своего часа.

Серёга Чернозёмов тоже расстарался. Пригласил на торжество не абы кого, а первого парня на деревне — гармониста.

Самая бойкая здесь — это староста Валентина Михайловна, для своих — баба Валя. Она была уже готова подать сигнал к началу. Тем более что прибывающие живо интересовались:

— Баб Валь! А что мы здесь сегодня собрались? По какому такому случаю в столь суровую зимнюю пору мы выбрались из тёплых домов?

Дубравин понимал, что люди толком и не знали о Рождестве. Среди поселян было немало воспитанных советской властью закоренелых безбожников. Так что следовало чрезвычайно аккуратно произносить тосты, чтобы не показаться бывшим советским, а ныне российским гражданам странным и диковатым. Поэтому он поднял гранёную старинную рюмку с водкой перед собой и произнёс приличествующую случаю, но не совсем канонически выдержанную речь.

— Господа-товарищи! Две тысячи лет тому назад в малом городе Назарете родился такой парень по имени Иисус. Он вырос, возмужал. И когда-то произнёс самые главные в мире слова: “Возлюбите ближних своих, как самих себя!” Так началась новая эра в истории этого мира. С тех самых пор христианский мир празднует день рождения того парня, Иисуса Христа. Который не только на словах, но и на деле пострадал за всех нас. Отдал свою жизнь. Так давайте же сегодня вспомним его! И дружно выпьем за праздник Рождества Христова!

Народ дружно сдвинул стаканы.

И деревенская гулянка пошла, покатила своей дорожкой.

Гармонист, раскрасневшийся от водки и сала с картохой, растянул меха. И, как заведено из века в век, народ дружно грянул:

*Ой, мороз, мороз,
Не морозь меня,
Не морозь меня, моего коня,
Моего коня, белогривого,
У меня жена, ох, ревнивая.
У меня жена, ох, красавица.
Ждёт меня домой, ждёт, печалится.*

Дубравин пел со всеми. И если раньше, в столице, ему, воспитанному на “Битлз” и “Скорпионз”, казались чуждыми родные напевы, то сейчас они были в самый раз. В этих краях, где воеет пурга и метут метели, такая песня звучала не только естественно и красиво. Она была нужна и очень даже правильна. Потому что отражала чаяния, суть и душу народа, затерянного на гигантском вымерзшем пространстве.

Затем гармонист грянул плясовую. И пошла гулять губерния!

Дубравин вышел на улицу. Унять хмель. Проветриться.

За окном шумели люди. А здесь не видно не зги. Тишина. И ведь лет сто тому назад было Луговое цветущим краем. В летописи оно впервые упомянуто вообще четыреста лет назад. Тогда на берега прекрасной, чистой реки пришли сюда в дикое поле русские переселенцы. Отстроили богатое поселение с большой церковью, избами, лабазами, промыслами. А вот теперь от него осталась умирающая, как и тысячи других, деревенька. Грустно.

Мороз-воевода шарил ледяными руками, забирался под свитер, хватал за коленки. Небо мерцало мириадами звёзд. “Неужели ничего нельзя сделать? Неужели вот так обречены влачить жалкое существование наши деревни и села?”

Дубравин давно понял для себя — в жизни нет ничего более практичного, чем хорошая философия. И вот сегодня, раз выпал такой денёк, Александр задумался: “И что ж у нас в России жизнь такая неустроенная? Всё-то у нас сикось-накось. Или с помощью авось и небось. Отчего? Наверное, оттого, что у людей нет ясности в уме, в душе. Нет покоя! А откуда ему взяться, коли всё вокруг кипит, пенится, корёжится и ломается. Она, душа, по-настоящему может успокоиться только тогда, когда приходит в неё вера. Только с нею ничего не страшно. Ибо есть Бог. И он обязательно управит, утрясёт всё, как надо”.

Взгляд Дубравина привычно наткнулся на силуэт стоящей посередине села, на пригорке, разорённой церкви. И сердце, как всегда, царапнул вид покосившегося креста на колокольне, заросшей кустарником крыши.

“Так не бывать же этому! — немного выпренно под действием алкоголя подумал он. — Жизнь здешняя угасает по одной простой причине. Народ утратил веру, перестал жить по заповедям Христовым. А чтобы вернуть её людям, надо восстановить хотя бы храм. Не причитать, не хныкать, а взяться за восстановление церкви”.

И так легко ему стало после этого решения, что он даже рассмеялся во всё горло. И раскатистый его смех долго ещё звучал во мраке и темноте зимней ночи.

Дубравин вернулся обратно в здание. Там уже шёл пир горой. И приободрившийся народ гремел, как в старые добрые советские времена, песни о первой любви.

Он аккуратно подсел к старостихе бабе Вале. Налил ей и себе по рюмочке. Они чокнулись. Выпили. И Дубравин, кашлянув, завёл такую речь:

— Валентина Михайловна, а я вот что надумал. Будем церковь восстанавливать!

Та глянула на него снизу вверх удивлёнными синими глазами, поставила на стол натруженными пальцами тяжёленький стаканчик и заметила:

— Наверное, лучше было бы газ провести.

Но Дубравин твёрдо сказал, как отрезал:

— Будет церковь — будет и газ!

А сам подумал: “Не зря же наши путешественники при освоении нового места первым делом ставили на холме церковь. От неё всё и начиналось”.

Через пару дней о своей задумке он решил поведать соратникам. Как ни странно, Чернозёмов задал ему сакраментальный, идущий из глубины народной души вопрос:

— А почему мы должны восстанавливать? Мы же её не разрушали!

На что Дубравин, может быть, не совсем понятно для окружающих, но вполне убедительно для себя ответил:

— Так уж получается. Не мы разрушали. А восстанавливать порушенное придётся нам. Как говорится, отцы и деды ели кислую ягоду, а у сыновей на зубах оскомина. Видно, доля наша такая.

На том и остановились. Взяли в деревне ключи. И поехали осматривать доставшееся хозяйство.

Ржавые ворота храма, оказавшиеся металлическими, они отворили с трудом. Открывшееся зрелище, с одной стороны, расстроило их, а с другой — обнадежило.

Всё просторное помещение на полметра было завалено помётом облюбовавших храм местных голубей.

В алтаре стояла насквозь проржавевшая веялка с транспортёром. Судя по всему, в храме когда-то был зерносклад. Он то и стал для “птицы мира” столом, домом и...

Исследователи переобулись в резиновые сапоги и принялись за дело.

— По царскому указу, кажется, Николая I, в каждом селении, где проживало более тысячи человек, строили вот такой типовой храм, — заметил Чернозёмов.

— Значит, в Луговом проживало столько народа? — удивился Дубравин. — Да, постарались большевики.

Они открыли внутренние дверцы и прошли в притвор — небольшую комнатку, в которой, судя по всему, была конторка учёчика. Там на полке валялись пропитавшиеся пылью какие-то бумаги. Чернозёмов поднял их. Сдул пыль и открыл бухгалтерский журнал с записями.

— Знаешь, как назывался колхоз, который здесь был? — спросил он.

— Как?

— “Весёлая жизнь!”

И они захохотали, как сумасшедшие.

— Смотри, амбарная книга!

А в книге были записи о том, сколько колхозники сдали натурального налога.

Чернозёмов читал:

— “Щербаков — сто штук яиц, два ведра сметаны, десять курей... Петров — пятьдесят яиц...”

— Ну, и так далее. По списку.

И как будто пахнуло на них из этой ветхой амбарной книги ещё совсем недавней жизнью. Жизнью, которую уже не вернуть, но и не забыть.

Призадумались. Видно, не очень весело тут было, раз разбежался народ по городам и весям.

По обветшавшей скрипучей лестнице Дубравин поднялся на колокольню. И задохнулся от ощущения простора, от вольного воздуха.

— Боже милостивый! Хорошо-то как!

Прямо перед ним быстро бежала незамерзающая прозрачная река, окаймлённая кустами и деревьями. За ней широко раскинулся заповедник, в котором озёра чередовались с лесками.

А дальше, насколько хватало глаз, раскинулись поля и степь.

“Россия — родина слонов!” — подумал он, вспомнив, что где-то за горизонтом, в долине Дона расположен археологический заповедник. И в нём собраны кости мамонтов. Здесь когда-то бродили целые стада этих животных. Потом пришли люди. Они любили, страдали, охотились, строили. И поколение за поколением уходило в эту чёрную, жирную землю, удобряя её своим прахом.

Работы начали с самого простого. Вырубили кустарники, очистили церковь от помёта. Разобрали и вывезли на металлолом старый ржавый механизм. Заделали дыру. Поставили окна и заказали огромные двери.

Не сказать, что всё прямо-таки запело и закипело. Но дело потихоньку-полегоньку и, как любят говорить священники, “с Божьей помощью” пошло.

Денег было мало. Но Дубравин всё равно изыскивал средства для ремонта. Деревенские сначала косились. И проходили мимо. Но со временем поднялись человек десять, которые стали помогать. И Дубравин для себя по-

нял одну простую истину: “Народ — он как ребёнок. Приучен за века смотреть в рот барину, начальству, парторгу. И действовать в соответствии с указивками. Поэтому ему важно показать пример. Какой подашь — такой жизнь и будет!”

Конечно, никакой особой религиозности и рвения деревня Луговое не проявит. Вера, церковность — они воспитываются с детских лет. А здесь десятилетиями религиозная традиция старательно уничтожалась. Стало быть, из ниоткуда ничего и не появится. Будет только имитация веры. Подход утилитарный и потребительский. Но для начала и этого достаточно”.

16

Случилось это странно и неожиданно. Он как раз приехал к себе, чтобы “залечь в берлогу”. Поставил своего “мустанга” в стойло, то бишь в гараж. И, размахивая ключами, направился через лужайку к дому. В эту минуту сотовый телефон разразился бравой мелодией: “Гром победы, раздавайся! Веселися, храбрый Росс!”

— Алло, Саша, это ты? — раздался в трубке чей-то женский голос. — Здравствуй!

— Здравствуй, — машинально ответил он, прикидывая, кто это может звонить.

— Ты меня не узнаешь? — спросили через секунду.

— Да, что-то как-то не припоминаю! — задумчиво ответил он, готовясь аккуратно закончить этот диалог с шарадами и загадками.

— Это я, Крылова Людмила!

“Какая такая Людмила?” — машинально подумал он, перебирая в памяти знакомых женщин. И вдруг вспомнил:

— Людка! Ты, что ли? Какими ветрами? Какими судьбами?

С одной стороны, он чувствовал радость. А с другой — тревогу: “Чего это она позвонила?” Привык уже к тому, что находят тогда, когда хотят чего-нибудь получить. Других поводов обычно не бывает.

Но любопытство всё-таки перевесило. Всё-таки его первая женщина, можно сказать, несбывшаяся любовь решила прервать обет молчания. После стольких лет. Интересно.

— Давай встретимся! — взяла она инициативу в свои руки. — Нам надо поговорить. Хочу тебя увидеть.

Ах, ностальгия! Совместные воспоминания...

Дубравин давно усвоил, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Поимел он уже этот горький опыт. Невозможно вернуться к тем же самым отношениям, если вы когда-то расстались. Всё меняется. Вы, обстоятельства жизни. Но Людка! Это было так давно! Первая девушка, самая красивая в их классе. Потом та история, когда они встретились в деревне, дома. И как жестоко она отомстила ему. Боже ж мой! Да они, считай, по жизни родственники. Любопытно. Что ж, если кроме любопытства ничего не осталось, можно и откликнуться:

— Давай! Как-никак столько лет не виделись. Пообщаемся!

Ресторан был дорогим. Но не помпезным. Роскошь отделки, кожаные диваны, ковры, красота официанток — всё это постепенно становилось менее важным. На первый план выдвигалось главное — качество еды и питья.

Метрдотель — женщина неопределённого возраста — пыталась усадить его внутри зала. Но он твёрдо и уверенно показал её место и занял своё. У большого окна: “Не так, как твоему заведению удобно, а так, как надо мне!”

Заказал бутылку красного сухого. И второе. Мясо — стейк — готовилось. Винцо попивалось. Женщина ожидалась. Нельзя сказать, что мужчина не волновался. Ещё как! Но не перед свиданием, а перед встречей с давним другом, который пропал на столько лет. Почувствуйте разницу.

Сидел Дубравин и думал. “Людмиле сейчас... тридцать с гаком. Не с хвостиком, а с гаком. Для женщины это возраст, а у неё, кажется, ещё

ни семьи, ни детей. Похоже на судьбу её мамы. Красивая была женщина...”

Он пришёл на встречу с другом. А вот она, судя по всему, шла всё-таки на свидание.

Дубравин ожидал увидеть её уже погасшей, поблекшей. Но она оказалась совсем другой. В ней, как в доброй в хорошем смысле этого слова лошадке, сразу чувствовалась порода. “Породистая кобылица”, — по-старинному, по-казачьи определил он, когда Людмила через всю залу победно прошагала к его столику.

Официант у стойки, увидев её, напрягся, а Шурка встал.

Они крепко обнялись. Он чмокнул её в щёку. И почувствовал, как она вздрогнула от этого.

— Здравствуй, Саша!

— Здравствуй, Люд!

Они сели за столик. Официант с полупоклоном подал меню. Испанская кухня московского розлива с её паэльями, салатами, кислыми помидорами.

Он наблюдал за ней. Анализировал.

“Раньше, во времена нашей юности её красота была беспокойной, дерзкой, вызывающей. Сейчас она какая-то вдумчивая. Сколько же она пережила за то время, что мы не виделись? Сколько же у неё было всего? И мужиков, наверно”.

Он втянул в себя сладкий запах её духов и сразу как-то обмяк. “Бесспорно, она уже созрела”.

Он знает, что это такое. Когда уходит юность, тело женщины наливаются новым соком. Становится твёрдым, упругим, как будто его изнутри распирает сила жизни. Это из мужского восхищения родилось украинское прислобие: “Возьмёшь у руки — маешь вещь!” Женщины обычно не понимают и не жалуют этот возраст. Им кажется, что они толстеют, дурнеют. И только мужчины могут оценить такое перерождение, когда из хлипкого, зыбкого, эфемерного вдруг нарождается новое женское тело. Дубравин оценил, когда обнял её.

Она, судя по всему, тоже наблюдала за ним. Изменился или нет? На висках седина. Волосы отступили, обнажив высокий лоб.

— Какой-то ты, Саня, стал особенный! — наконец произнесла она, отрываясь от меню.

Дубравин неожиданно для себя уловил скрытый смысл этой фразы. И ответил:

— Лощёный, что ли?

— Точно, угадал мою мысль!

Удивительное дело: не виделись они много лет, а разговаривают легко и просто. Будто только вчера расстались. Беседа, правда, бестолковая:

— Ты как?

— Да ничего! Работаю на телевидении.

— И я ничего!

— Семья, дети?

— У меня двое!

— А я не замужем. Никак не найду подходящего человека.

— Винца? Риошки? По бокальчику за встречу?

— Ну, давай!

Выпили. Даже слегка порозовели. А у Дубравина возникло то самое ощущение, которое было когда-то в юности. Встретились два одиночества, да и развели у дороги костёр. Только не костёр, а разговор. О друзьях, знакомых:

— Литке помнишь?

— А как же!

— Уехали они все, наши немцы. В Германию уехали. Всеи улицей подались. Дома за бесценюк продавали, лишь бы только свалить...

— Да тут и сейчас не сахарно. А в Казахстане тем более. Вот и уезжают в свою землю обетованную. Андрей Франк тоже свалил. Но что-то ему и там не больно нравится.

— А оставшиеся в Жемчужном только пьют и пьют.

— Это точно. Брат мой Иван совсем спился. Стал хуже бомжа. Бродит по деревне и попрошайничает: “Налейте, люди добрые, стакашек на похмелку!” Отец с ним воюет, не знает, что делать. Раньше хоть принудительно лечили. А теперь... Демократия, свобода!

— Да! Мама моя умерла! — у Людки навернулись слёзы на глаза. — Прошлой весной похоронили. Брат привёл в дом новую бабу с двумя детьми. Тоже сильно закладывает за воротник...

В общем, поговорили. Бутылочка “Риохи” подошла к финалу. И встреча одноклассников тоже. Вроде им всё понятно друг о друге.

— Шушункина Галка как? — на всякий случай спросила Людка.

— Работает. Растёт в должностях, — ехидно ответил он.

— Ну, да! — замолкла она.

Осталось только встать и сказать: “Ты знаешь, у меня встреча. Дела...”

Но ни он, ни она почему-то не вставали.

Не то чтобы нахлынуло. Может, от выпитого и съеденного, может, от воспоминаний о юности они расслабились. Как два потерпевших кораблекрушение моряка, оказавшиеся на незнакомых берегах, сидели они в этом испанском ресторанчике. И, наконец, разоткровенничались. Заговорили, перескакивая с одного на другое. Вспомнили их единственную ночь, когда она увела его, бывшего в пьяном угаре, к себе.

— Я почти ничего не помню из того, что тогда было, — как-то невзначай обронил он.

А она вздрогнула, покраснела, в глазах загорелся огонёк. Взглянула на него:

— А я помню всё! Каждое мгновение. Каждую секундочку, каждое движение, каждый вздох.

Вот в это мгновение он всё и понял. Она любила его и сейчас. И снова готова на всё, чтобы вернуть то время. Золотое время.

А его душа была полна любви и так. И только искала, на кого излить эту скопившуюся нежность, заполнить пустоту сердца, что не давала жить и работать в полную силу.

Он понял, зачем она звонила ему. Догадался:

— Люд! Ты хочешь жить со мной?

И она тихо ответила, отводя взгляд в сторону:

— Да!

17

Дубравин — загребной. Он сидел на корме зелёной прорезиненной байдарки и ловко, но неторопливо орудовал веслом. При каждом мощном гребке вода за кормой журчала, а лёгкое суденышко стремительно ускорялось.

За его лодкой шли ещё несколько, с двумя-тремя путешественниками в каждой. Все экипажи оделись в полосатые синие тельняшки и широкополые зелёные шляпы. В руках порхали лёгкие алюминиевые вёсла, движения которых издали напоминали взмахи птичьих крыльев.

На переднем сиденье его байдарки, удобно устроившись в сооружённом из спального мешка “гнезде”, сидела красивая женщина — Людмила Крылова. Лёгкий загар ещё не позолотил её белую кожу горожанки, и потому она тщательно оделась, закрыв от солнца всё, вплоть до кистей рук.

Флотилия уже давно двигалась по прозрачному зеркалу реки, окаймлённому пышной зеленью полей и лесов. Искали удобное место, где можно остановиться на ночлег всей регатой.

Вспомнив молодость и поразмыслив на досуге о жизни, Дубравин предложил своей команде организовать летом поход на байдарках. Он был твёрдо уверен в том, что такое совместное времяпрепровождение, во-первых, сплотит коллектив, во-вторых, даст возможность просто по-человечески оторваться от рабочих будней, отдохнуть на природе, слиться с нею.

Свою мысль он для всех выразил так: “Каждый человек, чтобы не потерять себя, должен хотя бы три дня поспать на земле. Походить босыми ногами по траве. Искупаться в чистой реке. Остановиться. Подумать”.

И вот, собрав вещички, закупив продовольственный запас на несколько дней, они тронулись в путь. Сначала выехали на автобусе к месту старта. Собрали там байдарки, спустили на воду. И ранним утром тронулись вниз по реке. Гребли уже много часов подряд, но подходящего места для стоянки пока не нашли.

Наконец, впереди, в прибрежных кустах показалось свободное пространство с песчаным пляжиком. Дубравин указал на него длинным веслом и сразу же направил туда байдарку.

Причалили. Он, кряхтя, вылез из низкого брезентового логовища, помог Людмиле выйти на берег. Место просторное, уединённое. Есть где поставить палатки, развести огонь, кинуть на траву спальные мешки. “Здесь и будем ночевать!” — решил Александр. И замахал призывно подплывающим соратникам.

Дубравин собрал всех, кого смог. Первым откликнулся Володька Озеров. После нападения, отлежав в больнице, он уволился из Коргово и как свободный человек принял самое деятельное участие в подготовке регаты. Подъехал и Казаков. Как уж он, монастырский послушник, сумел найти время — знал только он сам, да, пожалуй, Господь Бог. Но приехал. И его лицо с густой, чёрной с проседью бородой резко контрастировало с безбородыми лицами остальных. Амантай, с которым Володька списался по чуду техники — интернету, — прислал письмо, в котором сообщил, что он “мысленно с ними”. Франк отмолчался. Галину Шушункину не приглашали.

Но большую часть команды составляли местные соратники Дубравина. Люди колоритные, надёжные. Хозяйством путешественников заведовал Бес. Он разработал маршрут, подготовил байдарки, палатки, спальные мешки. Закупил снедь и разные полезные мелочи, делающие жизнь туристов на природе более комфортной. А самое главное, по личному указанию шефа загрузил на судёнышки огромное количество хорошего вина, необходимого для “дезинфекции”. Процесс этот начался с первых минут похода. Коробки и бутылки в летнюю жару пустели с пугающей быстротой. Но никто не пьянел, периодические купания в реке и гребля отрезвляли на ходу.

Так что все были довольны. Вот и сейчас, перед тем как причалить к берегу, путешественники бок о бок поставили байдарки на середине реки. И прямо на ходу выпивали. Разливал Алексей Тимашов — главный распространитель прессы в регионе. Вот он достал яркую коробку со столовым вином. Взломал её. И янтарная жидкость полилась из краника в пластмассовые кружки. Процесс сопровождался шутками-прибаутками и тостами. Пока непьющие Казаков и Чернозёмов поддерживали баланс, чтобы лодки не опрокинулись, Марина Сорокаумова и Галя Калужская пытались сообразить на брудершафт. Их загребные — Павел Корнев и Володька Озеров — пили, не выпуская вёсел из рук. В общем, жизнь кипела.

На это Дубравин и рассчитывал, устраивая регату: “Так себя чувствовали, наверно, казаки Стеньки Разина, когда хмельные и весёлые садились в свои струги и носились по Волге-матушке и Дону-батюшке от одной стоянки к другой.

Воля! Волшебное слово для русской души. Хоть на несколько дней вырваться из привычной колеи жизни, из обоймы, в которую ты вставлен, из бешеного ритма.

Поход даёт и ещё одно важное ощущение — затерянности. Ты ушёл по воде, и никто тебя не найдёт. Не заставит думать о каких-то сиюминутных проблемах, делах и делишках. Судя по отклику, который получила моя инициатива, это ощущение и желание воли живёт в каждом русском сердце. Ведь не зря же наши предки предпочитали не воевать с властью, а уходить от неё всё дальше и дальше в Сибирь, на Юг, на Дальний Восток. Туда, где не мог их найти ни поп, ни царь, ни полицай.

Дорог не было. И русские двигались по рекам. На лодках, стругах, кораблях. Судя по всему, память об этом движении навечно отложилась в генах нашего народа. Поэтому и отдых на берегах — самый приятный, самый комфортный для нас. Тем более что берега эти кипят жизнью”.

Байдарки по очереди утыкались зелёными резиновыми носами прямо в прибрежный песок. Народ разноцветным горохом вываливался на пляж.

Работы много. Команда выгружала на берег припасы, ставила разноцветные новенькие палатки. Когда-то в юности они ходили с тяжёлыми, одноцветно-зелёными шатрами. Ныне же их заменили лёгкие, комфортные синтетические домики. Как яркие цветы они выросли вокруг. Всё двигалось, плясало и играло.

И тут Дубравин обнаружил, что поблизости нет дров. Обычно путешественники останавливаются в таких местах, где много валежника или есть сухостой, который можно пустить на костёр.

А какой может быть полноценный вечер на отдыхе без огонька?

Дубравин с Казаковым походили вокруг, расстроились. Уже хотели было дать отбой ночёвке на этом месте. Но тут Анатолий заметил стоящее прямо на высоком берегу реки толстенное засохшее дерево — старый дуб. Здесь, в изгибе реки, течение подмыло его корни, и они, как могучие жилы, выглядывали из обрыва. Но дуб выглядел настолько крепким, что подступиться к нему с пилой было просто страшно.

Долго стояли они в нерешительности, прикидывали, что да как. Наконец, Дубравин в отчаянии произнёс:

— Деваться нам без огня и горячей пицци некуда. Толян! Неси пилу. Будем валить!

Хр-р, хр-р! Двуручная пила впилась в твёрдую, как камень, древесину, обдирая кору. Но взялся за гуж, не говори, что не дюж. Миллиметр за миллиметром вгрызалось тонкое полотно в жёсткий ствол. Через десять минут Дубравин и Казаков стали мокрые, как мыши. Дышать становилось всё тяжелее. Дубравин понял, что дело плохо. После целого дня с веслом в руках работа эта для них непосильная. Пилят они, пилят, а толку — чуть.

Галя Калужская — стройная, как рябинка, и повидавшая много горя женщина — видно, сердцем чувствовала, что мужикам тяжело. Сказала, жалея:

— Да ладно, ребята! Оставьте этот дуб в покое. Обойдёмся как-нибудь.

Но Дубравин никак не мог признать своё поражение. Остановился на минуту, отдышался. Позвал Озерова:

— Подмени Толяна!

Хр-р, хр-р, хр-р! Снова дрожала сухая верхушка дуба. Через час с небольшим вгрызлись в ствол сантиметров на двадцать. Тут пришла другая беда — полотно пилы пошло слегка вправо и его стало зажимать. В общем, не пиление, а одно мучение. Не протащить.

Но дерево они так и не бросили. Два часа потели втроём, сменяя друг друга. Зато какая была радость, когда сухой дуб сначала стал поскрипывать, потихоньку клонясь вершиною к воде, а потом рухнул всей своей гигантской неподъёмной толщею, подняв захлестнувшую берег волну!

Кинулся Дубравин с ребятами в воду. Обвязали ствол верёвкой, чтобы не уплыл, и потихоньку стали толкать к берегу. Как ни странно, вытянули.

Потом думали-гадали, что делать.

И, как бурлаки, поволокли его за верёвки всей командой на берег.

Ну, а там уж взялись за топоры. Принялись разделять на дрова...

А девчонки, соответственно, тут же стали фотографироваться на оставшемся на высоком берегу реки необъятном пне-троне.

Пришёл вечер. А с ним прохлада. Все помылись, переоделись. Разожгли костёр.

Полыхали дрова. Народ рассаживался вокруг. Огонь выхватывал из темноты лица. Тишину нарушало только потрескивание съпавших искрами дубовых поленьев.

— А ведь сегодня праздник, — сказала Марина Сорокаумова. — Ночь на Ивана Купалу. В это время расцветает папоротник. И вообще, раньше народ отрывался в эту ночь. Давайте-ка, девчонки, выпьем да попрыгаем через огонь, как в молодые годы.

Девки зашевелились. Виночерний Казаков всем разлил, но сам к вину так и не притронулся. Чокнулись. Женщины водрузили на головы, как короны, сплетённые из ромашек и белых кувшинок венки.

И куда только исчезла дневная усталость? Девичья песня лилась, призывно летела над рекой, отражалась от водной поверхности и неслась над лугами и лесами.

“Вот и замкнулся круг! — думал Дубравин, греясь у огня. — Господь управил. И волею своей расставил всё по местам”.

Он смотрел на Людмилу. А она — на него.

“Мы что-то ищем вдали. Пытаемся понять себя и других. И зачастую даже не знаем, что нам нужно. А то, что нужно, оказывается, совсем рядом с нами.

Я хотел изменить свою жизнь. Что ж, вот она и изменилась. Просил Силы Небесные, чтобы они дали мне женщину, которая бы понимала меня, была помощницей на этой дороге под названием “жизнь”. Даже мечтал о том, какой она должна быть. Всё сбылось, получил, какую хотел. Как говорится, “красавицу, спортсменку”. Хотя главное — что она дополняет меня. Знает то, чему я сам так и не научился.

Впрочем, не надо торопиться. Торопиться не надо. Я уже не мальчик. И времена переменялись. И если ошибусь сейчас, то ошибусь безвозвратно. Годы-то уходят. Нам надо пожить, понять друг друга. Тем более, сейчас и не поймёшь, кто на самом деле охотник, а кто добыча. Роли изменились, здесь опыт имеется”.

Она тоже сидела и вспоминала ту встречу. Тогда после ресторана они поехали к ней. И она, встревоженная и счастливая, одновременно хлопотала на кухне и думала о случившемся. О том ощущении блаженства и какой-то полноты жизни. Какой-то окончательности и неразрывности, которое она испытала в постели. В тот миг, когда он вошёл в неё.

“Вот как бывает! — думала она, разбивая о край чугунной сковородки пятое белое яйцо. — Как будто в тебе чего-то не хватало. А тут всё стало на своё место. Господи, что же у нас впереди?”

А впереди был переезд. Совместная жизнь в провинциальной тесной квартирке. Надежда на ребёнка.

И она старалась. Ох, как она старалась. Сразу было видно, что сильно истосковалась “по женской доле”. Начала парить, жарить, варить. И, естественно, баловать его так, что через пару-тройку месяцев он округлился.

Жили просто. Он старался не обижать её, не задавать лишних вопросов. Полученный жизненный опыт, многие разочарования и потери научили их снисходительно и терпеливо относиться друг к другу.

Главное она усвоила: “Если мужик тащит на себе телегу их совместной жизни, то надо просто помогать. Не садиться ему на спину и погонять. Не виснуть гирей на шее. Не забегать вперёд и поучать. Если силёнок не хватает, пристроившись где-то сбоку, подталкивать телегу. Тянуть. Подбадривать. А когда он выбивается из сил, просто садиться рядом и отдыхать”.

Он тоже вспоминал эту первую ночь. Но по-другому. Когда они легли вместе, он был странно озадачен. Чем? А тем, что во второй раз в жизни у него возникло ощущение близости и того, что между ним и ею нет границ. Нет барьера. Нет кожи, как это было с Галиной. И чувство единства, радости, покоя и тишины овладевало им каждый раз. Дубравин поймал тогда себя на мысли: “А я-то, дурак, думал, что это может быть единственный раз в жизни. Только с одной. Оказалось, всё не так. Такое, конечно, бывает редко. Но бывает. И это счастье”.

Пока они предавались воспоминаниям, жизнь бивачная шла своим чередом. Заведённый народ приступил к игрищам и ритуалам. Начали с прыжков через огонь. И скакали так долго, что чуть не прожгли обувь.

Потом женщины отошли к реке. Зажгли маленькие плоские свечки и на дощечках пустили их вместе с цветочными венками по чёрной воде. Долго наблюдали за плывущими в темноте огоньками. Пели. Разглядывали усеянное мириадами крупных звёзд летнее небо. И снова пели.

Уснули все пьяные и счастливые.

Так закончился первый день регаты.

Солнышко неторопливо поднялось над горизонтом. И холодная роса на траве заблестела.

Дубравин на четвереньках выполз из большой синей палатки с предбанником. Натянул резиновые тапки и пошёл по росе прямо к реке. Утреннее

купание сразу сняло сон. Бодрый и освежённый, он вылез из тёплой, парящей под солнцем речки. По дороге назад встретил Озерова, сидевшего на берегу с длинной удочкой. Они покалякали какое-то время.

А жизнь в лагере уже кипела. Заново разгорался костёр. Бес открывал тушёнку для каши, Людка возилась с посудой.

После завтрака на горизонте появились то там, то здесь лохматые тучи. Но они не мешали солнышку, которое начало парить так, что в палатке стало не усидеть от зноя.

Дубравин знал, что за поворотом реки есть тихие заводи и отмели, на которых можно побаловать себя, поплавать в тёплой, мелкой воде. А ещё там попадались стаи птиц, кормившихся всякой всячиной.

Он предложил Крыловой сплавить туда на байдарке. Они сели в свою хрупкую брезентово-алюминиевую конструкцию, захватив пневматическое ружье, стреляющее свинцовыми пулями. И отчалили.

Сильным ударом весла Александр вытолкнул лодку на стремнину. И речка понесла их вдоль зелёного берега, мимо зарослей камыша, кустов и кустиков зелёной травы, склонившихся к воде деревьев.

Дубравин, стараясь не шуметь и не разговаривать, вёл лодку. Под ними в глубине пролетали песчаные отмели, упавшие коряги, стволы деревьев. Вокруг сновали мелкие синие и крупные оранжевые стрекозы. В пронизанной солнцем воде виднелись стаи мелких рыбёшек. Иногда, ощутив над собою тень байдарки, бросались наутёк более крупные особи. И делали они это так быстро, что Александр только успевал их замечать: “Это щучка! Это, наверное, лещ ушёл в камыш. О, карась пучеглазый! Здоров, братец!”

Все дышало жизнью.

“Не зря наши предки расселялись и двигались по рекам!” — думал он, уклоняясь от нависшего с берега коряво-сучковатого ствола.

Через пару минут они нашли нужную протоку и повернули своё хлипкое судёнышко туда. Течение замедлилось.

Сидящая впереди Людка вскрикнула:

— Ой, смотри, смотри!

Слегка приподняв изящную головку с желтоватыми пятнышками, через протоку, извиваясь всем телом, плыл уж. Он едва успел проскочить перед носом байдарки и скрыться в зелёных прибрежных кустах.

Ещё через сотню метров они нашли то, что искали. Протока расширилась, превратившись в мелкий залив, посреди которого поднималась на поверхность белая песчаная коса. Лодочка зашуршала днищем по песку. Отсидевший ягодицы Дубравин вылез, покряхтывая, и встал на затекшие ноги. Потом помог выйти Людмиле. И вытянул байдарку на песок.

Солнце пригревало. Даже жарило. Они с разбегу бросились в тёплую воду, поплыли. Потом погонялись друг за другом на островке, бросаясь песком. И не заметили, как огромная туча нависла прямо над ними.

Всё вокруг потемнело. Налетела буря! Холодный порыв ветра хлестал мощно и сильно прямо по верхушкам деревьев. Разлеталась с шелестом в разные стороны листва. Вихрь гнал по воде рябь.

Буквально через минуту хлынул проливной дождь. Крупные капли хлестали по воде, шлёпались на песок.

“Как бы град не дупанул!” — только и успел подумать Шурка.

Града не было, но дождь лился настолько холодный, что они мгновенно озябли. Вдобавок ко всему над головой грянул гром.

В общем, беда.

Людка вся сжалась, застыв под этими ледяными струями. Дубравин, не в силах помочь ей, сначала предложил:

— Давай под байдарку!

Увы, это не спасло. Узенькая байдарочка была плохой защитой. Дождь доставал тела и под нею. Беда, бояре!

И тут его осенило:

— В воду! В ней теплее!

Они бежали по мокрому пляжу и прыгнули прямо в тёплую воду залива. Стало легче.

Ливень прекратился через несколько минут. Туча, недовольно ворча, ульыла в сторону. Солнышко снова улыбнулось им. Вскоре природа, съёжившаяся под холодным ливнем, чудесным образом снова расцвела.

Они вылезли на берег греться. Потом Дубравин столкнул байдарку в воду, и они забрались в неё. Пора было возвращаться.

Не успели они отойти от берега и пройти по камышовой протоке, как наткнулись на трёх уток с селезнем, беспечно кормившихся на отмели. Они, вероятно, не слышали приближавшихся на почти бесшумной лодке людей. Дубравин сразу потянулся к ружью.

Птицы, заметив их, начали разбег по воде.

Раздался шипящий звук выстрела. И, о чудо! Утки взлетели, а селезень шлёпнулся в воду.

Охваченный охотничьим азартом, Александр подгрёб к нему. И увидел, что птица вверх лапами лежит на воде.

Он подтянул веслом обмякшую, но ещё тёплую тушку. Достал из воды. И удивился.

Конечно, пулька из пневматики ну никак не могла пробить толстое, жёсткое перо птицы. Охотник искал место попадания. Наконец, он увидел, что свищовый комочек ударил прямо в голову, рядом с круглым глазом.

Дубравин символическим жестом бросил добычу в лодку Людке под ноги. Она молча, без бабьего визга и писка стала рассматривать красивого, мощного селезня, так непохожего на невзрачных серых уток.

Шурка даже расстроился: “Попасть-то попал! Но кто будет возиться с птицей? Ощипывать, разделывать?”

Но всё равно, торжествуя в душе, погрёб к общей стоянке с видом именинника.

Сомнения его оказались напрасными. Женщины набросились на птицу и шустро принялись её ощипывать. А потом так быстро разделали селезня под супчик, что Дубравин понял простую вещь. Ничто не утрачено. Под внешней маской современника в каждом из нас прячется дикарь. И эти девушки, если завтра цивилизация исчезнет, очень быстро приспособятся жить, как жили наши предки. Блестящим доказательством этого стало превращение крылатого красавца во вкуснящий суп.

Обеденный разговор у костра шёл вяло, пока Володька Озеров не вспомнил о своём опыте.

Матюгнувшись вполголоса, он рассказал друзьям о своих бедах:

— Что за государство мы построили?! Хрен знает! Мечтали в девяностых, что будет всё в лучшем виде. Демократия, выборы, открытые границы с Европой. А что получили? При власти воры, мошенники, жулики. Везде взятки, в суде правды не добьёшься, если не занесёшь. Хуже, чем при коммунистах было...

— А ты чего хотел? — завёлся с полуоборота Дубравин. — Так вот сразу и в дамки? То есть, в райские кущи. Как в Швеции? Для этого надо целый путь пройти. Всем. И государству тоже...

— Ну, путь мы уже прошли. И немалый! — ершился Озеров. — Только что-то я светлого будущего не вижу.

— Да ничего мы не прошли! — возразил ему Шурка. — Мы крутимся на месте. Нарезаем, так сказать, исторические параллели...

— Это как? — заинтересовался разговором Казаков, расправляя свою взлохмаченную после купания бороду.

— А вот как! — принялся излагать своё видение процесса Дубравин. — По Марксу, как должно быть? Шаг за шагом. От одной общественной формации к другой. А мы что? В тысяча восемьсот шестьдесят первом году феодализм себя исчерпал. Царь-батюшка Александр II освободил крестьян. И началось. Власть в его руках. А в экономике — воля. И пошло развитие капитализма семимильными шагами до самой революции февральской. Буржуи взяли власть, Россия должна была шаг за шагом модернизироваться, двигаться к социализму. Но уже в октябре большевики всё переиграли и начали строить свой социализм. А на самом деле вернулись

к махровому феодализму, что был до освобождения крестьян. Иосиф Виссарионович так гайки завернул, что снова получилась империя. Только основа у неё другая немного была. Вместо царя — вождь, вместо православия — великое учение, а народность на интернационализм поменяли. Так до девяносто первого и сидели.

— А что, в девяносто первом не было демократии? — поинтересовался кто-то из молодых.

— Была! — ответил Дубравин. — Да сплыла в девяносто третьем. Ельцин её танками раздавил. И стал царём. У нас и Конституция нынче такая, что Николаю II и не снилась. Вся власть у президента.

— Ну, может, так оно и должно быть! — сказал Казаков. — Страна большая, народу много. Кто в лес, кто по дрова. Должен быть порядок.

Но Дубравин уже оседлал любимого конька:

— Так-то оно, может, и так. Только нам от этого не легче. Мы пошли по кругу. Опять мы империя. Опять триада. Самодержавие, православие, народность. Храмы растут, как грибы. Вертикаль укрепляется — аж дальше некуда...

— Ну, надо же чем-то идеологический вакуум заполнять, — заметила Марина Сорокаумова, подсаживаясь к костру.

— А кому от этого легче? — спросил Алексей Тимашов, принохаясь к соблазнительным запахам, шедшим из подвешенной над огнём кастрюли.

— Тем, кто сегодня движет страной. Предпринимателям. Нам эта мифификация режима совсем ни к чему. Троекратное хождение по кругу только истощает народные силы.

— Ну, а в других странах СНГ всё не так, что ли?

— Не так. Все четырнадцать бывших республик строят национальные государства. Одни мы на осколках империи плывём без руля и ветрил. Куда кривая выведет.

Посидели. Помолчали, прислушиваясь к треску огня. Казаков заметил:

— Вот что интересно. Все эти бывшие республики вернулись к тому образу правления, который у них был до семнадцатого года. Прибалты — к буржуазным республикам. Узбеки, таджики, туркмены — к деспотиям средневекового образца. Даже в Казахстане, вначале казавшемся демократическим, сейчас одна партия, один елбасы. С чего бы это? Они тоже пошли по кругу?

— А с того! — живо откликнулся Дубравин. — Пока люди не созрели, никакой демократии не будет. И если исторический урок не усвоен, народ возвращается к исходной точке. И начинает забег снова. По кругу! А он у каждого свой!

— И что дальше? Так и будем кружиться? — наливая дымящийся утиный супчик, спросила Сорокаумова.

— Ну, мы не первые. И французы через это проходили. И англичане. Сначала была Великая французская революция, а потом к власти пришёл Наполеон и построил империю. И так раз за разом. Пока буржуазия не взяла власть, после чего появилась свобода слова, собраний, предпринимательства.

— Будем ждать! — с иронией произнёс Володька Озеров. — Пока созреют свои буржуи!

— Верно! — ответил Дубравин. — Нам нужен закон, порядок, демократия, справедливый суд.

— Тут многое и от народа зависит, — добавил Казаков. — Он должен созреть. Не появится средний класс — ничего и не будет. У нас на выборы-то никто не ходит, не то что на митинги. Права свои отстаивать надо.

— Отстоишь тут! — разочарованно заметил Озеров. И принялся хлебать супчик.

— Да, без гражданского общества ничего не будет. Так и будут нас гонять по кругу от империи к империи, — согласился Дубравин. — А его могут создать только предприниматели, мелкий и средний бизнес. Не олигархи. Они-то вотчинники. Их и так хорошо кормят. Встроились в систему, и никакая демократия им не нужна. А нам без неё кранты...

— И что, надежды нет? — спросила Марина Сорокаумова.

— Почему? Потихоньку растут наши силы. Был бизнес разбойничий — стал торговый. Накопят деньги — вложат в производство. Потом захотят порядка, закона, власти. Того же, что и средний класс. Уважения к себе. Рано или поздно это произойдёт. Вот только доживём ли мы до этого — большой вопрос. Жмут нас власти. Они ведь боятся самостоятельных.

— Выборы тут не помогут! — упрямылся Володька Озеров. — Их всегда можно переиначить. Надо на улицы выходить.

— Почему? — возразил ему Дубравин. — Если все выйдут, никто не сможет сфальсифицировать выборы. Как бы ни пытались.

— Это опять же вопрос зрелости народа! — задумчиво произнес Казаков. — Поднимется с печи — будет у него и демократия, и русское национальное государство. А будет дремать — так и проспит всё на свете.

— Да, Россия, с одной стороны, интересная страна. Своеобразная, — сказал Дубравин. — А с другой — подчинённая общим законам развития. Посмотрим, как всё пойдёт. Пассионариев мало. Как пел Высоцкий: “Настоящих буйных мало”. Но они есть. Сейчас у нас две тенденции — восстановление империи и развитие капитализма в рамках неё. Какой путь выберем? Кто знает...

— Давайте, мужики, лучше выпейте! — влезла в разговор Крылова. — За нас, за женщин, в конце концов. А то мы сидим тут никому не нужные. А вы всё о политике...

— Точно, хватит!

— Нет, я всё-таки скажу, — встал Дубравин. — Давайте сначала поднимем бокалы за русское национальное государство. Законы развития не обманешь, и если оно должно возникнуть, то хоть ты лопни, а всё равно появится.

Выпили.

Ну, а потом уже за женщин, за любовь, за детей и родителей. И ещё Бог весть знает за кого. Пили и пели.

И долго ещё над лесом, над рекою раздавались весёлый смех, мелодии песен и радостные голоса людей, отдохавших на своей русской земле.

18

Зима в этом году выдалась знатная. Снегу навалило. Да и мороз не отпускал. Крепко стоял уже две недели.

Сегодня с утра, когда он ещё затемно выезжал на работу, задул такой легонький, небольшой ветерок. А к обеду превратился уже в пургу. Но Дубравина это не обеспокоило. Машина у него — зелёный “Лэндкрузер 100”. Переживать не о чем — главное, не забыть бросить в багажник большую пластмассовую лопату. Что он и сделал.

Выехали домой после обеда. Рулил Витька Палахов. Так уж получилось, что бывший прапорщик воздушно-десантных войск уволился в запас, не дождаввшись от родного государства пенсии. И вынужден был искать себе новое применение на гражданке.

Бывший майор Казаков предложил ему поговорить с Дубравиным. Встретились. Побеседовали.

Так он оказался в холдинге. И стал работать специалистом на все руки.

Сейчас они выехали на трассу. И сразу попали в снежный заряд. Впереди идущие грузовики выстроились в колонну, которую ни обойти, ни объехать. Огромные колеса поднимали тучи снега. Ветер рвал тенты, бросал ледяное крошево на стекло.

До поворота на просёлочную дорогу они добрались достаточно быстро. А вот там их ждал сюрприз. После колеи, проделанной большим трактором, начались перемёты. Метель намела такие сугробы, что сама дорога исчезла под снегом. В перемёт “Лэндкрузер” (называемый Дубравиным за цвет и форму “Крокодилом”) и влетел с ходу по самый капот.

“Все, кранты. Сели!” — подумал он. Но машина продолжала двигаться, хотя снег, как вода, переливался через капот и подползал к лобовому стеклу.

Палахов включил полный привод и пониженную передачу. В итоге первую преграду они одолели благополучно.

Но впереди было новое испытание: надо въезжать в снежный тоннель, пробитый тяжёлым трактором. А это чревато, так как тоннель с высокими стенами и чрезвычайно узкий.

Дубравин засомневался: “Может, вернуться? Заночевать в городе? И уж завтра, когда расчистят, ехать. Но там Людмила. Там дочка. Там, в конце концов, меня ждут”. Он представил свой тоскливый ночлег в пустой городской квартире: “Ну, уж нет!”

— Давай вперёд! — сказал он Палахову, который тоже призадумался, глядя на эти гигантские снежные ворота. — В крайнем случае — откопаемся. Лопата есть!

“Крокодил”, загребая снег и подминая его под себя всеми четырьмя “лапами”, медленно продвигался вперёд. Они проползли с полкилометра и попали во вновь заметённую снежную перемычку. Трактор-то здесь прошёл. Но ветер быстро надул на этот расчищенный участок нового снега.

Палахов включил все имеющиеся у “японца” прибабасы. Но колёса крутились, а машина только ворочалась, билась в снегу.

— Чёрт возьми! — Дубравин в ярости выскочил из кабины. Открыл заднюю дверь, достал лопату. И как есть — в тоненьких ботиночках, дублёночке, с развевающимся кашне, — словно на врага, с лопатой наперевес бросился на сугроб. Он остервенело выбрасывал снег из-под колёс.

Через десять минут такой работы почувствовал, что сердце через секунду лопнет в груди.

Остановился на мгновение. И снова в священной ярости бросился в атаку.

Раз за разом, откапывая колёса, он бился в снегу.

И такое было ощущение, что сам он лишь снежинка в этом белом океане, накрывшем землю. Но снежинка активная, живая.

И, о чудо! Палахов, раскачивающий машину в сугробе туда-сюда, почувствовал, что она буквально по сантиметру, чудовищно напрягаясь всеми своими металлическими внутренностями, напрягая до гула могучий дизель и сжигая сцепление, как настоящий крокодил, вступивший в смертельную схватку, вышвыляет на чистое место.

Вылезли! Ещё трижды они просакивали на ходу огромные перемёты.

И уже приближалась родная деревня, манившая издалека огонькам, как вдруг Витёк ударил по тормозам. Дубравин протёр глаза:

— Что такое?

Прямо посреди дороги лежал человек.

Бабулька!

Витька выскочил, поднял старушку. Отряхнул от снега, затащил в салон.

Дубравин в шоке спросил полузамерзшую:

— Бабуль, ты как здесь оказалась? На улице морозище и пурга!

Слегка отогревшаяся морщинистая старушка в цигейковой шубёшке только стучала зубами. Наконец, она выговорила:

— В город ездила. По делам сына. В собес. Ну, автобус довёз до поворота. Водитель сказал, что дальше не поедет. Боится. Вот я пешком и пошла.

— Так тут же семь километров! — сказал Палахов. — И пурга метёт такая, что мы еле пробилась...

— Эх, милые, а что делать? Жизнь такая. Деваться некуда. Я одна ответчица за всех. Сын-то пьёт. А мне надо ему бумаги оформить. В собесе... Безотлагательное дело. Какая уж тут пурга...

— Да тут кругом снегу по пояс, бабушка. Сейчас пройти невозможно. Только на гусеничном тракторе...

— Ничего, милые, я сильная. Сдюжу!

— Эх, народ наш, ничего его не остановит, — пробормотал водила. — А утром как вы отсюда прошли-то?

— Пешочком. Только на меня собаки вот там, в конце улицы напали. Свалили и начали кусать, хватать за ноги. Хорошо, мужик шёл. Отбил... А так ничего...

— А вы хоть что-нибудь ели за день-то, бабуся? — полюбопытствовал Дубравин, доставая из бардачка бутерброд с маслом и термос с чаем.

— Да что вы, милые! Я на автовокзале попила кофе с булочкой...

“Ё-моё! — думал Дубравин, разламывая бутерброд на три части. — Вот она Россия, коренная, глубинная. Это ж надо, такой фатализм, такая вера в то, что всё будет хорошо! То на “Жигулях” заднеприводных, на летней резине прут в пургу, слетая в сугробы. То бабуля, божий одуванчик, в метель, в мороз идёт за десяток километров!

Россия — умом тебя не понять! Все на авось надеется. И ничего, живёт! Тысячу лет живёт. И ещё будет жить. Такой народ всё преодолеет. И как тут ни крути, все мы, русские, связаны одной судьбой.

Вот я — с моей деревней. Хоть у меня и дом, напичканный электроникой, хоть на все случаи есть дополнительные генераторы, запасы еды, питья, дров, но перед этой суровой природой, перед этими расстояниями в одиночку не выстоять. Только вместе, всей деревней, всей страной можно выжить. Помогая друг другу”.

— Ну, что? — спросил Палахов, дожевывая свою булку.

— Поехали! — взглядываясь в огоньки родной деревни, ответил Дубравин.

Он пришёл с мороза обледенелый, холодный, голодный. А Людка сидела дома. Ждала его у камина. Горел огонь, щёлкали дрова за каминным стеклом. На столе остывал ужин. Тикали часы.

— А дочка где? — первым делом спросил Александр, обняв тёплую, одетую в домашний халат жену.

— Дочка? — Людка хитро улыбнулась. — Пойдём, покажу.

Они прошли через кухню. И жена, открыв стеклянную дверь на улицу, показала на припорошенную снегом коляску, стоящую на веранде в уголке.

— Люд, ты чего? — удивлённо сказал Дубравин. — Там мороз!

— Сейчас всё увидишь! — заговорщически шепнула она.

Они выскочили в чём есть на улицу, на пронизывающий ветер. Подошли, сжавшись от холода. Людка приоткрыла застёжку коляски. И Дубравин увидел в глубине, в свитом одеялами и пуховыми платками гнезде милое, любимое детское личико. Под вой пурги и шуршание снега...

Дуня тихо спала.

ЕЛЕНА ИВАНОВА

РАССЕКАЯ МРАК

* * *

Мужчина — ветер. Женщина — костёр.
Уставший от бездомного скитанья,
Ты беззаветно руки распротёр
Над вспыхнувшим пламенем свиданья.

На миг один сиянье дальних звёзд
Затмил огонь — любовь ему название.
И снова встал во весь небесный рост
Вершинный свет и холод мирозданья.

Не скажешь ветру: “Эй, остановись!”
Подчинено движение эфиру,
Астральным знакам.
Озаряя высь,
Таинственно горят они над миром.

Благословляю!
Рассекая мрак,
Пусть бьются крылья за твоей спиной.
А я — в твоих скитаниях маяк,
Отечества сияние земное.

ИВАНОВА Елена Львовна родилась в поселке Ивот Дятьковского района Брянщины. Окончила факультет журналистики МГУ. Автор десяти книг: “Кавказские ямбы”, “Мелодия”, “Росток”, “За Десною-рекою”, “Трава не знает”, “Ключи земные”, “Озорная азбука”. Член Союза писателей России, живёт в Ставрополе.

* * *

Во дворе, прямо против подъезда,
Тополёк я сжигала любовно
И на небо глядела... Та бездна
Обещала свидание словно.

Словно уст дорогих мне дыханье
Ощущала открытая шея.
Отдыхала душа, отдыхала,
Ни о чём не крушась, не жалея.

Посадила, водой напоила
И дала топольку твоё имя.
И, казалось, прихлынула сила,
То молитвами, видно, твоими.

Посижу незаметно в сторонке,
Подожду... Как стемнеет немножко,
На ночь я тополёчку, ребёнку,
Поцелую, прощаясь, ладошку.

С моря Вечности веяло бризом,
И шептала листва твоё имя.
Эту нашу предвечную близость
Уж никто у меня не отнимет.

* * *

При его приближении сад мой вздохнул,
При его приближении встала луна,
И незримый властитель к стволу притянул
Тень мою, что по саду бродила одна.

Ветра душный порыв налетел! И затих...
Всё теснее, всё ближе, и нечем дышать,
И с рассветом томление соков земных
Стало вишневым цветом на солнце блистать.

Отцвело, облетело, отпело — прошло.
Замечает мой сад ледяною крупой.
Говорят, если только тебе тяжело,
Но носи свою ношу, не плачь и не ной.

При твоём приближении сад мой готов
Встать стеною глухой!
Среди ночи встаёт.
Видно, это душа тяжела от плодов
И отдать — даже горького! — не отдаёт.

* * *

Часто всё порывистое ложно.
Задержи дыханье — о, не тронь! —
Можно пламя сбить неосторожно,
В нетерпенье торопя огонь.

Вот он дышит, огонёчек робкий,
И сверчит, забравшись на сучок,
Словно выбирает к небу тропку.
Затаился... и опять — скачок!

...Торжествуя, разгорелось пламя!
Полыхал под звёздами костёр.
Это было, было это с нами!
Так давно... А помню до сих пор.

Может, в жизни только-то и было —
Словно бы возвышенному гимн:
Обжигало, грело и светило
Несказанным, тайным, дорогим.

* * *

Рассиялось и раззолотилось!
И взметнуло прохладный пожар.
Принимаю как Божию милость
Сентября уходящего дар.

Он стоит, синеглазый, на склоне,
Расставания близится срок.
И горит у меня на ладони
Им ниспосланный жаркий листок.

Узнаю эту ласку прощанья,
Ею буду я в стужу жива.
Золотым шепотком обещанья
Надо мною трепещет листва.

Эти трепеты, лепеты, знаки
Стану бережно в сердце хранить,
Ведь привяжется к жизни не всякий
Паутинкою тоньше, чем нить.

* * *

Возносит в небеса прощальный плач станица
Курлычащих навзрыд родимых журавлей.
Вы мой проплачьте зов тому, мои любимцы,
О ком взгрустнулось мне в отряде светлых дней.

В прозрачном хрустале колышется прохлада,
Блаженство и покой в янтарном том вине.
Я пью его одна, мне никого не надо
На пиршестве златом с тобой наедине.

Спасибо сентябрю за этот миг блаженства,
Которого не знать ни лету, ни весне.
Резной кленовый лист, в лучах забронзовевший,
Горит звездой любви в поющей тишине.

Пушкой мне предстоит ненастья стылый ветер,
Забуду ль сентября глубокое тепло?
На огненных ветвях гореть и не сгореть им,
Мгновеньям, от каких вокруг светло, светло!

СЕРГЕЙ ШАРГУНОВ

ВЕЧНАЯ ВЕСНА

Роман-биография Валентина Катаева*

Катаев и Солженицын

Когда в 1962-м “Новый мир” напечатал “Один день Ивана Денисовича”, Чуковский записал, что встретившийся ему в Переделкине сосед назвал повесть фальшивой, спросив про героя: “Как он смел не протестовать хотя бы под одеялом?”

Знаешь, как — покажи. Хотя Катаев показал... Не только теми злыми репликами, которые бросает заключённый в рассказе из сборника “История строительства” о Беломорканале. Много позднее новомировского Солженицына, но в том же журнале, в прошедшем советскую цензуру “Вертере” ждущие расстрела одновременно жадно ждут врангелевского десанта.

“Здесь характерная aberrация, — замечает критик Юрий Арпишкин. — Чуковский говорит о том, что в повести написана правда, а Катаев о том, что не во всякую правду можно поверить. Кроме того, он был уверен, что человек свободен всегда, пусть и только под одеялом. В этом заключалась его выстраданная гармония во взаимоотношениях с реальностью”.

Чуковский размашисто добавлял: “Теперь я вижу, как невыгодна черносотенцам антисталинская кампания”. Гнев не по адресу, а термин, как минимум, неточный. Какой из Катаева в то время черносотенец? Или Корней Иванович видел юношеские стихи соседа? Или Катаев сказал ему ещё что-то, что не попало в дневник?

Впрочем, потом для многих “черносотенцем” сделался и Александр Исаевич... В связи с “разочаровывающим” Солженицыным и “Вертером” в 71-м году самиздатовский автор-диссидент Марк Болховской (псевдоним будущего радикал-либерального политика Михаила Молоствовова) утверждал, что Катаев “потрафил настроению, которое подогревает и формирует” Александр Исаевич: “Все беды наши, де, навеяны ветром с Запада. Русский народ попал под марксизм, навязанный ему евреями, латышами, китайцами, венграми с помощью немецких денег и дезорганизаторской деятельности “образованщины””.

17 декабря 62-го года на встрече с Хрущёвым Катаева среди прочих распекали за поддержку выставки авангардистов в Манеже. Зато в противовес “диверсантам буржуазии” похвалы главы государства за свой лагерный рассказ (“Как Иван Денисович раствор сохранил — это меня тронуло”) удос-

* Окончание. Начало в № 1, 2 за 2016 год.

тоился присутствовавший Солженицын, которому пришлось даже встать под аплодисменты и раскланяться в разные стороны.

28 декабря 63-го года “Новый мир” и Центральный госархив литературы выдвинули Солженицына на соискание Ленинской премии. “Присудят — хорошо. Не присудят — тоже хорошо, но в другом смысле. Я и так, и так в выигрыше”, — бросил он Владимиру Лакшину. Александр Исаевич добрался до самого финала, но всё же премии не получил. В конце 61-го на эту же премию был выдвинут Катаев, и его тоже прокатили.

По свидетельству Анатолия Рыбакова, Катаев сказал ему про Солженицына: “Дали бы ему Ленинскую премию за “Ивана Денисовича” — служил бы верой и правдой, никаких бы хлопот с ним не имели”. Так полагали многие.

В 64-м Солженицын издал свои “Крохотки” в “самиздате”. В 65-м его книги вышли в США и Германии. В 66-м он развернул активную общественную деятельность: выступления, интервью иностранцам, начал распространять в самиздате романы “В круге первом” и “Раковый корпус”.

В мае 67-го он написал и разослал по почте двумстам пятидесяти адресатам “Письмо съезду” Союза писателей, немедленно опубликованное на Западе и, как считается, подогревшее “весенние страсти” в Чехословакии. Солженицын обличал “то нетерпимое дальше угнетение, которому наша художественная литература из десятилетия в десятилетие подвергается со стороны цензуры и с которым Союз писателей не может мириться впредь”.

Считается, что именно после “Письма”, получившего одобрение изнурённых давлением писателей, Солженицын стал восприниматься властью как серьёзный противник.

Катаев решил не отмалчиваться. Он действительно считал, что ключевой тезис Солженицына — творческая свобода — не несёт стране разрушения, а может её только укрепить, избавив от множества внутренних проблем и постоянных нападок извне. Так родилась телеграмма, написанная в Переделкине, которую Павел Катаев отвёз в Москву и отправил с Центрального телеграфа.

“Москва, Кремль

Президиуму Съезда писателей

Дорогие товарищи, не имея возможности по тяжёлым семейным обстоятельствам и состоянию здоровья присутствовать на съезде, довожу до вашего сведения, что считаю совершенно необходимым открытое обсуждение съездом известного письма Солженицына, с основными положениями которого я вполне согласен.

Делегат Съезда, член Президиума Валентин Катаев”.

Тогда же Корней Чуковский, радушно принявший в Переделкине Солженицына и прочитавший “Письмо”, назвал в дневнике эти призывы к свободе “безумными”: “Государство не всегда имеет шансы просуществовать, если его писатели станут говорить народу правду. Если бы Николаю I-му вдруг предъявили требование, чтобы он разрешил к печати “Письмо Белинского к Гоголю”, Николай I в интересах целостности государства не сделал бы этого... Возникнут сотни Щедриных, которые станут криком кричать о Кривде, которая “царюет” в стране...”.

Четвёртый съезд открылся в Москве 22 мая, письмо Солженицына не оглашалось, но в июне встретившиеся с ним руководители Союза писателей утешительно пообещали публично опровергнуть “клевету” подвергавших сомнению его участие в войне и рассмотреть вопрос о печатании “Ракового корпуса”.

Солженицын стал вынашивать второе письмо. И за поддержкой отправился к Катаеву. Вениамин Каверин свидетельствовал: “Однажды (это было на даче К. Чуковского), когда мы обсуждали, кто мог бы поддержать его новое письмо, он вдруг назвал В. Катаева (!), а когда я предупредил его, что хозяин может спустить его с лестницы, всё-таки пошёл к нему — и был, против ожидания, принят любезно”.

Да, Катаев выказал “телёнку” симпатию и одобрение на этом этапе бодания с “дубом”. Вдобавок в личном общении он никогда не придавал значения политической позиции собеседника.

Разумеется, Каверин как истинный “прогрессист” стал выговаривать Солженицыну за “неразборчивость”. В ответ Солженицын, записал Каверин, “отшутился”...

В дневнике летом 67-го “новомировец” Алексей Кондратович приводил слух об отдельном письме Катаева (“может быть, им и пушенный”), направленном напрямую Сулову: “Смысл письма таков, что мы старые люди и понимаем, что из всех живущих сейчас писателей Солженицын — самый крупный. А обсуждение его передают на секретариат, где ни одного серьёзного писателя или человека... Удивились, что писал Катаев”.

Существование такого письма подтвердил в своём дневнике Александр Гладков: “Н. П.* показал мне письма В. Катаева Сулову и Антокольского Демичеву в защиту Солженицыну, очень категоричные и страстные, особенно письмо Катаева”.

В новом послании, на этот раз секретарям Союза писателей, 12 сентября 67-го года Солженицын грозил “неконтролируемым появлением на Западе” его “Ракового корпуса”, который хотел, но не мог опубликовать Твардовский. На собравшемся секретариате многие выступили за то, чтобы напечатать повесть, то и дело возвращаясь к одной из её идей — “нравственному социализму”, — но в итоге Солженицыну рекомендовали отмежеваться от “кампании, поднятой недружественной зарубежной пропагандой”. Вскоре “В круге первом” и “Раковый корпус” вышли на Западе. 4 ноября 69-го года Александр Солженицын был исключён из рязанской организации Союза писателей. В западных изданиях появились заявления ведущих литераторов о “преступлении против цивилизации” и “варварстве”. 8 октября 70-го года (то есть через восемь лет после дебюта в “Новом мире”) Солженицыну была присуждена Нобелевская премия по литературе.

Одновременно закончился и “Новый мир” Твардовского. Его поэма “По праву памяти”, вымаранная цензурой из журнала, неожиданно появилась в западноевропейской прессе под заглавием “Над прахом Сталина”. Теперь власть решила избавиться от Александра Трифоновича — первым замом главреда был назначен незнакомый ему журналист Дмитрий Большов, а редакция была расформирована. 9 февраля 70-го Твардовский покинул свой пост. Он умер 18 декабря 1971 года. Катаев продолжил печататься в “Новом мире” и дальше — и при Валерии Косолапове, и при Сергее Нарвчатове, и при Владимире Карпове.

Председатель КГБ Юрий Андропов в записке Политбюро предлагал “предоставить Солженицыну право убежища” и устроить встречу академика Сахарова с “одним из руководителей Советского правительства”: “Мало надежды на то, что в результате такой беседы Сахаров изменит своё поведение (он болен, сломлен своим окружением, находится в состоянии экзальтации)”. 31 августа 73-го года в “Правде” в продолжение “письма академиков” появилось писательское заявление “о Солженицыне и Сахарове”, подписанное Михаилом Шолоховым, Чингизом Айтматовым, Василём Быковым, Сергеем Залыгиным, Константином Симоновым и, в том числе, — Катаевым с осуждением “клеветующих на наш государственный и общественный строй, пытающихся породить недоверие к миролюбивой политике Советского государства и по существу призывающих Запад продолжать политику “холодной войны”.

7 января 74-го года на Политбюро решался вопрос о “пресечении антисоветской деятельности” Солженицына (после того, как в декабре 73-го первый том книги “Архипелаг ГУЛаг” вышел в Париже в издательстве “УМСА-Press”). “Он пыгается создать внутри Советского Союза организацию, сколачивает её из бывших заключённых, — докладывал Андропов. — У нас в стране находятся десятки тысяч власовцев, оуновцев и других враждебных элементов”. 12 февраля Солженицын был арестован и 13 февраля доставлен на самолёте во Франкфурт-на-Майне.

15 февраля 74-го года в “Правде” Катаев прощался с Александром Исавичем железным слогом: “Смерть любого человека всегда тягостна для ок-

* Николай Павлович Смирнов (1898–1978) — писатель.

ружающих людей, тем более гражданская смерть человека, отпадение его от общества, от государства. Однако с чувством облегчения прочитал я о том, что Верховный Совет СССР лишил гражданства Солженицына, что наше общество избавилось от него. Пользуясь терпением народа, партии, вопреки нашей надежде, что в нём, наконец, заговорит совесть, Солженицын вступил в борьбу с Советской властью — борьбу, которая рекламировалась им как открытая, прямая, а на самом деле была подрывной и велась подпольными методами — методами “пятой колонны”. Люди моего поколения, прошедшие со страной весь сложный, трудный — с громадными жертвами, — но славный и героический путь от Октябрьской революции до наших дней, могут сказать только одно: никому не позволим подрывать основы советской государственности. Поэтому гражданская смерть Солженицына закономерна и справедлива”.

Вслед за этой публикацией в переделкинском доме раздался звонок. “Какой-то Суслов”, — сообщила домработница... Катаев взял трубку. “Главный идеолог” благодарил.

Бенедикт Сарнов вспоминал: “Наутро, когда указ о “выдворении” был объявлен, у меня прямо камень с души свалился”, — и добавлял, что среди множества публикаций отклик Катаева на это событие “слегка выделялся”. Прочитав катаевское “с чувством облегчения”, он “подумал, что наверняка Валентин Петрович таким казённым способом выразил то, что чувствовал на самом деле... А поскольку “чувство огромного облегчения” было тем самым чувством, которое испытал и я, узнав, что А. И. уже в Германии, у Бёлля, — мне показалось, что Валентин Петрович почувствовал (и хотел выразить) именно это. А может быть — кто знает! — так оно на самом деле и было?”

Семён Липкин, гулявший по Переделкину со своей женой Инной и Катаевым, однажды спросил напрямик:

— У вас есть слава, любовь читателей, вы богаты, чего же вам ещё надо от государства?

Он вспыхнул:

— Меня Союз писателей ненавидит — все эти напыщенные Федины, урюмо-беспомощные Леоновы, лакейские Марковы, тупорылые Алексеевы и прочие хребты саянские*. Они знают, что я презираю их, и я спасаюсь, подчёркивая свою официальную преданность власти. И не забудьте, я член партии.

— А для чего вы в неё вступили? Вы её любите? Вы марксист-ленинец?

Он продолжал, не отвечая на мой вопрос, волновался:

— Иначе мне житья не будет...”

Прервём цитату. “Житья не будет” — откуда это въевшееся в плоть ожидание? Не из 20-го ли ещё года, когда едва не отобрали жизнь?

“Вы не знаете, как трудно печатались мои лучшие вещи, каждая встречалась отрицательными статьями влиятельных критиков. В сталинское время было страшно. Да вот и теперь не понят “Алмазный мой венец”, клюют, щиплют.

— Я вам сочувствую, но вы платите дорогой ценой. Например, своей подписью под требованием выслать из страны Солженицына, великого русского писателя.

— Он не великий. Он хороший писатель. Хороши “Один день Ивана Денисовича”, “Матрёнин двор”. Дальше пошло хуже, просто плохо...

— Как может писатель требовать, чтобы власть выслала собрата по перу за пределы родины? Поступили бы так Короленко, Чехов, Бунин? Иногда мне кажется, что вы не понимаете величину своего таланта, унижаете его.

— Какой я талант, я средний писатель. Собирают ареопаг. Один из секретарей предлагает, чтобы КГБ снова бросил Солженицына в концлагерь. Выступает Расул Гамзатов, советует выдворить Солженицына за границу. Я, жалея Солженицына, присоединяюсь к хитрому горцу. Всё-таки жизнь вашего гения была спасена”.

---

* “Хребты Саянские” — эпопея одного из руководителей СП СССР Сергея Сартакова (1908–2005).

Понятно, что судьбу Соляженицына решали не писатели, а партийное начальство...

Но Павел Катаев подтверждает тогдашнюю логику отца: он одобрял высылку как единственную возможность избежать заключения.

Государство и левитация

“Самое драгоценное качество художника — это полная, абсолютная, бесстрашная независимость своих суждений”, — важнейшая идея Катаева, ценившего простор творческого своеволия (или, сместив акцент, скажем попушкински — самостоянья) и чуждого узости гражданственной экзальтации.

“Он своими книгами, — полагала литературовед Мария Литовская, — как бы требует иной системы координат: когда искусство и политика отделяются друг от друга”.

Она же отмечала благородный (в значении — древний) генезис катаевского отношения к миру: “Никому не приходило в голову обвинять, скажем, Рафаэля в стремлении заработать или Фирдоуси в угодничестве перед властями”. “В своём творчестве художник всегда ощущает себя государственным человеком. Иначе какой же он творец!” — сказал Катаев Борису Галанову.

“Самое поразительное, что на протяжении всего своего века ему удалось сохранить эту центристскую позицию, спокойно, по крайней мере, внешне, следуя своим путём”, — писала Литовская.

Действительно, политическую “суету” Катаев воспринимал довольно равнодушно.

По-настоящему его занимала физиология — и этот интерес сливался со страстью к литературе.

В 75-м Василий Аксёнов отправил нескольким своим друзьям (кроме Катаева, Ахмадулиной, Вознесенскому, Окуджаве, Искандеру, ещё не уехавшему Гладилину) литературную анкету. Катаев ответил “дорогому Васе” с поощрительной тёплой и наставнической иронией. Среди прочего, он писал: “Проникнуть в тайну художественного творчества, в самую его суть — напрасный труд. Это ещё непосильнее, чем хирургическим путём пытаться обнаружить в коре головного мозга механизм сна, механизм регуляции кровяного давления, механизм сновидений, предчувствий, наконец, механизм, возбуждающий в человеке чувство направленной страсти, любви”.

Хирургическим путём не обнаружишь, но ведь как-то иначе можно...

Первая сигнальная система... Вторая, позволяющая представить “образ”... Третья...

Эти секреты его занимали всё больше. Он всё настойчивее вникал в загадку человеческой психики, и “мовизм” был одной из попыток докопаться до первичных, “досознательных” тайн своей личности, при этом заворожив читателя. Внучка Катаева Тина рассказала мне, что в конце 70-х у него на полке рядом с письменным столом стояла книга “Мозг и сознание” испанского нейрофизиолога Хосе Дельгадо. Учёный применял электростимуляцию и радиостимуляцию мозга, выявив центры, связанные с эмоциями, влечениями, ощущениями страдания или удовольствия, наслаждения. Катаев предполагал, что возможна ещё и литературная стимуляция читательских мозгов. И — специальное сканирование писательских. “Глядишь, нащупают какой-нибудь “нервный центр вдохновения” или “бугорок озарения”, составят “карту” творческого воображения”, — заявлял он журналу “Вопросы литературы”. В кабинете в шкафу стояли Библия и “Диалектика природы” Энгельса (незаконченный труд по естествознанию, в котором предрекается гибель человечества под остывшим Солнцем). Он читал Зигмунда Фрейда и Ивана Павлова, обсуждая с домашними, и склонялся к идеям русского физиолога. Книг в доме вообще было много, и ступени лестницы, ведущей на чердак, использовались как книжные полки...

В “Разбитой жизни” Катаев писал, что троюродный брат его отца был учёным-физиологом и как-то зазвал его к себе в лабораторию посмотреть, как препарировал человеческий мозг. “Меня ужасала мысль, что в этом восковом слитке высокоорганизованной и такой непрочной материи может ка-

ким-то образом отражаться, жить, существовать всё, окружающее человека, — весь мир, вся вселенная, весь я...”

Предчувствия, вещи сны, предсказания... Катаев верил во всё это, но считал не столько мистическими, сколько материальными, не изученными наукой явлениями.

В “Волшебном роге” он рассказывал, что у родителей был знакомый арендатор, которого звали Кисель Пейсахович. Одну из батрачек на его винограднике звали Маруся: “Я видел её всего два или три раза, и всегда именно в то время, когда она вместе с другими девчатами сбегала вниз к Днестру купаться”. Прошло немало времени, и вот однажды “послышался голос мамы, открывавшей дверь, потом голос папы и, прежде чем я добежал до передней и увидел Кисель Пейсаховича в потемневшем от дождя брезентовом пальто с кашононом на спине, я **уже знал**, что утонула Маруся.

— Утонула Маруся? — дрожа от страха, закричал я.

Этот порыв ясновидения испугал маму, и она, побледнев сама, стала меня успокаивать, говорить, что я фантазирую”. Но гость “подтвердил, что в прошлом году, после того как мы уехали, батрачка Мария действительно утонула, купаясь в Днестре, необычайно раздувшимся после летних ливней в Карпатах”.

В восемьдесят два он писал о “божественной невесомости” и ощущении человеком возможности “лететь, как бабочка”. В восемьдесят пять вспоминал юношеский сон на войне: “Мне снилось, что я летаю в какой-то незнакомой большой комнате под самым потолком”.

Домашние помогали ему “левитировать”. Тина Катаева называет это “опытами с биоэнергией”.

Они соприкасались руками над головой неподвижно сидящего на стуле Валентина Петровича. Потом под мышки и под колени легко поднимали “испытываемого”, вдруг потерявшего вес.

Он делался невесомым. Для него отменялось тяготение. Казалось, он устремлялся к потолку, как воздушный шар.

Древний вампир, он учился летать тёмными переделкинскими вечерами...

Между прочим, вампир-государственный.

20 марта 77-го года в “Правде” Катаев выступил против “диссидентов”. Казалось бы, зачем? Восемьдесят лет, звезда Героя есть, должностных амбиций нет, ничто не угрожает, живи на даче и побеждай земное тяготение в текстах и не только...

А может быть, он так и думал, как писал в газете?

Статья называлась “Хочу мира”. Он вспоминал об истоках советской власти и “Скифах” Блока: “И вправду, это была варварская лира”. Затем, когда страна прошла “трудный, тернистый путь”, “возникла могущественная держава, одно из сильнейших государств мира”. Ей всегда доставалось от разных недругов (“то Геббельс, то бандеровцы”), и вот — новая напасть: “Появились так называемые “диссиденты”, или “инакомыслящие”, сделавшие из своего “диссидентства” и “инакомыслия” довольно выгодную профессию. Они разными путями бежали или были изгнаны со своей родины за границу и подняли там ужасный антисоветский шум, который изредка доносится до слуха честных советских людей по каналам множества радиостанций. Откуда берутся колоссальные деньги на их содержание, даже и догадываться нечего. Антисоветская пропаганда то немного утихает, то снова усиливается. Сейчас, например, мы наблюдаем очередной шквал. Если считать по сейсмической шкале — баллов восемь-девять. Обычно при этой силе землетрясения уже начинают обваливаться здания. Однако Советское государство не ощущает ни малейших колебаний, хотя шум стоит страшный. Можно подумать, что мир рушится. А, собственно, что произошло? В чём дело? Просто “диссиденты”-неудачники высосали из пальца вопрос о “правах человека” и сделали из него орудие антисоветизма, а также (заметим мы в скобках) дойную корову, к соскам которой крепко присосалась “диссидентская” братия... Но ведь, как сказал Пушкин, надо уметь “сохранить и в подлости осанку благородства”... Неужели же вы, синьоры “диссиденты”, не знаете, что в стране, которая вам платит, вас содержит, убивают президентов, неугодных политических деятелей, взрывают дома, подслушивают

телефонные разговоры, воруют, берут взятки, грабят на улицах, грабят в метро; предприниматели грабят рабочих, миллионы безработных ищут и не могут найти себе работу, миллионы девушек и юношей гибнут от наркотиков; процветают алкоголизм и проституция, похищаются дети, совершаются вооружённые нападения, банды гангстеров берут заложников и убивают их, орудует мафия”. Напоминает постсоветскую картину из “России в обвале” Солженицына (включая обличение “радиоголосов”).

“Диссидентов” ещё иначе называют “инакомыслящими”, — продолжал Катаев. — Они, так сказать, мыслят иначе. Они не согласны с советским образом жизни, собственно, они не согласны с самим фактом существования нашего Советского государства. Конечно, это их право. Могут и не соглашаться. Но подрывать его основы, его институты — извините. Подрывать свои основы не позволит ни одно государство в мире — ни социалистическое, ни капиталистическое”.

Повторяющийся публицистический мотив — “подрывают основы” (эхо грубого стихотворения 1911-го: “Шатает основы твои”?)..)

Под конец жизни Катаев заявил журналисту Борису Панкину, что у белогвардейцев “была ясная программа”: “Вот вернёмся, не одних только большевиков к стенке поставим, всех, кто *распатыгал*”.

Любопытно, что он уважительно признавал правила и “капиталистического государства” (сразу вспоминается торжество в “Кубике” по случаю разгрома парижских смутьянов). То есть суть не в идеологичности, а, прежде всего, в “порядке”, в опасении — как оказалось, справедливым! — отмены “самого факта существования” большой страны, а значит, распада устоявшейся жизни. Ведь и для белого движения движения первична была не идеология, а “Россия — единая и неделимая”.

Не о таком ли единстве Родины — имперской и красной — он писал в последних строках “Разбитой жизни”?

“...тень Луны промчалась по полям прошлых и будущих сражений. По Добрудже, по Молдавии, по виноградникам Скулян, где некогда жил мой прадедушка, капитан Елисей Бачей, где родился мой дед — мамин папа, — генерал Иван Елисеевич Бачей, по отрогам Карпат, где я лежал с ногой, простреленной навывлет... И где маршевая рота с красным бархатным знаменем... шла...”

19 октября 77-го года в Большом Кремлёвском дворце состоялся “объединённый пленум правлений творческих союзов и организаций СССР”. Почётный президиум возглавил Брежнев. Выступавший одним из первых Катаев отмечал, что особенное русское слово “интеллигенция” увековечено в новой советской Конституции, и благодарил за этого “нашего дорогого товарища и друга Леонида Ильича”. Вспомнил Катаев и возвращение Куприна в 37-м, про которого отчеканил: “Он был честным русским патриотом”. То ли дело “клеветники России”: “Чем очевиднее наши успехи и наша правда, тем громче их крики и вопли... Клеветайте, господа, клеветайте! Вам не удастся ни на один миг задержать наше триумфальное шествие вперёд! Это про вашего брата, продажного клеветника-антисоветчика, можно сказать, слегка перефразируя слова Пушкина:

*Клеветник без дарованья,
Палок ищет он чутьём,
А дневно пропитанья
Ежесуточным* враньём”.*

Конечно, такая речь понравилась не всем. Василий Аксёнов вспоминал, как “поднимался по лестнице Большого Кремлёвского дворца в то время, как динамики разносили по всему огромному помещению речь Катаева” — и “душа затуманилась грустью и досадой”.

“Говорят, что на такие и подобные акции его побуждали личные просьбы Михаила Андреевича Суслова, — добавлял Аксёнов. — Если это действи-

---

* У Пушкина — “ежемесячным”. Эпиграмма на Михаила Каченовского, издателя “Вестника Европы”.

тельно так, тогда это ещё можно понять: ну, как откажешь столь обаятельному господину?..”

Прозаик Аркадий Львов сидел в гостиной у Катаева, когда на экране стали показывать “государственно-творческое собрание”: “Он заёрзал в своём кресле, засуетился, протянул руку в сторону телевизора... Вскочил, подбежал к телевизору, приложил к ящичку слева ладонь и сказал: “Вот здесь сидел я, а Суслов рядом, немножко правее, если смотреть отсюда”. То обстоятельство, что он сидел рядом с Сусловым, естественно, не было случайным. В кремлёвской табели о рангах, особенно когда дело касается распределения мест в правительственной ложе, случайностей не бывает... Суслов уже давно сделался его добрым гением, об этом по Москве шёл упорный слух...” Приведу и концовку из катаевской записки “дорогому Михаилу Андреевичу” с просьбой об очередном вояже в Париж: “Крепко жму руку и надеюсь на Ваше доброе ко мне отношение”.

А кто побуждал Аксёнова несколькими годами ранее в эссе о Катаеве славить установление советской власти в Одессе: “Дни, одухотворённые романтикой и страстью революции... Конники Котовского на мокрой бруччатке, жилистые матросы в пулемётных лентах... Верность своей родине, в кровавых муках меняющей кожу...”? Цензурный комитет? Ещё несколько лет спустя он завлекательно воспоёт зашибательскую крутизну Америки... И ведь Аксёнов же — вопреки Евтушенко и другим своим товарищам — 3 апреля 63-го выступил в “Правде” с заявлением под названием “Ответственность”: “Я никогда не забуду обращённых ко мне во время кремлёвской встречи суровых, но вместе с тем добрых слов Никиты Сергеевича и его совета: “Работайте! Покажите своим трудом, чего вы стоите!”... Для меня прояснилось направление моей будущей работы, цель которой — в служении народу, идеалам коммунизма...”

Цитирую, не осуждая, а наоборот — возражая всем, желающим размашисто судить-рядить, цепляя других, но только не себя...

Вениамин Смехов рассказал мне, что выступление Катаева возмутило творческую “передовую среду”. Открыто и прямо высказанное государственничество воспринималось как нонсенс. Вскоре, 6 ноября он увидел Катаева в Париже в нашем посольстве на приёме, посвящённом 60-летию советской власти. Там был огромный размеров осётр, и актёры Таганки: Алла Демидова, Зинаида Славина, Владимир Высоцкий, Валерий Золотухин, Борис Хмельницкий... Катаев приблизился к ним, желая вступить в разговор. Поздравил Смехова с ролью Воланда (в том году в театре состоялась премьера “Мастера и Маргариты”).

— Я с начальством не знаюсь, — внезапно произнёс худрук “Таганки” Юрий Петрович Любимов.

И повернулся к Катаеву спиной...

Если так всё и было, то остаётся только удивиться логике “скрытого диссидентства”: отрицать власть, отмечая её юбилей. Да и с различным начальством, включая главу КГБ Андропова, Юрию Петровичу приходилось именно знатья, притом постоянно — он даже пользовался телефонами правительственной связи.

Что до комплиментов генсеку и похвал СССР, вспомним: в 73-м году не кто иной, как Александр Солженицын в “Письме вождям Советского Союза”, призывая к мирной эволюции советской системы в сторону “национальных идей”, называл Брежнева “простым русским человеком со здравым смыслом”. Многие пассажи Александра Исаевича по патриотическому пафосу даже перехлёстывали рамки тогдашней “Правды”: “Внешняя политика царской России никогда не имела успехов сколько-нибудь сравнимых... От всех этих слабостей с начала и до конца освобождена советская дипломатия. Она умеет требовать, добиваться и брать, как никогда не умел царизм. По своим реальным достижениям она могла бы считаться даже блистательной: за 50 лет, при всего одной большой войне, выигранной не с лучшими позициями, чем у других, — возвыситься от разорённой гражданской смуты страны до сверхдержавы, перед которой трепещет мир! Некоторые моменты особенно поражают сгромаждением успехов. Например, конец второй мировой войны, когда Сталин, без затруднений всегда переигрывавший Рузвель-

та, переиграл и Черчилля... Нисколько не меньше сталинских успехов надо признать успехи советской дипломатии последних лет... На такой вершине ошеломляющих успехов неохотнее всего воспринимаются чьи-то мнения или сомнения. Сейчас, конечно, самый неудачный момент приступать к вам с советом или увещанием". В этом же манифесте Солженицын признавал реалистичным для России единовластие и опасным поспешное насаждение западной демократии.

Вот и Катаев там и тут, к примеру, в "Алмазном венце" сообщал, что гордится "торжеством своего государства", и называл его "сверхдержавой".

Но если судить поверхностно, один — пострадавший от власти — отважный бунтарь, другой — с властью ужившийся — опасливый приспешник...

Возвращаясь к Василию Аксёнову: по одной версии, это он ранней весной 78-го, сидя в соседнем зубоорачебном кресле, предложил 30-летнему писателю Виктору Ерофееву выпустить сборник ранее не публиковавшихся художественных текстов. По версии Ерофеева, эту идею Аксёнову подарил он.

В 70-х годах государство начало реорганизовывать цензурную систему. Пирамиду, в которой Главлит подчинялся ЦК, сменяла децентрализация, контроль переходил к "творческим союзам". (Характерно, что после скандала в 74-м с разогнанной уличной выставкой неофициального искусства, художникам-авангардистам выделили зал в Московском горкоме художников-графиков на Малой Грузинской улице.)

Альманах "Метрополь" стал вызовом для власти, ещё не способной отказать от запретов, хотя "дело "Метрополя" показывает, как переменялись её реакции со времён "дела Синявского-Даниэля". Начальник 5-го управления КГБ Филипп Бобков позднее и вовсе утверждал: "Мы просили не разжигать страсти и издать этот сборник, такой вопрос, считали мы, лучше решить по-писательски". Он валил всё на главу Московской писательской организации Феликса Кузнецова, который в разговоре со мной настаивает: именно в московском управлении КГБ ему показали экземпляр альманаха и попросили что-то предпринять в связи с его готовящейся презентацией.

Кстати, незадолго до скандала, рассказывает Кузнецов, в Нью-Йорке, куда он в очередной раз прилетел во время "обмена культурными делегациями", к нему в гостиничный номер с вискарём пришёл "близкий к Госдепу" американец и предложил: "Не хотели бы вы как знаток современной русской литературы составить антологию произведений, которые лежат в столах писателей, и издать её в США?". "Я ответил: "Вы предлагаете мне нарушить закон".

Итак, в 79-м году в Москве тиражом 12 экземпляров вышел альманах "неподцензурной литературы".

"Метрополь" печатала летом 78-го машинистка из "Юности", а одновременно шёл процесс вступления в Союз писателей составителей сборника Виктора Ерофеева и Евгения Попова.

Писатель Николай Климонтович, друживший с "метропольцами", приводил "симпатичный устный рассказ" Аксёнова: когда в ЦК Катаева и иже с ним обнадёжили с проектом "Лестница", тот пригласил их в ресторан "Метрополь". "И не здесь ли исток названия через полтора десятка лет организованного альманаха, — писал Климонтович. — Оба молодых писателя (Евтушенко и Аксёнов) были сражены заказом: мэтр потребовал свежих калачей, красной и чёрной икры и ледяного шампанского-брюта. Василий Павлович, усвоив этот урок настоящего барского шика, на деле — вполне купеческого, собирался нечто подобное устроить и на "метропольской" вечеринке". Была и другая версия названия: "Метрополь — столичный шалаш над лучшим в мире метрополитеном", — сообщалось в аннотации. Но то, что альманах стал отголоском несбывшегося катаевского журнала, подтверждает и Попов... Об этом рядом со словами о "Лестнице" писал и сам Аксёнов: "Метрополь" во многом осуществил то, что смутно мерещилось наивным юнцам молодой "Юности".

Альманах тайно переправили в Америку — в издательство "Ardis Publishing" — и во Францию — в "Éditions Gallimard". Он содержал как тексты "легальных" авторов (Беллы Ахмадулиной, Владимира Высоцкого, Андрея Битова и других), так и "непроходных" (например, Юрия Кубланов-

ского и Юрия Карабчиевского). Некоторые тексты уже были напечатаны (стихи Вознесенского и рассказ Искандера), а некоторые заведомо быть напечатаны не могли. Рассказ Виктора Ерофеева назывался “Приспущенный оргазм столетия”: “Женщина, не соблюдающая менструального поста, хуже фашиста. Слово МЕНСТРУАЦИЯ — одно из самых красивых слов русского языка. В нём слышится ветер и видится даль (Даль?)”. Здесь же была знаменитая “Лесбийская” уже подавшего на отъезд по “израильской визе” Юза Алешковского.

Трифонов уклонился от участия. Евтушенко не пригласили, вызвав его обиду. Есть мнение, что Аксёнов решил, что он “потянет одеяло на себя”, памятью интригу вокруг катаевской “Лестницы”. Катаева тоже не позвали... Не та “весовая категория”. Герой Соцтруда.

“Отношение его к альманаху было сочувственное”, — сказал мне Евгений Попов и вспомнил: “В 23 года, в 69-м, я послал ему рассказы и получил ответ, написанный авторучкой. Он рассказы хвалил, но говорил, что я слишком груб, и рекомендовал мне писать более изящно и не бросать основную профессию (геолога)”*.

Альманах направили в ВААП, Госкомиздат, издательство “Советский писатель”, предложив выпустить его без цензурных правок. Презентацию (“вернисаж”) назначили на 21-е января в кафе “Ритм”. Туда позвали работавших в столице иностранных журналистов. В этой связи 20 января авторов альманаха пригласили на расширенное заседание секретариата Московской организации Союза писателей. Как следует из стенограммы, на вопрос: “Текст альманаха за границей?” — Аксёнов и все составители дружно воскликнули: “Нет!” Руководство СП требовало от “метропольцев” отменить “вернисаж” и не передавать альманах на Запад.

Уже 25 января в эфире “Голоса Америки” издатель Карл Проффер заявил, что “Метрополь” скоро выйдет на английском и французском. “КГБ справедливо утверждал, что вся игра заранее была построена на обмане”, — отмечал Николай Климонтович.

16 мая 79-го года из Союза писателей исключили “организаторов” Евгения Попова и Виктора Ерофеева (было принято решение не выдавать им членские билеты).

В это время Аксёнов, Попов и Ерофеев ехали в Крым. Последний вспоминал: “Аксёнов ночью, уже за Харьковом, в своей зелёной “Волге” сказал мне, что он печатает роман “Ожог” на Западе. О, как! Я втрепенулся. По тайной договоренности с КГБ, Аксёнов (с ним доверительно поговорил то ли полковник, то ли генерал) не должен был печатать за границей этот весьма скверный (но тогда ценилась антирежимность!) и непонятно как попавший в КГБ роман (автор дал его почитать только близким друзьям, я тоже попал в *happy few*). Иначе с ним обещали расправиться и выгнать из страны. Я попросил объяснений. Но несмотря на то, что за месяцы “Метрополя” я несколько вырос диссидентским званием в узком мире свободной русской литературы, Аксёнов отделался неопределённым мычанием”.

“Всё лето и осень шли переговоры с Юрием Верченко и Сергеем Михалковым (органсекретарем правления СП СССР и председателем СП РСФСР) о том, что нас восстановят во избежание дальнейшей эскалации скандала”, — говорит Евгений Попов. 21 декабря 79-го года их вызвали на секретариат Союза писателей РСФСР.

“Будущий светоч демократии Даниил Гранин объявил, что в Союзе писателей нам делать нечего. “Ребята, я сделал всё, что мог, но против меня сорок человек”, — тихо сказал мудрый хитрый Михалков, который наперёд знал, что я запомню эти слова и когда-нибудь кому-нибудь о них сообщу. Например, вам. Бондарев всё заседание промолчал, лишь жестами, как глухонемой, выражая своё возмущение. Очевидно, не хотел светиться в стенограмме... “Прекрасный подарок Союза писателей к столетию Сталина” — под таким заголовком на следующий день вышло наше совместное с Ерофеевым интервью в газете “Нью-Йорк таймс”.

---

* По словам Павла Катаева, отец отвечал на каждое письмо, несмотря на их обилие.

Сразу же в знак протеста из Союза писателей вышли Аксёнов, Инна Лиснянская и Семён Липкин. 22 июля 1980 года Аксёнов, его жена Майя, её дочь Алёна и внук Иван улетели в Париж, откуда через пару месяцев переехали в Штаты. 20 ноября 1980 года Аксёнов был лишён советского гражданства.

После выхода из Союза писателей Лиснянская и Липкин поселились в Переделкине у знакомой женщины (вдовы приятеля Липкина, литературоведа Николая Степанова). “Неожиданно для себя оказались диссидентами, — вспоминал Семён Израилевич. — Часто встречались с прогуливающимся Катаевым, обменивались незначительными словами, но дружелюбно, что я отметил в это трудное для нас время, когда обыватели переделкинских дач и Дома творчества из числа прогрессивных старались с нами не здороваться.

Однажды он подошёл ко мне, похожий в своей красной рубашке на Савву Леонида Андреева, и сказал:

— Я прочёл вашу “Волю”. Вы новатор в традиции. Большой поэт.

И тут же на улице Гоголя, гуляя со мной, стал читать наизусть запомнившиеся ему строки, восхищался и лирикой, и поэмами. Замечу: о книге, изданной в Америке издательством “Ардис”, составленной изгнанником Иосифом Бродским, он говорил таким тоном, как будто книга вышла в обычном московском издательстве, вещи весьма несветского содержания оценивал только с художественной стороны, как бы не замечая их политической направленности...

Я понимаю, что некрасиво писать о том, как тебя хвалят, но потому так отважно, не боясь насмешек, сообщаю мнение Катаева о книге, изданной нелегально за рубежом, что мне хочется понять и изобразить сложный, как теперь принято выражаться в таких случаях, характер моего знаменитого собеседника”.

“Уже написан Вертер”

Лето 80-го. “Новый мир” № 7. “Уже написан Вертер”.

Изначально рассказ назывался “Гараж” и был написан в январе-августе 79-го года. Но весной 80-го вышла на экраны одноименная комедия Рязанова, и Катаев в корректуре изменил заголовок и сократил с восьми листов до трёх.

Одна из версий, почему он это написал: после отторжения “прогрессивной интеллигенцией” его “Венца” (“кдюют, щиплют”) в отместку решил “сделать погорячее”.

Но главное, он писал своего “Вертера” снова и снова (и в “Отце” сквозь 20-е, и в киноповести “Поэт” 57-го, и в “Траве забвенья”), рассыпая то крупные осколки, то стеклянную пыль витража разбитой жизни...

Катаева часто упрекали в “бестемье”, вернее, в способности притягивать любой сюжет к самодостаточной изобразительности. Но тут была смертельно важная для него Тема.

Расстрельная пуля снова и снова вылетала и не могла долететь.

Всё в прошлом. Одесса под большевиками. Богатая семья, дававшая воскресные обеды, рухнула, отец бежал в Константинополь, мать “распродает барахло”, а их сын — юный художник Дима, нелепо и случайно замешанный в белогвардейском заговоре, — арестован. Конвоиры ведут его по улицам. “Одна старушка с мучительно знакомым лицом доброй няньки выглянула из-за угла и перекрестилась. Ах, да. Это была Димина нянька, умершая ещё до революции. Она провозжала его печальным взглядом”. Он ждёт расстрела в подвале ЧК. Сдала жена, подосланная и оболытлившая гражданка-сексот Лазарева, вместо имени Надя хотевшая назваться Гильотиной, но остановившаяся на Инге, ученица совпартишколы “с маленьким белым шрамом на губе”. Мать обречённого Лариса Германовна в надежде на чудо припадает к бывшему эсеру-бомбисту Серафиму Лосю, который когда-то читал у них на даче “что-то своё, революционно-декадентское”. Лось отправляется к следователю ЧК Максиму Маркину, с которым они бежали с каторги:

— Вспомни напильник. Может быть, ты посмеешь отрицать, что напильник достал я?

— Напильник достал ты, — смущённо пробормотал Маркин.

— Так подари мне жизнь этого мальчика”.

В час ночных расстрелов Маркин уводит приговорённого юношу и выталкивает, отперев *маленькую железную дверь в стене*:

— Уходи и больше не попадайся.

Лариса Германовна видит на афишной тумбе газету со списком расстрелянных, обнаруживает там имя сына, и, вернувшись домой, принимает смертельную дозу “веронала”. Инга, встретив Диму в “общественной столовой”, яростно вскрикивает:

— Значит, контра пролезла даже в наши органы! Ну, мы ещё посмотрим.

Ему показалось, что всё это уже когда-то было... Неподвижно развевающийся плащ удаляющегося Иуды”.

Она врывается к прибывшему в город “особоуполномоченному по чистке органов” Науму Бесстрашному, и теперь в ярости он: “Как! Выпустить на свободу контрреволюционера, приговорённого к высшей мере?”

Бесстрашный, быть может, ключевая фигура повести. Он только что вернулся из революционной Монголии, где всем подряд по его приказу отрезали традиционные косы. “Он стоял в позе властителя, оставив ногу и заложив руку за борт кожаной куртки. На его курчавой голове был будёновский шлем с суконной звездой... Улыбаясь щербатым ртом, он не то чтобы просто говорил, а как бы даже вещал, обращаясь к потомкам с шепелявым восклицанием:

— Отрезанные косы — это урожай реформы.

Ему очень нравилось выдуманное им высокопарное выражение “урожай реформы”... Время от времени он повторял его вслух, каждый раз меняя интонации и не без труда проталкивая слова сквозь толстые губы порочного переростка, до сих пор ещё не сумевшего преодолеть шепелявость. Полон рот каши... А может быть, ему удастся произнести их перед самим Львом Давыдовичем, которому они непременно понравятся, так как были вполне в его духе... Его богом был Троцкий, провозгласивший перманентную революцию. Перманентная, вечная, постоянная, неухающая революция. Во что бы то ни стало, хотя бы для этого пришлось залить весь мир кровью... У него, так же, как и у Маркина, был неотчётлив выговор и курчавая голова, но лицо было ещё юным, губастым, с несколькими прыщами”.

Первым делом он приказывает арестовать саму Ингу, жену “скрывшегося юнкера”.

И вот уже расстреливают раздетых донага и её, и Маркина, и Серафима Лося... А спустя годы на Лубянке расстреливают самого Наума Бесстрашного, целующего сапоги чекистам...

Дома Дима находит мать бездыханной и записку: “Будьте вы все прокляты!” Он бежит к “военному врачу, который служил в добровольческой армии, застрял в городе и теперь отсиживался на даче в погребе, ожидая каждую ночь ареста”. Верный клятве Гиппократу, тот, преодолевая страх, следует за знакомым, которого полагал расстрелянным, но может лишь констатировать смерть. “Дима стоял на коленях возле тахты, целовал мраморно-твёрдые, холодные материнские руки и плакал, а доктор — в военном кителе со срезанными погонами, в фуражке с синим пятном от кокарды, с докторским саквояжем в руке — гладил его по ещё колючей голове и говорил, что ему надо как можно скорее скрыться или лучше всего бежать вместе с ним...”

И вся эта история — переделкинский сон автора...

И опубликована она ведущим литературным журналом Советского Союза!

Публикацию предвещал редакционный врез: “В основе этой прозы не конкретные воспоминания, но память о целой эпохе” — опасливая, но глубоко верная формулировка. Киношно-сновиденческий сюжет условен: Катаев написал именно об эпохе, о механизме и метафизике “большого террора”, отсчёт которого нельзя вести с лубянского подвала, и тогда Наум Бесстрашный предстает уже не “жертвой репрессий”, а палачом, получившим воздаяние...

Всё началось раньше. Недаром и в “Алмазном венце” повествователь всматривается в парижский “нож гильотины, тот самый, который некогда на

площади Согласия срезал головы королю и королеве, а потом не мог уже остановиться...”

Два вояды революции: один — на портрете, другой — в кино пожирают былое. “Вместо царского портрета к стене был придавлен кнопками литографический портрет Троцкого с винтиками глаз за стеклами пенсне без оправы”... “Чёрный язык оборванной ленты слизал с экрана глаза Мозжухина (русского актёра, покинувшего Россию в 20-м. — С. Ш.), и тотчас на мелькающем экране показался худой, измученный болезнью Ленин. Он ходит взад-вперёд по начисто выметенному кремлёвскому двору, по его мостовой и плитам, между Царь-пушкой и Царь-колоколом...”

В новомировском врезе, написанном лично главным редактором Сергеем Наровчатковым, Катаева даже объявляли фантазёром: “В ней, этой памяти, причудливо соединились увиденное, пережитое, пережитое, прочитанное и — домысленное, нафантазированное, угаданное”. Редакция пыталась списать всё на отдельные “искривления и нарушения законности”: “Повесть старейшего советского писателя В. Катаева, свидетеля и очевидца тех времён, самым своим остриём направлена против врагов революции. Сегодня в связи с оживлением троцкистского охвостья за рубежами нашей родины, в накале острой идеологической борьбы гневный пафос катаевских строк несомненно будет замечен. Наше короткое вступление имеет целью привлечь внимание читателя к фактам многолетней давности, незнание или забвение которых затруднит восприятие катаевской повести”.

Сумбурное предисловие не случайно и как будто бы адресовано “наверх”. Зачем вы навязали этого старика? Его гневный пафос несомненно будет замечен за рубежом в накале борьбы...

Будь воля редакции — Катаева бы не напечатали!

В то время верования советской либеральной интеллигенции сводились к тому, что всё плохое пришло со Сталиным (а по стилю воспроизводило “царизм”). Напомним, и “перестройка” началась с повторения оттепельного лозунга “возвращения к ленинским нормам” и реабилитации казнённых участников так называемой “троцкистской оппозиции”, превратившихся в героев журнала “Огонёк”. Но “контрик” Катаев был равнодушен к “похищенному Прометееву огню революции”, какие бы левые вихри ни крутили его в Мыльниковом переулке.

Если бы он протащил в прозу осуждённые партией “сталинские репрессии”, его бы лобзали и ласкали. Но он-то внаглую, с обезоруживающей трагически-лунатичной усмешкой одиночки долбанул прямым по тогда ещё недосгаемо-святому — по “комиссарам в пыльных шлемах”...

Убеждён, “Уже написан Вертер” в “Новом мире” 80-го (с радикальным замахом на весь большевизм) имел не меньшее политическое значение, чем “Один день Ивана Денисовича” в том же журнале в 62-м.

Но Катаева не приняли. Он вломился на системное поле, ни с кем не считаясь, не по свистку, когда ещё было нельзя, и оставил позади официально-прогрессивную команду, которая с ещё большим негодованием принялась швырять в его старческую спину проклятья... За эту смелую свободу многие — по стайной цепочке — по сию пору не могут его простить.

Критик Наталья Иванова отмечает: “Кем-кем, а либералом советского образца Катаев не был (однако либеральная общественность была абсолютно уверена, что Катаев — “свой”, и именно поэтому столь болезненно отреагировала на “Вертера” — соответственно, как на измену)... Он не считался и с общественным мнением — в том числе той группы, которую сам и взрастил. Плонул в самую душу шестидесятникам — “Вертером”, не оставившим сомнений в его почти физиологической ненависти к большевизму. Да и от антисемитских подозрений в еврейском происхождении (от одесского акцента он до конца жизни так и не избавился) Катаев здесь отрекается совсем недвусмысленно”.

“Прочёл повесть В. Катаева “Уже написан Вертер”, — писал в дневнике за 11 июля 80-го года критик Игорь Дедков, до самого конца советской власти хваливший Солженицына за антисталинизм и порицавший за антилиберализм. — Такое впечатление, что это инспирированная вещь. В ней есть

некое целеуказание: вот кто враг, вот где причина былой жестокости революции. Троцкий, Блюмкин (Наум Бесстрашный), другие евреи в кожанках... Страшные видения некоего “спящего”... Однако это страшные видения глубоко благополучного человека, который наблюдает страдания со стороны (безопасной!) и потому способен заметить, что по щеке терзаемого существа ползёт “аквамариновая” слеза...^{*} Историческое мышление в этом случае тоже отсутствует; то есть оно настолько подозрительно и нечистоплотно, что всё равно что отсутствует... И неожиданная в старике Катаеве злобность, и бесцеремонное упрощение психологии героев (на каких-то два счёта). 5 октября Дедков привёл отзыв критика Лазаря Лазарева: “Белогвардейская вещь”. И соглашался: “Я подумал, что это, пожалуй, правильно: не антисоветская, не какая-то другая, а именно белогвардейская, с “белогвардейским” упрощением психологии и мотивов “кожаных курток” и с налётом антисемитизма”.

1 июля 82-го года Валерий Кирпотин записал: “Пошёл к Катаеву, с некоторой неохотой, но решил — неудобно, многие слишком презрительно говорят о нём... Зашла речь о его повести “Уже написан Вертер”. Я прямо сказал о своём отношении. Катаев стал говорить о ЦК с такой же злобой, как одесский обыватель 1919–1920 г<одов>. Настаивает на том, что “военный коммунизм” — дело рук Троцкого. Я сослался на Ленина. Катаев мне: — Прочли бы Троцкого, тоже нашли бы обоснование “военного коммунизма”. Ты сам был троцкистом.

Попрощались за руку, но я, конечно, больше к нему ни ногой”.

Александр Рекемчук, в то время член редколлегии “Нового мира”, так вспоминал историю появления катаевской повести: “Может быть, самое яркое из созданного им. И наверняка — самое скандальное (во всяком случае, тогда это было шоком). Заставившее многих его почитателей отшатнуться, отпрянуть в негодовании... Я был в числе отпрянувших. Больше того: я был в числе тех, кто возражал против публикации этой повести в “Новом мире”. Между прочим, тогдашний главный редактор журнала Сергей Наровчатов тоже был смущён прочитанным текстом и, как обычно, когда в редколлегии возникали споры, повёз его куда-то, говорят — в ЦК КПСС, говорят, что к самому Суслову. И оттуда последовала команда: печатать!.. Сейчас уже трудно поверить в реальность подобной ситуации, когда редколлегия — против, а ЦК — за. Но так было в тот раз”.

И впрямь удивительно! ЦК пришлось настоять на свободе художественного слова наперекор свободолобцам-новомировцам.

Хотя так ли уж странно?

То, что “Вертера” всё-таки разрешили, объясняют давней симпатией к Катаеву Суслова и благодарной платой за готовность периодически откликаться на “просьбы партии”. Отдельными политическими заявлениями (впрочем, кто сказал, что совершенно неискренними?) Катаев завоевывал себе право на художественную свободу.

Вот свидетельство журналиста Бориса Панкина, который прямо назвал фамилию Суслова:

“— Я послал рукопись в ЦК, — тонко улыбаясь, рассказывал мне Валентин Петрович. — Есть там человек. — Он пристально посмотрел на меня. — Очень большой человек. Я к нему обращаюсь, когда уже вот так, — и он совсем по-одесски, по-молодому, лихо провёл ребром ладони по кадыку. — Помогает. Позвонили от него и сказали: вещь будет напечатана”.

“Да, так он ещё никогда не писал! — запоздало восхищается Рекемчук. — “Урожай реформ”. Косы. Лев Давидович. Нет, это не про Чубайса. Того ещё не было и в помине”. Он спрашивает себя, перечитывая повесть: “Что же нас — меня, в частности, — заставило тогда её отвергнуть?” — и отвечает: “Она была слишком хорошо написана”.

Писатель Николай Климонтович припоминал “забавный случай”, который даже его, “воспитанного в сугубо либеральном духе, несколько покоро-

^{*} Дедков, видимо, не подозревал, что таким же терзаемым существом был и сам Катаев, и “аквамариновая слезинка, блеснувшая в луче электрического фонарика”, могла ползти и по его щеке. В “Вертере” много потустороннего, но не постороннего...

бил”. В редакции “Нового мира”, “оказавшись в кабинете наедине с одной из самых прогрессивных редакторш журнала” (очевидно, Дианой Тевекелян), он поздравил её с “очень хорошей” повестью, “полагая наивно, что делаю комплимент”: “Каково же было моё смущение, когда дама внятно отчеканила: “А я знаю людей, Коля, которые тем, кто хвалит эту гадость, руки не подают...” Лишь позже выяснилось то обстоятельство, что хитрая лиса Катаев, отлично зная, что такое оскал русского либерализма, организовал дело так: повесть была спущена Наровчатову сверху”.

Сама Тевекелян так писала в мемуарах: “С Катаевым связан, пожалуй, единственный серьёзный конфликт между Наровчатовым и рабочей редколлегией. Почти все высказались против публикации повести “Уже написан Вертер”. Повесть появилась всё-таки, правда, спустя время. Автор получил благословение Суслова”.

Другой тогдашний “новомировец”, в 81-м возглавивший журнал, — Владимир Карнов — вспоминал: “В тот день привезли в редакцию очередной номер “Нового мира”, в котором был напечатан “Вертер”. Я принёс его и вручил Валентину Петровичу. Он не верил своим глазам! Потом опомнился, стал меня обнимать и целовать”.

После этой публикации Катаев относился ко мне с особенной нежностью, хотя заслуги моей в “пробивании” этой повести не было... И вот Валентин Петрович с того дня простёр на меня свою благодарность и ласку”.

Публикацию надо было обмыть.

“Катаев осторожно, будто священнодействуя, достал из буфета тёмную бутылку с яркой этикеткой:

— Это настоящий французский коньяк. Я сам привёз его из Парижа.

В те дни мы ещё не были избалованы импортными напитками, они ещё не появились в продаже, были редкостью.

Валентин Петрович налил в хрустальные рюмочки солнечного цвета заветную влагу. Мы чокнулись.

— За вас. За вашу смелость и отвагу. За публикацию “Вертера”.

Когда Борис Панкин спросил Катаева, для чего тот написал “Вертера”, ответ последовал в форме тоста.

— “Это было испытание для системы. Я предложил советской власти испытание — способна ли она выдержать правду? Оказывается, способна. Выпьем за неё”.

Я пригубил из вежливости. Дети и Эстер Давыдовна пить демонстративно отказались...

— Они, — сказал Катаев, обращаясь только ко мне и словно продолжая какой-то спор, который был без меня, — делают кумира, философа из Троцкого. А он же был предтечей Сталина”.

Тогда же Катаев недобрим словом помянул Дзержинского (“навверняка был троцкистом”), который, как мы упоминали, и приезжал в Одессу инспектировать чекистов, то есть и был историческим прототипом Бесстрашного.

Но испытание советская власть выдержала не вся и не вполне.

2 сентября 1980 года председатель КГБ Юрий Андропов направил секретную записку в ЦК КПСС: “В Комитет госбезопасности СССР поступают отклики на опубликованную в журнале “Новый мир” (№ 6 за 1980 год) повесть В. Катаева “Уже написан Вертер”, в которых выражается резко отрицательная оценка этого произведения, играющего на руку противникам социализма. Указывается, что в повести перепеваются зады империалистической пропаганды о “жестокостях” социалистической революции, “ужасах ЧК” и “подвалах Лубянки”. Подчёркивается, что, несмотря на оговорку редакции журнала относительно троцкистов, в целом указанное произведение воспринимается как искажение исторической правды о Великой Октябрьской социалистической революции и деятельности ВЧК”.

Комитет госбезопасности, оценивая эту повесть В. Катаева как политически вредное произведение, считает необходимым отметить следующее.

Положенный в основу сюжета повести эпизод с освобождением председателем Одесской Губчека героя повести Димы, оказавшегося причастным к одному из антисоветских заговоров, и расстрелом за это самого председателя Губчека не соответствует действительности...

В описываемый период, а он обозначен исторически вполне определённо — осень 1920 года, — председателем Одесской Губчека был М. А. Дейч. Он участвовал в революционном движении с 15 лет. В 1905 году за революционную деятельность был приговорён к смертной казни, заменённой затем пожизненной каторгой. С каторги бежал в Америку, где был арестован за выступления против империалистической войны. После освобождения из заключения весной 1917 года возвратился в Россию. После Октябрьской революции работал в ВЧК. Возглавляя с лета 1920 г<ода> Одесскую Губчека, успешно боролся с белогвардейско-петлюровским подпольем и бандитизмом, за что в 1922 г<ода> был награждён орденом Красного Знамени. Впоследствии работал на различных участках хозяйственного строительства, был делегатом XVI съезда партии, на XVII съезде партии избран в состав комиссии Советского контроля. В 1937 г<ода> подвергся необоснованным репрессиям и впоследствии был реабилитирован...

Написанная с субъективистской, односторонней позиции, повесть в неверном свете представляет роль ВЧК как инструмента партии в борьбе против контрреволюции”.

Суслову, по видимости, и благословившему публикацию “Вертера”, пришлось наложить резолюцию:

“1. Ознакомить т<оварищей> Шауро и Зимянина.

2. Тов<арищ> Шауро.

Прошу переговорить”.

17 сентября Василий Шауро, завотделом культуры ЦК, записал: “Товарищу М. А. Суслову доложено о принятых мерах”.

Главной мерой стал строжайший запрет на упоминание повести в печати: ни единого отклика, словно ничего не было. Издательство “Художественная литература” не включило повесть в десяти томное полное собрание сочинений Катаева, выходящее в 1983–1986 годы...

Публично все молчали, но гудели между собой. Разве что писатель Григорий Бакланов с трибуны пленума творческой интеллигенции Москвы вопрошал, как мог автор “Вертера” намекать, что случайно не отправился в другие миры, то есть за границу...

Вспоминавший об этом высказывании поэт Сергей Мнацаканян добавлял: “С поразительным эффектом повести пришлось столкнуться и мне. Я тогда работал редактором газеты “Московский литератор”. Однажды, когда в газете печатался отчёт с собрания прозаиков Москвы, меня вызвали к цензору. Оказывается, существовало постановление о том, что в прессе не допускается упоминание повести “Уже написан Вертер”. А в отчёте несколько раз выступающие, причём положительно, обращались к этому произведению. Мне как редактору предложили это упоминание снять”.

Станислав Куняев вспоминает, как заказал в родной калужской областной библиотеке тот самый номер “Нового мира” и, “открыв его, ахнул”: “Страницы 122–158 журнала были аккуратно вырваны, что называется, под корешок”.

“Когда повесть была написана, — вспоминает киевский филолог Вадим Скуратовский, — мне, тогда беспросветному литературному аутсайдеру, позвонили из “Литературной газеты” и осторожно спросили, как я к ней отношусь. Я ответил несколько гиперболически: пожалуй, это лучшее из всего, что я когда-либо читал на всех известных мне языках, всех известных мне литератур все их периодов... Мне тотчас же заказали рецензию. Но не успел я её дописать, как в редакцию ворвалась стоустая литературная молва самой высокой либеральной пробы: повесть-де антисемитская, сомнительный автор и сомнительная направленность”. Рецензию запретили.

Катаев взбесил не только легальных прогрессистов, но и нелегальных. В архивах общества “Мемориал” за 1981 год хранится статья “Катаев и революция” самиздатовского публициста Марка Болховского*. “Вы думаете,

* Как уже указывалось, это псевдоним диссидента, правозащитника Михаила Молостова (1934–2003), о котором чуть подробнее: с 1958-го по 1965-й сидел в лагерях, осенью 1993-го, будучи членом фракции “Радикальные демократы” в Верховном Совете, поддержал разгон Парламента, затем стал членом гайдаровской фракции “Выбор России” в Госдуме; в 95-м вместе с заложниками сопровождал Шамиля Басаева от Будённовска до Чечни.

автор “Нового Вертера” — антисемит? Боже упаси! — насмешничал рецензент. — Он просто противник международного сионизма, равно как и других иноземных влияний... Слова матери Вертера: “Будьте вы все прокляты!” — должны быть адресованы слонявым Робеспьерам, местечковым Сен-Жюстам, которым предстоит ещё целовать начищенные сапоги... Эти самые сапоги оказываются чем-то вроде справедливого возмездия. Так называемый культ личности Сталина тем самым оправдывается. Он лишь расплата за романтику мировой революции, с которой носились Троцкие, Радеки, Блюмкины и местечковые чекисты...” Болховской делился “чувством брезгливости, с которым закрываешь эту книжку некогда честного журнала”.

Какое трогательное, пусть и невольное единодушие с председателем КГБ СССР!

После выхода июньского “Нового мира” Катаев объявил, что устраивает банкет в ЦДЛ на открытой веранде, и позвал туда всю редколлегию журнала.

“Он приглашал всех, в том числе и тех, кто был против, — рассказывает Рекемчук. — Но мы, те, кто были против, решили не идти. Чтоб не лицемерить. Нет — и basta. И надо же такому случиться: я был как раз в тот день в клубе писателей — куда-то ехал, собирался где-то выступать, — и вдруг на затейливом крыльце олсуфьевского особняка, уже на выходе, столкнулся с Катаевым.

Он обрадовано, отечески возложил мне на плечо свою смуглую стариковскую кисть:

— Значит, вы всё-таки пришли?

— Нет, я не пришёл, — заметался я. — Мне просто нужно ехать в одно место... я здесь совершенно случайно.

— Но — может быть?.. — он заглянул мне в глаза.

— Нет-нет, извините, Валентин Петрович.

— Послушайте, — сказал он, — там будет хорошая выпивка, приличная еда!

Он знал мои слабости.

— Нет-нет, — сказал я. — Большое спасибо. Но не могу... До свиданья!

И сбежал.

Конечно же, он обиделся”.

Когда в январе 1982-го Кирпотин спросил Катаева по поводу новой прозы: “Опять какого-нибудь жида к ногтю прижимаешь?” — собеседник “чуть-чуть растерялся, потом ответил: “Нет, второй раз может не сойти”.

Тогда же писатель Василий Субботин наблюдал выступление Катаева в конференц-зале Литинститута — похоже было, что “саму эту встречу устроили, чтобы высказать всю ту ерунду, которой уже достаточно он наслушался”. По Субботину, после первого же вопроса “в агрессивной форме” от одного из молодых людей, “Катаев без улыбки, но сдержанно резковато смахнул его, словно муху со стола. Остальные, как видно, поостереглись, не полезли”.

Надо сказать, все упреки в антисемитизме автор повести отвергал решительно.

Он ничего не преувеличил, не покривил против правды, честно показал кабинеты и застенки, сквозь которые прошёл, и тех, кого видел... “Надо иметь в виду, что аппарат ЧК в тексте просто одно в одно списан с реальности 1920 года”, — сообщает историк Немировский, и пронизывает, что обидеться на повесть могли бы и русские. Диму арестовывает явный славянин “в сатиновой рубаше с расстёгнутым воротом, в круглой кубанке”. Чекистка Лазарева — русачка, “штерская горничная из богатого дома, пошедшая в революцию”. Да и распорядитель расстрелом, как будто нарочно, дабы избежать обвинений в предвзятости, — “светлоглазый с русым чубом”.

“Чем же провинился злодей (тут ему уже всё прошлое готовы были припомнить) Катаев? — писал Александр Нилин. — Он даже и не особенно подчёркивал — впрочем, и подчёркивал, конечно, описанием специфической внешности персонажей, — что в одесской ЧК служили люди определённой национальности. И вот на Катаева с его чекистами (в дальнейшем тоже расстрелянными) ополчились умные и тысячу раз более прогрессивные люди...”

Но ведь Катаев не из головы выдумал и героев, и ситуацию... Я догадываюсь, что многим свободомыслящим и достойным людям претит сама мысль, что конформист Катаев в своей прозе оказывается более протестным автором, — талант всегда смелее”.

Писатель Юрий Карабчиевский вспоминал, что его чуть не выгнали из интеллигентного московского дома, когда он похвалил повесть, которая ему “очень понравилась”: “Об авторе все говорили в один голос, что он человек отвратительный. Не знаю, я с ним не был знаком, но хочется думать, что в нём... был свой страдающий и болящий центр... иначе как бы он смог ощутить и так талантливо выразить чужие страдания”.

И всё же... Рельефное, натуралистичное, едва ли не карикатурное изображение чернокожаных комиссаров можно было бы списать на художественную манеру Катаева, но сложно отделаться от впечатления, что внешность, речь и деяния персонажей слиты воедино (как, допустим, в “Сыне полка” у фашистов), и повесть — вербальное отражение запомнившегося ему белогвардейского плаката с “чудовищным, ярко-красным Троцким, сидящим верхом на поломанных крестах Кремля” или другого, тоже созданного деникинским ОСВАГОм, под названием “В жертву Интернационалу”, на котором главные большевики (Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Радек, Раковский) собираются заколоть связанную женщину в кокошнике — Россию. С белогвардейского плаката и жёлтый часовой: женщина “умоляет впустить её в комендатуру, но китаец стоит неподвижно, как раскрашенная статуэтка: фаянсовое лицо, чёрные брови, узкие змеиные глаза, рот без улыбки. Она унижается. Она плачет. Он неподвижен”.

Деникинский плакат. А если копнуть чуть глубже — “Одесский листок”, “Русская речь”...

Дело не только в свободе от тисков “политкорректности”, когда нет запретных образов, и художник вправе рисовать, как ему вздумается, хоть колченогого, хоть горбатого, равно как бело-, красно-, жёлто- и чернокожих.

Есть и другая сторона всей красочной жути “Вертера” — мистерия, сближающая эту прозу с “Мастером и Маргаритой” Булгакова: выпуклое и страстное воссоздание мира Священного Писания. В катаевской “иудаике” присутствуют и убивающие, и убиваемые, и избавители, и даже пророки — в повесть влетают стихи Мандельштама и Пастернака (вещь озаглавлена его строкой и им завершается)...

“Перед мальчиком полукругом раскинулась, как настоящая, чёрствая иудейская земля... неподвижный, бездыханный мир, написанный на полотне, населённый неподвижными, но, тем не менее, как бы живыми, трёхмерными фигурами евангельских и библейских персонажей... и надо всем этим царил гора Голгофа...”

Подосланная предложила себя Диме на Первое мая (“Митя, хочешь быть моим первомайским кавалером?”): в это праздничное утро на лавочных весах некто Кейлис, “лысый пожилой еврей в старорежимном люстриновом пиджаке педантично взвешивал первомайские пайки ржаного хлеба, нарезаая его острым ножом, каждый раз опуская нож в ведро с водой, чтобы липкий хлеб лучше резался”. Всё не случайно, символично, торжественно, и вот уже первый вечер с обольстительницей Лазаревой оборачивается Тайной Вечерей с Иудой — он и она распили “лилово-красное вино в его комнатке. Они пили его из одной кружки. Они заели его ржаным хлебом с кисловатой каштановой коркой... Это был их свадебный ужин, их первая брачная ночь”.

Лазарева, конечно, тоже говорящая фамилия — воскрешение Лазаря четверодневно: “он расстрелян и вместе с тем он стоит в столовой и разговаривает со своей женой”...

Что до вульгарных обвинений и подозрений, можно привести воспоминание писателя Анатолия Алексина: “Все юдофобы — ничтожества”, — сказал мне Катаев. Я привёл в опровержение несколько отнюдь не ничтожных имен. “А сие исключение, как обычно, лишь подтверждающее правило!” — не сдался Валентин Петрович”. И одновременно — запись о перед Розановым, которого с его же подачи, как и Катаева, записывали и в “филы”, и в “фобы”. В любом случае, Катаев — автор двух произведений о родном

городе “Уже написан Вертер” и “Отче наш”, зачастую воспринимаемых разновекторно (характерно, что и то, и другое иногда называют вершинами его прозы).

Станислав Куняев вспоминал звонок от старшего коллеги по секретариату Московской писательской организации в 1980-м году. “Валентин Петрович позвонил из Переделкино и, не найдя Феликса Кузнецова, с раздражением сорвал свою досаду на мне:

— Я не приеду на ваш секретариат и вообще моей ноги в Московской писательской организации не будет. Кого вы там принимаете в Союз писателей? Ивана Шевцова? Ваш секретариат войдёт в историю, как исключивший из своих рядов Василия Аксёнова и принявший Ивана Шевцова. Так и передайте мои слова вашему шефу!

Заметим, Аксёнов покинул Союз сам, а Ивана Шевцова, автора небеспричинно считавшегося антисемитским памфлета “Тля”, приняли только после того, как у него было издано семь романов. “Валентин Катаев ставил ультиматум: мол, если примут Шевцова, из Союза выйду я”, — в 2007-м рассказывал сам 87-летний Шевцов журналисту Олегу Кашину.

“Я не удивился, — сообщает Куняев, — поскольку знал окружение Валлона, национальный состав сотрудников редакции “Юности” в его редакторскую бытность. Как было ему иначе откликнуться на приём в Союз писателей Ивана Шевцова? Только так... Но каково было моё изумление, когда буквально через несколько месяцев в июньском номере “Нового мира” я прочитал трагическую катаевскую повесть “Уже написан Вертер”.

В своих мемуарах Куняев приводит сбивчивое анонимное письмо, пришедшее в Московскую писательскую организацию летом 1980 года, из которого приведём несколько фраз: “Дела Курчавого Маркса бессмертны и сейчас, преклоняясь перед ним, миллионы людей совсем не интересуют, шепелявил он или картавил. И когда он писал свой великий лозунг “Пролетарии всех стран, соединяйтесь”, то он не думал, что его заменят на “Бей жидов, спасай Россию”, а по-вашему, по-интеллигентному, как написано в вашем бреде сивой кобылы, “Будьте вы все прокляты”. Троцкизм хоть и безусловно ошибочное течение, но в таком тоне о нём писать просто глупо и изображать евреев, как гитлеровцев, — это значит быть им самому... И хоть у вас вполне арийское лицо, через 50–100 лет вы канете в вечность, а они, губастые, носастые, останутся в веках, пока будет существовать этот мир... Я всё думала, почему единственный отрицательный тип в повести — русская женщина (остальные все евреи), а потом поняла: как же аристократ может унизиться до того, чтобы лечь с жидовкой...”

В этой анонимке — боль, как от ожога. Крик оскорблённой женщины, превратно истолковавшей прочитанное. Но письмо показательное... Слишком многие в этот раз не поняли Катаева...

В июле 1980-го года литератор Семён Резник посетил на переделкинской даче Анатолия Рыбакова. “В качестве примера того, как быстро в литературе набирает мощь антисемитская струя, я назвал только что появившуюся повесть Валентина Катаева “Уже написан Вертер...” Назвал, и тотчас пожалел о своей опрометчивости: ведь у Рыбакова с Катаевым должны были быть давние отношения, а какие именно, я не имел понятия. Куда может повернуть разговор, если их связывает многолетняя дружба и он посчитает нужным “заступиться” за товарища! Но Рыбаков очень резко отозвался о Катаеве, сказав, что, хотя они соседи по даче и нередко встречаются, но он давно уже не подает *этому подонку* руки”.

В ноябре того же года Резник в письме в “Литгазету” призывал к бдительности в связи с “разгулом литературного хулиганства на почве национализма и шовинизма”. К погромщикам примкнул и Катаев, “что наиболее ярко выразилось” в его повести: “Это повесть о революции, причём под соусом сновидений и галлюцинаций, революция представлена, как ужас и изуверство, творимые евреями, то есть в полном соответствии с тем, как рисовали её самые крайние черносотенные идеологи вроде Дубровина, Пуришкевича, Маркова Второго”. К письму Резник приложил рассказ-пародию “Коленный сустав”: “Маузер стрелял в посла с местечковым акцентом. Ради Льва Давидовича Наум готов был не только залить кровью всю необъятную Землю

и весь бесшумный хоровод светил, но даже доставить секретное письмо*. Наум картаво пакостил везде, где только мог. И где не мог... Дима стоял на коленях возле тахты, а доктор со срезанными погонами гладил его по колючим волосам и умолял бежать от гиблых мест, где все говорят с местечковым акцентом... В то грозное время, эру, эпоху я был увлечён романтикой революции и страшно боялся попасть в выложенный закопченным кирпичом подвал Губчека... Как мятежный парус на лазури тёплого моря и холодного неба, Муза моего Я наполнялась ласковым ветерком безупречно славянско-арийских образов Гаврика и Родиона Жукова, Вани Солнцева и капитана Енакиева...

В ответ Резнику позвонил зам главного редактора Евгений Кривицкий.

— Да, вы правы, но есть мнение, что эту повесть лучше вообще не критиковать. Чтобы не привлекать к ней внимания.

— Чьё это мнение? — спросил я.

— Ну, понимаете, есть такое мнение...

Вскоре Резник эмигрировал в США и устроился на “Голос Америки”. В 1986-м в нью-йоркской газете “Новое русское слово” он не без ехидства делился слухом: “У Катаева были в связи с выходом “Вертера” неприятности: в закрытом ателье Литфонда ему отказались вне очереди сшить пыжиковую шапку”.

После появления повести доктор философских наук Соломон Крапивенский направил письма в “Литгазету” и “Новый мир”: “Меня как читателя и воспитателя молодёжи крайне тревожит то молчание, которое складывается вокруг повести В. Катаева... Подчеркну только, что, на мой взгляд, такого контрреволюционного и антисемитского по своему замыслу произведения, маскируемого в то же время под борьбу с врагами революции, наши журналы ещё никогда не печатали”.

Но вынужденная немота сковала, повторимся, и тех, кто повесть принял и желал похвалить.

“Когда он прочитал “Вертера” маме, она возмутилась шепелявыми евреями: надо убрать”, — рассказала мне дочь Катаева Евгения, чей тогдашний муж Арон Вергелис, между прочим, писал на идише.

А дети не поняли, что тут такого: “Папа, оставь”. Эстер даже перестала с ним разговаривать. Но он всё равно не вычеркнул: “Эста, ну при чём здесь евреи? Я просто пишу, как было”.

По утверждению Бориса Панкина, сидевшего в застолье с Катаевыми, дети тоже не приняли повесть и “нападали на папочку”.

— Нет, невозможно быть писателем! — вырывается у Катаева вдруг. — Они все от тебя чего-то хотят. Но ведь это же правда, правда... И ещё: как я могу быть антисемитом, если у меня жена еврейка, и, стало быть, мои дети наполовину евреи. Вот, полюбуйтесь-ка на них”.

“Мы только кому-то снимся”

“В каждом человеке с детства живет война”, — сказал Катаев Панкину и вспомнил о недавней встрече на прогулке “с пятилетним существом, которое грозно размахивало игрушечным пистолетом и расстреливало всех и вся вокруг”.

15 января 1982 года Владимир Карпов записал в дневнике: “Позвонил Катаев, ему нездоровится, попросил приехать на обед к нему в Переделкино.

— Приезжайте обязательно, кроме хорошего обеда, отдам свой новый “Юношеский роман”.

Эстер Давыдовна, действительно, приготовила “парадный” обед — телятина, запечённая в духовке. На улице снег, а на столе — салат из свежих огурцов и помидоров... По тем временам — роскошь.

Вручая мне свою рукопись после обеда, Валентин Петрович сказал:

— Я давно хотел написать роман о войне, ещё после Первой мировой собирался. Но меня опередили Ремарк, Ромен Роллан, Олдингтон и другие.

* У Катаева: “Его взяли с поличным на границе, с письмом, которое он вёз от изгнанного Троцкого к Радеку”.

Я их читал, не хотел повторяться, отложил эту тему. И вот недавно я обнаружил свои письма той поры, вернулись юношеские воспоминания. Очень необычные юношеские мысли — я хотел войны! Там героичество, увлекательные события! Так начиналось, к чему я пришёл — читайте сами...”

“Юношеский роман” вышел в том же году в 10–11 номерах “Нового мира”. Письма “генеральской дочке” Миньоне (Ирен Алексинской) от “вольноопределяющегося” Валентина Катаева (Александра Пчёлкина) из “действующей армии”. Достаточно заглянуть в архивы — почти все эти сюжеты и наблюдения присутствовали в его фронтовых корреспонденциях, но теперь (рука мастера!) всё обрело новое измерение, оказалось тонко прорисовано, расщечено, психологически углублено, усложнено деталями, а сквозным сюжетом военного романа в письмах “дорогой Миньоне” стала тоска по другой, по-настоящему дорогой сердцу — Ганзе Траян (Зое Корбул) — невысокой и кареглазой, с “незначительным и незапоминающимся” облачком лица: “Если я и был влюблён в Миньону, то поверхностно, как бы буднично, а в глубине, в самой-самой глубине души безнадежно и горько любил Ганзю... Одна яркая, прелестная, как бы внезапно появившаяся из куста сирени, а другая — неопишимо никакая, неяркая, незаметная, как та звезда, которую всегда так трудно найти в небе, полном знакомых созвездий”.

Как и предыдущая воинская книга мовиетского периода “Кладбище в Скулянах”, “Юношеский роман” — это прозрачно-освежающая реалистическая вещь.

В начале 20-х уже москвич Саша Пчёлкин в Одессе забрал свои фронтовые письма у умирающей генеральской дочки Миньоны...

Катаев вновь окупился в то время, когда “превращение исключённого гимназиста в добровольца-патриота совершилось быстро”, и вслед за целованием креста и Евангелия его отправили “на позиции” — под обстрелы и ядовитые газы. “Творчески перерабатывая” — сокращая, расширяя, компилируя — послания Алексинской, он пытался передать, как менялся на войне, пока внутренне метался от животного ужаса к жестокому азарту, от мечтательного романтизма к беспросветному унынию и обратно... “Мои снаряды угодили в скопление немцев, которые тут же разбежались, оставив на месте несколько убитых... Чувствую себя прекрасно. Даже не очень одиноко. Огурбел. Ругаюсь нецензурно и курю махорку. Зато поздоровел. Коло дрова. Хожу по воду. Да! Во время ночной тревоги впопыхах надел правый сапог на левую ногу, а левый на правую. Так и провёл возле орудия весь бой”.

Война дьявольски глубоко вшивается в память деталями. Над орудием сооружена “арка из хвойных веток и над ней буквы, сплетённые тоже из хвои: Б. Ц. Х. (Боже царя храни)”; изнурительная чистка орудий — “самое ужасное следствие войны”; солдаты в песке отливают ложки из раскалённого алюминия; а это кровавый солдатик трясёт оторванными кистями (“у него в руках взорвалась дистанционная трубка, которую он свинтил с неразорвавшегося немецкого снаряда”); “белобрысый шпион, копающий собственную могилу под наблюдением двух стрелков”; битва батарейцев со вшами, выловленными в складках гимнастёрки (“Мне и сейчас, уже старику, неприятно вспоминать”); и “вереница телег с почерневшими трупами отравленных газами”... Бросок из белорусских лесов на равнины Румынии, где под обстрелом уже собирался выбежать из окопчика, но отправил вместо себя семнадцатилетнего новобранца, который тотчас был убит, а затем “кто-то из орудийной прислуги” выкопал из земли “сгусток запёкшейся крови и вынес его на лопате, как бы нечто вроде крупной тёмно-красной печени”. И там же — венгерский кавалерист, в которого направил снаряд, увидев в стереотрубу и заорав телефонисту команду бить по цели...

“Я перекрестился, как бы желая изгнать из себя дьявола”. А рядом со всем этим адом, в котором выживший неизбежно ощущает себя чёртом, возторг по поводу “национальной гордости” — громадного аэроплана (“До сих пор нигде, кроме России, нет такого”): “Вы, наверное, видели в “Ниве” или каком-нибудь другом журнале фотографию государя императора в походной форме на борту “Ильи Муромца”: держась одной рукой за поручень, он стоит на фюзеляже и своими лучистыми глазами смотрит с улыбкой прямо

в объектив фотографического аппарата — вот, дескать, какой у нас богатырский боевой аэроплан”.

Ближе к финалу огушённый и чудом выживший герой скитается одиннадцать дней, догоняя бригаду с напарником “телефонистом по фамилии Кац”. Образ сложен. Это художник из Витебска, друг Шагала. С одной стороны, Пчёлкин сочувствует ему из-за приниженного положения на батарее. “Я был единственным человеком, с которым Кац мог позволить себе обращаться как интеллигент с интеллигентом, называя меня “коллега”...” Но сразу и подпускает юморок: “Хотя и без особого удовольствия, но я принял это обращение и сам называл его коллегой. Коллега Кац”. И, наконец, художественный произвол, привет от упряма всем возмущавшимся портретной галереей “Вертера”, отстаивание права видеть и изображать, как вздумается: “Небритый подбородок, впалые щёки, поросшие волосами цвета медной проволоки, косящий глаз с бельмом, иронически искривленные губы... Всё это производило на меня неприятное, чтобы не сказать отталкивающее, впечатление, но приходилось мириться”.

И все эти наблюдения и письма к “сиреновой барышне” сопровождают “мучительные приливы неразделённой любви” к кареглазой Дюймовочке (в 1982-м жительнице Лос-Анджелеса Зое Ивановне Корбул исполнилось восемьдесят четыре), “чёрные мысли” из-за утраты веры, пропажи всякого смысла и исчезающей прежней Родины, и предчувствия новых ужасных бедствий...

“Я вытираю высохшей старческой кистью руки, покрытой гречкой, мокрые щёки, вспоминая свою погибшую молодость”.

21 августа 1984-го года Катаев написал рассказ “Спящий”, появившийся в первом номере “Нового Мира” за 85-й год.

Короткий и необычайно выразительный, изумительно сделанный. Пожалуй, новый рубеж мастерства...

Человеку восемьдесят семь, а он может так писать, и больше того — находится в развитии!

Катаев, однажды назвавший себя “влюблённым в весь мир”, до последнего ходил-бродил каждый день в любую погоду, и так же неотступно тренировал нюх и зрение.

“Случилось так, что в связи с каким-то литературным мероприятием мы с ним и Эстер Давыдовной поехали в Бурятию, — вспоминал Семён Липкин. — Вдвоем гуляли по тайге. Он наклонился и сорвал цветок. Спросил с подначкой:

— Вот вы перевели бурятский эпос. А знаете, как называется этот цветок?

— Да. Ая-ганга.

— Имеет какое-то отношение к знаменитой реке?

— Не знаю.

Он глубоко, как собака-ищейка, внюхивался:

— Пахнет лавандой”.

Александр Нилин, живший с Павлом Катаевым в одном кооперативном доме, однажды был у него в гостях, когда туда нагрянул Валентин Петрович, впечатливший его тем, с каким любопытством он изучал подробности “обстановки квартиры Павлика, куда пришёл он впервые (я потом проверил у Павлика, что впервые): его интересовали и обои, и шпингалеты на окнах, и вообще всё, на что я, скорее всего, внимания не обратил”.

Вот и рассказ “Спящий” весь сконструирован из точных наблюдений.

Если вычленишь фабулу, то это история времён австрийской оккупации Одессы 1918 года.

“Белеет парус одинокий”, но не революционеров и бедняков, а тех героев, которые были Катаеву, похоже, интереснее...

Прогулка в открытом море на выписанной из Англии, из Гринвича яхте “с косо летящим надутым парусом” в компании молодёжи — владельцем яхты Васей, сыном бывшего миллионера, его невестой Нелли, дочерью бывшего прокурора, и её младшей сестрой Машей, в которую влюблён присутствующий здесь же рассказчик-спящий. Нелли острожно и успешно обольщает и некто Манфред, тоже из богачей, “наследник громадного имения в Смо-

ленской губернии”. Прошлая жизнь не вернётся, но он манит её уплыть с ним в Италию и обещает достать много денег. И вот Манфред с подельником, нелепым Лёнькой Греком, и ещё каким-то солдатом-дезертиром пытаются ограбить хозяина ювелирного магазина. Их окружает ревущая толпа и расстреливают чины державной варты. Что ж, когда Манфред и Лёнька не явились на очередную морскую прогулку, никто не удивился, только Нелли неприятно удивлена, что обольститель пропал — оказался болтуном и позёром...

Но в фабуле разве дело? Сон побеждает всё, смешивая и любовь, и смерть.

“Пароходы увозили кого-то подобру-поздорову из обречённого города”, а кто-то оставался.

— “Что же всё-таки, в конце концов, с нами будет? — сказала она, не размыкая век, опущённых светлыми ресницами, за которыми угадывалась млечная телячья голубизна.

— А ничего не будет, — с бесшабашной улыбкой сказал я”.

И далее:

— “Мы только кому-то снямся, — сказал я.

— Да, мы только снимся, — сказала она.

— На самом деле нас нет, — сказал я.

— На самом деле... — сказала она”.

Несомненен экзистенциальный мотив обращения яви в мираж. Мёд забывая склеивает веки и солнечно подслащивает любое горе. Литература — как целебный, смягчающий горе сон золотой. Невозможно принять кошмар войн и смут, накрывший страну, и вселенскую катастрофу, на которую обречён каждый рождённый, если не посчитать всё это сном.

“Сон” — так и назывался рассказ Катаева об измученном отступающем конном корпусе Будённого, напечатанный в “Правде” 24 февраля 1935 года. “Степь. Ночь. Луна. Спящий лагерь. Будённый на своём Казбеке. И за ним, в приступе неодолимого сна, трясётся чубатый смуглый мальчишка с пучком вялого мака за ухом и с бабочкой, заснувшей на пыльном горячем плече”. Сон во сне.

Чуковский вспоминал, как однажды уселся на мотоцикл своего внука, и тот погнал с бешеной скоростью... Когда они поравнялись с катаевской дачей и хозяином, стоявшим в калитке, Корней Иванович на полном ходу бросил шутку:

— Прогулка перед сном!

Катаев парировал мгновенно:

— Перед последним сном!

“Икона ликом вниз”

Павел Катаев подтверждает, что отец каждое своё произведение переписывал трижды. Так было и с “Сухим лиманом”.

В окончательном варианте “между абзацами появлялись просветы, и рукопись от этого становилась словно бы прозрачной... На мой вопрос, что он сейчас делает, отец озорно улыбался, прикладывая ко рту две сложенные ладони и с шумом выдувал воздух, словно бы наполняя невидимый воздушный шарик... Мальчишка, да и только!”

“Сухой лиман” вышел 1 января 1986-го в “Новом мире”.

Последняя проза. Предсмертная.

Отмечая “точность и естественность” произведения, литературовед Мария Литовская предполагала: “Сухой Лиман”, несмотря на своё поневоле завершающее место в творчестве писателя, был, возможно, началом следующего, “золотого” этапа его творчества”.

В 60-е годы “бывший мальчик Саша”, пожилой членкор Академии наук (в котором угадывается автор), приехал в город детства Одессу и отправился в военный госпиталь навестить больного двоюродного брата, военного врача в отставке.

За братом — “бывшим мальчиком Мишей” — проступает двоюродный брат Валентина Петровича Александр Николаевич Катаев.

В “Сухом лимане” у героев церковная фамилия Синайские, как и когда-то в “Отце”. “Отпрыски некогда большой семьи вятского соборного протоиерея”, мальчишками, балуясь, выкрикивали смешное слово: “Катавасия”, между прочим, созвучное фамилии Катаев: “Они тогда ещё не знали, что “катавасия” — слово церковное. Катавасией называлось песнопение, исполняемое обоими клиросами, выходящими на середину церкви”.

Приехавший из Москвы говорит: “Мы с тобой с раннего детства, так сказать, с младых ногтей, сами того не ведая, пропитались запахом церковного ладана... Не исключено, что род наш Синайских уходит в невероятную даль раннего русского христианства”.

В раннее время критики отмечали у Катаева “старинные” слова и обороты и одновременную выпренность стиля, что можно объяснить влиянием “церковного языка”. Кажется, его навсегда пропитала таинственная красота того, что в 1918 году он изображал так:

*Дым кадильный, как волокна...
И от близости святыни
На душе тепло, а в окна
Нежно смотрит вечер синий.*

Ходячий больной ненадолго покидает госпиталь, и они вдвоём бредут по любимой Одессе, вспоминая детство и судьбы родных...

Правда и беллетристика перемешаны, как соль и сахар. И всё же прототипы прозрачны, а изыскания подтверждают: написано предельно близко к достоверности.

Больше того, в некоторых местах Катаев называет всех своими именами: бывшая гувернантка из Вёве, ставшая Зинаидой Эммануиловной, её дочь Надя, её муж — петербургский военный врач Виноградов, их дочь Алла...

Да, Надя, “попав в чёрный список”, сгинула не в лагерях, а просто была расстреляна, а Аллочка не выходила за остзейского барона. И нет подтверждений, что её сестра Зина (в повести Лиза) до революции вышла за грека, которого через несколько лет погубила “неизвестная форма тропического гнилостного заболевания ещё библейских времён”... А быть может, грек присочинён, чтобы возник пятилетний Жорочка (то есть Женья Катаев), который по обычаю нёс икону перед невестой и положил её в церкви на аналое ликом вниз — ужасная примета.

Московский гость говорит:

— Но ведь потом погиб и наш Жора, тот самый мальчик, который положил икону ликом вниз... Значит, смерть ходила за ним тридцать пять лет...

— Ты веришь в приметы?

— Приходится”.

В ответ военврач называет его “идеалистом, может быть, даже мистиком” и добавляет: “Неужели ты до сих пор не уяснил себе, что за всеми нами гоняется смерть?”

Сплошные смерти, и только двое уцелевших.

“У каждого из них имелась своя семья... Были свои семейные сложности, запутанные отношения, но всё это как бы не шло в счёт. Они чувствовали себя одинокими и признавали настоящей своей роднёй только друг друга, так сказать, последними из рода Синайских”.

Павел Катаев подтверждает: “Папа и его двоюродный брат, “дядя Саша” очень тепло относились друг к другу, отец навещал его в Одессе...”

В 1976 году в Переделькино вместе с женой приехал Сергей Катаев, внук Василия Николаевича, погибшего в Одессе в 20-м, начинающий писатель, чтобы показать свою прозу Валентину Петровичу, и прямо там у его жены начались роды — словно бы символ того, что их роду нет перевода...

Можно сказать, это христианская по духу повесть. Катаев возвращается к герою “Отца”, своему отцу, показывая его подражателем Христовым. Во время разрухи он сделался простым банщиком: “Когда ему приходилось мыть грязные ноги больных солдат и стричь отросшие ногти на этих ногах, то ему представлялся некий церковный обряд омовения ног, когда архиерей

посреди церкви на глазах у всех мыл ноги своему причту”. И рядом целиком воспроизводится великопостное стихотворение Пушкина “Отцы пустыньники и жены непорочны...”

Военврач держит подмышкой томик и цитирует из него знаменитое, написанное незадолго до смерти письмо 1836 года (“Пушкин полемизирует с Чаадаевым, который, как тебе, может быть, известно, был привержен к католицизму, к западничеству”): “...Вы говорите, что источник, откуда мы черпали христианство, был нечист, что Византия была достойна презрения и презираема и т. п. Ах, мой друг, разве сам Иисус Христос не родился евреем и разве Иерусалим не был причтею во языцех? Евангелие от этого разве менее изумительно?”

Конечно, самый поздний Катаев не случайно обратился к этому позднему пушкинскому тексту с хрестоматийными словами: “Пробуждение России, развитие её могущества, её движение к единству (к русскому единству, разумеется)... Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал”.

Пальмовые ветки заменялись в Одессе традиционными вербами, которые привозили из Палестины и продавали на Афонском подворье. “Их обычно закладывали за иконы, и они стояли там целый год рядом с бутылочкой со святой водой”. Изначально “Сухой лиман” назывался “Ветка Палестины” (как и “Белеет парус одинокий” — вновь по-лермонтовски). Но “Новый мир” попросил изменить название. Другой вариант названия — “Икона лицом вниз”.

Откликаясь на повесть в эмигрантском журнале “Грани” из нью-йоркской больницы, 81-летняя фольклорист и литературовед Елена Тудоровская в своей предсмертной рецензии восклицала: “Даже удивительно, как опубликовали в советской печати это своеобразное произведение!” — и обозначала “крепкую связь с самым духом христианства” как “идею, важнейшую в повести”: “Страницы насыщены символикой Церкви, символикой христианства... Члены семьи называли Сухой лиман, где они жили летом, Генисаретским озером. Значит, они сами сравнивали себя с последователями Христа... Не имеет ли в виду В. Катаев и себя в качестве Ученика?”

Эта повесть была как бы благоговейным возвращением в детство и первой ласточкой религиозного ренессанса, случившегося в стране через несколько лет...

Узнав, что дочь заходит в церковь поставить свечки, он сказал: “Ты думаешь, всё так просто? Вера — это ответственность”.

Катаев часто повторял: война убила его веру.

Однако в “Обоюдном старичке”, новомировской статье 1985 года, посвящённой Толстому, на которого равнялся, указывал, любуясь: тот состоял из прямых противоречий, в том числе по вопросам веры и неверия.

В “Разбитой жизни” он вспоминал рыбную ловлю — приманивание бычка на креветку, уверенного, что ловца не существует: “Бога нет...” “Господи! — думал я тогда (или, может быть, теперь?). — Неужели чья-то громадная рука держит и меня, как маленького, ничтожного бычка, сжимая так крепко в своём невидимом кулаке, что моё сердце трепещет, сжимается и каждый миг умирает”.

ВИКТОР ПЕЛЕНЯГРЭ

БРОШЕННЫЕ РОЗЫ НА СНЕГУ...

* * *

Рассекая декольте и фраки,
Я вдыхаю тонкий дым сигар;
Вновь пылают розы в полумраке
И встаёт за окнами кошмар.
Но под рокот жалобной гитары
Что случится на моём веку?
Серый пепел скрюченной сигары,
Брошенные розы на снегу...

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Мы в разлуке, но любишь
Ты всё так же меня;
Ты любовь не забудешь
До последнего дня.

В белом пламени страсти
Зарождается мгла,
Сердце рвётся на части,
Всё сгорело дотла!

Виктор ПЕЛЕНЯГРЭ — известная фигура русского арьергарда. Основоположник и лидер литературного направления, получившего название куртуазный маньеризм. Песни Виктора Пеленягрэ (“Шарманка”, “Как упоительны в России вечера” и т. п.) исполняют практически все звезды российской эстрады. Лауреат многих музыкальных и литературных премий.

Вспомни наши свиданья
В полумраке аллеи,
И восторг, и лобзанья,
И безумство ночей!

И тоску, и страданья,
И внезапный отъезд;
Жизнь, как зал ожиданья,
Тускло светит окрест.

По железной дороге
Прошумят поезда,
Ты сойдёшь в Таганроге
Навсегда, навсегда...

ПРАВДА

Ни к чему нам эти разговоры.
Настежь распахнула ты окно:
Пойте, птицы, зеленейте, горы...
Всё погибло, всё обречено.

И пускай легка твоя дорога,
Где лучи рассеивают тьму.
Ты была не первой, недотрога,
Только эта правда ни к чему.

От любви душа моя в занозах...
Разочтёмся, так тому и быть,
Сколько было их, черноволосых,
Белокурых... Что тут говорить!

А когда воскликнешь ты: “О Боже!” —
Я тебя с улыбкой обниму.
Сколько было на тебя похожих...
Это, правда, тоже ни к чему.

Всё — о жизни, ничего — о смерти.
Этой правдой не смутить живых.
Ах, какое солнце на рассвете!..
Кто поднимет тяжесть век моих?

НАКАНУНЕ

До какого бесчувствия ты напилась,
Даже я изменился в лице от такого;
“Князь, мне дурно! Вы слышите? Дурно мне, князь”, —
Повторяла сквозь зубы ты снова и снова.
Я неверной походкой прочерчивал путь
От рояля к дивану, целуясь с паркетом.
Ты всё время пыталась корсаж расстегнуть,
И мой верный слуга помогал тебе в этом.
Но когда на мгновенье замедлил я шаг,
Расточая предметам гостиней проклятья,
Ты слугу отстранила: “Как душно мне, Жак!”
Что за Жак, чёрт возьми, ей расстёгивал платья?

Дальше был Ильдефонс, Церетели, поручик Киж,е,
Государь император (как в очерке сжатом!).
Сколько тайн мне открыла моя протезе!
Я слугу отстранил и уставился взглядом
На измятую шаль, на алмазную брошь,
На открытую грудь, на бесстыжие позы...
Значит, верность твоя — несусветная ложь?
Я на смуглую кисть намотал твои косы.
Говоришь, государь император, змея,
Ты заплатишь с лихвой за свои разговоры,
В эту ночь я тебя застрелил из ружья,
А чуть позже затеял пальбу из “Авроры”.

ПОДРУГА

Как быстро в городе темнеет,
И вновь трамвай гремит по кругу.
Но даже нищих солнце греет,
И я нашёл себе подругу.

Пусть не подруга! Так, подружка,
Миниатюрна и упруга,
В японском стиле безделушка,
В каком-то смысле лучше друга.

А мне б любить — и ту, и эту,
Крутить любовь напропалую,
А мне б гулять по белу свету,
Ну, где найдёшь ещё такую?

У господина президента
На трон четыре претендента,
И чемоданчик, и прислуга,
А у меня — одна подруга!

ПОЧТИ В АЛЬБОМ

С глаз долой! Среди белого дня
От любви я своей отступил.
Только как ты теперь без меня?
Я подумал и тут же забыл.
Что искал я под вечной луной,
О высоком и низком скорбя?
Ты прошла, словно жизнь, стороной,
Только как я теперь без тебя?

Несколько лет назад на окраине Севастополя, у древних стен Херсонесского музея-заповедника я познакомился с его научным сотрудником, историком и археологом Вадимом Панченко. На ту пору он дописывал свой роман из жизни обитателей древнего Пантикапея «Сумерки Боспора». К немалому моему удивлению, но тут же и радости, при новой встрече, в октябре прошлого года, Вадим сообщил, что обстоятельства неумолимо заставили отложить роман в сторону и засесть за хронику новейших событий, которые ошеломительно и властно ворвались в жизнь его любимого города.

Прочитав первые же главы «Севастопольской весны», я в который раз убедился: хроника достоверных событий способна держать внимание читателя куда крепче самых причудливых изысков воображения. Тем более, когда речь идёт не просто о том, что у всех вокруг и у тебя наболело, но о том, что несёт в себе терпкий свет попорченной и наконец-то восстанавливаемой справедливости.

Юрий Лоциц

ВАДИМ ПАНЧЕНКО

СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ ВЕСНА

Крымская хроника

1. Пейзаж перед битвой

До чего же уныла зима в Севастополе! Короткие тусклые дни сменяются затяжными вечерами, вслед за ними наползают чёрные ночи, и они кажутся бесконечными. Небо покрыто плотными тучами, сквозь которые с трудом пробивается холодное зимнее солнце. Усыпанное барашками свинцовое море волна за волной яростно набегает на берег. Дующий с моря промозглый северный ветер, спрятаться от которого невозможно, пробирает до костей. Периодически накрапывает мелкий назойливый дождь. Редкая прошлогодняя трава, голые скелеты деревьев...

В первой половине марта обычно возвращается похолодание. Зима не хочет уступать. Снова врываются жёсткие ветра. Однако с середины месяца весна все же одолевает. День вытягивается в длину, светлеет. Вслед за миндалём вишня и сливы обряжаются в белое...

В 2014 году весна пришла в Севастополь 23 февраля. Но обо всём по порядку...

Бурные события Евромайдана не сразу отразились на ситуации в Севастополе. В декабре 2013-го, когда уже были захвачены здание Киевской городской администрации и Дом профсоюзов и произошли первые столкновения боевиков Майдана с сотрудниками милиции, Севастополь продолжал

жить своей размеренной жизнью. Близились Новый год и Рождество, и повсеместно наблюдалась предновогодняя суэта.

Однако напряжение в городе нарастало. Севастопольцы, которые за двадцать два года пребывания в составе Украины насмотрелись всякого, с недовольством следили за очередным Майданом. Они жарко обсуждали киевские события в социальных сетях, в транспорте и на улицах. За неполные четыре года своего правления деятели из Партии регионов опостытели всем, но откровенные националисты, которые рвались к власти, вызывали страх и отвращение.

Население города стихийно реагировало на ожесточённое противостояние в столице Украины. В Севастополе был организован сбор помощи для бойцов внутренних войск и “Беркута”. За короткое время “Беркут” стал для большинства севастопольцев олицетворением последней плотины, которая сдерживает Украину от погружения в бездонную пучину национализма. Горожане несли в импровизированные пункты приёма тёплые вещи, лекарства, деньги. Сотрудники Херсонесского музея принимали активное участие в сборе помощи.

Коллеги по музею, зная о моём членстве в Партии регионов, подковыривали меня:

– Где твои регионалы?.. Почему сдают позиции?.. Когда начнут действовать?

Я беспомощно разводил руками...

13 декабря на площади Нахимова прошёл митинг сторонников Таможенного союза. В акции приняли участие около тысячи человек, большинство по традиции составляли пенсионеры. Организаторы сознательно отказались от партийной символики, повсюду мелькали российские триколоры. На площади были развёрнуты огромные полотнища российского и Андреевского флагов. Митинг начался с критики правительственного курса на евроинтеграцию и призывов к объединению славянских государств, однако затем ораторы перешли к более злободневной теме – Евромайдану. Они заявили, что над страной нависла угроза гражданской войны. Неонацисты из бандеровских группировок устроили погром в центре Киева, захватили административные здания, разрушили памятник Ленину. Согласно Конституции Украины президент обязан принять все меры, чтобы разогнать нарушителей. Депутат горсовета Евгений Дубовик назвал Майдан попыткой государственного переворота и призвал Севастополь готовиться к народному восстанию, если потребуется.

В разгар митинга на площадь под грохот моторов прибыла колонна “Ночных волков” во главе со своим неизменным лидером Александром Залдостановым по прозвищу Хирург. В течение последних лет, когда значительная часть населения Севастополя смирилась с ролью затрапезного украинского города, байкеры олицетворяли связь с Россией. Они заряжали горожан энергией в противостоянии с ползучей украинизацией, охватившей все сферы жизни города. “Ночные волки” развернули огромный баннер “Где мы, там Россия!”.

Я покидал митинг с невесёлым чувством. Опять, как в 1991-м и 2004 годах, киевская офисная публика и западенские гастарбайтеры решают судьбу страны, а Севастополь безропотно плывёт по течению, руководствуясь бестолковым и лицемерным девизом: политика нас не касается. Возможно, в нормальном государстве, где все вопросы общественного устройства решены, этот девиз справедлив. Но не на Украине. Здесь политика касается каждого. Так было в 1991 году, когда мы заснули в СССР, а проснулись в Украине. Так было в 2004 году, когда выбрали Януковича, а президентом стал Ющенко со всеми вытекающими последствиями. Так происходит и сейчас. Нас ждут очередные потрясения, а большинство населения спит или, в лучшем случае, выплёскивает эмоции у экранов телевизоров...

В середине декабря Партия регионов зашевелилась. Она свезла десятки тысяч своих сторонников в Киев для участия в Антимайдане. Из Севастополя был отправлен целый поезд. В центре столицы Украины регионалы провели большой митинг. В Маринском парке у стен Верховной Рады организовали палаточный городок. Однако по существу это были формальные мероприятия. Участников набирали по предприятиям и за деньги. Судя по рассказам очевидцев, идейные бойцы среди них составляли меньшинство.

Я знал эту кухню изнутри. Весной 2007 года Ющенко распустил Верховную Раду. Янукович и Партия регионов воспротивились незаконному реше-

нию. Ожесточённое противостояние растянулось на полтора месяца. Тогда Партия регионов, пребывая в оппозиции, находилась на пике политической формы. Она выступала за союз с Россией, русский язык и даже за федерализацию. В те дни я возглавлял пресс-центр палаточного городка регионалов у стен Верховной Рады. У нас хватало идейных сторонников среди жителей Украины в целом и Севастополя в частности, однако формализм чувствовался уже тогда. В результате противостояния Янукович, имея множество козырей на руках, умудрился слить народный протест.

На новогодние праздники 2014 года Майдан несколько угомонился, и забрезжила зыбкая надежда на восстановление гражданского мира в стране. Однако 16 января Верховная Рада Украины ужесточила наказания за пропаганду фашизма. Также высший законодательный орган страны принял пакет поправок к законам, ужесточающих порядок проведения массовых мероприятий. По сути, были введены европейские нормы, в том числе запрет на ношение балаклав. Евромайдановцы использовали изменения в законодательстве как повод к возмущению и возобновили свой натиск. Ситуация на улицах Киева стала напоминать сюрреалистическую фантазмагорию, смесь Средневековья с Апокалипсисом из американского блокбастера. Баррикады из пылающих покрышек, метающая огненные заряды катапульта, зовущие к кровопролитию униатские попы, студенты с горящим фанатизмом глазами, экзальтированные либеральные дамочки, беснующаяся публика. Одно слово: «Кто не скачет, тот москаль!» Вожди Майдана лицемерно клеймили власти в кровожадности и самозабвенно призывали к бойне. Накочанные ненавистью боевики, вооружённые дубинками, цепями, горючими смесями, заполнили центральные улицы Киева. 21 января появились первые убитые...

Власть вместо того, чтобы разогнать этот кипящий злобой адский котёл в центре столицы, заняла сугубо оборонительную позицию. Видимо, Виктор Янукович и его окружение рассчитывали на то, что всё само собой рассосётся. На этом фоне вызвала удивление и восхищение стойкость представителей органов правопорядка. Сотни потерявших человеческий облик штурмовиков закидывали бутылками с зажигательной смесью шеренги «Беркута», однако те твёрдо держали оборону по периметру правительственного квартала. За долгие месяцы противостояния никто из силовиков не предал власть. Это упорное сопротивление давало шанс сорганизоваться противникам Майдана. Изначально я рассчитывал, что регионалы силой подавят кровавый мятеж. Или, по примеру Северодонецка 2004 года, соберут съезд областных советов юго-востока и создадут собственную республику. Регионалы не воспользовались этим шансом. Удивительное дело, в их рядах не нашлось решительных лидеров, готовых бороться.

Зато активную позицию занял Президиум Верховного Совета Крыма! Он призвал Януковича ввести чрезвычайное положение в стране и заявил, что в случае государственного переворота не признает новую власть. Более того, депутаты во главе с председателем ВС Владимиром Константиновым начали череду встреч с трудовыми коллективами Крыма с разъяснением своей позиции. На полуострове набирало обороты движение «Стоп Майдан». Горсовет Севастополя, напротив, занял страусиную позицию. На внеочередной сессии 22 января он ограничился осуждением экстремистских сил и призвал все стороны конфликта к замирению. Какое всеобщее замирение, когда боевики свергают законную власть?! Это заявление горсовета напоминало детский лепет.

24 января ряд общественных деятелей города выступили инициаторами Обращения простых севастопольцев. Это были люди, которые за последние годы проявили себя во множестве практических дел на пользу города: Борис Колесников, Ольга Тимофеева, Сергей Кажанов, Вячеслав Горелов, Григорий Донец и другие. Они участвовали в создании Мемориального комплекса «35-я береговая батарея», раскручивали патриотические информационные ресурсы, такие как НТС и «Форпост», боролись с незаконными землеотводами. Авторы Обращения поддержали позицию Президиума Верховного Совета Крыма и выразили недоверие горсовету. Они оставили за собой право самостоятельно решить судьбу Севастополя на общегородском Вече, которое будет создано в случае государственного переворота на Украине. Они призвали горожан быть готовыми принять участие в третьей обороне Севастополя. В кратчайшие сроки Обращение подписали более тысячи жителей города.

2. Первые “залпы” гражданской войны

В двадцатых числах января ситуация на Украине резко обострилась. Один из вождей Майдана Юрий Луценко провозгласил стратегию “пчелиного роя”, которая состояла в том, чтобы вместо одного массированного удара в столице нанести множество ударов по всей стране. 23–26 января мятежники нахрапом захватили облгосадминистрации на западе Украины: Львов, Тернополь, Ивано-Франковск, Черновцы, Ровно, Винницу. Одновременно состоялись попытки штурмов администраций в центре: Житомир, Полтава, Чернигов, Черкассы. Не мудрствуя лукаво, майдановцы действовали достаточно прямолинейно: они собирали под стенами администрации толпу от нескольких сот до нескольких тысяч человек. Толпа разогревала себя гневными речами в адрес властей предрекающих. Самые буйные из майдановцев, вооружённые дубинками и горючими смесями, выносили двери и окна. Милиция вяло отбивалась, и в результате воодушевлённый народ захватывал здание. Основной расчёт мятежников явно строился на том, что гражданское население не станет на защиту опостылевшей всем власти. В целом их расчёт оправдался.

Самые рьяные украинские националисты Севастополя решили не отставать от своих единомышленников и попытаться организовать атаку на городскую власть. 25 января депутат горсовета Василий Зеленчук, один из лидеров украинского национального движения Севастополя, объявил о проведении завтра на площади Ушакова митинга в поддержку Майдана. Одновременно в интернете прошло объявление от имени севастопольских ультрас, общий смысл которого сводился к следующему: давайте выйдем и окажем поддержку нашим киевским братьям, которые, не жалея живота своего, борются с “кровавым режимом” Януковича. Молодёжные футбольные фанатские группировки практически по всей Украине поддержали выступления против власти и влились в отряды штурмовиков. Но в то, что севастопольские фанаты последуют тем же путём, верить не хотелось.

В назначенное время в центре сквера появился Зеленчук и через мегафон обратился к собравшимся на площади горожанам:

– Севастопольцы! Я вам скажу: на протяжении двадцати лет эта власть грабит вас и нас... Сегодня мафия правит государством...

Однако вместо одобрения по рядам севастопольцев прокатилась волна негодования. Над их головами взметнулись российские знамёна.

– Предатель! – раздалось со всех сторон.

Севастопольцы устремились к Зеленчуку, заглушая его речь протестующими возгласами.

– Иуда, вон из Крыма! – шумели севастопольцы, пытаясь дотянуться до Зеленчука.

Кто-то из толпы вручил Зеленчуку зонтик с символикой американского флага со словами “Носи – тебе от хозяев зачтётся”. Горожане приветствовали подарок шумным одобрением.

– Стоп Майдан! – скандировали люди. – Фашизм не пройдёт!

Время шло, количество севастопольцев увеличивалось и вскоре превысило четыреста человек. Всякие попытки депутата возобновить выступление прерывались массовым скандированием. Горожане несколько раз накатывали на милицейский кордон. Они готовы были разорвать Зеленчука и присоединившегося к нему украинского активиста Неганова. Остальные немногочисленные сторонники Майдана благоразумно дистанцировались от своего подвергнувшегося полной обструкции вожака и растворились в толпе. Наконец, сотрудники “Беркута” в полной экипировке вывели Зеленчука и Неганова из плотного кольца горожан и под свист и улюлюканье сопроводили к машинам.

С исчезновением Зеленчука активность людей не пошла на убыль и даже, наоборот, увеличилась. Народ колонной двинулся по улице Ленина к зданию горадминистрации. Здесь горожане затребовали встречи с руководством города. Мэр Владимир Яцуба и председатель горсовета Юрий Дойников вышли на площадку перед зданием. Яцуба сообщил, что власти контролируют ситуацию: въезды в город, вокзал, транспорт. Что в Севастополе серьёзных сил противодействия власти нет, “кроме Зеленчука и пятнадцати придурков”. Под нажимом толпы Яцуба объявил о проведении общегородского митинга для обсуждения ситуации в городе и стране. Горожане в свою очередь объявили набор в народную дружину для поддержания правопорядка. Нелишняя

мера, если учесть, что по городу разнёсся слух о приближении 10 автобусов с бандеровцами для захвата администрации и горсовета.

Я заранее обзвонил почти всех членов своей партийной организации с приглашением на митинг 28 января. Я давно не видел такого скопления народа на политическом митинге – площадь Нахимова была заполнена уже наполовину, и севастопольцы подходили ещё. Пасмурная погода не стала помехой для проявления гражданской активности. Удивительное дело, на площади не было заметно ни единого партийного флага – только украинские и российские. Причём украинские флаги держали регионалы, явно по разнарядке, российские – обычные горожане, по зову души. Плакаты выражали мнение народа: “Европе – нет, России – да”, “Где мы, там Россия”, “Так отстаивайте Севастополь!”, “5 канал Порошенко – пятая колонна”.

Вначале выступили Яцуба и Дойников. Яцуба за три года деятельности на посту мэра проявил себя как опытный хозяйственник и сделал немало по приведению городского хозяйства в нормальное состояние. Он постоянно позиционировал себя в качестве патриота Севастополя и на всех общегородских и общепартийных мероприятиях распевал гимн города и журил тех, кто его не исполнял. Но как уроженец Днепропетровска и представитель украинской власти он вряд ли мог поддержать пророссийские устремления севастопольцев. Поэтому полного доверия к нему не было.

Яцуба объявил о воссоздании народных дружин под эгидой милиции и поблагодарил граждан, которые в них записались и уже начали дежурство у стен горадминистрации. Он сообщил о том, что выставлены посты на въезде в город со стороны Ялты и Бахчисарая. Он обратился к таксистам, лесникам, перевозчикам и всем собравшимся с предложением проявлять бдительность и реагировать на появление в городе чужаков. Яцуба торжественно провозгласил, что власть защитит город от майдановцев, но одновременно призвал не обострять ситуацию. Василий Пархоменко, Евгений Дубовик, Вячеслав Бебнев и другие выступили гораздо жёстче и конкретнее. Они заявили об угрозе фашизма, которая нависла над Севастополем и Украиной, о трусости властей, о предательстве. Фашизм понимает только силу. Поэтому ораторы призвали власть ввести чрезвычайное положение, а горожан – вступать в народные дружины, чтобы задушить гидру фашизма.

Председатель Совета ветеранов авиации Вячеслав Лобов призвал экстренно провести съезд демократических и патриотических сил Крыма, юга и востока Украины для координации действий в борьбе с распространением фашизма.

Севастопольцы поддержали ораторов стихийным скандированием:

– Рос-си-я! Рос-си-я!

– Ре-фе-рен-дум! Ре-фе-рен-дум!..

По бушевавшим на площади эмоциям ощущалось, что народ настроен гораздо решительнее организаторов митинга. На этом многотысячном митинге я впервые за долгие годы почувствовал эмоциональный подъём. Нас, готовых противостоять Майдану, не единицы, нас много. Мы способны оказать сопротивление угрозе, которая накапливается в Киеве, подобно снежной лавине.

5 февраля в городских СМИ было опубликовано программное интервью Алексея Чалого, коренного севастопольца, доктора технических наук, основателя и генерального директора холдинга “Таврида Электрик”. Чалый являет собой редкий для послесоветского времени тип учёного-предпринимателя. Он был известен в городе ещё с девяностых годов в качестве успешного промышленника. В 2006 году он возглавил работу по созданию мемориального комплекса “35-я береговая батарея”. Чалый выступил идейным вдохновителем и спонсором ещё целого ряда патриотических проектов по восстановлению исторической справедливости в отношении Севастополя. В моём представлении – эдакий технарь с душой гуманитария-романтика. Являясь популярной фигурой в городе, Чалый к публичности не стремился и в политических кампаниях участия не принимал.

Алексей Чалый в своём интервью доходчиво описал, как на протяжении 22 лет из Украины кропотливо и последовательно создавалось националистическое государство, как вбивался клин между Украиной и Россией. Чалый сделал акцент на провокационной политике украинских властей. Он рассказал, как размывалась историческая память народа, создавались новые исторические мифы, вытеснялся русский язык.

Оценивая текущее состояние дел на Украине, Чалый отметил слабость президента и высокие шансы прихода к власти оранжевых в националистическом варианте: “Причём вариантов развития событий может быть несколько: от добровольной сдачи власти президентом до силового захвата власти. И третий вариант – раскол страны”.

Чалый чётко обрисовал перспективы Севастополя в случае прихода националистов к власти. Полное вытеснение русского языка, фиксация исторических мифов в качестве догм, церковный раскол и изгнание Черноморского флота. То есть зачистка народа в его историческом смысле. Украина в целом станет форпостом НАТО в противостоянии с Россией. Чалый обратился к достоинству и ответственности горожан. Он призвал их использовать последний шанс побороться. “Наступило самое время оторваться от своих дачек, огороδικов, квартирков и других мелочных проблем и всерьёз подумать над тем, что судьба нашей цивилизации решается сегодня на этом самом месте”.

3. Падение Януковича

После непродолжительного перемирия 18 февраля ситуация на Украине пошла в разнос. Под предлогом изменения Конституции майдановцы попытались прорваться к зданию Верховной Рады. Силы правопорядка преградили им путь. Вспыхнули ожесточённые бои в правительственном квартале. Мятежники открыто применили огнестрельное оружие. Озверевшие боевики сожгли центральный штаб Партии регионов, в огне погибли двое рядовых сотрудников аппарата. Силы правопорядка выбили штурмовиков с нескольких баррикад и оттеснили их к середине Майдана Независимости. Руководители МВД и СБУ заявили о введении режима антитеррористической операции, и даже началась передислокация воинских подразделений, но вместо того, чтобы дожать ситуацию, утром 19 февраля наступление на позиции майдановцев было прекращено. Янукович вступил в переговоры с вождями мятежа. Одновременно по второму кругу были захвачены областные администрации на западе. Дополнительно на этот раз пали администрации центральной Украины. Устояли лишь областные центры юго-востока, да и то напряжением всех сил. В ряде областей были блокированы воинские части, захвачены городские отделы милиции и разграблены оружейные склады. Было похищено несколько тысяч единиц стрелкового оружия, гранаты, пулемёты, а также огромное количество боеприпасов.

События 20 февраля я наблюдал по интернету в режиме онлайн. Утро началось с небольших вылазок боевиков на позиции сил правопорядка на Майдане. А как же вчерашнее замирение? Силовики вместо того, чтобы сопротивляться, стали пятиться вверх по улице Институтской. За ними задним ходом неуклюже потянулись водомёты. Майдановцы усилили натиск, окружили несколько групп солдат и взяли их в плен. Атака боевиков сопровождалась ожесточённой стрельбой. Беркутовцы устремились к Администрации президента. Первая мысль была о том, что силовики своим показным бегством заманивают штурмовиков в ловушку.

Однако к полудню ситуация прояснилась: боевики нарушили перемирие, перехватили инициативу, выбили силовиков и окружили правительственный квартал. “Беркут”, внутренняя войска прекратили сопротивление и в спешке покидают центр Киева. Участники Антимайдана деморализованы и спасаются бегством. Случилось худшее – Киев пал. Теперь в стране наступит националистический беспредел и гражданское противостояние. В то, что начнётся полноценная гражданская война, верить по-прежнему не хотелось.

21 февраля Янукович подписал соглашение о перемирии с лидерами мятежа, которое заверили министры иностранных дел Германии, Франции и Польши. Фактически он подписал капитуляцию. При этом он забыл старинное правило власти: корону снимают вместе с головой. Практически сразу в нарушение договорённостей штурмовики заняли Администрацию президента. В ночь с 21 на 22 февраля Янукович бежал из столицы вначале в Харьков, затем на Донбасс и, наконец, в Крым. В целом он, проявляя чудеса изворотливости, на протяжении трёх месяцев держал удар. Однако я надеялся, что в ключевой момент Янукович с шашкой наголо на белом коне устремится в гущу схватки. В бою он или победит, или сломает себе шею. И тогда ему простится всё: и четыре года президентства, потраченные на шараханье между

Европой и Россией, и три последних месяца трусливого топтания на месте. Янукович окончательно упустил свой шанс сохранить о себе благодарную память потомков.

22 февраля в Харькове состоялся съезд депутатов всех уровней юго-восточных областей Украины, Крыма и Севастополя. Организатором выступило движение “Украинский Фронт” во главе с губернатором Михаилом Добкиным. В съезде приняли участие руководители ряда городов и областей юго-востока, в том числе Яцуба и Дойников. В отличие от Северодонецка 2004 года Харьковское собрание выглядело крайне неубедительно. В лицах членов президиума, губернаторов областей, читалась неуверенность, в глазах – сакраментальный вопрос: что мы тут делаем? Выступающие подчеркивали свою приверженность идее сохранения единства Украины, которая после победы мятежа потеряла свою актуальность.

Съезд принял достаточно жёсткую, но не конкретную резолюцию. В ней констатировался разгул незаконных вооружённых формирований и паралич центральных органов власти. Съезд объявил о передаче всей власти на местах в органы местного самоуправления вплоть до восстановления легитимной центральной власти. Это был призыв к созданию исполкомов. Но съезд депутатов не создал собственные органы власти и не переподчинил себе силовые структуры. Мне сразу стало очевидно, что элиты юго-востока не готовы к решительным действиям. Они под видимостью готовности к борьбе сдали интересы своих избирателей.

4. Крым поднимается

В Севастополе настроения в эти дни были кардинально другие. 19 февраля “Русская община Севастополя” обратилась к властям России с просьбой защитить русское население Севастополя и Крыма.

Вечером 20 февраля состоялся стихийный митинг на площади Нахимова, организованный активистами социальных сетей. На окутанной сумерками площади собрались несколько сот рассерженных горожан. Не было трибун, мегафонов и транспарантов. Жители города общались между собой, обсуждали последние события в Киеве.

– Я только что вернулся из Киева. Там сейчас уже нет мирных граждан, там реальные боевики, вооруженные огнестрельным оружием, – рассказывал руководитель партии “Русский блок” Геннадий Басов. – Нам надо создавать отряды самообороны и готовиться к возможным провокациям в городе.

– Почему Россия нас не слышит? – звучали недоумённые вопросы. – Что делать, чтобы она нас услышала?

– Россия только тогда услышит Севастополь, когда город соберётся вместе, – пояснил Басов.

– Но мы уже собирались в конце января!

– Да, мы уже собирались один раз. Площадь была заполнена людьми. Но этого мало. Нам надо выйти второй раз.

В тот же день Черноморский флот России перевёл свои части на усиленный режим охраны. Несколько БТРов с матросами передислоцировались в воинские части на территории Крыма за пределами Севастополя.

22 февраля на площади Нахимова состоялась торжественная встреча сотрудников “Беркута”, вернувшихся из пылающей столицы. Тысячи горожан собрались у подножия памятника Нахимову: родственники, друзья, неравнодушные люди. Силовики, подъезжая к площади на автобусах, издали увидели многолюдное собрание горожан. Их лица непроизвольно напряглись – за долгие месяцы стояния в Киеве они привыкли видеть в гражданском населении вооружённых врагов. Напомню, на центральных площадях городов Западной Украины сотрудников милиции уже регулярно ставили на колени.

Севастопольцы встретили появление автобусов дружным скандированием “Спасибо!”, а затем с цветами и объятиями устремились к бойцам “Беркута”. По созданному горожанами коридору спецназовцы подошли к памятнику Нахимову и построились возле него. Они были облачены в пропитанные запахом дыма камуфляжи и чёрные маски. Их красные от усталости глаза были наполнены слезами.

– Уважаемые севастопольцы! Рота специального назначения “Беркут” свою задачу по поддержанию правопорядка в городе Киев выполнила. Рота

вернулась на базу дислокации в полном составе! – севшим после пребывания в Киеве голосом доложил командир Сергей Колбин.

Вечером по местным СМИ прошло объявление о том, что 23 февраля на площади Нахимова состоится митинг Народной воли. Янукович предал своих избирателей. С его молчаливого согласия на Украине начался победный марш неонацизма. Севастопольцы сами решат судьбу города.

Церковь не осталась в стороне от последних событий на Украине. К жителям Севастополя обратился благочинный севастопольского округа протоиерей Сергей Халюта: “Святая православная Церковь сегодня молится, чтобы Господь вернул разум нашему народу. Если Бог хочет наказать свой народ, Он отнимает у него разум, и иначе по-другому это безумие, происходящее на Украине, назвать очень сложно”, – сказал благочинный.

К 16:00 23 февраля площадь Нахимова была заполнена людьми до отказа. Те, кому не хватило места на площади, разместились на Матросском бульваре, на Монументе защитникам города, у Вечного огня, на ступенях Доски почёта. Молодёжь облепила постамент памятника Нахимова. В небе кружили чайки, оглашая окрестности тоскливыми воплями.

Площадь пестрела российскими триколорами и андреевскими флагами. На этот раз, в отличие от прошлого общегородского митинга, не было заметно ни единого украинского флага. Самодельные плакаты красноречиво демонстрировали настроения севастопольцев: “С бандерштатом нам не по пути”, “Фашистам и нацистам нет места в городе-герое”, “Stop ukrainian nazism! Нет фашизму!”, “Путин – наш президент”, “Россия! Мы – брошенные дети твои, возьми нас обратно”. Из динамиков раздавались патриотические песни. Тридцать тысяч человек! Я не видел такого количества горожан даже в конце 2004 года, когда Севастополь встречал Януковича, волею случая вознесённого на гребень волны. Милиция практически самоустранилась от обеспечения безопасности мероприятия. Эту функцию взяли на себя добровольцы “Русского блока” и других созданных за последнее время дружин. В частности, член движения “Республика” Сергей Гонтарь обратился к Виктору Мельникову, Олегу Молодцову и Сергею Заградскому с просьбой оказать посильную помощь. Те с готовностью откликнулись на призыв и привели с собой дюжину парней, которые взяли под охрану трибуну.

Я с удовольствием встретил многих знакомых по прежней борьбе. Александр Морозов, один из идеологов Российской общины Севастополя. Я зачитывался его остроумными аналитическими статьями в газете Общины.

– Ну что, Вадим? Наконец наш день настал! – воодушевлённо воскликнул Морозов, размахивая триколором. – Мы шли к нему двадцать лет.

– Надеюсь, да, – боясь сглазить, ответил я.

Конечно, я встретил ребят, с которыми боролся против режима Ющенко весной 2007 года. Обида на Януковича за сдачу позиций не прошла до сих пор. Виктор Прудников только вернулся из Киева, где он являлся одним из руководителей севастопольского Антимайдана.

– Ты не представляешь, Вадик, через что нам пришлось пройти, – начал он свой сумбурный рассказ. – Утром 20 февраля “Вованы” (внутренние войска) вдруг сняли оцепление вокруг Рады и устремились в сторону станции метро “Арсенальная”. Они посоветовали нам также немедленно убежать. Мол, “бандерлоги” расстреляли “Беркутов” на Институтской и движутся сюда. Они реально вооружены “калашами”. Как им сопротивляться, когда у нас нет оружия, говорили “Вованы”. С дубинками и щитами идти на автоматы? Короче, мы с Ниной дали отмашку немедленно сматывать удочки. Народ бросился врассыпную по приднепровским склонам. Вскоре первые “бандерлоги” прорвались к Мариинскому парку. Над палатками засвистели пули. Мы с трудом собрали людей и на нескольких автобусах вместе с крымчанами выехали из Киева.

– Витя, вам дико повезло...

– Погоди, это ещё не конец истории. Мы благополучно миновали несколько майдановских блокпостов. Первый раз нас затормозили под Белой Церковью, произошла небольшая стычка. Мы вышли из автобусов, чтобы открыть шлагбаум. Нас забросали “коктейлями” и обстреляли. Забрав раненых, мы развернулись и уехали...

– Этого не может быть! Ведь это уже натуральная война!

– А я тебе что говорю? Ты слушай. Под Корсунью мы попали в серьёзный замес. Первые автобусы с крымчанами были обстреляны и подожжены. До-

рога оказалась перекрыта. Мы выскочили наружу, “бандерлоги” принялись нас избивать дубинками и расстреливать из ружей. Там было все: и травмы, и огнестрелы. Мы побежали через поля и рощи, куда глаза глядят. На нас началась охота, как на дичь. Некоторых взяли в полях, других сдали бабки в соседних селах. Нам с Ниной удалось уйти. Мы ещё долго собирали севастопольцев по окрестностям. Собрали и вывезли практически всех, в том числе троих раненых. А вот крымчанам повезло меньше. Их заставляли петь “Ще не вмэрла Украина”, кричать “Слава Украине!”, собирать стекло на асфальте и глотать его, а затем жутко избивали прутьями и дубинками. Тех, кому не повезло, расстреляли на месте.

В этот рассказ не хотелось верить. Неужели майдановцы настолько утратили человеческий облик, что начали убивать совершенно безоружных сограждан только за то, что те позволили себе отстаивать другие взгляды? Что они в таком случае сделают с севастопольцами, когда ворвутся в город?.. Джинн фашизма выпущен из бутылки.

Тем временем организаторы митинга поднялись на трибуну. Среди них я узнал Алексея Чалого, представителей “Республики”, Геннадия Басова, Владимира Тюнина, Владимира Яцубу, Юрия Дойникова и нардепа Вадима Колесниченко. Народное море непроизвольно качнулось в сторону трибуны и замерло. Как расказывал впоследствии активист Российской общины Анатолий Пироженко, он стоял под самой трибуной с мегафоном в руке и готов был, в случае если организаторы начнут сбивать протест, прервать их выступления и вернуть протест в нужное русло. Из динамиков зазвучал гимн города “Легендарный Севастополь”. Его пронзительные строки заряжали энергией и призывали на защиту города. Горожане хором подхватили знакомые с детства слова. Ведущий митинга Игорь Соловьёв предал слово Чалому.

– Севастопольцы! Сегодня нас загоняют в рамки людей второго сорта, не имеющих права на свою историю и свой родной язык! – провозгласил он. – Верховная Рада в последние два дня занимается бесконечным законным блудом, и всё, что происходит сегодня в её стенах, не имеет ничего общего с законом. . .

Горожане встретили речь Чалого рёвом одобрения. Адвокат и правозащитник Колесников предложил прямо на митинге решить вопрос дальнейшей судьбы Севастополя:

– Я призываю устранить имеющееся конституционное недоразумение – избрать городского председателя, который немедленно сформирует исполнительный комитет, отряды самообороны и продолжит ведение сессии Севастопольского горсовета, отказавшейся создать исполком. В качестве кандидатуры на эту должность я выдвигаю Алексея Чалого.

Председатель правозащитной организации “Равелин” Ольга Тимофеева поблагодарила севастопольцев за то, что они пришли сегодня на митинг и сказали своё слово:

– Я призываю проголосовать за избрание Алексея Чалого председателем исполнительного комитета сейчас, здесь, сию минуту, ибо промедление смерти подобно. Тем самым мы избавим городских чиновников от выбора: стать крысами либо лечь на эшафот. Мы даём возможность переложить ответственность на нас – жителей города. А за свой город мы будем сражаться. Мы отстоим Севастополь!

Это предложение было встречено оглушительными аплодисментами и стихийным голосованием.

Владимир Яцуба в своём выступлении, на моё удивление, поддержал кандидатуру Чалого:

– Я поддерживаю ваш выбор двумя руками. Учитывая настроения всего Севастополя, созданный исполком должен взять всю ответственность на себя. А горсовет на сессии, которая состоится через два дня, должен утвердить это решение. . .

– Сегодня! – хором ответили ему горожане.

Яцуба пообещал им остаться с ними до конца и даже попытался припасть на одно колено в знак верности Севастополю. Он призвал не делиться по национальному признаку и политическим партиям, но быть вместе во избежание разделения и кровопролития. Яцуба также высказал своё мнение, что Украина должна сохранить целостность, на что люди ответили волной несогласия и скандированием “Россия!”

– Россия! Россия! – подхватил Яцуба. – Вместе с Украиной!

– Не-е-ет! – дружно выдохнула площадь.

Председатель инициативной группы “Солнечный Херсонес” Григорий Донец хорошо поставленным командным голосом предложил горожанам проголосовать за кандидатуру Чалого. Лес рук взметнулся к небу. Митинг единогласно избрал Чалого председателем исполкома.

– Благодарю за доверие, – ответил Алексей Чалый. – Не могу сказать, что я в безумном восторге. Мне это напоминает назначение генерала Новикова 30 июня 1942 года – ситуация примерно такая, но я думаю, мы выйдем, выкрутимся. Отныне каждый день в 10 часов утра будет проходить брифинг для СМИ, чтобы люди знали работу комитета и положение дел в городе. Счёт идёт на часы, поэтому каждый день будет весить очень много по времени. Обстановка действительно критическая. Всё, спасибо за внимание – я пошёл трудиться.

Григорий Донец громогласно зачитал резолюцию митинга Народной воли, где было провозглашено: “В настоящее время на Украине произошёл государственный переворот. Власть захватили украинские националисты, которые немедленно начали репрессии против работников милиции и политических оппонентов. Деятельность Верховной Рады нелегитимна. Севастопольцы её не признают. Чтобы вернуть ситуацию в законодательное поле, мы требуем от депутатов Верховной Рады фракций Партии регионов и Коммунистической партии Украины сложить свои полномочия. Своё решение от имени Севастополя доводим до регионов Украины и Автономной Республики Крым. Поручить избранному городскому голове незамедлительно приступить к формированию городского исполнительного комитета, отрядов поддержки охраны правопорядка и созданию муниципальной милиции в целях обеспечения нормальной жизнедеятельности города”.

Резолюция была принята горожанами единогласно. Затем зазвучали проникновенные строки “Священной войны”, подхваченные всей площадью. Сейчас они более, чем когда-либо за последние годы, соответствовали моменту. Ком застрял в горле. Пришло осознание того, что началась провозглашённая лидерами “Республики” Третья оборона Севастополя.

5. Севастополь – русский город!

В ночь с 23 на 24 февраля на флагштоке перед главным административным зданием Севастополя взвился государственный флаг России. Больше его уже не снимали. Одновременно российский триколор был установлен над Графской пристанью.

Утром Владимир Яцуба подписал заявление о сложении полномочий. “Де-факто невозможно выполнять те функции, которые возложены на меня, в связи с тем, что тех руководителей, которые меня назначали, нет. А находиться на должности и не выполнять те обещания, которые я давал городу Севастополю, – ниже моего достоинства”, – заявил Яцуба на брифинге. Он сообщил, что по его инициативе принято решение о создании структуры исполнительной власти, и после его принятия вся полнота власти ляжет на горсовет и на будущий исполком. Яцуба рассказал о беседе с Чалым, в ходе которой они обсудили основные городские проблемы.

На сайте СГГА появился текст официального обращения, в котором действия Верховной Рады Украины признавались законными. Решение севастопольцев, принятое на митинге 23 февраля о создании городского исполкома под председательством Алексея Чалого, было названо “попыткой радикальных организаций прибегнуть к майданной демократии”, а инициаторы митинга и участвовавшие в волеизъявлении горожане – “экстремистскими силами”. Дальнейшая судьба Севастополя будет решаться в Киеве. Горожане оперативно отреагировали на эти сообщения. Сотни севастопольцев устремились к зданию СГГА. Среди них – представители формирующихся отрядов самообороны, дружинники “Русского блока”, казаки. Виктор Мельников, Олег Молодцов и Сергей Заградский сотоварищи появились среди первых. Первые проблемы начались с того, что милиционеры отказались впускать Алексея Чалого внутрь здания администрации. Решительно настроенные самооборонцы заставили охрану пропустить народного мэра.

Внезапно в вестибюле появились вооружённые автоматами сотрудники милиции. Среди севастопольцев распространилась информация, что прокурор

выписал ордер на арест Чалого, и силовики пытаются его арестовать. Ситуация повисла на волоске. Арест народного мэра грозил в одночасье похоронить результаты митинга Народной воли. Однако, как выяснилось впоследствии, заблаговременно предупреждённый зампредседателем горадминистрации Дмитрием Беликом Чалый через боковой вход покинул здание администрации. Волна возмущения действиями властей прокатилась среди столпившихся у крыльца севастопольцев. Горячие головы стали требовать штурма здания:

– Давайте расковыряем плитку и разнесём витрины! Автоматы нас не останавливают!

– Возьмём администрацию штурмом!

– Я не позволю вырвать ни камня с Аллеи городов-героев! И бить стекла я тоже не позволю! Никакой партизанщины! Севастополь – это не Киев! – возразил Виктор Мельников. – Мы всё решим по-другому.

Я с утра находился на работе и даже не подозревал о том, какие страсти бушуют в центре города. Неожиданно раздался звонок от Аркадия Байбурского:

– Вадим, срочно приезжай. Власти пытаются арестовать Чалого. Мы будем штурмовать администрацию. Нам дорог каждый боец.

Когда я подъехал к горадминистрации, ситуация продолжала оставаться напряжённой. Тысячная толпа окружала здание СГГА и расплзлась группами по Аллее городов-героев и скверу. Отряд дружинников с повязками “Русского блока” охранял боковой вход в администрацию. Среди них я узнал своего приятеля Дмитрия Жадина. Отдельные группы кучковались у здания горсовета. Было много крепких мужчин. Единичные сотрудники милиции терялись на общем фоне. В толпе мелькали плакаты: “Народ избрал Чалого!”, “Город принадлежит нам!”, “Руки прочь от народного мэра!”.

Вызванные народом председатель горсовета Юрий Дойников и начальник ГУВД Александр Гончаров вышли на крыльцо горадминистрации. Гончаров сообщил, что в интернете распространили ложную информацию о том, что имеется санкция на арест Чалого:

– Не существует никакой санкции, я вам заявляю со всей ответственностью.

– Милиция с народом! – потребовали горожане. – Милиция с народом!

– Милиция с народом, – заверил Гончаров.

В 16:00 из здания СГГА вышли Чалый, Дойников и Белик. Горожане встретили появление народного мэра дружным скандированием “Чалый! Чалый!”

– Сейчас важно получить завтра решение горсовета о создании исполкома... – начал Чалый.

– Сегодня! – настойчиво ответили севастопольцы. – Никаких завтра!

– Сейчас всех депутатов сюда! – раздался могучий голос из толпы.

Севастопольцев слова Дойникова совершенно не удовлетворили, и они массовым скандированием продолжили настаивать на том, что сессия должна собраться именно сегодня.

Однако вскоре возникла очередная заминка. Депутаты отказались поддержать кандидатуру Чалого на должность председателя исполкома на том основании, что он гражданин России. Иван Комелов предложил переместиться к горсовету и потребовать, чтобы депутаты начали исполнять волю Севастополя. Горожане массово двинулись к зданию горсовета, невзирая на движение транспорта. Анатолий Пироженко подошёл к офицеру милиции и потребовал перекрыть улицу Ленина:

– Если вы не перекроете улицу, то мы сделаем это сами.

Через пять минут проезжая часть была перекрыта, и её мгновенно до краёв заполнили тысячи людей. Над входом в горсовет взвился российский триколор. Чтобы стимулировать депутатов, горожане придумали и начали громко и скандировать мгновенно ставший актуальным ёмкий девиз:

– Русский город – русский мэр! Русский город – русский мэр!

Находившийся в сессионном зале Чалый поднялся на подоконник и поприветствовал своих сторонников.

Наконец депутаты осознали, что люди их не выпустят из здания без утверждения Чалого, прекратили юлить и приняли решение о создании некоего исполнительного органа с труднопроизносимым названием Координационный совет по организации Севастопольского городского управления по обеспечению

нию жизнедеятельности города. Возглавил Координационный совет Алексей Чалый.

Утром 25 февраля просмотрел новости на “Форпосте”. На протяжении последних лет этот сайт являлся для меня главным источником информации. Прокурор (почти прокуратор) Игорь Пилат обнародовал позицию городской прокуратуры. Он обратился к севастопольцам с требованием соблюдать национальное законодательство Украины и призвал не поддаваться на провокации и сепаратистские призывы. Таким образом, он дипломатично дал понять, что находится на стороне Киева.

В соответствии со вчерашними обещаниями начальника милиции Гончарова, наконец, установлены блокпосты на Инкерманской и Ялтинской трассах. Кроме сотрудников милиции, на блокпосты вышли горожане – члены народных дружин. Они ничем не вооружены. На рукаве у них либо белая повязка с надписью “Русский блок”, либо георгиевская ленточка.

Тем временем севастопольцы с утра снова стали собираться у зданий городской администрации и горсовета. Людей пока немного, но все настроены решительно. У некоторых в руках плакаты: “Требуем уволить продажного прокурора Пилата”, “Пилат, езжай домой – во Львов!”, “Требуем уволить чиновников-бандеровцев!” Геннадий Басов предложил формировать отряды для отправки в Симферополь, чтобы помочь крымчанам скинуть продажную власть регионалов и Могилёва. На определённом этапе страсти накалились. Горожан возмутила съёмка пикета подозрительными личностями. “Это снимают эсбэушники”, – определили они, окружили незадачливых операторов плотным кольцом и стали требовать документы. Только вмешательство милиции спасло сотрудников СБУ от расправы.

... Я вышел на остановке у ДОФа и сразу обратил внимание на малолюдность улицы Ленина. Особенно на контрасте после вчерашней осады городской администрации и горсовета. У здания СГГА кроме информационной палатки и десятка человек никого не было. И только затем я заметил собрание севастопольцев у входа в Дом Москвы. Я присоединился к митингу. Народу было немного, человек пятьсот. Одни сгрудились на ступенях крыльца Дома Москвы и у его подножия, другие разбились на группы по интересам. Ораторы сменяли друг друга у мегафона. Мегафон безбожно хрипел, превращая слова ораторов в маловразумительную кашу. Зажглись и погасли окна в Доме Москвы, сумерки окутали площадь Нахимова. Одинокие горожане пересекали площадь, возвращаясь с работы. Какой-то маргинал выскочил из кромешной темноты Приморского бульвара и прокричал хриплым голосом: “Слава Украине! Героям слава!” Пара десятков самооборонцев ринулись за ним. Провокатора мгновенно нейтрализовали и передали милицейскому патрулю.

Но народ прибывал. В толпе я обнаружил знакомые лица: Аркадия Байбуртского и Макса Тюнина. Поодаль, окружённый группой крепких мужчин, стоял Виктор Мельников.

Мы с Максом и Аркадием обсудили последние новости.

– Слышали, что Аваков минувшей ночью высадился в Бельбеке. Он прибыл, чтобы разоружить “Беркут”, – рассказал Макс. – Однако группа “Альфа” отказалась принимать участие в операции, и Авакову пришлось не солоно хлебавши убраться в Киев.

– Сегодня мы в Симферополе у Верховной Рады провели митинг! – доложил в мегафон крымский казак. – Нас было не очень много. Но тем не менее мы добились того, что власти Крыма услышали нас. Они собрали экстренное заседание Президиума. Было принято постановление о неподчинении преступным приказам из Киева...

Это известие утонуло в буре восторга. Из вечерних новостей я узнал, что завтра запланирована сессия Верховного Совета Крыма. По предложению одного из ораторов мы построились в колонну и двинулись в сторону здания администрации. Растянувшаяся на добрую сотню метров колонна, пересекающая освещённую редкими фонарями площадь Нахимова, выглядела внушительно. Автомобили уважительно уступали нам дорогу.

– А что происходит? – поинтересовался один из водителей. – Куда вы идёте?

– К администрации. Чалому нужна наша поддержка, – отозвался Макс.

– Не вопрос. Сейчас припаркуюсь и пойду.

Тысячная толпа заполонила площадку перед зданием СГГА и начала скандированием вызывать Чалого. Вскоре народный мэр спустился к горожанам и прочитал текст заявления, в котором, в частности, говорилось: “Перед лицом реальной угрозы принято решение о создании Антитеррористического центра, объединяющего и координирующего действия отрядов самообороны. Место записи добровольцев – у входа в городскую администрацию. Начало работы – 26 февраля в 10:00”.

Севастопольцы восприняли заявление Алексея Чалого с шумным одобрением. Наконец, он приступил к консолидации размытых до этого между разными центрами сил самообороны. Ленинский принцип “Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, когда умеет защищаться” никто не отменял.

Исполняющий обязанности министра внутренних дел Украины Арсен Аваков в ночь на 26 февраля сообщил в своём фейсбуке о том, что он подписал указ о расформировании “Беркута”. Лучшего подарка для севастопольцев он и придумать не мог! Алексей Чалый обратился к сотрудникам отрядов “Беркут” с призывом приехать в Севастополь. “В это трудное время нашему городу нужны достойные мужчины, которые могут стать основой создающихся отрядов самообороны, а в будущем и муниципальной милиции. Мы готовы обеспечить присоединившихся к нашей борьбе заработной платой, а их семьям – безопасность”.

Люди потянулись к зданию СГГА с самого утра. Самооборонцы, сомкнув ряды, выстроились на крыльце. Они преградили сотрудникам администрации дорогу в здание. Алексей Чалый проследовал к входу по живому коридору своих сторонников. Он обратился с призывом не препятствовать доступу сотрудников администрации на рабочие места. Горожане с готовностью выполнили его просьбу.

Начал накрапывать дождь, но непогода не могла остановить пробудившийся народ. Севастопольцы прибывали. В 9:00 начался ставший уже традиционным за последние дни митинг. Ольга Тимофеева доложила, что были восстановлены все блокпосты, которые действовали в советское время. Блокпосты укреплены бетонными плитами. Границы города охраняют представители милиции и отрядов самообороны. Это сообщение было встречено одобрительными возгласами. Рефреном во всех выступлениях звучал призыв к горожанам отказаться от равнодушия и присоединиться к общей борьбе.

Днём в Севастополь прибыл депутат Госдумы и по совместительству советник Путина Алексей Журавлёв. Он открыл череду визитов российских политиков в город. Журавлёв выступил на площади Нахимова:

– Я вас уверяю, что весь народ России, от Северного Кавказа до Дальнего Востока, он здесь, с вами, в Крыму. И он полностью поддерживает вас и ваши действия. В России сформирован добровольческий антифашистский резерв. К нам записываются тысячи и тысячи сторонников. Я вам абсолютно точно скажу – вы не одиноки...

– Рос-си-я! Рос-си-я! – в едином порыве ответила площадь.

6. Битва за Крым

Из Симферополя приходили тревожные вести. Утром начали съезжаться депутаты Верховного Совета на запланированную сессию. Пророссийские организации вывели на митинг к зданию ВС Крыма несколько тысяч своих сторонников: мужчин, женщин, пенсионеров. Они пришли под российскими знамёнами. В пик им Меджлис вывел несколько тысяч крымских татар, в большинстве своём крепких молодых мужчин. Татары пришли под украинскими и крымскотатарскими знамёнами. Цель Меджлиса – не допустить проведения сессии, на которой могут быть приняты решения о непризнании киевской хунты и отставке Могилёва. В результате две огромные массы сошлись во дворе парламента. Татары принялись скандировать “Аллах Акбар!”, “Украина!”, славяне – “Россия!”, “Референдум!” Возникла неизбежная давка. Безоружные сотрудники милиции выстроились по периметру двора и между противоборствующими сторонами, но оказались бессильны развести их.

Крымчане обратились к Севастополю с просьбой о помощи. Севастопольцы немедленно откликнулись на призыв соседей и под проливным дождём приступили к формированию отрядов. Иван Комелов неоднократно подчёркивал, что требуются молодые мужчины. Однако несогласные с подобной дис-

криминацией женщины активно заполняли стоявшие на площади автобусы. Севастополь отправил для поддержки соратников несколько автобусов.

Вечером я снова вернулся на площадь Нахимова. К тому времени у здания инженерной службы флота выросла сцена, украшенная огромным баннером с эмблемой Третьей обороны – наверху Памятника затопленным кораблям и заветом Корнилова “Отстаивайте же Севастополь!” Таким образом, согласно решению КС, был создан информационный пост, который отныне станет регулярно информировать горожан о развитии ситуации в Севастополе. Руководителем информационного поста была назначена Лариса Мельник, её заместителем – Елена Бардина. Его охрану поручили отряду самообороны “Гвардия Севастополя” под руководством Виктора Мельникова.

Несмотря на обложной дождь, площадь вплоть до памятника Нахимова была заполнена народом. Севастопольцы, прячась под зонтами, обсуждали угрозу, исходящую из Киева.

– “Правосеки” уже пригрозили отправкой “Поезда дружбы”. Мол, мы севастопольцев разгоним, словно крыс...

– Ну-ну, пусть только сунутся. “Беркут” уже с нами...

В 18:00 начался митинг-концерт. Ольга Тимофеева зачитала выдержки из личного обращения председателя КС. Алексей Чалый призвал к соблюдению спокойствия и уважения по отношению к сотрудникам администрации и горсовета. Тимофеева продублировала сообщение о восстановлении блокпостов и зачитала распоряжение о переподчинении “Беркута”.

Затем выступили представители общественности, депутаты и ветераны. Представитель крымских татар заявил о поддержке требований севастопольцев и заверил в том, что большинство татар не поддерживают радикальные действия Меджлиса. По окончании выступлений политиков часть горожан покинула площадь. Они явно приходили не ради песен. Ансамбль Черноморского флота России исполнил гимн Севастополя.

Вика Цыганова исполнила свои хиты “С нами Бог и Андреевский флаг”, “Офицеры России” и другие патриотические песни.

В середине концерта на площадь вернулись автобусы из Симферополя. Музыка мгновенно прервалась, сотни людей хлынули к автобусам и образовали живой коридор. Помятые и усталые, но гордые осознанием выполненного долга шествовали активисты. Их глаза горели возбуждением недавней схватки. Горожане приветствовали их скандированием “Мо-ло-дцы!”

– Когда мы приехали в Симферополь, двор Верховного Совета был поделён примерно пополам, посередине – живой коридор. Силы сторон были примерно равны, но со стороны татар – в основном крепкие парни, а со стороны крымчан – разношёрстная публика, много женщин и стариков. Наш приезд воодушевил крымчан – Севастополь с нами! – делился впечатлениями реставратор Херсонеса Анатолий Туманов. – Татары явно готовились к схватке. Вначале обе массы пререкались и скандировали, старались друг друга перекричать. “Россия!” – “Украина!” Татары вели себя крайне агрессивно и несколько раз напирала на нас, пытаясь оттеснить от входа в парламент. То тут, то там они устраивали драки. Милиция поначалу сдерживала напор татар, но на каком-то этапе покинула площадь. Вдруг появились боевики в масках, над ними реял черно-красный бандеровский флаг. Татары словно по команде сплотили ряды и удвоили напор. Одновременно они принялись распылять в нас слезоточивый газ. Татары сняли знамёна и пустили в ход дровки. В нас полетели пластиковые бутылки, наполненные водой. Такая бутылка сбивает с ног. Прогремел взрыв. Началась жуткая давка. Севастопольцы были не готовы к такому ходу событий, многие – вообще женщины. Я видел, нескольких человек выносили окровавленных. Татары вытеснили нас с внутренней площади и ворвались внутрь здания. Сессию они сорвали, но до депутатов не добрались...

События в Симферополе в ночь на 27 февраля взорвали утренний телеэфир. Минувшим вечером удовлетворённые победой татары покинули здание парламента. Русские активисты, напротив, остались на ночь. Они возвели баррикады и развели костры. Основные требования остались неизменными – возвращение Конституции Крыма от 1992 года и референдум о статусе полуострова. Около четырёх часов утра к зданию Верховного Совета Крыма подъехали несколько военных грузовиков. Из них выгрузились около полусотни увешанных оружием людей в камуфляже без опознавательных знаков. Они

были вооружены не только автоматами, но и гранатомётами, пулемётами и снайперскими винтовками. Они миновали баррикады, ворвались внутрь здания и обезвредили сотрудников охраны. При этом никто из милиционеров не пострадал.

— Мы целую ночь строили баррикады. Вооружённые до зубов люди появились в пять утра. На двух “КамАЗах”. Они вели себя очень вежливо, аккуратно положили нас, велели не суетиться, а сами тихонечко проследовали в здание. Ну, окна чуть-чуть разбили, — делился впечатлениями очевидец событий, активист, поправляя очки. Его лицо сияло неподдельным восторгом. — Мы поняли, что это свои... Потом мы даже помогали им разгружать автобусы: автоматы, пистолеты. А два “КамАЗа” уехали. Уже через пять минут был захвачен Совмин. Там, правда, кидали дымовые шашки...

Вооружённые люди вывели из здания правоохранителей и сотрудников парламента. Вскоре над Верховным Советом Крыма рядом с крымским флагом взвился российский триколор. Одновременно по такой же схеме произошёл захват здания Совета министров на площади Ленина. Никаких требований вооружённые люди изначально не выдвинули. По словам вице-преьера Рустама Темиргалиева, они назвали себя представителями самообороны русскоязычных граждан Крыма. Переговоры с ними оказались безрезультатными. Председатель Совмина Анатолий Могилёв ограничился созданием штаба по урегулированию чрезвычайной ситуации. Милиция оцепила центр Симферополя.

Самым удивительным в этой истории было то, что никто не мог определить, что это за немногословные и вежливые профессионалы. У меня навскидку возникло несколько версий: перешедший на сторону народа “Беркут”, ветераны спецназа из крымской самообороны, российский спецназ, боевики “Правого сектора” с целью провокации или верные Януковичу войска (президент Украины вчера внезапно объявился в России и даже призвал военслужащих исполнять его приказы и подавить путч). За каждой из версий стояли свои аргументы.

Чуть позже стало известно, что в окрестностях Симферополя были замечены несколько российских БТРов. Однако этот факт тоже ни о чём не говорил. Это могла быть как поддержка для крымской самообороны, захватившей ВС и Совмин, так и защитная мера на случай захвата зданий “правосеками”.

Например, нардеп Украины Геннадий Москаль обвинил “Беркут” в захвате административных зданий в Симферополе. И действительно, в ночь с 26 на 27 февраля севастопольский “Беркут” вместе с оружием таинственным образом исчез из города. Сотрудники ГАИ, работавшие на блокпостах, факт пересечения границ города спецподразделением не зафиксировали. Как выяснилось впоследствии, севастопольский “Беркут” выдвинулся на Перекоп для защиты рубежей Крыма от бандеровцев. Это был очень своевременный шаг. “Беркут” буквально на 5–6 часов опередил боевиков, которые после вчерашних рекогносцировочных вылазок в северный Крым готовили вторжение со стороны материка. Рота разделилась на небольшие отряды по 15–20 человек и перекрыла основные и вспомогательные въезды в Крым на Перекопе и Чонгаре. Бандеровцы на нескольких автобусах сунулись в Крым, но были остановлены метким огнём спецназовцев. Осознав, что перед ними профессионалы, боевики отступили, но от своей затеи не отказались. Они продолжили наращивать силы для полномасштабного удара.

События в Симферополе озадачили и одновременно вдохновили севастопольцев. На площади Нахимова и у штаба “Русского блока” были сформированы несколько автобусов добровольцев для поддержки крымчан и планируемого заседания парламента Крыма. По опыту вчерашних столкновений на этот раз набрали исключительно мужчин. Вооружение — бейсбольные биты, средства защиты — строительные каски.

Утром горожане, несмотря на дождь, собрались у входа в СГГА. В здание проследовали начальник генштаба Вооружённых сил Украины Юрий Ильин, Юрий Дойников и ряд представителей силовых структур.

Позвонил Аркадий Байбуртский и снова позвал к зданию горадминистрации. Мол, в народе ходят слухи, что ВС и Совмин Крыма захватили “правосеки” и надо подготовиться к отражению их атаки на Севастополь. На митинге у здания горадминистрации звучали страстные призывы к борьбе.

Делегация депутатов Госдумы России появилась на площади Нахимова внезапно. Среди них — руководитель фракции “Единой России” Владимир Ва-

сильев, главы думских комитетов, в том числе такие заметные фигуры, как Леонид Калашников, Владимир Комоедов, Валентина Терешкова, Виктор Водолацкий. Впрочем, самым заметным среди них был Николай Валуев, который на две головы возвышался над своими коллегами. Депутаты выступили перед севастопольцами у здания СГГА. Заявления представителей фракции “Единой России” были туманны и расплывчаты. Депутат от оппозиционной КПРФ Леонид Калашников позволили себе пойти дальше представителей “Единой России”.

– Нужно принимать сложные решения непосредственно в данный момент, – заявил он. – Многие в России говорят: “А где обращение крымчан? Пусть обратятся, пусть примут те или иные решения”. Мы в свою очередь слышим здесь от крымчан: “А где Россия, где её решения?” И люди тоже по-своему правы. Боюсь, что мы можем прождать этих решений с обеих сторон, а ситуация так ухудшится, что побегут вооружённые люди, обученные обращаться с оружием, и никого не останется на площадях – зачистят, а потом всё это закатают асфальтовыми катками... Поэтому нужно действовать без промедления!

Депутат Анатолий Локоть, выступая от имени Сибири, сообщил, что сегодня состоялась сессия заксобрания Новосибирской области, где было принято обращение к президенту России по событиям, произошедшим на Украине:

– Наши депутаты потребовали сделать всё, чтобы защитить права русскоязычного населения и тех, кто сегодня сопротивляется и защищает завоевания наших предков от националистов. Советская власть в своё время покорила их. И вот они подняли знамёна Бандеры и Шухевича и пытаются взять реванш... Но Россия с вами! Помните это! Так было, есть и будет!

Верховный атаман Союза казачьих войск России Виктор Водолацкий с лукавым огоньком в глазах сообщил, что в Крыму с завтрашнего дня открывается Международный фестиваль казачьей культуры. Ожидается прибытие пяти тысяч гостей из России... Это известие вызвало шумное оживление среди севастопольцев.

Вечером заморосил мелкий и противный дождь. У здания администрации остались около пятисот человек. Александр Синявский объявил о наборе отряда в 30 добровольцев для поездки в Симферополь. Сбор у Вечного огня. На митинге встретил приятеля Юру Молодыку с Жанной. Оказалось, они по призыву КС взяли за привычку проводить промозглые февральские вечера в романтических прогулках у здания СГГА.

– Как ты думаешь, Вадик, сколько мы продержимся? – поинтересовался Юра.

– Поначалу я искренне полагал, что мы побузим неделю-другую и нас разгонят, как цыплят. Теперь, после того, как активно включился народ, я рассчитываю, что мы продержимся пару месяцев, может даже до конца мая...

Дождь усилился, и мы с Юрой и Жанной укрылись в кафе за “Ракушкой”. В кафе вместо музыки работал телевизор, по которому передавали последние новости из Симферополя. Только что завершилось внеочередное заседание Верховного Совета Крыма. На нём было заявлено о непризнании новой киевской власти. Депутаты приняли решение о проведении 25 мая референдума о статусе Крыма. Верховный Совет отправил в отставку правительство Могилёва и утвердил в должности председателя Совмина Сергея Аксёнова, лидера партии “Русское единство”. Сессия прошла в присутствии вооружённых людей. Крымчане под российскими триколорами бурно приветствовали решения депутатов на улицах Симферополя.

Я вскочил со стула и исполнил огненную ирландскую джигу. Это значило, что захватившие ВС Крыма вооружённые люди – наши сторонники (самооборонцы или россияне), а главой исполнительной власти Крыма стал идейный пророссийский политик. Такого я не ожидал! На протяжении последних 10 или даже 20 лет наш полуостров являлся болотом в политическом смысле, провинцией провинции. Нам диктовали условия все, кому не лень: Киев, Львов, Донецк. Наконец, Крым взбунтовался, да так, что мало не покажется никому!

Утром 28 февраля выяснилось, что минувшей ночью неизвестные вооружённые люди без опознавательных знаков заняли аэропорт Бельбек. По некоторым данным, это были военнослужащие Вооружённых сил Российской Федерации. Силовики рассредоточились по периметру аэродрома, развернули

штабной БТР со связью. Они прибыли в аэропорт для того, чтобы не допустить прилёта неких боевиков. Одновременно вооружённые люди заняли аэропорт “Симферополь”. При этом действовали настолько аккуратно, что пассажиры не заметили никаких изменений.

Я вошёл в дружину, которая называлась “Гвардия Севастополя”, и поступил в распоряжение Стаса Лавриненко, командира первого взвода, составленного из жителей Гагаринского района. Познакомился с заместителем командира отряда Сергеем Заградским, начальником штаба отряда Олегом Молодцовым и некоторыми другими добровольцами. Среди прочих встретил коллегу по музею Михаила Ступко, по прозвищу Михель. К моменту моего вступления в дружину насчитывалось больше тридцати человек. В основном это были крепкие мужчины 30–50 лет и старше. Строители, моряки, предприниматели, инженеры, таксисты, безработные и пенсионеры. Большинство – представители сугубо гражданских профессий, но с опытом срочной военной службы, некоторые – охотники. Их отличали открытые лица и спокойные движения. В глазах читалась уверенность в правильности сделанного выбора. В отличие от зелёных майдановцев, часто подростков, которые, не имея собственного жизненного опыта, набрались наглости учить всю страну жить, эти мужики знали, что такое жизнь, и готовы были отвечать за свои поступки.

Рота построилась в две шеренги.

– Бойцы! Повторяю в сто первый раз – необходимо соблюдать дисциплину. Договорились, что собираемся в 18:00, значит надо быть в 18:00 и никаких опозданий. Здесь вам не пансион благородных девиц. Мы – “Гвардия Севастополя”! – зычным голосом произнёс Полковник. – Ну и, конечно, надо сохранять бдительность. Враг не дремлет! Он копит силы и готовится нанести удар, как только мы расслабимся. В минувшую ночь самооборонцы на одном из блокпостов пресекали попытку ввоза в город взрывчатки мощностью четыреста килограммов в тротиловом эквиваленте...

В 7:30 утра 1 марта меня разбудил звонок Анатолия Пироженко. Он сообщил, что самоназначенный министр МВД Украины Арсен Аваков в ночь с 28 февраля на 1 марта отстранил от должности начальника городской милиции Александра Гончарова, который после избрания Чалого народным мэром занял нейтральную позицию. Вместо него Аваков назначил генерала Виталия Маликова. Пока ехал в транспорте, в голове крутились предательские мысли: “Вот и приплыли. Аккурат продержались неделю. Теперь нас, как пить дать, прихлопнут”.

К зданию УМВД ополченцы начали съезжаться ещё затемно. К 8:00 у входа в главк собрались около полусотни человек. Помимо “Гвардии Севастополя” присутствовали добровольцы отряда “Севастополь без фашизма” и одиочные представители других подразделений самообороны.

Начштаба Олег Молодцов уточнил списки прибывших и провёл инструктаж на случай непредвиденных провокаций.

Бойцы самообороны установили контакт с находившимися в здании главка сотрудниками милиции. Последние проявили себя исключительными патриотами города. Дежурный офицер, узнав от самооборонцев причину собрания, не колеблясь ни минуты, пообещал поддержку и помощь в определении времени начала блокирования.

Около 9:00 к зданию главка решительной походкой приблизился генерал Маликов в сопровождении нескольких спутников в штатском. Ополченцы сомкнули ряды. Напряжение повисло в воздухе. Из окон главка тревожно выглядывали милиционеры. За несколько метров от дверей навстречу Маликову вышел Мельников. Заместитель командира отряда Сергей Заградский локтём аккуратно преградил путь одному из спутников генерала.

– Разрешите пройти! – приказал Маликов.

– Не разрешаю, – невозмутимо отозвался Мельников.

– Да как ты смеешь? Ты хоть знаешь, с кем ты разговариваешь? Я – новый начальник милиции! – побагровел Маликов.

– Для нас ты не начальник милиции. Здесь – Севастополь, и у нас своя милиция.

– У меня приказ о назначении, подписанный министром внутренних дел Аваковым... – и Маликов полез во внутренний карман.

– Фашистский Киев нам не указ!

– Это самоуправство! Я сейчас же поеду к Алексею Михайловичу разбираться.

– Иди, разбирайся, получай разрешение у Чалого. Тогда и поговорим.

Не ожидавший такого приёма Виталий Маликов в поисках поддержки оглянулся по сторонам. Его спутники надвинулись на Мельникова. “Гвардейцы” в свою очередь взяли киевских “засланцев” в полукольцо. Война нервов продолжалась несколько секунд. Маликов оценил решимость ополченцев идти до конца, беззвучно выругался и поспешно ретировался. Он направился в здание СГГА для встречи с Чалым, но у дверей его встретил жёсткий отпор сева-стопольцев. Неутомимый генерал устремился в городское ГАИ, где он рассчитывал получить поддержку проукраински настроенного начальника службы, но и здесь его ждало горькое разочарование. При попытке проникнуть в здание ГАИ Маликов был окружён группой казаков и самооборонцев под руководством Андрея Меркулова. Севастопольцы провели с генералом воспитательную беседу, после чего он был выдворен за пределы города.

С уходом Маликова ситуация у главка мгновенно разрядилась. Ополченцы облегчённо закурили. Тревога в глазах сотрудников милиции, наблюдавших за сценой противостояния, развеялась. Несколько офицеров подошли к Мельникову и с уважением пожали ему руку. Один из них не без гордости продемонстрировал георгиевскую ленточку под мундиром.

В 11:00 к зданию строем подошли два отряда “Русского блока” по полсотни человек каждый. Они выстроились в две шеренги перед входом в главка, образовав широкий коридор. Посчитав после прибытия подкрепления миссию выполненной, Мельников дал команду “Гвардии Севастополя” разойтись до вечернего построения на “Ракушке”.

Вскоре к зданию главка прибыл Алексей Чалый. Народный мэр зачитал распоряжение Координационного Совета о создании муниципального Управления внутренних дел Севастополя и представил его начальника, полковника милиции Александра Поддубова.

В течение дня выпуски новостей пестрели калейдоскопом событий.

Председатель Совета Министров Крыма Сергей Аксёнов в ходе первого заседания правительства в новом составе заявил: “Исходя из сложившейся ситуации, понимая, что данный конфликт вышел за пределы разумного, мы приняли решение ускорить ситуацию, связанную с проведением референдума, и планируем провести его в марте этого года, ориентировочная дата проведения референдума – 30 марта 2014 года”.

(Окончание следует)

Четверть века журнал «Наш современник» отстаивает идею создания широкого народного альянса, свободного от партийной односторонности. Такое объединение необходимо, с одной стороны, как опора государственной власти, с другой — как живое представительство всех слоёв населения, способное ставить перед руководством насущные проблемы, с которыми наиболее часто — и наиболее болезненно — сталкиваются люди. Многие политические силы пытались организовать такую структуру. Наиболее солидно выглядит Общероссийский народный фронт (ОНФ) — надпартийное объединение, созданное для контроля над исполнением майских указов В. В. Путина. У истоков нового движения стоял В. В. Володин, ныне первый заместитель руководителя Администрации Президента. На встрече с активом ОНФ в декабре минувшего года он подчеркнул: «Общество через такие прямые коммуникации может напрямую достигать до президента, минуя местный и региональный уровень власти». Учитывая, что прямая связь с народом является ключевым условием успешного функционирования государства, редакция решила перепечатать стенограмму встречи В. В. Володина с активом ОНФ.

ВЯЧЕСЛАВ ВОЛОДИН

НЕ ИЗМЕНЯЯ СВОИМ ЦЕЛЯМ

Выступление на семинаре-совещании с региональным активом ОНФ*

В. В. Володин: Коллеги, прежде чем мы начнем разговаривать, зачитаю один текст. Как вы думаете, кто это написал?

«**Движущей силой демократии являются люди.** Граждане должны быть патриотами. Если Запад с растущим уровнем уклонения от выборов и отсутствием гражданских чувств не может быть в этом примером, **в России, напротив, растёт гражданское самосознание, и в этом она напоминает Францию времен Третьей республики.** Как и в западных странах, в России кандидатов на выборах выбирают политические партии. Они же вырабатывают политические идеи. Однако у партий есть и недостатки, и это почувствовал в свое время на себе де Голль, [...] когда он создавал свою партию «Объединение французского народа – ОФН», которая существовала с 1947 по 1955 г.

Речь идет как раз о голлизме российского типа, направленном на национальную независимость, истинную демократию для обеспечения связи между народом и президентом и участие граждан в процессе принятия государственных решений.

* Стенограмма выступления Вячеслава Володина перепечатана с сайта ОНФ. <http://onf.ru/2015/12/08/stenogramma-vystupleniya-vyacheslava-volodina/>

ОНФ должен укреплять независимость России, свободу, процветание, семью. Он должен выстраивать постоянный диалог между гражданами и президентом и помогать последнему в выполнении его решений независимо от действий олигархии всех мастей. ОНФ должен, согласно его уставу, содействовать участию в принятии политических решений на всех уровнях и развивать конструктивную гражданскую инициативу. **Эти цели полностью соответствуют духу прямой демократии.** [...]

С точки зрения конечной цели, то есть тождественности устремлений государства и народа, Россия, таким образом, зачастую превосходит большинство стран, и именно поэтому сегодня 86% населения поддерживают политику президента Путина. С точки зрения материальных и формальных целей демократического развития, между Россией и Западом нет различий. **С точки зрения движущих сил и конечной цели, Россия становится более демократичной, чем большинство западных стран** (кроме Швейцарии). ОНФ должен обеспечить еще большую демократизацию и борьбу с коррупционными элементами, доставшимися в наследство от прошлого. [...]

Новая Россия представляет собой демократию «голлистского» типа, в которой присутствуют свободы, проводятся выборы, провозглашается открытость всему миру, а иерархия трех функций восстановлена. [...]

Путин, как и де Голль в свое время, ненавидят, потому что:

1) он противостоит американскому империализму;

2) он восстановил мощь своей страны [...];

3) он [...] защищает традиционные ценности, в частности семью, родину и традиционные религии, прежде всего православие».

Я считал вас выдержки из главы 3 «Владимир Путин и возврат к суверенной функции» **новой книги господина Бло**, советника Николая Саркози, профессора, бывшего заместителя министра внутренних дел Франции. Как вы понимаете, коллеги, это про вас, про ОНФ.

По публикациям в России Иван Бло известен как автор книги «Прямая демократия – единственный шанс для человечества». Она вышла на русском языке.

Теперь перейдем к вопросам.

А.В. Кузьмин: *Добрый день. Кузьмин Александр, Ленинградская область, сопредседатель. Уважаемый Вячеслав Викторович, коллеги! Всем известно, что мы действуем в президентской повестке. Это мониторинг исполнения указов, поручений, борьба с коррупцией, расточительством, неэффективным расходованием бюджетных средств. Это известные общественные проекты «За честные закупки», «За права заемщиков». Это мониторинг проблем экологии и защиты леса. Это переселение граждан из аварийного жилья, прозрачность процедур капитального ремонта и его качество. Наконец, проблемы здравоохранения и образования.*

Но всё это – федеральная повестка. Разумеется, мы дополняем ее своими сюжетами. Нам рекомендуют создавать собственную, региональную, повестку. В этой связи хотелось бы уточнить, какие направления вы видите более приоритетными для формирования качественной и насыщенной региональной повестки. Спасибо.

В.В. Володин: **Два приоритета, которые вы упомянули, во многом формируют образ ОНФ – реализация указов президента от 7 мая 2012 года и борьба с коррупцией, с расточительством.** Но это не только федеральная повестка – региональная тоже. Потому как указы реализуются в регионах. И, как вы понимаете, есть мониторинг реализации указов общегосударственный, а есть региональный, и регион может выглядеть по-разному. А на муниципальном уровне всё будет выглядеть совершенно иначе. То же самое и по борьбе с коррупцией и расточительством на региональном уровне. Может сложиться мнение, учитывая, что всё это достаточно эффективно реализуется на федеральной платформе, что это такой сугубо федеральный проект. Но в действительности содержательная информация приходит от вас, приходит из регионов. Активно поднимая вопросы по реализации указов в своем регионе с преломлением на город или район, с выявлением, где они реализуются более эффективно, где менее, вы тем самым и формируете свою повестку. **Это и есть ваша повестка, то есть те вопросы, которые вы эффективно обрабатываете на своем уровне.**

И это правильно. **Если будет распыление – проекты, подпроекты, новые программы, то мы утратим главное, ради чего объединились, – реализацию предвыборной программы президента.** А предвыборная программа президента зафиксирована в указах. Если эти указы реализуются, значит, реализуется его предвыборная программа.

Так же и когда мы говорим о борьбе с расточительством, с коррупцией. Понятно, что это может быть темой крупных компаний, это может быть темой регионов, но может быть и темой муниципалитетов, ГУПов, тех структур, которые работают непосредственно на муниципальном или региональном уровнях. Это тоже ваша повестка. При этом крайне важно, чтобы у вас был объективный и скрупулезный подход, чтобы никого не обидеть, чтобы информация была проверенная. Так же и по указам – важно, чтобы все данные соответствовали действительности, чтобы не было популизма вокруг этой повестки.

Главная задача – перевести всё это на низовой уровень власти и вести мониторинг на уровне городов и поселений.

Р.А. Титов: *Добрый день. Титов Роман, Кировская область, руководитель регионального исполкома. В последнее время участились случаи перехвата нашей повестки, тех направлений и тем, по которым мы работаем в регионах, в том числе не только представителями оппозиции, но и партнерскими организациями. «Справедливая Россия», партия «Родина», которые вдруг берут и начинают заниматься темой переселения, в которой раньше они не были замечены. А мы ведь эту повестку обрабатываем системно. Вижу, коллеги кивают. В связи с этим вопрос: как нам поступать в такой ситуации?*

В.В. Володин: *Вам надо радоваться, что ваша идея овладевает массами, что по вашей повестке работает всё больше политических структур. Это говорит о том, что вы задаёте повестку. Это мечта любой политической организации, и тем более общественного движения. Общественная организация, которая начинает формулировать повестку, в которую входят другие структуры, является драйвером. Молодцы! Чем больше организаций будет работать по вашей повестке, тем более эффективно работаете вы. Вы молодцы!* Это так, коллеги.

Почему я начал с цитирования Ивана Бло? У нас зачастую то, что мы сами не замечаем, видится лучше со стороны. И когда мы начинаем в том числе знакомиться с их экспертной оценкой, то говорим: «Неужели это про нас? Кто бы это мог так сказать?» А это говорят люди, которые занимаются развитием демократии, которые занимаются изучением политических процессов во всем мире.

Поэтому, когда вы говорите, что в эту повестку входят одни, другие, – это ни в коем случае не перехват. Это переход на вашу повестку. Если вы объединяете на своей повестке политические силы, институты гражданского общества, значит, вы эффективны. Значит, вас будут поддерживать. Последние исследования показали, что ОНФ достаточно эффективен в этих вопросах. **Темы, которые вы выбрали, воспринимаются обществом, поддерживаются людьми.** И реализация указов, и борьба с коррупцией, и многое другое. Как вы понимаете, **эти указы выводят практически на любую сферу нашей жизни, на её анализ, на принятие решений в этой сфере.**

А.Н. Атласова: *Добрый день. Сопредседатель якутского регионального отделения Атласова Алёна. Поскольку я являюсь учредителем социально ориентированной некоммерческой организации, я являюсь общественным деятелем. Но я и депутат республиканского Госсобрания, а также доверенное лицо Владимира Путина. По роду своей деятельности я постоянно работаю с Общественной палатой республики и с Общественной палатой Российской Федерации. Скажите, принципиальная разница между нашей деятельностью и деятельностью ОП? Поскольку в законе об ОП палата определяется как субъект общественного контроля. Но то же самое делаем и мы. В чём разница?*

В.В. Володин: *Во-первых, Общественная палата включает в себя большое количество различных институтов гражданского общества, различных общественных организаций. Их спектр велик.*

ОНФ – это общественная организация, у которой есть уставные цели, задачи. У ОП могут быть дополняющие разные вопросы, которые расширяют повестку, которую проводит ОНФ. Конечно, **взаимодействие с ОП является важным элементом работы ОНФ**, и сам ОНФ является институтом гражданского общества, общественной организацией, но ещё раз хочу подчеркнуть: **ОНФ – это движение, которое объединяет людей вокруг президента в реализации его предвыборной программы** в борьбе с коррупцией, в борьбе с расточительством, то есть по основополагающим темам, заявленным президентом.

Пересечения есть. Но всё же у Общественной палаты своя повестка, у ОНФ – своя.

Участник семинара: Сегодня уже говорили, что стержень повестки ОНФ – результативность. Все присутствующие в этом зале и сотни людей, которые остались в субъектах, в муниципалитетах, наши активисты и эксперты занимаются тем, чтобы довести начатое дело до конца, чтобы получить результат.

Действительно, сегодня ОНФ у людей воспринимается как организация, которая поднимает вопросы и доводит их до логического конца. Люди видят результат, поэтому такая колоссальная поддержка. Может быть, у нас не так много ресурсов, как у той же партии «Единая Россия». У них есть депутаты, есть оргресурс. Наши инструменты – это общественные инструменты. И зачастую, чтобы нас услышали, нам в Свердловской области приходится погромче кричать, в том числе через СМИ, потому что на местах власть не слышит. Чиновники вдруг становятся глухими и слепыми, хотя те факты, которые показывает каждый из нас, достойны пристального внимания, достойны плотной работы по нашим обращениям.

Хочу напомнить известную историю – о домах-призраках, которые вдруг появились в России. Тема, которая поднимается по капитальному ремонту. Там миллиарды рублей. Люди всё это видят. Как нам добиться того, чтобы нас слышали на местах? Повторюсь, чиновники делают всё, чтобы нас не замечать. Вот прямая цитата: «Может быть, рассосется как-нибудь». Не очень хотелось бы, чтобы рассасывалось, потому что за нами стоят люди, которые поверили в нас.

В.В. Володин: Во-первых, уже многое делается для того, чтобы эти темы рассасывались, но в хорошем смысле слова. Чтобы проблем становилось меньше. **То, что вы заявляете публично свою позицию, – важный элемент в работе общественной организации.** А дальше, как вы понимаете, есть возможность обращаться в том числе в надзорные органы.

Что же касается тех, кто глух и нем, такая их позиция не найдет поддержки. И то, что вы ее критикуете её, – правильно. Надо поднимать проблемы и их обсуждать. **Надо учиться тому, что человек, который работает во власти, прежде всего должен уметь вести диалог.**

Н.Г. Фомичев: Я представляю Новосибирск, Николай Фомичев. Тех, у кого за плечами уже немало лет, волнует, кто придет вслед за нами. Когда мы смотрим наши СМИ, ток-шоу, дебаты и всё, что вокруг политической жизни делается, нас это очень смущает... Вот сейчас вы находитесь в аудитории единомышленников, людей, которые от чистого сердца, всей душой поддерживают нашего лидера.

Но есть масса людей – мы видим их и в правительстве, и в регионах, – которые представляют себя как якобы демократическую оппозицию. У нас есть над чем задуматься. Как вы считаете, может быть, нам следует всерьез заняться этими людьми? Я не имею в виду охоту на ведьм. Но, может быть, следует каким-то образом фильтровать, убирать на обочину тех людей, которые мешают нам жить, вносят смущение в умы наших детей, нового поколения, и таким образом извращают всё то, что мы понимаем под демократией.

В.В. Володин: Коллеги, когда мы говорим о демократии – это прежде всего умение слышать друг друга. **Те, кто критикуют власть, должны уметь слышать, и те, кто представляют власть, должны уметь слышать. А дальше уже надо убеждать в своей правоте.**

Человек может заблуждаться, это его право, но слышать друг друга мы должны. И конечно, не должно быть речи о том, что надо кого-то убирать на обочину, как вы сказали. **Люди должны сами определять, кто им нужен во власти, что им ближе, какие ценности на сегодняшний день приоритетны.**

Что же касается телевизионных форматов, то за последние годы там постепенно произошли перемены. На экранах стало меньше насилия, и это все отмечают. Больше стало содержательной повестки. Меняемся мы, меняется и телевидение. Если у нас было желание чего-то жареного, они давали ровно то, что их рейтинги повышало. Поэтому, когда большинство стало говорить о ценностях, и они стали об этом говорить. Тут очень многое зависит от нас с вами, от нашей позиции.

Когда мы говорим об ОНФ – это большая пропрезидентская коалиция, на которую президент опирается и реализует свою предвыборную программу, – **вы должны понимать, что очень многое реально зависит от вас.** Это мы видим и по тому напряжению, которое зачастую возникает при выборах сопредседателей региональных штабов. Хотя вроде бы все должны быть заинтересованы в том, чтобы наиболее активные люди были представлены в структурах регионального ОНФ.

Г.Д. Чмыхов: Добрый день. Чмыхов, Калининградская область, сопредседатель. В своей работе нам приходится часто взаимодействовать с депутатами представительных органов власти, и в том числе даже Государственной думы, от решения которых многое зависит, в том числе по содержанию нашей работы и выполнению указов президента.

Хочу привести один пример. Сейчас готовится решение по ставке налогов на недвижимость в зависимости от кадастровой стоимости. И в том варианте, который обсуждался на бюджетном комитете Калининградской областной думы, это очень сильно ударит именно по малому и среднему бизнесу. Тем более что Калининградской области предстоят далеко не легкие времена: 2016 год – отмена действия закона об особой экономической зоне... Естественно, мы свои рекомендации представили и вроде бы договорились, что законопроект будет еще раз внимательно обсужден, причем с бизнес-сообществом. Надеюсь, будут внесены серьезные поправки.

Но наши активисты часто задают вопрос: почему у нас очень мало представителей в областной думе? У нас ведь выросли люди, которые по своим качествам достойны быть депутатами. И они задают вопросы: будет ли нас поддерживать ОНФ, будем ли мы участвовать по мажоритарным округам, в партийных списках? Какова наша позиция? И, думаю, это не только у нас, но и в других регионах.

У нас же не только одна партия. У нас в ОНФ представители многих партий, в том числе «Справедливой России», «Партии пенсионеров», «Родины», «Патриотов России». Если мне память не изменяет, 22 партии в различных регионах участвуют в работе ОНФ. Каковы наши отношения с ними? Какой формат действий? Хотелось бы ваш совет услышать.

В.В. Володин: 2016 год – это год федеральной кампании, когда будут проходить выборы в Государственную думу. 76 партий зарегистрировано как федеральные, 14 партий имеют право без сбора подписей участвовать в выборах в Госдуму, и еще пройдут выборы в 38 регионах в заксобрания, в том числе, как вы правильно сказали, в Калининградскую областную думу, но и не только, в Свердловскую областную, Московскую областную, Пермскую краевую, Красноярскую краевую, в Санкт-Петербурге будут выборы. Представьте себе, 38 избирательных кампаний. Это самый богатый год на региональные выборы.

Что касается участия представителей ОНФ, понятно, что в первую очередь это желание самого представителя, члена ОНФ. Но и запрос партий, о которых вы сказали, на кадровую скамейку представителей ОНФ. **Если вы авторитетный в своем регионе, в округе, где собираетесь избираться, в этом случае любая партия будет заинтересована в том, чтобы востребовать вас в качестве кандидата по одномандатному округу или лидера региональной группы по спискам.**

Вы правильно сказали, это может быть и «Единая Россия», и «Справедливая Россия», и «Родина», и «Патриоты», и другая партия, которая работает с ОНФ. Понятно, что человек, который представляет ОНФ, имеет свою по-

зицию, он поддерживает предвыборную программу президента, участвует в её реализации. Приходя в региональный парламент или Госдуму, он также будет заниматься реализацией предвыборной программы президента, контролировать её, но уже в роли депутата либо регионального парламента, либо Госдумы.

Здесь не может быть речи ни о каких квотах, разнарядках. Здесь всё зависит от того, насколько человек уважаемый, насколько он избираем, насколько он востребован той или другой партией.

ОНФ – это большая кадровая скамейка, представляющая активистов, людей с гражданской позицией, и поэтому здесь у партий есть возможность пристально проанализировать эту перспективную кадровую скамейку.

Что касается представителей ОНФ, у них есть возможность поучаствовать в праймериз, чтобы замерить себя, свою эффективность. **Всё в ваших руках, если вы хотите себя реализовать.** Если партии хотят получить в свои ряды эффективных и популярных людей, они могут присмотреться к тем, кто представляет ОНФ в той или другой территории. Всё зависит от личности.

У нас гражданское общество развивается, гражданский активизм востребован, то есть **через опору на людей действия многое можно сделать.** Об этом президент постоянно говорит. Развивая условия и создавая возможности для реализации того же некоммерческого сектора, некоммерческих организаций, общественных организаций.

Г.Д. Чмыхов: Мы их будем поддерживать морально, организационно?

В.В. Володин: Да, но вы их будете поддерживать не как общественная организация. Этот человек должен самореализоваться, опираясь на ОНФ. Но, учитывая, что его могут востребовать самые разные политические партии, которые между собой конкурируют, ОНФ не может принимать решения о поддержке того или иного кандидата. Если он для себя выбрал какую-либо политическую партию, его самореализация в рамках ОНФ уже сыграла положительную роль. Его заметили, он себя реализовал, а дальше уже будет себя реализовывать в политике, участвовать на стороне какой-то политической силы... ОНФ – надпартийное образование, поэтому среди членов ОНФ есть и представители «Единой России». Представители ОНФ чаще всего были востребованы именно этой партией. Но есть и другие партии, с которыми осуществляется взаимодействие. И **нужно создавать условия для постоянного диалога с тем политическим спектром, который по ключевым вопросам разделяет повестку президента.** Это очень важно.

А.А. Малый: Малый Алексей Алексеевич, Московская область, сопредседатель. Вячеслав Викторович, всё чаще мы имеем случаи, когда государственные региональные СМИ отказываются публичить нашу повестку, наши информационные поводы. В то же время мы довольно часто видим, как эти же информационные поводы выходят на других каналах, в других СМИ, но с какими-то купюрами, без титров, свидетельствующих, что ОНФ является инициатором. Особенно трудно стало работать с региональным пулом СМИ в Московской области, в частности после выхода этим летом статьи «Охота на ОНФ». Нам удастся пробиваться с нашей информацией в электронные версии, но тоже не всегда. Есть ли возможность порекомендовать государственным региональным СМИ внимательнее относиться к повестке Фронта? Даже ВГТРК часто отказывается освещать нашу повестку.

В.В. Володин: Если тема, которую вы подняли, находит поддержку в других СМИ, это говорит о том, что вы затронули действительно живую тему. Что же касается ее продвижения в информационном поле, могу сказать так. Коллеги, **если эта тема действительно интересная, она все равно будет жить, независимо от того, возьмут ее государственные СМИ или нет.** Понимаю, о чем идет речь. Где-то какие-то личные отношения. Мы не разделяем таких подходов. Вы знаете решение президента на этот счет.

У нас сейчас электронные СМИ развиваются. Исходите из того, что электронные СМИ сегодня устойчиво занимают второе место после телевидения. И они будут прогрессировать. Все интернет-коммуникации будут развиваться, поэтому отработайте эти темы в социальных сетях, широко используя

интернет-возможности. Дальше, я думаю, время покажет. Но если вы видите, что где-то не пускают, идите туда, где вы можете донести свою точку зрения. Стратегически вы выиграете. Вы должны исходить из того, что у вас есть позиция и вы ее должны транслировать...

Коллеги, та практика, о которой вы говорите, она из прошлого. Мы за то, чтобы вы могли свою позицию доводить до людей. Но не забывайте о качестве самой повестки. Знаете, тут улица с двухсторонним движением.

Надо всегда обрабатывать те темы, за которые ты отвечаешь, и если они настолько эффективны, что вы достигаете максимума в этом вопросе, они начнут у вас жить сами по себе, потому что на них будет запрос. Были случаи, когда берут и какие-то купюры делают в отношении того или другого чиновника, того или другого региона. Мы об этом говорим нашим свободным независимым СМИ. Но когда вы продвигаете действительно правильную повестку, СМИ, как правило, ее поддерживают.

По данным социологов, **известность ОНФ продолжает расти, а доверие к нему достигло 60%**. Это говорит о том, что вы достаточно эффективно обрабатываете повестку. Но ситуация по территориям разная, и здесь очень много зависит от вас.

М.В. Ермоленко: Вячеслав Викторович, добрый день. Марина Ермоленко, сопредседатель регионального отделения ОНФ в Алтайском крае. Мой вопрос касается взаимоотношений региональных органов власти и региональных активов. Общаясь с коллегами, мы выделили несколько форматов такого рода взаимоотношений. Первый формат – оперативное реагирование власти на те проблемы и предложения, которые поднимает ОНФ. Второй – достаточно частый формат, когда мы слышим в свой адрес такие обвинения, что мы подрываем авторитет власти, раскачиваем совершенно ненужную повестку в регионе. И третий, на мой взгляд, самый изошренный формат, когда идет прямое давление на активистов. Сейчас мы сталкиваемся с этим в Перми. Мы столкнулись с этим и у себя в регионе после пресс-конференции по мониторингу майских указов. Как нам лучше в этой ситуации поступить? Какой формат наших действий будет правильным?

В.В. Володин: Не изменять своим целям. Если вы начнете конъюнктурить или если вы чувствуете слабость своих позиций, понятно, что вас кто-то возьмет и подвинет или остановит. Но если вы понимаете свою правоту, отстаивайте свою позицию.

Вы укрепляете свой авторитет, потому что говорите о тех проблемах, на которые надо обращать внимание. После этого любая власть, федеральная, региональная и местная, будет только сильнее. Если у вас есть аргументы, которые говорят о том, что эта проблема действительно существует, надо исключать политический подтекст. Не нужно ставить задачи, которые выводили бы на создание альтернативной политической повестки. А если вы говорите о реализации указов и отмечаете, например, что нет дома, который в отчете существует, или поднимаете тему, связанную с расточительством, и говорите о необходимости экономить, приводя в пример случаи откровенного воровства... **Любой чиновник или представитель власти должен за это только сказать «спасибо»**, потому что он должен, видя это, принять решение о поддержке вашей инициативы или, столкнувшись с этим фактом, навести порядок.

Там, где на региональном уровне кто-то пытается активных людей отодвинуть от самореализации через ОНФ, это медвежья услуга, которая оказывается ими в том числе и всему движению. Потому что, во-первых, **вмешательство в дела общественной организации со стороны чиновников недопустимо**, во-вторых, им нужно выстраивать отношения, а не пытаться по-своему взять, отстроить кадры или влиять на принятие решений.

Умение вести диалог, еще раз подчеркиваю, говорит об эффективности региональной и местной властей. Поэтому надо этому учиться.

Никому не нравится, когда критикуют. Но, с другой стороны, лучше, когда критикуют твои коллеги, чем те, кто берет и требует уже, чтобы ты ушел. Поэтому ОНФ через свою повестку предупреждает, что, например, здесь не всё в порядке. Поэтому обратите внимание на это и поправьте. А когда уже председатель партии будет критиковать, он будет просто предлагать альтернативу. Это разница между политической и общественной структурой, боль-

шая разница. **ОНФ информирует и докладывает президенту о ситуации, которая складывается по реализации указов, по борьбе с коррупцией, а президент принимает решение.**

Речь идет о том, что всегда, когда у вас есть аргумент, есть аргумент и у представителей региональной власти. А президент, ознакомившись со всеми аргументами, является арбитром и принимает решение. Поэтому, когда кто-то хочет взять и убрать один из аргументов, он должен понимать, что ОНФ – это президентское движение, что это прямые коммуникации. Общество через такие прямые коммуникации может напрямую достучаться до президента, минуя местный и региональный уровни власти.

Д.В. Шаулин: Шаулин Денис, сопредседатель калужского регионального штаба. Мы сейчас идем в регионы и муниципалитеты. Нас там очень жестко встречают, на каждый наш факт следует жесткая реакция. Всё это приводит к тому, что возникает некая личная неприязнь, личная вражда с главами муниципальных образований. Что нам нужно для того, чтобы повысить эффективность своей работы в муниципальных образованиях?

В.В. Володин: Во-первых, коллеги, не надо ни с кем враждовать. Вы исходите из того, что надо обсуждать поступки. А если вы будете обсуждать решения на предмет эффективности либо неэффективности, уже не будет такой обостренной конфликтности.

Тот человек, кто сделал ошибку, если он сильный человек, если он профессионален, увидя, что эта ошибка действительно совершена, постарается ее исправить. Если же этот чиновник не хочет замечать ошибки, он на самом деле делает хуже себе.

Дело в том, что ему лучше увидеть то, что увидели вы, и говорить об этом, признать это. Лучше, чем потом он выйдет на выборы и ему все его промахи и проблемы в ходе выборной кампании возьмут и поставят в вину. Многие чиновники зачастую этого не понимают. Поэтому тот, кто не ведет конструктивный диалог с вами, может просто закончить не на этой работе свою карьеру.

Вас надо слышать, как и нужно слышать всё гражданское общество, нужно вести диалог. Тем более если вы в конструктивной повестке, если вы для себя определили тему реализации указов. **Для чиновника – это ответственность, обязанность реализовывать указы у себя на территории.**

Что же касается борьбы с коррупцией, **нужно сказать, что в вопросах борьбы с коррупцией принят новый блок законодательных решений. Сейчас это распространяется не только на федеральных чиновников и губернаторов, но и на региональных депутатов, на муниципальных депутатов, в том числе поселенческого уровня.** Это серьезное решение, потому что оно затрагивает практически всю региональную и местную элиту, не только обязывая ее к прозрачности, но вводя определенные ограничения. Ограничения – на занятие должности. Если существует конфликт интересов – на принятие решения.

В.П. Архипенков: Добрый день, Вячеслав Викторович. Смоленский регион, сопредседатель Архипенков Владимир. Вы сказали о грантовой поддержке различных предприятий, организаций, общественного движения. Смоленский регион на протяжении нескольких лет посылает довольно большое количество заявок для получения грантовой поддержки. В том числе ряд заявок поддерживается Народным фронтом. Но, к сожалению, – может быть, правильно, может быть, нет – большое количество заявок отклоняется. Создается впечатление, как будто там закрытый клуб, который как бы потихоньку делит деньги. Почему людям, которым отказывают в получении грантов, не объясняют мотивированно, почему им отказали? Можно ли будет сделать так, чтобы эти люди получали мотивированные ответы?

В.В. Володин: Сейчас как раз вырабатывается решение, в рамках которого будут определены объемы грантовой поддержки именно организаций, которые работают непосредственно на земле, на месте, в поселениях, в сельской местности, в малых городах. Они будут выделены в отдельную грантовую программу с отдельным грант-оператором. **Вообще, объем президент-**

ской грантовой поддержки вырос, планируется, что на будущий год он составит более 5 миллиардов рублей. Это существенный рост, если учесть, что на 2012 год было всего около миллиарда.

Понятно, что за счет грантов, тем более президентских, абсолютно все некоммерческие организации поддержать невозможно, поэтому надо смотреть направления, которые они реализуют. В этой связи Общественная палата свои инициативы предлагает через создание дополнительных грант-операторов, которые будут поддерживать региональные программы. У вас здесь есть прямые коммуникации и возможность для того, чтобы обратить внимание на ту или другую НКО. Вы, конечно, знакомы с тем, о чем говорил президент на встрече с председателями социально ориентированных НКО в рамках форума «Сообщество», который, насколько я знаю, собрал около 5 тысяч организаций.

Президент подчеркнул, что важно при реализации госуслуг в области социальной сферы (и не только) давать возможность НКО участвовать в их реализации. Это расширяет спектр и дает совершенно другие возможности, потому что это в том числе государственное финансирование по уходу за ветеранами, пожилыми людьми, это хосписы и т.д. Это совершенно другой уровень развития и создания условий самореализации активных граждан, которые через НКО занимаются оказанием помощи людям. Это реально очень серьезный шаг. В ближайшее время необходимые нормативные документы будут подготовлены, дальше они будут реализованы через федеральное законодательство, а дальше всё уже будет в ваших руках. Будет возможность участвовать в реализации муниципальных и региональных услуг, федеральных услуг в социальной сфере. Это серьезный прогресс! Мы должны это ценить. Это было решение президента, которое он озвучил на этом мероприятии.

А.В. Лопаткина: Анна Лопаткина, руководитель регионального исполкома в Республике Карелия. Вячеслав Викторович, в Карелии сложилась ситуация, когда на одного из наших активистов, занимающихся защитой леса, оказывается давление. И нам важно его защитить. Это Марина Василевская, проживает в поселке Олений Сегежского района, на протяжении нескольких лет занимается выявлением фактов незаконных рубок. Рубки эти небольшие, но в общем объеме за 2,5 года это более 2 миллионов рублей. Факты все подтверждены, фиксируются. Правоохранительные органы не могут найти тех, кто совершает эти рубки. Но при этом в отношении Василевской агрессивно настроена часть жителей, которые, возможно, и участвуют в этих рубках. Она только с марта 2015 года четыре раза подвергалась нападениям: дважды лично она, дважды нападали на ее дом. Мы обращались в органы МВД, к власти, пытаюсь защитить ее, но, к сожалению, нам приходят ответы, что за отсутствием события преступления в возбуждении дела отказано. Вопрос защиты и взаимодействия с правоохранительными органами стоит очень остро.

В.В. Володин: Спасибо за вопрос. У нас с вами таких случаев много, когда люди с активной гражданской позицией сталкиваются с таким произволом. Аналогичный случай был при проведении рейда в Иркутской области, мы это помним, когда наши активисты были подвергнуты нападению со стороны браконьеров, которые вырубали лесные площади. Давайте мы эту тему озвучим как одну из ключевых на встрече с первым заместителем генерального прокурора, попросим, чтобы он взял этот вопрос на контроль.

Спасибо большое.

ГЕОРГИЙ ЦАГОЛОВ

доктор экономических наук

ВРЕМЯ ЛИ РАЗБРАСЫВАТЬ КАМНИ?

“Роснефть”, РЖД, “Башнефть”, АЛРОСА, “Аэрофлот”, ВТБ, “Совкомфлот”... Ещё вчера акции этих составляющих ядро отечественной экономики, ведущих государственных активов именовались не иначе, как “голубые фишки”. Вскоре по решению правительства РФ весомые лоты ценных бумаг компаний будут выставлены на продажу, приватизированы и перейдут в частные руки. С помощью пожарной меры тшцатся выручить триллион рублей, чтобы хоть частично залатать дыры в скудеющем бюджете страны. Но стоит ли распродавать госсобственность по бросовой цене — в разы ниже, чем до кризиса?

Приватизация по-русски

Весть о столь масштабной распродаже государственных корпораций не могла не насторожить граждан. Невольно всплывают приснопамятные картины прошлого. Сулившая устами Чубайса по две “Волги” на нос ваучерная приватизация начала 1990-х обернулась криминальным распилом единого народнохозяйственного комплекса некогда могущественной супердержавы. Общество погрузилось в рыночный хаос. Подавляющее большинство народа катастрофически обеднело и обнищало. Но зато на противоположном полюсе появилась сорящая деньгами прослойка “новых русских”. Через несколько лет по стране прокатилась вторая, ещё более зловещая приватизационная волна. В результате изобретённых Потаниным “залоговых аукционов” командные высоты в экономике сосредоточились в руках узкого круга трущихся вокруг Ельцина хищных дельцов.

Как впоследствии писали по этому поводу: “Государство в этой схеме напоминает не только дойную корову, но и садомазохистскую змею, пожирающую саму себя посредством заглатывания собственного хвоста. Сначала высокопоставленные коррупционеры объявляют связанные с собой банки “банками с государственным менталитетом”, потом ставят их на ударное “осваивание” государственных активов, затем удивляются острейшему дефициту госбюжета и, в конце концов, признают необходимость взятия государством коммерческих кредитов у банкиров. Разумеется, заранее было известно, что заложенные под кредиты лакомые кусочки к государству уже не вернуться”. За считанные месяцы государство лишилось множества добывающих сырьё

предприятий с высоким экспортным потенциалом. Как будто по мановению волшебной палочки они перекечевали в частную собственность доморощенных олигархов.

Между прочим, сегодня Потанин занимает самую верхнюю строчку в списке русскоязычного издания Forbes. Жемчужиной его состояния в \$15,4 млрд по-прежнему остается ГКМ “Норильский никель” – крупнейший производитель никеля и палладия во всём мире. Детальная история захвата государственно-го гиганта “эффективным собственником” с помощью изолированной методологии, разработанной под руководством тогдашнего председателя Госкомимущества Анатолия Чубайса, описана в объёмистом фолианте “Дело “Норильский никель”. Но для “героев нашего времени” и такие документированные изобличения, как с гуся вода.

Кстати, Потанин недавно заявил, что на приватизацию-2016 он не претендует. Видимо, с одной стороны, российский Крёз понимает, что ему вряд ли удастся дважды войти в одну и ту же воду, с другой – чувствует, что надо вести себя осмотрительней, старается держаться в тени. Ведь если когда-нибудь под напором законных требований общественности речь зайдёт о пересмотре итогов залоговых аукционов (чего исключать нельзя), то Олег Владимирович уж точно не окажется последним из “раскулачиваемых”. Неспроста он стал так часто распространяться о планах передачи сомнительно нажитых капиталов государству, рекламирует благотворительность. Однако его многолетние имущественные тяжбы при разводах, сначала с бывшим партнёром Михаилом Прохоровым, а затем и с собственной женой Наталией выявляют подлинное нутро, не оставляя и намёка на какую-либо уступчивость или альтруизм.

Не от хорошей жизни

Идея новой приватизации возникла не от хорошей жизни. Разворованная олигархами и их сообщниками в государственной власти страна рано или поздно должна была погрузиться в пучину глубочайшего системного кризиса, что и произошло. Казалось бы, пришло, наконец, время всерьёз задуматься о первопричине экономического недуга, о том, как исцелить тяжёлобольного. Но куда там! Экономический блок правительства возглавляют соратники Гайдара, Чубайса, всех тех, с чьего попустительства созданный трудом многих поколений советских людей некогда могучий промышленный потенциал пошёл на заклятие. И они не упускают случая, чтобы в очередной раз услужить олигархам за счёт собственного народа. Несмотря на нарастающую критику финансово-экономических министров с самых разных сторон политического спектра, ожидаемой многими их отставки не происходит. Говорят, своих не сдаём! Но может ли это продолжаться бесконечно, если “свои” сдают интересы всей страны?

Всякий мало-мальски грамотный экономист или предприниматель знает, что расставаться с активами предпочтительно на пике их цены, но никак не на дне. Однако руководители экономического блока России почему-то решили действовать с точностью до наоборот. Причём речь идёт не о каких-то мелочах, а о распродаже главных государственных корпораций, включающих стратегически значимые объекты. Уж не положил ли кто вновь глаз на общественное добро? Иначе стали бы принимать столь пагубные решения в самый неподходящий момент, когда нас обложили санкциями, а упавшие мировые цены на нефть повергли экономику в затянувшийся нокдаун?

В ходе коллегии Минэкономразвития 2 февраля её глава Алексей Улюкаев заявил: “В 2004–2015 годах рынок упал и продолжает падать, мы ждали, когда ситуация изменится. Сейчас пришло осознание, что ждать больше некуда. Бюджетная ситуация критичная, общая турбулентность финансовых рынков не даёт оснований нам ожидать какого-то отскока, восстановления... возможности отложить приватизацию нет”.

Не по вашей ли вине, господин министр, мы дошли до ручки? Да и вообще, можно ли вам верить? Ведь, в 1980-х годах, возглавляя вместе с Гайдаром отдел политической экономии и экономической политики журнала “Коммунист”, вы всячески клеймили капитализм, прославляя преимущества общественной собственности на средства производства и “развитого социализма”. Затем внезапно “прозрели” и, как тургеневский герой, сожгли всё, чему поклонялись, и поклонились всему, что сжигали. 7 октября 2013 года

в интервью газете “Комсомольская правда” вы публично зареклись, что подадите в отставку, “если экономика не вырастет на три процента в будущем году!” Но в 2014 году её рост и вовсе прекратился, а затем дело уже и вовсе пошло на убыль: ВВП по официальным данным Росстата в 2015 году просел почти на 4%. Экономическая ситуация продолжает усугубляться. Растут цены, закрываются заводы и фабрики, усиливается безработица, падают реальные доходы. Каждые два месяца вы заверяете граждан, что “экономика достигла дна”, за что вас и прозвали “водолазом”. Но тёпленькое местечко, Алексей Валентинович, освободить никак не собираетесь...

Либеральная мантра и потери казны

Приватизационные позы обусловлены не только мотивом необходимости пополнить трещащую по швам казну. Утверждается, что разгосударствление повысит эффективность экономики. Эта набившая оскомину либеральная мантра уже четверть века остаётся знаменем бесноватого клана, загнавшего страну в её нынешнее состояние.

Ещё с год назад глава Росимущества Ольга Дергунова получила от премьер-министра Дмитрия Медведева выговор за “нерасторопность в ускорении продаж крупных активов”. Прошлой осенью на совещании, состоявшемся у первого вице-премьера Игоря Шувалова, она осторожно сказала: “Нам было рекомендовано предусмотреть возможность ускорения продажи крупных активов вне зависимости, какие цены будут на международных рынках. До этого мы исходили из гипотезы, что мы не должны продавать государственные активы по любой цене”. Даже это робко высказанное сомнение пагубному курсу добавило порцию негатива к ней со стороны властей. Но последней каплей, переполнившей чашу терпения верхов и стоившей Дергуновой должности, стала поддержка Росимуществом сил, препятствовавших приватизации “дочки” АПРОСА – АО “Алмазный мир”. С 1 февраля текущего года она была отстранена от занимаемого поста. Кресло главы Росимущества понадобилось для пока неизвестного организатора “большой приватизации” 2016 года, о чём в середине января говорил на “Гайдаровском форуме” и премьер Д. Медведев. Кстати, наиболее вероятным кандидатом на это место значится нынешний директор “Норильского никеля” Дмитрий Пристанков. Как тут не вспомнить басню Крылова “Щуку бросили в реку”!

Самый крупный лот, значащийся в приватизации на текущий год, – 19,5% “Роснефти”. Её глава Игорь Сечин не раз говорил, что продавать компанию не имеет смысла ниже той цены, которая была при сделке с ТНК-ВР. Три года назад “Роснефть” заплатила \$54.5 млрд за ТНК-ВР, чьи активы сейчас дают треть её добычи и доходов. Половина из этих денег (\$27,73) была получена олигархами Михаилом Фридманом, Виктором Вексельбергом и Леонардом Блаватником, которым поровну с англичанами принадлежала ТНК-ВР. Между прочим, в ходе “залоговых аукционов” второй половины 1990-х годов “Тюменская нефтяная компания” досталась им по цене в 15 раз меньшей. Как заявлял тогда прежний руководитель фирмы Виктор Палий, “ситуацию с приватизацией ТНК иначе, как разбоем, не назовёшь”. После такого двойного гешефта рейтинг миллиардеров Forbes в 2013 году продемонстрировал резкий рост состояний россиян. Михаил Фридман, занявший второе место среди российских бизнесменов, поднялся в мировом рейтинге богачей на 16 позиций. Виктор Вексельберг прибавил там 12 позиций, а в российском перечне занял четвертое место. Заметно “вырос” и Леонид Блаватник. Теперь же капитализация “Роснефти” упала в четыре раза, и, стало быть, государству вновь будет нанесён ущерб в два десятка миллиардов долларов.

В чьих интересах

Интерес к новой волне приватизации уже выразили хозяин “Сургутнефтегаза” олигарх Владимир Богданов, претендующий на акции “Роснефти”, и сенатор-мультимиллиардер и владелец “Нафта Москва” Сулейман Керимов, присматривающийся к пакетам акций АПРОСА, “Совкомфлота” и “Транснефти”. Согласно заявлениям, которые озвучил президент Владимир Путин 1 февраля во время совещания по приватизации, покупатели при сделке не должны получать кредиты в государственных банках. Однако 20-летний сын олигарха

Саид получил в ВТБ \$5,5 млрд для консолидации золотодобывающей “Полюс Золото”. Ещё одним препятствием для Керимова является то, что значительная часть его активов зарегистрирована в офшорах. Кроме того, его интересы могут пересечься с другим дагестанским миллиардером – Зиявудином Магомедовым (группа “Сумма”). Однако обладающий разветвлённой системой связей в самых верхних эшелонах власти Керимов обычно преодолевает и не такие барьеры.

На упомянутом совещании Путин подчеркнул, что покупатели приватизируемых госкомпаний должны иметь российскую юрисдикцию. Между тем, министр А. Улюкаев уже предлагал компании зарубежным предпринимателям. Так, по итогам встречи с вице-канцлером Австрии Рейнхольдом Миттерленером он не преминул заявить, что к приватизации российских активов госкомпаний был приглашён австрийский бизнес.

Приобрести акции “Роснефти” сейчас готовы китайские и индийские компании, а акции ВТБ пожелали купить и другие азиатские инвесторы.

Объявленный грандиозный SALE вызывает критику и в среде бизнесменов. Директор “Арбат капитал” Алесей Голубович считает приватизацию несвоевременной: “Кризис затягивается, реформы не проведены, санкции не сняты”. Председатель совета директоров МДМ банка Олег Вьюгин высказывает следующие опасения: “Это может быть похожем на залоговые аукционы. Неправильно сделали тогда, и, возможно, так получится и сейчас”.

Многие из опрошенных фигурантов списка Forbes, признавая, что у них есть свободные деньги, не изъявляли желания покупать. И тому тоже есть свои причины. Как считает советник президента РФ академик РАН Сергей Глазьев: “Спекулянты говорят, что сначала надо провести санацию неэффективных компаний и банков с помощью бюджета, убрать убытки при помощи государства, иначе кто же купит госпакеты с такими дырами, а потом можно и в приватизации поучаствовать”.

Время собирать камни

“Всему своё время... есть время разбрасывать камни, и есть время собирать камни”, – сказано в Библии. Во время войн и кризисов требуется мобилизация сил, концентрация и централизация экономических ресурсов, а не сомнительные приватизационные проекты. И почему сначала уж не до конца использовать средства наших резервных фондов и лишь потом задуматься о закладе последнего семейного серебра? И когда, как не сейчас, требуется не вывод государства из социально-экономической жизни, а, наоборот, усиление его влияния?

10 лет назад Путин выпестовал государственные корпорации для создания созидательного противовеса спекулятивным и компрадорским олигархам. С той поры между “старой гвардией” плутократов и “высочками путинского призыва” не утихает борьба. Первые вкуче с наследниками Гайдара используют негативные факты в деятельности госкомпаний, чтобы свернуть их. Летом 2013 года правительством был запущен и утверждён очередной план распродажи их акций в 2014–2016 годах. Ухудшившаяся рыночная конъюнктура воспрепятствовала его реализации. Теперь котировки просели ещё ниже, но появился предлог: лучше скоро не будет. Требуется же совершенно другое – укрепление госкомпаний квалифицированными кадрами и организация действенного контроля над ними.

Слово “план” вновь вернулось в политико-экономический лексикон. Правда, с не совсем приятным прилагательным. Чтобы каждый год не начинать с **антикризисного плана** (что мы стали регулярно делать), надо от бюрократическо-олигархического капитализма, созданного в нашей стране под шумок “демократических преобразований”, перейти к планово-рыночной системе. Без её возрождения нам не выйти из стагнации. Требуемая система предполагает наличие двух регуляторов, работающих в интересах всего народа. Именно такие системы функционируют во всех более или менее успешных странах современного мира. И это не какие-то досужие теоретические домыслы. Достаточно присмотреться к тем прежним социалистическим государствам, которые, в отличие от нас, провели грамотные, а не постыдные рыночные преобразования, как, например, в Китае, Вьетнаме, а отчасти также в Казахстане и Белоруссии.

И не надо верить либеральным басням о том, что государства в экономике у нас слишком много. В Китае государственная доля в банковской сфере значительно больше, чем в России, и составляет 60%, а в нефтяной отрасли и металлургии – 100%. И это позволяет удерживать низкие налоги в частном секторе.

Ни в одной из стран мира при таких, как у нас, результатах “экономического развития” правительство не остаётся на своём месте. Перестановки типа Кудрин вместо Медведева или Греф вместо Улюкаева (а тот на его место), естественно, не годятся. “А вы, друзья, как ни садитесь, всё в музыканты не годитесь”...

Возглавлять экономический блок правительства должны не наследники Гайдара, а патриотические люди иного склада и теоретического уровня. Такая замена – первостепенная задача и необходимое условие для выхода из кризиса и продвижения нашего общества вперёд. Необходимое, но не достаточное. Требуется упразднить порочную социально-экономическую систему и перейти к **новому интегральному обществу**, сочетающему наиболее эффективные стороны планово-социалистических и рыночно-капиталистических начал.

ВАЛЕНТИН ОСИПОВ

О БЕДНЫХ

*Я взглянул окрест меня — душа моя
страданиями человечества уязвле-
на стала.*

А. Радищев

Кто сырых питает, тот Бога знает.

Русская пословица

И ты, читатель, оглянись вокруг, помянув вековую мудрость:

- каждый шестой из встретившихся тебе сегодня — это люди, приговоренные к особому несчастью, — к бедности;
- их, таковых, 22 с лишним миллиона и большей частью это семьи с детьми. Сведения из заявления заместителя председателя Правительства Ольги Голодец в самом конце 2015 года.

ПОРТРЕТ БЕДНОСТИ

Всяк ли из благополучных сограждан знает, каково живётся тем, кто прописан прозябать в низших строках социологических расчётов.

Четыре ответа. 8803 рубля — таким на 2016-й определён прожиточный минимум в нашей стране в среднем на душу на населения.

- 6204 рубля в месяц — таким будет МРОТ (минимальный размер оплаты труда), замечу: намного меньше прожиточного минимума.

- 850–4900 рублей — в такой вилке будет пособие по безработице.

- от 8% до 12,7% — ожидаемая инфляция в этом году (разброс по причине разных оценок Центробанка, Минэкономразвития и Сбербанка). Ох, как гнетёт бремя этого незаконного налога на доходы бедного сословия.

- 23000 рублей — это начальный показатель для определения сносной жизни одного человека. Об этом прочитал в правительственной газете.

Два вопроса. Когда я усвоил изложенные цифры, так тут же два вопроса. Первый: как прожить-то на эти наискудные средства, да ещё при шоковой хирургии от инфляции? Социологи стипизировали и проинвентаризировали денно-нощные бедняцкие заботы, густо замешанные на слезах-печалях-горестях:

- плохое питание;
- низкая доступность медицинского обслуживания, одежды, культуры, досуга и отпуска,
- жизнь в долгах;
- плохое качество жилья;
- невозможность получить хорошее образование и дополнительные занятия для детей;

- неинтересная работа;
- незащищённость от насилия;
- неучастие в общественной жизни.

Уже очевидны три приметы ползучей социальной ущербности. В 2015-м россияне побаловали себя говядиной на 10 кг меньше, рыбой – на 47. Рост продолжил тревожить: серьёзно упал по причине скукожившихся кошельков спрос на пищу бедняков: вермишель, картошку и ржаной хлеб. И вот в январе в правительственной газете сообщение: “Россияне стали тратить на 20% меньше...”

Учиться и в школе, и в вузах стало дороже, даже книги дорожают из-за удорожания бумаги. У нас 670 000 малограмотных и безграмотных подростков (15–17 лет), 30 тысяч вообще вне школы.

Лечимся как? Да, заметно уже несколько лет стремительное научно-технологическое переоснащение здравоохранения. Но тут же и две тревожные записи в историю болезни бедняков. Первая: цены на лекарства убивают, не отходя от кассы. Надо же – в прошедшем году воссоединенные силы производителей лекарств, посредников в торговле ими и аптекарей опустошали кошельки своих сограждан на 16.9% ретивее (больше), чем 2014-м. Это в среднем. Так называемые “дешёвые” таблетки и микстуры стали дороже аж на 28%.

Какова же в итоге всего этого социальная температура на градуснике социологов? Институт социологии РАН сообщил: “Без поддержки государства не могут обеспечить себя и свои семьи” 84% пенсионеров, 58% селян, 53% рабочих промышленности и строек, 45% работников образования и культуры.

Кое-что о повседневье бедняков. Мог бы вспомнить о своём в голодухе и в обносках военном детстве. Но при этом удивлю сегодняшнего читателя: не припомню униженности. Это потому, что и сама бедность стала общей участью в стране, и всенародной же была вера: вот победим, и тогда...

Ну, а нынче, что мы, из тех, кто не бедняки, знаем о повседневье бедняков и их чувствованиях? Горожанину легко разглядеть на асфальте даже в непогоду бабулю на коленках при кружке для милостыни и с иконкой – и вспомнить при этом журналистские обличения тайных шаек-кланов-сообществ попрошаек (этакие ЗАО) со своими паханами при впечатляющих доходах. Или видите бомжа, густо пропитанного вонью от мочи и сивухи, но тут же успокаиваете себя: это не общество виновато – это они сами виноваты, слабовольные исчадия наркомании или алкоголизма.

У меня же не уходит из памяти несколько историй. Соседка признавалась мне: “Ой, как мне с сыночком прогуливаться... Он свою ручонку из моей выдирает, выдирает, как проходим мимо киосочка с мороженым или мимо витрин с игрушками... Я его оттягиваю... Зубы заговариваю... Где у меня каждый день денежка-то при моих заработках?!”

...Девушка-подросток из бедной семьи рыдает тайком. Ей невозможно просить у мамы деньги на подарок ко дню рождения сослассницы из богатеньких, а приглашена, и что будут говорить в классе о ней, если не придёт.

...Чувства парня из деревушки, вблизи дачи, куда я на лето приезжаю. У него довольствие от “хозяина” зимой в 5 тысяч рублей, а летом “зашибает” до 8 тысяч. Так какво ему взирать по ТВ на “тусовочные” утехы или шопинг-страсти тех, кто ликует от возможностей перещеголять себе подобных своими вожделениями-удовольствиями.

Дополнение: “109,5 млн человек – бедные или “живущие скромно”. Это заголовок газеты “Аргументы и факты” (№ 16, 2015).

О ЦЕНЕ ЦЕННИКОВ, ИЛИ О ЗАКОНЕ ПРОТИВ БЕДНЫХ

Однажды президент Ельцин заверил, что если будет рост цен, то ляжет на рельсы. Ровно через два дня цены вздыбились – позорище-то какое для кремлёвского обещателя! Однако же поезда продолжали ходить – пиар-кампания провалилась.

Закон в защиту спекулянтов. Напомню, чем откликнулись рынок и Дума на кризис 2008 года с его все ещё у либералов звонко победным (в данном случае с корневым словом “беды”) слоганом “Рынок всё отрегулирует”. Цены резво подскочили, по некоторым продуктам питания аж до 400 процентов в год: гуляй, беднота! Дума – что? Поняла, что всё-таки необходимо вме-

шательство. И приняла закон “Об основах государственного регулирования торговой деятельности в РФ”.

И что же? В последние два года чиновники раза 3–4 объявляли войну ценогонам. В прошлом году по итогу обрушившихся на Россию внешних санкций тоже взялись сражаться с ними, непобедимыми. Но уже через месяц-два атаки захлёбывались. Однажды руководителю ФАС (Федеральная антимонопольная служба) газетчик задал вопрос: “Насколько должна вырасти цена, чтобы ФАС завела дело?” Ответ: “Установили порог в 5 процентов. Но если даже она вырастет на 105 процентов, далеко не факт, что ФАС заведёт дело”. И тут же пояснил: “Нарушителем антимонопольного законодательства может стать только тот, кто занимает доминирующее положение на рынке”. И оправдание: картельные сговоры выявлять трудно, а проверять каждый магазин ФАС не может.

“Фиксирование цен на хлеб – незаконно”. Это и кратко, и чётко заявил председатель Российской гильдии пекарей (РГП).

Надо признавать, пусть и с горькими сожалениями: впрямь правы и ФАС, и РГП. Это если внимательно прочитать “торговый” закон.

Для начала: он не для покупателей! Само это слово-понятие прописано лишь после строк об “обеспечении соблюдения прав и законных интересов юридических лиц”. К тому же с унижительными бирочками “а также” и “при этом”: “а также обеспечение при этом соблюдения прав и законных интересов населения”.

Теперь о самом главном: как этот закон отвечает на неотвратимый вопрос “При каких же условиях можно заступиться за население?” Об этом аж в статье 8: “В случае, если в течение 30 календарных дней подряд рост розничных цен на отдельные виды социально значимых продовольственных товаров первой необходимости составит 30 и более процентов, Правительство в целях стабилизации розничных цен на данные виды товаров имеет право устанавливать предельно допустимые розничные цены на срок не более чем 90 календарных дней”.

Выделю же с красных строк (для меня чёрные) ключевые положения, чтобы уразуметь истинную цену этой статьи о ценах.

- 30 дней разрешена обираловка! Представьте себе, что жулью дозволено – безнаказанно! – месяц обчищать карманы;
- Облегчение кошельков закономерно упроцентовано до трети;
- Грабёж “приостанавливается” только на 90 дней! Остальные 275 не могли даже жаловаться, ибо закон нарушать нельзя.

И наконец, главная, как я понимаю, причина, почему этот закон не писан для ценогонов. Он ни слова не говорит о том, что надо искоренять спекуляцию. А она есть и всюю и везде хозяйничает. Это о ней заявил депутат Думы О. Шейнин: “Все товары проходят через 2–3 десятка крупных сетевых компаний, что позволяет им монопольно-спекулятивно завышать оптовые цены”.

Итак, идеологам ельцинщины удалось внедрить такую многозагрёбущую структуру, которой нет, по заверению выдающего экономиста США В. Леонтьева, ни в одной цивилизованной стране.

... Отказываюсь верить, что с ценообразованием в России – в социальном-то по Конституции государстве! – нельзя найти удовлетворительного (оптимального) решения, если знать, помнить и переживать, что у нас 22 миллиона бедных, да ещё и с детворой.

ЧТО НЕ ДОГОВОРЕНО И ЧТО ВООБЩЕ НЕ ГОВОРЕНО

Простая истина для чиновного класса: в стране с переизбытком несчастных чаще общайся с ними с социальным термометром в руках. А научилась ли?

Возбуждающе громкие недоговорки. Весь прошедший год частенько звучало: социальные расходы не урезаются. Что на самом деле? Эксперты Высшей школы экономики (замечу: ничуть не диссиденты-критиканы) констатируют “снижающиеся реальные размеры социальных выплат. В 2016 году государство не сможет поддерживать и такого уровня социальной защиты своих граждан”.

Одна деятельница из НИИ министерства финансов призвала сократить число бесплатных вызовов “скорой помощи” и визитов в поликлиники. А у ме-

ня в памяти, как выслушивал, будучи в больнице, полные душевного надрыва слова от того, кто выписывался: “Врачиха мне подарила жизнь. А я что в ответ — чем отблагодарить? Нечем. При моей пенсии лишней сотни нету. Даже на шоколадку или букетик денег нет. Разве если встать на коленки перед врачом? Так покажусь смешным, а?”

... Яков Миркин, московский экономист, взялся пропалывать скорбные настроения у бедняков. Это он в отклике на кризис запустил на орбиту правительственной газеты хитроумно-оптимистическую статистику: “В Москве региональный ВВП на душу населения будет в 2015 году больше 20 тысяч долларов. Это уровень развитой страны”. Этому Миркину, видать, уютно в столице российского капитала заниматься социальной анестезиологией по методу “средней температуры по больнице”. Скрыл подлинный уровень жизни в тот год — Россия-то была на 91-м месте в мире с этим показателем.

Что замалчивается? Вопросы к министрам. Недавно меня пригласили в качестве публициста на встречу с пенсионерами. Живо прошла: сколько же вопросов! Да не все по моим знаниям. Так переадресовываю их в верха — вдруг ответят.

— Наши стариковские вклады в Сбербанк — это почти всегда на “чёрный” день, а то и на похороны. А здесь вместо сбережений — растрата. Всего 3.5 процента роста по вкладу “Пенсионный-плюс” при большей почти в 4 раза инфляции. Можно ли привести этот банк в чувство?

— Почему в печати показатели зарплат и пенсий даются “в среднем по стране”, а не в реальном виде: “от” и “до”?

— По какой причине всё откладывается да откладывается ввод для бедных карточной системы на товары первой необходимости?

— Кто объяснит: почему инфляция в России так велика, а в Японии всего 0,1?

— Каковы причины, что наш бизнес не смог за два десятка лет повысить производительность труда?

— В США есть для обездоленных Армия Спасения. Почему бы у нас не создать Российскую Армию Милосердия?

— Вы вот всё говорите: “черта бедности”, “черта бедности”... А вы правде говорите: “удавка нищеты”.

— Кому верить? Росстат даёт одну цифру инфляции — газета “АиФ” другую, возросшую до 30 процентов.

— Почему у нас не отмечается 17 октября Международный День борьбы за ликвидацию нищеты, а ведь это решение ООН с 1993 года?

Мне вручили даже две записки. Первая: “Прочитайте вслух эту вырезку из “Комсомолки”. Я прочитал: “Чтобы дешёвые лекарства не исчезли, на них подымут цены”.

Вторая записка: “Правительство против государственного регулирования цен. Оно считает, что цены регулирует рыночная конкуренция. Но что-то за 25 лет конкуренция себя в торговле не проявляет. Поясните”.

Дополнения от газеты “Аргументы и факты”: ниже уровня бедности живёт 16,1 млн человек; просто бедных — 60,9 млн”.

КОЕ-ЧТО О ЗАРУБЕЖНОМ ОПЫТЕ

Заканчиваю отвечать на вопросы своих въедливых собеседников. Вот бы журналистам у них поучиться.

Выслушал: “Что с ценами в тех странах, которые усвоили уроки протестных демонстраций бедноты в 70-е годы прошлого века под названием “кастрюльные?”

Стал вспоминать — да ничего с ходу не припомнил по речам и статьям. Лишь дома кое-что вызнал, погрузившись в “спецпоиск”.

Япония. Здесь 15 лет тому назад встревожились высокими ценами на рыбу. И определили, что отныне плыть ей к столам от рыбака всего-то через два посреднических порога: оптовик и розница. И покончили с “накрутками”.

Франция. Здесь регулируются цены на сельхозтовары, газ, электроэнергию и транспортные услуги, есть даже антиинфляционный налог. Три тысячи госконтролёров по ценам имеют право составлять акты и передавать их в финансовый трибунал.

Швеция. Существует госмонополия на аптечную торговлю и, с учётом

роста цен, один раз в год индексируются доходы населения, правда, только на товары минимальной потребительской корзины.

Финляндия. Власть и планирует, и контролирует цены на продукты питания, зерно, бензин, алкоголь. Значима роль государства в кредитовании тех, кто производит и продаёт товары и услуги по ценам, доступным для средних и низших слоёв населения.

США. Напомню: здесь не только практикуется скупка государством фермерской продукции для бесплатных завтраков в школах и раздачи беднякам. Особо выделю с 1961 года опыт Национальной программы борьбы с бедностью. Началось с того, что президент Кеннеди впервые для страны в мирное время внедрил контроль за ценами (пусть и косвенный) и повысил планку минимального заработка, а также ввёл налоговые скидки на инвестиции в сферу производства.

... Нобелевская премия 2015 года Энгусу Дитону – это признание его заслуг в анализе проблем потребления, бедности и благосостояния. Но у нас не взялись пропагандировать этот весьма полезный труд.

Когда же госструктуры перестанут замалчивать зарубежный опыт со всеми его “плюсами” и “минусами”? Мне поддержка – заявление министра потребительского рынка и услуг Московской области В. Посаженова: “В странах Европы и США существует десятки мер и даже жёстких санкций, посредством которых государство оказывает влияние на розничные цены. Часть зарубежного опыта приемлема”.

КОЕ-ЧТО О ДОБРОДЕТЕЛЯХ НАШИХ ПРЕДКОВ

Школьные учителя истории любят повторять: “История – учитель жизни”. Жаль, что в нынешней социальной жизни эта истина не очень любима. А есть что вспомнить, и не только Салтычиху, кулаков-мироедов и фабрикантов-эксплуататоров.

... Князь Владимир Креститель. Он в открытую, как пишут летописи, велел всякому нищему и убогому приходиться на княжий двор “брать кушанье и питьё, и деньги из казны”. Появились первые богадельни. Он же издал Устав (закон), которым поручил Патриарху призорение (надзор) за бедными. Для монастырской и прицерковной благотворительности отдавал “десятину” (10-я часть своих доходов) – немалые деньги!

“Домострой” (XV в.), своеобразная конституция нравов, стыдил бесовских: “Не по-божьи живёт, не по-христиански, чинит неправду и насилие, а незнатного человека во всём избидит, и кто по-соседски не добр или в селе на своих крестьян, или в приказе, сидя при власти, накладывает тяжкие дани и разные незаконные налоги”.

Трактат времён Ивана Грозного “О причинах гибели царств. Описание поводов или причин, по которым различные государства приходят к гибели и разорению, и о тех деяниях, благодаря которым они в целостности и покое живут и расцветают”. В нём наказ: “Народ, придя в отчаяние от насилий и бедности, восстаёт против тех, кто властвует над ним”.

А заветы милость к падшим проявлять от Пушкина и других классиков! Гоголь сочинил даже молитву: “Господи! Спаси и помилуй бедных людей. Умилосердись, Создатель, и яви руку Свою над ними... Господи, спаси нас. Господи, спаси бедных людей Твоих”.

Столыпин П. А., этот Председатель правительства, незадолго до своей гибели в 1911 году надиктовал “Проект о преобразовании государственного управления России”: “Недопустимо, чтобы рабочий класс и в дальнейшем оставался беспочвенным пролетариатом; выяснить в срочном порядке положение рабочего класса в государствах Западной Европы и Америки; разработать соответствующий законопроект об улучшении материального и культурного положения рабочего класса”.

И ещё наказания, и ни один не устарел: “Бесплатная медицинская помощь”, “плата за право обучения должна быть такова, чтобы и малоимущие классы имели бы возможность дать своим детям минимум среднее, а по возможности – и высшее образование” и “должен быть установлен прогрессивный подоходный налог (на богатых. – В. О.) с таким расчётом, чтобы малоимущие классы были бы по возможности совершенно освобождены от всяких налогов”.

ЖУРНАЛИСТИКА: БЕЛЫЕ ПЯТНА МУТНОГО ЦВЕТА

Ну, и дела: сколько же пишущих и печатающих наложили на себя самоцензуру. Не взволновывают себя и читателя бедняцкими темами-проблемами.

Как сенсация не вызвала откликов. Странно, но факт: заявление о 22 миллионах бедных не взорвало СМИ оценками, подробностями, дополнениями.

Появились ли беседы-интервью с планами хотя бы трёх министерств: труда и социального развития, здравоохранения, экономического развития? Нет! Стали ли СМИ наперегонки выпрашивать обездоленных: подскажите, о чём надо просить власть. Нет! Предложили ли бизнесу высказаться? Нет! Кто бы пояснил: почему и отчего такое троекратное “нет”?

А часто ли СМИ побуждают искать возможности повышать кпд борьбы с бедностью? Вот бы вести ликбез для чиновничества и бизнеса: откуда нынче берутся обездоленные, чего они хотят от государства, лелеют ли надежды на лучшее, думают ли о защите своих интересов и с чьей помощью? Вот бы появился анализ кпд благотворителей. Я не о трогательных откликах на сбор средств-подаяний для жертв катастроф или в пользу больных детишек. Я о системном месте благотворительности в жизни народа и в государственной социальной структуре. Разве не смущает, что в мировом рейтинге благотворительности-2013 Россия на 123-м месте из 135 стран?

Ни буквочки о Партии пенсионеров. Неужто ничем не зарекомендовала себя? А какова результативность Общества защиты прав потребителя? А что последовало за идеей Общероссийского народного фронта создать организацию коллективных исков по защите прав потребителей? А почему правозащитники не защищают права бедных? И почему в изложении СМИ из антикризисной программы правительства не уловить никакой конкретики – чем она будет полезна бедным.

За бедных сограждан замолвите слово. Совсем не часто в СМИ можно прочитать слово о бедных.

Всего одну статейку в разгар кризиса (2015) с “житейской” для бедноты темой нашёл в номере влиятельнейшей газеты, да и та сочилась валерьянкой. Посулила, что не будет повышения цен на съестное. И в этой же газете этих же дней вдруг пафосное восклицание: “Да, картошка подорожала, но “выросла зарплата!” Зарплата выросла? Неужто у рабочих, крестьян, санитаров, почтовиков и иже с ними? Нет, работников нефтефирм, рекламщиков, финансистов, аудиторов и торговцев.

В той же газете за этот год – целая страница “Как, где и на что будем жить в наступившем году”. Что для бедных? Ничего! Ни слова с прогнозом стоимости питания, услуг ЖКХ, проезда в общественном транспорте. Зато такой во успокоение сделан вывод “Жить можно” в новой статье Я. Миркина! Но где же он сам живёт: на грешно-кризисной земле или на безмятежных небесах? Как же это бедноте “можно жить” (и не выть!) при инфляции в 12–18 процентов, кою он в этой статье и вычислил. Неужто этот экономист не читал признания социологов, что “хорошим” или “очень хорошим” своё материальное положение называют всего-то 14% сограждан?

В другой газете сочинили заголовок “Как пережить 2016 год и остаться счастливым. Требуется оптимисты” к беседе с главой Российского Союза промышленников и предпринимателей. Но этот вождь нескольких тысяч “счастливых” дозволил себе забыть о 22 миллионах несчастных. Зато много-словно лоббировав интересы своих подопечных. Ещё статья “Как обеспечить здоровый рацион для семьи и не надорвать кошелек”. Ну, подумал я, наконец-то “полезные советы” для обездоленных. Что же читаю? Ура, ура: “Рынок диетического питания сформировался”. А дальше: “Правда, есть один минус: дороговато – до 4–5 тысяч рублей в день”. Внемли, пенсионер!

БЕЗ ОТКЛИКА НА ЗАЯВЛЕНИЯ ОСОБОЙ ЗНАЧИМОСТИ

Поразился: не внедрили в общественный оборот идеи стратегической важности с темой особого внимания к обездоленным. Ограничились разовой публикацией в газетах, а они – однодневки, и не призвали обсудить, прежде всего, в верхах.

В. Путин. В 2014 году Воронежская область по-доброму удивила. Открыла пять пансионатов для пожилых людей в обычных райцентрах. Со штатом медиков. С собственными огородами. С физкультурными центрами. С самодеятельностью. Каков, однако, взнос счастливых? Всего-то 5.500 рублей в месяц.

Ещё воронежская самость: в районе в трёх сёлах создали пункты социальной помощи “не отходя от хаты”: за 200–250 рублей в месяц обслуживают немощных стариков: съестное покупают, обрабатывают огороды, наводят порядок в домах. Врачебная забота само собой.

Как же хорошо, что президент страны не только побывал в одном таком пункте, но и предложил разработать стратегию действий в интересах пожилых людей.

В. Зорькин, Председатель Конституционного суда. Он в том же году выступил со статьей “Экономика и право...” (“Российская газета”, 25 мая). Были здесь и такие поистине набатные тревоги:

“Постсоветский перелом всех сфер советской жизни в направлении демократической государственности и рыночной экономики был не менее социально-катастрофичным, чем перелом социалистической революции...”

Результаты реформ (ельцинских. – **В. О.**) воспринимаются российским массовым сознанием как глубоко несправедливые. То есть грубейшим образом нарушали традиционный культурно-нормативный принцип распределения “по труду”...

Я должен с горечью признать, что именно эти обстоятельства, в значительной мере дискредитируют записанные в Конституции титулы демократического правового социального государства...

Проблема вопиющего экономического неравенства граждан. Одним из его исчисляемых показателей является так называемый децильный коэффициент (“дециль”) – отношение совокупных доходов 10% наиболее обеспеченного населения к совокупным доходам 10% самых малообеспеченных. Мировая история показывает, что превышение дециля уровня 10 нередко приводит государства к масштабной социальной, политической и экономической нестабильности. В скандинавских странах начинают беспокоиться, когда дециль превышает 4, в Германии – 6. Он в сегодняшней России, по данным Росстата, в кризис вырос с 15 до 17 и продолжает расти. В некоторых регионах Федерации и крупнейших городах дециль уже более 30”.

Была в статье и такая фраза: “Нет сомнений в том, что проявлять терпение и ждать мы не можем и не должны”.

М. Горшков, академик. Он, директор Института социологии РАН, дополнил правоведа Зорькина. “Российская газета” дала к беседе с ним стреляющий заголовок “Крепостное право под видом “Эффективного менеджмента”. Почему мы это терпим?” Читаю: “Люди не то что боятся – они скорее растеряны, не понимают, как вообще приступить к отстаиванию своих прав. На сегодня вне правового поля, по нашим данным, находится около 70% работников”. Чем же они недовольны? Ответ: “Ненормированный рабочий день, отсутствие социальных гарантий, непрозрачная система оплаты труда, теневые схемы трудоустройства, бесправие работников, оформленных в обход Трудового кодекса”. Вывод: “Пока российские тред-юнионы и другие социальные структуры не научатся тому, на что способны их западные аналоги, надеяться на серьезные перемены, к сожалению, довольно сложно”.

О ПОСТЫДНОМ

Беда, коль общество позволяет богатым кичиться своим изобильством на глазах у бедных. Это не просто постыдно. Это сродни провокации!

Для шиншилл концерт!

Конец прошлого года. А. Чубайс, тот, кто прославился при Ельцине распродажей по дешёвке госимущества и полуночным тасканием по зданию правительства коробка с долларами на избирательные расходы своего начальника. Ныне он глава государственного концерна. Устроил роскошный новогодний банкет и освятил его самодовольным признанием, что, мол, денег немерено, хватит и на дополнительные премии, чем снискал восторженные рукоплески своей команды. И это в те дни, когда правительство не знало, найдёт ли средства для второй в 2016 году индексации пенсий. То-то же не выдержала О. Голодец: “У нас очень много людей, которые живут за чертой бедности.

Поэтому, когда кто-то устраивает такое пиршество, это выглядит абсолютно неэтично”.

О ПРОГРАММЕ СОСТРАДАНИЯ К СТРАДАЮЩИМ

Ищу союзников, чтобы просить власть именно в разгар нынешнего жестокого кризиса разработать Национальную программу совершенствования социального развития: долгосрочную, видимо, 10-летнюю.

Для чего? Чтобы, как это предусматривает президент, улучшая экономическую модель страны, в штормовых всплесках стихии кризиса оптимально рассчитать, систематизировать и скоординировать дела и замыслы для исполнения наиглавной заповеди Конституции: “Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства... Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека”.

Для кого? Ответ прост: для всех неимущих, а им счёт в устрашающих воображение числах: не только 22 миллиона бедных, но и 15 миллионов инвалидов, без малого 5 миллионов безработных (если считать по международной методике) и почти 900 тысяч сирот. А сколько матерей-одиночек и вдов! И студентов из семей скромного достатка (стипендия около 13% от прожиточного уровня). А сколько человек всё ещё мучаются в убогом (ветхом) жилье! А алкоголики и наркоманы, обитатели тюрем и лагерей? Но и они наши соотечественники.

Разве можно спокойно жить, зная, сколько сограждан всего-то существуют? Вспомнилось: начальник пункта помощи бомжам чего-то вдруг полюбоствовал у пожилой уборщицы “Мать, стаж какой?” Выслушал и подивился: “А не обрыдло? – Ещё как... – А что держит-то? – А у меня пенсия мала, и ихнего брата жалко. – Неужто уважашь? – А за что уважать? Не за что... Просто жалею”.

С какими задачами? И этот ответ прост. Чтобы в ходе разработки Программы в условиях бурно изменчивой экономической погоды “проинвентаризировать” кпд того, что обусловлено указами, законами, посланиями, постановлениями, системами обеспечения пенсионеров, инвалидов и сирот. Чтобы узнать, когда и в каких размерах экономике можно – нужно! – снижать стоимость жизни для бедняков: стимулировать продажу по социальным ценам продуктов питания, лекарств и бытовых услуг. Чтобы объединить усилия государства, партий, общественных организаций, нашей Православной Церкви и других конфессий в борьбе с бедностью.

ВЛАДИСЛАВ ШВЕД

КТО ВЫ, mr. GORBACHEV?

Главы из книги

Взыскательный читатель, вероятно, недовольно поморщится. Опять про Горбачёва? К сожалению, приходится возвращаться к этой теме, так как феномен Горбачёва до сих пор плохо изучен. Уникально, но Михаилу Сергеевичу в течение шести с половиной лет удалось беспрепятственно вести страну гибельным курсом. Таких прецедентов в мировой истории крайне мало. Но они могут повториться. Не осмыслив этого феномена, Россия снова рискует наступить на те же грабли.

Сегодня многие из бывшего окружения Горбачёва дают ему самые уничтожительные характеристики и приводят просто ошеломляющие факты предательских и разрушительных деяний бывшего Генерального секретаря ЦК КПСС, а впоследствии Президента СССР. Возникает вопрос: а какую же позицию они занимали в горбачёвские времена?

Губительную сущность первого и последнего президента СССР ранее всех осознал Ричард Косолапов, доктор философских наук и один из авторов последней Программы КПСС, принятой XXVII съездом КПСС. В январе 1986 года, он, будучи главным редактором журнала **“Коммунист”**, направил Горбачёву письмо, в котором предсказал провал “перестройки”. В постсоветские годы Косолапов написал ряд статей, в которых дал бывшему президенту СССР безжалостную, но объективную характеристику, назвав его **“всемирно-историческим или эпохальным ничтожеством”**.

В своём исследовании я позволю себе проанализировать основные вехи биографии Михаила Сергеевича, чтобы понять, как из простого советского паренька вырос руководитель, принесший горе миллионам советских людей.

Прежде всего, постараюсь ответить на вопрос, мучающий многих россиян: **как он пришёл к власти? И был ли Горбачёв агентом влияния Запада или просто политическим лузером?** Рассказ начну с юности нашего “героя”, так как существует версия, что “некие враждебные силы” чуть ли не с детства “вели” его по жизни к вершинам власти.

ШВЕД Владислав Николаевич родился в 1944 году в Москве. Окончил Каунасский политехнический институт и ВППШ. В 1990—1991 годах работал вторым секретарём ЦК Компартии Литвы/КПСС, был членом ЦК КПСС. Автор книг “Катынь. Современная история вопроса”, “Как развалить Россию. Литовский вариант”, “Неонацисты Литвы против России” и др. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Ставропольский везунчик

История ничему не учит, а только называет за незнание уроков.

В. О. Ключевский

Начну рассказ с юности Миши Горбачёва. Это важно потому, что даже весьма солидные, остепенённые исследователи допускают здесь грубейшие искажения. Например, утверждается, что Михаил плохо учился, а в детстве сотрудничал с нацистами и был незаслуженно награждён орденом Трудового Красного Знамени и т. п. Подобное позволяет Горбачёву заявлять, что большинство негатива о его жизни является выдумкой.

Итак, 2 марта 1931 года в селе Привольное Ставропольского края в семье Сергея Андреевича и Марии Пантелеевны Горбачёвых родился мальчик. Родители решили назвать его Виктором. Бывший пресс-секретарь Президента СССР Андрей Грачёв в книге **“Горбачёв. Человек, который хотел, как лучше...”** пишет, что *“дед Андрей Моисеевич Горбачёв, крестивший внука в церкви села Летницкого, сменил имя Виктор, данное мальчику при рождении, на Михаила, неосторожно, может быть, поменяв ему судьбу: лишив шансов стать “Победителем”, обрёк его на одинокую гордыню “Подобного Богу”*.

Кстати, в 2009 году в интервью журналу “Большой город” (№ 1/222) Горбачёв сообщил, что дед, изменив при крещении его имя, “не ошибся”. По мнению Горбачёва, это было правильное решение, так как Виктор – это всего лишь победитель, а Михаил – еврейское имя, что в переводе значит “равный Богу”. Вот так!

Дальше – больше. В 2011 году на пресс-конференции в ИТАР-ТАСС по поводу своего 80-летия Михаил Сергеевич “раскрыл тайну” своего появления на свет. Оказывается, он был рождён, как Иисус Христос, на соломе, в хозяйственной пристройке. По мнению Горбачёва, это также было знаковым событием, якобы определившим его предназначение в этом мире.

После войны, благодаря боевым и трудовым заслугам отца, Михаил получил трудовое крещение, сыгравшее решающую роль в его жизни. Летом 1948 года он, семнадцатилетний ученик восьмого класса (два года Михаил потерял из-за войны), работавший помощником комбайнёра на уборке урожая, за трудовые успехи был награждён орденом Трудового Красного Знамени. Впоследствии окажется, что это достаточно ординарное событие оказало существенное влияние на историю Советского Союза.

Многие исследователи недоумевают, каким образом сезонно работавший на уборке урожая школьник был награждён не медалью, а второй по значению в стране трудовой наградой. Высказываются самые невероятные версии, одну из которых, наиболее расхожую, я озвучу. Утверждается, что в погоне за скошенными гектарами Михаил в период, когда отец отдыхал, включал на комбайне 3-ю скорость и, не считаясь с потерями зерна, резко увеличивал количество скошенных гектаров. Якобы таким образом Горбачёвы оказались в соревновании за урожай 1948 года первыми, за что им и вручили ордена.

Однако известно, что в 1948 году комбайны не были самоходными, они работали в сцепке с трактором. Скорость уборки урожая определялась скоростью трактора, а не комбайна. Сомнительно, чтобы взрослый тракторист послушал школьника, с какой скоростью убирать хлеба, тем более что учитывались не гектары, а намолоченные центнеры зерна.

Горбачёв в мемуарах **“Жизнь и реформы”** описывает уборку урожая в 1948 году так: *“Это был первый настоящий урожай. Собрали на круг по 22 центнера с гектара. В те времена, особенно после неурожайных лет – результат небывалый. А тогда с 1947 года действовал Указ Президиума Верховного Совета СССР: намолотил на комбайне 10 тысяч центнеров зерна – получишь звание Героя Социалистического Труда, 8 тысяч – орден Ленина. Мы намолотили с отцом 8 тысяч 888 центнеров. Отец получил орден Ленина, я – орден Трудового Красного Знамени. Было мне тогда 17 лет, и это самый дорогой для меня орден. Сообщение о награде пришло осенью”*.

Достаточно достоверная информация об этом эпизоде биографии Михаила Горбачёва представлена в телефильме **“Первый президент”** (производство ТПО “Союзтелефильм”, 1991). В фильме была продемонстрирована страница из газеты **“Ставропольская правда”** тех лет. Вверху призыв “За дружную работу, товарищи комбайнёры!” Ниже “С честью выполним социалистические обязательства!”

Под ними заголовок статьи “Агрегат Сергея Горбачёва готов к работе”. В статье сказано: “По инициативе партийной организации Покровской МТС создан первый в районе комсомольский комбайновый агрегат, состоящий из двух комбайнов “Сталинец-6”. Начальником агрегата дирекцией МТС утверждён комбайнёр-коммунист Сергей Горбачёв. Вместе с ним будет работать опытный комбайнёр Яков Яковенко. Штурвальными – их сыновья Михаил Горбачёв и Александр Яковенко.

За комсомольским агрегатом закреплён новый мощный трактор “С-80”, на котором будут работать трактористы Рыжих и Кудрин. Горючее и воду будут подвозить кандидат в члены партии т. Рядко и участник Отечественной войны, кавалер ордена Славы Пётр Удовиченко”.

Всё говорит о том, что не только экипаж, но и вся вспомогательная обслуга комсомольского агрегата были специально подобраны. Кандидатуры будущих рекордсменов были, несомненно, согласованы не только в райкоме, но и крайкоме партии.

Александр Яковенко, напарник Михаила, в телефильме рассказывал, что экипаж агрегата тогда намолотил 19 тысяч 800 центнеров зерна. Отцы-комбайнёры получили ордена Ленина, сыновья – Трудового Красного Знамени. Но Михаил Сергеевич никогда не упоминал о напарниках. Возможно, потому, что хотел подчеркнуть значимость Горбачёвых в совершённом трудовом подвиге.

В дополнение замечу, что в советские времена “качественный состав” (партийность, социальное положение и происхождение, образование, национальность и т. д.) награждаемых правительственными наградами строго контролировался партийными органами. Несмотря на то, что предпочтение отдавалось коммунистам и комсомольцам, ставилась задача, чтобы среди награждаемых были беспартийные и представители всех слоёв советского общества и национальностей и т. д.

Правда, всё могло быть по-другому, если бы “строгие дяди” в райкоме партии при утверждении кандидатур на рекорд более внимательно отнеслись к родословной комбайнёра Сергея Андреевича Горбачёва.

Известно, что дед Михаила по линии отца – Андрей Моисеевич Горбачёв – был убеждённым единоличником. Он изо всех сил сопротивлялся коллективизации, за что в 30-е годы был выслан в Сибирь и несколько лет отработал на лесоповале. Проблемы с властью были и у деда по линии матери, председателя колхоза Пантелея Ефимовича Гопкало, который в 1937 году за невыполнение плана посева зерновых был признан “саботажником”, получил срок за “должностное преступление”, отсидел 14 месяцев, был оправдан и освобождён.

И хотя особого криминала за предками Горбачёвых не было, но в то время вышеперечисленного было бы достаточно, чтобы ордена “пролетели” мимо Сергея Андреевича и Михаила. Кстати, впоследствии, когда Горбачёв стал партийным деятелем, люди с малейшими отклонениями в биографии не могли рассчитывать на его снисхождение. Особенно это проявилось в его бытность Генеральным секретарём КПСС.

После награждения орденом Миша Горбачёв автоматически попал в категорию особо доверенной советской молодёжи. Такие в первую очередь становились комсомольскими вожаками, они были непременно участниками торжественных мероприятий, их пропагандировали в прессе, для них были открыты все пути в советской стране. Естественно, что с учётом этого Михаил сделал следующий решающий шаг в жизни. В девятнадцать лет, ещё в школе, он стал кандидатом в члены КПСС.

Следует отметить, что юный Горбачёв учился без напряжения, так как отличался прекрасной памятью, схватывал всё на лету. Но глубоко и вдумчиво прорабатывать подхваченные новые идеи ему было не интересно. Он был и остался великолепным компилятором чужих идей. К этому добавлю, что у Михаила были неплохие артистические задатки. В разговоре со старшими по положению он легко перевоплощался и производил впечатление их поклонника и единомышленника.

Становление

Закончив в 1950 году школу с серебряной медалью (“четыре” по немецкому), Михаил без экзаменов поступил на престижный юридический факультет Московского государственного университета. На этот факультет поступали

не вчерашние десятиклассники, а бывшие фронтовики с наградами и направлениями из МВД. Но Горбачёв не спасовал перед ними. Он неплохо владел словом, был достаточно начитан и, самое главное, чрезвычайно активен. Вскоре Михаил был избран комсоргом группы, а потом секретарём комсомольской организации факультета. После того как в 1952 году он стал членом ВКП(б), его ввели в состав парткома университета.

В университете Горбачёв производил впечатление открытого и общительного парня, хотя, когда к нему как члену парткома обращались с конкретной просьбой, не отказывал, но и не помогал, ссылаясь на обстоятельства.

Лучшим другом и фактическим наставником Михаила в университете стал чех Зденек Млынарж, с которым он делил комнату в студенческом общежитии. Он был старше Михаила на два года и более зрелым в политическом отношении. Как известно, Млынарж был сторонником “социализма с человеческим лицом” и в период Пражской весны 1968 года являлся секретарём ЦК КПЧ. Беседы с ним оказали огромное влияние на формирование мировоззрения Михаила.

Млынарж, в отличие от Горбачёва, до конца остался верен идеям демократического социализма, точнее – социализма с человеческим лицом. После поражения Пражской весны Млынарж эмигрировал в Австрию. В Чехословакию он вернулся после “бархатной революции” 1989 года, когда Компартия была отстранена от власти. Млынарж стал почётным председателем “Левого блока” – коалиции коммунистов с социалистами. Но захватившие в Чехословакии власть антисоциалистически настроенные правые либералы даже не хотели слышать о демократическом социализме. В итоге Млынарж предпочёл вернуться в Австрию. В этой связи утверждать, что Млынарж посеял у Горбачёва разочарование в социализме, нет оснований.

Помимо Млынаржа, в университете у Михаила нашлось немало друзей. В 1950-е годы Московский университет собирал под своей крышей лучшие молодые умы СССР и стран социалистического лагеря. Это был настоящий “вселенский котёл” мыслей и мечтаний о новом обществе, о светлом будущем. С Михаила быстро слетел его провинциальный налёт. Он стал полноправным членом московского студенчества.

Впоследствии мысли и идеи, услышанные Горбачёвым в университете, позволяли ему в разговорах и, прежде всего, с “сильными мира сего” производить впечатление восторженно-идеалистического молодого человека, стремящегося развивать социализм, сохраняя все его ценности. Именно в это время Михаил понял силу вовремя сказанной цитаты и силу лести, обращённой к старшим.

В 1953 году будущий юрист Михаил Горбачёв и студентка философского факультета МГУ Раиса Титаренко создали семью. Это событие во многом определило жизнь Михаила Горбачёва. По твёрдости характера, организованности, граничившей с педантичностью, Раиса во многом превосходила мужа. Без её воздействия Горбачёв вряд ли достиг бы политических высот.

Комсомольский вожак

В 1955 году Михаил закончил юридический факультет МГУ. Как пишет он в своих воспоминаниях, за будущее не волновался, так как входил в состав комиссии по распределению и знал, что в числе других 12 выпускников (11 из них были фронтовиками) его направляли в Прокуратуру СССР.

Но “наверху” решили, что молодых юристов, не имеющих жизненного и профессионального опыта, рискованно определять на работу в высший эшелон прокурорского надзора. Горбачёву на выбор были предложены места в прокурорских органах Томска, Благовещенска, в Таджикистане или в подмосковном Ступино. Это была реальная возможность чете Горбачёвых “зацепиться” в столице, а Раисе – продолжать учёбу в аспирантуре.

Однако у Михаила были другие планы. Он понимал, что поиск счастья в чужих краях может закончиться ничем. Горбачёвы решили ехать в Ставрополь. Горбачёв в воспоминаниях пишет: *“Бесцеремонность, проявленная работниками Прокуратуры СССР, безразличие к моей семейной ситуации и вся история с моим распределением зародили у меня серьёзные сомнения относительно работы по специальности. Не развевая их и стажировка в Ставрополе. И я принял решение порвать с прокуратурой. Вступил в контакт с крайкомом комсомола”*.

Вот что рассказал мне в декабре 2008 года бывший первый секретарь Ставропольского крайкома комсомола Виктор Михайлович Мироненко об этом эпизоде жизни Горбачёва. По словам Виктора Михайловича, в краевой прокуратуре Михаилу предложили поехать в заштатный район. Это означало конец мечтам о карьере.

Горбачёв решил действовать через земляков и прорваться в обком комсомола. К В. Мироненко его привёл член бюро крайкома комсомола, редактор газеты **“Молодой ленинец”** Ларионов (он и Горбачёв были родом из Привольного). В 1955 году сотрудников, имевших высшее образование, в аппарате Ставропольского крайкома комсомола насчитывалось всего шесть человек.

В то время в крайкоме вакантной была должность заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации. Молодой юрист с высшим столичным образованием, член партии, награждённый орденом, имеющий опыт комсомольской работы, как нельзя лучше соответствовал этой должности. Горбачёв успешно прошёл собеседование в отделе партийных органов крайкома партии и начал новый этап своей комсомольской карьеры.

Однако не так прост был Михаил Сергеевич в молодости. Всё, что касалось карьеры, он делал с двойной страховкой, тем более что “руководящей и направляющей силой” в этих вопросах для него являлась жена Раиса. Утверждают, что Горбачёв как-то проговорился, что *“Раиса Максимовна всё время подталкивала меня к тому, чтобы я последовательно занимал всё более и более высокое положение в стране”*.

Как пишет бывший секретарь Ставропольского крайкома КПСС и спичрайтер Горбачёва Анатолий Коробейников в книге **“Горбачёв: другое лицо”**, перед походом к В. Мироненко Михаил всё же подстраховался. Он заручился поддержкой партийных органов: *“По свидетельству земляков, он буквально унижался в Ставропольском крайкоме партии, чтобы получить хоть какую-либо комсомольскую должность. Люди, которые рассказывали мне об этом, ещё живы и не скрывают своих имён”*.

Работая в крайкоме ВЛКСМ, Горбачёв много ездил по краю. О его выступлениях в молодёжных коллективах приходили положительные отзывы. Говорун он был отменный. Но при этом не забывал, как отмечал друг детства Горбачёва и бывший второй секретарь Ставропольского крайкома КПСС Виктор Алексеевич Казначеев, с которым мне довелось контактировать, регулярно наносить визиты ответственным работникам крайкома партии, поражая их заранее подготовленным цитатничеством. Уже через год Горбачёв был избран первым секретарём Ставропольского горкома комсомола.

Первым секретарём Ставропольской краевой партийной организации в это время был Лебедев Иван Кононович, которому по душе пришлись инициативность и напористость Горбачёва и подчёркнуто уважительное отношение к старшим товарищам. Через два года, в апреле 1958 года Горбачёв был избран вторым секретарём крайкома ВЛКСМ. К этому времени ранее упомянутый В. Мироненко уже “раскусил” Горбачёва и высказался против этого назначения, но в крайкоме партии решили по-другому.

В 1960 году в крае сменилось партийное руководство, первым секретарём крайкома стал 42-летний Фёдор Давыдович Кулаков, высланный Хрущёвым из Москвы. Он обратил внимание на инициативного второго секретаря крайкома ВЛКСМ и в том же году выдвинул Горбачёва на должность первого секретаря крайкома ВЛКСМ. С этого момента в течение 18 лет Кулаков является “доброй феей” Михаила Горбачёва.

В ноябре 1961 года Горбачёв по должности избирается делегатом XXII съезда КПСС. На съезде он, как и все делегаты, вместе с проектами партийных документов получил только что отпечатанный номер “Нового мира” с повестью А. И. Солженицына **“Один день Ивана Денисовича”**. На этом съезде Никита Хрущёв впервые публично (на XX съезде КПСС в 1956 году Хрущёв озвучил доклад **“О культе личности и его последствиях”** после закрытия съезда на закрытом заседании) ещё раз обрушился на Сталина и его окружение. К этому Горбачёв был психологически готов.

Об этом свидетельствует эпизод биографии Горбачёва, который поведал бывший советский журналист, а в настоящее время – корреспондент американского (Бостон) журнала на русском языке **“Чайка”** Валерий Лебедев. Он сослался на бывшего сокурсника Горбачёва по МГУ, упомянутого нами Зденека Млынаржа, с которым беседовал в 1985 году после прихода Горбачёва к власти.

В изложении Млынаржа эпизод отрицания Горбачёвым сталинизма выглядел так: *“Зимой 1956 года молодой 25-летний Михаил Горбачёв приехал с молодёжной делегацией в Москву. Там он услышал закрытое письмо Хрущёва, разоблачающее “культ личности Сталина” на XX съезде. Письмо его потрясло. Ошеломлённый Михаил Горбачёв вышел на Ленинские (Воробьёвы) горы и примерно на том же месте, что когда-то Герцен с Огарёвым, дал клятву посвятить всю жизнь борьбе со сталинизмом. То есть фактически – с системой”*. Вполне возможно, что так оно и было, хотя даты событий не совпадают.

Можно утверждать, что Никита Сергеевич Хрущёв оказал решающее влияние на формирование молодого Горбачёва. В январском номере польского журнала “Пшеглонд” (№ 1/2010) было опубликовано интервью бывшего директора Стокгольмского международного института исследования проблем мира, бывшего министра иностранных дел Польши профессора Адама Ротфельда.

Ротфельд заявил, что во второй половине 90-х годов он был приглашён в Москву на международную научную конференцию, посвящённую 100-летию со дня рождения Н. Хрущёва. Конференцию организовал “Горбачёв-фонд”. Во время перерыва Горбачёв пригласил Ротфельда на кофе. В ходе беседы Ротфельд спросил, чем было обусловлено проведение конференции. На это Михаил Сергеевич ответил: **“Без Хрущёва не было бы Горбачёва”**.

Необходимо подчеркнуть, что Горбачёв, став Генеральным секретарём ЦК КПСС, более всего **болялся повторить судьбу Никиты Сергеевича**, но в худшем варианте. Это опасение многократно возросло после кровавой расправы в 1989 году над главой Компартии Румынии Николае Чаушеску, осуществлённой при косвенном согласии Горбачёва. Особенно Горбачёва поразило, что с Чаушеску расправились его бывшие соратники. Это во многом стало определять поступки Михаила Сергеевича как главы советского государства в последние годы перестройки.

Но вернусь в комсомольский период Горбачёва. Тогда его способность имитировать бурную деятельность была просто поразительной. Добавьте к этому отличную память Михаила и его умение выступать на актуальные темы, подкрепляя это цитатами из трудов классиков. Это обеспечило ему фантастически быстрый карьерный рост.

Особо следует поговорить о методах работы Горбачёва в этот период. Карьерный рост Михаила пришёлся на время, когда погоня за количественными показателями в ВЛКСМ стала довлеющей. Важнейшим показателем здесь стал рост рядов. Ставропольский край попал по этому показателю в отстающие. Горбачёв быстро нашёл выход. В комсомол стали принимать без всякой подготовки классами, бригадами. Последствия этой порочной практики, получившей широкое распространение в масштабах страны, сказались значительно позже. А тогда Ставропольский край вышел в передовики по росту рядов комсомольской организации.

Практика принимать в комсомол скопом, всех подряд приняла при Хрущёве массовый характер. В итоге Ленинский союз молодёжи превратился в рыхлую, идеологически неоднородную массу. Известно, что процесс отказа от социализма в 1990-х годах возглавил именно союзный комсомол.

В хрущёвский период также изменилась практика отбора в партию. Главным для приёма в КПСС стали не идейная убеждённость и качества политического бойца, а безупречная анкета. Не случайно из 19 миллионов коммунистов, числившихся в КПСС в 1986 году, накануне XXVII съезда партии, в 1991 году большинство попряталось по “щелям”.

В 1959–1960 годах Ставропольский крайком ВЛКСМ с “лёгкой руки” Горбачёва призвал комсомольцев и молодёжь края выполнить семилетний план по производству мяса, молока и яиц за пять лет. Было принято постановление крайкома комсомола **“О шефстве над “королевой” полей (кукурузой). – Прим. В. Ш.) и ускоренном разведении уток”**, выполнение которого через пару лет с треском провалилось. Но Горбачёва заметили. Во времена Хрущёва, когда внешней стороне дела уделялась неоправданно большое внимание, он пришёлся “ко двору”. И не он один! Такие “говорунуны” в комсомоле делали быструю карьеру.

Выдвижению Горбачёва во многом способствовали его компилятивные способности. Бывший помощник Горбачёва, а впоследствии заведующий Общим отделом ЦК КПСС Валерий Иванович Болдин писал: *“Умение присваивать чужие идеи развито у Горбачёва до вершин совершенства”* (Болдин В. И.

Крушение пьедестала... М., 1995. С. 64). Михаил Сергеевич уже тогда “за версту” чувствовал новое, востребованное, умело использовал чужие почины и инициативы для саморекламы, которая с этого момента стала для Горбачёва своеобразным образом действия и жизни.

В общении Горбачёв создавал впечатление покладистого, доброго и отзывчивого человека. Со старшими по возрасту и положению вёл себя, как почтительный сын. На секретарей Ставропольского крайкома партии, а впоследствии на престарелых членов Политбюро это действовало безотказно.

Стремительный рост по карьерной лестнице обеспечивал Горбачёву получение положительных характеристик. На занимаемых должностях он, как правило, снимал “сливки”. Когда же приходило время оценивать результаты, Горбачёв уже был на новой должности, и “шишки” за допущенные провалы доставались преемникам. Этот метод “делания” карьеры безотказно срабатывает в любых случаях.

К партийным высотам

Однако у Горбачёва случались и досадные проколы. В январе 1962 года на краевой отчётно-выборной комсомольской конференции его за формализм в работе резко критиковал первый секретарь крайкома партии Фёдор Давыдович Кулаков. Обычно это означало закат карьеры. Но не таков был ставропольский комсомольский вожак. Он сумел найти “ключик” к сердцу “первого”. Но об этом секрете Горбачёв предпочитает умалчивать.

Буквально через два месяца, в марте 1962 года Кулаков дал шанс Горбачёву продолжить путь к партийному Олимпу. В КПСС подобное отношение к кадрам, попавшим под огонь партийной критики, было чрезвычайно редким. Как правило, так относились или к родственникам влиятельных людей, или к “нужным” людям. Остаётся только гадать, по какой причине такой властный и крутой руководитель, каким был Кулаков, поддерживал Горбачёва, несмотря на его недоработки.

Возможно, решил, что инициативного комсомольского вожака следует перевести на работу под особый партийный надзор, и если он справится, то можно думать о его перспективах. Горбачёва назначили парторгом крайкома по Ставропольскому управлению, объединившему три пригородных сельских района: Шпаковский, Труновский и Кочубеевский.

Однако и здесь возникли проблемы. Летом 1962 года бюро крайкома партии обратило внимание парторга Горбачёва на **проявленную безответственность** в работе с Обращением ЦК КПСС и Совета Министров СССР к труженикам сельского хозяйства. Горбачёв возразил против такой оценки, и тогда была создана комиссия для проверки его работы. Факты подтвердились и, как пишет известный исследователь кремлёвских тайн Николай Зенкович, в августе 1962 года на собрании краевого партийного актива Кулаков “выдал” Горбачёву сполна (Зенкович. Самые закрытые люди. С. 111).

Казалось бы, партийная карьера закончена. Двух срывов обычно не прощали. Но Горбачёв каким-то образом сумел убедить Ф. Кулакова вновь дать ему шанс. Все бывшие коллеги Михаила Сергеевича, с которыми мне довелось общаться, были убеждены, что ситуацию спасла Раиса. Она обладала редким умением убеждать собеседника. Якобы она пошла к Кулакову и доказала, что муж не потерян для партийной работы. В итоге в январе 1963 года Горбачёв начал работать в Ставропольском сельском крайкоме КПСС.

В октябре 1964 года в Москве сместили Хрущёва. В этом активное участие принимал Кулаков. Для детальной проработки плана действий против Хрущёва “кремлёвские заговорщики” во главе с Брежневым и Шелепиным в начале осени 1964 года собирались в Тебердинском заповеднике Ставропольского края. Кремлёвские гости полностью доверяли Кулакову, так как он числился среди жертв хрущёвского произвола. Горбачёв в этот процесс не был вовлечён. Однако как заворг крайкома он получил навыки того, как ведётся “подковёрная” борьба за “место под солнцем”.

В ноябре 1964 года Кулакова за участие в смещении Хрущёва перевели в Москву зав. отделом сельского хозяйства ЦК КПСС. Но он не забыл верно-го “Санчо Панса”. По рекомендации Кулакова Горбачёв в декабре 1964 года был назначен заведующим отделом партийных органов Ставропольского краевого комитета КПСС. Новый первый секретарь крайкома партии, Ефремов

Леонид Николаевич, не особо противился этому назначению. Да и зачем было спорить Ефремову с могущественным предшественником, который числился в друзьях у нового Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева?

Замечу, что должность заворга всегда котировалась на уровне секретаря, так как в своей повседневной работе, а это, прежде всего, работа с кадрами, заворг постоянно контактировал с первым секретарём и по праву считался его “правой рукой”.

Во многом этому способствовало то обстоятельство, что, как отмечали люди, хорошо знавшие Михаила Сергеевича в ставропольские годы, “он был тогда действительно приметной фигурой, выделялся на общем фоне партийных и комсомольских кадров демократизмом, общительностью, столичным образованием, склонностью к нестандартным действиям, величайшим усердием в работе, ловкостью в отношениях с начальством, умением быть душою дружеского застолья.

Вместе с тем, все отмечали в один голос легковесность Горбачёва в конкретных делах (**“попрыгунчик какой-то”**), его неспособность довести до конца ни одного серьёзного начинания. Особенно резко проступила эта черта личности Горбачёва, когда он достиг уровня первого секретаря крайкома партии, что предполагало его самостоятельную роль...” Эту характеристику Горбачёва привёл В. Легостаев в статье **“Генсек кровавый”**.

Четыре года работы заведующим отделом партийных органов крайкома сделали Горбачёва настоящим партаппаратчиком, прежде всего, в овладении искусством кадровых перестановок и аппаратных интриг. Этот опыт он успешно применил в 1985–1991 годах. Помимо этого, Горбачёв виртуозно овладел искусством не ссориться с нужными людьми. Всё это обусловило его дальнейший быстрый карьерный рост.

В это же время, хорошо понимая, что в сельскохозяйственном крае невозможно продвинуться без соответствующего образования, он, опять-таки по совету Кулакова, поступил на заочное отделение Ставропольского сельскохозяйственного института, который окончил в 1967 году, получив диплом учёного агронома-экономиста сельского хозяйства.

Уже упомянутый А. Коробейников в книге **“Горбачёв: другое лицо”** отмечает, что “университетский диплом не сделал Горбачёва юристом, а диплом экономиста сельского хозяйства, как я мог убедиться, мало что прибавил к знаниям, полученным им в “сельскохозяйственной академии жизни”. Словом, его крестьянские корни стали “вещью для себя”, а юридические знания так и остались “вещью в себе”.

Объективность этой характеристики подтвердила сама жизнь. Михаил Сергеевич, став Генсеком ЦК КПСС и Президентом СССР, поразил всех, бездарно уступая выигрышные с правовой точки зрения ситуации.

Однако продолжу. В 1966 году Горбачёва избрали первым секретарём Ставропольского **горкома** КПСС. В 1968 году, несмотря на сопротивление первого секретаря Л. Ефремова, он стал вторым секретарём Ставропольского **крайкома** КПСС. Нажим из ЦК КПСС сделал своё дело. Впереди для Горбачёва открывались новые горизонты, а поддержка Кулакова, к тому времени уже члена Политбюро ЦК КПСС, прибавляла ему уверенности.

Менее чем через два года, **в начале 1970 года** в ЦК КПСС, с подачи того же Кулакова, решили, что второй секретарь созрел для самостоятельной работы, и Горбачёв стал первым секретарём Ставропольского крайкома КПСС. Надо сказать, что к тому времени у Горбачёва в Политбюро появился ещё один покровитель – председатель КГБ СССР Юрий Владимирович Андропов.

Благоприятное впечатление Горбачёву удалось произвести и на другого члена Политбюро – Александра Николаевича Шелепина. Однажды Михаил Сергеевич **всю ночь** прогулял с ним по территории дачи в Архызе, слушая его рассказы о московской жизни. Это свидетельствует о том, что умел Горбачёв заинтересовать московских гостей. И хотя все они имели огромный опыт общения с людьми, но, тем не менее, не сумели рассмотреть подлинную натуру Михаила Сергеевича.

Одни в силу того, что сами, по сути, были “Горбачёвыми”, другие – в силу человеческой веры в лучшее. Но не спешите осуждать последних. Вспомните предсмертный крик римского Цезаря по поводу коварного предательства своего лучшего друга: **“И ты, Брут?!”** К сожалению, многим из нас

приходилось пригревать змею на груди. По большому счёту, жизнь каждого из нас – это во многом череда доверительных отношений, часто сменяющихся разочарованием или предательством.

При этом практические результаты деятельности Горбачёва на посту хозяина Ставропольского края оставляли желать лучшего, так что в политических фаворитах у большинства членов Политбюро ЦК КПСС Горбачёв не числился. Даже в период рассмотрения его кандидатуры на пост секретаря ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев Ставропольский край называл “овечьей империей”, а Горбачёва – “овцеводом”. Это при том, что Михаил Сергеевич уже тогда пытался создать себе ореол ведущего практика и теоретика сельского хозяйства союзного масштаба.

Для этого Горбачёв применял испытанный метод – саморекламу. Он, как и в комсомоле, принялся усиленно внедрять в крае почины и проводить эксперименты. Так, на Ставрополье родился прогремевший по стране ипатовский метод уборки урожая. Суть его в том, что в Ипатовский район в приказном порядке была переброшена уборочная техника из районов, где хлеба созревали позже. Уборка действительно завершилась в рекордные сроки. Правда, значительная часть собранного урожая из-за спешки (недосушили) оказалась потерянной. Но Михаил Сергеевич Москве отрапортовал, как положено.

По итогам ипатовского эксперимента ЦК КПСС принял специальное постановление **“Об опыте работы Ипатовской парторганизации на уборке урожая”**. Леонид Ильич Брежнев прислал поздравление хлеборобам района. Михаил Сергеевич воспринял это как личное достижение. Не важно, что через год от ипатовского метода пришлось отказаться, так как терлась значительная часть урожая и крайне нерационально использовалась сельскохозяйственная техника.

А. Коробейников одну из глав книги **“Горбачёв: другое лицо”** назвал: **“Ни одного завершённого дела”**. Вот несколько строк из этой главы: *“Прогремел ипатовский метод – и лопнул; “петушился” над созданием межхозяйственных предприятий – МХП (в народе быстро и по-своему “расшифровали” эту аббревиатуру: Михаил х... придумал) – и бросил; настроил сотни животноводческих комплексов – и забыл о них... И так практически во всём”* (с. 88).

Наиболее ярко способность Горбачёва создавать показушные результаты показало строительство ирригационной системы на Ставрополье. Под это дело было выделено 525 миллионов рублей – огромная по тем временам сумма. Стремление Горбачёва поразить размахом мелиоративных работ и объёмом осваиваемых средств вновь привело к наращиванию количественных показателей. Главное было для Горбачёва – обеспечить километраж оросительно-обводнительной системы и отрапортовать Москве о новых достижениях. А то, что лишь один из десяти километров каналов, введённых в строй, имели надлежащую гидроизоляцию и облицовку, это не столь важно. В итоге после переезда Горбачёва на Старую площадь в крае началось интенсивное засоление и подтапливание богарных земель.

В этой связи целесообразно привести отзыв Легостаева о роли Горбачёва в развитии Ставрополья: *“Человеку разумному трудно, не впадая в смятение чувств, читать те страницы биографического сочинения Горбачёва, на которых тот фантазирует на тему своей деятельности в ставропольский период... Ведь в каждом буквально абзаце – хвастовство, самолюбование и обязательно ложечка гадости в адрес тех, с кем Горбачёв тогда сталкивался по работе, либо в адрес советской власти”*.

Разговорами, услугами и лестью...

Успехи Горбачёва по руководству экономикой Ставропольского края были не впечатляющими. Их явно не хватало для выдвижения на партийный Олимп. Видимо, по этой причине Михаил Сергеевич лишь один раз удостоился права выступить на Пленуме ЦК КПСС. Фактически он считался одним из многих региональных партийных лидеров в Союзе.

Однако у Горбачёва перед большинством из них было огромное преимущество. Он был хозяином благодатного края, в котором были сосредоточены многочисленные правительственные лечебницы и дачи. А Кавказские Минеральные Воды и Кисловодск, находившиеся в полутора часах езды от Ставрополя, в те годы были своеобразной Меккой для членов Политбюро ЦК КПСС.

Партийные иерархи, приезжающие в край на оздоровление или лечение, были предметом особого внимания и заботы краевого комитета партии и его секретарей. Как уже говорилось, благодаря этому Горбачёв уже к моменту назначения первым секретарём имел влиятельных покровителей. Прежде всего, это был член Политбюро ЦК КПСС, Председатель КГБ СССР Ю. Андропов.

Вот что рассказывает бывший пресс-секретарь Горбачёва А. Грачёв о знакомстве Михаила Сергеевича с “земляком” Андроповым (Юрий Владимирович родился на станции Нагутская Ставропольского края).

“Горбачёв и Андропов познакомились в 1969 году, когда тогдашний первый секретарь Ставропольского крайкома Л. Ефремов отрядил своего “второго” съездить в Кисловодск с дежурной миссией – засвидетельствовать почтение отдыхавшему члену ПБ, рассказать для проформы о делах края и ответить на заданные для проформы же вопросы. К своему удивлению, Горбачёв встретил человека, который, может быть, в силу естественной оторванности от проблем советской глубинки начал дотошно о них расспрашивать. Их встречи постепенно стали регулярными и неформальными, хотя происходили только на ставропольской территории и “никогда в Москве””.

В тот раз Андропов поселился в санатории “Дубовая роща”. Впоследствии Андропов останавливался в санатории “Красные камни”, в уединённом коттедже, ни с кем не общался, если не считать регулярно приезжающих к нему из Москвы сотрудников КГБ. Единственным из местных, для кого Андропов делал исключение, был Горбачёв – его машину андроповская охрана пропускала беспрепятственно.

Как пишет Горбачёв в воспоминаниях, в период пребывания Андропова на Ставрополье он старался взять отпуск и поселиться с семьёй в санатории “Красные камни”. Андроповы и Горбачёвы выезжали в горы, жарили шашлыки, а потом долго сидели у костра и слушали песни бардов-шестидесятников, которых любил Андропов.

В 1971 году, уже на правах партийного хозяина края, Горбачёв познакомился с начальником 4-го управления при Минздраве СССР Евгением Ивановичем Чазовым, опекавшим здоровье кремлёвских должностителей и, в силу этого, имевшим доступ ко многим кремлёвским тайнам. Следует также иметь в виду, что Чазов был человеком, весьма близким к шефу КГБ Ю. Андропову. Запомните фамилию “Чазов”, она будет постоянно возникать в самых щекотливых кремлёвских ситуациях.

Чазов и Горбачёв быстро стали близкими друзьями не только на почве общего патрона Андропова, но и в связи с постоянной потребностью Горбачёва в информации из Москвы. Каждый раз, когда Чазов появлялся на Ставрополье, Горбачёв на два-три дня исчезал из поля зрения крайкомовских сотрудников. Он угощал нового друга шашлыками на природе. Взамен Евгений Иванович знакомил Горбачёва с кремлёвскими новостями, с состоянием здоровья членов Политбюро и, соответственно, с расстановкой сил на Старой площади (место нахождения ЦК КПСС).

Чазов убедил Горбачёва заняться тем, чтобы высшее руководство страны чаще приезжало на лечение и отдых в Ставропольский, а не в соседний Краснодарский край. Став первым секретарём, Горбачёв этому вопросу уделил особое внимание. В срочном порядке в Кисловодске на месте пионерского лагеря строительными силами 9-го управления КГБ была возведена шикарная госдача, отреставрирована по высшему классу правительственный санаторий “Красные камни”, в котором любил отдыхать Ю. Андропов. Построили также новый дом отдыха в селе Отрадном, на заповедном озере Маныч.

Для семьи Горбачёвых в живописнейшем месте в селе Бекешевка была возведена загородная дача с огромным охотничьим залом для приёмов, миллиардом, финской сауной и русской баней. Туда было не стыдно привезти на шашлыки гостей самого высокого уровня. В Ставрополе перестроили гостиницу “Интурист”, которая также могла принимать именитых гостей. Атмосферу южного шарма и колорита создавали кафе и рестораны, открытые грузинскими тебевиками, бежавшими от Шеварднадзе, в то время объявившего борьбу с коррупцией. Последнее заслуживает особого разговора, но это отдельная тема.

Не был забыт и Чазов. Его ведомственную дачу в Архызе отделили итальянскими и французскими строительными материалами, завезли туда импортную мебель и оборудование. Расчёт между друзьями был обычным: услуга за услугу.

Райские уголки для высокопоставленных лиц и московской знати, благодаря Горбачёву, в крае росли, как грибы. В них устраивались вечеринки, дни рождения, праздники с неизменным вручением дорогих подарков. Всё это называлось гостеприимством по-ставропольски. Такое общение Горбачёва с сильными мира сего, в конечном счёте, трансформировалось в “ковёр-самолёт”, перенесший его в Москву.

Некоторые исследователи, перечисляя вышеизложенные факты, пытаются делать выводы о том, что именно в это время произошло “буржуазное перерождение” Горбачёва. Эти утверждения не вполне верны. Горбачёв всегда был таким. Только каждая сторона его реальной сути открывалась соответственно времени.

В сталинский период он был бы “верным ленинцем-сталинцем”, подтверждая свою “принципиальную” позицию умело подобранными цитатами из работ вождя и жёсткой борьбой с “врагами народа”. В хрущёвский период ситуация в КПСС стала меняться, а во времена Брежнева от сталинских порядков почти ничего не осталось. Соответственно, менялся и Горбачёв. Мимикрия у него была потрясающая. Такие люди были не только в Ставрополе.

Карьера по сценариям

Огромную роль в возвышении Горбачёва сыграли сценарии встреч Горбачёва с сильными мира сего, приезжавшими из Москвы. Их готовила Раиса Максимовна. Об этом мне поведал уже упомянутый В. Казначеев. Философский факультет МГУ отшлифовал природный ум и целеустремленность Раисы, которые позволяли ей вычленивать главное в любой ситуации и определить точные воздействия на неё.

Особое внимание Раиса уделяла подготовке Михаила к застольям, которыми обычно заканчивались все визиты высоких гостей. Для этого продумывались темы для разговора, подбирались нужные цитаты классиков, которые Горбачёв мог использовать как бы экспромтом. В итоге Михаил Сергеевич поражал гостей своей эрудированностью. На самом деле он был обычным цитатчиком и никогда глубоко не вникал в произведение классиков и мировых философов. Знакомство с новыми книгами у него сводилось в основном к чтению аннотаций и предисловий.

Однажды в узкой компании Михаил Сергеевич заметил по этому поводу следующее: *“Прочитаешь иную справку – это же целый роман!”* Но предельно откровенно на эту тему Горбачёв выразился в марте 1991 года во время кремлёвского фуршета, посвящённого его 60-летию. На вопросы о том, знаком ли Михаил Сергеевич с той или иной актуальной статьёй или книгой, он отвечал, что у него мало времени, поэтому этими вопросами занимается Раиса Максимовна, которая вечером ему вкратце пересказывает и резюмирует важнейшие печатные материалы. Жаль, что в этот момент её не было рядом с Михаилом Сергеевичем. Она бы как “регент” Генсека пресекла попытки мужа банально продемонстрировать свою ограниченность.

Шедевром в списке проведения четой Горбачёвых встреч с важными и нужными людьми следует считать организацию пребывания в Ставрополе второго человека в Политбюро, главного идеолога партии Михаила Андреевича Суслова. Тот в 1933–1944 годах работал первым секретарём Орджоникидзевского (Ставропольского) крайкома и горкома КПСС. Суслов прибыл в Ставрополь в мае 1978 года для вручения городу ордена Октябрьской революции за достижения в хозяйственном и культурном строительстве и в связи с 200-летием со дня его основания.

Несомненно, что организация встречи Суслова в Ставрополе не обошлась без подсказок всезнающего шефа КГБ. Психологическое давление на высокогостя началось уже в аэропорту и на улицах, куда вышло почти всё население города. Здравницы в честь Политбюро ЦК КПСС и лично высокого гостя на торжественном заседании были нескончаемы. В завершении этого хорошо продуманного и блестяще разыгранного спектакля Суслову показали специально смонтированный кинофильм, в котором тот был показан как талантливый организатор партизанского движения на Ставрополье. Принципиальный и всегда официально сухой Михаил Андреевич растрогался до слёз.

В программе пребывания Суслова в Ставрополе было также предусмотрено посещение музея его жизни и деятельности. Как пишет сын Андрея Андре-

евича Громыко в своих воспоминаниях: *“Старец дал слабину, растрогался и отплатил Горбачёву добром”* (Громыко А. А. Андрей Громыко в лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына. М., 1997. С. 70).

Суслов был известен в партии как пуританин, лишённый человеческих слабостей. Он даже валюту, оставшуюся от зарубежных командировок, сдавал в партийную кассу. Но в Ставрополе он действительно “дал слабину”. Его дочери Майе Михайловне по случаю дня рождения были преподнесены дорогие сувениры, а в самолёт положили подводное ружье и дефицитную в те годы кожаную куртку для внука. Всё это было с благодарностью принято. Умел Михаил Сергеевич принимать и ублажать московских гостей.

Встречи с “кремлёвскими небожителями” оказали решающее влияние на судьбу М. Горбачёва. В период брежневского руководства в кадровой политике широкое распространение получили принципы землячества и личного знакомства с выдвигаемыми кадрами. Не случайно в то время в ЦК КПСС работало большое количество выходцев из Днепропетровской области, где родился и работал Л. Брежнев, а также его сослуживцев по различным регионам страны.

Вполне естественно, что Горбачёв регулярно получал от московских гостей выгодные предложения о переходе на работу в Москву. По словам самого Горбачёва, в начале 1970-х годов секретарь ЦК КПСС Пётр Нилович Демичев (до декабря 1974 года он курировал в ЦК КПСС вопросы идеологии, науки и культуры) предлагал ему возглавить Отдел пропаганды ЦК КПСС. Однако после совета с Ю. Андроповым и Ф. Кулаковым Горбачёв отказался.

Председатель Госплана Николай Константинович Байбаков предлагал Михаилу Сергеевичу пост зама по вопросам сельского хозяйства. Рассматривалась кандидатура Горбачёва и на пост Генерального прокурора СССР (Н. Зенкевич. Власть. Распри. Подоплёка. С. 391). Но Горбачёв от всех предложений отказывался, как будто предвидя своё будущее.

“Добрая фея” Андропов

Андропов, познакомившись на отдыхе с Горбачёвым, сразу взял его на заметку. Его привлёк артистизм, с которым Михаил Сергеевич выдавал желаемое за действительное и входил в доверие к людям, а также и беспринципность, позволявшая Горбачёву легко менять позицию в зависимости от обстоятельств.

Легостаев в **“Генсеке кровавом”** так писал по этому поводу: *“Будучи опытным контрразведчиком, обладая глубокими навыками в оценке человеческих характеров, Юрий Владимирович, вне всяких сомнений, отметил также для себя примечательные черты личности Горбачёва: патологически честолюбив; умственно неглубок; хвастлив; самонадеян; отъявленный лицемер; лжёт, не краснея; владеет навыками политической демагогии; хорош в компании, на шашлыках; умеет расположить к себе, вызвать на откровенность; легко, без раскаяния, предаёт и продаёт, если ему это выгодно; не имеет стойких политических убеждений”*.

Легостаев считал, что вышеперечисленное плюс слухи о “левых” доходах Михаила Сергеевича давали Андропову *“шанс контролировать поведение бойкого ставропольца в сложных ситуациях”*. Возможно, это и так. Но одно очевидно: Андропов имел на Горбачёва особые виды. Лучше, чем кто-либо другой в Политбюро, шеф КГБ был информирован о назревающей в СССР кризисной ситуации. Юрий Владимирович также знал, что состояние Брежнева после перенесённых им в январе 1976 года инсульта и клинической смерти оставляло желать лучшего.

Понимал Андропов и то, что “старцы” из Политбюро будут “уходить” только на орудийных лафетах и что они костями лягут, но не допустят, чтобы он стал Генеральным секретарём ЦК КПСС. В этой связи председателю КГБ предстояло вести тайную войну за пост Генсека.

В этой войне ему был необходим верный помощник. Но не просто помощник, а человек, способный легко входить в доверие к людям, при необходимости создать группу поддержки в защиту патрона, внести раскол в стан оппонентов, быть его глазами и ушами и в то же время производить впечатление самостоятельно мыслящего политика. Горбачёв на фоне других региональных партийных лидеров представлялся Андропову именно такой фигурой.

В связке с другим верным помощником Андропова – Чазовым – Горбачёв должен был стать мощным средством влияния на политическую ситуацию в Политбюро ЦК КПСС. Поэтому Юрий Владимирович сделал ставку на “ставропольца”. Ему нужна была “надёжная и управляемая” подпорка в Политбюро ЦК. Видимо, другие кандидаты не прошли его кадровое сито. В итоге Андропов стал для Горбачёва второй “доброй феей”. Первой, как говорилось, был Кулаков.

Сегодня можно утверждать, что уверенность Андропова в том, что лишь он способен направить СССР по верному пути, а поэтому он должен возглавить партию и государство, явилась **той пружиной, что выбросила Михаила Сергеевича на самый верх властной пирамиды СССР.**

В 1978 году Андропов начал завершение операции, которую можно назвать **“Горбачёва – в ЦК КПСС”**. По воспоминаниям главного кремлёвского медика Е. Чазова, уже в начале лета того года Андропов сказал ему о Горбачёве следующее: “Вы не ошибаетесь в нём. С ним можно дружить”. И добавил: “Конечно, было бы хорошо, если бы он был в Москве. Но на сегодня я не знаю, как это сделать”.

Но в июле 1978 года, буквально через месяц после разговора Андропова с Чазовым, в Москве образовалась необходимая вакансия под Горбачёва. По официальной версии, “заснул и не проснулся” “крёстный отец” Михаила Сергеевича, секретарь ЦК КПСС Фёдор Давыдович Кулаков.

Одно время он считался ближайшим соратником Брежнева и одним из наиболее реальных претендентов на его место. В 1978 году зарубежная пресса особенно активно прочила Кулакову блестящее будущее. Некоторые исследователи полагают, что это и стало одной из причин безвременной кончины Кулакова. Другие склоняются к мысли, что необходимо было освободить место для Горбачёва.

По поводу перевода Горбачёва на место, освободившееся после смерти Кулакова, на Генсека Брежнева “давил” не только Андропов. Последний сумел убедить в необходимости перевода Горбачёва в ЦК КПСС одного из патриархов Политбюро – министра обороны Дмитрия Фёдоровича Устинова. Впоследствии Горбачёв заявлял, что с Д. Устиновым его связывали не просто близкие, а “душевные отношения”. В решающем для Горбачёва 1978 году мнение Устинова стало очень весомым.

Но главным всё же было “участие” Юрия Владимировича. Именно он 19 сентября 1978 года устроил на вокзале Минеральных Вод встречу-смотрины Михаила Сергеевича. И хотя разговора у Горбачёва с дряхлеющим Генсеком не получилось – Леонид Ильич практически не слушал “ставропольца”, – “добро” на его перевод в ЦК КПСС было получено.

27 ноября 1978 года Пленум ЦК КПСС по предложению Брежнева единогласно избрал Горбачёва секретарём ЦК, курирующим аграрные вопросы. Его ждал кабинет на Старой площади. Вновь невероятное везение. Какие уж тут “забурные” покровители?! Это были самые ревностные защитники социализма – Андропов, Суслов и Устинов. Хочешь не хочешь, а получается, что самой судьбой Союзу ССР было предназначено пройти через “горбачёвщину”.

Кстати, Александр Ильич Агранович, известный советский публицист, в 1970-х годах занимавшийся в “Литературной газете” анализом социально-экономических экспериментов в СССР, так прокомментировал приход Горбачёва: “Мы недавно сделали анализ эффективности вложений в сельское хозяйство; в Ставропольском крае она самая низкая!” Поэтому от перестройки Горбачёва ничего хорошего нельзя было ожидать.

Византийские интриги в Кремле

Необходимо рассказать о мрачной стороне кремлёвских интриг, которые облегчили приход Горбачёва к власти. Речь пойдёт о череде странных смертей престарелых членов Политбюро, которые как бы соревновались в создании ситуации, чтобы молодой партийный лидер взошёл на партийный трон и мог беспрепятственно начать свои губительные эксперименты.

И вновь приходится возвращаться к Андропову. Председатель КГБ понимал, что абсолютное большинство членов Политбюро того времени ни по качеству, ни по профессиональному уровню не были способны своевременно и качественно решать назревающие в стране проблемы. Но он также

хорошо понимал, что кремлёвских старцев, мёртвой хваткой вцепившихся в кресла членов Политбюро, можно убрать разве что “революцией наверху”, что было просто нереально. Более того, для Андропова она была бы бесполезна, так как в то время он **не входил** в число претендентов на высший партийный пост.

Однако считая себя наиболее подготовленным для придания нового ускорения развитию Советского Союза, Андропов начал реализовывать свой план прихода к власти. Он состоял в том, чтобы, с одной стороны, обеспечить нахождение Брежнева на посту Генерального секретаря до того времени, пока у Андропова не появятся реальные шансы самому стать Генсеком, а с другой – обеспечить дискредитацию или устранение других претендентов на этот пост.

Наиболее тесные отношения Андропов в то время наладил с секретарём по оборонным вопросам и членом Политбюро ЦК КПСС Дмитрием Фёдоровичем Устиновым. Полное взаимопонимание Андропова и Устинова установилось в период подготовки к XXV съезду КПСС (проходившему с 24 февраля по 5 марта 1976 года).

На этом съезде Брежнев планировал, в связи с ухудшением здоровья, передать бразды правления первому секретарю Ленинградского обкома КПСС Григорию Васильевичу Романову. Тот имел в партии репутацию честного, некоррупцированного человека, жёсткого, умного технократа, склонного к социальным новациям и экспериментам.

Андропову и Устинову был крайне нежелателен приход молодого Генсека (Романов был младше Андропова на 9 лет, Устинова – на 15 лет, Брежнева – на 17 лет). Для Андропова это означало отказ от своих планов, для Устинова – потерю привилегированного положения в Политбюро. Он имел неограниченное влияние на Брежнева, благодаря чему вопросы повышения обороноспособности страны и, соответственно, сам Устинов всегда были на первом плане. Не случайно он считался главой так называемого “узкого круга” Политбюро, предварительно решавшего все важнейшие вопросы.

Помимо этого, Андропов и Устинов также понимали, что Романов отправит их на пенсию. Поэтому они, при поддержке Суслова, Громыко и Черненко, сумели убедить Брежнева в необходимости остаться на посту Генерального секретаря ЦК КПСС. Эту процедуру убеждения Генсека Андропову и Устинову пришлось в течение последующих 6 лет проделывать неоднократно, постоянно упрочняя своё положение в Политбюро.

В 1976 году серьёзным деструктивным фактором для Андропова и Устинова оказался министр обороны СССР Андрей Антонович Гречко. Тот просто подавлял Брежнева, во время войны служившего под его началом. Гречко был способен заблокировать принятие Брежневым любого решения. Это и не мудрено. Статный красавец маршал, почти двухметрового роста, по призванию был военачальником. На заседаниях Политбюро дело доходило до прямых выпадов Гречко в адрес Генсека, которые тот терпеливо сносил (Зенкович Н. Самые закрытые люди. С. 120).

Прямым проблем с КГБ у Гречко не было. Но он не скрывал своего негативного отношения к разрастанию бюрократических структур Комитета и усилению его влияния. Это породило известную напряжённость в отношениях Гречко с Андроповым, который пытался сделать КГБ максимально самостоятельным.

Ситуацию в Политбюро обостряло то, что секретарь ЦК КПСС по оборонным вопросам Устинов, ещё в июне 1941 года ставший наркомом вооружений РККА, считал себя человеком, сделавшим больше, чем кто-либо, для укрепления обороноспособности страны, и поэтому с трудом делил сферу своего влияния с Гречко.

И вот вечером 26 апреля 1976 года маршал приехал после работы на дачу, лёг спать и **утром не проснулся**. Современники отмечали, что Гречко, не смотря на свои 72 года, во многих вопросах мог дать фору молодым. Но вот...

Считать, что к смерти Гречко причастно ведомство Андропова, было бы проблематично, если бы не одно обстоятельство. Крайне странным является то, что после смерти маршала подобным образом умерли ещё несколько членов Политбюро. В июле 1978 года также во сне, по официальной версии, умер физически крепкий 62-летний секретарь ЦК КПСС Ф. Кулаков. В январе 1982 года **в мир иной во сне** отправился, практически ничем не болевший, второй человек в партии М. Суслов. В ноябре 1982 года **аналогичным образом умер** сам Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. Брежнев.

То, что эти старики могли и должны были рано или поздно умереть, факт. Станным является то, что все они умирали как-то **очень вовремя**. В 1978 году, как уже говорилось, Андропов жаловался Чазову, что не знает, как перевести Горбачёва в Москву. А через месяц “чудесным” образом возникла вакансия: освободилось место Кулакова, секретаря ЦК КПСС по сельхозвопросам, – как раз под Горбачёва.

Летом 1978 года Кулаков, так же, как и Гречко, приехал на дачу, посидел с гостями, отправился спать и **не проснулся**. Люди, близко знавшие его, утверждали, что Кулаков был здоров, как бык, не знал, что такое головная боль или простуда, был неисправимым оптимистом. Станными являются обстоятельства смерти Кулакова. Накануне вечером дачу Кулакова под разными предложениями **покинули** охрана и личный врач, прикрепленные к каждому члену Политбюро. Это наводит на определённые размышления. Ведь не секрет, что кремлёвские врачи курировались Лубянкой и охрана была из КГБ.

Ранее упомянутый В. Казначеев, хорошо знавший семью Кулаковых, в 2009 году озвучил по ТВ любопытный факт. 17 июня 1978 года в полдевятого утра ему, тогда второму секретарю Ставропольского крайкома КПСС, позвонил первый секретарь Горбачёв и без единой ноты сожаления сообщил, что Кулаков умер. Получается, что Горбачёв узнал эту новость практически одновременно с высшим руководством страны. Странная осведомлённость для партийного руководителя одного из заштатных регионов страны (ТВ “Россия”. Курортный роман с властью. 14.09.2009).

Смерть Кулакова породила немало слухов. На дачу, где умер Фёдор Давыдович, приезжал сам Председатель КГБ Андропов. Смерть констатировал лично Чазов. Детальный, но одновременно **путаный** отчёт специальной медицинской комиссии во главе с ним вызвал большие подозрения у специалистов. Станным было и то, что ни Брежнев, ни Косыгин, ни Суслов, ни Черненко не явились на Красную площадь на похороны Кулакова. На похоронах ограничились выступлением с трибуны Мавзолея первого секретаря Ставропольского крайкома партии М. Горбачёва.

Официально ТАСС сообщил, что в ночь с 16 на 17 июня 1978 года Ф. Д. Кулаков *“скончался от острой сердечной недостаточности с внезапной остановкой сердца”*. Одновременно КГБ распространил слухи, что секретарь ЦК КПСС Ф. Кулаков после неудачной попытки захватить власть на античный манер перерезал себе вены. По утверждению В. Болдина, *“Горбачёв рассказывал своим близким, что Кулаков застрелился”* (Зенкович. ЦК закрыт, все ушли... С. 550). Следует добавить, что, хотя зарубежная пресса в 1978 году писала о Кулакове как об одном из самых реальных преемников Брежнева, уже летом того же года он был не у дел.

Завесу таинственной смерти Кулакова приоткрыл бывший Председатель Верховного Совета СССР Лукьянов Анатолий Иванович. С 1985 по 1987 год он работал заведующим Общим отделом ЦК КПСС, в ведении которого был секретный архив Политбюро. 13 марта 2012 года, выступая на семинаре преподавателей истории в Российском государственном торговко-экономическом университете, Анатолий Иванович сообщил, что в архиве он обнаружил информацию о том, что Кулакова обнаружили в постели с простреленной головой (http://izyumov.ru/Vospominaniy_LG/Paralleli_jizn.htm).

Причиной такой смерти, по мнению Лукьянова, видимо, явился разговор Кулакова и Машерова на отдыхе с первым секретарём ЦК Компартии Грузии Эдуардом Шеварднадзе. В ходе разговора Кулаков и Машеров негативно высказались по поводу слабости Брежнева. Шеварднадзе донёс об этом Леониду Ильичу. В итоге Кулаков “не проснулся” в июне 1976 года, а первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Пётр Миронович Машеров был фактически отлучён от ЦК. Его, кандидата в члены Политбюро, нередко стали забывать приглашать на заседания Политбюро, а затем в октябре 1980 года он погиб в крайне странной автокатастрофе.

Не верить А. Лукьянову нет оснований, хотя бывает, что врут и документы из секретных архивов. Но в нашем случае достоверность истории, рассказанной Лукьяновым, подтверждает один факт. На похороны Машерова Брежнев запретил приезжать руководителям Компартий союзных республик. Это было просто просто вопиюще несправедливое решение. Оно подтверждало серьёзную личную обиду Брежнева на Машерова. Этот запрет рисковал нарушить только первый секретарь ЦК Компартии Литвы Гришкявичюс Пятрас Пятрович.

В Литве искренне любили Машерова. Мне запомнилось торжественное заседание в 1980 году, посвящённое 40-летию восстановления советской власти в Литве. Оно проходило в Вильнюсском Дворце спорта, вмещающем более пяти тысяч человек. Когда объявили о том, что выступать будет Пётр Мионович, весь зал встал и, как будто чувствуя, что видит Машерова в последний раз, долго аплодировал, не давая ему начать выступление.

В этой связи несколько слов об этом замечательном человеке. Если бы он возглавил Союз, а он был достоин этого, то сегодня всё было бы иначе. Машерова отличал высокий научно-интеллектуальный уровень. Его доклад на Пленуме ЦК Компартии Белоруссии в 1978 году, в котором он обосновал необходимость развития **социалистической инициативы и предприимчивости**, был, в отличие от вымученных окружением Брежнева понятий “развитый социализм” и “советский народ”, действительно новым словом в области социалистического строительства. Жаль, что об этом незаслуженно забыли.

Но вернусь к кремлёвским старцам. К осени 1981 года состояние здоровья Брежнева ухудшилось. Чазов об этом информировал Андропова, который понял, что основной претендент на пост Генсека должен быть на Старой площади. Возникла традиционная проблема вакансии. И тут вновь крайне своевременно умер второй человек в КПСС М. А. Суслов.

В. Легостаев так рассказывал об этом: “Суслов и на восьмом десятке жаловался по медицинской части разве что на боли в суставах руки. Умер он в январе 1982-го оригинально. В том смысле оригинально, что перед смертью успешно прошёл в ведомстве Чазова плановую диспансеризацию: кровь из вены, кровь из пальца, ЭКГ, велосипед... И всё это, заметьте, на лучшем в СССР оборудовании, под наблюдением лучших кремлёвских врачей. Итог обычный: проблем особых нет, можно на работу. Он позвонил домой дочери, предложил вместе отужинать в больнице, чтобы с утра сразу ехать на службу. За ужином медсестра принесла какие-то таблетки. Выпил. Ночью инсульт.

Примечательно, что Чазов отрапортовал о событии, не дожидаясь, пока Суслов испустит последний вздох. Об этом поведал в своих мемуарах Александров-Агентов, долго работавший у Брежнева помощником по международным вопросам. Он пишет: “В начале 1982 года Леонид Ильич отвлёк меня в дальний угол своей приёмной в ЦК и, понизив голос, сказал: “Мне звонил Чазов. **Суслов скоро умрёт**. Я думаю на его место перевести в ЦК Андропова. Ведь, правда же, Юрка сильнее Черненко – эрудированный, творчески мыслящий человек” (Легостаев. Генсек кровавый).

Несколько иначе описывает смерть Михаила Андреевича Леонид Сумароков, зять Суслова. В статье “Феномен М. А. Суслова. К 30-летию со дня смерти” он пишет: “Вечером 21-го января, в последний день пребывания в лечебном комплексе “Кунцево”, Суслов вместе с дочерью смотрел телевизионную передачу. Скажу так, что имею собственное убеждение по поводу того, что произошло тогда, и соглашусь с полными грустной, не знаю, искренней ли иронии словами члена Политбюро А. Яковлева, что смерть Суслова произошла как-то “очень вовремя”. Приняв “внештатную” таблетку, подсунутую доктором-сотрудником Главного кремлёвского врача Чазова и одновременно, по существовавшему тогда положению, сотрудником КГБ, через час после этого он потерял сознание, в себя уже больше не пришёл и вскоре умер.

... Что касается врача Льва Кумачёва, давшего таблетку, то он при неясных обстоятельствах, будучи в возрасте около 40 лет, вскоре был найден мёртвым (якобы повесился. – **В. Ш.**)”.

В результате Юрий Владимирович Андропов в мае 1982 года вновь стал секретарём ЦК КПСС, но теперь уже вторым человеком в КПСС, заняв, соответственно, кабинет Суслова. Ему оставалось всего пять с половиной месяцев до поста Генерального секретаря ЦК КПСС. Между тем, существует мнение, что переход Андропова в ЦК был осуществлён по инициативе Брежнева, которого стала пугать бесконтрольность и всевластие шефа секретной службы. При этом ссылаются на то, что по настоянию Брежнева вместо Андропова Председателем КГБ СССР был назначен В. Федорчук, председатель КГБ Украины, близкий друг В. Щербицкого, неприязненно относившегося к Андропову.

Бывший первый секретарь Московского горкома партии Виктор Васильевич Гришин в воспоминаниях “**От Хрущёва до Горбачёва**” писал: “В. Федорчук был переведён с должности председателя КГБ Украинской ССР. Наверняка по рекомендации В. В. Щербицкого, наиболее, пожалуй, близкого

человека к Л. И. Брежневу, который, по слухам, хотел на ближайшем Пленуме ЦК рекомендовать Щербицкого Генеральным секретарём ЦК КПСС, а самому перейти на должность Председателя ЦК партии”.

Более определённо об этом рассказывал Иван Васильевич Капитонов, в брежневские времена он был секретарём ЦК КПСС и занимался партийными кадрами: “В середине октября 1982 года Брежнев позвал меня к себе.

– Видишь это кресло? – спросил он, указывая на своё рабочее место. – Через месяц в нём будет сидеть Щербицкий. Все кадровые вопросы решай с учётом этого.

Вскоре на заседании Политбюро было принято решение о созыве Пленума ЦК КПСС. Первым был поставлен вопрос об ускорении научно-технического прогресса. Вторым, закрытым, – организационный вопрос. За несколько дней до пленума Леонид Ильич неожиданно для нас скончался”.

Учитывая вышеизложенное, разговоры о том, что Брежнев видел в Андропове своего преемника, можно считать домыслами. Этот вывод подтверждает и то, что Брежнев был хорошо информирован о неудовлетворительном состоянии здоровья Андропова. Не вызывает сомнений, что своим преемником в то время Брежнев считал первого секретаря ЦК Компартии Украины В. Щербицкого. Видимо, Брежнев согласился держать Андропова “под боком”, в ЦК КПСС, для повседневного контроля. Но Генсек сильно просчитался.

Несколько слов о Щербицком, которого отличал незаурядный природный ум, большое личное обаяние. В отличие от сумрачного, малосимпатичного Андропова, Владимир Васильевич, статный жизнерадостный здоровяк, пользовался большой популярностью в партии и народе.

В 1982 году Владимиру Васильевичу Щербицкому исполнилось 64 года – нормальный возраст для высшего государственного деятеля. К этому времени у него за плечами был огромный опыт политической и хозяйственной работы. Семь лет он был Председателем Совета министров УССР, десять лет – первым секретарём ЦК Компартии Украины, одиннадцать лет – членом Политбюро ЦК КПСС и членом Президиума Верховного Совета СССР. Его отличало умение работать без грубости и окриков, он был убеждённым интернационалистом и непримиримым врагом сторонников “самостийности” Украины. Вот на него и решил сделать ставку Брежнев.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. Брежнев в конце 70-х – начале 80-х годов не отличался крепким здоровьем. Ощущение дряхлости создали затруднённая речь и склеротическая забывчивость (что стало темой многих анекдотов). Однако даже обычные старики (то есть без кремлёвского ухода) в состоянии глубокого склероза нередко живут очень долго. Можно ли считать естественной смерть Брежнева, последовавшую в ночь с 9 на 10 ноября 1982 года? Хотя, казалось, всё говорило о естественном уходе престарелого Генсека.

Сведения о состоянии здоровья Брежнева были самые противоречивые. Тем не менее, после травмы (перелом правой ключицы), полученной Брежневым в марте 1982 года во время посещения Ташкентского авиастроительного завода, он держался достаточно бодро.

После принятия решения о Щербицком как преемнике Брежнев решил заручиться поддержкой Андропова, чтобы на Пленуме не возникли разногласия по кандидатуре будущего Генсека. По этому поводу он пригласил к себе Юрия Владимировича на 12 часов 9 ноября 1982 года.

В. Легостаев в статье **“Как умер Брежнев?”** описал день, предшествовавший смерти Брежнева (“Завтра”, № 44/205 от 04.11.1997 г.): “В тот день дежурным секретарём в приёмной генсека работал Олег Захаров, с которым у меня, автора настоящих строк, были давние дружеские отношения... Утром 9 ноября из Завидова ему позвонил Медведев, который сообщил, что Генсек приедет в Кремль в районе 12 часов и просит пригласить к этому времени Андропова. Что и было сделано.

Брежнев прибыл в Кремль примерно в 12 часов дня в хорошем настроении, отдохнувшим от праздничной суеты. Как всегда, приветливо поздоровался, пошутил и тут же пригласил Андропова в кабинет. Они долго беседовали, судя по всему, встреча носила обычный деловой характер. У меня нет ни малейших сомнений в том, что Захаров точно зафиксировал факт последней продолжительной встречи Брежнева и Андропова”.

Однако после этого разговора в ночь с 9 на 10 ноября Брежнев во сне, так же, как Гречко, Кулаков и Сулов, тихо умер. И вновь эту смерть сопровож-

дал ряд странностей. Прежде всего, вновь, как в ситуации с Кулаковым, на брежневской даче в ночь смерти Генсека не было ни одного медицинского работника, хотя до того, куда бы Брежнев ни ехал, в кортеже следовала машина реанимации с полным штатом положенного для крайних случаев персонала, а на даче всегда дежурил врач.

Начальник личной охраны Генсека В. Медведев в книге **“Человек за спиной”** писал, как он вместе с дежурным сотрудником охраны безуспешно пытался делать Брежневу искусственное дыхание. Больше помочь было некому. Через некоторое время явился главный кремлёвский медик **Чазов** и засвидетельствовал смерть. Возникает вопрос. Почему главный медик не привёз с собой реанимационную бригаду, когда получил сообщение о случившемся с Брежневым? Ведь в 1976 году реаниматорам удалось вернуть Брежнева из состояния клинической смерти.

Вызывают удивление явные неточности, которые присутствуют в книге Е. Чазова **“Здоровье и власть”**. Там он заявляет, что сообщение о смерти Брежнева было получено им по телефону **в 8 часов** утра 10 ноября. Однако В. Медведев в книге **“Человек за спиной”** сообщает, что в спальню Генсека он и дежурный Собаченков вошли только около **девяти часов**. И только тогда выяснилось, что Леонид Ильич умер.

Далее Чазов утверждает, что после него на дачу Брежнева приехал Андропов. Однако жена Брежнева Виктория Петровна сообщила, что Андропов появился **ещё до** приезда Чазова, сразу же после того, как стало ясно, что Брежнев мёртв. Никому не говоря ни слова, **он прошёл в спальню, взял там небольшой чёрный чемодан и уехал**. А затем официально явился во второй раз, как будто здесь и не был. На вопрос о том, что было в чемодане, Виктория Петровна ответить не могла, хотя Леонид Ильич ей как-то сказал, что в нём **“компромат на всех членов Политбюро”**. Но говорил это со смехом, как бы шутя.

Зять Брежнева Юрий Чурбанов подтвердил, что *“Виктория Петровна сказала, что уже приезжал Андропов и взял портфель, который Леонид Ильич держал в своей спальне. Это был особо охраняемый “бронированный” портфель со сложными шифрами. Что там было, я не знаю. Он доверялся только одному из телохранителей, начальнику смены, который везде его возил за Леонидом Ильичом. Забрал и уехал”*. После Андропова, по словам Чурбанова, прибыл Чазов и зафиксировал смерть Генсека.

Более подробно об обстоятельствах смерти Брежнева и других советских политических деятелей можно прочитать в газете **“Досье гласности”**, издаваемой Юрием Петровичем Изюмовым, бывшим помощником первого секретаря Московского ГК КПСС В. Гришина (*“Как умер Брежнев”*. № 4, 2000).

Считать, как утверждают некоторые исследователи, что вся вышеперечисленная вереница смертей была осуществлена в целях продвижения Горбачёва, просто нелепо. Главным действующим лицом тогда **был Андропов**, стремившийся стать Генсеком. Кстати, многие исследователи недоумевают, как Андропову, которого большинство членов Политбюро недолюбливало, 12 ноября 1982 года удалось практически беспрепятственно быть рекомендованным тем же Политбюро на пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Видимо, роль в этом сыграл компромат из *“бронированного портфеля”* Леонида Ильича.

При анализе загадочных и странных смертей в высшем эшелоне власти СССР нельзя сбрасывать со счетов и западные спецслужбы, которые пытались в силу возможностей устранить или нейтрализовать апологетов социалистического строя. Не случайно статьи западной прессы, в которых восхвалялись Романов, Кулаков, Машеров как претенденты на пост Генерального секретаря ЦК КПСС, явились как бы неким импульсом для их устранения.

Учитывая, что доказательства о непосредственной причастности КГБ к этим странным смертям отсутствуют и вряд ли когда-нибудь будут обнаружены, можно лишь гипотетически рассуждать о роли Андропова в борьбе за власть, хотя ситуация с обстоятельствами смерти Брежнева и изъятием его бронированного портфеля заставляет задуматься.

Видимо, к 1976 году — году начала смертей кремлёвских деятелей — за 9 лет работы в КГБ Андропов стал не только оперировать понятиями спецслужб, но и действовать с их позиций. Для спецслужб любой страны человеческая жизнь сама по себе не является ценностью. Ценность человека, попавшего в их поле зрения, определяется лишь тем, способствует ли он достижению поставленной цели или мешает. Отсюда прагматический подход: **всё, что**

мешает, должно быть устранено. Никаких эмоций, ничего личного, только расчёт, в противном случае спецслужбы никогда не решали бы поставленных перед ними задач.

Предвижу возражение: в отношении партийных работников высокого ранга, особенно кандидатов и членов Политбюро ЦК КПСС, возможности КГБ были ограниченными. Ещё в годы правления Хрущёва номенклатурные работники были выведены из-под оперативного наблюдения КГБ.

В то же время многие члены Политбюро брежневского периода вспоминали, что внимание КГБ они чувствовали повседневно. Известно, что тот же Кулаков предпочитал беседовать на важные темы только в ванной комнате при открытом водяном кране. Да и сам Андропов говорил, что у него на “прослушке” кремлёвских деятелей сидят молодые девушки, которые нередко слышат такое...

Возможности Андропова в отношении контроля за высшей партийной элитой многократно возросли после того, как он сумел привлечь на свою сторону начальника 4-го Главного управления Минздрава СССР Чазова. Андропов и Чазов были назначены на свои должности почти одновременно, в 1967 году. Между ними сложились очень близкие, если можно так выразиться, отношения. Это неоднократно подчёркивает Чазов в своих воспоминаниях.

Андропов и Чазов регулярно встречались. По утверждению Легостаева, их тайные встречи происходили либо по субботам в рабочем кабинете председателя КГБ на пл. Дзержинского, либо на его конспиративной квартире на Садовом кольце, недалеко от Театра сатиры. Темой разговоров Андропова и Чазова являлось состояние здоровья высших партийных и государственных деятелей СССР, и, соответственно, расстановка сил в Политбюро и возможные кадровые перестановки.

Известно, как внимательно относятся к советам лечащего врача старики. Члены Политбюро, да и сам Генеральный секретарь ЦК КПСС, — это были обыкновенные люди. Откровенность высокопоставленных престарелых пациентов также была достаточно высокой. Ну, о возможностях врачей влиять на физиологическое и психологическое состояние таких пациентов говорить не приходится.

К этому следует добавить ставшее известным выражение Чазова, в котором он сравнил Андропова с известным итальянским политическим мыслителем средневековья Макиавелли, являвшимся сторонником сильной государственной власти. Ради упрочения государства Макиавелли считал допустимыми любые средства. Отсюда термин “макиавеллизм” для определения политики, пренебрегающей нормами морали. Видимо, у Чазова, как ни у кого другого, **были основания считать Андропова подобным Макиавелли.**

В этой связи следует рассказать историю, которую излагает в книге **“Временщики. Судьба национальной России. Её друзья и враги”** известный советский штангист, олимпийский чемпион, впоследствии талантливый писатель Юрий Петрович Власов. Он приводит уникальнейшее свидетельство провизора кремлёвской аптеки, составлявшего лекарства для пациентов кремлёвской больницы.

Тот сообщил Власову, что в советские времена в аптеку нередко приезжал скромный, незаметный человек. По словам провизора, он был из КГБ СССР. Просматривал рецепты и, протягивая свою, принесённую упаковочку с лекарствами, советовал: *“Вот этому больному добавьте в порошок (таблетку, микстуру и т. д.)”*. Там всё уже было дозировано. Это не были ядовитые препараты. Эти добавки просто усугубляли болезнь пациента, и через какое-то время он умирал естественной смертью. Но это была так называемая **“программируемая смерть”** (Власов Ю. П. Временщики... М., Алгоритм, 2005. С. 87).

Вероятнее всего, человек, приходивший к провизору, действительно был из КГБ. Однако кто его направлял и давал задания, трудно сказать. Возможно, что кто-то “наверху”, борясь за власть, расчищал себе путь. Но установить, работал ли хозяин “человека из КГБ” на себя или на кого-то другого, возможно, даже на ЦРУ, невозможно. Тайная смертельная борьба в высших эшелонах за власть была весьма удобным прикрытием для вмешательства внешних спецслужб. Известно, что в КГБ не только Калугин и Гордиевский работали на Запад.

Власов, с которым считали за честь общаться многие уважаемые советские люди, в том числе Юрий Гагарин, Алексей Косыгин, маршалы Радион Малиновский и Семён Будённый, писал, что *“он слышал своими ушами от человека из самого близкого окружения Андропова о горьких признаниях “шефа” в том, что КГБ основательно засорён американской агентурой”* (Власов. Временщики... С. 86).

Информация о старом провизоре, изложенная в книге Власова, заслуживает доверия хотя бы потому, что Юрий Петрович известен как человек, олицетворяющий совесть России. Но не будем использовать это свидетельство как подтверждение “античеловечности” советского режима. Борьба за власть “до гробовой доски” характерна и для западных демократий.

Например, до сих пор является загадкой внезапная смерть в апреле 1945 года президента США Франклина Д. Рузвельта. Официальная причина – кровоизлияние в мозг. Однако личный врач президента Мак-Интайр утверждал, что регулярные осмотры президента никаких признаков склероза мозговых артерий не показывали. Помимо этого, существуют свидетельства, что Рузвельта похоронили без вскрытия и похороны проводились в закрытом гробу. Семье, настаивавшей на эксгумации тела Рузвельта, неоднократно отказывалось без объяснения причин.

Известно, что смерть Рузвельта была нужна группе американских олигархов, которые поддерживали Гарри Трумэна, ставшего после Рузвельта президентом. Причём Трумэн мгновенно изменил политическую линию США в отношении СССР на 180 градусов. Остаётся лишь делать соответствующие выводы.

А как расценивать странное убийство в 1964 году президента США Джона Кеннеди, за которым потянулся шлейф из 74 убитых свидетелей? Между тем, более чем очевидно, что одним из руководителей заговора против Кеннеди являлся вице-президент Линдон Джонсон.

Но продолжу рассказ о странных смертях политических деятелей, следовавших уже в черненкоковский период. Можно было бы полагать, что и к этим смертям причастно КГБ. Но они произошли уже после смерти Андропова. Так, 20 декабря 1984 года **внезапная смерть** настигла министра обороны Д. Устинова. В книге **“Здоровье и власть”** Е. Чазов пишет, что **“сама смерть Устинова была в определённой степени нелепой и оставила много вопросов в отношении причин и характера заболевания”**.

Получается, что кремлёвские медики так и не установили, от чего умер Устинов? Известно, что смерть Устинова была крайне невыгодна Горбачёву. В Политбюро тот был главным защитником Михаила Сергеевича. Заболел Устинов после проведения совместных учений советских и чехословацких войск на территории Чехословакии.

Чазов отмечает **“удивительное совпадение: приблизительно в то же время, с такой же клинической картиной заболевает и генерал Дзур”**, тогдашний министр обороны Чехословакии, проводивший вместе с Устиновым учения. Причина смерти Дмитрия Устинова и Мартина Дзура – **“острая сердечная недостаточность”**. Далее, по **этой же причине** в течение 1985 года умерли ещё два генерала – Гейнц Гофман, министр национальной обороны ГДР, и Иштван Олах, министр обороны Венгерской Народной Республики.

С учётом вышеизложенного, свидетельство старого провизора, видимо, следует принимать как достаточно весомое свидетельство о методах борьбы за власть, происходившей на кремлёвском Олимпе. Горбачёв в то время мог участвовать в ней лишь косвенно, в качестве помощника Андропова.

Схватка за партийный “трон”

После смерти Брежнева ноябре 1982 года во главе партии и государства встал Юрий Владимирович Андропов, один из членов негласного триумвирата Политбюро. Период Андропова был для Горбачёва временем больших надежд. “Вторым” человеком в Политбюро тогда формально считался Константин Устинович Черненко, но Андропов сделал Горбачёва **реальным** “вторым”, поручив ему вести заседания Секретариата ЦК КПСС.

Помимо Андропова, Михаила Сергеевича “опекал” другой член триумвирата – могущественный министр обороны Дмитрий Фёдорович Устинов. Третий новый член триумвирата (после смерти Суслова) – министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко – относился к Горбачёву безразлично, но с определённой долей скепсиса.

После смерти Андропова в феврале 1984 года для Горбачёва наступили тяжёлые времена. Он из почти официально объявленного преемника Генсека оказался разжалованным в рядовые члены Политбюро. На первом же заседании Политбюро (23 февраля 1984 года) после избрания Черненко Генсеком, Председатель Совета Министров СССР Н. Тихонов возразил против предложения, чтобы Горбачёв вёл заседания Секретариата, а в отсутствие Генсека – и заседания Политбюро. Его молчаливо поддержал Черненко, который Горбачёва недолюбливал.

Спорный вопрос был решён только после вмешательства Устинова, который заставил Черненко подтвердить за Горбачёвым право вести Секретариат. Но официальное решение Политбюро по этому поводу не принимало, и Константин Устинович не позволил Горбачёву занять кабинет Сулова.

При этом, как известно, Черненко тогда же дал негласное согласие на проверку ставропольского периода работы Горбачёва. Как утверждал В. Легостаев в статье **“Целлулоид ГКЧП”**: *“По слухам, быстро нарыли материалов, имеющих хорошую судебную перспективу”*. Однако в связи с болезнью Черненко и последующей его смертью дело ход не получило.

Черненко не хотел идти на открытый конфликт с Горбачёвым, так как это означало конфликт с Устиновым. Но в Политбюро контрнаступление на Горбачёва продолжалось. Его возглавил Председатель Совета Министров СССР Н. Тихонов, которого поддерживали В. Гришин, Г. Романов, В. Долгих и М. Зимянин.

Помимо этого, крайне неприязненно к Горбачёву относился первый секретарь ЦК Компартии Украины и весьма влиятельный член Политбюро В. Щербицкий, который, как говорилось, был наиболее вероятным кандидатом на пост Генсека после смерти Брежнева. Негативно к Горбачёву относился и другой член Политбюро – первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Динмухамед Ахмедович Кунаев. Он именовал Горбачёва “этот молодой человек”. Кунаев, бывая в Москве, никогда не звонил ему и не заходил.

Как видим, в Политбюро у Горбачёва была серьёзная оппозиция. Но и Михаил Сергеевич стремился укреплять свои позиции. Этому во многом способствовало обновление кадров в Политбюро и ЦК КПСС, осуществлённое Андроповым. Секретарём ЦК КПСС тогда был избран зампред Председателя Госплана Николай Иванович Рыжков. Заведующим ключевым отделом ЦК КПСС – организационно-партийной работы – был назначен первый секретарь Томского обкома партии Егор Кузьмич Лигачёв. На должность заведующего другим важным отделом – науки и учебных заведений – пришёл ректор Академии общественных наук Вадим Андреевич Медведев.

Председателем КГБ СССР вместо Федорчука Андропов назначил своего бывшего зама Виктора Михайловича Чебрикова. Председателем Совета Министров РСФСР стал первый секретарь Краснодарского крайкома партии Виталий Иванович Воротников. Первым заместителем Председателя Совета Министров СССР был назначен первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Гейдар Алиевич Алиев, который, правда, к Горбачёву относился холодно.

Важнейшей задачей, которую должен был решать Горбачёв в черненко-ский период, была нейтрализация возможных претендентов на пост Генсека. Таких в Политбюро было четверо: Громыко, Гришин, Щербицкий и Романов.

Впервые 73-летний министр иностранных дел СССР Громыко заявил о своих притязаниях на пост главы партии после смерти Сулова. Тогда в телефонном разговоре с Андроповым он пытался прозондировать позицию Юрия Владимировича относительно своего перемещения на позицию “второго” вместо Сулова. Громыко прекрасно знал, что у “второго” всегда максимальные шансы стать “первым”. Но Андропов сдержанно ответил, что решение этого вопроса – это компетенция Брежнева.

Став Генеральным секретарём, Андропов, чтобы как-то успокоить Громыко, сделал его первым заместителем Председателя Совета Министров СССР. Бывший председатель КГБ В. Крючков в книге **“Личное дело...”** привёл свой разговор с Громыко, состоявшийся в январе 1988 года. Андрей Андреевич тогда ему сказал, что в 1985 году после смерти Черненко товарищи из Политбюро предлагали ему занять пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Но Громыко отказался, однако потом, отмечая опасные процессы, начавшиеся в государстве при Горбачёве, с сожалением заметил: *“Может быть, это было моей ошибкой”*.

Амбициозные планы 70-летнего первого секретаря Московского горкома партии Виктора Васильевича Гришина, несмотря на скандал со взятками в торговле (дело директора Елисеевского магазина Соколова), также не были тайной. 66-летний Владимир Васильевич Щербицкий в этот период никакой активности не проявлял, но его дыхание в гонке за пост Генсека ощущал каждый претендент.

Наиболее явным кандидатом на пост Генсека являлся секретарь ЦК КПСС по оборонным вопросам, 61-летний Григорий Васильевич Романов. Он числился в преемниках Брежнева ещё с 1976 года. Но тогда его остановила злобная сплетня о свадьбе его дочери, которая якобы состоялась в Таврическом дворце, и на ней была посуда из Эрмитажа. К 1984 году эта скандальная история, выдуманная в КГБ, подзабылась.

Романов уже был секретарем ЦК КПСС и имел все шансы занять пост Генерального секретаря. Он был хорошо подготовлен в профессиональном плане, обладал организационными способностями, умел доводить порученное дело до конца. Но многих в Политбюро и ЦК пугали его жёсткость и требовательность. Тем не менее, позиции у Романова в черненковский период были не менее сильные, нежели у 53-летнего Горбачёва.

На октябрьском (1984) Пленуме ЦК КПСС Романов появился в президиуме рядом с Генсеком Черненко. На последовавших после Пленума переговорах с делегацией Монголии он также сидел рядом с Черненко и фактически вёл переговоры. Однако вдруг Романов в “гонке” претендентов отошёл на второй план. Утверждают, что он неожиданно сделал ставку на первого секретаря Московского горкома партии В. Гришина.

Трудно сказать, насколько это близко к истине, но в период предвыборной кампании в Верховный Совет СССР (выборы состоялись 24 февраля 1985 года) рядом с немощным Черненко на телеэкранах стал регулярно появляться Гришин. За рубежом сразу сделали вывод, что “следующий промежуточно-компромиссной фигурой на вершине кремлёвского Олимпа станет Гришин”. Версия о том, что Черненко видел своим преемником Гришина, вполне реальна.

Удивительно другое. Романов в конце февраля 1985 года в самый разгар борьбы за пост Генсека, когда Черненко доживал последние дни, решил слетать в Литву отдохнуть. Разумно объяснить этот поступок пока не сумел ни один исследователь. Дело в том, что дача Политбюро находилась на Куршской косе рядом с посёлком Нида. До Клайпедской паромной переправы предстояло ехать 60 км по узкой извилистой дороге. После парома до аэропорта г. Паланги (курорт в Литве) – ещё 20 км. На это требовалось немало времени. Если же возникали проблемы с паромом, то можно было и вовсе застрять на косе. Правда, существовал вертолёт, но ранней весной Балтику так штормит, что вертолёт бывал опасен.

Черненко скончался 10 марта 1985 года в 19 часов 20 минут. Романов, вероятно, получил известие о смерти Генсека достаточно оперативно и принял решение немедленно лететь в Москву. Его вылет в Москву пытались задержать из-за крайне плохой погоды, но Романову удалось убедить экипаж лететь. Во время взлёта сильный порыв ветра едва не сбросил самолёт в море. От катастрофы его отделяли метры и мгновения, но пилот сумел выправить самолёт.

Об этом мне в те годы рассказывал тогдашний первый секретарь Клайпедского горкома Компартии Литвы Чесловас Шлижюс, провожавший Романова в Палангском аэропорту. Ясно, что Романов, рискуя жизнью, стремился в Москву отнюдь не для того, чтобы поддержать кандидатуру Горбачёва. Кстати, я впоследствии встречал сотрудника Палангского аэропорта, который полностью подтвердил слова Шлижюса.

Таинственные заседания Политбюро

До сих пор загадкой остаётся количество заседаний Политбюро, состоявшихся после смерти Черненко. Интриги добавляет поведение Романова. Согласно официальному протоколу заседания Политбюро, он безоговорочно поддержал Горбачёва.

Официально считается, что заседание Политбюро ЦК КПСС, посвящённое выдвижению кандидатуры нового лидера КПСС, началось **в 14.00 часов 11 марта 1985 года**. Однако существуют свидетельства того, что первое срочное заседание Политбюро состоялось уже через 2 часа 40 минут после смерти

Черненко, то есть в **22 часа 10 марта 1985 года**. Это время называет Николай Иванович Рыжков, в то время секретарь ЦК КПСС и участник этого заседания. Оно было созвано по инициативе Горбачёва.

О том, что происходило на этом, **первом** заседании, однозначных сведений нет. По свидетельству генерала Михаила Докучаева, заместителя начальника 9-го управления КГБ, обеспечивавшего безопасность высших партийных и государственных советских деятелей, первым на заседании выступил Романов. Он сослался на завещание Черненко и предложил кандидатуру Гришина. Против этого возразил Громыко, который заявил, что хватит нам гробы носить, и настоял на кандидатуре Горбачёва. Это предложение прошло большинством **в один голос**.

О реальности подобного развития событий свидетельствует то, что ближайший сподвижник Горбачёва А. Яковлев писал в воспоминаниях, что **“ближайшее окружение Черненко уже готовило речи и политическую программу для Гришина”**. Якобы был даже составлен список нового Политбюро, в котором Горбачёв не фигурировал.

Существует также версия о том, что споры в Политбюро возникли ещё на стадии обсуждения кандидатуры председателя комиссии по организации похорон Черненко. По традиции этот человек и становился следующим Генсеком. Якобы Гришин предложил кандидатуру Тихонова. Большинство поддержало предложение Гришина, однако вмешался Громыко и предложил Горбачёва. В конце концов, Андрею Андреевичу удалось переубедить коллег в пользу Горбачёва.

Однако существует и ещё одна версия, по которой на пост Генсека сразу же был предложен Гришин. Но этому воспротивился председатель КГБ Чебриков. После дебатов Гришин взял самоотвод, но взамен предложил Романова. Однако вспомнили, что Николай II тоже был Романов, и народ может не понять. Тут поднялся Громыко, который убедил всех, что, кроме Горбачёва, кандидатуры нет. Так и был решён вопрос о Генсеке.

Полагаю, что каждая версия имеет право на существование. Не верится, чтобы такой сложный вопрос, при том раскладе сил, который сложился при Черненко, решился так просто и однозначно, как об этом пишет Горбачёв и его сторонники. Не вызывает сомнений, что в марте 1985 года состоялось несколько заседаний Политбюро, в том числе и “узкого круга” Политбюро по поводу кандидатуры будущего Генсека. И только после того, как соперники использовали все аргументы и домашние “заготовки”, когда стало ясно, чья сторона берёт верх, все решили “сдаться” на милость победителя.

Основными факторами, обеспечившими победу Михаилу Сергеевичу, явились его относительная молодость и приспособленческая позиция. Вновь, как и в ситуации с избранием Черненко, члены Политбюро предпочли сделать ставку на **наиболее удобного** кандидата. В итоге прозвучали единодушные возгласы в поддержку Горбачёва, которые и нашли отражение в окончательном варианте протокола.

Сомнения в версии о безальтернативном избрании Горбачёва укрепляют противоречия и нестыковки, содержащиеся в официальном протоколе заседания Политбюро от 11 марта 1985 года. Анализ содержания этого протокола был осуществлён бывшим сотрудником ЦК КПСС, публицистом Николаем Зенковичем. Он выяснил, что Горбачёв, подводя итоги обсуждения первого вопроса по поводу кандидатуры Генсека, заметил, что Пленум ЦК КПСС, на котором должен был избираться глава партии, состоится **через 30 минут**. В этом случае, если исходить из протокола и “единодушной” поддержки членами Политбюро кандидатуры Горбачёва, рассмотрение первого вопроса длилось не более 30 минут. То есть Пленум должен был начаться максимум **в 15.00 часов, так как заседание Политбюро началось в 14.00 часов**.

Однако в протоколе время начала Пленума определено на **17.00 час**. Это свидетельствует о том, что обсуждение первого вопроса длилось не полчаса, а **два с половиной часа**. Тут уж трудно говорить о первоначальной единодушной поддержке кандидатуры Горбачёва, как это отражено в протоколе.

При обсуждении третьего вопроса вновь налицо нестыковки. На Политбюро было решено сообщить советскому народу о смерти Черненко по радио и телевидению **11 марта в 14.00 часов**. Но ведь само решение, если верить протоколу, было принято **в 16 часов 30 минут 11 марта**. Ясно, что протокол фиксировал не реальный, а скорректированный ход заседания Политбюро.

Согласно официальному протоколу, все члены Политбюро якобы единодушно высказались за Горбачёва. Из всех хвалебных отзывов о кандидатуре Горбачёва, зафиксированных в протоколе, я приведу лишь один.

Его высказал кандидат в члены ПБ, председатель КГБ СССР Виктор Михайлович Чебриков. Его выступление в поддержку Горбачёва можно расценивать как некое давление на членов Политбюро: *“Идея сегодня на Пленум, я, конечно, посоветовался с моими товарищами по работе... С учётом всех этих обстоятельств чекисты поручили мне назвать кандидатуру тов<арища> Горбачёва М. С. на пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Вы понимаете, что голос чекистов, голос нашего актива – это и голос народа”*. Члены Политбюро намёк Чебрикова поняли и поддержали кандидатуру Горбачёва.

Эту кандидатуру было решено внести на рассмотрение Пленума ЦК КПСС, который начался 11 марта 1985 года в 17.00 часов. Андрей Андреевич Громыко, по поручению Политбюро, предложил кандидатуру Горбачёва на пост Генсека. Приведу некоторые выражения Громыко, дабы показать, как ради поста Председателя Президиума ВС СССР даже неподкупный советский политик запел осанну недостойному претенденту на пост Генсека.

Андрей Андреевич особо подчеркнул, что Горбачёв *“показал себя блестяще, без всякого преувеличения”* во время *“испытательного срока”*, председательствуя не только в Секретариате ЦК, но, из-за болезни Черненко, и на заседаниях Политбюро. Громыко также отметил, что Михаилу Сергеевичу присуще *“умение видеть главные звенья и подчинять им второстепенные. Это умение – достоинство, и большое достоинство. Так что вывод, который сделало Политбюро, – правильный вывод. В лице Михаила Сергеевича Горбачёва мы имеем деятеля широкого масштаба, деятеля выдающегося, который с достоинством будет занимать пост генерального секретаря ЦК КПСС”*.

Авторитет Громыко в то время был непререкаем для членов ЦК КПСС. Михаил Сергеевич был единодушно, без какой бы то ни было дискуссии, избран Генеральным секретарём ЦК КПСС. Известно, что впоследствии Громыко сильно сожалел о своей кадровой ошибке. Понаблюдав деятельность Горбачёва на посту Генсека, Андрей Андреевич с горечью признал, что тот в политике просто *“звонко, а не мужчина!”* А позже добавил: *“Не по Сеньке оказалась шапка государева, не по Сеньке!”* К сожалению, “прозрел” Громыко слишком поздно.

Благими намерениями...

Успех избрания Горбачёва Генсеком ЦК КПСС, прежде всего, был предопределён невероятной оперативностью, с которой Михаил Сергеевич и его сторонники провели заседания Политбюро и Пленум ЦК КПСС. Оппоненты и опомниться не успели, а Горбачёв **спустя всего 22 часа** после смерти Черненко занял его место. Такого в истории КПСС и СССР ещё не было. Впоследствии “помощники”, обеспечившие приход Горбачёва к власти, объясняли свою позицию тем, что, мол, надоело гробы со старцами таскать. Между тем известно, что благими намерениями дорога в ад вымощена.

Перечислю тех, кто сыграл решающую роль в избрании Горбачёва Генеральным секретарём ЦК КПСС. Это начальник 4-го Главного управления Минздрава СССР Е. Чазов, секретарь ЦК КПСС Е. Лигачёв, министр иностранных дел СССР А. Громыко и председатель КГБ СССР В. Чебриков.

В своей книге **“Рок”** Е. Чазов заявил, что Черненко, даже став Генеральным секретарём, не догадывался о его дружеских отношениях с Горбачёвым. Известно, что, благодаря своевременной информации Чазова о состоянии здоровья Черненко, горбачёвцы сумели обеспечить прибытие в Москву уже днём 11 марта целого ряда членов ЦК из дальних регионов страны.

В результате Пленум ЦК КПСС смог начать работу спустя всего **21 час и 40 минут** после смерти К. Черненко. Такая оперативность могла быть обеспечена только в случае надёжного предсказания даты и времени смерти Генсека. Но самое главное, смерть Черненко наступила опять-таки очень **вовремя**.

В это время один из реальных претендентов на пост Генсека – В. Щербицкий – по инициативе Громыко был направлен с официальным визитом в США. Позиция Владимира Васильевича на Политбюро могла объединить противников Горбачёва. По утверждению Я. Рябова, тогдашнего заместителя Председателя Совета Министров СССР, самолёт, на котором Щербицкий возвращался

в Москву, был специально задержан в аэропорту Нью-Йорка. В результате Владимир Васильевич не успел на заседание Политбюро. Весть об избрании Горбачёва Генсеком Щербицкий получил на борту самолёта.

Бывший зав. Общим отделом ЦК КПСС В. Болдин в интервью газете **“Коммерсантъ-Власть”** (15.05.2001) заявил, что задержку рейса Щербицкого в аэропорту Нью-Йорка *“организовали ребята Чебрикова из КГБ. Труднее было провести его избрание на пленуме ЦК. У меня были доверительные отношения с секретарями обкомов, и они говорили откровенно, что знают о Горбачёве мало, а то, что знают, – так не приведи Господи. Но всё-таки было понимание и того, что нельзя избирать Генсеком четвёртого старика подряд”!*

Огромную работу по продвижению кандидатуры Горбачёва на пост Генсека провёл заведующий Отделом организационно-партийной работы и секретарь ЦК КПСС Е. Лигачёв. К моменту проведения Пленума ЦК КПСС он сумел заменить 70% первых секретарей обкомов и крайкомов своими людьми, готовыми выполнить любое его указание. Тот же Болдин говорил, что Лигачёв *“обзванивал ночью перед пленумом секретарей обкомов. Но важнее было другое. За Горбачёва был аппарат ЦК. И значит, на места первой поступила информация в нужном для Горбачёва ключе. Тут ведь действует какое правило? Кто первый вложил в нужное ухо информацию, тот и прав. Шифровальный аппарат был только у ЦК”.*

Кстати, В. Гришин, бывший первый секретарь Московского ГК КПСС, в воспоминаниях **“От Хрущёва до Горбачёва”** заметил: *“Никто не принёс партии столько вреда, сколько Лигачёв”.* Мне лишь однажды довелось наблюдать, как Е. Лигачёв решал проблемы. Дело было в период, когда в Союзе сложилось крайне сложная ситуация с подвижным железнодорожным составом.

Проблема во многом возникла по причине плохого состояния и неразвитости подъездных железнодорожных путей на предприятиях, использовавших ж/д транспорт. Ситуацию также усугубляло неудовлетворительное состояние погрузочно-разгрузочных механизмов на этих предприятиях. В результате ж/д транспорт неоправданно долго задерживался на подъездных путях.

Меня как секретаря райкома, занимавшегося экономикой крупнейшего в Литве промышленного района (10% промышленности республики и 20% – строительства), пригласили в селекторную ж/д **“Вильнюс”** на всесоюзную оперативку.

К сожалению, никакого анализа сложившейся ситуации и предложений по выходу из неё от Егора Кузьмича не прозвучало. Всё свелось к угрозам и требованиям. Литовские руководители сидели молча, лишь переглядываясь. После завершения оперативки один из директоров, мой хороший знакомый, подошёл ко мне и сказал: **“Вот видишь, Владиславас, как Москва пилит сук, на котором сидит”.** Этим было сказано всё.

Но вернуться к заседанию Политбюро. Решающее значение для избрания Горбачёва имела позиция старейшего и уважаемого члена Политбюро А. Громыко. Вероятно, к 1985 году Андрея Андреевича стали обуревать мысли о том, чем закончится его почти полувековое служение Отечеству: скромными похоронами рядового советского пенсионера или помпезной церемонией у Кремлёвской стены.

Как говорилось, попытка Громыко после смерти Сулова прорваться на партийный Олимп закончилась неудачей. Пытаться осуществить это ещё раз после смерти Черненко было практически бессмысленно. К Горбачёву Громыко относился долгое время достаточно безразлично. Но буквально за неделю до Пленума он негативно отозвался о Горбачёве. И вдруг такая метаморфоза. Чем же она была вызвана?

Как выяснилось, используя момент, Громыко постарался решить свои властные притязания. Накануне смерти Черненко Андрей Андреевич поручил своему сыну Анатолию связаться с Александром Николаевичем Яковлевым, известным своими неформальными контактами с Горбачёвым, на предмет получения им поста Председателя Президиума ВС СССР в обмен на выдвижение Горбачёва на пост Генсека. В результате переговоров Горбачёв согласился с предложением Громыко.

Вот так министр иностранных дел СССР Громыко в течение десятилетий (36 лет в составе ЦК, из них 15 – в Политбюро), непреклонно отстаивавший на международной арене государственные интересы, на склоне жизни поступил этими интересами во имя личных. В июле 1985 года он получил пост Председателя Президиума ВС СССР.

Особо отмечу, что персона Михаила Сергеевича после его прихода в ЦК КПСС была в центре внимания не только западных политиков, но и спецслужб. О том, что досье на Горбачёва в Госдепе США и ЦРУ было достаточно полным и объёмным, говорит тот факт, что внушительная по объёму биография Горбачёва **вышла отдельной брошюрой в свет в Нью-Йорке в день его избрания Генеральным секретарём ЦК КПСС.**

О том, как плотно западные спецслужбы контролировали руководителей СССР, свидетельствует следующий факт. В 2010 году в одной из передач “Власть и здоровье” телепрограммы “Совершенно секретно” прозвучало сенсационное заявление со ссылкой на Александра де Маршана, бывшего главу французской Службы документации и контршпионажа (SDECE, внешняя разведка). Тот в 1995 году обнародовал информацию о том, как французы сумели получить биологические материалы, которые якобы позволили определить состояние здоровья Брежнева.

Дело, видимо, происходило во время визита Брежнева во Францию в 1977 году. До этого в 1976 году Генсек ЦК КПСС перенёс тяжёлый инсульт и клиническую смерть. Запад очень интересовало состояние его здоровья. Утверждают, что агенты французской разведки сняли в гостинице апартаменты под теми, которые должен был занимать Генсек, и подсоединились к канализационной трубе, ведущей из номера советского руководителя. Тем самым они получили доступ к весьма секретному “информационному материалу”, который тут же был направлен в парижские лаборатории. Вердикт экспертов был следующим: советский вождь серьёзно болен.

Однако другие источники утверждают, что КГБ разгадал коварный замысел французов, и в номере Брежнева туалетом пользовались только сопровождающие Генсека лица и охрана. Следует заметить, что Александр де Маршан являлся неординарной личностью. Он был активным бойцом французского Сопротивления. Помимо этого, Маршан носил титул графа и весьма дорожил своей репутацией, чтобы заявлять какие-либо непроверенные вещи.

Однако дело не в том, правдив или нет вышеизложенный факт. Главное в том, что для западных спецслужб и кандидат на пост Генсека, и его персона представляли особый интерес. Во имя получения нужной информации они были готовы подключиться не только к канализационной трубе. А уж для того, чтобы их человек, которым, как выяснилось, являлся М. Горбачёв (подробнее об этом ниже), стал Генеральным секретарём ЦК КПСС, был задействован максимум человеческих и материальных ресурсов, которыми западные спецслужбы располагали в тот период в СССР.

Что же касается информации с заседания Политбюро и Пленума ЦК КПСС для Госдепа США, то, без сомнения, её источником являлся тот самый А. Н. Яковлев, который поддерживал тесные связи не только с Горбачёвым, но и с западными спецслужбами.

В подтверждение этой версии сошлусь на весьма серьёзное свидетельство. В своём последнем интервью журналисту Евгению Жирнову бывший Председатель КГБ СССР В. Чебриков рассказал любопытный случай: *“Юрий Владимирович Андропов показал мне записку, с которой он был на докладе у Брежнева. О том, что член ЦРК КПСС такой-то по всем признакам является агентом американской разведки. Леонид Ильич прочёл и сказал: “Член ЦРК предателем быть не может”.*

Добавлю, что именно А. Н. Яковлев в период руководства Брежнева был членом Центральной Ревизионной Комиссии КПСС (ЦРК). Интервью Чебрикова по его просьбе было опубликовано только после его смерти (“Коммерсантъ-Власть”, 24.10.2005).

Яковлев, занимая в марте 1985 года скромную, по кремлёвским меркам, должность директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, сыграл одну из ключевых ролей в продвижении Горбачёва на пост Генсека.

Скромное обаяние Запада

После вышеизложенного, у читателя может возникнуть естественный вопрос: кем был Горбачёв? **Агентом Запада или просто удобной кандидатурой?** Вопрос непростой. Ведь Горбачёв являлся правителем мировой державы. Власть у него было больше, чем у любого падишаха. Да и материальные

возможности были весьма и весьма значительными. Взять, к примеру, две госдачи, которые были построены для Горбачёва. Одна – в Крыму, в Форосе, другая – в Мюссерах, рядом с Пицундой.

Их стоимость составляла более двух миллиардов долларов. О таких дачах за казённый счёт президенты США могли только мечтать, не говоря уже о возможностях за казённый счёт удовлетворять бытовые и продовольственные потребности. Так мог ли Запад чем-то прельстить президента СССР? Да, к сожалению, мог! Анализ биографии Михаила Сергеевича позволяет это утверждать.

Прежде всего, я напомним о “плане Лиоте”. О нём написал в книге **“Как готовили предателей...”** Филипп Денисович Бобков, бывший начальник V управления КГБ СССР и зампред КГБ СССР. *“Одним из ключевых проектов по разрушению СССР был “План Лиоте”, разработанный в ЦРУ США вскоре после окончания Второй мировой войны. Он был назван по фамилии французского генерала, воевавшего в своё время в Алжире. Генерал Лиоте призывал сажать деревья вдоль алжирских дорог, чтобы через многие годы, когда эти деревья вырастут, французы могли отдыхать в их тени.*

Американский “План Лиоте” предусматривал создание в Советском Союзе мощной, ориентированной на Запад прослойки в среде интеллигенции и в верхних эшелонах власти. В нужный момент, “когда деревья станут большими”, для США возникнет благоприятная ситуация для нанесения смертельного удара по СССР...”

На собственном опыте я убедился в том, что западные спецслужбы стремились отслеживать перспективную советскую молодёжь. Вспоминаю сентябрь 1973 года. Группа литовских комсомольских активистов, в которой находился и я, выехала в турпоездку по Англии. В то время такие визиты были редкостью, и местные английские газеты в городах пребывания писали о нас как о группе молодых советских лидеров. Естественно, к нам было приковано повышенное внимание.

В частности, оно выразилось в том, что нас постоянно сопровождал высокий, рыжеволосый и усатый здоровяк, представившийся сотрудником английской полиции. Якобы он должен был защитить нас от террористов из ИРА (Ирландская республиканская армия). Действительно, в то время ИРА особенно активизировалась в Англии. Однажды нам даже пришлось срочно покинуть универмаг “Марк энд Спенсер” в связи с заложенной там бомбой.

Наш “ангел-хранитель” проявлял нешуточный интерес к анкетным данным членов группы: где и кем кто работает, какое хобби и т. д. Секрет раскрылся на прощальном вечере, когда, перебрав “Столичной”, наш “страж” сообщил, что он сотрудник английской разведки, который может решить любые проблемные вопросы, в том числе и с политическим убежищем.

Это заявление было сделано не случайно, так как некоторые члены группы постоянно подчёркивали, что они не из СССР, а из Литвы. Но всё обошлось. Группа в полном составе вернулась в Союз. Однако анкетные данные и характеристики членов нашей группы, без сомнения, легли на стол аналитиков MI-6, а далее – и ЦРУ. Не сомневаюсь, что в период так называемой “поющей революции” в Литве 1988–1990 годов кое-кто из этой группы был задействован западными спецслужбами.

Горбачёв, ставший в 1958 году (в 27 лет) первым секретарём Ставропольского крайкома ВЛКСМ, был весьма подходящей кандидатурой для “плана Лиоте”. Ну, а когда в 1970 году (в 39 лет) он занял пост первого секретаря Ставропольского крайкома КПСС, давшего двух членов Политбюро ЦК КПСС – М. Суслова и Ф. Кулакова, – то, безусловно, должен был заинтересовать американское ЦРУ и английскую СИС.

Для зарубежных спецслужб не являлись секретом контакты первых секретарей Ставропольского крайкома КПСС с отдыхающими членами Политбюро. В 1994 году в Минске бывший заместитель заведующего Отдела пропаганды ЦК КПСС Владимир Николаевич Севрук в разговоре со мной утверждал, что чета Горбачёвых в сентябре 1971 года попала в поле зрения экспертов ЦРУ, работавших по программе Гарвардского проекта и связанного с ним “плана Лиоте”.

Тогда Горбачёв, как молодой перспективный партийный деятель, прилетел в Италию по приглашению итальянских коммунистов на симпозиум молодых политиков левой ориентации. В этой поездке Михаила сопровождала его жена Раиса. ЦРУшников привлёк не только внушаемый и быстро подхватывающий новые идеи, словоохотливый и себялюбивый Михаил, но, прежде всего, Раиса

с её жёстким характером, необузданным честолюбием, стремлением к власти, жадностью и неограниченным влиянием на мужа. Тандем “Михаил & Раиса” западные эксперты сочли наиболее **перспективным для проталкивания “наверх”**.

Представляет интерес история того, когда и как Горбачёвы стали приобщаться к капиталистическим ценностям. Приведу одну цитату из мемуаров Горбачёва **“Жизнь и реформы”** о поездках за рубеж, которая приоткрывает его подлинное отношение к Западу. *“В 70-е годы посетил Италию, Францию, Бельгию, Федеративную Республику Германию. В одном случае – в составе делегаций, в другом – на отдыхе по приглашению компартий этих стран.*

*Поездки на отдых были более продолжительны, давали широкие возможности для знакомства со страной и жизнью её граждан. Первой была Италия в 1971 г<оду>. В 1972 году я возглавил делегацию КПСС в Бельгию. Кроме Брюсселя, делегация побывала в Льеже, Арденнах, Шарлеруа, Антверпене, Генте, Брюгге. В один из дней нам предложили съездить в Голландию. Нашу реакцию угадать нетрудно: “Проклятый загнивающий капитализм! Даже границ у него нет”. И ещё один повод подумать, что мы **искажённо представляем себе зарубежный мир**”.*

Но поистине ошеломляющее воздействие западный образ жизни оказал на Горбачёва и его жену Раису в ходе 21-дневной поездки по Франции в сентябре 1977 года. Они путешествовали на легковой машине с переводчиком. Проехали 5000 км, посетили десяток городов. Представляется вероятным, что именно в период этой поездки чета Горбачёвых была окончательно “завербована”, но не спецслужбами, а, как выразился Горбачёв, “загнивающим” капитализмом. Франция с уютными городками и красочными деревнями, в которых люди как бы наслаждались жизнью, поразила Михаила и Раису. Это разительно отличалось от России.

Уже упомянутый В. Казначеев рассказывал мне, что Раиса Горбачёва от поездки во Францию была в шоке. Она часто заводила разговор об этой поездке и о том, что в СССР следует добиться такой жизни, как во Франции. Эта мысль для Раисы Максимовны стала идеей-фикс, которую она не только навязала Горбачёву, но и убедила его, что он сможет её осуществить.

Представляется вероятным, что поездки за рубеж, витрина обеспеченной жизни на Западе привели Горбачёва к выводу, что социализм якобы не способен решить проблему повышения благосостояния советского общества. В итоге Михаил Сергеевич психологически был готов поверить, что только капитализм поможет СССР решить социально-экономические проблемы.

Однако считать, что Горбачёв был завербован в Италии или Франции, несерьёзно. ЦРУ и М16 владели методиками косвенного воздействия на человека. В случае с Горбачёвым задача облегчалась особенностями его характера. У Михаила Сергеевича был чрезвычайно сильно развит комплекс нарциссизма (самолюбования), и на него можно было легко влиять, используя принципы Алисы, суть которого выражается в стихике: *“На дурака не нужен нож, // ему с три короба наврётся // и делай с ним, что хошь”*. Конечно, Горбачёва дураком не назовёшь, но, как замечали окружающие, если умело подерживать и превозносить его ум и новации, то он терял чувство реальности. Одним словом, **политический Буратино**.

“Доверительные” встречи в Оттаве, США и Лондоне

В мае 1983 года Горбачёв без особой необходимости сумел настоять на своём полёте в Канаду – якобы поучиться опыту организации сельского хозяйства. В Оттаве, столице Канады, советским послом в тот период подвизался бывший первый зам. заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС Александр Яковлев. Он в 1999 году в предисловии к русскому изданию **“Чёрной книги коммунизма”**, составленной коллективом французских антикоммунистов, заявил:

“Так уж сложилась моя судьба, что я много и въедливо изучал работы Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, Мао и других “классиков” марксизма. . . именно они сделали меня убеждённым антикоммунистом, противником мракобесного, коварного своей простотой и доступностью учения”.

Антикоммунистическую обработку Яковлев прошёл в 1958–1959 годах в Колумбийском университете США. Туда он был направлен ЦК КПСС на ста-

жировку в рамках программы сенатора Фулбрайта. Известно, что тогда при этом университете действовал Русский Институт, возглавляемый ярым анти-советчиком Збигневом Бжезинским. По сведениям КГБ СССР, именно в период этой стажировки Яковлев пошёл на контакт с ЦРУ.

Но вернусь к Горбачёву. Напомню, что в 1983 году Генсеком ЦК КПСС являлся Ю. Андропов. На Западе было известно критическое состояние его здоровья. Андропов мог умереть в любую минуту. Шансы стать Генсеком после смерти Юрия Владимировича у Горбачёва тогда были минимальные. Основной состав Политбюро был против него.

Западные спецслужбы, которые к этому времени достаточно хорошо изучили Горбачёва, полагали, что именно он является тем будущим Генсеком, который будет крайне удобен Западу. Поэтому их беспокоила слабость позиций Горбачёва в Политбюро. Об этом достаточно откровенно сказала в ноябре 1991 года экс-премьер Великобритании Маргарет Тэтчер в своём выступлении на юбилейном заседании Американского института нефти (American Petroleum Institute, API).

Уточню, что АИН — это не институт в нашем понимании, а национальная неправительственная ассоциация в США, занимающаяся исследованиями всех аспектов деятельности нефтяной и газовой промышленности. Она периодически организует встречи представителей нефтяных и нефтехимических компаний, на которых они вырабатывают общий курс, во многом влияющий на политический курс США.

М.Тэтчер была приглашена на заседание как бывший химик и политический деятель (с поста премьеры она ушла 28.11.1990 года). Видимо, желая поддержать своё политическое реноме, Тэтчер решила рассказать, как Запад и она, в частности, разрушали СССР. Приведу цитату из её выступления, касающуюся Горбачёва.

“Сложилась весьма трудная для нас ситуация. Однако вскоре поступила информация о близящейся смерти советского лидера и возможности прихода к власти с нашей помощью человека, благодаря которому мы сможем реализовать наши намерения.

Это была оценка моих экспертов (а я всегда формировала очень квалифицированную группу экспертов по Советскому Союзу и, по мере необходимости, способствовала дополнительной эмиграции из СССР нужных специалистов).

Этим человеком был М. Горбачёв, который характеризовался экспертами как человек неосторожный, внушаемый и весьма честолюбивый. Он имел хорошие взаимоотношения с большинством советской политической элиты, и поэтому приход его к власти с нашей помощью был возможен...”

Из сказанного Тэтчер ясно, что Горбачёв давно был в поле зрения западных спецслужб. А в мае 1983 года на Западе назрела необходимость познакомиться с ним поближе как крайне желательным претендентом на пост Генсека ЦК КПСС. Встречу было решено организовать в Оттаве, столице Канады, где советским послом работал А. Яковлев.

Неизвестно, каким образом Горбачёв получил информацию о желательности его полёта в Канаду. Но в мае 1983 года он сумел убедить Андропова, что ему крайне необходимо ознакомиться с канадским опытом ведения сельского хозяйства. Между тем известно, что Горбачёв всю командировку провёл в Оттаве, без выезда в поля.

Известно, что с Михаилом Сергеевичем **трижды** встречался премьер-министр Канады Эллиот Трюдо, хотя обычно советским политическим деятелям полагался один официальный визит. Причём на каждой встрече Горбачёва с канадским премьером присутствовали разные люди. В 1990 году сотрудники аппарата ЦК КПСС по секрету мне говорили, что первые западные смотринки будущего Генсека прошли в Канаде.

Основное время в Оттаве Горбачёв провёл с тогдашним послом СССР в Канаде А. Яковлевым, на квартире которого он остановился. Яковлев писал, что он нашёл с Горбачёвым взаимопонимание по всем вопросам. *“Мы нашли совпадение политических идей и идеалов. Всю ночь разговаривали с ним о том, что нельзя так дальше идти, а то СССР развалится и экономически, и политически. Чтобы выжить, необходимы реформы, обновления. Мы поняли друг друга”.*

Вспоминая беседы с Горбачёвым во время ночной прогулки по лужайкам Оттавы, Яковлев в книге воспоминаний **“Сумерки России”** (2005) отметил,

что в Канаде он и Горбачёв пришли к мнению, что “догматическая интерпретация марксизма-ленинизма настолько антисанитарна, что в ней гибнут любые творческие и даже классические мысли”.

Возникшее духовное родство Горбачёва и Яковлева выразилось в том, что, когда канадский журналист издания **The Globe and Mail** наутро решил взять у Михаила Сергеевича интервью, его в советском посольстве принял Яковлев. Александр Николаевич пояснил, что “Михаил Сергеевич отсыпается, мы всю ночь побеседовали, но если Вас что-то интересует, то спрашивайте у меня, – **Горбачёв подпишет, он мыслит, как и я**”.

Несомненно, что именно Яковлев сумел сформировать у Горбачёва окончательное убеждение в том, что социализм является тупиковым путём развития человечества. Также не вызывает сомнений, что если до полёта в Канаду у Горбачёва в голове была своеобразная солянка из идей демократического социализма, внушённого ему З. Млынаржем, и идей о конвергенции социализма и капитализма, то по возвращении из Канады у него сложилось чёткое убеждение в том, что социализм не имеет перспектив.

Видимо, по этой причине Горбачёв принял предложение Яковлева съездить из Оттавы в Соединённые Штаты Америки для знакомства с нужными людьми. Эта информация была получена мною от весьма достоверного источника, открывать который я пока не имею права.

В результате в предпоследний вечер пребывания Горбачёва в Оттаве он и Яковлев на машине отправились в США, благо, что американская граница была рядом с канадской столицей. Видимо, где-то в Штатах состоялась окончательная смотровая встреча американцев с Горбачёвым. Яковлев знал, куда в США следует отвезти московского гостя, который был не прочь стать **агентом влияния США**.

О чём был разговор с Горбачёвым в Штатах, неизвестно, но, видимо, он получил какие-то важные советы, возможно, контакты с американскими агентами влияния, занимавшими важные посты в СССР. Горбачёвым американцы остались довольны, что подтверждает то, что после визита в Канаду на Михаила Сергеевича обратила внимание премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер. Она в феврале 1984 года приехала на похороны Юрия Владимировича Андропова и высказала большое желание познакомиться с Михаилом Сергеевичем.

Интерес к Горбачёву после Канады проявил и тогдашний вице-президент США Джордж Буш-старший. Он, как вспоминал руководитель советской делегации на Женевской конференции по разоружению Виктор Израэлян, во время своего визита в Женеву в апреле 1984 года хотел встретиться с М. Горбачёвым. Но ему это не удалось. Тем не менее, Буш в беседе один на один заявил Израэлян: “**Вашим следующим лидером будет Горбачёв**” (Израэлян В. Несостоявшаяся встреча. АиФ, № 25, 1991).

Заявление, прямо скажем, смелое. Ведь в соперниках Горбачёва на пост Генсека, как говорилось, числились достаточно молодые советские политические тяжеловесы: член Политбюро, секретарь ЦК КПСС Григорий Романов и член Политбюро, первый секретарь ЦК КП Украины Владимир Щербицкий. Тем не менее, Буш высказал своё мнение о Горбачёве со стопроцентной уверенностью.

Затем последовало нечто удивительное. В конце 1984 года правительство Великобритании вдруг решило придать “прохладным” англо-советским отношениям новый импульс. Оно предложило прислать в Лондон советскую делегацию, но при условии, что **её возглавит М. Горбачёв**. Тогдашний Генсек ЦК КПСС Константин Черненко и его окружение не придали особого значения этому приглашению и согласились направить в декабре 1984 года в Лондон малозначимую, не статусную по составу делегацию Верховного Совета СССР во главе с Михаилом Сергеевичем.

Интересный факт. В делегацию по предложению Горбачёва был включен бывший посол СССР в Канаде, а тогда директор Института мировой экономики и международных отношений АН СССР А. Яковлев. То есть фигура в политическом плане третьеразрядная, мало подходящая для включения в правительственную делегацию.

В Лондоне рядовой секретарь ЦК КПСС был принят по высшему разряду. Горбачёв удостоился чести быть приглашённым в загородную резиденцию премьер-министра Чеккерс. Туда приглашались лишь высокопоставленные

иностранные представители, с которыми М. Тэтчер намеревалась провести особо важную и доверительную беседу. Вместе с Горбачёвым приглашение получил и Яковлев (!).

Тот в 2000 году в интервью изданию **“Коммерсантъ-Власть”** (14.03) объяснил, что успех встречи Горбачёва с Тэтчер был предопределён визитом в Канаду. То есть в Англии ждали именно Горбачёва, который успешно прошёл смотрины в Оттаве и США. Кстати, советские газеты о визите Горбачёва в Англию почти не писали.

В Лондоне Михаил Сергеевич оправдал ожидания Тэтчер. Да и как было не поразиться советскому политическому деятелю, который осмелился привезти в Лондон, как впоследствии писал в своих мемуарах **“Омут памяти”** Яковлев, **“карту Генштаба со всеми грифами секретности, свидетельствовавшими, что карта подлинная. На ней были изображены направления ракетных ударов по Великобритании...”**

На самом деле, вероятно, это была карта, изготовленная подручными Яковлева. 8 января 2009 года я беседовал по телефону с генерал-полковником Леонидом Григорьевичем Ивашовым по поводу секретной карты Генштаба МО СССР, которую Горбачёв якобы привёз в Лондон и продемонстрировал М. Тэтчер.

Ивашов заявил, что подобное было невозможно. В 1984 году в Генштабе он как раз отвечал за сохранность секретных документов, в том числе и карт. Сохранность этих документов проверялась ежедневно. Вынос секретных карт из помещения Генштаба был категорически запрещён. Тем более Горбачёв в 1984 году не обладал статусом, позволяющим ему запрашивать секретные карты Генштаба.

На премьершу “секретная” карта произвела впечатление, хотя я уверен, что сотрудники М16 (внешняя разведка Великобритании) впоследствии растолковали Тэтчер, что это была за карта. Но авантюризм Горбачёва, пытавшегося таким образом повысить свой статус, Тэтчер оценила.

Вдобавок к этому Горбачёв, не имея полномочий от Политбюро ЦК КПСС и Верховного Совета СССР, стал убеждать Тэтчер, что **“со всем этим надо кончать”**. По итогам встречи премьерша заявила, что с Горбачёвым **“можно иметь дело”**. С этим выводом Тэтчер отправилась к тогдашнему президенту США Рональду Рейгану.

М. Тэтчер впоследствии не скрывала причастности Запада к карьере Михаила Сергеевича. Известно её заявление: **“Мы сделали Горбачёва генеральным секретарём”**.

Тайные беседы на английском

Известно, что Горбачёв уже в советский период достаточно сносно владел английским. Об этом в 2008 году в **“Российской газете”** написал Н. Долгополов (Неделя, № 4806 от 4 декабря). Начальник охраны В. Медведев в книге **“Откровения бывшего начальника личной охраны Горбачёва и Брежнева”** писал: **“У Горбачёва были частные встречи с зарубежными лидерами “под разными флагами”, но никто не должен был знать о них”**. Горбачёв, владея английским на бытовом уровне, в ходе таких встреч мог наедине обсуждать весьма “щекотливые” вопросы.

Впервые это произошло в Рейкьявике (октябрь 1986 года) в ходе личных бесед М. Горбачёва с президентом США Р. Рейганом. Тогда они наедине у камина впервые обсудили **вопросы смены политического строя в СССР и выхода республик Прибалтики из СССР**. Как известно, в октябре 1984 года в СССР официально сообщалось, что встреча Горбачёва с Рейганом завершилась безрезультатно.

Но Горбачёв не был бы Горбачёвым, если бы в 1993 году, будучи с частным визитом в Париже, не проболтался корреспонденту французской газеты **“Фигаро”** о том, что встреча в Рейкьявике имела эпохальное значение. Бывший президент СССР признался, что **“Рейкьявик был драмой, большой драмой... Я считаю, что без такой сильной личности, как Рональд Рейган, процесс не пошёл бы... На той встрече в верхах мы... зашли так далеко, что обратно уже повернуть было нельзя”**.

Этого было достаточно, чтобы **“Фигаро”** озаглавило интервью с Горбачёвым интригующе **“Надо отдать должное Рональду Рейгану”**. В этом интервью был сделан вывод, что Горбачёв на встрече с Рейганом в Рейкьявике фактически отдал СССР на милость США.

Литовский правозащитник Валерий Иванов утверждает, что в 1989 году он ознакомился с брошюрой на литовском языке, изданной в Ватикане. В ней сообщалось, что во время конфиденциальных переговоров Горбачёва с Рейганом в Рейкьявике третьим вопросом обсуждался вопрос **о выходе из СССР прибалтийских союзных республик**. Именно тогда Горбачёв дал принципиальное согласие на их выход (Иванов В. "Литовская тюрьма". 1996. С. 83).

Это было не случайно. Горбачёв понимал обновлённый Союз как Союз, избавившийся от обременительных для советского бюджета прибалтийских республик. Это подтверждает свидетельство бывшего первого секретаря Одесского обкома Компартии Украины Крючкова Георгия Корнеевича, которому Горбачёв осенью 1988 года в ходе беседы заявил: *"Главное, чтобы Россия, Украина и Белоруссия были вместе, а без этих прибалтов мы обойдёмся..."* (<http://2000.net.ua/is/474/481-b8.pdf>).

В завершение темы приведу оценку Горбачёва, как политического деятеля, Яковым Кедми, бывшим главой одной из самых секретных спецслужб Израиля "Натив". В своей книге **"Безнадёжные войны"** он отметил у Михаила Сергеевича полное отсутствие самокритичности и способности реально оценивать ситуацию.

Кедми пишет: *"Я встретился с Горбачёвым уже после его падения (в 1996 году. – В. Ш.). Два часа разговора с ним произвели на меня очень тяжёлое впечатление. Я не мог отделаться от мысли: до какой степени **деградировала правящая элита**, если такому человеку дали возможность управлять страной, управлять империей. Девяносто пять процентов времени Горбачёв рассказывал мне о своем величии, о том, как народ любит и ценит его и как на ближайших выборах он получит абсолютное большинство, поскольку он один может спасти Россию и ему народ верит. **И этого человека поставили во главе государства в 1985 году, а он совершил все мыслимые ошибки...**"* Более точно о Горбачёве сказать трудно.

(Продолжение следует)

АНДРЕЙ АНТИПИН

ПОСЛЕ РАСПУТИНА

Из выступления на Шанхайском форуме писателей

На этом форуме я представляю российскую окраину, пусть и такую величайшую, богатейшую и колоссальнейшую по территории, что определение “окраина” ей как бы и не подходит, поскольку моя вовсе не маленькая малая Родина сама может прослыть целым государством, к которому лепится всё остальное...

Всё это я говорю о любимой Сибири!

И, конечно, раз уж мне, сибиряку, выпала честь быть в эти дни в Шанхае и говорить о современной русской литературе, я не могу не сказать в своём выступлении о том чувстве сиротства, некой продутости, промозглости, открытости всем сквознякам, словно бы специально этого момента ждавшим и вот внезапно и всем разом подувшим на нас, о чувстве незащитности, растерянности и потерянности, которое постигло нас в марте 2015 года, когда умер Валентин Распутин.

... Долгое время присутствие этого человека в литературе, в нашей жизни было для нас неким духовным оправданием или, как сказал сам Валентин Григорьевич об одном своём персонаже, – “подпоркой”.

Это “подпирающие” не только и не столько братьев по цеху, сколько российских читателей и – шире – всего русского народа, тем более всем нам было нужно, что с начала нового века, нового тысячелетия почти один за другим ушли из жизни такие выдающиеся отечественные писатели и публицисты, как Виктор Астафьев, Евгений Носов, Василий Белов, Александр Солженицын и другие.

С уходом этих великих стоятелей за русское дело центр тяжести вот этого национального подвижничества, которое мы определили, как “подпирающие” русского мира, в умах и сердцах современников переместился на одного человека – на Валентина Распутина (хотя сам он наверняка опротестовал бы это свидетельство и привёл в пример другие “подпорки”).

Всё это я говорю не для того, чтобы подчеркнуть исключительность этой фигуры, а дабы указать на величайшую ответственность перед русским народом – ответственность, которая со смертью старших товарищей была возложена на “самого младшего, самого любимого, самого совестливого сына России” (так охарактеризовал Распутина Валентин Курбатов в первых откликах на смерть писателя).

Конечно, я предвижу возражения и поправки; кто-то может назвать свой ряд “стоятелей” за русское дело и убедительно доказать, что со смертью перчисленных мною писателей ничего не закончилось...

Что на это ответить?

Да, разумеется, и сегодня в России много авторов – хороших и разных, как правило, много пишущих, много издающих, много ездящих по стране и миру, много выступающих и так далее.

Но применительно к этим находящимся в литературном процессе писателям хотелось бы указать на одно по-своему единственное и одному только подлинному народному таланту присущее качество Валентина Распутина, а именно – на его всегдашнее, как бы даже развивающееся помимо его воли присутствие в нашей жизни. И это несмотря на то, что последние десять лет Валентин Григорьевич не писал художественной прозы!

Тем не менее, даже не работающий за своим столом, “не пишущий” писатель Распутин по праву занимал то место в нашем сознании, в нашей жизни, которое не смог ни оспорить, ни, тем более, заполнить никто другой из его современников.

Вероятно, тут следует говорить о той типично русской, заветной, многорадальной надежде, которую являл собой, своим именем, своим, наконец, служением Отечеству Валентин Распутин; о той надежде, которую он, невзирая на отчаяние и, казалось бы, беспросветность его произведений поздней поры, выражал каждым своим словом, а после выхода в свет в 2002 году самой неровной, но зато и самой болезненной повести “Дочь Ивана, мать Ивана”, после того, как писатель несколькими годами позже перенёс гибель дочери, эту русскую надежду Распутин питал и воплощал даже своим молчанием.

Это молчание во многом стало знаковым, определяющим для России. В том плане, что замолчавший Распутин, как отошедшая в часы отлива байкальская волна, тем резче (резче даже, чем в своей публицистике) вымыл суть некоторых сокровенных для русского человека понятий. Таких как совесть, правда, любовь к своей Родине.

Они, безусловно, выпукло и мощно присутствовали во всей его прозе, во всём его творчестве, во всех его публичных выступлениях. Но только вот это молчание писателя предельно обнажило, отбросив детали, суть явления по имени Валентин Распутин. И как-то сразу стало ясно, что вместе с переставшим писать Распутиным и этой самой совестью, и правды, и любви (не показной, но нутряной, настоящей, правдошной, тоже, кстати говоря, молчащей) стало меньше – и в литературе, и в жизни. Как будто и России стало меньше, как будто произошёл очередной раздел-передел и от нас, от нашего сердца отняли некие заповедные территории.

...Мы уже не ждали его новых книг. Мы видели, что ему трудно, что ему не нужно, что он это пережил, может быть, возвысился над этим и уже по-другому (нам неведомо – как) взглянул и на себя прежнего, и на своё литературное ремесло.

Мы следили за этим молчанием, слушали его, радовались, что есть хотя бы оно, это молчание нашего великого современника.

Мы только хотели, чтобы это молчание не оборвалось внезапно, чтобы оно ещё длилось и длилось. Так нам хочется, чтобы близкий и дорогой нам человек, пусть и больной, усталый, может быть, немного утомившийся, но жил как можно дольше, чтобы не возникло однажды наутро, после долгой мучительной ночи, это ужасающее чувство пустоты в соседней комнате.

Это чувство пустоты в перспективе тем более пугало, что “комнатой” для Распутина была вся Россия, и мы, жители России, русский народ, вслушивались в эту Россию, чтобы уяснить для себя, жив ли её словно бы давний обет молчания сын, и к нему, к её сыну, к его молчанию мы прислушивались, дабы узнать, всё ли ещё она, Россия, полна той последней полностью, которой был для нас Валентин Распутин и без которой мы не смогли бы понять ни себя, ни Россию, ни свою русскость.

И это тоже подлинная заслуга Валентина Распутина – продолжиться в сердцах, в умах, в памяти, в языке своего народа чем-то, помимо книжек, тем, что назвать, вероятно, не может и Слово.

В этом смысле писатель Распутин самый что ни на есть народный; хотя он во всех смыслах народный.

Но я хотел бы остановиться не на этом.

Я хотел бы сказать ещё несколько слов о сохранный роли Валентина Распутина, но сохранный уже по отношению к его младшим братьям по ремеслу.

После выхода уже упомянутой повести “Дочь Ивана, мать Ивана”, а ранее после публикации таких рассказов, как “В ту же землю” и “Нежданно-негадан-

но”, для всех, и для меня в частности, предельно изострилась, закричала горлом вот какая мысль: это же не он, старик (или почти старик), должен был написать эти страшные тексты, это же кто-то из нас, молодых – пусть не я, я был тогда слишком юн! – а мои старшие собратья должны были это написать, описать, должны были за этих людей заступиться, должны были выйти против этой мерзости, благо и молодостью, и здоровьем, и тем, что называется русской уже не удалью, но дурью (в смысле – силой), Бог не обидел... Однако этого не произошло. И снова, как в прежние годы, Распутин заговорил обо всём этом и за нас, и от нашего имени, и от имени всего русского народа.

А мы только наблюдали за ним, за его почти единственным и уж точно одиноким борением, ехидно подмечая просчёты и слабости, которые (кто без греха?) допускал писатель – иногда в запале, иногда в силу обстоятельств возраста и иссякающего интереса собственно к художественному творчеству, а чаще оттого, что осваивание такого нелёгкого, злбодневного материала, за который раз за разом брался Валентин Распутин, было сопряжено не только с духовным закаливанием самого писателя, но и с известным износом и здоровья, и дарования, потому что чужое горе, воспринятое не как сугубо литературный материал и вообще не как материал, а как своя личная, кровная трагедия, гнетёт и убивает, или уж, во всяком случае, не добавляет жизни.

...В своей статье о Василии Шукшине Распутин писал о том, что “мы (то есть они, современники Шукшина. – А. А.) в чём-то его не поддержали”. Сегодня с сожалением можно и нужно говорить о том, что и мы, современники Валентина Распутина, далеко не во всём его поддержали, а может быть, не поддержали ни в чём.

После Распутина, после его ухода, после того, как откололась эта колоссальная глыба, неминуемо возникает вопрос: что сегодня?

Что сегодня представляет собой русская литература?

Чем она дышит?

Кем она дышит? . .

Тут я должен извиниться перед собравшимися: образ моей жизни в Сибири, в Иркутской области, на берегах великой северной реки Лены, не даёт мне права делать заявления от имени некоего поколения в литературе, точнее, в современной прозе.

Я попросту не ощущаю своей причастности к какому-либо поколению, как вообще не ощущаю себя частью литпроцесса.

Но раз уж нужно говорить о современной литературе, могу перечислить кое-какие имена, которыми, с моей точки зрения, реализуется, а стало быть, “дышит” нынешняя русская проза.

Это, например, енисеец Михаил Тарковский, пожалуй, один из немногих современных писателей России, о ком с полным правом можно говорить как о писателе глубоко необходимом.

Это земляк Тарковского – Александр Щербаков. Как два этих редких таланта поделили Енисей, мне неведомо, Виктора Петровича нет... Это мой земляк, иркутянин Анатолий Байбородин, автор многослойных, стилистически витиеватых, но подлинно русских произведений.

Это всем известный Захар Прилепин, который дослужился до того, что никакими регалиями его отмечать не нужно, можно просто назвать его по имени.

Это писатель распутинской совестливости Роман Сенчин.

Это наглый и дерзкий, как сто индейцев, но очень талантливый москвич Сергей Шаргунов, не так давно удививший всех не по возрасту зрелым и удивительно ровным по языку романом о переломном моменте нашей отечественной истории – 1993 годе.

Это многие другие, всех не перечислить, да я к этому и не стремился, и назвал этих, а не других писателей не потому, что те, “другие”, хуже, а потому, что “эти” мне вот сейчас пришли на ум.

Да, ещё, безусловно, нужно назвать Алексея Варламова! Некоторые его рассказы нужно заучивать наизусть, чтобы ими чистить горло.

...Как видите, картины не получилось! Наверняка москвичи справятся с это задачей лучше меня. Я же только хочу сказать, что современная русская литература, с моей точки зрения, переживает качественный и количественный расцвет, которого давно не знала.

Наверное, многих удивит моё заявление. Но это так. Мы переживаем такой период в истории отечественной литературы, когда появилось много со-

вершенно разных, хорошо обученных, хорошо пишущих авторов. Часто их имена не запоминаются, в том смысле, что, помимо названных выше, полно таких (ничуть, кстати, не слабее того же Прилепина или Шаргунова), которые, однажды засветившись каким-нибудь одним произведением, потом куда-то исчезают, оставляя после себя горькое (ибо, увы, уходящее) чувство прекрасного послевкусия.

Это разнообразие, с одной стороны, радует, с другой стороны, подвергает сомнению самую необходимость этого разнообразия и этого умения писать хорошо, ведь ни нового Достоевского, ни нового Чехова не появилось и, скорее всего, уже никогда не появится.

И тут, как это ни примитивно прозвучит, нужно задуматься: а ради чего вообще пишут? Не утратило ли писательство своего основного направления, того самого, которому следовал Валентин Распутин и которое, наверное, вот так, с ходу, в двух-трёх словах не расшифровать, но прозреть каким-то глубинным зрением можно?

Я вот не знаю. Может быть, знают те, кто приехал на этот форум. Я – не знаю. Я только подозреваю, что этот вопрос столь же актуален для китайских авторов, как и для нас, писателей России.

МИХАИЛ ЧВАНОВ

СОВЕСТЬ РОССИИ

Всю глубину этой потери мы ещё долго будем осознавать. Центральные СМИ, ещё в полную меру не освободившиеся от леволиберальной болезни и в течение десятилетий не пускавшие его на экран и на полосы газет, отозвались на его смерть в весьма сдержанных тонах: умер известный русский писатель, яркий представитель деревенской прозы, словно в определении “деревенский” есть что-то уничижительное.

На столе передо мной – программка Иркутского Театра юного зрителя. Спектакль “Прощание с Матёрой”. На ней рукой Валентина Григорьевича Распутина: “Приезжай, Миша, в Иркутск ещё, а я приеду в Уфу. 7 октября 2003 года”. Приехав в Уфу на церемонию вручения ему Аксаковской премии, он подарил мне свою книгу “Сибирь, Сибирь...”, созданную в соавторстве с фотохудожником Борисом Дмитриевым, с надписью: “Мише Чванову дружески, в надежде на сибирские встречи”. Так мы поочередно ездили друг к другу.

Его отличала великая скромность. Однажды на каком-то большом общественном форуме, кажется, на одном из съездов Всемирного русского народного собора в своём выступлении я назвал его великим русским писателем, в перерыве он резко отчитал меня за это, наверное, никогда я не видел его таким возмущённым: “Не нам с тобой судить...”. Несмотря на многолетнюю дружбу, я долго не мог перейти на “ты”, что его раздражало.

Не скрою, с большим трудом, как в своё время и Василия Ивановича Белова, ставшего первым лауреатом Всероссийской Аксаковской литературной премии, мне удалось уговорить Валентина Григорьевича приехать на Международный Аксаковский праздник: даже они поддались лжи, усердно выливаемой в 90-годы на Башкирию, как на рассадник сепаратизма и антирусских настроений.

Приехав, он, как и В. И. Белов, полюбил Башкирию и, несмотря на чрезвычайную занятость, болезни и на то и дело сваливавшиеся на него беды, он приезжал ещё несколько раз. Он полюбил Уфу, завидовал её новостройкам, в противовес Иркутску, где строительные краны тогда были большой редкостью, любил после торжественного Аксаковского вечера в Аксаковском народном доме в одиночку наедине со своими мыслями в сумерках под шорох листопада обойти дом, в котором Сергей Тимофеевич Аксаков провёл свое раннее детство,

Два человека, которые “сломали” мою жизнь, выбили её вроде бы из сложившегося в мои тридцать с немногим лет течения жизни. Первый – великий печальник славянства, президент Международного фонда славянской пись-

менности и культуры Вячеслав Михайлович Клыков, положивший свою жизнь, как и И. С. Аксаков, на попытку духовного объединения разорванного славянства перед нынешними и грядущими общими бедами. Глотая горечь братского славянского раздора и постепенно освобождаясь от сидящего внутри меня славянофила, я проеду и пройду с Клыковым и уже без него по славянским странам, стану свидетелем, как спасённые Россией по зову И. С. Аксакова братушки-болгары будут бегать по Русскому проспекту в Софии с транспарантами “Лучше турки, чем русские”. При мне на памятнике Алёше-освободителю в Пловдиве будут малевать чёрной краской: “оккупант”, — а супердемократическая газетёнка с таким знакомым нам ленинским названием “Искра” выйдет со статьёй “Кирилл и Мефодий — греческие агенты, внедрённые в болгарское самосознание”. Я окажусь в пекле страшной межславянской войны в Югославии, где, защищая одних славян от других, снова сложат головы русские добровольцы, а под занавес её братушки-болгары радостно предоставят свои аэродромы под самолёты НАТО для удобства бомбёжек сербских городов. . .

Второй человек, кто изменил вектор моей судьбы, — Валентин Григорьевич Распутин. Наверное, у него не менее, чем у Клыкова, болела душа по братьям-славянам, и друзей среди братьев-славян было у него не меньше. Но он полностью был согласен с выводом И. С. Аксакова, который тот сделал и выразил в письме к родным из Черногории во время путешествия по славянским землям, вывод, который как никогда злободневен сегодня: “Я вообще убедился, что только одно есть действительное средство поднять славянский дух в прочих угнетённых племенах, — это чтобы сама Россия стала Русью: этот один факт, без всякого вмешательства политического, без всякой войны, оживит и направит на путь дух прочих онемеченных, обитальённых, офранцузенных, отуреченных племен славянских. . .”. Обжегшись на идее славянского единения, Валентин Григорьевич напишет горькую статью. “Что дальше, братья-славяне?” Он скептически относился к моей “славянофильской” болезни: “Зря убиваешь время. Достоевский всё сказал по этому поводу. Надо восстанавливать Россию!” И, руководствуясь этим постулатом, В. Г. Распутин свою жизнь положил на то, чтобы Россия стала Русью.

Не помню уже, когда и где, но точно на одном из первых праздников славянской письменности и культуры в 80-е годы прошлого века, который мы — Международный фонд славянской письменности и культуры и Союз писателей России — тогда возрождали, я, выбрав момент, подступил к Валентину Григорьевичу:

— Приближается 200-летие со дня рождения Сергея Тимофеевича Аксакова, которого до сих пор мы стесняемся назвать великим писателем. Нужно создать какой-то общественный комитет, который поставил бы во главу угла своей деятельности возвращение России этого славного имени. Может быть, Вы возглавите такой комитет или общество?

— А почему всё должен возглавлять я? — неожиданно резко спросил Валентин Григорьевич.

— Ваш авторитет. . .

— Аксаков — сам по себе авторитет, — прервал он меня. — Создай! . . . И возглавь. . .

Уже позже, остыв, он подошёл ко мне:

— Ты прости, что я так резко. Но все ко мне с одним и тем же: возглавь, создай, реши, помоги. . . Если возглавлять, значит, надо, засучив рукава, работать, роль свадебного генерала я не приемлю, а я не семижильный, один только Байкал почти все силы у меня отбирает. Приходиться обивать пороги. И не очень-то ко мне прислушиваются. . . Аксаков — дело святое, начни.

С тех пор прошло почти тридцать лет. И ордена у меня есть: и государственные, и церковные, и престижные премии, но главной наградой для меня было и, наверное, останется, когда Валентин Григорьевич, приехав на очередной, уже Международный Аксаковский праздник, совпавший с 10-летием созданного мной со своими единомышленниками Аксаковского фонда, в книге отзывов и пожеланий написал: “Из всех фондов, которые я знаю, Ваш весь на виду — делается так много и открыто. С такой любовью и радением, что берёт добрая зависть: можем, умеем, делаем не для себя и своего круга, а для России, для её будущего. . .” А на подаренном мне двухтомнике написал: “Михаилу Чванову от автора — с радостью, что есть на Руси такой человек, показавший, что и воин не один, и поле не одно. . .”

У всякого человека есть совесть, только у одних она спит или убита, у других – она объёмнее человека, в котором зародилась или которого для особой цели выбрал Бог, или наказал ею, потому что нелегко с ней жить. Валентин Григорьевич Распутин был совестью всей России. И славянского мира тоже, в трудные, роковые для себя годы славяне вспоминали о нём, тоже просили: помоги, возглавь, спаси... В страшные 90-е годы новой русской смуты дух русского, российского народа поддерживали два светоча: писатель Валентин Григорьевич Распутин и иерарх Русской Православной Церкви, митрополит Петербургский и Ладожский Иоанн, страстные книги-проповеди которого, похожие на статьи Распутина, по сей день под негласным запретом официальной Церкви – она как бы извиняется за резкость и публицистичность их, призывающих не только на молитву, но и на борьбу с захватившим страну злом. Валентин Григорьевич Распутин никогда не перекрашивался. В советское время, когда, уничтожая русское, утверждалась некая советская общая национальность, он был принципиально русским, за что его, мягко говоря, недолюбливала власть и так называемая советская интеллигенция, состоящая преимущественно из представителей “малого народа”. В постсоветское время Распутин принципиально не отказался от принадлежности к реликтовому советскому народу, который, перемолов навязанное зло, остался русским и был далеко не худшей частью человечества. Леволлиберальная антирусская, антироссийская интеллигенция втихую ненавидела Распутина: не успели опустить в могилу гроб, как уже появились пакостные статейки о нём. Другие, вроде бы свои, по глупости подпевали им. К примеру, один региональный информационно-аналитический еженедельник, выходящий под девизом “Сейте разумное, доброе, вечное!”, в коротком сообщении о смерти В. Г. Распутина возвещал: “Распутин был приласкан властью во все времена, он был удостоен практически всех возможных в стране наград и премий”. Что касается первого утверждения, то это, мягко говоря, не совсем правда, что касается второго... Действительно, ещё в советское время был он удостоен многих правительственных наград и литературных премий. Да, советская власть вынуждена была с ним считаться. Но случайно ли его однажды в Иркутске жестоко избили и случайно ли во всём квартале именно в это время оказались отключенными телефоны (мобильников тогда ещё не было!), и долго не могли позвонить ни в милицию, ни в “скорую”. Леволлиберальная пресса с сочувствием, сквозь которое явно просвечивало злорадство, писала, что после перенесённой тяжёлой травмы головы у него не всё в порядке с рассудком, и он уже ничего не сможет написать.

В постсоветские времена те же либералы приклеили к нему ярлык “черносотенца”. Однажды, прилетев на организованный В. Г. Распутиным праздник “Сияние России”, я попытался отказаться от запланированной встречи со студентами и преподавателями местного университета. Валентин Григорьевич, обычно мягкий, строго отказал: “Я пригласил тебя специально в расчёте на университет, в последнее время меня туда не пускают, определив черносотенцем. Туда никого другого я послать не могу, там нужен такой боец, как ты”. Напрочь отвергнутый ельцинской властью, глубоко переживая за судьбу России, он мечтал не в Кремле, а где-нибудь наедине, лучше всего на Байкале, поговорить о судьбе России с В. В. Путиным, который был для него тогда, как и для многих, тайной: то ли, набрав силы, до поры до времени тот вынужден был скрывать свои истинные представления о будущей России, то ли... Наконец, это удалось. И именно на Байкале. При случае я спросил Валентина Григорьевича, о чём они говорили с Путиным. “О России”, – односложно ответил он. Потом добавил: “Больше я пока не могу ничего сказать. Дал слово. Могу только сказать, что я несколько успокоился, хотя уже сколько раз обманывался. У меня появилась надежда, что впереди у нас свет, хотя будет очень тяжело, и не все его поймут”.

Не только леволлиберальной властью и её добровольными приспешниками Распутин был “приласкан” и “обласкан”. Со стороны казалось, что он обласкан самой судьбой. Вся жизнь, можно сказать, как сыр в масле катался. Всегда на виду, на слуху, то и дело в разных президиумах, огромными тиражами на зависть братьям по перу издавались его книги, ну, и премии, конечно, опять-таки кое-кому на зависть, на него “сыпались”. Но это только со стороны. Судьба настоящего писателя в России – всегда голгофа, но в то же время: нет судьбы – нет писателя, ибо настоящие книги пишутся истерзанной душой.

Хотел ли он такой судьбы? Твёрдо могу сказать: нет! Всю жизнь он мечтал пожить тихо, спокойно, в ладу с близкими, с природой, наконец – с властью. Но Господь накануне новой русской смуты, о приближении которой тогда мало кто догадывался, почему-то избрал именно его, одарив чередой горьких потерь и обострённым чувством справедливости, сделав его бесстрашным духовным защитником России. Уже в раннем детстве Господь стал испытывать его. Хотя начиналось детство хорошо, более того, можно сказать, счастливое по тем временам было детство. Отец вернулся с войны, заведовал почтовым отделением, мать работала в сберкассе, словом, сельская интеллигенция, имеющая уважение и определённый семейный достаток. Но всё разом порушилось: у подвыпившего отца, возвращавшегося из райцентра, на пароме отрезали сумку с казёнными деньгами, денег было – кот наплакал, но по тем послевоенным временам хватило, чтобы с огромным сроком загреметь на Колыму-матушку, откуда он не вернулся. Матери пришлось уйти из сберкассы. Тяжёлая работа в колхозе, трудодни-палочки, по которым ничего не получишь, трое детей. Как позже рассказывал Валентин Григорьевич, спасала тайга и река: рыба, грибы, ягоды, ловил бурундуков, их принимали в заготконторе, из них шили воротники, выдавая за беличьи. О голодной послевоенной детской безотцовщине Распутина мы знаем по пронзительному автобиографическому рассказу “Уроки французского”. Более поздняя его биография осталась за кадром, она прямо не проявилась в его творчестве. Несмотря на широкую известность, он не стал публичным человеком, не только постороннего человека он не впускал в свою личную жизнь – его выстраданная биография глубоко запрятана в его книгах.

Ударом была смерть в младенчестве сына-первенца, мы даже не знаем его имени. Что касается сына Сергея и дочери Маши, они не пошли по стопам отца, стали “нормальными” людьми. Нет печальнее распространённой картины, за редким исключением, когда у писателя дети, внуки – обязательно писатели, у кинорежиссёра – кинорежиссёры. Сын Сергей стал школьным учителем, дочь Мария – музыкантом-органистом.

Одна из самых горьких потерь – под ликованье фанфар ушла под воду рукотворного моря его родная деревня Аталанка. В громадьё планов по строительству счастливого будущего страны она никак не вписывалась. Что касается её жителей... “Лес рубят – щепки летят”, и полетели щепки от топора в разные стороны. В судьбе родной затерянной в сибирской тайге деревни, в гибели тысяч других русских деревень, не обязательно затопленных водой рукотворных морей, а исчезающих в результате так называемого укрупнения, Распутин зримо увидел будущую вселенскую трагедию России, которую по дури или сознательно отрывают от корней. Словно кто-то целеустремлённо и упорно осуществляет план уничтожения сельской коренной России.

Мы, русские, сироты в собственной стране, потому что теперь почти ни у кого из нас, даже из старшего поколения, нет отеческих и тем более уж дедовских гнёзд: сёл, деревень и даже кладбищ. Россия представляет собой огромный расхристанный детдом от границ до границ.

Из этой безысходной боли родилась горькая повесть-притча “Прощание с Матёрой”.

Сколько сил отобрала борьба против поворота северных рек! Борьба за Байкал!

Господь или кто другой продолжал испытывать его.

В 2006 году в 35 лет погибла дочь, Мария. Распутины гордились дочерью. С отличием окончила Московскую консерваторию по классу теории музыки и органу. Прошла стажировку в Германии. Защитила диссертацию. Преподавала в родной консерватории. Концертировала. Пела в хоре Сретенского монастыря. Вышла замуж за священника.

Затем заболела раком Светлана Ивановна. Известно, что рак вызывают, в том числе, и стресс, потеря иммунитета. Я знаю несколько случаев, когда люди заболевали, пережив большое горе. Светлана Ивановна мужественно боролась с болезнью. Но в 2012 году ушла из жизни.

Болезни наваливались на него одна за другой. Самое страшное: все хуже и хуже становилось с памятью. И вот диагноз: болезнь Альцгеймера. Но знали об этом лишь немногие. К нему по-прежнему обращались с просьбами, обижались, когда он отказывал. Однажды, встретив его в Союзе писателей, я попросил у него новый номер мобильного телефона: не могу дозвониться.

– Ты думаешь, я его помню, – виновато улыбнулся он. – Да и постоянно забываю мобильник дома, вот и сейчас. Мало кто знает о моей трагедии. Приходится делать вид, что ничего не случилось. Врачи ничем не могут помочь.

Потом начались проблемы с почками. Потом обнаружили рак простаты. При удалении аденомы простаты заразили гепатитом С. Он кочевал из больницы в больницу, не миновал и Российский онкологический центр. Старался больше находиться в иркутских больницах: люди добрее, отзывчивее, и родной прибайкальский воздух...

Всё это станет известно потом, после его смерти. Он тщательно скрывал свои беды не только от посторонних, может, стараясь раньше времени не лишать миллионов людей духовной опоры, которой он для них был. Знающие о его бедах боялись его тревожить. А он, по себе знаю, радовался каждому звонку. Несмотря на любовь родных и миллионов читателей, он был очень одиноким по жизни человеком. Я всё думаю: за что ему были даны все эти испытания?

Последняя его книга, которая вышла при жизни: “Эти двадцать убийственных лет”. Убийственных для российского народа, совестью которого он был.

Он был истинно русским писателем, но у него были свои, порой горькие вопросы к великому русскому народу, которые задавал ещё Константин Сергеевич Аксаков. Почему мы не любим идти во власть, объясняя это своей совестью, а потом стонем, когда нам на шею сядет с плёткой какой-нибудь варяг? Впервые привожу один наш разговор.

– Миша, прости меня за такой вопрос: ты чисто русский? – неожиданно спросил он меня однажды на берегу Байкала, когда мы остались вдвоём.

– Вроде бы... – удивился я вопросу. – И по отцу, и по матери из приписных крестьян уральских заводов. Но ведь беда наша, что дальше деда, в лучшем случае, прадеда мы не знаем своих предков. Я, к примеру, только уже при седой бороде стал копаться в родословной, дошёл до начала XVIII века, когда они оказались на уральских заводах. А откуда были переселены, у какого помещика были куплены? Вон татары, к примеру, до XIV века, а то и раньше знают своих предков.

– А у меня много кого намешано. В роду и ссыльный поляк, и цыган, кажется.

– А почему ты это спросил?

– Понимаешь, чисто русский ныне какой-то инертный, на исходе, на излёте исторической судьбы, что ли. Без воли, потеряв в себе веру. Поплакать по погибающей Руси, разорвать в пьяном угаре рубаху. А ты такой деятельный.

Валентин Григорьевич никогда не демонстрировал своей веры в Бога, хотя был поистине верующим и в этой вере был строг к самому себе. В одном из писем, которые я теперь перечитываю только с лупой, – таким мелким был его почерк! – он писал мне: “Миша, боюсь, что ты прав, что мы, скорее, хотим верить, чем веруем на самом деле”. Это его мучило до последнего дня. Он был истинным христианином, он простил В. П. Астафьева, в отличие от не простивших его учеников, за его постыдный для большого русского писателя флирт с ельцинской властью в надежде получить Нобелевскую премию. Даже поехал искать примирения на могилу Астафьева. Он простил возомнившего себя чуть ли не вторым Иисусом Христом Александра Солженицына. Валентин Григорьевич даже принял Солженицынскую премию... Потом будут говорить, что он якобы дорожил ею больше других премий. Зная, что, мягко говоря, я без восторга принял факт принятия им этой премии, хотя никогда не говорил ему об этом, он однажды, опять-таки на Байкале, как бы оправдываясь, сам начал этот разговор: “Надо как-то соединить разорванные русские ветви, в последние годы Солженицын многое понял”. Я отмолчался. Как истинный христианин, Валентин Григорьевич пытался соединить в русском народе, может быть, несоединимое.

Распутин не любил неискренность и болтунов. Прежде всего, в писательской среде, искал и воспитывал людей, которые что-то реально пытались делать, кроме того, что писали. Слово ещё неизвестно, когда и в ком отзовется, а спасать Россию нужно реальными делами сегодня. К нему лезли, как сначала и я, просили что-то возглавить, за кого-то заступиться, трудно было выдерживать всё это, иногда выводило из себя. Он мечтал об уединении, по-

кое, это редко удавалось. Он не мог изменить своей совести, которая была шире его. Он, конечно, понимал, что принадлежит не только себе и семье, он понимал, что он – орган народного организма, название которому – совесть. Своего рода компас, и для многих тысяч людей он был и совестью, и компасом одновременно.

В лихие 90-е, да и позже, в так называемые нулевые, стрелка народного компаса металась из стороны в сторону, искала, прежде всего, духовной опоры. Нарождался или возрождался класс предпринимателей, который должен был вывести страну из тупика. В него входили разные люди. Одни, выбросив совесть на помойку, торопливо расхватывали то, что осталось от не успевших до конца растащить, приватизировать представителей шустрого “малого народа”, другие пытались встать на ноги честным трудом, их одинаково гнобили и государство, и бандиты, первое – непомерными налогами и чиновничьими поборами, вторые – рэкетом, который мало отличался от чиновничьих поборов; непокорных убивали. Но ради справедливости нужно сказать, что порой братки и члены всевозможных ОПГ были большими патриотами России и державниками, чем тогдашняя кремлёвская власть. Не все были ангелами, и кое-кто на первых порах помогал Аксаковскому фонду: Сашу Иванову убили в собственном кабинете, другого предпринимателя судили 6 раз, каждый раз суд признавал его невиновным, а его арестовывали снова и снова, пока не повесили в СИЗО. Третьего, собравшегося мне помогать, моего бывшего дипломника в бытность моей работы в газете, но бросившего журналистику, как он говорил, по причине принадлежности её к первой древней профессии, окончившего военно-морское училище и закончившего службу в чине контр-адмирала, решившего на пенсии заняться нефтяным бизнесом, расстреляли из автомата Калашникова в Москве в подъезде собственного дома. Через много лет станет известно: бывшего военного моряка застрелил бывший военный моряк-подводник Пуманз, ставший знаменитым киллером.

Во время одного из Аксаковских праздников на чаепитие в Мемориальном доме-музее С. Т. Аксакова в Уфе, узнав, что на нём будет присутствовать Валентин Григорьевич Распутин, напросился один из крутых предпринимателей первой волны.

– Можно я подъеду, – обычно недоступный и неприступный, неожиданно позвонил он мне. – Можете меня не представлять, я просто посижу в уголке и послушаю. На телеэкране теперь его не увидишь, по радио не услышишь. И газеты его больше не печатают.

Валентин Григорьевич под впечатлением поездки в Аксаковский историко-культурный центр “Надеждино”, после службы в Дмитриевском храме с горечью рассказал, как пытается построить на своей родине, в районном центре, куда пришлось переехать после гибели Аталанки, церковь, но дальше фундамента дело не пошло: в селе народ обнищал, ходить по богатым с протянутой рукой – не в его правилах. Тем не менее, к одному сунулся, ко второму – отказали. Когда вечер закончился, предприниматель спросил его:

– Когда Вы уезжаете?

– Сегодня, часа через два.

– Сегодня поздно, банки уже закрыты, передам через Чванова.

Валентин Григорьевич, не поняв сказанного, недоуменно пожал плечами. Через день я позвонил ему:

– Поезд “Москва–Владивосток”, вагон 7, проводник Сергей. В Иркутск приходит ночью. Возьми паспорт, в темноте он может тебя не узнать. Один не встречай. Возьми сына Сергея и ещё какого-нибудь крепкого парня. Там будет посылка.

– А что за посылка?

Я не мог по телефону сказать, что там будет крупная пачка долларов, потому сказал первое, что пришло в голову:

– Мои книги.

– А что, ты не мог отдать мне их в Уфе? – В голосе Валентина Григорьевича было некоторое раздражение. – И что, они такие тяжёлые, что надо несколько мужиков?

Когда Валентин Григорьевич через несколько дней растерянно позвонил, что получил посылку, я ему объяснил:

– Тебе на храм. Ты, наверное, думаешь, что этот человек завалил Аксаковский фонд деньгами. Он не дал в фонд ни копейки, он пришёл в музей, чтобы увидеть и услышать тебя. Он дал деньги именно тебе, Распутину! Ему не надо никаких отчётов. У него единственная просьба, чтобы ты нашел надёжного мужика-строителя, который не пустил бы их по ветру или по карманам.

Позже Валентин Григорьевич рассказал мне, что на каком-то приёме у губернатора тот спросил, как обстоят дела с церковью? Он ответил. “Плохо. В селе народ нищий, а ходить по богатым с шапкой... А вот поехал в Башкирию на Аксаковский праздник, никого не просил, вдруг мне дали, что хватило сруб поставить да кое-что из стройматериала приобрести”. Губернатор пригласил предпринимателей, пристыдил, так удалось достроить храм. А потом я позвонил в Каменск-Уральский члену Попечительского совета Аксаковского фонда Николаю Геннадьевичу Пяткову, колокола которого по всей России и в православных храмах по всему земному шару, который отливал колокола для Свято-Никольского храма в самом древнем русском селе на территории нынешней Башкирии – в селе Николо-Березовка на Каме – и для Дмитриевского храма в аксаковском Надеждине: “Отлей, пожалуйста, без очереди... – И с большой скидкой”, – за меня добавил Николай Геннадьевич. Так на родине Валентина Григорьевича заговорили колокола, родственные аксаковским.

В один из моих приездов в Иркутск – мы тогда с В. М. Клыковым искали в городе место для памятника расстрелянному там А. В. Колчаку – к нам в гостиницу неожиданно пришёл предприниматель, у которого была выкупленная земля на Ушаковском рынке недалеко от места, где Колчака расстреляли, и предложил там поставить памятник, раз другого места в городе не оказалось. В конце концов, памятник встал около Знаменского монастыря, в котором Валентин Григорьевич будет похоронен.

Последнее время я редко бываю в Москве. Минувшей осенью, будучи в Москве пролётом в Пятигорск на Международный литературный форум “Золотой витязь”, я планировал навестить Валентина Григорьевича, в его телефонных звонках было всё больше и больше печали. Но в Союзе писателей мне сказали, что он в подмосковном санатории, и я звонить не стал. Вернулся в Уфу, не заезжая в Москву, лишь переехав из аэропорта в аэропорт. И вдруг его звонок: “Я узнал, что ты на днях был в Москве. Я знаю, тебе сказали, что меня не было в городе. А я как раз на день приезжал. Жалко, встретимся ли ещё...”

Я пытался его успокоить: в следующий раз обязательно заеду. По зиме специально приеду.

Следующего раза не получилось...

А в Аксаковском историко-культурном центре с символическим названием Надеждино, на родине великого печальника славянства и Земли Русской, Ивана Сергеевича Аксакова, около стены храма во имя Дмитрия Солунского, покровителя всех славян и русского воинства, в котором в Дмитриевскую поминальную субботу служба по всем убиенным за Родину, “за други своя”, стоят рядом два дерева, посаженных Вячеславом Михайловичем Клыковым и Валентином Григорьевичем Распутиным.

Письма В. Г. Распутина М. А. Чванову

19.08.2002

Иркутск

Дорогой Миша!

Решаюсь я всё-таки поднатянуть свои жилы и приехать в Уфу. Что делать! Дав слово – держись! Но это может произойти лишь в том случае, если вы оплатите мне дорогу из Иркутска и обратно, просить у нашей администрации я уже не могу, потому что поездка в Москву в начале сентября всё равно состоится, и устраивает её она, администрация. В Москве я буду даже в конце августа, числа 29-го, а числа 10-го сентября возвращаюсь в Иркутск. Выходит, что ненадолго.

Хорошо если бы ты мне позвонил в Москву (244-02-36) в последние августовские или первые сентябрьские дни (затем могу улететь в Тобольск) <и> разъяснил следующее:

а) когда выезд из Москвы в Уфу и поездом или самолётом? 26-го или днём раньше?

б) на сколько? Вполне может быть, что я буду возвращаться несколько раньше. Но это в зависимости от того, как долго останется основная группа. в) будут ли поездки внутри вашей республики?

г) будет ли Савиных? Конечно, мне очень хотелось бы заарканить его затем в Иркутск. Я, не удержавшись, уже обещал его у нас. Как и тебя. Как и В. Ильешеви́ча, который, кажется, тоже мобилизован тобой. Эх, узок круг наш, узок!

Остальные вопросы, которые непременно появятся, я задам уже при разговоре, но предварительный разговор обязательно нужен.

Извини, что огорчил тебя предварительным отказом, но лучше проверить надёжность крючка заранее, чем срывать с него в последний момент.

Обнимаю тебя.

В. Распутин

04.01.04

Москва

Дорогой Миша!

Хоть и с опозданием – с Рождеством Христовым тебя и с Новым годом! И пусть ангел-хранитель не оставляет тебя, как он не оставлял до сих пор!

До Николая Пяткова я дозвонился, и о заказе мы с ним договорились, теперь буду добывать деньги. Но пока отправляюсь, завтра в больницу по накатанной дорожке в Обнинск, где лечились Валерий Николаевич и Игорь Ляпин. А теперь и мне приспело: здесь болит, там болит, то ли “пугают”, то ли берутся всерьёз. На чужих ветрах сибиряки слабнут, я это давно замечаю.

Больше недели, прихватив и новогоднюю ночь, промаялся в гриппе; хоть завтра и еду, а не знаю, возьмут ли с моими “признаками”.

25 декабря должна была состояться в “НС” редколлегия, но не состоялась. И узнать, что с твоей рукописью, не удалось. За десять дней до нового года – никого в редакциях, и спустя две недели – никого. Глушь, безлюдье, тишь и гладь. В союзе жизнь начнётся в феврале: кажется, 2-го пленум, а затем два дня ВРНС, тогда, надеюсь, и увидимся.

Президент ваш остался – хорошо. В Думе перемены тоже неплохие. А надёжу не прибывает. А годочков уже под 70. Одно утешение: как всякая перелётная птичка, начинаю я уже привыкаться к восточному ветру, когда потянет весной.

Спасибо, что добыл ты мне координаты М. Пяткова. Перед Сибирью, может быть, удастся съездить к нему. Дал бы Господь здоровышка, а так-то чего...

Обнимаю тебя

В. Распутин

22.08.06

Иркутск

Дорогой Миша!

С большим опозданием поздравляю тебя с Большой литературной премией. Премия “Большая”, но и соискателей становится все больше. Я рад за тебя, правда, при вручении я не обнаружил тебя на фотографии (или уж вижу до того плохо, что своих не узнаю), и всё-таки не было – или уезжал куда, или болел.

О нашем несчастье ты знаешь. Вот и сорок дней прошло, а боль и пустота нисколько не меньше. Вот теперь я определённо взял направление на “выход”. Едва ли смогу писать; понадобилось сделать одно небольшое предисловие – сидел-сидел и не смог. Подвёл Володю Толстого: пообещал статью, но из камня выдавливались только слёзы. От всякого общения бегу; чтобы не быть на “Сиянии России”, согласился с театром (везут “Матёру”) поехать

в Монголию. Ко мне, видимо, и подступаться тяжело: один рядом с не перестающей плакать женой. Желание одно: исчезнуть, так сказать, на собственных ногах, забиться в такой угол, чтобы нельзя было выковырнуть.

Я всматривался в тебя после кончины жены: мужественная жизнь смолоду наделила тебя мужеством на всю жизнь. И ты не выронил пера из рук. А я вот этого – выронить – боюсь больше всего.

Ну, да ладно, будем как-нибудь жить. В сентябре нам со Светочкой придётся, вероятно, на неделю приехать в Москву, чтобы выполнить кое-какие необходимые формальности, а затем опять в Иркутск до ноября-декабря. Не обойди, пожалуйста, Миша, когда будешь в Москве.

До чего тяжёлый год: С. Климов, С. Викулов, И. Стрелкова! И многие, многие другие. Накануне Сережа Лыкошин...

Ещё раз поздравляю, Миша, с премией. Это вовремя. Едва ли ошибаюсь: писателскому нашему союзу осталось жить лет десять. А вот твоё аксаковское дело, верю, надолго.

Обнимаю тебя
В. Распутин.

13. 01. 07

Дорогой Миша!

Пишу в канун старого Нового года, поэтому ещё не поздно поздравлять тебя с русским новолетием и пожелать тебе сил и терпения.

Я ведь тоже теперь живу по инерции, надо – и поднимаешься, садишься за стол или идёшь куда-то, а по дороге и понять не можешь, куда и зачем идёшь. Все писательство (помнится, в сентябрьском письме ты говорил о том же) – некрологи, воспоминания об ушедших (С. Лыкошин, Ю. Андрианов и др.), предисловия к чужим книгам, но и это всё с трудом. Началось это ещё до гибели Марии, а после уже усугубилось. Прошло полгода, и мало кто верит, что за это время нельзя восстановить силы, приступают бесцеремонно: ты должен!.. Должен – не должен, а не могу, и вернётся ли это чувство долга, не знаю.

Удивился я и ещё одному совпадению с твоим то ли настроением, то ли ощущением: мы больше хотим верить, чем веруем на самом деле. Во мне это точно есть. Пытаешься погрузиться – и не получается, чувствуешь себя рядом с батюшками и верующими серьёзно обманщиком. Я с владыкой нашим говорил об этом, он успокаивает: “Да вы верующий больше, чем верующие по всем буквам веры”, – но я-то знаю, что это не так и что своей откровенностью я ставлю добрейшего нашего владыку в неловкое положение.

В Москве мы с 1 декабря, и по сию пору я старался в свет не выходить. Теперь уже придётся: через три дня 80-летие Е. И. Ташкова, режиссёра, снимавшего “Уроки французского”, через неделю не то 70, не то 75 Михаилу Ножкину. А там колесо по московской брусчатке загремит всё учащенной и быстрее. О своем юбилее стараюсь не думать, но в большой зал всё равно пойду и события из этого делать не стану. Ничего по доброй своей воле – разве что, как Стеньку Разина, в путях и кандалах повезут на лобное место.

Надеюсь на скорую встречу, Миша. Хоть чаю попьём, если уж для водки не годимся.

А на “шевроле”, подаренном президентом, мы ещё прокатимся по вашим просторам. Если летом, как расплата за несостоявшуюся зиму, не выпадут снега.

Обнимаю братски,
В. Распутин

24. 10. 07

Иркутск

Дорогой Миша!

Спасибо за письмо – и так обидно, что не пришлось тебе побывать у нас. А хуже всего, что и последние деньги вытряс на бандитскую авиацию. Остался ли билет из Уфы? Ведь его можно возместить. Если остался, вышли ты его мне, пожалуйста, без комплексов, и пока я здесь, мы хоть его выведем на суд праведный.

Летал нынче в начале сентября в Москву. На трап пришлось подниматься, потому что потребовалось (сроки выходили) подтверждение, что льготы свои “геройские” я по-прежнему готов получать в рублях. Почему каждый год надо подтверждать и половину этих льгот выбрасывать на прибытие к месту подтверждения? Вся процедура заняла вместе с метро полтора часа, а прогулка по воздуху туда-сюда – 15 тысяч. Летали к тому же вместе со Светланой, но это уж был её каприз, с которым я не стал спорить. В себя она ещё не пришла, приходится считаться и с этим.

За жизнь свою я летал много, даже очень много. Не боюсь летать и теперь. Но стало противно, до того противно, что готов был стонать от какого-то неприятного сжатия внутри. И народ, показалось мне, летает теперь призрачный, невесёлый, но это, возможно, признаки времени, существующие и на земле тоже.

В Москву отправимся, вероятнее всего, в середине ноября. И до начала апреля там, не проходи мимо.

“Сияние”, на которое ты не попал, прошло у нас неплохо, всю гарцевал Савва, но чувствуется: выдыхается наше “Сияние” (в 19-й раз), нет уже ни задора, ни уверенности, что наработал он в этот раз столько-то и столько-то. Старееет видимо, всё, что набирает годы. Устаёт. 20-е “Сияние” мы, конечно, проведем и постараемся собрать лучший народ, а уж там... как Господь позволит. Я уже два года выполняю всего лишь подсобную роль, а затем и это не смогу.

Вот уже два года работать не могу совершенно. Миша, пробовал предисловия, сижу по две недели над двумя-тремя страничками, и результат дохлый. Настаиваю, всё верится, что вернётся хоть половина слова, – нет, или пусто, или через пень-колоду. Придётся доживать в молчании, я с этим уже смирился. А что ещё оставалось?

Аброщенко кланяюсь. Есть люди и в наше время. Это и поддерживает дух. Вот они-то и выведут нас. Верю, что выведут. Ведь каждый такой Аброщенко за тысячу (больше!) стоит – и выстоят. Только, вероятно, уже без нас. Нет, ты-то застанешь и будешь свидетелем, и как-нибудь и мне об этом сообщишь.

У нас первая зима. Сижу на даче, как в норе, а вокруг белым-бело и тихо. И верится, что всё в свете и человеке выстоит всё-таки на своих собственных основаниях, и нам, глядишь, поможет.

Обнимаю тебя.
В. Распутин.

30.06.08
Москва

Дорогой Миша!

Давно мы не переключались с тобой, давно ты, по-видимому, не был в Москве, и никакие слухи о тебе не доносятся. Правда, и я на Комсомольском бываю редко, по летнему времени там никого и не застанешь. А я нынче застрял в Москве, и когда вырвусь – неведано. Заболела Светлана, сделали операцию, и теперь на всё лето с небольшими перерывами – химиотерапия. Дай Бог, чтобы в августе хотя бы дней на десять вырваться.

Не работаю и, наверное, уже не смогу. Дежурные фитюльки приходится делать, но и в них уже не моя рука. Говорю об этом, не жалуясь, да и воспринимаю своё новое положение спокойно. Богатыри – не мы, “не я” – надо говорить, а богатырские подвижники у нас есть.

Хотел бы послать В. В. Аброщенко свою “Сибирь” (привезли из Иркутска десяток экземпляров, а до того не было), но опасаясь, что по летнему ненадёжному времени вдруг некому будет получить, и завернут обратно. Вспоминаю его часто. Вообще Уфу вспоминаю часто. Она до сих пор щедра ко мне. На днях в Госуд<арственной> (Ленинской) библиотеке Савва Ямщиков устраивал презентацию своей книги. Я был среди зрителей. И вдруг подсаживается ко мне женщина и протягивает баночку башкирского мёда. Я: “Да не надо, да что вы!” – а она пристыдила меня, вручила и отошла, я потом и не нашёл её. Пришлось и самому себя пристыдить, но мёд был таким душистым – запашистым, что и стыд мой в нём растворился.

В августе Валерию Николаевичу 75, а до конца года (может быть, с заездом в новый год) надо будет проводить съезд. 75 – это, конечно, много,

но и замены, кажется, нет. Худо-бедно, но он сохранил союз, а что дальше может быть – Бог весть.

Доброго тебе лета, Миша, доброго настроения, работы и, конечно, отдыха.

Обнимаю,
В. Распутин

26.07.08
Москва

Дорогой Миша!

Спасибо за скорый отзыв. Ты, слава Богу, продолжаешь жить полноценной приключенческой жизнью, как в молодости, если на тебя бросают взгляды не только женщины, но и профессиональные воры (история в Болгарии). А я закис по всем статьям. Остаться на лето в Москве, хватать воздух, как рыба, выброшенная на песок, – я подозревал, конечно, что это испытание, но не такое же, в котором оказался... Надеюсь хоть на недельку в начале августа слетать в Иркутск и набрать там во все жабры родного дыхания, но ещё нет полной уверенности, что получится.

На Аксаковский праздник едва ли приеду. Химиотерапия у Светланы займёт ещё и август, и сентябрь. Но это не единственная причина, показывать меня народу уже нельзя, в этом качестве сдох окончательно. Более полугода пытался хоть немножко вернуть свою память под руководством академика из Сеченовской мед<ицинской> академии, выбросил на лекарства уйму денег, но лучше не стало, стало ещё хуже. Собираюсь бросить: живут же глухие, немые, а чем я хуже? В России сейчас только глухим и немым да жить... По этой же причине и писать не могу. Сижу днями над одностраничным текстом – и бестолку.

Кандидатура Стаса Куняева на Аксаковскую нынешнюю премию мне кажется очень достойной. Несмотря на ваши разногласия с журналом. Не торопись ты, Миша, выходить из редколлегии. Приедет Стас, поговорите, и тогда будет ясно, что делать.

А твою работу о Нансене, конечно, надо печатать. Не со всем я в ней согласился, но статья нужна, очень нужна. Слова Казинцева: “Ну, был хороший человек, ну и что?” – всерьёз принимать нельзя. Ни хороший человек, ни плохой по справедливости не должны быть забыты. А уж о такой могучей фигуре, как Нансен, и говорить нечего. И пусть не в каждом городе ему надо ставить памятники, как ты, разгорячась, предлагаешь, но и единственный московский памятник, о котором даже я не слышал, это пшик, не более того.

В чём мои претензии, очень осторожные, на которых я не могу настаивать. Прежде всего, в твоей горячности. О Нансене надо говорить спокойно, тогда и убедительно будет. А сцена, к примеру, с Калининым, который при встрече с Нансеном пил пустой чай, а когда тот ушёл, отправился откусывать в спецбуфет и т. д. И на абзац с правителями-недоумками... Я говорю не о том, что это несправедливо, а о неподходящем к этой статье тоне, иногда у тебя прорывающемся. Нансен, конечно, тоже многим в России возмущался, но сдерживал себя в интересах дела. Бери и ты пример со своего великого героя. Прости за нравоучения, не удержался.

Повторю: статья эта очень и очень нужна. Ради справедливости, как российской, так и мировой. Если же не “НС” – есть ведь ещё и ганичевский “Роман-журнал”, есть областные журналы, в том числе “Сибирь”.

В. Н. Ганичеву 3 августа 75, ты очень и очень прав, говоря о его значении в наше время. Я согласился, несмотря на свою инвалидность, написать о нём статью в газету (“Сов<етская> Россия”). И, кажется, запорол... Дал посмотреть В. Н., а он, бедный, не знает, как отозваться.

О-хо-хо! Старость – не радость, все грехи наружу. Но я научился относиться к этому спокойно. Однако же обидно, что не понимают, считают, что я сознательно, в каких-то своих расчётах ухожу с поля боя. Ну, ничего, и это пройдёт и быльём зарастёт.

Обнимаю тебя, Миша. И прости, если ненароком обидел.

В. Аброщенко книгу собираюсь отправить.

К сему
В. Распутин

23.11.08

Дорогой Миша!

На последнее, да и давнее уже письмо твоё я ответил, да ведь не до конца, а потом и пропал. А ведь следовало подсказать, чтобы статью свою о Нансене, если она ещё не устроена, ты отправь в Иркутск Васе Козлову. Никакой памяти у меня не стало. И это уже не оговорка. Рак у жены, операция и до сих пор химиотерапия. Я дважды терял сознание и вместе с тем терял память. Сейчас вот уже месяц в больнице, пытаются вернуть или, вернее, закрепить остатки, но получается плохо. Писать тебе уже окончательно не смогу. Да и говорю кое-как. В сторону отступить – дело нехитрое, так я и делаю, лишь бы не повторялись удары.

Говорю об этом не для того, чтобы пожалели, но вот странность: именно в эту-то пору, когда в голове стало просторно и пусто, я и вспомнил о Нансене, о том, что работа-то твоя, должно быть, до сих пор отдыхает. Сослаться можно на меня, когда будешь писать Козлову.

Впереди вроде писательские сборы, может быть, и встретимся. Дошла ли до Аброщенко “Сибирь”?

Обнимаю тебя
В. Распутин

ВАСИЛИЙ КОЗЛОВ

РЯДОМ С РАСПУТИНЫМ

Из записей разных лет

С Валентином Григорьевичем Распутиным я познакомился в конце шестидесятых годов, когда стал ходить в Иркутский дом литераторов на заседания ТОМа – Творческого объединения молодых, – довольно весёлого и шумного собрания. Иркутск того времени – город маленький, и вся культура была сосредоточена в центре: Драмтеатр, ТЮЗ, музеи, мастерские художников, поэтому разминуться было невозможно. Мы жили на одной улице, наши дочери – Маша Распутина и моя Светлана – посещали одну группу детского сада, где мы часто встречались, когда приходили за детьми. Писательский круг в то время был нешироким: около тридцати членов Союза писателей СССР и примерно столько же, может быть, чуть больше тех, кого называли литературным активом. Молодых привлекали к участию в работе писательской организации, мы выступали совместно со старшими писателями на литературных вечерах, встречались с читателями на заводах и фабриках, в студенческих и рабочих общежитиях не только в Иркутске, но и в поездках по области, которые организовывало Бюро пропаганды художественной литературы. За выступления платили, и когда кончались литературные гонорары, можно было заработать, как говорится, “для поддержания штанов”. Общение со старшими писателями было для нас школой жизни, освещённой высоким смыслом служения литературе.

Иногда, очень редко, в таких поездках участвовал и Валентин Григорьевич. И уже тогда в близком общении была видна его особенность, не обособленность, а именно особенность: в поведении, в твёрдости мнений, в принципиальности. В памяти хранилось множество встреч, картин, фраз, некоторые я фиксировал на бумаге, чтобы не утратились, пусть это были фрагментарные, но яркие свидетельства его жизни.

Можно назвать удачей, а может быть, чем-то большим то, что я на протяжении десятилетий общался с Валентином Распутиным и в правлении писательской организации, и в редколлегии журнала “Сибирь”, и в Президиуме Общества охраны памятников истории и культуры, и в многочисленных поездках по области и стране, слушал его выступления на различных съездах и пленумах, на Всемирном русском народном соборе в Москве, и на вдохновляемых им Днях русской духовности и культуры в Иркутске.

Валентин Распутин был знаменитым писателем и в смысле знамения, и в смысле знамени. Его известность, а потом и слава утверждались медленно и незримо от книги к книге, от выступления к выступлению, от действия к действию. Не было резкого всплеска читательского интереса, как иногда бывает, но не было и забвения. Даже в последние годы, когда Валентин Распутин ничего не писал, он оставался неким неофициальным средоточием

в литературной жизни России. И значимость ему придавала уже не только и не столько литературная деятельность, а его личность человека особой значимости, крепости и пророческой притягательности: к нему шли за советом, от него хотели услышать, что происходит с нами и с миром, куда нам идти и что делать.

Я думаю, что сегодня, когда земной путь Валентина Распутина завершился и книги его легли в сокровищницу золотого фонда русской литературы, нам важен и образ Распутина, человека, жившего с нами рядом, в повседневных заботах, болезнях, во всём, что мы называем бытом, для того чтобы, может быть, яснее понять и тот мир, который запечатлён писателем в его трудах.

Из записей, которые накопились у меня за годы общения, я выбрал наиболее, на мой взгляд, интересные, в которых предстаёт в различных жизненных ситуациях живой Распутин.

4 октября 1982 года.

Встретил Распутина в Доме литераторов. Попросил его выступить перед участниками Литобъединения при Областном комитете комсомола, которым я руководил, но он даже не захотел дослушать меня: я не умею говорить, да и не о чём мне говорить...

17 мая 1983 года.

Литературная встреча в актовом зале Октябрьского РК КПСС. Распутин: «Я смотрю, в зале сидят серьёзные люди, сразу видно – пропагандисты. Иногда по улице идёшь, видишь, человек с серьёзным лицом – точно пропагандист. Был бы у меня сильнее голос, я мог бы говорить что-нибудь весёлое, но голос у меня слабый. Год с небольшим назад я написал рассказ и поначалу не собирался его публиковать. А когда надумал, то его не напечатали, потому что я оказался в некотором роде пророком. Рассказ достоверный, я ничего к нему не прибавил от себя, даже наоборот, убавил, чтобы он был правдоподобней. Рассказ не напечатали, потому что 1 февраля наши цены резко пошатнулись, но не в меньшую, а в большую сторону. И чтоб не напоминать об этом, решили повременить. Потом, сказали, когда улягутся страсти. Издадут, конечно, когда-нибудь, куда они денутся». И прочёл рассказ «Слух».

16 декабря 1986 года.

В 11:00 проходила встреча с английским писателем Андерсоном, организованная горкомом партии. Были Распутин, Гурулёв, Филиппов. Обычная полуофициальная встреча, дежурная и по сути никчёмная. Распутин, прощаясь, сказал: «Оревуар». Англичанин переспросил, переводчик пожал плечами. Тогда Распутин сказал: «Это «до свидания» по-французски». Все дружно хохотнули.

17:00. Обсуждение на редколлегии «Сибири» повести А. Н. Литвинцева «Мертворождённая» – о коллективизации. Распутин в заключение сказал, что не надо надеяться, что с цензурой будут дела обстоять просто. Надо всё же дать убрать те места, которые не могут навредить целому, чтобы состоялась публикация.

Лето 1986 года.

Поездка в Братск. Выступление на братском телевидении. Валентин Григорьевич сильно волновался. На лбу – испарина. Читал отрывок из «Вверх и вниз по течению», говорил о повести, о затоплении водохранилища. Когда мы после передачи сидели у редактора, позвонила сестра Распутина, она жила в Братске. Я услышал обрывок фразы: «За что спасибо? Да я говорить не умею. Язык как деревянный». (Видимо от его недовольства тем, как он говорил на публичных выступлениях, родилась в дальнейшем привычка Валентина Григорьевича готовиться к наиболее важным выступлениям и зачитывать тексты, заранее написанные для этого. – В. К.).

31 октября 1991 года.

В. Г. Распутин пригласил нас с Анатолием Григорьевичем Байбородиним к себе в Старокопюшенный переулок. Был в Москве очередной съезд СП России. Вначале домом обозначились, потом ошиблись подъездом. Женщины (дежурные) – перепуганные какие-то. Время бандитское.

Одна из них сама вызвалась проводить до распутинского подъезда:

– Вот здесь живёт Распутин. Мы его все знаем и любим. (Непрерывно “все” и такое неожиданное “любим”).

Удивительно услышать такие слова в Москве среди делового торопливого равнодушия. Вокруг Распутина много добрых людей, постоянно бывающих у него. Взять хотя бы Льва Михайловича Анисова, с которым он нас познакомил в этот раз.

Когда вошли, В. Г. сказал:

– Вот так живут советские बारे.

– Обстановкой-то сами обзавелись? – Байбородин спросил.

– Какой там. Всё чужое. Всё было, когда въехали.

За столом несколько раз останавливал за разговорчивость жену Светлану Ивановну.

Пошёл провожать нас.

Я спросил:

– Как тебе здесь живётся?

– Да неделю ещё выдерживаю, а потом тоска, хорошо хоть иногда к Шафаревичу сходишь, с Кожинным поговоришь.

26 апреля 2003 года.

Накануне договорились пойти на ночное Пасхальное богослужение в Троицкий храм. Встретились с Альбертом Гурулёвым (друг В. Г. Распутина со студенческих лет) в половине десятого возле Дома литераторов и зашли к В. Г. Он уже был готов и поджидал нас. Обходя лужи, хотел взять его под руку, чтобы не оступился, накануне был дождь, да и ещё лежавший на северной стороне снег не весь сошёл, но Валентин руку молча отстранил, в одном месте всё же черпанул в ботинок воды. Фонарей на улице нет, а из окон свет несильный. Вспомнили, что в доме напротив живёт мэр, Якубовский.

27 июня 2003 года.

Был на губернаторском приёме в честь приезда Е. А. Евтушенко. Он в сиреневых полосатых брючках-дудочках, серых носках, чёрных ботинках, светло-синий пиджак, очень длинный, мешковатый, туловище получается несуразно огромное, светлая рубашка, галстук в голубых цветочках и разводах. Коротко стриженные редкие волосы, походка геморроидальная, а взгляд живой, цепкий. На встрече с читателями Е. А. сожалел, что на улицах Москвы бьют негров: “Я рад, что Пушкина нет в живых, иначе и его бы побили”. Глупость чистейшая! Русские либералы всех “жалеют” во всём мире, кроме русского народа. Такие вот “защитнички” чуждых народов.

12 февраля 2004 года.

Звонил Валентин из Москвы, спрашивал о журнале. Я ему рассказал о том, как Кутищева (Вера Ивановна, министр культуры Иркутской области в то время. – **В. К.**) на совещании объявила о прекращении финансирования “Сибири”. Я утром, выступая в прямом эфире, – так совпало, – сказал, что журнал “Сибирь” выходил даже в годы Великой Отечественной войны, но, знать, “наступили времена страшнее, чем война”, как-то само собой срифмовалось. Эфир был прямой и ранний, в семь утра, тем не менее, министру донесли, и к десяти утра меня уже ждали в министерстве.

Кутищева, как только я вошёл в кабинет:

– Как вы могли такое сказать, Якубовский недоволен вашими словами, – и всё в таком же роде.

Я спросил:

– Вера Ивановна, а вы слышали, что я говорил?

Оказалось, что нет.

– Тогда давайте так договоримся: вы запросите в радиокomiteе запись, послушаете, а потом мы поговорим. При пересказе, как правило, смысл искажается.

На этом и расстались. Но больше никогда Вера Ивановна к этому вопросу не возвращалась.

13 марта 2004 года. Москва.

Я приехал к Распутиным в 16 часов, а ушёл около 23. Ужинали вчетвером: Светлана Ивановна, Валентин Григорьевич, Семён Иванович Шуртаков, близ-

кий приятель В. Г., писатель, замечательный человек, большой книголюб. Я встречался с ним на всевозможных писательских собраниях, но близко познакомился у Распутина. Вспоминали товарищей Распутина по молодости: Г. Пакулова, А. Гурулёва, А. Вампилова, совещание молодых писателей в Чите в 1965 году, на котором приняли в Союз писателей сразу несколько молодых иркутян.

Почему-то стали вспоминать, кто, когда, что пил. В. Г. вспомнил, как пил одеколон, “но всего один раз, хватило”.

5 мая 2004 года.

В. Г. Распутин вошёл в кабинет, поздоровался и выждал паузу. Я замечал те моменты, когда он заходит без дела, просто так, ведь обычно он не любит пустых никчёмных фраз.

Поговорили о праздничных днях.

— Ты хоть на даче-то был? — спросил меня, зная, что я иногда работаю вечерами. Днём встречи с авторами, прочая суета. Даже как-то звонил мне в десять часов вечера в редакцию, а я ещё был там: “Вася, так долго даже олигархи не работают”.

— Да ездил в Култук, огородом с Тамарой пытались заниматься, да там ещё холодно, 1 мая — снег, 2-го — солнце, но не жарко. Байкал ещё подо льдом. А ты как? Светлана Ивановна приехала?

— Да, приехала, — как-то неудовлетворённо сказал. — Она у меня землю-то не очень любит. К огороду равнодушна. Маша ещё, если попросишь, что-то сделает, да она на дачу не приезжает, разве когда уже собирать надо. А Сергей... Вчера привёз “КамАЗ” навоза, я таскал, да руку сорвал (как вечером выяснится из разговора с А. С. Гурулёвым, и глазам хуже стало, не бережёт себя после операции). Если бы я сейчас выбирал себе жену, то выбрал бы ту, которая землю любит. Если любит землю, значит, полюбит и всё остальное, или почти всё.

Это “или почти всё” характерно для него. Он не любит категоричности, нередко уточняя или смягчая сказанное.

Вечером звонил Смиффу, чтобы договориться помочь Валентину Григорьевичу перенести навоз на грядки, но его не было дома, потом был занят телефон. Утром он был занят, приехали на дачу часам к четырём дня. Валентин уже всё стаскал. Я говорю ему:

— Мы что, зря приехали? Ну, давай хоть что-нибудь сделаем, чтобы не стыдно было за стол садиться.

Он накрывал стол во дворе, носил из дома какую-то еду, выпивку. Посмотрел вокруг:

— Ну вот, если вопрос так ставится, отпилите вон тот сук на лиственнице, — показал рукой вверх, — свет закрывает, когда я работаю в зимовьё*.

Это походило на шутку, но он был серьёзен.

Принёс из дома рёвёвку, ножовку. Пошёл на лестницей:

— У меня сосед однофамилец, еврей. Я у него лестницу беру.

Валентин принёс стремянку, я приставил её к матёрому, в полтора обхвата стволу, забрался на самый верх лестницы, забросил верёвку на первый сук, подтянулся, залез на него и уже смог дотянуться до нужных веток и стал пилить. Ножовка с весёлым, сухим и острым вжиканьем вгрызалась в древесину, и ветка, обломившись, с шумом полетела вниз.

— Слушай, ножовка у тебя хозяйская, острая, зуб интересный, вытянутый, не наша видно?

— Да это я из Японии привёз.

Я в жизни и плотничал, и столярничал, и резьбой по дереву занимался, знаю толк в инструменте. Как оказалось, и Валентин тоже: это ж надо, в Японии высмотрел. Только человек понимающий мог тащить такую безделицу из Страны восходящего солнца. Человек, родившийся в деревне, универсален: и жнец, и на дуде игрец, и прочий спец.

Когда у Валентина делали ремонт на даче какие-то нанятые халтурщики, ту пилку “увели”. Жалко, ловкая была железка.

* Зимовьём, кроме привычного значения, у нас в деревнях называют отдельно стоящее во дворе тёплое рубленое из бруса или кругляка помещение с печкой. Ещё его называют летней кухней. Здесь ему всегда хорошо писалось.

15 июля 2004 года.

Идём с В. Г. покупать билеты в Барнаул. Накануне он звонил в компанию “Красаэро” и разговаривал с начальником представительства, так как в кассах билетов уже не было. Александр Витальевич (начальник) пообещал, даже дешевле (до Москвы рейсов больше и цены ниже, хотя по расстоянию почти в два раза дальше).

Заговорившись, ушли в конец улицы Горького, где находятся привычные за многие годы кассы Аэрофлота. Пришлось возвращаться – представительство располагалось в здании комитета по радио и телевидению на первом этаже. Александра Витальевича не было, но кассир, довольно симпатично улыбающаяся особа, связалась с ним по сотовому. “Дешёвых” билетов не оказалось, пришлось покупать по пять с лишним тысяч, я не рассчитывал на такую сумму, пришлось занять у Валентина Григорьевича недостающие 910 рублей.

В этой истории сказывался, по всей видимости, крестьянский характер Распутина. Экономными чаще всего бывают люди, испытывшие нужду в детстве. В нашем случае, казалось бы, любые билеты оплатят, а он всё равно хотел сэкономить, но ведь не свои деньги экономил, государственные.

По дороге говорили о всяких житейских делах. Валентин Григорьевич должен был ехать в Усолье-Сибирское с Альбертом Гурулёвым. У Гурулёва приехали родственники из США (внук, дочь, зять). Валентин Григорьевич пошутил:

– Внук гурулёвский очень любит мясо, поэтому придётся ехать в Усолье к Сумарокову (Илье Алексеевичу, директору Усольского свиного комплекса, близкому знакомому Распутина. – **В. К.**). Да и мне жену надо чем-то успокоить – я отказался взять её с собой в Барнаул. Она обиделась. А что брать-то? Она особа обидчивая, что не так – сразу скандалит, дуется. Без неё проще...

22–25 июля 2004 года.

Поездка с Валентином Григорьевичем в Барнаул, Бийск, Сростки. Договорился с Геннадием Митрофановичем Русских (в 90-е годы – главный редактор оппозиционной “ельцинскому” режиму газеты “Земля” в Иркутске, которую поддерживал В. Г. Распутин. – **В. К.**), чтобы он отвёз нас в аэропорт. Он подъехал ко мне домой, мы пообедали и заехали за В. Г.

В зале ожидания к Распутину подошла девушка-студентка и попросила автограф. Удивительно и несколько странно, что везде, где бы В. Г. Распутин ни появлялся, обязательно найдутся люди, которые его узнают. На паромной переправе, в трамвае, на базе отдыха “Казачка” под Тулуном и т. д., я был свидетелем: подходили люди, в основном молодые, даже юные. Так что зря вы, “господа” бывшие товарищи либералы, лжёте: не только старшее поколение знает и любит Распутина, но и новое читает и почитает.

Летели с пересадкой в Красноярске. Вместо ожидаемого Ту в Иркутске подали Ан-24, самолёт старый, видимо, выработавший свой ресурс, хвостовую часть постоянно вело в сторону, было ощущение, что пилоты постоянно выравняли непослушный хвост. Такой же самолёт подали в Красноярске. Валентин Григорьевич, возмущившись, сказал мне, что по возвращении позвонит в “Красаэро” и выскажет им своё неудовольствие. Но, вероятнее всего, не позвонил.

В ожидании рейса на Барнаул Валентин Григорьевич выпил кофе, я – бутылку пива, и долетели, в общем-то, легко.

В Барнауле нас встретили две начальственные дамы, “Волгу” подогнали прямо к самолёту. Одна из них – Галина Дмитриевна Колесникова, председатель Барнаульской писательской организации, поэтесса, а как зовут представительницу администрации, не запомнил, так как общался с ней мало, а в суматохе и мельканье лиц я имена вообще плохо запоминаю.

Доехали до гостиницы уже около полуночи, Валентина Григорьевича поселили в люкс, у меня был номер попроще, но с телевизором и холодильником. Поставил вещи и решил пойти посмотреть, где можно перекусить. Кафе и ресторан оказались закрытыми. Валентина Григорьевича решил не беспокоить – вдруг <он> устал, отдыхает. Спустился на первый этаж, а там уже администратор разыскивала меня, звонила в номер.

– Валентин Григорьевич просил найти вас, приглашает поужинать у себя в номере, он вам звонил, вы не отвечали.

– Меня в номере не было.

У Валентина Григорьевича на столе уже был нарезан сыр, копчёное мясо, хлеб, фрукты. Заварили чай. Валентин любит хороший, крепкий чай.

Звонит телефон. Валентин берёт трубку.

– Слушаю. Нет. Не надо, спасибо. Я уже не в том возрасте. Нет, не надо. – Сказал спокойно, без раздражения.

– Вот, стоит только войти в номер, и начинаются звонки. И так везде в последнее время. Помню, случай был: в дверь постучали, открываю. Стоит девушка симпатичная такая. Предлагает себя. Я пригласил её в номер. Разговорились, оказалось, работать негде, больная мать и дочь на руках. Промышляет этим. Дал ей денег, сколько-то было у меня, немного. Говорю ей, приходите, у меня ещё должны появиться деньги, я вам ещё дам, но не пришла больше...

Снова звонок. Берёт трубку, мягко отнекивается.

– Вася, давай отключим телефон, а то ведь не дадут житья.

Один телефон я отключил быстро, с другим пришлось повозиться: кто-то вилку примотал намертво скотчем в несколько слоёв к розетке, пришлось подрезать ножом. Видимо, мы не первые, кто пытался отмахнуться от “ночных бабочек”.

19 октября 2004 года.

11:05. В кабинет вошёл В. Г. Распутин. Поздоровались. Попросил несколько листочков бумаги: “Всегда ты на посту”.

– Хотят сфотографировать, что я как будто работаю. Так и сказал.

В прихожей – несколько тележурналистов с камерами. Сел за стол, положил перед собой бумагу, вытащил из кармана простую, прозрачного пластика с синим колпачком шариковую ручку. Посмотрел на меня как-то обречённо...

Вчера я позвонил ему, ответила Светлана Ивановна, что его нет дома. Потом, через час примерно, он позвонил. Я хотел с ним отправить в Усть-Уду журнал “Сибирь” с его повестью “Дочь Ивана, мать Ивана” для православной общины. Он собирался ехать на родину, в Аталанку, там строится новая школа и восстанавливается дом, в котором в детстве жил Валентин Григорьевич.

14 марта 2005 года. Москва. По окончании пленума.

До конца дней своих не устану удивляться мягкости В. Г. Не знающие его близко говорят о его жёсткости и неприветливости. Общаясь с ним на протяжении десятилетий, замечал в нём терпение, безропотность, спокойствие, умение понимать других и стремление к этому, любовь к друзьям и строгость. Близких людей у него не так много, к ним нежное отношение, именно нежное, внимательное, чуткое.

Пока шли к В. Г., ехали на метро, зашли в магазин. Купили водки, вина, закуски. Виктор Потанин, Виктор Лихоносос с подружкой. Валя всех отговаривал и того не брать, и другого, что дома всё есть. Мне заметил, зачем я такую дорогую водку беру, можно попроще.

Виктор Потанин – спокойный, полноватый человек, которого Валентин иначе как Витя не называл. У В. Г. привычка приглашать к себе всех, к кому он тянется душой. На бесконечных и бесчисленных пленумах и съездах, собраниях-заседаниях для каждого найдётся время и непременно зазовёт к себе, накормит, напоит. То же самое и в Иркутске. Да ещё по дороге не позволит даже бутылку водки купить, свои деньги даёт, чтоб на них купили.

Ближе к полуночи стали расходиться. Виктор Иванович Лихоносос протянул мне свой фотоаппарат, попросил снять всех – придаёт этому важность. Живой человек, всё для него имеет значение, на всё обращает внимание. Увидел у меня свежий номер “Сибири”, попросил. Никому почти из москвичей это не интересно, а ему надо. И ведь будет читать.

Нет высокомерия в русском человеке. Прост и сдержан Распутин, величав и замкнут Кузнецов, благороден Шафаревич, прост Потанин. Давно размышляю о простоте русского человека и о самом понятии “простой человек”.

20 апреля 2005 года.

Два дня назад вернулся из Москвы В. Г., ехал поездом. Владимир Крупин (по словам Скифа) передал во все писательские организации по пути следования, что едет Распутин. И вот на всех больших станциях днём и ночью де-

легации писателей вваливались в вагон и приветствовали весёлыми, возбуждёнными голосами трезвого Распутина. В Перми встречал, естественно, Анатолий Гребнев.

Распутин после этой станции стал сам выходить навстречу встречающим, чтобы не смущать проводниц.

Во вторник позвонил мне из Драмтеатра, перед обедом, сказал, что зайдёт минут через сорок, потом позвонил, извинился, что не смог, и обещался часа в четыре. Принёс рассказ Крупина:

– Рассказ мне не показался, но ты посмотри. И вот ещё статья В. Троцкого, немного научная, но дельная, как и все его статьи.

Спросил: как журнал, как финансирование.

– Нормально, – ответил ему.

– А что ж ненормально-то будет, небось, Кутищева после твоего выступления испугалась, – улыбается.

Я спросил его о телеканале “Звезда”, кто будет финансировать.

– Есть там богатый человек Лебедев, а генерал Медведев собирает команду. Я им предложил Капитолину Кокшенёву, она им глянулась, пока ещё не выходит в эфир, но будет, думаю.

По поводу шумной кампании к 60-летию Победы:

– Проведут шестидесятилетие, и конец России. Путин пообещал в Германии, что будут приватизированы последние 100 предприятий в России. Это конец.

23 мая 2005 года.

Валентин Григорьевич вернулся из Монголии накануне. Зашёл в редакцию в половине третьего. Я ему рассказал о встрече с А. А. Ведерниковым, заместителем губернатора, на которой присутствовали Кутищева, Ступин и мы с Лаптевым, председателем нашей организации. Ведерников заинтересованно слушал и обещал всяческую помощь, вплоть до создания Фонда поддержки журнала “Сибирь”, призывал к активным действиям, не объясняя, что имеет в виду. Словом, как в анекдоте: бороться надо, сопротивляться. В. Г. говорил о Монголии:

– Был в Эрденете, в Улан-Баторе, в Сухэ-Баторе. Монголы живут хорошо. На улицах Улан-Батора пробки, машин стало много. В Монголии поголовье скота достигло 28 млн голов, при социализме стремились к 20. Торгуют в основном с Кореей, Китаем, Японией. Американцы подбираются к медному руднику. Наш гендиректор одного из рудников жалуется, что нашему правительству ничего не нужно. А вообще-то Монголию нельзя отдавать. Старые монголы упрекают: что же вы нас бросили? Особенно боятся американцев. А ведь у них с нами 3000 км границы.

Я спросил, как он съездил в Усть-Уду, как строительство храма?

– Да, двигается дело. Денег нет, обещают перечислить, да вот что-то задерживают.

– Может быть, поискать в Иркутске?

– Нет, пока не надо. Я сам потом пойду, – и перевёл на дачные дела, что надо ехать, наводить порядок после ремонта.

– Может, воскресник устроим, я приеду, позову кого-нибудь.

– Да нет, не надо, я сам.

Не любит он перекладывать свою ношу на чужие плечи, даже малую.

Как-то ходили по чернику. Набрали примерно по ведёрку, я хотел ему помочь, давай, Валя, говорю, я котелок твой возьму. Он преградил мне движение своей внушительной фигурой и не позволил.

8 сентября 2005 года.

В 13:30 зашёл в редакцию В. Г. У меня сидел Николай Сиротенко, мой приятель, знаменитый в Усольском районе садовод, привёз диковинные плоды для Сибири: элеутерококк, лимонник, манчжурский орех, яблоки-полукультурки, груши, стал объяснять лечебные свойства, предлагал пробовать, но оговорился, что надо помыть.

– А дети-то не моют, оботрут соплями, и ничего, – улыбнулся Валентин Григорьевич. Иногда он улыбается как-то грустно, не во всей полноте.

Я заметил, когда он волнуется или когда случайные люди говорят ни о чём, он качает правой ногой.

Попробовали ранетки. Лимонник Валентин разжевал, видимо вкус понравился:

– Вася, давай, вот этот хвост поделим пополам.

Я разрезал ножницами протянутый мне стебель. Он положил отрезок в карман пиджака.

23 октября 2005 года.

Утром кто-то позвонил. Телефон верещал недолго, пока я дошёл из кухни – замолк. В половине одиннадцатого пришёл в Дом литераторов, и Люба, дежурная, сказала, что звонил В. Г. Я набрал его номер, и он мне сказал, что Кутищева нас ждёт к 11:00 по вопросам издания журнала “Сибирь”, что другого времени сегодня у неё нет, а завтра В. Г. уезжает в Москву. Я спросил, звонить ли Лаптеву: накануне на заседании правления писательской организации мы договаривались идти вместе. В. Г. сказал, что не надо.

В комитете культуры я разделся на первом этаже, рядом с дежурной, там уже висело пальто В. Г. Поднялся на второй этаж, В. Г. сидел в приёмной и разговаривал с Сергеем Геннадьевичем Ступиным, заместителем министра, спустя несколько минут вышла из кабинета Марина Токарская, лицо красное, тяжёлое, видно, что разговор был нелицеприятным. Вера Ивановна пригласила нас, мы вошли. В. Г. сел у стола слева, я посредине, Ступин – справа от меня.

Вера Ивановна рассказала о конфликте между Мариной Токарской и директором симфонического оркестра Зверевым.

– Марине-то, наверное, лет тридцать пять, – спросил В. Г.

– Да что вы, Валентин Григорьевич, она наших лет, – глядя почему-то на меня, ответила Кутищева.

Пришлось парировать:

– Валентин Григорьевич, это Вере Ивановне тридцать пять, а Марине, конечно же, больше. – Здесь замечу, что Марина удивительно красивая, редкого обаяния смуглянка.

Я достал фотографии Веры Ивановны (снимал на открытии Центра русской культуры).

– Видите, какая она у нас молодая и красивая.

– Василий Васильевич, вы такие слова говорите, уж сразу просите денег на журнал, сколько надо, дадим...

Валентин Григорьевич поблагодарил Веру Ивановну за финансирование книги “Сибирь, Сибирь”, сказал, что корректура закончена.

– Ещё я хочу сказать, что больше не буду организовывать “Сияние России”, я уже говорил об этом, но сейчас уже говорю твёрдо. Годы берут своё, усталость сказывается, да и надо уже, наверное, как-то по-другому это делать, и я предлагаю вместо себя, он ещё об этом не знает, Василия Васильевича и Михаила Корнева, думаю, они вдвоём с этим справятся.

– Ну, вы-то, Валентин Григорьевич, будьте хоть знаменем, лицом, что ли, этих праздников.

– Да какое у меня теперь лицо, помогать буду, но не главной фигурой.

Вера Ивановна сказала:

– Хорошо, пусть этим писательская организация занимается.

Затем В. Г. попросил не прекращать денежной помощи писателям, членам СП:

– У нас пять-семь человек могут прокормиться самостоятельно. А остальные нищие...

Вера Ивановна пообещала. Но чиновничье слово сегодня ничего не значит, и не от чиновника подчас это зависит. За двадцать лет я столько наслушался обещаний, и таких красивых, что до сих пор сожалею, что не записывал: такое красноречие не у всякого классика нашей литературы найдёшь.

18 мая 2006 года.

Шёл по ул. Степана Разина в Дом литераторов в начале одиннадцатого. По другой стороне улицы в противоход – В. Г. своей неторопливой тяжёлой поступью, наклонив голову, не глядя по сторонам. Я перешёл улицу, поздоровались.

– Ты, наверное, на почту, – спросил я его, потому что часто видел, как он возвращается утром с почты, несёт в пакетах бандероли, посылки с книга-

ми, папки с рукописями. Не щадили классика современные доброхоты-сочинители.

– Да нет, надо уколы поставить, может, легче станет, что-то совсем худо.

– Ты себя переживаниями довел.

Кивает головой.

– Да не только этим. Постоянно куда-то надо идти, звонят, говорят – то обещал, это. А я не помню, а идти надо, если обещал. А как иначе, уже ничего не изменишь. Да и жизнь, как *посмотришь холодно вокруг*, улыбки не вызывает. Ты не знаешь, где страхуют на самолёт?..

22 июня 2006 года.

Около одиннадцати зашёл В. Г. Свежевыбритое лицо, бодрый, по-летнему.

– Выписался. Как себя чувствуешь?

– Да оно как-то непонятно. Какие-то системы ставили, обследовали.

– Что говорят?

– Ничего определённого. Давление у меня нормальное, – улыбнулся. – Сердце тоже. А остальное: тут у вас есть какие-то отклонения, там есть, а в общем – нормально.

– Тебе отдохнуть надо. Может, в санаторий какой уединиться?

– Да летом какой санаторий? К тому же я ремонт затеял на даче, все деньги туда уходят, не думал, что так дорого. Это в больницу меня устроили бесплатно, а там платить надо. После больницы память совсем отшибло, раньше хоть что-то помнил, а тут звонил Валентин Курбатов, договорились съездить в Аталанку с Сапроновым. Я считал через неделю, а жена говорит, какая неделя, вы же договорились на этой неделе ехать, совсем забыл...

Пришёл А. С. Гурулёв. Пили чай и говорили об Усть-Уде, Балаганске. Два посёлка, примерно одинаковых по численности, районные центры, на одной реке, на противоположных берегах, и такие разные. Может быть, дело в названии. Как называли посёлок, так он и живёт.

Вспомнили “Сияние России”. Приезжаем в Балаганск, запланировано выступление в ДК Евгении Смольяниновой. За пятнадцать минут до начала зал пустой, стайка неприкаянных детишек-дошколят. Геннадий Гайда и Костя Житов бегают по улице, собирают публику. Концерт всё же состоялся, благодаря их усилиям, а не администрации. А в Усть-Уде – полный зал, встретили на крыльце хлебом-солью.

– А в Аталанке, в твоём доме, кто живёт? – спросил Альберт Семёнович.

– Двоюродного брата пятиродный зять. Станный такой парнишка. Я как-то приехал, он говорит: “Дядя Валя, не дадите ли мне денег займа на трактор?”.

Улыбается. Понятно: откуда у Распутина такие деньги.

Потом вспомнил давнее.

– Мы как-то в Братск выступать ехали: Дима (Д. Сергеев), Слава Шугаев, Саня (Вампилов) и я. Остановились в Аталанке. Тогда самогон варили, была и рыба, и икра. Первым не выдержал Шугаев. Он более всех деловой был, уехал в Иркутск. Дима в Братск поехал, самый старший, ответственный. А мы с Саней задержались. Когда в Братск приехали, то на нас не было ни кожи, ни рожи, – смеётся, видимо, представил себя и Вампилова после загула.

– Валя, у меня фотография есть того дома, в котором ты жил, когда учился в Усть-Уде, я тебе её найду.

– Хорошо. Там же отношения были удивительные! Родственников у меня там не было, просто знакомые. Вначале я несколько месяцев прожил в одном доме, потом у милиционера Толдонова. Фамилия, похоже, бурятская, но люди были русские. Тогда отношения были другие. Я жил у них, как у родни. Обедали – меня звали за стол. Подкармливали. Родственники рассчитывались картошкой, в основном, что ещё могли дать? Да и много ли картошки...

12 июля 2006 года.

Катастрофа.

Мы с Тamarой были в Култуке, приехали в субботу утренней электричкой. Я истопил баню. Дождь был накануне, шёл в субботу и воскресенье до вечера.

Утром распустились дикie розы. Тамара прополосала две грядки, я окучил несколько рядков картошки.

Утром сообщение Московского радио: в Иркутске разбился А-310, погибли два человека. Сообщение показалось странным: такой огромный самолёт разбился, и только двое погибших. Маловероятно, воспринял с недоверием. Через какое-то время увеличилось до ста и более. Иркутское радио обещает дать полную информацию о случившемся в 18 часов. Собираемся ехать в Иркутск, дождь, в огороде делать нечего. В Иркутске закрыт мост, ремонт, идём с вокзала пешком.

В 22:00 в новостях сообщают: в авиакатастрофе погибла дочь известного писателя Валентина Распутина – Мария. “Маша, Боже мой”, – рыдания накатывают. Как переживут это Валентин со Светланой?..

14 июля 2006 года.

Отпевание в Знаменском соборе. Служил владыка Вадим. На поминках говорили те, кто знал Машу: преподаватели, подруги, москвичи и иркутяне. В какой-то момент Валентин встал:

– Здесь много говорилось об особенностях Марии, её какой-то особой святости. Я думаю, что в самолёте были ещё более особенные люди, но мы собрались по поводу Марии, и она для нас лучше других. В детстве она была ребёнком с характером, и когда я однажды её отшлёпал за какую-то провинность, она заставила меня попросить у неё прощения. Ну, что, шлёпнул один раз.

Она всегда много работала. Я ещё дома, ещё сплю, а её уже нет. И в праздники тоже. Хочется подняться пораньше, пойти на службу, а всё что-то держит. А она уйдёт ранним-рано до службы. Тут собираешься, пойдёшь, стоишь, на Пасху, скажем, да нет сил до конца дослужить, устанешь, раньше времени домой уйдёшь, разламываясь надвое, а она, глядишь, всю службу отстоит. Я уже высался после, – она приходит, светла и сильна.

У нас с ней никаких не было имён друг к другу, я её Марусей звал, она меня папа. А не так, как тут говорят: Пусенька-Лагусенька.

23 сентября 2006 года.

Позвонил Распутину, Светлана Ивановна сказала, что В. Г. вернулся в Иркутск, вчера. Ушёл по делам.

Назавтра зашёл ко мне узнать, как идёт подготовка к “Сиянию России”. Беспокоился о поездке по области. Понятно, Иркутск “переел” этих встреч, поэтому он хотел, чтобы Куняев с редакцией “Нашего современника” побывали в Усть-Илимске, Братске, Тайшете, где в газете в пятидесятых работал Станислав Юрьевич. Накануне я созвонился с Куняевым, и такая программа была свёрстана. Учитывая, что до Усть-Илимска сутки ехать на поезде, решили никуда, кроме Тулуна, не двигаться. В. Г. посетовал, напомнил про Тайшет. О поэте Геннадии Ивановне заметил, что его лучше в Иркутске оставить, провести по воинским частям. В кабинете у меня сидел Александр Турик, пообещал посодержать. В. Г. возразил по программе, где была обозначена презентация его книги “Сибирь, Сибирь” как “Встреча с Распутиным”, сказал, что надо написать: презентация.

Устал он. Видел его интервью по ТВ после освящения храма в Ангарске. Даже голос за последние два месяца стал слабым, надтреснутым. Не дай нам Боже терять своих детей!..

16 октября 2006 года.

Перед обедом шёл по ул. Горького в сторону Большой, перед трамвайной остановкой, не доходя, метров десяти, увидел В. Г., пошёл через улицу навстречу, он глянул на меня мельком, я думал, узнал, но когда остановился напротив, он поднял глаза и удивился:

– Ты куда?

Я понял, что он вообще слабо видит. Выглядел он лучше, чем в предыдущую встречу: лицо довольно свежее, и глаза не уставшие. Я сказал ему об этом.

– Да, вот высался сегодня, не всегда это удаётся. Ходил к Аксаментову, не все лекарства без рецептов нынче дают, он выписал.

17 мая 2007 года.

Виктор Васильевич Вертянкин, бывший капитан теплохода, долгие годы плавал по Ангаре, принёс и просил передать Распутину старые фотографии

видов Усть-Уды, Ангары, островов. Я позвонил Валентину, он пришёл, взял фотографии, поблагодарил. Кто-то его ждал в прихожей на диване.

– Что, не дают отдыхать?

– Да скоро уж отдохнём... – Голос спокойный, твёрдый.

18 июля 2007 года.

Позвонил В. Г. – передать присланное из Москвы приглашение на Шукшинские чтения и поговорить о поэте Трофимове. Привычно спросил:

– Как дела?

– Да какие дела? Всё по больницам хожу, вот сегодня снова надо идти.

– Видно, время пришло, – улыбается, – уже давно пришло, да и уходит.

– Я тебя на десять лет младше, и то постоянно то там болит, то в другом месте ноет, надо сдаваться идти, но у нас как-то не принято ходить к врачам, есть такое весёлое определение: еврей обращается к врачу за год до первых признаков заболевания, а русский – за полчаса до смерти.

– Да я тоже тянул, но уже дальше некуда.

Поговорили о жилье для Михаила Трофимова, который по обстоятельствам оказался без квартиры. В. Г. сказал, если денег администрация даёт мало, надо поискать для него коммуналку какую-нибудь.

21 августа 2007 года.

Говорил по телефону с председателем Союза художников России Валентином Михайловичем Сидоровым, я просил разрешение опубликовать что-нибудь из его прозы или рассказов о художниках и представить его живопись в “Сибири” к Дням русской духовности и культуры “Сияние России”.

– Это Распутин меня вдохновил заняться писательством. Я рассказывал ему какую-то историю, а он мне: “Записывать это надо!” Вот теперь Станислав Куняев берёт мои коротенькие рассказы (именно так и сказал!) в журнал.

21 сентября 2007 г<ода>

Встретил на вокзале посылку для выставки на “Сиянии России” из Питера – Анатолий Пантелеев прислал фотографии. Перед обедом зашёл В. Г., Нэлли Семёновна сидела с нами.

В. Г. говорит:

– Мы, когда из храма шли с владыкой (Вадимом), он спрашивает: “Дочь в снах приходит?” Я говорю: “Нет”. Он промолчал, и я не спросил, почему, что это значит. Наверное, как умер человек, какой смертью. А мне вообще сны перестали сниться, и дочь, и вообще ничего не вижу.

Помолчал.

– Вчера спектакль был хороший Омского театра, там песня народная, просто удивительная, рефрен там такой: “Нас не будет – ничего не будет...” Сегодня возьму у них кассету. Что-то я тут рассиделся, меня жена за луком отправила.

31 октября 2007 года.

В редакцию зашёл В. Г. На запястье правой руки и чуть выше – гипс, по бинту видно, что давно наложен. Сел справа от стола, подал мне левую руку. Молчит. Его немногословие меня раньше смущало, пока я не понял, что эта тягостность – во мне. Надо просто о чём-то заговорить, и он с охотой включится в беседу, а начать с пустышных разговоров сам не может, не любит попусту воздух сотрясать.

– Что у тебя с рукой, сломал что ли?

– Нет, просто что-то случилось, надо было руке покой дать, а я не могу одной, помогаю, и вот, снова разболелась, завтра пойду в больницу. Да я просто так зашёл к тебе, с Любой Васильевой договорились встретиться, она сказала, какие-то деньги надо получить за “Сияние”, ничего не делал, а деньги дают.

Заговорили о прошедших Днях русской духовности и культуры.

– Новые эти девушки (сотрудницы министерства культуры, занимавшиеся организацией встреч на празднике “Сияние России”. – В. К.) совершенно другие, уже из другой культурной среды. Люба, она наш человек. Я с ними неделю работал, равнодушные они какие-то. В гостинице не ночуют, у гостей могут и поздно вечером вопросы возникнуть, и рано утром, а никого нет.

На Байкал поехали, устроили обед в ресторане, на берегу перед отплытием, зачем, когда на теплоходе всё приготовлено, — сказал я.

— Препные, Ольга со Светланой, старались, от работы светились прямо. Видимо, уже надо менять что-то, устали все.

— Не думаю. Принимают сейчас спокойнее, привычно, как старых знакомых: тепло и по-домашнему просто.

— Надо в другие аудитории выходить, две встречи можно в Иркутске проводить, допустим, в Гуманитарном центре, Железнодорожном университете. А остальные искать. В Усолье — ты ведь тоже там был! — замечательные люди.

— Всё в деньги упирается. Братск, Ангарск, Усть-Илимск и другие города надо задействовать.

Поговорили об издании книг Распутина.

— Сапронов хорошие деньги зарабатывает на мне.

10 сентября 2008 года.

Часов около двенадцати пришёл В. Г. Спросил с порога, какое сегодня число.

— Десятое, — говорю, — среда.

— Вот те на! Я считал — понедельник. Значит, вчера был юбилей Дорониной. Забыл поздравить.

— Это можно по телефону сделать.

В. Г. попросил бумагу, написал текст. Я позвонил на почту, передал.

— И всё? — спросил В. Г. с улыбкой.

— И всё, — с улыбкой ответил я.

Как выяснилось после, улыбались мы не зря: В. Г. перепутал дату и отбил телеграмму раньше срока.

4 октября 2008 года.

Утром позвонил К. Житов, потом Распутин, спросил, приехал ли Елфимов. Мы с Анатолием Байбородиним накануне около полуночи встретили его в аэропорту. Он был растроган, говорил, что мог бы сам доехать. Рассказывал по дороге, как его в прошлый приезд встречал «великий Распутин».

Я утром позвонил и сказал В. Г., что Елфимова встретили, договорились увидеться в гостинице в 13:00, пообедать. Я поехал открывать мемориальные доски Георгию Маркову и его жене Агнии Кузнецовой на ул. Карла Маркса, 33 (мемориальные доски были установлены по предложению Валентина Григорьевича).

В гостинице «Русь» в № 409 у Елфимова сидели Распутин и Костя Житов.

— Меня сегодня с утра крупно наказали, выговор с предупреждением Житов вынес, — глядя на Костю, улыбается Валентин Григорьевич.

— Костя может, — в тон ему говорю я, — он теперь самый известный человек в Иркутске, гости приезжают на «Сияние России» и первым делом здоровьем Константина Яковлевича интересуются, — поддержал я весёлому волну, зная, что В. Г. любит подшучивать над Костей, — вчера даже анекдот мне кто-то из них рассказал. Приглашает как-то Папа Римский Костю Житова в Ватикан, не буду, говорит, «Слово к граду и миру» произносить, если Костя Житов не приедет. Губернатор вызывает Костю и говорит: «Константин Яковлевич, у нас сейчас свобода и гласность, поэтому я не могу вам запретить, даже если в следующий раз вас президент США пригласит, но мы не можем вас одного туда отпустить, вдруг какой международный скандал выйдет. Мы отправим с вами нашего человека из компетентных органов, он всегда будет рядом, к тому же итальянский язык знает неплохо». Приехали они в Рим, на площадь святого Петра пришли, там уже народ собирался, и Костю сразу же кардиналы сопроводили в папские покои. Выходит Папа Римский на балкон, справа от него — Костя. Народ ликует. Наш человек глазам своим не верит, а тут какой-то итальянец из толпы повернулся и спрашивает на чистом итальянском языке: «Друг мой, а ты не знаешь, что это за чудак на балконе рядом с Костей Житовым стоит?»

Больше всех смеялся Костя.

Спустились в ресторан. Подошла официантка к столику, посмотрела на В. Г.

— Вы же Распутин?

— Да не совсем так, — улыбнулся В. Г. И уже нам:

– Раньше меня часто узнавали, а теперь уже перестали. Одни умирают, а молодёжь не знает.

– А эта женщина, ей лет 40, не больше, но ведь узнала, – сказал я.

Начали вспоминать разные случаи с “узнаванием”. К. Житов:

– А помнишь, Валентин Григорьевич, как мы на пароме в Усть-Удуплы. Подходили ко мне и просили: поговори с В. Г., чтоб с ним сфотографироваться.

Я тоже вспомнил: однажды приехали в Балаганск. Стояли возле администрации, слух, видимо, прошёл, что приехал Распутин, подошёл какой-то молодой человек и стал убеждать Валентина, что тот пишет стихи и работал с его отцом. В. Г. понял, что человек не туда заехал:

– Это был не я, это мой брат, – сказал Распутин, – я ему разрешаю стихи писать, а прозу – нет.

Елфимов вернулся с Камчатки, увлечённо рассказывал о гейзерах, медведях и т. д.

1 марта 2010 года.

Позвонил В. Г. в Москву, в радиотелефоне было плохо слышно, перешёл в другую комнату, взял обычную трубку. Сказал ему, что получил от него очерк-дневник В. Курбатова о поездке на Богучанскую ГЭС. Читая, чуть не заплакал от обиды и беспомощности нашей. Он спросил о журнале, о самочувствии.

– Да бросить иногда хочется всё и уехать в деревню, заняться каким-нибудь полезным делом: дом строить, рыбу ловить и Бог знает ещё чем от неопределённости. Уровень литературы упал, редко встретишь стоящую вещь.

– Да и здесь, в Москве то же самое. По всей стране поэзия ещё встречается, публицистика есть, а прозы совсем нет.

Спросил о здоровье Светланы Ивановны.

– Да непонятно всё, в больницу должны положить, а положат или нет, неизвестно.

Обычно, когда звонишь ему в Москву, старается долго не говорить, зная, что переговоры стоят дорого, обязательно спросит, из дома или из редакции звоню.

18 августа 2010 года.

Я был в редакции “Сибири”, когда около 16 час<ов> вечера позвонил Терещенко. Мы договаривались с ним сходить к В. Г. Я, грешным делом, забыл договориться заранее с Валентином. Николай Васильевич сказал, что будет в Иркутске ближе к полудню, и попросил созвониться с В. Г. Я познакомил его с Распутиным несколько лет назад, они близко сошлись, но вот позвонить напрямую Николай не всегда решается и иногда просит меня.

Я позвонил Валентину по домашнему телефону, сказал, что завтра приезжает Терещенко и надо встретиться.

– Я завтра собираюсь на дачу после обеда, но вас дождусь. Когда приедете, тогда приедете...

Николай помог водителю вытащить из багажника полиэтиленовый мешок с сохатиной, литров на восемь флягу с мёдом и большое голубое пластиковое ведро с черникой. Я взял ведро, в другой руке у меня был полиэтиленовый пакет с журналами “Сибирь” и “Фразеологическим словарём” Бокатиной, который она передала В. Г. ещё весной, когда он был в Москве.

Светлана Ивановна поставила на стол глубокие большие блюда, мёд, чернику в широкой чашке, нарезала белый поджаренный калач, положила большие и маленькие ложки, налила нам чай, извинилась, что ей надо уйти по каким-то делам.

В “Сибири” были опубликованы рассказы Андрея Антипина, и я хотел, чтобы В. Г. познакомился. За столом, когда пили чай, подбираясь к публикации, я его спросил:

– Как глаза? Читать не мешают?

Он длительно отстранённо молчал, мне даже показалось, что он не слышал вопроса.

– Да глаза как будто на прежнем месте, не хуже вижу, но просто вообще читать не хочется, ничего.

Я не стал ничего говорить и, только уже прощаясь, передал ему журнал “Сибирь” № 2/2010 и сказал, что здесь опубликован интересный автор:

– Посмотри, Валя, если будет желание и время. На мой взгляд, это серьёзный писатель, хотя ему только двадцать пять лет.

– Я его как-то пропустил, не заметил.

Хотя надо отметить, что он всегда относился внимательно к молодым и помогал опубликоваться в Москве на первых порах и Анатолию Байбородину, и Валентине Сидоренко, ревностно следил за публикациями в “Сибири” и, если встречал стоящие или слабые, непременно высказывал мне подчас откровенные неприятные мнения.

18 сентября 2010 года.

Тулун. Казачка. Разговор о поражении ГКЧП. Валентин Григорьевич:

“Не оказалось национального лидера. Думаю, что национальный лидер всё-таки придёт. Два раза встречался с Путиным, на которого возлагал какие-то слабые надежды, разочаровался в нём, хотя очарования никакого не было, но была надежда”.

22 марта 2012 года.

После 17 <часов>, уходя из редакции, встретил К. Житова, вместе спустились по лестнице.

– Ты куда?

Он показал направо, а мне – налево. Через малое время слышу крик сзади: “Вася!” – подумал, не меня, но оглянулся. В мою сторону шёл В. Г., рядом Костя махал мне рукой. Я пошёл им навстречу. . .

Некоторое время шли молча. Я спросил о Светлане Ивановне.

– Она была в больнице, вот уже три дня, как дома, а завтра снова в больницу. . .

Они приехали в Иркутск неожиданно. Светлана Ивановна уже несколько лет болеет, у неё рак, метастазы уже дают сильную боль. Накануне отъезда из Москвы С. И. сказала, что будет умирать в Москве. В. Г. сказал: “Может быть, поедет домой?” Она отказалась.

А утром сама твёрдо сказала, что хочет домой. Они буквально за несколько часов собрались и прилетели в Иркутск. В аэропорту “скорая” прямо с самолёта увезла её в больницу.

– А как ты, как журнал “Сибирь”?

– Да по-прежнему всё. В прошлом году выпустил пять номеров, у города под 350-летие удалось выпросить денег на один номер. Никому уже журнал не нужен – ни власти, ни писательской организации, ни мне. Было бы кому передать, оставил бы это занятие.

У перекрёстка Разина и Свердлова остановились. Заверещал светофор.

– Это у меня, что ли, – В. Г. подумал, видимо, что звонит сотовый, пошарил в кармане, достал расчёску, приложил к уху и снова опустил её в карман. Этот жест можно было принять и за шутку, и за рассеянность.

Он изменился за год. Похудел, осунулся, глаза впали ещё больше, усталые, но с приветливым выразительным светом.

30 мая 2012 года.

После 15 часов пришёл в Дом литераторов. В редакции была Валентина Андреевна. Я стал распечатывать на принтере материалы очередного номера, печатал на оборотах, т. к. чистая бумага кончилась. Пришёл В. Г. в светлой кофейной рубашке, тёмных брюках и в кожаных светло-коричневых плетёных туфлях.

– Здравствуй, ну, как вы тут, чем занимаетесь? Все уже по дачам живут.

– Мы номер заканчиваем, сдадим в типографию и собираемся месяц отдохнуть, хотя месяц вряд ли, но сколько получится.

– Какой номер делаете?

– Третий, второй в типографии, через неделю выйдет.

Я рассказал ему, что в последнее время в очередной раз возникли сложности с финансированием, т<ак> к<ак> издательство “Иркутский писатель” закрыли, а через Дом литераторов невозможно финансировать. Рассказал и о кемеровских “Огнях Кузбасса”, издававшихся в одном издательстве, а сейчас тендер выиграло другое, которое вообще не занималось изданием регулярного журнала, и что будет, непонятно. Договорились летом съездить на Лену или в Тункинскую долину.

Когда он ушёл, я подсел к принтеру и увидел, что на обороте последней распечатанной страницы был портрет Валентина Распутина, опубликованный в альманахе “Иркутский кремль”. Такое вот совпадение.

5 мая 2013 года.

Пасха Христова на земли воссия...

Накануне в Харлампиевском храме, когда вошёл, увидел впереди В. Г., он продвигался со свечой в правой руке к паникадилу, народ стоял плотно, и он упёрся в спины, остановился. Я протиснулся к нему:

– Куда это вы, молодой человек, спешите?

Он обернулся.

– А, Вася, здравствуй.

Служба ещё не началась, все в ожидании Крестного хода, и мы с ним негромко переговаривались.

– Ты в Союзе-то бываешь? – Союзом мы называем Дом литераторов, повелось с советских времён, и это отражало суть организации – Союз писателей.

– Захожу иногда, когда дело есть.

– Я вчера заходил, там Гурулёв сидит, не очень довольный.

– Да у них с Лаптевым разные взгляды на литературу... Сложно определяться по рукописям.

– Мне кажется, у него вкуса никогда не было. И писатель он слабый. Гурулёв говорит, что журнал лучше не будет.

– А откуда ему быть лучше? Тех писателей, которые раньше публиковались, уже нет... Какой может быть журнал? Все сотрудники в редакции такие разные и странные, что Гурулёв там – белая ворона.

– Он там долго не просидит.

– Пусть хоть на бензин немного заработает.

1 июля 2013 года.

Разговариваем по сотовому с В. Г.

– Ну как, здоровы, как Тамара?

– Ходить начала, с палочкой передвигается.

– Ну, слава Богу. А ты как?

Никогда ведь не забудет спросить о здоровье.

У меня к Распутину было поручение от ветерана Отечественной войны А. Г. Белоусова: передать его книгу о Качуге и взять автограф на распутинской книге “Сибирь. Сибирь”. Валя сказал, что он на даче, в городе будет в конце недели и позвонит мне.

– Ты дай мне свой телефон.

– Да он же у тебя в твоём телефоне обозначился.

– Нет, ты лучше продиктуй, я сейчас ручку найду, меня учили два раза, как это делать, но я так и не освоил. Я тебе позвоню, когда приеду в город.

4 сентября 2013 года.

Утром, после 10 часов позвонил Распутину, чтобы узнать, в городе он или на даче.

– Я сейчас собираюсь в Дом литераторов, мне надо книги *отгрузить*. – Так и сказал.

– Я тоже подойду, помнишь, я тебе по поводу Белоусова звонил?

– Ты подходи попозже, в половине двенадцатого, я закончу, и мы с тобой поговорим.

Я сказал: “Хорошо”. Но, подумав, тотчас собрался и пошёл в Дом литераторов, зная, что любителей перенести книги там может не оказаться, и он сам будет таскать коробки со своими книгами со второго этажа.

Мы встретились в прихожей, и он повёл меня в зал, в руках у него была книга.

– Скажи, а как его зовут, – он показал в сторону кабинета директора Дома литераторов, и в этот момент в зал вошёл Баранов, я понял, что за автографом.

– Здравствуйте, Юрий Иванович, – нарочито громко произнёс его имя. В. Г. сел за стол и начал писать. Ю. И. поблагодарил и удалился.

– Видишь, как у меня с памятью. В больницу ложусь. Я в Москве три раза в году лежу в больнице. Помогает. Но здесь лучше помогает, врачи, что ли лучше. На дольше хватает.

- Валя, я тебя на десять лет младше и тоже памятью не шибко отличаюсь.
- У тебя другое дело, а у меня полный провал. Пойдём, посидим на диване, поговорим.

Мы расположились недалеко от дежурной. В Доме идёт ремонт, мебель сдвинута, всюду раскрыты полы, штукатурка, готовятся к реставрации.

- Ты чем сейчас занимаешься?
- Работаю полновластным заведующим огородом, жена так и не ходит, поэтому одному приходится управляться в Култуке. За ягодой ходил.
- За какой? – оживился он, большой любитель этой охоты.
- За черникой. Далеко, правда, ходили, туда больше четырёх часов в гору, обратно около четырёх.
- Да-а-а, – растянул слово, представляя-вспоминая свои прежние походы. В это время зашёл Костя Житов и с ходу, не обращая ни на кого внимания:

- Ну, что, Валентин Григорьевич, видел свой портрет на баннере в Солнечном?
- Какой портрет?
- Предвыборный, с Василием Забеллой.
- Никакого портрета он у меня не брал, и я согласия не давал.
- А портрет висит, – Костя всегда легко врывается в любой разговор и направляет его в нужное ему русло, чаще всего – политическое.

Поговорить спокойно не получилось. Валя вскорости засобирился. Перед уходом сказал, что ложится в больницу.

- Мне и в Москве после больницы становится легче, а в Иркутске, мне кажется, пользы больше. Или врачи лучше, или лекарства другие.

13 сентября 2013 года.

Актёр Виталий Сидорченко рассказал, как Иркутский драмтеатр собирался ехать в Израиль на гастроли. Когда согласовывали с принимающей стороной репертуар, евреи категорически восстали против Распутина с его пьесой “Прощание с Матёрой”. Желание руководства съездить в Израиль победило чувство национального достоинства и гордости. Заменяли Распутина на Вампилова – “Прошлым летом в Чулимске”. Сидорченко играл в этой пьесе роль эвенка и доволен, что съездил в Израиль.

- А ты рассказывал эту историю Распутину?
- Нет.
- Наверно, надо было.

27 октября 2013 года.

Перед встречей с читателями в библиотеке – молодые люди:

- Смотри, Распутин идёт.
- А кто это?
- А ты что, исторических романов не читаешь? Это Распутин, друг Астафьева.

14 ноября 2013 года.

Рассказал Костя Житов.

В Усть-Уде мужики хотели назвать сухогруз именем Валентина Григорьевича. Пришли к нему, не знают, как подступиться, говорят, можно, Вал<ентин> Гри<игорьевич>, мы даже имя ваше не будем ставить, просто “Распутин”. В. Г. поотказывался, поотказывался и согласился.

Стоят на берегу Ангары.

На берег выехала машина МЧС. Батюшка отец Алексей говорит:

– Вот эмчезсовцы подъехали, хотя, Валентин Григорьевич, назвать свою машину вашим именем.

Распутин посмотрел на него с улыбкой.

Иркутск

АЛЕКСАНДР ЯРОВОЙ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК “ЗАРУБЕЖНАЯ”

Украинская дорога в тупик

Судьба словесности – судьба народа.

Русская литература – одна из величайших литератур мира, а может, и самая великая. Здесь излишни “фигуры скромности”. Ответы на главные экзистенциальные вопросы, конечно, дают по-своему и китайцы, и американцы, и немцы... Но только русская литература за тысячелетие своего существования искала (и находила) ответы, универсальные для всего человечества. Человек – существо метафизическое, а не “материальная скотина”, о чём просил задуматься ещё Николай Гоголь. Так и народ. Нет народов “совершенно святых” и “повально грешных”. Но есть у нас вектор Духа, стремление к святости, к благородной христианской жертвенности, возникающей из боли за судьбы всего мира, человечества. В этом планетарное, непреходящее значение русской литературы... Парадоксален поиск святости (может, названной иначе) даже под красными знаменами (вспомним Блока, Клюева, Горького...), да и под знаменами любыми, в разные эпохи и в разных ситуациях... Универсальная “общеспасительность” главных русских литературных идей очевидна любому вдумчивому читателю.

Русскую литературу можно не знать. Заставить не знать... Можно объявить чужеродной, устаревшей, умершей – мало ли!.. Но когда от неё пытаются сознательно отречься “вожди слепые” и так называемая “элита” народа, бывшего веками в генетическом, социальном, культурном родстве с Россией, – это грозит не русской литературе. (Даже в самой долгосрочной перспективе, думается, ей вообще мало что грозит. Русь, Россия, русская культура обладают непреодолимым зарядом рационально необъяснимого “самовоскрешения”.) Пусть везде будут чахнуть исключительно в социальных сетях, хоть до Сахары и джунглей, а здесь будут читать. Так сложатся условия, придут нужные люди в нужное время. И вспомнят “рождение свыше” – от Духа.

Говоря об отречении от общерусского корня, имею в виду мою бедную Украину... Понадобилось почти четверть века, чтобы хоть немногие начали понимать: а ведь никакой Украины с 1991-го года... никто не строил. Подтверждение тому – катастрофический системный упадок бывшей УССР вместо ожидаемого “еврорая” и расцвета всех сфер национальной жизни. Строилась прозападная анти-Россия! Строилась то мягче, то жёстче, то с одними декорациями, то с другими. И, наконец, “розбудували державу”: в плане

политическом получилось совершенно марионеточное, колониальное образование; в плане культурном наступил пик деградации (раздувшийся массив мифотворчества о “в друбности” от общерусского цивилизационного материка культурой нельзя считать); в плане социальном – бесчеловечный грабёж народа...

“Отвалившись” от своего русского, восточнославянского начала, украинская литература пришла к пределу своей деградации и упадка.

Все началось при “безобидном” Кравчуке, “коммунисте/националисте”(?!), когда мы (да, мы...) ожидали пряников и леденцов “незалежност”, когда стар и млад в счастливом упоении евроатлантической пропагандой решил: вот отделимся – и заживём! Украину без преувеличения можно было назвать самой цветущей республикой СССР. Да только у западного змия “логика” и “правда” свои, на собственное лекало. И реализацию продумали соответственно... Именно в тот период, в ранние 90-е, появлялись новые программы для школ, причём даже в нескольких вариантах: возвращаются десятки имён литераторов репрессированных, диаспорных, забытых, прежде запрещённых... Вот только критерием становится не декларированная художественность вместо идеологии, а, преимущественно, пещерная русофобия. (Мы не говорим, естественно, о таких талантах, как Евгений Маланюк, Александр Олесь, Микола Хвильовый...) Возносились на щит все, кто просто-напросто лишь ненавидел и “клеил” Россию в любом изводе – царском, советском... да и “просто Россию”. А главный троянский конь был тогда замечен немногими: ПРОИЗВЕДЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ШКОЛЬНИКИ НАЧАЛИ ИЗУЧАТЬ В КОРПУСЕ ЛИТЕРАТУРЫ ЗАРУБЕЖНОЙ.

И вот школьники выросли...

Как говорится, не хотелось бы о личном. Но я никогда не смогу принять русскую литературу как зарубежную. Это передал и троим своим детям. Это передаю студентам. Дико для меня, окончившего в 1987 году русскую школу в украинском городе Чернигове, от которого три часа до границы (тогда еще административной) с Российской Федерацией, – воспринимать Пушкина, Достоевского и Чехова в одной обложке с Шиллером, Гюго и Ремарком!

“Две большие разницы”, – как говорят в Одессе. Как русская литература может стать для нас зарубежной?!

Школу, да, я заканчивал русскую. Других тогда в Чернигове не было. Но, позвольте сказать, весь Чернигов и не горел желанием перейти на украинский. Есть культурно-языковые особенности каждого региона. Зато функционировало областное литобъединение, где абсолютно равноправно и равноуважительно, что ли, сосуществовали разновозрастные авторы русских и украинских произведений. Кстати, объединение называлось “Солнечные кларнеты” – словами украинского классика Павла Тычины, которому принадлежит, среди прочего, и гениальное стихотворение “Чувство семьи единой...” (“Чуття єдиної родини”). Хотел я, горящий любовью к родному слову старшеклассник, приходиться в вышиванке на эти собрания – и приходил. Никто не запрещал. Как и писать на украинском. А сейчас я её ни за что не надеваю. Из принципа! Такие панове стали вышиванки носить...

Да, конечно, не умолчим о перекосах. Последнюю украинскую школу (которую, кстати, заканчивал мой старший брат) в Чернигове закрыли где-то в середине 80-х из-за отсутствия желающих. Да, можно долго говорить о русификаторской политике Российской империи и Советского Союза. За 24 года колониального “Юкрейна” “щирые патриоты” составили целый свод запретительных актов относительно украинского языка – от XVII века и чуть ли не до ранних горбачёвских указов.

Когда в Киеве кипели жёлто-синие студенческие революции рубежа 80–90-х, Чернигов, находящийся по соседству, глубоко дремал. (После злощастного Майдана, кажется, даже он хотел перещеголять чуть ли не Галичину ненавистью к свергнутому Ленину жёлто-синей раскраской всего, что было можно раскрасить, и полуязыческим почитанием так называемой “небесной сотни” – бедных людей, большинство которых было жертвами, а насчёт происхождения и роли остальной части решительно ничего не ясно). Опять же вспоминаю, как в 1989 году, будучи, что неудивительно, симпатиком сего престранного спектакля “борьбы за независимость”, оказался там на местном “руховском” митинге. Ну, если 24 августа 1991 коммунисты Верховной Рады единогласно под вечер стали националистами, то ясно, что далеко заранее,

по разнарядке из столицы, сами черниговские компартийцы собирали митинги... против себя. Я навсегда запомнил фразу ветерана-фронтовика, которому чудом удалось выбить себе слово на том (признаюсь, довольно жиденьком, но крикливом) сборище: “Мне не по душе эти жёлто-голубые флаги, которые я видел на фашистской комендатуре в своём родном городе”. Литература – зеркало жизни? Да, зеркало. Только сейчас в Московском университете я могу напомнить студентам деталь из рассказа “На колючей проволоке” моего всемирно известного земляка, писателя и режиссёра Александра Довженко, что повязка на рукаве полиция Максима Заброды, которого победит пленный партизан Петро Чабан, – жёлто-синего цвета. Великий Довженко, творец нового киноязыка, которого другой известный украинский классик Максим Рыльский назвал “золотым мостом” между двумя нашими народами, не шёл против правды... Даже когда приходилось возражать Сталину...

Что делать сейчас на Украине гуманитариям с “неудобными” взглядами и суждениями? Трагическая судьба постигла киевского писателя, журналиста, историка Александра (Олеся) Бузину. Он погиб, как солдат, расстрелянный возле своего дома экстремистами (кстати, виновных ищут до сих пор...) Если смерть может быть “хорошей” – хорошая смерть потомка казаков. Казацкая. Вечная память...

А теперь я обращаюсь к подтеме сопутствующей. К научному общению с украинским и российским студенчеством. Преподавая почти два десятилетия в Киевском университете, я неизменно ставил вопрос (до самого “евромайдана” – худо-бедно, но можно было его ставить): “Так что же мы изучаем в школе и вузе за 400 лет, если Россия только угнетала и запрещала украинское слово?” Кто молчал, кто спорил, кто задумывался... Россия (хоть это ужасно, невыносимо признать постмайданным доктринёрам) была и нации-, и культурообразующим фактором для Украины. Выступала гарантом её существования в политическом пространстве – скажем для начала. Это было взаимовыгодное со-творчество. XX век украинской советской литературы – это вершинные её достижения. Конечно, нужно разделять, где “кесарево”, где – Божие.

Но многие ли учителя и преподаватели современной Украины расскажут о том, как замечательный украинский новеллист Григор Тютюнник помчался на похороны Василия Шукшина, которого считал своим учителем в литературе, и привёз ему гроздь калины? Многие ли вспомнят о том, что один из самых глубоких украинских поэтов XX века – Василь Стус – провёл последние недели жизни в тюремной камере с россиянином Леонидом Бородиным, православным монархистом?... Куда исчезли интеллигентность, чувство братского плеча и творческая дружба, генерировавшая великие явления в диалектике единств и отличий?

Я как-то говорил с одной московской журналисткой, знающей лично украинских шестидесятников. После злополучного и рекордно разрушительного “евромайдана” она печально спрашивала: “Как могла случиться такая страшная перемена с украинскими поэтами? Их переводили, их любили, читали... Когда литераторов “били” в Киеве, их привечала Москва. Как можно опуститься до такого уровня ненависти?..”

Да, метаморфозы произошли удивительные. Один из ранних шестидесятников – Дмитро Павлычко, “...сын простого лесоруба, / гуцула из карпатских гор...” – примечательный, колоритный поэт. Да, дальше в этом стихотворении лилась пламенная поэтическая речь о том, как юноше с Западной Украины засветилась доля “сиянием кремлёвских звёзд”. Никто не судит за это: каждое явление следует рассматривать в контексте его времени. Поэт пламенный, афористичный, песенный... А что же на склоне творческой биографии? Газетная, блёкляя стихопублицистика об “агрессии Кремля”, проклятия милицейскому спецназу “Беркут”, оды майдану, апология (трудно поверить!) – Юлии Тимошенко. Сказать правду – более печально, чем смешно. Превращения и впрямь необъяснимые.

Ладно бы стала Украина за четверть века землёй, “текущей молоком и мёдом”, в том числе и в культурном плане. Но полстолетия нет экранизаций даже о Шевченко – после шедевров “проклятого советского прошлого”. В этом Россия виновата? Или её “зарубежная” литература?!

Вспоминаю выступление Евгения Евтушенко в 2008 году в Институте филологии Киевского университета имени Тараса Шевченко. Университету он подписал (как составитель) литературную антологию “Десять веков русской

поэзии” с пожеланием, “чтобы наши культуры всегда были в истории не враждующими, а взаимоподдерживающими и взаимообогащающими”. Дай-то Бог! Тепло он отзывался о своих киевских товарищах по поколению: “. . . Я хорошо знал, например, Ваню Драча. . . и Микола Винграновский, и молодой Коротич – они живут до сих пор во мне. . . я очень люблю стихи Лины Костенко, мы с ней вместе учились. . . величие духа у неё есть. . . вокруг неё есть аура настоящей поэзии, вокруг Лины Костенко” . . . Да, у Лины Васильевны есть чудесные строки, не требующие перевода для русского читателя (что отмечал и рецензент её дипломного сборника “Лучи земли” в московском Литературном институте Всеволод Иванов):

*Найрідніше моє Підмосков'я,
я сходилa твої гаї.
Там зустрїла свою любов я,
не таїла від тебе її.*

Лина Костенко, как и другие украинские шестидесятники, – потрясающая поэтесса.

Но непонятно, зачем украинскому писателю ненавидеть Россию, чтобы любить Украину? Что за странная составляющая украинского патриотизма или того, что им принято ныне считать? Мол, “российская демократия заканчивается там, где начинается украинский вопрос” . . . Решительно то же самое можно сказать и в обратном измерении: вся украинско-российская дружба заканчивается там, где начинается миф о нерусской Украине. Соответственно и о “нерусско-украинской” культуре и литературе. “В эту закладку” (после 1991-го) лжеукраинский симулякр затянулся. Пока не достиг апогея: чёрные дни февральского переворота 2014 года породили “украинскую ночь” – не тихую, не звёздную. . . Безрадостную, мрачную, слепо-бесперспективную.

Националисты, как известно, рано или поздно начинают войну со своим же народом, с его культурой. И тогда появляются “чужаки” среди своих. “Неправильные” люди и регионы. . . Как Донбасс, например, так и не “доросший” до понимания “позитивов” бандеровщины. Родом с донецкой земли – известный лирик XIX века Михайло Петренко (автор пронзительного романа “Дивлюсь я на небо”); кстати, этот романс, как и народные украинские, русские песни, арии классических опер исполнял на сценах всего мира тоже сын шахтёрского края, Анатолий Соловьяненко, талантливейший тенор, “соловейко Украины”, завершивший жизнь с нищенской пенсией “незалежной неньки” (мачехи?!) в конце 90-х; выпускником университета в Донецке (Сталино) был упомянутый поэт-диссидент Василь Стус. . . Всё весьма тесно переплелось. . . А ныне раскалывается, рвётся – по живому.

Невесело, что Лина Васильевна Костенко, столько пройдя улицами нечужой тогда культурной Москвы и лирическими тропами Подмосковья, в 90-х написала (от имени Богдана Хмельницкого):

*Ні, Ганно, ні! Аби лиш не з Московю.
Хай Україну чаша ця мене.
Вже краще з турком, ляхом, із Литвою,
бо ті сплюндрують, а вона ковтне.*

Удивительно, право. Что за открытия?.. Да, Россия – империя, Россия – СССР не были земным раем, но в них, как известно, не исчез ни один народ, ни один язык. . .

Как человек, родившийся не “с планшетом в руках”, старомодно снимаю с полки книги для работы. . . Вот “Братство культур” – монументальный том (экспонат, считайте!..), изданный в 1954 году к 300-летию воссоединения Украины с Россией (если бы не выбор гетмана Богдана с единомышленниками, за который его теперь клеймят националисты, боюсь, не было бы уже никакой Украины, ни украинской культуры – не уцелели бы они в адском пламени беспощадной западной экспансии. . .) Чего стоят только страницы издания, посвящённые дружбе Максима Горького и Михаила Коцюбинского: “Человечность, красота, народ, Украина – любимые темы бесед Коцюбинского, они всегда с ним. . .” (Статья Алексея Максимовича так и называется – “Коцюбин-

ский)... Листаю сборник Василя Стуса "Палимпсесты" с циклом "Треносы Чернышевского". Каждый ли учитель современной украинской школы объяснит, кто, собственно, эта внутренне родная Стусу культурная и общественная фигура России?... Патриот Стус – и "москаль Чернышевский"?.. Да ещё социалист! А Стус хотел быть в юности "похожим на Павку Корчагина... так же помогать людям" – это из дневников поэта. Какой ужас! (Хотя комсомолец Николай Островский, "батько" Корчагина из "Как закалялась сталь", – земляк! Уроженец Шепетовки! Ну, совсем запутаешься, освобождая украинскую словесность из "кацапского ярма"...) Впрочем, когда неучёным вполне "дозволено" (да и зачем кавычки?!) возвращать неучёных, когда главное – "идейная выдержанность", то просто-напросто включай русофобский словомёт, а остальные критерии – на энном месте... Исчезают напрочь объективность суждений, интеллигентность, искренний культурный интернационализм, остаётся оголтелый, фальшиво-пафосный националистический фарс...

Да, а вот молодёжи России зачастую сложно воспринять эту странную Украину как *родную* (причём в мире, где юному поколению лукаво преподносят в качестве бытийной доминанты *экономическую целесообразность*). Легче всего сказать: "Скатертью вам, хохлы, и рушником дорога, если вы такие!.." Каждому своё, мол, и нечего голову ломать. Каждый своей дорогой.

Но мы же были едины!.. В бедах и победах... В страданиях, ошибках и триумфах... В стремлении жить и творить.

"Перемагать и жить!" (по словам Тычины)...

Вот книга Александра Сизоненко, более чем 90-летнего участника штурма Берлина, – "Валькирии не прилетят". В начале её опубликованы письма-отзывы побратимов-фронтовиков. Юрий Бондарев пишет: "Тебе же я скажу солдатское и писательское "спасибо" за твой талант, духовную чистоту, чистую память, великое солдатское сотоварищество... Мы с тобой, Саша, жили, воевали и умирали рядом с людьми, уже неповторимыми... "На Фридрихштрассе мы положили весь полк" – эту фразу я не мог читать без слёз, как и многие места из твоих глав. 24 марта 2011 г. Чистосердечно обнимаю тебя. Твой Юрий Бондарев"

Вот говорит ко мне, обращается и к русским читателям "сквозь годы и расстояния" встретивший 80-летний юбилей украинский шестидесятник Борис Олейник (поэма "Трубит Трубеж", а Трубеж – это ещё "летописно-житийная", со времён Бориса и Глеба, речка на Киевщине возле Переяслава, где в январе 1654 года казаки и селяне Украины на векопомной Переяславской Раде дали присягу православному Русскому престолу):

***Но в полночь, на двенадцатом ударе,
Встает трубач, в забвение трубя:
"Коль прошлое ты продал на базаре —
Ты будущее продал и себя"...***

Грозные слова. И думается: всё же были, есть и всегда будут люди, художники, творцы, отвергающие торг лукавого мира сего, не продавшие ни себя, ни Слово, ни многовековое и единокровное, закалённое битвами и скреплённое духовными печатями побратимство в Слово! А для него ничего не значат бутафорские валы, рвы и редуты на кордонах-рубежах, ранами исполосовавших тело Родины, которую мы помним. Слово преодолет все заграждения.

ПРАВДА НЕ БЫВАЕТ "ЗАРУБЕЖНОЙ". Как внутри себя не отгородиться от собственной совести...

И посему есть надежда на возрождение великого Отечества, на будущее (хочется верить, вскоре!) светлые времена многоликой и единой нашей Руси, неразделённого в себе дома процветающих народов и культур.

С окнами, озаряющими планету "светом невечерним", вечным.

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

ЯСНОСТЬ ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛИ

Юрий Ключников. “Душа моя, поднимем паруса!” М., Беловодье, 2015.

Две главы орла, в разные стороны смотрящие, в гербе Российской Империи и Российской Федерации. Два пути – один другому противостоящие, и оба неразрывно связанные в судьбе Отечества, в его бытии, в его исторической философии, мечтах и упованиях. Путь на Восток и путь на Запад.

Александр Блок, обращаясь к Западу, писал в 1918 году:

*Мы любим всё — и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...*

*Мы помним всё — парижских улиц ад,
И венецянские прохлады,
Лимонных роц далёкий аромат,
И Кёльна дымные громады...*

А за два года до того Николай Клюев чертил противоположный вектор русской мысли, русского чувства и русской любви:

*Индийская земля, Египет, Палестина,
Как олово в сосуд, отлились в наши сны.
Мы братья облаков, и савана холстина —
Наш верный поводырь в обитель тишины.*

В поэзии нашего современника Юрия Ключникова эти два вектора соединены органично и естественно.

В его тщательно и продуманно составленной итоговой книге избранных стихотворений, поэм и переводов “Душа моя, поднимем паруса!”, открывающейся “Стихами о России”, представлены обширные циклы “Французская тетрадь”, “Испанская тетрадь”, “Восточные узоры”. Каждый из этих пластов в его творчестве вскопан глубоко и мощно, и сама по себе эта широта взгляда уникальна в нашей дробящейся и раскалывающей сознание современности. Тут хочешь не хочешь, а вспомнишь о пушкинской воле и объёмности восприятия и воплощения мира, и обращение к Пушкину нашего поэта вполне ожидаемо.

*Когда сегодня новый Штольц зовёт,
Как на пожар, нас во всеобщий рынок,*

*Я очень понимаю свой народ,
Не выбросивший старые перины.
Могу в соломе даже спать, как пёс,
С торговыми порядками не споря,
Пусть надо мной сияет море звёзд
И пушкинское снится Лукоморье.*

“Прологом из “Руслана и Людмилы” // сновидческий во мне струится след...” Высота духа – вот первое, о чём думаешь, читая стихи Юрия Ключникова. Высота, несгибаемость, гармония души и мира, абсолютный лад поэта с самим собой, что, в принципе, редкость в нынешней поэзии, скорее раздёрганной, нервной и дисгармоничной. “Это родина, это Россия, это почерк её вековой...” Постоянное ощущение “векового почерка” и даёт силу и мудрость поэту, и он с высоты прожитых лет в состоянии найти самые точные слова о настоящем с упованием на будущее, мысль о котором сочетается с неколебимой надеждой на окончательную победу добра.

*Лукавые! Вам кажется, что плохи
Дела у нас, но взвесит Судный день
Всю трагедийность сталинской эпохи,
Всё шутовство сегодняшних затей.
Засветятся рассветные одежды
Седьмого дня во мраке трёх шести.
Терпения, смирения, надежды
И красоты, чтоб крест свой донести.*

Эта надежда звучит и в строках “Французской тетради”, где Ключников вспоминает имена великих французов, за которыми стоит великая история страны, погружающейся ныне в первобытный хаос. “Тебя венчали Шарли-короли, великие Бодлеры и де Голли. // Теперь тобою карлики-“шарли” // задумали командовать. Доколе?!” Это “Доколе?!” – не просто крик досады и ужаса. Это призыв к Западу вспомнить своё былое величие, вспомнить своих героев, не склонявших головы перед злом, несправедливостью, неправдой.

*Жива неутоляемая жажда
По Жанне д’Арк, по Сент-Экзюпери,
Не умирает вера, что однажды
Зажжётся свет немеркнувшей зари.*

А на соседних страницах книги – простор и дыхание Востока... “Над нами океан огней небесных, // под нами – склад подземного огня...” И тянется путеводная нить со срединной Руси через Алтай – “Гонят волну плавники белокрылого катера, // гонит с волны восходящее солнце туман, // гонит Алтай все печали мои перекатные // от Артыбаша до дальней реки Чулымшан...” – к долине Кулу, Канченджанге, дуновению Тибета – “Святому торжеству Любви и Света, // святым вершинам вечного Тибета // я шлю ответный зов моих равнин...” – что снова возвращает к Николаю Клюеву, к его Белой Индии.

*На дне всех миров, океанов и гор
Цветёт, как душа, адамантовый бор,
Дорога к нему с Соловков на Тибет,
Чрез сердце избы, где кончается свет.*

В послесловии к книге её составитель, сын поэта Сергей Ключников упоминает один прелюбопытнейший факт: “Увлечённый идеями Н. К. Рёриха, Ключников с группой единомышленников в 1979 году написал письмо властям, где предупреждал их о близости всеобщего кризиса в стране. Он сделал предложение по улучшению идеологии государства и обратил внимание на са-кральные знания и опыт Востока, которые, по его мнению, могли бы оживить и одухотворить марксизм. На эти мирные предложения власть совершенно

неожиданно для него ответила репрессиями и созданием партийного дела... Борьба завершилась получением строгого выговора по партийной линии с занесением в учётную карточку и увольнением с поста редактора в издательстве “Наука”... Долгий и небесплодный разговор — насколько подобное “одухотворение” было возможно и к каким бы последствиям оно могло привести, но одно совпадение совершенно поразительно: буквально по такому же сценарию в своё время исключали из партии Николая Клюева, стремившегося совместить коммунизм с христианством, которое в его сознании органично сплеталось с духовной культурой Индии и одной из любимейших книг которого было апокрифическое “Тибетское евангелие”.

Не только пространства, но и времена соединяет в органическое целое Юрий Ключников. Для него в эпоху разрыва временных пластов крайне важна связь времён, историческое целое, в котором временные пласты не противоречат один другому и не отменяют друг друга. И “воскресение России” — в этой естественной связи.

*Духовный взор
Событий цепью длинной
Ровняет времена в одну строку —
От Куликова поля
До Берлина,
От княжеского сына к скорняку.*

Одно из самых поразительных, дерзких по мысли и совершенных по законченности стихотворений книги — “Письмо священнику”, священнику, непримиримому к советскому периоду Русской Истории.

*Вы Родине нашей вменили в вину
Публично, с амвона, ни мало, ни много,
Что страшную мы заслужили войну
За власть коммунистов, отвергнув Бога.
Ну, что же, тогда и церковный погром
В семнадцатом тоже был горьким лекарством
За несохранённый Синодом Покров
Святой Богородицы над государством.
Но я-то в стихах не виню никого
За нынешние и бывшие невзгоды,
Нам вместе бы с вами вернуть торжество
Священной весны сорок пятого года.
.....
Но если вернётся на родину свет,
И знамя победное вновь будет поднято,
Я верю: допишется в Новый Завет
Апостольский грех большевистского подвига.*

Стих Юрия Ключникова прям и точен, как стрела, ясен и прозрачен, как ключевая вода. Он не обременяет его ни избыточной образностью, ни “тёмными” смыслами, ясными лишь ему и узкому кругу “посвящённых”. Он может показаться декларативным, но там, где невнимательный взгляд увидит лишь декларацию, на деле — прямая, разящая мысль, воплощённая чётко и кратко. Ключников прост, как правда, открыт и притягателен, как русский пейзаж, столь любимый им. Читается книга легко и в то же время проникновенно и естественно: нелукавая, чистая, мощная поэтическая речь захватывает читателя, уже не отпускает.

Дополняют книгу вольные переводы из французской поэзии и подражания суфийским поэтам. Это, конечно, не подражания, вольные переложения из Рудаки, Фирдоуси, Хайяма, Ширази. Таинственное и родное, требующее поэтической разгадки, которую поэт осуществляет с редким по пронизательности проникновением в первоисточник. Вообще, Юрий Ключников в своём возрасте поражает своей работоспособностью, за это время выпустил отдельную книгу переводов суфийской поэзии “Караван вечности”, состоящую из 500 переведённых стихотворений!

А если вернуться к французам... Сколько раз переводилась знаменитая “Баллада на поэтическом состязании в Блуа” Франсуа Вийона. Ключников извлекает из старого текста совершенно неожиданный смысл. Все мы помним хрестоматийные строки в переложении Ильи Эренбурга:

*Я сомневаюсь в явном. Верю чуду.
Нагой, как червь, пышней я всех господ.
Я всеми принят — изгнан отовсюду.*

А вот что делает Ключников:

*Своим не верю — верю в чудеса.
А ночевать предпочитаю в сене.
Порой застанет в нём меня гроза.
Я принят Всем, за это изгнан всеми.*

В переводе Эренбурга всё, происходящее с поэтом, — “человеческое, слишком человеческое”. Всё происходит в мире людей — поэт принят людским миром и им же отвергнут. В переводе же Ключникова героя принимает Мироздание или Ойкумена — и за это он изгнан людьми. Смысл происходящего обретает космический характер.

“Ясность поэтической воли” отметил в поэзии Юрия Ключникова Вадим Кожинов. И, пожалуй, это самая точная и объёмная характеристика, которой удостоился поэт, подошедший к 90-летнему возрасту, чьё слово не сдаётся старости. Поистине — “чем старе, тем сильнее”. И в этом убедится любой, взявший в руки книгу “Душа моя, поднимем паруса!”

Ещё пять лет назад поэт Геннадий Иванов, восхищаясь “молодой старостью” поэта, публициста, переводчика Юрия Ключникова и пытаясь осмыслить его место в русской литературе, в своём предисловии к его поэтическому сборнику “Осенняя молитва” написал:

“В наше время из живущих так активно и плодотворно на восьмом десятке лет работают, пожалуй, только Глеб Горбовский и Константин Ваншенкин. Из недавно ушедших так работали в этом или почти этом возрасте Виктор Бокв, Николай Тряпкин, Фёдор Сухов, Анатолий Жигулин, Алексей Решетов. Очень хорошие поэты. В этот ряд достойно встаёт Юрий Ключников”.

Присоединяясь к этой оценке творчества русского и советского поэта Юрия Ключникова, добавлю от себя, что он завоевал достойное место в отечественной литературе...

“АТАКУЮЩЕЕ РАСПЯТИЕ”

Именно так назвал свою последнюю книгу ушедший из жизни 12 января 2015 года Виталий Алексеевич Канашкин – человек неуёмного духа, безмерного таланта, неугасимой воли к жизни, невыносимо дерзкий, способный приносить в свет неудобную для ближних, самую горькую, с привкусом полыни правду...

“Автор двухтомника “Вещее поле России” и многих знаковых книг, исподволь поворачивающих время: “Народа душа родниковая” (1976), “На пути к себе” (1985), “Стопами самосотворения” (1993), “И в помыслах, и в чувствах” (1994), “Триумф обрезанного духа” (1995), “Русская литература: всегда и теперь” (2000), “Во тьме настоящего” (2001), “После тризны” (2003), “Вздох погребённых” (2007), “Кубанская дуга” (2008), “Ад – это мы” (2009), “Азь есмь” (2012), “Русский клич” (2014)” – именно так скажет о себе самом Канашкин в формате авторской самопрезентации на обложке “Атакующего распятия” и выдаст ту метафизическую плоть собственного духа, которая и была распята временем, утратившим интерес к смыслам, и которая исторгнута из надорванной души самостийным Словом. Энергию слов, вышедших из-под пера Виталия Канашкина, невозможно было запретить, сдержать или, того хуже, преломить, ибо она, эта энергия, являла собой “энергию новорусского гула и глубинной национально-исторической поступи, управляющей нашим духовным Бытием”, и потому от книги к книге обретала атакующий вектор. Под прицелом беспощадной авторской мысли оказывалось то мизерное, маргинальное, не-сущностное – из разряда плевел, – которое из века в век выдаёт себя за зёрна. Как библейское дерево, цвет которого прельщает красотой, но не даёт плода... И тогда, в духе Маяковского, на нежные лепестки “смоковницы” обрушивались гневные неологизмы Виталия Канашкина: “Самоубийство идеи”, “Ставка на “сволочь”, “Трупный яд соития”, “Границы холуяжа”, “Интеллектуалобесие”, “Власть тьмы и тьма власти” и др.

Парадокс судьбы В. А. Канашкина в том, что, будучи рьяным государственнымником, ратуя за возрождение великой Державы и атакуя на своём словесном фронте язвы государственной жизни, доктор филологических наук, профессор, председатель диссертационного совета по защитам докторских диссертаций, заведующий кафедрами современной литературы, аналитической журналистики, литературы, теории и критики КубГУ, известный критик, публицист, чьё имя стояло в одной строке с именами В. Кожинова, М. Лобанова, А. Проханова, главный редактор всероссийского журнала, который в 90-е годы не уступал таким патриотическим изданиям, как “Наш современник” и “Молодая гвардия”, – последнее десятилетие своей жизни был исторгнут из государственного вуза. Как редактор и как профессор Виталий Алексеевич последние годы трудился в частном вузе – Кубанском социально-экономическом институте, продолжая издавать журнал “Кубань”, выпустил в свет более десяти томов собственных трудов, в которых запечатлена эпоха. Именно негосударственный вуз предоставил возможность ВАКовскому профессору В. А. Канашкину продлевать жизнь старейшему, главному изданию Кубани, бороться за обретение Россией утраченных государственных скреп.

Быть Канашкину ближним, оставаться в кругу его интересов и смотреть с ним по жизни в одну сторону – всё равно что добровольно жить на извергающемся вулкане. Он всегда доставал до дна – и себя, и окружающих... нарушая и баланс, и комфорт. Но, теряя комфорт, престиж, бренд, В. А. Канашкин делал акцент не на своём одиночестве, а на том, что он в очередной раз

возвращается к себе. Как и его любимые литературные герои, которые по-народному просты, но значимы в своей самоценности. Неподдельный восторг вызывали в его душе своей подлинностью образы народного правдоискателя Чацкого, пушкинского Архипа с его самочинным “как бы не так”, неприметный подвиг капитана Тушина и народного ополченца Тихона Щербатого, те прикровенные глубины родниковой души народа, которые, будучи постигнутыми, для самого В. А. Канашкина становились “столпами самосотворения”.

Обозначение народности как базисной категории собственных идейно-эстетических исканий Виталия Алексеевича Канашкина, защитившего докторскую диссертацию по проблеме народности русской литературы, – жить “в строку”, то есть соответствовать времени, быть на гребне эпохи и претворять в жизнь помыслы и чаяния народные как вехи собственной судьбы и судьбы Отечества. Именно такое осознание собственного призвания – сопрягать Словом и в Слове разятое временем жизненное пространство – позволило Виталию Канашкину, главному редактору “Кубани”, преобразовавшему в 1991 году альманах во всероссийский общественно-политический и литературно-художественный журнал, – исподволь повернуть безвременно “нулевых” в русло возрождения кубанского казачества, русского философского ренессанса, духовных основ русской государственности. Кубанское казачье войско воссоздавалось в 90-е на волне публикаций трудов Ф. А. Щербини, Д. Яворницкого, художественных и публицистических свидетельств очевидцев эпохи образования казачьей столицы. Понимание “Русского Мира как Русского Креста” складывалось у читателей “Кубани” благодаря публикациям философских трудов И. А. Ильина, С. Булгакова, П. Флоренского, С. Франка, М. Меньшикова; архивным материалом, раскрывающим трагедию расказачивания, убийства царской семьи, Пуришкевича, Григория Распутина... Работы известных мыслителей современности – И. Шафаревича, В. Кожина, М. Лобанова, В. Тростникова – побуждали читающих “Кубань” лицом к лицу стать с собственной трагической судьбой, преодолевать горизонты мрака, обступающего Родину, обретать цену самостояния, к которому призывали публикуемые на страницах журнала стихи Юрия Кузнецова:

*Всё стоит в знак вечного покоя...
Столпник перед Господом стоит.
Древо жизни умирает стоя,
Но стоит и мне стоять велит.*

Самостояние Виталия Канашкина – в утверждении наличности собственно-го бытия и бытия народа (“Азь есмь!”), вопреки тому, что само время отменяет всякую сущность, предлагая взамен не-главное, не-сущностное, не-подлинное, не-первичное, что апостасийно и не имеет права на жизнь.

Виталий Алексеевич Канашкин ушёл из жизни, десятью днями перешагнув рубеж 70-летия “Кубани”. Как редактор журнала, не имеющего штатного состава журналистов, он единственный в регионе издал два тома “Кубани”, посвящённых подвигу писателей-фронтовиков Кубани и подвигу Кавказа в Великой Отечественной войне.

Метафизика человеческой сущности раскрывается в момент ухода. Каким он был у Виталия Канашкина? Осознанным, но не принятым. Рядом с ним (в момент и уже после) остались лежать листы, на которых писалось введение к новой книге “Крылья нетопыря”. Его сердце перестало биться в ту минуту, когда в своём кабинете редактор Екатерина Сидорова продолжала работу над очередной главой авторской рукописи Виталия Алексеевича. А на рабочем месте профессора лежат собранные им работы студентов 3 курса, которых, по выражению Мастера, он сумел пробудить в Слове... Работы увидят свет на страницах “Кубани”, которая будет издана в память об Учителе как “номер для души”. Своим многочисленным читателям и любящим студентам – будущим журналистам, – атакуя творческую бездарность, несправедливость жизни, человеческое, в первую очередь – собственное несовершенство, профессор Канашкин преподал главный урок: если относиться к Слову искренне (писать, как живёшь, и жить, как пишешь), его энергия необорима. Она делает человека объёмнее его земной жизни. И оставляет неугасимый след...

Наталья Щербакова

МАРИНА ПЕТРОВА

“ВЕЛИКИЙ ПРОВИДЕЦ ВРЕМЁН МИНУВШИХ”

К 100-летию смерти В. И. Сурикова

19 марта 1916 года В. И. Суриков на последних ударах сердца полушутя-полусерьёзно тихо произнёс: “Я исчезаю...” Это были последние слова великого художника, мыслителя, пророка, как называли его уже современники. Он мало писал писем, не вел дневниковых записей, где мог бы излагать свои мысли, своё понимание событий, давать оценку происходящему вокруг. Все свои раздумья и переживания он поверял своим полотнам. Там – вся его философия, его боль, пророчество и вера. Поэтому, как и Бальзак, он мог сказать: “Главные события моей жизни – это мои произведения”.

Уже современники называли его “великим провидцем времён минувших”, но он оказался и “великим провидцем” времён грядущих, оставив в картине “Посещение царевной женского монастыря” (1912) своё пророчество о России и завещание своему народу. В художественных образах, на языке христианской символики, которым были обязаны владеть все исторические живописцы, Суриков поведал о России, вступающей на свой кровавый путь. И, как все большие мастера в отечественном искусстве, прикасаясь к трагическим эпохальным событиям в судьбе России, Суриков точно так же всегда предлагал путь спасения – через Церковь, через Веру, через Слово Божие. В этом смысле он не был оригинален, а, скорее, традиционен.

Главная и отличительная особенность профессионального русского искусства, заявившая о себе сразу, с самых первых шагов, – его духовное начало. И это несмотря на то, что на фронтоне Академии художеств, которую Суриков закончил в 1875 году, начертано: “Вольным художествам”, то есть искусству, свободному и независимому от Церкви. В немалой степени тому способствовало религиозное сознание самих студентов. К тому же педагогический корпус Академии, состоявший поначалу из иностранных художников, стал со временем всё больше и больше пополняться выпускниками Академии, начиная с самого первого русского преподавателя по классу “историческая живопись” А. П. Лосенко. В век Просвещения с его рационализмом и идеей гуманизации общественного сознания, то есть попросту его расцерковления, Лосенко и его ученики и последователи – И. Акимов, Г. Угрюмов, А. Егоров – проповедовали в своих произведениях христианские ценности: христианскую любовь и братолюбие, торжество духовных сил над страстями человека, духовность как начало начал русской государственности. Заявившая о себе сразу духовная основа русского искусства не только не подвергалась пересмотру в XIX веке, но даже укреплялась и утверждалась.

Учитель Сурикова, выдающийся педагог Академии, воспитатель целой плеяды талантливейших русских художников, П. П. Чистяков в письме к П. М. Третьякову писал: “Искусство и религия неразлучны”. А несколько позже, развивая и уточняя свою мысль, он сформулировал целеполагание художественного творчества: “Искусством, живописью нужно петь, хвалить и славить Бога”, – к чему и призывал своих учеников. Это духовное наставничество было необычайно близко Сурикову, писавшему, в частности, брату: “У нас сокровище есть – вера”. И матери, исповедальной: “Наша жизнь тут не навсегда. И привязываться к земному не очень-то крепко надо”. А много позже, наставляя собственную дочь, у которой уже была своя маленькая Наташа, писал: “Приучай к молитве девочку. Так крепче будет”.

Что бы ни писал Суриков – Степана Разина или суворовский переход через Альпы, русских стрельцов или ссыльного в Берёзове, опальную боярыню Морозову или “Покорение Сибири Ермаком”, – в его полотнах с их эпической мощью и величием всегда есть ощущение даже не времени, а эпохи.

Вместе с тем, избирая для себя тот или иной сюжет, который, может быть, действительно имел место в истории, Суриков, точно так же, как и его предшественники, никогда не погружался в его событийные недра. Он использовал его только как повод для того, чтобы поднять те проблемы, которыми жило, которыми “болело” его Время. И здесь также сказалась его приверженность к традиции, зародившейся в исторической живописи ещё с академических времен, утвердившейся также и в следующем веке.

Не о гибели приморского городка говорил в своей знаменитой картине “Последний день Помпеи” (1834) Карл Брюллов, а о гибели старого, языческого мира и рождении мира нового, христианского. Именно Брюллову принадлежит первенство изображения в этой картине собирательного образа Церкви Христовой. Сам духовный разворот замысла картины, создававшейся в Италии, оказался необычайно актуален для России рубежа 1820–1830-х годов.

Используя евангельский сюжет об Иоанновом крещении, Александр Иванов также впервые в своей картине “Явление Христа народу” (1858) не только раскрывает сакральный смысл происходящего как духовного очищения человека – покаянием, смывающим с него нравственную скверну, но и поднимает глобальные духовно-нравственные проблемы человеческого бытия. Они также были востребованы временем, отмеченным противоречивым состоянием русского общества, духовно неустроенного, отвернувшегося от Церкви, но алчущего Бога и искавшего Его на путях просвещённого разума.

Писавший ровно через 20 лет свою картину “Христос в Гефсиманском саду” (1878) В. Г. Перов не иллюстрирует евангельский рассказ о предсмертной молитве Христа, а в развитие мыслей Александра Иванова впервые в мировой религиозной живописи создаёт образ пограничья между Небом и Землей, между материей и духом, между Временем и Вечностью.

Подавленный событиями 1 марта 1881 года – убийством царя Александра II, потрясшим всю Россию, – пишет свою картину И. Е. Репин “Иван Грозный и сын его Иван” (1885). Через кровавую сцену, разыгравшуюся в семье Ивана Грозного, раскрывается страшное предвидение художника трагического завершения династии Романовых.

А в картине В. М. Васнецова “Царь Иван Васильевич Грозный” (1897) из отдельных подголосков, сливающихся воедино, вдруг зазвучала апокалиптическая нота, вобравшая в себя ощущение автором своего времени как конечного.

Такова особенность русской исторической живописи, откликавшейся не на событие как таковое, а на боль своего времени. И Суриков – не исключение. Свой путь в искусстве он нашёл довольно быстро. “Приехавши в Москву, – вспоминал он впоследствии, – попал в центр русской народной жизни, сразу стал на свой путь”.

Уже в его знаменитой исторической трилогии очень чётко и достаточно определённо раскрыла себя сама природа искусства мастера, сформулировано его художественное кредо. Потому и хочу остановиться именно на этих произведениях.

В первой картине трилогии “Утро стрелецкой казни” (1881) Суриков, обращаясь к событиям 1698 года, задаёт сразу очень высокий уровень размышлений не только об историческом прошлом страны и народа. И хотя художник поставил на самом дальнем плане виселицы, которыми тогда были заставлены

все улицы Москвы, картина всё же повествует не о жестоком подавлении Петром Первым второго стрелецкого бунта. Кстати сказать, когда картина ещё была в работе, заглянул в мастерскую художника Репин. Увидев уже стоящие виселицы, посоветовал, исходя из названия картины, повесить хотя бы одного стрельца, что сам он и сделал в своей картине “Царевна Софья”, также повествующей о том времени. Суриков засмутился – не очень-то ему этого хотелось, – хотя всё-таки прислушался к совету и “повесил” одного стрельца. На следующий день заглянула в мастерскую нянька и, увидев висельника, упала в обморок. Во избежание подобных неприятностей в дальнейшем, уже при экспонировании картины на выставках, Суриков быстро ликвидировал “самосуд”. А несколько позже признавался: “Торжественность последних минут мне хотелось передать, а вовсе не казнь. Тот момент, когда казнь ещё не началась, и кровь ещё не пролилась”.

Сама картина сложилась у Сурикова как-то сразу и вдруг. “Однажды еду я по Красной площади, – вспоминал художник, – кругом ни души. Остановился недалеко от Лобного места, засмотрелся на очертания Василия Блаженного, и вдруг в воображении вспыхнула сцена стрелецкой казни, да так ясно, что даже сердце забилося. Почувствовал, что если напишу то, что представилось, то выйдет потрясающая картина. Поспешил домой и до глубокой ночи все делал наброски, то общей композиции, то отдельных групп. Надо, впрочем, сказать, что мысль написать картину стрелецкой казни была у меня и раньше. Я думал об этом еще в Красноярске. Никогда только не рисовалась мне эта картина в такой композиции, так ярко и так жутко”.

Но не о царской расправе пишет свою картину художник, а о нравственном расколе русского общества. Именно тогда, в XVII веке, оно разделилось на народ, который держится своих корней, и на малую, но привилегированную его часть, которая во главе с самим царем развернулась на Запад, вплоть до забвения своего родного, русского языка. Эта проблема бередила общественное сознание. Потому исторические живописцы XVIII века, обращаясь к сюжетам из античной литературы, а затем всё больше и больше из русской истории, из летописей и преданий, из пьес Хераскова и Княжнина, своей проповедью христианских ценностей напоминали своим соотечественникам об их “крещении и правоверии”, как писал святой Дмитрий Ростовский. И в XIX веке проблема нравственного раскола не утратила своей остроты, а, напротив, усилилась, особенно на фоне конкретных, порой парадоксальных жизненных реалий.

Один из ратателей о русском народе, декабрист Никита Муравьев-Апостол, сидя в Петропавловской крепости в ожидании казни, занимался не чем иным, как изучением русского языка, которого он не знал. Николай I по этому поводу долго смеялся, заметив, что борцы за свободу народа даже языка своего народа не знают.

На юбилейной выставке, посвящённой 200-летию со дня рождения Петра Великого, Н. Н. Ге выставил свою картину “Петр I допрашивает своего сына Алексея”, где проблема раскола своим остриём прошлась уже и по семье. Полярное расхождение мыслей, вкусов и взглядов, так сказать, традиции и новаторство развели отца и сына по разные стороны баррикад.

А ещё раньше, в 1857 году была опубликована большая статья К. С. Аксакова на самую большую тему в национальной жизни России. Рассматривая проблему расколотого русского общества, автор поделил его на “публику и народ”, что и определило само название статьи. И на всем её протяжении он даёт обстоятельную характеристику каждой из сторон. У “публики – явления чисто западного”, пишет автор, ничего своего нет, а все “выписано из-за моря”: и язык, и одежда, и образ жизни, а главное, мысли и чувства. А народ держится своих корней – национальных, культурных, исторических, духовных. “Публика наша говорит по-французски, а народ – по-русски”. В соответствии с нормами европейского образа жизни, “публика” вечером едет на бал, а народ, подчёркивает автор, “идет ко Всенощной”; публика танцует и веселится, а народ молится. А потому для публики центр Москвы – Кузнецкий мост с его новомодными магазинами, а для народа это – Кремль. Духовный центр России.

Разумеется, картина Сурикова – не иллюстрация этой статьи. Он выступает здесь как единомышленник Аксакова, полностью разделяя его позицию. И потому сознательно акцентирует в картине эту дорогу смерти, что ведёт

к виселицам, но возникает она здесь как образ пропасти, по разным сторонам которой и оказались “публика” и “народ”. В пластической драматургии картины она присутствует как собирательный образ начавшегося Великого раскола, затянувшегося в русском обществе на века. Потому “публика” и “народ” возникают в картине образами двух миров: мира древней, Святой Руси и мира, сотворенного деяниями Петра I, получившего название “Россия молодая”. Но художнику мало только одной констатации исторически трагического факта. Ему важно дать эти два мира в противостоянии, противостоянии непримиримом, получившем своё образное выражение в жертвенном гневе рыжебородого стрельца и карающем гневе молодого царя.

Примечательно, что в своей статье Аксаков наделяет соответствующими эпитетами противостоящие друг другу стороны: “публика у нас – почтеннейшая, – пишет он, – а народ – православный”. Потому и собирает Суриков обширную, теснящую друг друга народную массу у подножия храма Василия Блаженного образом Русского мира.

Как известно, смертников перед казнью одевали в чистое белое бельё и вручали им горящую свечу. Горит свеча – жизнь продолжается. Потухла – жизнь оборвалась. Потому и положил художник на первом плане свечу того стрельца, которого ведут на казнь. Он ещё жив, но через мгновение его жизнь оборвётся. Потому и свеча его уже потушена, но ещё тлеет, а через мгновение и она погаснет. Для Сурикова гораздо важнее христианский смысл горящей свечи как символ света Христова, который освещает не столько холодную белизну рубах этих смертников, сколько души этих людей. Отсюда этот нарастающий ритм зажжённых свечей как образ неизбывного духовного горения русского народа, на стороне которого все симпатии, всё сочувствие и всё сострадание художника.

После “Стрельцов” Суриков хотел сразу приступить к работе над “Боярыней Морозовой”, но, “чтобы отдохнуть, – признавался он, – “Меншикова” начал”.

У каждого автора по-своему рождается тот или иной образ. Для Сурикова таким импульсом часто было полученное впечатление от какого-то мало значащего явления. В процессе работы над картиной “Боярыня Морозова”, например, таким импульсом стала чёрная ворона со сломанным крылом на белом снегу. А на картину “Посещение царевны женского монастыря”, по собственному признанию художника, вдохновила его царевна, привидевшаяся ему в храме за богослужением.

Однажды, будучи в деревне, художник зашёл в крестьянский дом, где сидел очень высокий человек. Суриков как-то сразу обратил внимание на то, что из-за очень низкого потолка в доме этот человек никогда не сможет встать здесь в полный рост. Этого впечатления было достаточно, чтобы вынашиваемый художником образ картины “Меншиков в Берёзове” окончательно сложился. Он также поместил своего героя в деревенскую избу с низким сводом, что не позволит и ему встать в полный рост. Так родился образ ссыльного в Берёзове, который уже никогда не встанет в свой полный – политический – рост, никогда уже не обретёт той свободы действия, того могущества и власти, что были в его руках на протяжении многих лет.

Не судьей и не адвокатом выступает художник в этой картине. Его мало занимает, как Меншиков прожил свою жизнь. Для него важнее – как он её закончил. И потому в центре внимания художника то духовное преображение, которое пережил ссыльный в Берёзове, где на свои деньги выстроил домик и маленькую церковь. Каждый день Меншиков с детьми был в церкви, в которой принял на себя должность дьячка, стал певчим, а ещё и звонарём. Дома заставлял детей читать священные книги, а сам ночью вставал на молитву. Набожность, смирение, простота его поражали жителей Берёзова. А сам развенчанный светлейший князь, живя жизнью простолюдина, не раз приговаривал: “С простой жизни начинал, простой жизнью и закончу”. Как писал один из Оптинских старцев: “Меншиков стал настоящим христианином, умер в истинном покаянии, любил читать Псалтирь и часто приговаривал: “Благо мне, яко смирил меня Господь”.

На картине Сурикова мы застаём Меншикова не в борьбе за своё освобождение, движимого тщеславием и уязвленным самолюбием, а в борении с самой собой: за чтением книги на все времена при потухшей свече, но с горящей лампадой в красном углу. Высвечивая потемневшие краски икон, маленький фитилёк согревает своим мягким, тёплым светом металлический

блеск серебряных окладов. В общем холодном колорите картины красный угол — единственное тёплое пятно. У этого источника духовного тепла и света и согревает свою душу Меншиков. Так рождается художественный образ картины, освещённый лампадой, что горит, как вечная, неугасимая надежда на спасение, даруемое каждому в покаянии. И потому красный угол здесь, пожалуй, главное действующее “лицо”. В своём образном существовании он как пластический парафраз известных слов Христа: “Стою у сердца каждого и стучусь”. Художник, вовлекая зрителя в рассматривание своей картины, ведёт рассказ, казалось бы, о конкретной жизненной истории, но в нём достаточно отчётливо просматривается художественная проекция евангельской притчи о нравственной смерти и возможности духовного возрождения даже на кресте.

“Отдохнув” на “Меншикове”, Суриков взялся за новую картину из истории Церковного раскола. Если в “Стрельцах” проблема отрыва от национальных, исторических и духовных корней рассматривалась Суриковым как национальная трагедия, то теперь задача стояла перед ним несколько иная: изобразить последствия нравственного раскола, которые достаточно остро ощущались в современном художнику обществе.

Каждый исторический живописец, прежде чем приступить к созданию картины, всегда поднимает большой исторический материал, хотя бы для того, чтобы не ошибиться с адресом эпохи. К середине 1880-х годов, времени работы художника над “Боярыней Морозовой”, было уже опубликовано несколько работ по истории церковного раскола.

“Раскол, происшедший в русской церкви в XVII веке, — писал В. О. Ключевский, — был церковным отражением... нравственного раздвоения русского общества под действием западной культуры. Тогда стали у нас друг против друга два мировоззрения, два враждебных порядка понятий и чувств. Русское общество разделилось на два лагеря, на почитателей родной старины и приверженцев новизны, то есть иноземного, западного”. Таким образом, Ключевский и церковный, и нравственный раскол ставит в один ряд, рассматривая их как причину и следствие. Позже, уже в XX веке, религиозный мыслитель, богослов, философ и историк отец Георгий Флоровский назовёт раскол “первым припадком русской беспочвенности, отрывом от общности, исходом из истории”.

Вместе с тем, не следует забывать, что общество, пережившее польскую и шведскую интервенции, страшную катастрофу Смуты, “бунташное время” восстаний Ивана Болотникова, а позже Степана Разина, искало опоры в традиции. Верность следования устоям, прежде всего — религиозным, что определяло основу основ Русского мира, виделась едва ли не единственным средством спасения души. Это одна из многих причин неоднозначной реакции на церковную реформу Патриарха Никона и некоторой части духовенства, и некоторой части народа.

В то же время, сопротивляясь Никоновой реформе, слепо и истово веря в правильность старых обрядов, икон и богослужебных книг, раскольники оставили за собой право считать, что именно им дано верно трактовать “Писание и Предание”, знать, “что есть истина и благо, и таким образом, именно их мнение есть мнение соборной апостольской церкви”.

Ещё в студенческие годы, учась в Академии художеств, Суриков, по собственному признанию, увлёкся “первыми веками христианства”. Из исторических и духовных книг, которых, кстати, немало было и в его доме в Красноярске, он прекрасно знал, что мужество этих “вдохновенных проповедников новой веры, — как он писал, — с их страданиями на крестах и аренах цирков” измерялось не фанатизмом, то есть ничем не оправданной жертвой, а смиренным, осознанным преданием себя воле Божией. Такова природа их духовного подвига, которая не только не совпадала, но даже противоречила характеру действий раскольников. Отринув смирение, последние собственную волю, собственное понимание выдавали за “мнение соборной апостольской церкви”. Проявившаяся своего рода самость оказалась сильнее и превыше духовного закона, что само по себе уже есть отречение от него.

Суриков своим удивительным чутьём именно так расценил деяния раскольников. Недаром художника называли “великим провидцем времён минувших”. И потому с самого начала он прилагал огромные усилия, чтобы добиться эффекта движения саней, но как только добился, сразу же перекрыл им

перспективу. Когда в 1887 году картина появилась на очередной Передвижной выставке, и художники, и критика сразу же обратили на это внимание и обвинили художника во всех смертных грехах и, прежде всего, в том, что он не владеет композицией. Что же, сани по головам, что ли, поедут? По сути, его обвинили в непрофессионализме. Это обвинение было тем более несправедливо, что художник, ещё сидя на студенческой скамье, необычайно увлёкся композицией, почему даже и звали его в Академии “композитором”. Вообще композиция — одна из самых сильных сторон дарования Сурикова, умевшего подчинить её своему замыслу, сделать одним из проводников главной идеи картины. А тогда на выставке никто не задумался, не задался вопросом: а почему художник перекрывает движение саней, почему в нарушение исторической правды одевает боярыню Морозову в богатые боярские одежды?

Внешне всё верно, так как Феодосия Прокопьевна Морозова по своему отцу — Соковину Прокопию Фёдоровичу — состояла в родственных связях с первой женой царя Алексея Михайловича, Марией Ильиничной. Муж боярыни, Глеб Иванович Морозов был также представителем знатного рода и состоял в родственных связях непосредственно с семьёй Романовых. Но из опубликованных исторических исследований было также хорошо известно, что боярыня Морозова, пойдя за протопопом Аввакумом, главным противником Патриарха Никона и его реформы, отреклась от всех своих огромных богатств, надев на себя, можно сказать, власяницу.

Всё это было также хорошо известно и Сурикову. Тем не менее, его главная героиня предстала в богатой, бархатной шубе, подбитой дорогим мехом, расшитой золотом и украшенной золотыми пуговицами, чем был подчеркнут социальный статус опальной боярыни. Но уже одним этим художник лишает образ героического ореола и, как следствие, выводит боярыню, лишённую мученического венца, из сонма страстотерпцев, поскольку не за истинную веру пострадала она, но стала жертвой собственной гордыни.

Не случайно художник одевает Морозову в чёрную шубу. Дело в том, что ещё с академических времён жанр “историческая живопись” понимался достаточно широко. Сюда входили сюжеты мифологические, собственно исторические, библейские и евангельские также. По этой причине все исторические живописцы были просто обязаны знать и мифологическую, и христианскую символику. Правда, в XIX веке античная мифология, которой так увлекался XVIII век, отошла, а вместе с ней и необходимость знания этого языка. А вот христианская символика, напротив, стала всё активнее входить в художественный обиход. Этим языком иносказания, особенно в XIX веке, владели практически все русские художники, независимо от того жанра, в котором они работали.

В христианской символике каждый цвет имеет несколько значений, в том числе и чёрный. В одном случае это символ полного отречения от всего мирского, почему наши священники и, прежде всего, монахи ходят в чёрном облачении. Но есть у этого цвета и другое значение, когда он является символом одного из самых тяжких человеческих грехов — гордыни. Потому и перекрывает Суриков движение саней, потому что нет перспективы у гордыни.

Вместе с тем Сурикову очень важно показать и неоднозначность реакции народа на боярыню, проезжающую к месту заточения. Многие в картине встречают её смехом и даже с издёвкой, другие сдержанно, третьи — со страхом и отчуждением. Но есть в картине персонажи, которые, напротив, воспринимая её заточение как духовный подвиг, а потому сопереживают, сострадают ей. Юродивый, сидя прямо на снегу, открыто благословляет её двуперстным крестом. Ему вторя, нищенка, стоя на коленях, с жалостью и сочувствием провожает её взглядом. Максимилиан Волошин увидел в эмоциональном образе толпы “трагический душевный разлад”, который действительно в картине есть, но рождается он не из отчаяния людей, бессильных помочь страдальцу, как утверждал он. Драматизм суриковских образов возникает из несовместимости естественного порыва сочувствия с мыслью о духовном отступничестве, то есть грехе. Это сложное внутреннее движение человека, в душе которого и сострадание, и страх одновременно, и передал художник. Эта двойственность состояния получила наиболее сконцентрированное выражение в образе странника, выступающего здесь антиподом боярыни Морозовой.

“Выявлялась тёмная душа толпы — сильная и смиренная, верящая в непреложность человеческой справедливости, в искупительную власть земного

возмездия”, – говорил Суриков много позже в беседе с Максимилианом Волошиным, который работал тогда над монографией о его творчестве. Какое точное попадание в национальную психологию русского народа! Но как по-разному претворяет эту мысль Суриков в своей картине. Именно верой в возмездие неистово горят широко открытые глаза Морозовой, извергающей проклятия. Но здесь же – сбившиеся в кучу люди, сильные своей верой в торжество высшей справедливости, а потому даже самые острые коллизии принимающие со смирением.

Есть во всяком движении человека, “воспитанного в обычных преданиях православного мира, – писал Иван Киреевский, – даже в самые крутые переломы жизни что-то глубоко спокойное, какая-то искусственная мерность; достоинство и вместе смирение, свидетельствующее о равновесии духа, о глубине и цельности обычного самосознания”. Сурикову, родившемуся и выросшему далеко от столичных городов, в Красноярске, где вся жизнь была ещё пропитана патриархальным духом старины, были очень близки и понятны слова Киреевского “о глубине и цельности обычного самосознания”, которому противоречит несовместимое с ним состояние аффекта Морозовой. Граничащее почти с отрешённостью от жизненных реалий самим своим нарушением сложившихся веками норм “обычного самосознания”, оно усиливает в образном строе картины звучание темы смирения. В самой интерпретации этой темы художник идёт за В. Г. Перовым. Именно ему впервые в русском искусстве удалось так тонко и деликатно прикоснуться к тому, что называется тайной русской души, то есть к самому сокровенному в русском человеке – его религиозному самоотречению в терпении скорбей, что означает принятие воли Божией, смиренное несение креста своего. “Как посылаемый, он есть явление промыслительное, как принимаемый вольно и личностно, он есть явление нравственное”, – пишет один из современных богословов прот. Владимир Свешников.

Зародившись в контрапункте, развиваемая в самых неожиданных психологических ракурсах, тема смирения предельно концентрируется в образе странника. Странники на Руси не бродяги, а люди церкви, которые в своем Богоискании мир обходят стороной, то есть отрешаются от него. По сути, странники – те же монахи, но только пребывающие в миру. Бремя тяжкое, мало кому посильное и избираемое не столько по своей воле, сколько по Промыслу и в послушании. И потому странничество – это не бродяжничество, а образ жизни, который изначально предполагает нищету, но она – не самоцель, а средство смирения, так как “ничто так не смиряет, – писал Иоанн Лествичник, – как пребывание в нищете и пропитание подаянием”. Само же смирение есть не что иное, как самоотречение от собственной воли. Именно такие люди и являют собой пример нищих духом, а само странничество есть зримое воплощение духовной нищеты, вобравшей в себя, по слову Иоанна Лествичника, “недерзновенный нрав, неведомую премудрость, утаиваемую жизнь... хотение уничижения, желание тесноты, путь к Божественному вожделению, обилие любви, отречение от тщеславия, молчания глубины”.

В картине Сурикова при внешней эмоциональной сдержанности погружённый в себя человек с огромным усилием пытается успокоить свой смутившийся дух. Примечательно, что Суриков ставит странника не где-нибудь, а в точно найденном месте – прямо под иконой Игоровской Божией Матери, что венчает вход в церковь. Только горящая лампада и разделяет их. А может, наоборот, соединяет как символ веры в благодать Провидения, укрепляя нищего духом в терпении и смирении. Этим внутренним духовным разумом, освобождённым из плена страстей, и силён суриковский герой. Именно он и оказывается здесь той нравственной нормой “обычного самосознания”, тем собирательным образом смиренномудрия, который, развиваясь в изобразительном решении толпы, фронтально противопоставит гордыне Морозовой. Для обоих вера составляет смысл жизни, и оба они отринули мир. Но один в жертве разрывает связь с Богом, а другой, напротив, припадает к нему в смирении.

Смиренномудрие и гордыня – вот главные координаты художественного пространства картины.

Суриков обращается к истории не только потому, что живо интересовался ею, но и как к возможности, по его признанию, “понять настоящее”. Сама тема церковного раскола не была для него самоцелью, но той сюжетной канвой, по которой художник воссоздаёт ассоциативный образ современного ему

общества, расколотого надвое и тяжело, болезненно переживавшего этот тяжкий недуг. Взаимное отторжение сторон, “публики” и народа, усиливавшееся противостояние гордыни расцерковленного сознания “публики” и смиренномудрия религиозного сознания народа всё более усугубляло разделявшую их пропасть, неудержимо приближавшуюся к критической точке. Именно она в последнем крупном произведении художника “Посещение царевны женского монастыря” (1912) станет отправной в создании провидческого образа России в канун гибели государства.

Историческая трилогия Сурикова, созданная более ста лет тому назад, хоть и повествует о далёком прошлом страны, но она не попала в разряд ретро и тем более не стала иллюстрацией русской истории. Осмысление национальной трагедии, её религиозной природы как трагедии русского национального самосознания и определяет в конечном итоге идею всей трилогии, независимо от места и времени развернутого в ней действия. А вот образ действия каждой из её картин всякий раз программно восходил к горящей свече или лампаде. В её литургическом сиянии, ставшем символом, изначально связующим все три картины в единый образ веры, светилась Русская идея как знак спасения от “исхода из Истории”. Недаром один из современников писал о Сурикове, что в его произведениях “нет ничего, кроме высшей правды, которая открывается очам поэтов и пророков”.

Это переживание, эта внутренняя боль за страну, которая после убийства Александра II жила в ожидании какой-то страшной, чудовищной и неотвратимой катастрофы, необычайно остро ощутима и в его автопортретах, особенно в поздних. Следуя традиции психологического портрета, рождённого искусством В. Г. Перова, Суриков всегда стремится передать то внутреннее состояние, что вызывают у него размышления по поводу своего Времени, большого, духовно неустроенного, взрывного.

В одном из его автопортретов 1913 года из собрания Государственной Третьяковской галереи, в сгущающейся, тревожной темноте фона высвечивается лицо художника, собирая, фокусируя на себе наше внимание. Небольшой белый воротничок рельефно подчёркивает лицо, как бы отсекая всё суетное, повседневное, житейское. Взгляд собранный, сосредоточенный и в то же время, кажется, несколько отстранённый, словно смотрит на нас художник не из своего времени, а из той дали, что измеряется историческим масштабом и зовётся вечностью. В самом взгляде художника удивительным образом “читается” его потаённое знание о ближайшем трагическом будущем России. В этом смысле Суриков оказывается близок иконописцу, раскрывающему в иконе сакральный смысл замысла Божьего о мире, о котором уже всё известно: и прошлое, и настоящее, и будущее. Портрет как бы исполнен раздумий художника о надвигающейся катастрофе и в то же время согрет прочувствованным, сердечным состраданием к её жертвам. В глубоком взгляде умных, с драматическим отблеском, глаз, обращённых к нам, нет осуждения, нет приговора, как нет взволнованности, а тем более экспрессии. Но есть покой и сдержанность, какая-то непростая, “нездешняя” тишина, “молчания глубины”. Недаром один из современников писал о Сурикове, что в его произведениях “нет ничего, кроме высшей правды, которая открывается очам поэтов и пророков”.

СМЕРДЯКОВ ПОУЧАЕТ

С. Морозов как лицо “Литроссии”

“Литроссия” объявила войну “Нашему современнику”. Выстрелы трещат. Бьют изо всех калибров. Тут и полемические заметки Д. Чёрного “Чей современник?” (№ 1, 2016), и критическая статья С. Морозова “Дедушкина литература” (№ 5, 2016), и старый, хотя и недобрый донос А. Байгушева “Самое проверенное средство борьбы с коррупцией” (№ 4, 2016).

Конечно, можно внимания не обращать. По принципу: “... лает, а караван идёт”. “Наш современник” — единственный из толстых литературных журналов, практически не потерявший подписчиков в 2016 году. Тираж “Нашего современника” превосходит тиражи ближайших конкурентов — “Нового мира” и “Знамени” вместе взятых.

Победитель может позволить себе великодушие. Да и как спорить с путаными рассуждениями Александра Байгушева, перескакивающего с пятое на десятое? Внятным у него вышло только донесение по начальству. Вот что значит сусловская школа — возрастная сумятица в голове, а формулировки политических обвинений помнит: “Они хуже любой “пятой колонны”; “ловко прикрываются маской”; “лукаво stalkивают доверчивый простой русский народ с государственной, насквозь русской властью”. О ком это? Да обо мне, грешном, вместе с главным редактором “Нашего современника” Станиславом Куняевым. “Для сохранности и целостности нашего государства выдающие себя за ура-патриотов Куняев и Казинцев гораздо опаснее открытого хама и “поджигателя” Навального”.

Во времена байгушевской юности после таких обвинений подъезжал воронок и жертвы доноса надолго, а то и навсегда выпадали из нормальной жизни. К счастью, сейчас иная эпоха. Вздорные наветы могут разве насмешить.

Не стану ссылаться на то, что в течение десятилетий “Наш современник” служит школой действенного патриотизма. Что именно на наших страницах были сформулированы идеи, которые впоследствии легли в основу нового внешнеполитического курса страны. Задам А. Байгушеву один отрезвляющий вопрос: если бы мы с Куняевым были “бунтовщиками похуже Навального”, какими он нас изображает, разве отдал бы в “Наш современник” свои произведения Дмитрий Рогозин, Сергей Глазьев, Александр Проханов?

Чтобы исключить двусмысленность, уточню: поддерживая патриотическую идеологию Путина, мы, в отличие от “Литроссии”, не опускаемся до подхалимажа. Поддерживаем державный разворот, но критикуем за медлительность, не соответствующую драматизму ситуации, за упущенные возможности развития, опрометчивые реформы науки, образования, медицины, за коррупцию и рост имущественного неравенства, грозящий социальным взрывом. Нам не всё равно, что станет с нашей страной.

Думаю, сказанного достаточно, чтобы прекратить бесплодный спор.

Если политическая клевета заслуживает презрения, то атака на нашу молодёжь требует серьёзного ответа. “Самолёт легче всего сбить на взлёте”, — это я ещё Захару Прилепину в самом начале его карьеры говорил. Творчество новичков недостаточно известно читателям. В таких случаях публика склон-

на доверять суждению критика, полагаясь на его квалификацию и добросовестность.

Сергей Морозов, автор статьи “Дедушкина литература”, выбрал тон безапелляционный и пренебрежительный. “Листая (здесь и далее разрядка моя. – А. К.) журнал “Наш современник”, я задумался”; “оказывается, есть и новая поросль”. И уже о самой “поросли”: “Некое подобие мысли”. Это о прозе двух Андреев – Антипина и Тимофеева, ведущих писателей нового поколения. Они высоко оценены критикой, отмечены премиями литературных конкурсов. Но даже если бы были безвестными дебютантами, так нельзя отзываться о пишущих, тем более о молодых.

“...Произведения Антипина воспринимаются этнографически, будто рассказы о папуасах”. Можно подумать – это столичный сноб брезгливо, одним пальчиком перелистывает страницы произведений молодого писателя из таёжной деревни, отстоящей от Иркутска на тысячу с лишком километров. Но нет, Сергей Морозов – сам провинциал, выпускник Новокузнецкого пединститута, работал сельским учителем. Погуглив, читаю: “Преподавал в государственных и негосударственных вузах философию, социологию, политологию, педагогическую антропологию”. Мастер на все руки. Лишь до литературы (это к вопросу о квалификации) они не дошли. Точнее, дотянулись только теперь, когда Морозов стал публиковаться в столичных газетах. Хотя и сейчас он пишет в основном обзоры телепередач, призывая “правильно расставлять акценты” в телевизионной пропаганде (“ЛГ”, № 39, 2015).

Не возьму в толк, с чего это г-н Морозов отзывается о деревенских жителях – героях Андрея Антипина, как о “папуасах”. Фраза отвратительная, кто бы её ни произнёс. Но если в устах высоколобого москвича, такого гражданина мира, её можно было бы понять (но не принять!), то в речи сельского учителя, пусть и бывшего, она звучит ещё и глуповато. Как бы столичные интеллектуалы, с которыми Сергей Борисович пытается быть на равной ноге, его самого не сочли “папуасом”.

Хотя зачем же так неполиткорректно? Чтобы не выходить из круга литературных ассоциаций, напомяну фамилию – Смердяков. Г-н Морозов – классический Смердяков. Соотечественники, на его “просвещённый” взгляд, недочеловеки. Обычно сочувствующий своим героям, Достоевский Смердякова показательно отторгает.

В нашем случае Смердяков взялся поучать молодых писателей. На соответствующем его квалификации уровне. Он сурово отчитывает Антипина: “Ничего о личной, человеческой трагедии, которой хлестануть можно читателя основательнее”. Какой литературоведческий изыск: “хлестануть”! Впрочем, изысками г-н Морозов не балует. В основном банальные зубодробительные обвинения: “безыдейный”, “никакой глубокой идеи”, “безыдейность, бессодержательность”. В качестве идеала, к которому подталкивает молодых, – “душещипательная история”.

А каков стиль: “Любовь как явление жизненное и практическое”; “проблема столкновения надлежащих высоких стремлений и прозы жизни”. Это уже о героях Андрея Тимофеева. О них же: “Человек... “стукнутый верой”.

Вера почему-то особенно тревожит Морозова. “Старческое православие”; “ей (настоящей литературе. – А. К.) тесно в рамках... сковывающего этикета, деревенского национализма (так! хотя у Антипина и Тимофеева о национализме ни слова. – А. К.), в полутьме церкви, в духоте ладана”.

Тут бы и поймать Сергея Борисовича на слове: известно, кто задыхается от ладана! Нет, много чести. Тот, другой, с которым беседовал Иван Карамазов, умён. А этот именно что Смердяков, пародия на искусствителя.

Ну, разве не пародийно ключевое обвинение, с которого Морозов начинает статью: “Деревня и вера – две главные темы для писателя-патриота”. И которым статью завершает: “Их книги (молодых авторов “Нашего современника”. – А. К.) вполне во вкусе стариков, цепляющихся за разваливающуюся деревню и застывшую, душную, боящуюся свежести и порывов дерзкого ветра новой истории Церковь. Это дедушкина литература”.

Будь г-н Морозов поначитаннее, он бы знал, что “деревня и вера” – две великие темы мировой литературы, начиная с Гомера и Вергилия (“Георгики” – в переводе “земледельческие” стихи). И русской классики – поздняя лирика А. Пушкина, “Записки охотника” И. Тургенева, деревенские главы “Анны Карениной” Л. Толстого, где гениальные картины природы соседствуют с опи-

санием напряжённых поисков веры Константина Левина. А если говорить о литературе наших дней, следовало бы вспомнить, что Нобелевские лауреаты последних лет – Элис Манро из Канады и китаец Мо Янь – пишут о деревне.

Теперь о добросовестности. Г-н Морозов говорит о двух прозаиках – Антипине и Тимофееве, а зачёркивает всю новую литературу “Нашего современника”. Между тем только в 10-м – “молодёжном” – номере за 2015 год опубликованы двенадцать молодых авторов – 6 прозаиков и 6 поэтов. От прозаиков рецензент отделяется перечислением через запятую: “Новых авторов в достатке (Анастасия Чернова, Елена Тулушева, Антон Шушарин)”. О поэтах не говорит вовсе. Не потому ли, что они не укладываются в навязываемую им схему? Как это, к примеру, стихотворение Антона Метелькова:

*Мы несли голоса, точно факелы,
пламенеющие на ветру.
А они нас смолою оплакивали
на пути к мировому костру.
Голоса наши вспыхнут песней —
сотни, тысячи голосов.
Мы уже не умрём,
а умрём — так воскреснем
и уже не умрём.
Вот и всё.*

А ведь “Наш современник” публиковал молодых не только в десятом номере, но и в первом, и в третьем за прошлый год. Куда же вы их подевали, Сергей Борисович? Не укладываются в прокрустову концепцию? Попытка подтасовать “нужный” результат не делает чести критике.

Кстати, ещё раз о добросовестности. Морозов констатирует: “Новых авторов в достатке”. А Дмитрий Чёрный в той же “Литроссии” уверяет: “Молодые авторы обходят журнал стороной”. Вы уж, господа газетчики, определитесь – есть молодёжь в “Нашем современнике” или нет. Или вам всё равно, за что критиковать, лишь бы садить по журналу?

Морозов представляет дело так, будто молодые специально подлаживаются под вкусы “дедушек” из “Нашего современника”, чтобы напечататься. Отсюда – “дедушкина литература”. Собственно, на этом да на обличении “деревни и веры” и держится обвинение.

А давайте посмотрим, где публикуется наша молодёжь по мимо “НС”. Сразу станет ясно, так ли уж необходимо им подделываться под чьи-либо вкусы. Андрей Антипин – автор “Юности”, “Литературной газеты”, журнала “Москва”. Андрей Тимофеев печатается в “Новом мире”, “Октябре”, “Литгазете”. Елена Тулушева публикуется не только в московских и питерских изданиях, но и за рубежом – в журналах “Литературный европеец”, “Таллинн” и других. Её рассказы переведены на китайский, арабский, болгарский, белорусский, сербский. Переводят и Тимофеева с Антипиным. Вот какой глобальный спрос на “дедушкину литературу”!

Морозов не назвал ещё одного имени – Платон Беседин. И ясно, почему: Платон, несмотря на молодость, известная медийная фигура. Свой человек на телевидении. Колумнист газет “Известия” и “Комсомольская правда”. Ярлык “стариковского” подпевалы к нему не пристанет.

Важный момент: и Беседин, и Тулушева пишут о современном городе, затрагивая самые актуальные болезненные проблемы. Обвинения в патриархальности отскакивают от них, как шарики для пинг-понга. Да и Тимофеев, если взглянуть объективно, изображает то, что знает лучше всего: студенческую жизнь. Его герои действительно ищут веры. Но не “сухой и отвлечённой церковной теории”, а живого чувства Бога, без которого человеку неуютно в нынешнем, лишённом духовной теплоты мире.

Что же имеем в реальности? Молодых авторов, широко публикующихся в престижных изданиях и столь же широко отображающих современную жизнь.

Да, “Наш современник” печатает их чаще, чем другие. Но разве это можно поставить в упрёк? Это же здорово, что журнал, когда-то приобретший известность благодаря публикациям начинавших свой путь Валентина Распутина и Василия Белова, щедро предоставляет слово новым авторам.

Талантливым? Обратимся к конкретике. К оценкам профессионалов и к самим художественным текстам. Отрывок из рассказа Андрея Антипина я приберегу к финалу, а пока выразительная деталь: на завершившемся недавно представительном конкурсе “Справедливая Россия” три премии получили авторы “Нашего современника”: Андрей Тимофеев, Платон Беседин и Елена Тулушева.

Ещё штрих – на Первом форуме молодых писателей России и Китая в Шанхае, куда отбирали кандидатов со всей страны, из 16 российских участников 5 представляли “Наш современник”.

Закончив о молодых, скажу несколько слов о журнале. Является ли “Наш современник” органом “дедушкиной литературы”? Обилие новых имён отчасти отвечает на этот вопрос. А разве отнесёшь к старикам сорокалетних Захара Прилепина, Сергея Шаргунова, Романа Сенчина, публикующих на наших страницах свои лучшие произведения?

“Наш современник” – образец плодотворного сплава молодости и зрелости. Журнал пяти поколений писателей. Уникальный синтез привлекает читателей, что позволяет “Нашему современнику” из года в год держать первое место по подписке. Это и бесит наших недругов.

Нападки со стороны либеральной прессы захлебнулись. Ничего не дали. Видимо, теперь решили зайти с другой стороны. Ударить в спину с “патриотических” якобы позиций. Этим и объясняется воинственный раж “Литературной России”. Однако ненависть к русской деревне и к Православию ясно показывает, чья рука наносит удар.

А теперь цитата из рассказа “Смола” Андрея Антипина. Десятый – молодёжный – номер “Нашего современника” за 2015 год.

Нам говорят “папуасы”, а вот как пишет о соотечественниках наш молодой автор: “И ты стоишь, как будто из зимнего ручья попил, и с захлёбывающимся, перебивающим самого себя восторгом постигаешь, что нет и не будет завершения этому народу, который поёт и плачет, и скачет через палочку на краю, но умеет остановиться и опануть такой искренней, нерастраченной красотой, какую ты и не подозревал в русском человеке и какая милосердно дарует тебе веру в его нравственное бессмертие, несмотря на всё, что ждёт его впереди”.

Александр КАЗИНЦЕВ